

ТРУДЫ КАФЕДРЫ
ИСТОРИИ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА

ТОМ
II

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА

Издается с 2006 г.

Том II

**«В КРАТКИХ СЛОВЕСАХ
МНОГОЙ РАЗУМ
ЗАМЫКАЮЩЕ...»:**

*Сборник научных трудов в честь 75-летия
профессора Руслана Григорьевича Скрынникова*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ББК 63.3(2)

В11

Редакционная коллегия: д-р ист. наук А. Ю. Дворниченко (отв. ред.), д-р ист. наук Ю. Г. Алексеев (зам. отв. ред.), д-р ист. наук М. Ф. Флоринский (зам. отв. ред.), д-р ист. наук В. К. Зиборов, д-р ист. наук А. В. Петров, д-р ист. наук П. А. Кротов, д-р ист. наук И. Б. Митайлова, канд. ист. наук А. И. Филюшкин (отв. секр.)

Приглашенный редактор выпуска В. Г. Ананьев

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
исторического факультета
С.-Петербургского государственного университета*

В11 «В кратких словесах многой разум замыкающе...»
/ Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 450 с. (Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Т. II.)

ISBN 978-5-288-04629-2

Второй выпуск ТКИР посвящен 75-летию юбилею известного историка, профессора кафедры истории России с древнейших времен до XX в. Руслана Григорьевича Скрынникова. Он включает в себя работы учеников, труды коллег Р. Г. Скрынникова, а также статьи, посвященные его жизни и творчеству, и библиографический указатель научных работ ученого.

Для всех интересующихся историей России.

ББК 63.3(2)

© Авторы статей, 2007
© Исторический факультет С.-Петербургского университета, 2007

ISBN 978-5-288-04629-2

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..

Ранняя

... ..

ПРОФЕССОР

ФАКУЛЬТЕТА ТЕОРИИ ЯЗЫКОВ

СЕРБИИ

1911

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

И. О. Тюменцев, В. Г. Ананьев

«Россия его материк»: к 75-летию Руслана Григорьевича Скрынникова

Настоящий сборник научных статей — скромный подарок от коллег и учеников выдающемуся русскому историку, доктору исторических наук, профессору Руслану Григорьевичу Скрынникову, которому 8 января 2006 г. исполнилось 75 лет. Имя его хорошо известно не только специалистам по русскому средневековью, но и всем любителям отечественной истории. Без ссылок на его монографии не обходится ни одна работа, посвященная политической истории Русского государства XVI — начала XVII веков, а о востребованности научно-популярных работ говорят их огромные тиражи.

Путь в науку Руслана Григорьевича не был прямым. Отец будущего историка, Григорий Иванович Скрынников, работал инженером-гидротехником на строительстве Рионской ГЭС (в Грузии), мать — Серафима Александровна — преподавала химию в средней школе. Занятия родителей определили отроческие и юношеские увлечения Руслана Григорьевича. Он с детства мечтал о профессии физика. Однако случайный визит на Менделеевскую линию, дом 5 в Ленинграде круто изменил первоначальные планы.

В 1948 г. Руслан Григорьевич поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, где сразу же стал специализироваться по истории средневековой России. Большой удачей было то, что он слушал курсы лекций профессоров Д. С. Лихачева, Б. А. Романова, С. Н. Валка и работал в их специальных семинарах. Уже здесь были заложены основы научного метода ученого, характерного для так называемой «петербургской исторической школы». Основные принципы ее сформулированы были почти сто лет назад учителем Б. А. Романова, проф.

А. Е. Прокляковым: это — «научный реализм, складывавшийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». «Восстановление прав источника и факта» — вот основная задача историка. Отсюда и стала любимкой самим Русланом Григорьевичем сравнение историка с молочным телятником.

Затем была аспирантура при кафедре истории СССР Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, работа в главной редакции Морского атласа при Главном штабе Военно-Морского Флота и успешно защищенная в 1955 г. кандидатская диссертация «Экономическое развитие повгородского поместья в конце XV—XVI вв.». Эти ранние исследования в дальнейшем помогут автору в выяснении сущности процессов, протекавших в Русском государстве накануне Смутного времени, а также в формировании целостной картины русской истории с древнейших времен до петровских преобразований.

В кандидатской диссертации и первых научных статьях четко проявилась особенность творческого стиля Р. Г. Скрынникова. В них путем скрупулезного анализа писцовых книг ученый раскрыл экономическую историю повгородского поместья, выявил основные тенденции его развития в конце XV—XVI вв.

В 1960 г. Р. Г. Скрынников был приглашен преподавателем на кафедру истории СССР ЛГУ им. А. И. Герцена, где преподавательскую деятельность успешно сочетал с научными размышлениями. Главным предметом его исследований в тот период стала опричнина Ивана Грозного. Первой крупной удачей историка явилась находка в писцовых книгах Казанского края данных о семье примерно сотни княжеских семей на восточную окраину государства в первый год опричнины. Выяснилось, что опричнина была учреждена Иваном Грозным с целью сокращения могущества княжеской аристократии, а Казанская ссылка должна была способствовать осуществлению планов царя Ивана.

Вскоре внимательно исследователя привлек список ордальных Ивана Грозного. В конце жизни Иван IV объявлял о прощении всех казненных им бояр и прочих лиц и пожертвовал на помин их душ огромные суммы. Перечни казненных были разосланы в десятки монастырей в качестве номинальных списков, или синодиков. Со времен Н. М. Карамзина историки часто обращались к синодикам, но их использование затруднялось тем, что не сокращались подлинники. Судить о содержании документов можно было лишь

по поздним, до неузнаваемости искаженным монастырским копиям. Известный русский историк С. Б. Веселовский первым высказал предположение, что дьяки составили приказной список казненных на основе подлинных документов опричного архива. Он пришел к выводу, что синодик заключает в себе неполный перечень опальных, который был составлен в спешке задним числом по разным источникам без учета порядка событий.¹

Р. Г. Скрынников поставил перед собой задачу реконструировать, путем текстологического анализа, утраченный оригинал царского синодика. Главная трудность заключалась в том, что поздние монастырские копии очень мало походили друг на друга. В обителях были утеряны различные страницы синодика, а уцелевшие были перемешаны самым причудливым образом. К тому же монахи в ходе переписки произвольно сокращали текст протографа, исключали незнакомые имена и пр. Ключ к реконструкции синодика дало несложное текстуальное наблюдение: оказалось, что опальные с необычным именем записаны в разных списках в окружении одних и тех же лиц.

Последующая работа позволила установить, что совпадавшие куски текста являются осколками оригинала. Понадобилось немало времени, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных ранее и вновь выявленных списках синодика. Самым важным оказался вопрос, в каком порядке располагались выявленные «осколки» в протографе. Решить задачу помог синодик Нижегородского Печерского монастыря — единственный полный список памятника, составленный еще при жизни Грозного. Ему не придавали значения потому, что там были записаны одни имена (без фамилий).

Сопоставление перечня имен Печерского синодика с выявленными в других списках фрагментами протографа позволило завершить реконструкцию первоначального текста. Удалось расшифровать фамилии всех опальных (кроме трех лиц), а также установить множество сведений о месте и обстоятельствах их гибели. Проверка данных обнаружила, что содержащийся в синодике полный хронологический перечень всех казненных за три года террора (1567–1570 гг.) был составлен царскими дьяками по материалам погибшего опричного архива, который заключал в себе дела основных су-

---

¹ *Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 345.*

А. Е. Пресняковым: это — «научный реализм, сказывавшийся прежде всего в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту вне зависимости от историографической традиции». «Восстановление прав источника и факта» — вот основная задача историка. Отсюда и столь любимое самим Русланом Григорьевичем сравнение историка с мелочным торговцем.

Затем была аспирантура при кафедре истории СССР Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, работа в главной редакции Морского атласа при Главном штабе Военно-Морского Флота и успешно защищенная в 1958 г. кандидатская диссертация «Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV–XVI вв.». Эти ранние исследования в дальнейшем помогут автору в уяснении сущности процессов, протекавших в Русском государстве накануне Смутного времени, а также в формировании целостной концепции русской истории с древнейших времен до петровских преобразований.

В кандидатской диссертации и первых научных статьях четко проявились особенности творческого стиля Р. Г. Скрынникова. В них путем скрупулезного анализа писцовых книг ученый раскрыл экономическую историю новгородского поместья, выявил основные тенденции его развития в конце XV–XVI вв.

В 1960 г. Р. Г. Скрынников был приглашен преподавателем на кафедру истории СССР ЛГПИ им. А. И. Герцена, где преподавательскую деятельность успешно сочетал с научными разысканиями. Главным предметом его исследований в тот период стала опричнина Ивана Грозного. Первой крупной удачей историка явилась находка в писцовых книгах Казанского края данных о ссылке примерно сотни княжеских семей на восточную окраину государства в первый год опричнины. Выяснилось, что опричнина была учреждена Иваном Грозным с целью сокрушить могущество княжеской аристократии, а Казанская ссылка должна была способствовать осуществлению планов царя Ивана.

Вскоре внимание исследователя привлек синодик опальных Ивана Грозного. В конце жизни Иван IV объявил о прощении всех казненных им бояр и прочих лиц и пожертвовал на помин их душ огромные суммы. Перечни казненных были разосланы в десятки монастырей в качестве поминальных списков, или синодиков. Со времен Н. М. Карамзина историки охотно обращались к синодикам, но их использование затруднялось тем, что не сохранились подлинники. Судить о содержании документов можно было лишь

по поздним, до неузнаваемости искаженным монастырским копиям. Известный русский историк С. Б. Веселовский первым высказал предположение, что дьяки составили приказной список казненных на основе подлинных документов опричного архива. Он пришел к выводу, что синодик включает в себе неполный перечень опальных, который был составлен в спешке задним числом по разным источникам без учета порядка событий.¹

Р. Г. Скрынников поставил перед собой задачу реконструировать, путем текстологического анализа, утраченный оригинал царского синодика. Главная трудность заключалась в том, что поздние монастырские копии очень мало походили друг на друга. В обителях были утеряны различные страницы синодика, а уцелевшие были перемешаны самым причудливым образом. К тому же монахи в ходе переписки произвольно сокращали текст протографа, исключали незнакомые имена и пр. Ключ к реконструкции синодика дало несложное текстуальное наблюдение: оказалось, что опальные с необычным именем записаны в разных списках в окружении одних и тех же лиц.

Последующая работа позволила установить, что совпадавшие куски текста являются осколками оригинала. Понадобилось немало времени, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных ранее и вновь выявленных списках синодика. Самым важным оказался вопрос, в каком порядке располагались выявленные «осколки» в протографе. Решить задачу помог синодик Нижегородского Печерского монастыря — единственный полный список памятника, составленный еще при жизни Грозного. Ему не придавали значения потому, что там были записаны одни имена (без фамилий).

Сопоставление перечня имен Печерского синодика с выявленными в других списках фрагментами протографа позволило завершить реконструкцию первоначального текста. Удалось расшифровать фамилии всех опальных (кроме трех лиц), а также установить множество сведений о месте и обстоятельствах их гибели. Проверка давних обнаружила, что содержащийся в синодике полный хронологический перечень всех казненных за три года террора (1567–1570 гг.) был составлен царскими дьяками по материалам погибшего опричного архива, который заключал в себе дела основных су-

---

¹ Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 345.

дебных процессов того времени. Составители синодика старательно законспектировали документацию этих процессов, сохранив язык опричных судебных отчетов, цифровые данные и пр. Восстановление оригинала синодика явилось не только одним из немногих признанных удачными опытов научных реконструкций казалось бы утраченного источника,² но и помогло решить важную источниковедческую задачу — воскресить опричный архив, погибший после смерти Грозного.

Сделанное Русланом Григорьевичем открытие позволило полностью пересмотреть концепцию политического развития России XVI в. и доказать, что опричнина никогда не была цельной политикой с едиными принципами. На первом этапе опричнина обрушила удар на княжескую знать, но эту направленность она сохраняла на протяжении всего лишь одного года. В 1567–1572 гг. Грозный подверг террору новгородское дворянство, верхи приказной бюрократии, горожан, т. е. те слои, которые составляли опору монархии. В этот период террор был политической бессмыслицей.

Свои наблюдения и выводы Р. Г. Скрынников изложил в цикле монографий («Начало опричнины». Л., 1966; «Опричный террор». Л., 1969; «Россия после опричнины». Л., 1975. Общий объем 64,6 п.л.). В 1967 г. он с успехом защитил докторскую диссертацию «Опричнина Ивана Грозного», став самым молодым доктором исторических наук в СССР.

В 1973 г. профессор Р. Г. Скрынников был приглашен на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Продолжая исследование эпохи Ивана Грозного, ученый вступил в полемику с профессором Э. Кинаном из Гарвардского университета. Американский историк выступил с тезисом о подложности переписки Грозного и Курбского. Проведенный Р. Г. Скрынниковым анализ обнаружил исходную ошибку в текстологическом построении Кинана и убедительно опроверг выдвинутую оппонентом гипотезу. Э. Кинан предложил следующую схему формирования Переписки царя и беглого князя. В первой половине 20-х годов XVII в. кн. С. И. Шаховской написал письмо царю Михаилу Федоровичу с жалобой о преследованиях. При составлении письма он использовал ряд источников, в частности, «Плач» украинского монаха Исаяи (1566 г.) и предисловие «К читателю» кн. И. А. Хворостинина

---

² Буганов В. И. К изучению синодика опальных царя Ивана Грозного 1583 г. // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 146–147.

(1620 г.). Вскоре царь вернул Шаховскому милость. Последний же, испугавшись, что неотправленное письмо может его скомпрометировать, снабдил текст постскриптумом и заголовком и приписал авторство кн. А. Курбскому. Спустя некоторое время кто-то из друзей Шаховского (или же он сам) написал ответ на это письмо и т. д. Таким образом и появился на свет знаменитый цикл Переписки.

Опираясь на методы текстологии, разработанные Д. С. Лихачевым, и проведя серьезные архивные разыскания среди рукописей, сохранивших переписку Ивана Грозного с кн. Курбским, Руслан Григорьевич убедительно опроверг ту классификацию, которую предложил американский исследователь. Э. Кинан отметил текстологические совпадения в Первом послании Курбского и текстах монаха Исаяи, датировав одно из них — «Жалобу» — 1566 г. Отсюда им был сделан вполне логичный вывод о том, что текст 1566 г. никак не мог стать источником написанного в 1564 г. Послания, в то время как текстологический анализ убедительно показывает, что именно текст монаха должен быть первичным по отношению к тексту беглого боярина. Американский историк в своих построениях использовал лишь опубликованные источники. Анализ же архивных материалов позволил Руслану Григорьевичу убедительно показать, что ранее считавшиеся тремя самостоятельными текстами фрагменты, принадлежащие перу Исаяи, являются частями единого целого, и датировать их следует второй половиной 1562 г. Так был опровергнут главный аргумент сенсационной концепции гарвардского исследователя.

Дискуссия об аутентичности переписки Грозного продолжалась около десяти лет. В ней приняли участие ученые из ведущих университетов США, Англии, Германии, Польши, Японии, Канады, Венгрии. В конце 70-х гг. один из учителей Э. Кинана, профессор Оксфордского университета Д. Фенвелл, признал в своей рецензии на книгу Скрынникова невероятным, «чтобы кто-нибудь, внимательно изучивший труд Р. Г. Скрынникова, мог стать теперь сторонником гипотезы Э. Кинана».

Слависты Западной Германии посвятили дискуссии специальный выпуск «Ежегодника по истории Восточной Европы» (Т. 22. 1974). В этом выпуске А. Каппелер признал, что советская реакция на «еретический вызов» Э. Кинана подорвала построения американского исследователя. Споры об аутентичности переписки Ивана Грозного явились одной из крупнейших мировых научных дискуссий последних десятилетий, которая привлекла пристальное вни-

мание научного мира к далеким для Запада сюжетам русской истории XVI века. Имя Руслана Григорьевича стало широко известно в научных кругах как в СССР, так и за рубежом. Цикл исследований Р. Г. Скрынникова по истории опричнины был отмечен Первой университетской премией за 1978 год.

Продолжая разрабатывать историю царствования Ивана Грозного, Р. Г. Скрынников обратился к изучению проблемы присоединения Сибири к России (Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982 (2-е изд. — 1986). Критически проанализировав тексты сибирских летописей, историк сделал важное открытие. Он обнаружил, что автор одной из летописей использовал в своей работе документы архива казаков-ермаковцев, значительные фрагменты которых исследователь смог выделить путем текстологического анализа. В результате в его распоряжении оказались считавшиеся утраченными многие данные архива казаков-ермаковцев. Дальнейший анализ сохранившихся документальных материалов показал, что сибирский поход Ермака имел место не в 1580–1581, а в 1582 г. Отвергнув представление о двухлетнем кровавом походе казаков из Приуралья на Иртыш, Р. Г. Скрынников пришел к выводу, что отряду на подвижных стругах понадобилось два месяца, чтобы пройти 1200 верст вниз по течению сибирских рек. Кучум не имел сил оборонять свою столицу, так как его войска были заняты грабежом строгановских земель на Каме. Поход завершился обращением отряда вольных казаков за помощью к царю в Москву.

Итоги многолетних исследований царствования Ивана Грозного Р. Г. Скрынников подвел в большой монографии «Царство террора» (СПб., 1992), в которой концепция опричнины развита и подкреплена новыми материалами.

В 80-х годах XX в. круг научных интересов Р. Г. Скрынникова значительно расширился. Предметами его исследования наряду с эпохой Ивана Грозного стали основные события правления, а затем царствования Бориса Годунова, Смутное время. В цикле монографий («Россия накануне Смутного времени». Москва, 1980 (2-е изд. — 1985); «Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в.». Л., 1985; «Россия в начале XVII в.: Смута». М., 1988; «Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников». Л., 1988) и статей историк подверг критике общепринятую в историографии схему, согласно которой Иван Грозный учредил крепостной строй отменой Юрьева дня в 1581 году, а ответом на закрепощение явилась первая крестьянская война начала

XVII в. Гипотетический указ об отмене Юрьева дня 1581 г., по мнению Р. Г. Скрынникова, никогда не издавался. Нормы заповедей появились в годы правления Бориса Годунова и распространились на тяглое население города и деревни поначалу как меры временные, имевшие узкофинансовые цели: в обстановке разрухи власти пытались обеспечить сбор податей с городского и сельского населения. В городе эти меры из-за городских восстаний XVI–XVII вв. не привились. В деревне дворянство, оценив выгоды крепостного строя, смогло добиться от Бориса Годунова издания в 1597 г. указа «Об урочных летах» — первого законодательного акта, положившего начало юридическому оформлению крепостного права.

Анализируя лихолетье начала XVII столетия, Р. Г. Скрынников выдвинул серьезные аргументы, подрывающие принятую в советской научной литературе трактовку событий того времени как первой крестьянской войны в России. Он пришел к выводу, что главной причиной Смуты был раскол российского дворянства, подготовленный опричниной и террором Грозного. Историк охарактеризовал ее как первую гражданскую войну в России.³

Одновременно с изучением русской истории после смерти Ивана Грозного Р. Г. Скрынников обратился к некоторым сюжетам предшествующих его царствованию времен («Куликовская битва: Проблемы изучения» // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. М., 1983; «Где и когда было составлено “Сказание о Мамаевом побоище”?» // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987; «Третий Рим». СПб., 1994). Плодотворное изучение событий русской истории середины XVI — начала XVII вв. позволило вернуться к начатым еще в начале исследовательского пути работкам проблем зарождения поместной системы в России («Трагедия Новгорода». М., 1994). Р. Г. Скрынников пришел к заключению, что присоединение Новгорода к Москве вопреки сложившимся представлениям в действительности было жестоким завоеванием, уничтожившим древнюю политическую культуру Новгорода с его вечевыми традициями. Поздние тенденциозные сообщения официальных московских летописей о наделении высланных новгородцев поместьями в Московской земле не соответствуют действительности.

³ Дэннинг Ч. Была ли в России в начале XVII в. крестьянская война? // ВИ. 1994. № 9. С. 21–33.

В конце 80-х годов Р. Г. Скрынников написал несколько крупных работ, посвященных отношениям государства и церкви в России IX–XVII вв. («Митрополит Алексей и Сергей Радонежский». М., 1990; «Святители и власти». Л., 1990; «Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви». Новосибирск, 1991). Они явились первыми с дореволюционного времени исследовательскими курсами по истории семи начальных веков Русской церкви. Историк удалось актуализировать широкий спектр проблем и сделать ряд интересных наблюдений относительно распространения христианства в Древней Руси, роли митрополита Алексея и Сергея Радонежского в судьбоносных для России событиях второй половины XIV столетия. Ученый установил, что первые попытки провести секуляризацию церковных земель были предприняты еще Иваном III на рубеже XV–XVI вв. и т. д. Итогом многолетних исследований стала недавно вышедшая в свет монография «Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX–XVII вв.» (СПб., 2000).

Второй цикл исследований Р. Г. Скрынникова по истории средневековой России был удостоен Первой университетской премии за 1995 год.

Многолетние научные исследования, разработка и чтение курса лекций по древней и средневековой истории России помогли Р. Г. Скрынникову создать оригинальные учебные пособия: «История Российская. X–XVII вв.» (М., 1997) и «Русь IX–XVII вв.» (М., 1999). Они стали итогом многолетних раздумий автора над историческими судьбами нашей Родины. Первая из работ в новой, дополненной и исправленной редакции была переиздана к юбилею автора издательством Санкт-Петербургского государственного университета в 2006 г.

Критическое переосмысление источников, и в первую очередь «Повести временных лет», комплексный анализ всей совокупности дошедших до нас сведений о начальной истории Руси позволил Р. Г. Скрынникову нарисовать яркую картину эволюции Древнерусского государства и предложить оригинальную трактовку событий русской истории IX–XIII вв. Историк показал, что норманны, вопреки сложившимся в советской историографии представлениям, сыграли значительную роль на начальном этапе становления и развития древнерусской государственности. Киевская Русь, согласно концепции Р. Г. Скрынникова, по своему типу ничем не отличалась от раннесредневековых западноевропейских монархий. Имен-

но поэтому, полагает ученый, попытки некоторых современных историков найти истоки московского деспотического самодержавия в Древней Руси абсолютно несостоятельны.

Сравнивая рассказ Нестора о древнейшей истории славянских племен с сообщениями Константина Багрянородного, Руслан Григорьевич высказывает гипотезу о существовании к X в. единого племени лендзян, упоминаемого в записках императора, объединяющего в себе полян, радимичей и, вероятно, вятичей. Это объясняло роль, которую небольшое «обидимое» от соседей племя полян сыграло в истории Древней Руси, и факт отсутствия упоминаний о нем в записках византийского императора. Распад племени лендзян ускорило норманнское завоевание. Тот же факт, что описывая полюдье русов, Константин Багрянородный не пишет о посещении лендзян и вятичей, объясняется даннической зависимостью вятичей от хазар и, собственно, расположением самих русов на лендзянских территориях. Нестор же ни словом не говорит о происхождении полян от лендзян, стараясь подчеркнуть положительные отличия «киевского» племени от прочих славянских племен.

Оригинально трактуется исследователем и вопрос об основании Киева. По его мнению, малочисленное племя полян не могло основать свою столицу на границе с великой степью. Варяги свои вики основывали обычно не в пограничье, а в глубине славянских земель. А вот для хазар строительство хорошо укрепленной фактории в Среднем Поднепровье было вполне логичным. Они, однако, не придавали Киеву слишком большого значения, предпочитая древние пути в Византию, в то время как для русов он играл роль крайнего пункта на пути «в греки» и, следовательно, приобретал большой вес.

Наличие крупного скандинавского некрополя под Смоленском, в городище Гнездово, позволяет Р. Г. Скрынникову усомниться в правдивости летописного рассказа о том, что Олег пришел в Киев из Новгорода, практически не задерживаясь на Верхнем Днепре. Данный регион определяется ученым как «важнейший рубеж на пути продвижения норманнов к границам Византийской империи». Вообще, как уже говорилось выше, роль норманнского элемента в становлении и развитии Древнерусской государственности оценивается им чрезвычайно высоко. «Решающее влияние на эволюцию русского общества, — пишет он, — оказал синтез военной организации норманнов, общественных институтов славян и византийского права». Сам процесс ассимиляции норманнов в славян-

ской среде шел довольно долго, и только в XI в. новые группы скандинавов, приходившие на Русь, начали восприниматься русами как чужаки. Славянские имена первых князей — Олега и Игоря не могут служить доказательствами обратного, так как записывались значительно позже, в конце XI–XII вв., и скорее всего, были искажены летописцем. Дружина ославянилась быстрее князя: ведь князь имел право заключать династические браки, тогда как дружинникам приходилось выбирать себе жен из славянской среды. Терминология записок Константина Багрянородного и, в частности, использование им понятия «архонт» применительно к первым русским князьям позволяет предположить, что и в середине X в. на Руси еще не было ни правящей династии, ни княжеско-боярской иерархии. Упоминающееся в договорах с Византией «княжье» — не более чем калька с греческого оригинала. Таким образом, «летописные тексты договоров X в. отразили не столько реальные порядки Руси, сколько условности византийского дипломатического протокола, а кроме того, представления киевского книжника — переводчика греческих оригиналов X века».

Эти договоры «дают наглядное представление о попытках норманнов найти устойчивые формы организации власти на завоеванных славянских территориях в период, когда в Киеве не было ни великокняжеской династии, ни «боярства», опоры династии». В управлении обширной территорией, очевидно, принимали участие и представители местной славянской знати. Предполагая неизбежность заключения договора, сопутствующего заключению брака князя Владимира и царевны Анны, Руслан Григорьевич находит его следы в дошедших до нас текстах более ранних русско-греческих договоров X века: упоминание о грамотах русских послов в 944 г. наталкивается на факт отсутствия у славян в этот период письменности, а упоминание в том же договоре послов от Переяславля вступает в противоречие с тем, что основание этого города имело место значительно позже. Это, по мнению исследователя, и есть следы «Владимирова» договора, определявшего права на русский трон потомков греческой принцессы, а потому неудобного заказчикам свода начала XII века.

Новый исторический цикл, по мнению Р. Г. Скрынникова, начался в 1478 г. с завоевания Новгорода Москвой и закончился при Петре I в 1714 году. Древнее новгородское боярство обладало значительными земельными богатствами. Благодаря республиканской форме правления Новгородская земля избежала дробления. Ее пло-

щадь превосходила территорию собственно Московского княжества. Иван III, захватив Новгород Великий, не имел иного способа разрушить республиканские порядки, кроме как экспроприировать и выселить из пределов земли всех землевладельцев. Конфискация новгородских боярщин привела к тому, что государственная собственность почти мгновенно стала ведущей формой землевладения на Руси.

Образование всеобъемлющего фонда государственной земельной собственности ускорило формирование самодержавных порядков. Наделение государственными поместьями (на условиях обязательной службы) знати, дворян и детей боярских Московской земли превратило старое московское боярство в военно-служилое дворянское сословие XVI века.

Годы опричнины были временем высшего расцвета государственной собственности. Иван Грозный конфисковал родовые наследственные вотчины у многих десятков княжеских семей, принадлежавших к коренной суздальской знати, что привело к новому расширению государственного фонда земель в центральных уездах страны. Покушение на вотчинную собственность вызвало глубокое возмущение в обществе. Натолкнувшись на сопротивление боярской аристократии, Иван IV вынужден был признать крушение своей земельной политики и объявил о возврате вотчин их прежним владельцам. Итогом принудительного вторжения государства в сферу земельной собственности были политические потрясения и террор XVI в. Опричные конфискации расширили до предела фонд государственных земель и, по мнению Р. Г. Скрынникова, на столетие приостановили процесс сближения поместья с вотчиной.

Последствия террора и экспроприаций в конце концов оказались катастрофическими для страны. Крепостнические законы конца XVI в. были ничем иным, как попыткой приостановить запустение государственного фонда земель с помощью мер внеэкономического принуждения. Военно-служилая система, возникшая в конце XV—XVI вв., не могла существовать без сильной центральной власти. Однако Смута начала XVII столетия ослабила эту власть до предела. Казне приходилось тратить много усилий и средств на то, чтобы приостановить разорение земель, конфискованных в разных уездах, у разных землевладельцев. Усилия государства были безрезультатны. Новгородские земли, до того цветущие, превратились к концу XVI в. в огромный пустырь. Значительная часть государственного фонда запустела.

Государственная земельная собственность, по мнению Р. Г. Скрынникова, господствовала примерно на протяжении столетия. В XVII в. постепенно происходил процесс превращения поместья в частные владения дворян. К концу века он был близок к своему завершению. Возродить государственную собственность без террора в то время было уже невозможно. Для поддержания государственного фонда требовались огромные затраты.

Кризис московского дворянства подготовил почву для реформ начала XVIII века. Петр I создал русскую регулярную армию, что привело к упразднению дворянского поместного ополчения. По указу о единонаследии 1714 г. Петр I закрепил за дворянами поместья, приравняв их к вотчинам. Тем самым он упразднил огромный фонд государственной поместной земельной собственности. Таким образом власти избавились от расходов, связанных с необходимостью постоянно пополнять государственный фонд, не допускать выхода земли из службы, обеспечивать поместьями служилых людей и «новиков». Именно поэтому указ «О единонаследии» оказался выгодным не только дворянству, но и казне.

Принцип обязательной службы дворян, не подкрепленный государственной собственностью, уже при первых преемниках Петра стал приобретать формальный характер (запись младенцев в полки, длительные отпуска со службы и т. п.), а затем, при Екатерине II, был упразднен законодательным путем. Военно-служилое сословие окончательно превратилось в XVIII в. в благородное российское шляхетское сословие.

Ликвидация государственной земельной собственности была в действительности одной из крупнейших реформ петровского времени. Она благоприятствовала успеху преобразований начала XVIII в. и ускорила историческое развитие русского общества.

В конце 90-х годов Руслан Григорьевич увлекся разработкой истории дуэли А. С. Пушкина. Отточенное в результате многолетних трудов мастерство историка позволило ему успешно разработать казалось бы далекую от его прежних исследований тему. Монография «Дуэль Пушкина» (СПб., 1999) выдержала два издания в течение одного года, а к настоящему моменту в России вышло уже четыре издания этого труда. Книга переведена на венгерский язык, а основные положения ее в форме статей были опубликованы в нью-йоркском «Новом журнале». Опираясь на комплекс документов архива Э. Дантеса, недавно введенных в научный оборот итальянской исследовательницей С. Витале, используя всю полноту дошедших

до нас источников, Руслан Григорьевич сумел объективно переосмотреть концепции, выдвинутые его предшественниками.

Первые приближения к этой теме можно отнести еще к началу 70-х годов, когда появились статьи Руслана Григорьевича, посвященные истории рода Пушкиных и его роли в событиях начала Смуты. Через четверть века, в год двухсотлетия со дня рождения поэта, после долгих лет анализа свидетельств современников, изучения обширной пушкинианы вышла в свет и монография ученого, имя которого содержит в себе столь ясные слуху пушкинские аллюзии. «То обстоятельство, что Пушкин стоял у колыбели национальной литературы, определило особое место литературного творчества в истории русского общества, в истории России в целом. Литературоведение неизбежно оказывается тесно связанным с историческими разысканиями». ⁴ Как отметил один из рецензентов, «в книге сквозит личностное, петербургское отношение к Пушкину, если угодно, к Пушкину набережных и Летнего сада. Книга перенаселена историческими героями, но кажется, что их архивный шум умолкает, как только автор обращается непосредственно к пушкинской теме. Чем больше Скрынников говорит о Пушкине — будь то цитирование стихов или документов, пересказ тех или иных источников, — тем больше личностного, авторского обнаруживается в этом труде историка». ⁵

В настоящее время перу Р. Г. Скрынникова принадлежат более 50-ти монографий и книг, свыше сотни статей по русской истории в ведущих научных, общественно-политических и литературных журналах, многие из которых переведены в США (3 монографии), Польше (2 монографии), Германии, Венгрии, Италии, Франции, Японии и Китае. Наиболее важные результаты научных исследований изложены Р. Г. Скрынниковым в научных докладах на мировых конгрессах в Харрогейте (Англия) в 1990 году, в Варшаве в 1995 году, на международных конференциях и семинарах в Сорбонне, в университетах Венеции, Токио, Будапешта, Кракова, Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Новгорода, Гамбурга, Мюнхена, Гейдельберга, Киля, Мюнстера, Гессена и др.

Интенсивные научные разыскания помогли Р. Г. Скрынникову сделать учебную работу со студентами, аспирантами и докторанта-

⁴ Скрынников Р. Г. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. С. 4.

⁵ Замостьянов А. Неравнодушная природа // Знамя. 1999. № 8. С. 268.

ми увлекательной и плодотворной. В его семинаре сложилась своя научная школа, которая является частью Петербургской научной школы. Среди учеников Р. Г. Скрынникова четыре доктора, четырнадцать кандидатов наук, научные сотрудники, преподаватели, архивные и музейные работники. Под его руководством проходили обучение и стажировку специалисты из Венгрии, Италии, США, Германии, Польши и других стран.

Будучи профессором Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, Р. Г. Скрынников много сделал для развития исторического образования в нашей стране и за рубежом. Он неоднократно читал курсы лекций в Волгоградском, Ростовском, Новосибирском, Новгородском, Псковском, Калининградском университетах (Россия), в Днепропетровском (Украина), Вроцлавском, Краковском (Польша), Будапештском (Венгрия) университетах. В 1977 г. он был приглашен в ранге почетного профессора во Францию, но не смог воспользоваться приглашением из-за противодействия властей. В 1988 г. ученый был гостем Академии наук Великобритании. Исследователь выступал с лекциями и научными докладами в Оксфорде, Кембридже, Лондоне, Бирмингеме, Абердине. В 1991 г. читал лекции в Сорбонне, в 1994 г. — в Венецианском университете. В качестве гостя-профессора преподавал в 1994–1995 гг. в Кельнском университете.

Опираясь на материалы своих научных монографий и статей, Р. Г. Скрынников написал ряд научно-популярных работ. Наибольшую известность в нашей стране и за рубежом приобрели его книги «Иван Грозный», «Борис Годунов», «Три Лжедмитрия», «Василий Шуйский», «Михаил Романов». Первые две из них были опубликованы в советские годы необычным для издательства «Наука» тиражом — около 1 млн экземпляров. Проследить жизнь выдающихся людей прошлого буквально по минутам — таков был замысел автора в этой своеобразной «хронике царствований». И замысел этот удался. Все книги написаны живым, образным языком, и кажется, что даже сам перечень глав в них содержит свою интригу. В этом нельзя не увидеть влияния учителя Руслана Григорьевича — Б. А. Романова, и в первую очередь его блестящей работы «Люди и нравы Древней Руси».

Именно книгой Руслана Григорьевича об Иване Грозном в 2001 г. одно из крупнейших отечественных издательств «АСТ» открыло свою многотомную серию «Историческая библиотека», призванную знакомить всех любителей истории с лучшими образцами

жанра как отечественной, так и зарубежной исторической биографии. Меньше года назад в этой же серии вышла и последняя на настоящий момент работа ученого — биография первого «государя Всея Руси» Ивана III Васильевича.

В 1983 г. историк был принят в члены Союза писателей СССР. Книги, давно завоевавшие широкую читательскую аудиторию, циклы публичных лекций, прочитанные в различных аудиториях Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, выдвинули Р. Г. Скрынникова в число наиболее известных популяризаторов исторических знаний в стране и за рубежом. Он консультировал постановку трилогии А. К. Толстого в театре Комиссаржевской (режиссер Р. С. Агамирзян), оперы «Борис Годунов» Мусоргского (в авторской редакции) в Мариинском театре (режиссер Б. А. Покровский, дирижер Ю. Х. Темирканов), оперы «Псковитянка» в Мариинском театре, трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» во МХАТе (режиссер О. Н. Ефремов). Консультировал режиссера С. Ф. Бондарчука в работе над фильмом «Борис Годунов». В начале 90-х гг. историк был избран членом правления Санкт-Петербургского отделения Фонда Культуры. Одним из первых среди отечественных ученых Руслан Григорьевич стал осваивать пространства Интернета: сейчас в сети можно найти фрагменты многих его книг, рецензии на его работы и даже специально написанные для виртуальных изданий тексты.⁶

Признанием научных и общественных заслуг Руслана Григорьевича явилось присвоение ему в 1998 г. почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

В творческой лаборатории исследователя создаются новые книги, статьи, наброски. Он по-прежнему ведет семинар «Московское царство» на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета. Растет молодое поколение учеников. Глубина источниковедческого анализа и отточенность литературного стиля его работ смело позволяют назвать Руслана Григорьевича не только нашим Вергилием, но и Данте лабиринтов Средневековья.

---

⁶См., например: <http://lants.tellur.ru/history/skrynnikov> — здесь размещены фрагменты книги Р. Г. «История Российская», а также ссылки на другие Интернет-публикации.

Руслан Григорьевич Скрынников: путь в жизни и науке

Руслан Григорьевич Скрынников родился 8 января 1931 г. в городе Кутаиси, где его отец, Григорий Иванович Скрынников, строил электростанцию на реке Риони. Отец был инженером, окончил Ленинградский политехнический институт. Мама, Серафима Александровна Жукова, была школьной учительницей. После завершения строительства Рионской ГЭС семья переехала на строительство Свирской электростанции, а затем вернулась в Ленинград.

В школе любимыми предметами Руслана Григорьевича были математика и физика. Но в конце концов он поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета и закончил его в 1953 г. Учителями Скрынникова были Д. С. Лихачев и Б. А. Романов.

Руслан Григорьевич неоднократно говорил, что Д. С. Лихачев не просто его учитель, а учитель жизни. Д. С. Лихачев в то время работал над книгами по текстологии, усовершенствовал приемы критики источников — все это явилось прекрасной школой для будущего ученого.

Запомнились ему и первые занятия у Б. А. Романова, на которых профессор обратился к студентам с вопросом: «Как дошла ты до жизни такой?» Смысл вопроса раскрывает отрывок из стихотворения Н. А. Некрасова:

Беспокойная ласковость взгляда
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Все не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее и расспросим:
— Как дошла ты до жизни такой?

Профессор пытался предупредить учеников о том, что они встали на «скользкую дорожку». Наступали последние годы правления И. В. Сталина.

Б. А. Романов предложил Руслану Григорьевичу тему «Опричина Ивана Грозного». Предложение было рискованным, поскольку

царь Иван Грозный являлся любимым историческим героем Сталина. Первоначально профессор предложил ученику легкую, казалось бы, задачу: составить карту опричнины. Однако прошло несколько лет, прежде чем Руслану Григорьевичу удалось это сделать: слишком большой пласт источников надо было рассмотреть и осмыслить.

Скрынников подошел к исследованию темы с другой стороны: он решил посмотреть на предшествующие события и углубленно занялся изучением истории новгородского поместья XV–XVI веков. Эта тема стала предметом его кандидатской диссертации, защищенной в 1958 г. Но опричнина по-прежнему интересовала Руслана Григорьевича, и теперь он вплотную занялся именно той эпохой, совмещая исследования с преподаванием на историческом факультете педагогического института им. А. И. Герцена. В 1967 г. историк защитил докторскую диссертацию на тему «Опричнина Ивана Грозного». С 1973 г. и по настоящее время жизнь его неразрывно связана с Ленинградским, ныне Санкт-Петербургским государственным университетом. Руслан Григорьевич — профессор кафедры истории России (ранее — истории СССР) исторического факультета университета, заслуженный деятель науки России.

Первый цикл монографий Р. Г. Скрынникова («Начало опричнины». Л., 1966; «Опричный террор». Л., 1969; «Россия после опричнины». Л., 1975) посвящен проблеме опричнины и террора Ивана Грозного. Исследователь разыскал в архивах и ввел в научный оборот большой пласт неизвестных ранее исторических источников. Благодаря реконструкции синодика опальных царя Ивана Грозного ученый воскресил исчезнувший опричный архив. Значительное расширение источниковой базы позволило Руслану Григорьевичу полностью пересмотреть концепцию политического развития России в XVI в. и доказать, что опричнина никогда не была цельной политикой с едиными принципами. Действительно, на первом этапе опричнина обрушила удар на княжескую знать, но антикняжескую направленность она сохраняла на протяжении всего лишь одного года. В 1567–1572 гг. Грозный подверг террору новгородское дворянство, верхи приказной бюрократии, горожан, т. е. те силы, которые составляли опору монархии. В этот период, как показал ученый, террор был политической бессмыслицей. Итоги своих многолетних исследований Р. Г. Скрынников подвел в большой монографии «Царство террора» (СПб.: Наука, 1992). В моногра-

фии концепция опричнины развита и подкреплена новыми материалами.

В 1971 г. американский ученый Э. Кинан (Гарвардский университет) выступил с тезисом о подложности переписки Грозного и Курбского, посвятив этой теме специальную монографию. Р. Г. Скрынников ответил Э. Кинану, выпустив в свет в 1973 г. монографию «Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кинана». Проведя большую работу в архивах, Руслан Григорьевич обнаружил исходную ошибку в текстологическом построении американского исследователя. Дискуссия об аутентичности переписки Грозного продолжалась около десяти лет. В ней приняли участие ученые из ведущих университетов США, Англии, Германии, Польши, Японии, Канады, Венгрии. Исход дискуссии определился к концу 70-х годов. Один из учителей Э. Кинана, профессор Оксфордского университета Дж. Феннел признал основательность доводов российского историка. Дискуссия об аутентичности переписки Грозного явилась одной из крупнейших мировых научных дискуссий последних десятилетий. Труды Р. Г. Скрынникова внесли ценный вклад в разработку основного фонда исторических памятников XVI в. и в развитие источниковедения.

В то же время Р. Г. Скрынников сосредотачивает свои усилия на решении таких значительных проблем, как проблема закрепощения крестьян в конце XVI в. Историк подверг критике традиционный взгляд, согласно которому инициативу закрепощения приписывают Ивану Грозному. Руслан Григорьевич привел доказательства того, что гипотетический указ об отмене Юрьева дня 1581 г. никогда не был издан, а «заповедные годы» были введены в период правления Бориса Годунова. Нормы «заповеди» распространялись на тяглое население города и деревни, между тем горожане не имели отношения к Юрьеву дню.

Как уже говорилось выше, еще кандидатская диссертация Руслана Григорьевича была посвящена экономическому развитию новгородского поместья. К этой теме он обращался неоднократно, во многих своих трудах. История поместья имеет важнейшее значение для изучения общих закономерностей развития России. После экспроприации земель у всех новгородских бояр государственная (поместная) собственность получила преобладание над частной вотчинной собственностью. Крепостные меры призваны были спасти государственный фонд земель от полного разорения. Общепринятая историографическая схема состоит в том, что Иван Грозный

отменил Юрьев день в 1581 году, а ответом на закрепощение явилась первая крестьянская война начала XVII века. Р. Г. Скрынников издал цикл монографий («Россия накануне Смутного времени». Л., 1981 (2-е изд. Л., 1985); «Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII в.». Л., 1985; «Россия в начале XVII в. Смута». М., 1988 и др.). Его аргументы разрушили схему «классовых битв» и крестьянской войны в России в начале XVII в. Р. Г. Скрынников в своих трудах доказывает, что главной причиной Смуты был раскол российского дворянства, подготовленный опричниной и террором Грозного. Смута, согласно концепции Скрынникова, явилась первой гражданской войной в истории России.

Две монографии ученого посвящены проблеме присоединения Сибири к России. В этих работах автор убедительно показал, что сибирский поход Ермака имел место не в 1580–1581 гг., а в 1582 году. Отвергнув представление о двухлетнем кровавом походе казаков из Приуралья на Иртыш, Р. Г. Скрынников приходит к выводу, что отряду казаков на подвижных стругах понадобилось два месяца, чтобы пройти 1200 верст вниз по течению сибирских рек. Сибирский хан Кучум не имел сил оборонять свою столицу, так как его войска заняты были грабежом строгановских земель на Каме. Поход завершился обращением отряда вольных казаков за помощью к царю в Москву.

Р. Г. Скрынников подвел итоги своим многолетним исследованиям в книге «История Российская. IX–XVII вв.». Книга охватывает исторические события от эпохи Киевской Руси, период раздробленности и время Московского царства до конца XVII в. Таким образом, автор дает цельную концепцию исторического развития России в период средневековья.

Историк издал более 50 монографий, а также более 100 статей. Его книги переведены в США, Польше, Западной Германии, Италии, Венгрии, Японии и Китае.

На основании монографических исследований Р. Г. Скрынников написал ряд научно-популярных книг. Наибольшую известность в нашей стране и за рубежом приобрели книги «Иван Грозный» и «Борис Годунов», опубликованные необычным для издательства «Наука» тиражом около 1 млн экземпляров. Руслан Григорьевич является известным популяризатором исторических знаний. Его книги знакомы широкой читательской аудитории. Ученый сотрудничает не только с ведущими научными журналами, но печатает-

ся во многих общественно-политических и литературных изданиях.

В последнее десятилетие вышла в свет серия биографий, написанных Русланом Григорьевичем, включая биографии Ивана III, Ивана Грозного (дополненное издание) и Бориса Годунова, а также Лжедмитрия, Василия Шуйского и Михаила Романова.

Научные заслуги Р. Г. Скрынникова получили широкое признание. В 1988 г. он был приглашен в Англию в качестве гостя Британской академии наук. Выступал с лекциями и научными докладами в Оксфорде, Кембридже, Сорбонне, в университетах Лондона, Бирмингема, Абердина, Токио, в Мичиганском университете. В 1994–1995 гг. преподавал в Кельнском университете, в 1994 и 1996 г. читал лекции в университете Венеции. Многократно выступал с научными докладами в университетах Гамбурга, Мюнхена, Гейдельберга, Киля, Мюнстера, Гессена. Впервые был приглашен еще в 1977 г. в ранге почетного профессора во Францию, но не смог воспользоваться приглашением из-за отказа выдать визу московскими чиновниками. Прочел курсы лекций во Вроцлавском университете, в Краковском и Будапештском университетах, в 1990 г. выступил с докладом «Характер и движущие силы гражданской войны в России в начале XVII в.» на IV Всемирном конгрессе в Харрогейте (Англия), а в 1995 г. на конгрессе в Варшаве сделал доклад по теме «Насилие и государственная собственность в средневековой России»; выступал с докладами во Франции и Италии.

Цикл исследований Р. Г. Скрынникова по истории опричнины отмечен Первой университетской премией за 1978 год. Второй цикл исследований по истории средневековой России удостоен Первой университетской премии за 1995 год. В 2001 г. Первой университетской премией награжден цикл работ по истории и культуре России IX–XVII вв.

В последние годы Скрынников обратился к изучению пушкинской эпохи и истории гибели поэта. Его книга «Дуэль Пушкина» выдержала четыре издания. Скрынников проанализировал весь комплекс документов, относящихся к истории дуэли, завершившейся гибелью поэта. В книге полностью пересмотрены концепции, выдвинутые его предшественниками (П. Е. Щеголевым и др.).

Автор провел кропотливую работу с подлинными рукописями Пушкина в Пушкинском Доме, с заметками Жуковского о дуэли, дневниками и записями современников поэта, а также с комплексом документов из архива Дантеса, недавно введенных в научный оборот итальянской исследовательницей С. Витале.

Р. Г. Скрынников консультировал постановку трилогии А. К. Толстого в театре им. В. Комиссаржевской, постановки опер «Борис Годунов» и «Псковитянка» в Мариинском театре; постановку пушкинского «Бориса Годунова» во МХАТе. В 1983 г. он был принят в Союз писателей СССР. Р. Г. Скрынников участвовал в деятельности Ленинградского Фонда Культуры с момента основания Фонда.

Многочисленные ученики Р. Г. Скрынникова составили научную школу, для которой характерно особое внимание к текстологии. Предлагаемый сборник отражает многообразные научные интересы этой школы.

Д. Свак

Руслан Григорьевич и Иван Грозный

Заглавие этой статьи может показаться странным. Однако я не вижу в нем ничего необычного. Оно указывает на связь, существующую между историком и исследуемой им эпохой, проблемой или исторической личностью. К сожалению, в исторических исследованиях уделяется мало внимания личности историка, выбору изучаемых им тем, мотивации этого выбора и сложной симбиотической связи между историком и его «героем».

Трудно отыскать типы личности, которые отличались бы друг от друга сильнее, чем Руслан Скрынников и Иван Грозный. И все же, по моему мнению, от исследования хозяйства новгородского поместья конца XV — начала XVI в. прямой путь вел к изучению деятельности Ивана Грозного, ключевой фигуры XVI столетия и всей истории российского самодержавия, тень которой легла на все российское средневековье. По-настоящему захватывающий историографический вопрос состоит в том, как удалось такому кроткому человеку, как Р. Г. Скрынников, справиться с раскрытием «тайн» одной из страшнейших фигур российской истории. Облик историка определяется его личностью, воспитанием, образованием, и это справедливо даже применительно к такому «влюбленному в источники» ученому, который воспитывался на лучших традициях «питерской», ленинградской школы историков.

За три десятилетия нашего знакомства Руслан Григорьевич никогда не говорил мне о своем личном отношении к Ивану IV. Тем интереснее проследить по публикациям историка, как изменялись с течением времени его взгляды на царя и его деятельность. Иван IV неотступно сопровождал Р. Г. Скрынникова на протяжении всей его научной жизни: Иван IV или его опричнина стали темой 53 работ историка, начиная с 1961 г. до настоящего времени. Ниже мы рассмотрим лишь небольшую часть этих публикаций.

Время появления первых работ Р. Г. Скрынникова об опричнине было благоприятным периодом в истории советской исторической науки. Был разоблачен культ личности И. В. Сталина, и как следствие этого подверглась критике идеализация деятельности Ивана IV, используемая ранее как своеобразное историческое оправдание сталинского режима. Были востребованы смелые и основательные статьи и неопубликованные работы С. Б. Веселовского 40-х годов XX в.; их издали отдельной книгой в 1963 году.¹ Однако Р. Г. Скрынников пошел своим путем. В первой работе об Иване Грозном — статье «Опричная земельная реформа Грозного 1565 г.», основанной на широком круге источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, Р. Г. Скрынников проявил исследовательскую смелость. Он взялся за пересмотр концепции С. Ф. Платонова, которая подверглась критике в исследованиях С. Б. Веселовского.

Историк признал справедливость некоторых критических замечаний С. Б. Веселовского, но в результате тщательного изучения ранее не использованных в исследованиях по истории опричнины материалов писцового описания Казанского края показал, что на начальном этапе «своим острием опричные мероприятия были направлены против оппозиционно настроенной феодальной аристократии, мешавшей укреплению дворянского государства» и что этим опричнина «ликвидировала значительную часть родового землевладения феодальной аристократии и тем самым подорвала ее политическое значение».² Благодаря такому итоговому выводу Р. Г. Скрынников на новом научном уровне развил концепцию С. Ф. Платонова об опричнине как насильственной реформе, подорвавшей материальную основу боярства. Иначе говоря, путем привлечения почти не изученной до тех пор группы источников — ка-

¹ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

² Скрынников Р. Г. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // ИЗ. Т. 70. М., 1961. С. 248.

занских и свияжских писцовых книг — Р. Г. Скрынников снова поставил на прочный фундамент известную концепцию, вернул ей достоверность, подорванную С. Б. Веселовским.

В 1965 г. Р. Г. Скрынников сделал еще один шаг вперед в статье «Опричнина и последние удельные княжения на Руси», в которой подверг аргументированной критике концепцию А. А. Зимина, во многом развивавшего взгляды С. Б. Веселовского. Согласно этой концепции, острое опричнины было направлено против последних уделов в России, а не аристократии в целом. Прежде всего Р. Г. Скрынников обратился к А. А. Зимину с обоснованным вопросом, почему носителями традиций феодальной раздробленности в середине XVI в. выступает не княжеско-боярская знать, а московская церковь и одна из земель, в которой местное боярство было экспроприровано еще в XV в., и почему из удельных князей один лишь Старицкий «выступает как проводник удельной раздробленности и децентрализации».³

В дальнейшем Р. Г. Скрынников последовательно проанализировал историю уделов, существовавших во второй половине XVI в., и пришел к такому заключению: «Ни Грозный, ни его опричная дума никогда не выступали последовательными противниками крупнейшего удельно-княжеского землевладения». Более того, царь как раз щедро жаловал уделы, потому что «в момент острого столкновения с княжеско-боярской аристократией в годы опричнины правительство нуждалось в поддержке удельных владык». На этом основании Р. Г. Скрынников считал, что опричная политика в отношении уделов носила «опосредованный характер» в процессе превращения русской монархии в абсолютную.⁴

Статьи Р. Г. Скрынникова, в которых автор вводил в оборот или по-новому интерпретировал источниковые материалы, предлагал оригинальные и существенно корректировал прежние оценки истории опричнины, предвещали рождение крупной научной монографии. Ее первая часть — «Начало опричнины» была опубликована в 1966 г. Вторая часть — «Опричный террор» вышла с задержкой только в 1969 г. Но к тому времени научная общественность благодаря защите Р. Г. Скрынниковым докторской диссертации могла познакомиться с важнейшими результатами исследований ученого по автореферату его диссертации и опубликованной в 1969 г. статье

³ Скрынников Р. Г. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // ИЗ. Т. 76. М., 1965. С. 153.

⁴ Там же. С. 173–174.

«Самодержавие и опричнина», которые содержали концептуальное обобщение его исследований.

Уже в первых строках своей книги «Начало опричнины» ученый подверг скрупулезному анализу имеющиеся в наличии повествовательные источники, давая им во многих случаях иное, чем его предшественники, объяснение.⁵ Однако важнейшим достижением историка стало то, что он практически заново открыл и проанализировал две другие группы источников. Выше мы видели, что Р. Г. Скрынников еще за два года до издания работ С. Б. Веселовского об опричнине опубликовал результаты своих исследований, связанных с реконструкцией указа Грозного о казанской ссылке и с изучением казанских писцовых книг. Эти исследования позволили ему расширить список казанских ссылных до 170–180 человек. С. Б. Веселовский (из-за отрывочной публикации писцовых книг) определил их число лишь в 58 человек. В книге «Начало опричнины» Р. Г. Скрынников напечатал составленные им на основе архивного материала списки лиц, сосланных в Казань, Свияжск и Чебоксары по указу Грозного в 1565 году,⁶ на основании чего пришел к концептуально новым выводам.

То же самое произошло и при реконструкции синодика опальных царя Ивана Грозного. Внимательный разбор этого источника, изученного до того времени лишь частично, и выявление дополнительных списков синодика дали возможность Р. Г. Скрынникову сформулировать новые положения относительно облика опричнины.⁷

Выбранная Р. Г. Скрынниковым методологическая отправная точка, по существу, была намечена В. И. Лениным (а еще раньше — В. О. Ключевским), определившим русское государство XVII в. как «самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией». Р. Г. Скрынников считал эти слова справедливыми и в отношении русского государства XVI века.⁸ Данное мнение подтверждалось конкретными исследованиями, результаты которых были отражены во вводной главе книги «Начало опричнины». Мнение Р. Г. Скрынникова о «политической слабости дворянства»⁹ явля-

⁵ Ср.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 20–64.

⁶ Там же. С. 413–417.

⁷ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 264–265.

⁸ Скрынников Р. Г. Опричнина Ивана Грозного: Автореф. докт. дис. Л., 1967. С. 35.

⁹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 125.

ется одним из важнейших положений этой главы: ведь в дальнейшем оно дало возможность высказать новое по сравнению с традиционной точкой зрения мнение о преемственности между «периодом реформ» и опричниной, а также о социальной базе опричнины.

Р. Г. Скрынников не отрицал многих элементов прежней, широко распространенной концепции: «Опричный террор, ограничение компетенции боярской думы, включение служилых дворян и дьяков в состав думы, расширение роли и значения дворянской служилой бюрократии и, наконец, земский собор в годы опричнины бесспорно способствовали ослаблению политического влияния боярской аристократии и укреплению централизованной монархии, развивавшейся в направлении к абсолютизму».¹⁰ Следовательно, здесь Р. Г. Скрынников и сам рассматривает опричнину как исторический этап развития централизованного государства и считает, что опричнина была направлена против главного препятствия на пути централизации, а именно — против боярской аристократии.

Большая заслуга Р. Г. Скрынникова состояла в том, что он не довольствовался этим общим утверждением, не видел в боярстве единый лагерь противников централизации, а сделал попытку полной реконструкции политической борьбы, предшествовавшей установлению опричнины, показал разницу в отношении к центральной власти разных боярских группировок, принявших участие в этой борьбе. Такой подход позволил достичь важных результатов. Историк удалось показать, что в первые месяцы опричнины главной политической опорой служило старомосковское боярство и дворянство, к тому же лишь незначительная часть последнего,¹¹ что логично вытекало из относительного бессилия дворянства, о котором говорилось выше, а также из традиционно сильных позиций боярства в жизни общества. Таким образом, можно принять вывод Р. Г. Скрынникова, согласно которому результаты опричнины уже априори должны были быть половинчатыми и не могли изменить формулу русского государства: «самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией».¹²

Как следует из концепции Р. Г. Скрынникова, опричнина не могла изменить эту формулу уже потому, что подрыв позиций бо-

¹⁰ Скрынников Р. Г. Опричнина Ивана Грозного. С. 41.

¹¹ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 191.

¹² Скрынников Р. Г. 1) Опричный террор. С. 248; 2) Иван Грозный. С. 192.

ярства как сознательная политическая программа характеризовал опричнину лишь в год ее создания. Эта мысль в особенно четкой формулировке содержится в последней, вышедшей в 1975 г., книге трилогии об опричнине: «Как мера антикняжеская, опричнина просуществовала не более года. В 1566–1572 гг. опричные репрессии всей своей тяжестью обрушились на старомосковское боярство, высшую приказную бюрократию, отчасти дворянство и духовенство, т. е. те социальные слои, которые издавна служили наиболее прочной опорой монархии».¹³ Следовательно, в интерпретации Р. Г. Скрынникова опричнина может быть разделена на два резко отличающихся друг от друга этапа, границей между которыми стал земский собор 1565 г.

В вышедшей в 1975 году, переведенной на многие языки и многократно переизданной популярной обобщающей книге историк с экспрессией, достойной В. О. Ключевского и С. Б. Веселовского, писал, что с 1567 по 1570 гг. «стержнем политической истории опричнины стал чудовищный процесс над сторонниками двоюродного брата царя князя Владимира Андреевича, завершившийся разгромом Новгорода. Причиной террора явился не столько пресловутый новгородский сепаратизм, сколько стремление правителей, утративших поддержку правящих группировок господствующего класса, любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массового террора, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел совершенно непомерное влияние на политическую структуру государства. В конце концов адская машина террора выскользнула из-под контроля ее творцов».¹⁴

Что следует из этого деления опричнины на два периода? Отчасти то, что «бесчинства опричников были беспрецедентными и не имели оправданий»,¹⁵ иначе говоря, главный исторический результат большего этапа существования опричнины сводился к тому, что погромы «не могли изменить основных тенденций политического развития, отчетливо обнаружившихся в период реформ Избранной рады».¹⁶ В таком толковании опричнина представляется концом политической линии предыдущего периода (содействия централизации). С одной стороны, она оттолкнула подавляющее большинство социальных групп, составлявших естествен-

¹³ Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 7.

¹⁴ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 191.

¹⁵ Там же. С. 195.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 247–248.

ную базу централизованного государства,¹⁷ а с другой стороны, разделила его надвое: ведь «опричнина стала своеобразным государством в государстве, или, точнее, государством над государством».¹⁸

Несмотря на перечисленные выше «объективные» результаты опричнины, крайне проблематичным кажется вопрос о ее исторической целесообразности. Выяснилось, что в течение большего времени существования опричнины характерный для нее террор «был полной бессмыслицей»,¹⁹ и это имело самые тяжелые последствия для государства. Р. Г. Скрынников, в общем, не сомневался в политическом смысле опричнины, рассматривая ее как «своего рода верхушечный переворот, имевший целью утвердить принципы неограниченного правления»²⁰, и объясняя рациональными причинами даже то, как эта мера обернулась (неизбежно *должна* была обернуться) против самой себя (прежде всего из-за потери своей социальной базы). Однако в свете исследований историка существенное значение получает утверждение, что «опричнина никогда не была последовательной политикой с едиными принципами, неизменными на протяжении всего ее существования».²¹ Исследования Р. Г. Скрынникова убедительно доказали, что опричнина обладала объективным политическим смыслом в год своего создания; также можно считать доказанным, что в дальнейшем этот смысл был утерян, поэтому неясно место опричного периода в русской истории и то, почему он считается «важным этапом в процессе длительного исторического развития от феодальной раздробленности к абсолютной монархии».²²

Представляется справедливой постановка вопроса одного из критиков Р. Г. Скрынникова, В. В. Дорошенко о том, почему опричнина «бесспорно» «вела к укреплению централизованной монархии».²³ Однако нельзя согласиться с мнением, что Руслан Григорьевич вернулся «в целом к традиционному взгляду на опричнину

¹⁷ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 412.

¹⁸ Там же. С. 270.

¹⁹ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. С. 191.

²⁰ Там же. С. 192.

²¹ Скрынников Р. Г. Опричнина Ивана Грозного. С. 21.

²² Скрынников Р. Г. Самодержавие и опричнина // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 71.

²³ Дорошенко В. В., Янель З. К. Заметки о новой литературе по истории феодальной России // История СССР. 1968. № 5. С. 159.

как антикняжескую политику».²⁴ Если автор другой большой монографии, появившейся почти одновременно, А. А. Зимин в определенной степени действительно подтверждал важнейшие выводы С. Б. Веселовского и двинулся дальше по намеченному последним пути, то вряд ли можно утверждать, что Р. Г. Скрынников «вернулся» к линии Платонова — Садикова. Все сказанное нами выше никак не подтверждает этого. Речь идет скорее о том, что исследователь воспринял и развил положения двух основных концепций, которые выдержали проверку временем, в результате чего у него родилась новая, третья — оригинальная концепция.

В построениях Р. Г. Скрынникова, конечно, имеются и проблемные пункты. Выше мы отмечали, что, по нашему мнению, в них неоднозначно определено отношение между опричниной и централизацией. С этим тесно связан и следующий вопрос: в какой степени можно считать «могущественную боярскую аристократию» носителем пережитков феодальной раздробленности? Возможно, дело просто в том, что боярство являлось противником неограниченной самодержавной монархии? В этом случае возникает общий оценочный вопрос: на каком основании можно назвать прогрессивной неограниченную самодержавную монархию и регрессивными борющиеся против нее силы? Другими словами, можно ли назвать то же самое историческое явление в 1565 г. прогрессивным, а в 1566 г. — регрессивным, если очевидно, что происшедшая с ним перемена не случайна?

За полтора десятилетия, прошедшие после появления трилогии об опричнине в научно-популярной книге «Иван Грозный», Р. Г. Скрынников посвятил царствованию Ивана IV лишь несколько статей; в центре его исследовательской деятельности оказались другие проблемы.

Однако после распада СССР он снова счел необходимым вернуться к первоначальной теме своих научных изысканий. Монография «Царство террора», опубликованная в 1992 году, продолжала ряд исследований об опричнине, изданных в 1960-е гг. Она отличалась от них своей структурой, кое-где фразеологией в соотношении отдельных тем, но по существу осталась неизменной в отношении и использованных источников, и концепции автора. В то же время Р. Г. Скрынников стремился включить в свою

²⁴ Кештенов С. М., Клокман Ю. Р. Советская литература 1965–1966 гг. по истории России до XIX века // История СССР. 1967. № 5. С. 169.

книгу результаты, накопленные в специальной литературе за истекшее время, и реагировать на новые концепции и замечания критиков.

Историк по-прежнему придерживался мнения, что опричнина первоначально была направлена против владими́ро-суздальской аристократии, но уже со второго года своего существования она не регулировалась единым политическим замыслом, а вскоре режим захлестнул безрассудный террор, и в 1572 г. опричную политику пришлось отменить.²⁵ Одновременно ученый опровергает противоречащую его воззрениям аргументацию А. А. Зимина, В. Б. Кобринина и Д. Н. Альшица.

Концептуально новым элементом можно считать то, что Р. Г. Скрынников придает большое значение в русской истории договорно-правовым отношениям, которые были определяющими в истории Запада. Следуя историографической традиции, он упоминает в качестве положительного примера Новгород, а поглощение Новгорода Москвой оценивает как поворотный пункт в политическом развитии России.²⁶ Таким образом, в осторожной форме Р. Г. Скрынников подчеркивает наличие альтернатив в российской истории, причем не только в XV, но и в середине XVI в. В данном случае он ссылается на «демократический» характер известных посланий Курбского. Творчество князя Андрея, по мнению историка, доказывает, что существовало и иное представление об устройстве российского государства, отличное от самодержавной модели Ивана IV. Р. Г. Скрынников считает, что именно потомки князей и бояре могли выступать противовесом централизации «московского типа», деспотизму Ивана IV.²⁷

Р. Г. Скрынников не оставляет у читателей сомнений в том, что последствия опричнины были катастрофическими: «По своему деморализующему влиянию на русское общество террор можно сравнить разве что с монгольским игом».²⁸ Но были и еще более тяжелые результаты: «То, что самодержавие родилось в обстановке террора, надолго определило характерные черты складывавшейся политической системы».²⁹

В рамках характерной для него фактографической манеры

²⁵ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

²⁶ Там же. С. 522.

²⁷ Там же. С. 524.

²⁸ Там же. С. 527.

²⁹ Там же. С. 526.

обработки материала Р. Г. Скрынников обычно избегает громких определений. Однако в этой книге он в некоторой степени сделал исключение. Он «вывернул наизнанку» древнюю теорию о враждебном отношении аристократии к центральной власти. В результате вместо тезиса о «реакционном боярстве» появился тезис о «реакционном государстве». Правда, из книги неясно, что же является объектом критики историка: «централизация московского типа», «самодержавный характер» московского государства, его «деспотизм» или же вообще единовластная форма правления?

В научно-популярной двухтомной работе «Великий государь Иоанн Васильевич Грозный» (1996 г.) Р. Г. Скрынников утверждает, что русским была не чужда западная идея «договора» — и это воплощается в истории Новгорода. Однако с организацией помещной военно-служилой системы началась перестройка системы управления на началах самодержавия и централизации.³⁰ Правда, не все социальные силы в стране одобряли данный процесс. «Приведенные факты, — считает Р. Г. Скрынников, — иллюстрируют ошибочность представлений, будто князья и бояре (заодно с самодержавным монархом) выступали поборниками государственной централизации на московский лад... Именно знать и земское дворянство, страдавшие от насилий опричнины, могли реально противостоять деспотизму государственной власти. Однако кровавый террор уничтожил возможность открытого протеста с чьей бы то ни было стороны».³¹ Считая опричнину вершиной развития государственной собственности, Р. Г. Скрынников закономерно приходит к выводу, что «конечным итогом насильственного вмешательства государства в сферу собственности был экономический упадок, политические потрясения и террор».³²

Таким образом, Р. Г. Скрынников остался верен своей первоначальной концепции и по-прежнему не оспаривал политического смысла опричнины. Другой вопрос, что с течением времени изменилось представление ученого о централизации. Он уже не считал прогрессивной централизацию «на московский лад», зато придавал образцовое значение деятельности ее противников (не всегда по достоинству) и вынес уничтожительный приговор деспотическому самодержавию, которое привело страну к террору.

³⁰ Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996. Т. II. С. 341.

³¹ Там же. С. 343.

³² Там же. С. 359–360.

Во второй половине 90-х гг. Р. Г. Скрынников решил, что пришло время издать курс лекций о более длительном периоде российской истории. В книге «История Российская. 9–17 вв.» историк, конечно, отвел видное место эпохе Ивана IV. Заслуживает внимания то, что на этот раз понятия «централизация» и «деспотизм» не получили прежнего значения, а историческое значение опричнины автор видел в том, что она привела к установлению самодержавия, покоившегося на опыте гигантского расширения государственного землевладения.³³ Этот последний тезис служит фундаментом всей концепции. Здесь Руслан Григорьевич опять-таки старается избежать однозначных высказываний, однако, в другом месте своей книги он ясно дает понять, что опричина как «имперская система власти» неизбежно вела к катастрофе, поскольку разобщила политическую опору власти — дворянство.³⁴ В данной книге снова появился старый топос психической болезни Ивана Грозного (и его семьи).³⁵ Однако доминирует рациональное объяснение мотивов поступков царя, которые выводятся из противоречия между представлениями Ивана IV о неограниченном единовластии и практическими возможностями.

В появившемся вскоре после этого учебном пособии «Русь. IX–XVII века» снова акцентирован тезис о том, что «на втором этапе опричнины репрессии утратили всякий смысл» и «кровавый кошмар наложил печать на все стороны политической жизни русского общества».³⁶ По определению Р. Г. Скрынникова, опричина «явилась первым в русской истории воплощением самодержавия как системы неограниченного царского правления»,³⁷ иначе говоря, «по существу, это был государственный переворот».³⁸ В свете этого кажутся несколько неправдоподобными размышления царя в конце 1564 г. о том, «как совершить государственный переворот, не нарушая законности»:³⁹ ведь суть опричнины состояла именно в ее «надзаконности», как это с большой выразительностью показал сам Р. Г. Скрынников.

Новое тысячелетие принесло с собой еще одну обобщаю-

³³ Скрынников Р. Г. История Российская. 9–17 вв. М., 1997. С. 315.

³⁴ Там же. С. 373.

³⁵ Там же. С. 352.

³⁶ Скрынников Р. Г. Русь. IX–XVII века. СПб., 1999. С. 218.

³⁷ Там же. С. 208.

³⁸ Там же. С. 207.

³⁹ Там же. С. 206.

щую работу — научно-популярную книгу «Иван Грозный», в которой Р. Г. Скрынников откликнулся на последние гипотезы и инновации, содержащиеся в недавно опубликованных работах Б. Н. Флори, А. Л. Юрганова, А. И. Филюшкина и др.⁴⁰ В данном труде Р. Г. Скрынникова на этот раз более важную роль играет личность Ивана IV, причем не просто в аспекте описания ее характерных черт, но и в качестве одного из факторов, мотивирующих события. Соответствующее настроение создается уже текстом на обложке книги, рекламирующим Ивана IV (и посвященную ему книгу) следующим образом: «Царь Иван Грозный — пожалуй, одна из самых неоднозначных личностей российской истории. Талантливый государственный деятель, мудрый реформатор — и кровавый тиран, человек, ввергший свой народ в хаос чудовищных репрессий». И действительно, в книге постоянно наблюдается определенная двойственность. Автор пишет, что «объективно подобные меры (меры первого года опричнины. — Д. С.) способствовали преодолению остатков раздробленности, глубочайшей основой которых было крупнейшее княжеско-боярское землевладение»,⁴¹ и опричный террор, хотя и деморализовал общество, но все же не смог остановить главные тенденции развития, в том числе и дальнейшее продвижение централизации.⁴² Поскольку в данном случае централизация не определяется как «деспотическая», или как централизация «на московский лад», создается впечатление, что царь-тиран и княжеская аристократия одновременно препятствовали прогрессивному развитию централизации. Не совсем ясно и то, против кого же царь вел непрерывную борьбу: против настоящих или мнимых заговорщиков? Иногда, быть может, и против настоящих изменников (ср.: С. 221–222), а иногда — против врагов мнимых (С. 309). Возможно, так и было в действительности, однако это, несомненно, сильно подкрепляет своего рода двойственную оценку Ивана IV.

Очевидно одно: у Руслана Григорьевича нет и никогда не было хорошего мнения о его «герое», Иване IV. Будучи наследником «питерской» традиции, он старался отыскать в источниках историческое (рациональное) объяснение политики Грозного. При этом он

---

⁴⁰ См., например: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998; Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998.

⁴¹ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 2001. С. 333.

⁴² Там же. С. 337.

никогда не оставлял у читателя сомнений в том, что царь причинил своей стране неизмеримый — и необоснованный — ущерб, который не может быть оправдан никакими рассуждениями историков. Руслан Григорьевич — историк с хорошим вкусом: его произведения никогда нельзя было использовать в конъюнктурных целях. Он изображал в своих работах не сумасшедшего, а царя, который, опираясь на ошибочные посылки, пришел к ошибочным выводам и оперировал ошибочными средствами. При этом ученый всегда опасался поспешных оценок. Он, скорее, предоставлял слово фактам и найденным им источникам, естественным врагам всяких манипуляций. Эта ясная позиция настоящего исследователя привела к тому, что никакой политический курс не мог найти в трудах Р. Г. Скрынникова никаких доводов, обосновывающих необходимость авторитарной политики.

Библиографический указатель трудов Р. Г. Скрынникова

(сост. В. И. Ульяновский, С. В. Лобачев,
Н. Е. Тюменцева, В. Г. Ананьев)

1957

1. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV — первой половине XVI в. // УЗЛГПИ. 1957. Т. 150. Вып. I. С. 3–37.

1958

2. Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50–70 гг. XVI в. // УЗЛГПИ. 1958. Т. 188. С. 279–295.
3. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV — первой половине XVI в.: Автореф. канд. дис. Л., 1958. 24 с.
4. [Описание к картам] Войны в России эпохи феодализма (IX–XIV вв.) // Морской Атлас. Т. 3. Военно-исторический. Ч. 1. Л.: Главный штаб Воен.-Мор. Флота, 1958. С. 49–70.
5. [Описание к картам] Войны с иноземными захватчиками в период образования Русского централизованного государства в XVI в. // Там же. С. 72–78.
6. [Описание к картам] Войны в России в середине XVI в. Казанская война. Ливонская война 1558–1583 гг. // Там же. С. 78–90.

1961

7. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // ИЗ. Т. 70. М., 1961. С. 223–250.

1962

8. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 99–116.

1965

9. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году // УЗЛГПИ. 1965. Т. 278. С. 3–86.
10. Духовное завещание царя Ивана Грозного // ТОДРЛ. Т. 21. М.; Л., 1965. С. 309–318.
11. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // ИЗ. Т. 76. М., 1965. С. 152–174.

1966

12. Начало опричнины. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 418 с.
Рец.: Alexander J. T. // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. N 1.
P. 137–138.

1967

13. Опричнина Ивана Грозного: Автореф. докт. дис. Л., 1967. 48 с.
14. Опричный Новгород (1571–1572) // XX Герценовские чтения. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1967. С. 40–43.
15. Самодержавие и опричнина (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1967. С. 69–99. [Труды ЛОИИ. Вып. 8].
16. Опричный разгром Новгорода // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1967. С. 157–171. [Труды ЛОИИ. Вып. 9]. [Сб. ст. к 60-летию со дня рождения И. И. Смирнова].

1969

17. Опричный террор. Л.: Издательство ЛГУ, 1969. 341 с.
18. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575–1576 гг. // XXII Герценовские чтения. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969. С. 15–20.
19. Опричнина и проблемы аграрной эволюции России в XVI в. // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Одесса, ноябрь 1969 г. М., 1969. С. 27–29.
20. Синодик опальных Грозного // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М.: Сов. энциклопедия, 1969. Стб. 883.

1971

21. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Исследования по социально-политической истории России. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. С. 182–197. [Труды ЛОИИ. Вып. 12. Сб. статей памяти Б. А. Романова].
22. Над древними манускриптами // Неделя. 1971. № 8.
23. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Там же. 1971. № 16.
24. Иван Грозный и его сын Иван // Наука и жизнь. 1971. № 8. С. 142–145.
25. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575–1576 гг. // ИЗ. Т. 87. М., 1971. С. 174–218.

1972

26. Василиса Прекрасная — историческое лицо или легенда // Наука и жизнь. 1972. № 9. С. 57.
27. Предвестники первой крестьянской войны в России // XXV Герценовские чтения. Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1972. С. 54–56.

1973

28. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1973. 136 с.
Рец.: Fennel J. L. I. // Russia Mediaevalis. 1975. Vol. 2. P. 188–198; Miller D. B. // The American Historical Review. 1976. Vol. 81. № 4. P. 904–905; Keenan E. L. // Kritika. 1974. Vol. X. N 1. P. 1–36.
29. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича (XVI–XVII вв.) // История СССР. 1973. № 1. С. 155–165.
30. Кто был убит в Угличе? // Знание — сила. 1973. № 7. С. 40–42.
31. Московская семибоярщина // ВИ. 1973. № 2. С. 209–213.
32. Подложна ли переписка Грозного и Курбского // ВИ. 1973. № 6. С. 53–56.
33. Род Пушкиных мятежный // Вечерний Ленинград. 1973. 6 июня.
34. Свидетели показали // Знание — сила. 1973. № 8. С. 35–37.
35. Татарский хан на московском троне // Знание — сила. 1973. № 2. С. 40–42.
36. Эдвард Кинан против... Ивана Грозного: Как американский ученый искажает русскую историю // Ленинградская правда. 1973. 16 февраля.

1974

37. Борис Годунов и предки Пушкина // РЛ. 1974. № 2. С. 131–133.
38. Жизнь и приключения Григория Отрепьева // Знание — сила. 1974. № 3. С. 20–23.
39. Мифы и действительность Московии XVI–XVII веков: Ответ профессору Эдварду Л. Кинану // РЛ. 1974. № 3. С. 114–129.

1975

40. Иван Грозный. М.: Наука, 1975. 247 с. (История нашей Родины).
Рец.: Kleimola A. // The American Historical Review. 1976. Vol. 81. N 5. P. 1170; Hellie R. // Russian Review. 1978. Vol. 37. N 3. P. 326–329.
41. Россия после опричнины. Л.: Изд-во ЛГУ, 1975. 223 с.
Рец.: Алексеев Ю. Г. // История СССР. 1976. № 5. С. 204–205; Hellie R. // Russian Review. 1978. Vol. 37. N 3. P. 326–329.
42. Борис Годунов: Начало пути // Знание — сила. 1975. № 3. С. 34–36.
43. Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова // История СССР. 1975. № 2. С. 48–68.

1976

44. Бегство Андрея Курбского // Прометей. М.: Молодая гвардия, 1976. № 11. С. 232–301.
45. Борис Годунов: Пора испытаний // Знание — сила. 1976. № 5. С. 30–32, 45.
46. Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI веке // ВИ. 1976. № 1. С. 33–50.
47. Материалы для биографии Григория Отрепьева: К истории России конца XVI — нач. XVII вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 73–79.
48. О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 154–161.
49. Опричная трагедия (из истории России XVI в.): Новые факты и новые интерпретации // Наука и жизнь. 1976. № 3. С. 112–115.
50. Учреждение патриаршества в России // Наука и религия. 1976. № 11. С. 44–47.

51. Рабство и кабала в XVI веке. [Рец. на кн.: Панеях В. М. Холопство в XVI — начале XVII в. Л., 1975. 268 с.] // История СССР. 1976. № 3. С. 156–169.

1977

52. Борис Годунов: Избрание на трон // Знание — сила. 1977. № 4. С. 37–40; № 5. С. 55–57.
53. Загадка древнего автографа // ВИ. 1977. № 9. С. 98–112.
54. Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон // История СССР. 1977. № 3. С. 141–157.
55. К вопросу о происхождении сходных мест в первом послании Курбского царю Ивану IV и сочинениях Исайи // РЛ. 1977. № 3. С. 65–76.
56. Boris Godunov's Struggle for the Throne // Canadian-American Slavic Studies. 1977. Vol. 11. N 3. P. 325–353.
57. Das letzte Testament Ivans IV und sein Schicksal // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Festschrift für Günther Stokl. Zum 60. Geburtstag / Herausgegeben von H. Lemberg, P. Nitsche und E. Oberlander unter Mitwirkung von M. Alexander und H. Hecker. Köln-Wien: «Böhlau Verlag», 1977. S. 18–33.

1978

58. Борис Годунов. М.: Наука, 1978. 192 с. (Страницы истории нашей Родины).
59. Иван Грозный. 2-е изд. М.: Наука, 1978. 247 с. (Страницы истории нашей Родины).
60. Борис Годунов и падение бояр Романовых // Из истории феодальной России: Статьи и очерки. К 70-летию со дня рождения В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. С. 116–124.
61. On the Authenticity of the Kurbskii-Groznyi Correspondence: A Summary of the Discussion // Slavic Review. 1978. Vol. 37. N 1. P. 107–115.
Рец.: Keenan E. L. Some Observations on R. G. Skrynnikov's Views Concerning the Kurbskii-Groznyi Apocrypha // Slavic Review. 1979. Vol. 38. N 1. P. 89–91.
62. La tragedia dell' «Opricnina» // Rassegna Sovietica. 1978. N 3. P. 147–154.

1979

63. Борис Годунов. 2-е изд. М.: Наука, 1978. 191 с. (Страницы истории нашей Родины).
64. Iwan Grozny. Warszawa: «Panstwowy Instytut Wydawniczy», 1979. 274 s. (Biografie Slawnych Ludzi).
65. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» // Наука и жизнь. 1979. № 6. С. 39–43.
66. О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и характере их переписки // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1979. С. 219–227.
67. Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака // ВИ. 1979. № 8. С. 44–56.
68. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 82–99.
69. Who was the Editor of the Sixteenth Century Illuminated Codex? To the Question of the Editorship of the Tsarstvennaja kniga // Canadian-American Slavic Studies. 1979. N 13. P. 163–165.
70. История земли Русской: Рец. на кн. В. В. Мавродина «Происхождение русского народа» // Октябрь. 1979. № 11. С. 222–224.

1980

71. Россия накануне «Смутного времени». М.: Мысль, 1980. 205 с.
Рец.: Шаскольский И. П. // История СССР. 1984. № 1. С. 189–193.
72. Куликовская битва // Звезда. 1980. № 9. С. 9–20.
73. Первая экспедиция: К 400-летию похода Ермака // Тагильский рабочий. 1980. 24 ноября.
74. Сибирская одиссея // На суше и на море: [Сборник]. М.: Мысль, 1980. С. 170–192.
75. Сибирская одиссея Ермака (1582–1585) // ВИ. 1980. № 3. С. 38–54.
76. Учреждение патриаршества в России // Вопросы научного атеизма. Вып. 25. М.: Мысль, 1980. С. 80–98.

1981

77. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М.: Молодая гвардия, 1981. 352 с. (Жизнь замечательных людей).
78. Ivan the Terrible / Ed. and trans. Hugh F. Graham. Gulf Breeze, Fl: «Academic International Press», 1981. 219 p.
Рец.: Waugh D. C. // Slavic Review. 1984. Vol. 43. N 3. P. 470–471.

1982

79. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1982. 254 с.
Рец.: Пронштейн А. П. // История СССР. 1984. № 1. С. 195–198.
80. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л.: Об-во «Знание», РСФСР. Ленингр. орг., 1982. 32 с. (В помощь лектору / Об-во «Знание», РСФСР. Ленингр. орг.).
81. Boris Godunov / Ed. and trans. Hugh F. Graham. Gulf Breeze, Fl: «Academic International Press», 1982. 175 p.
Рец.: Crummev R. O. // The American Historical Review. 1980. Vol. 85. N 2. P. 431; Brown P. B. // Slavic Review. 1983. Vol. 42. N 3. P. 477; Hellie R. // Sixteenth Century Journal. 1986. Vol. 17. N 1. P. 116–117.
82. Borys Godunow. Warszawa: «Panstwowy Instytut Wydawniczy», 1982. 202 s. (Biografie Slawnych Ludzi).
83. В поисках «архива» Ермака // Наука и жизнь. 1982. №6. С. 49–51.
84. Wyprawa Jermaka na Syberie // Slaski kwartalnik historyczny sobotka. Rocznik XXXVII. 1982. № 3–4. S. 301–310.

1983

85. Борис Годунов. 3-е изд. М.: Наука, 1983. 191 с. (Страницы истории нашей Родины).
86. Иван Грозный. 3-е изд. М.: Наука, 1983. 247 с. (Страницы истории нашей Родины).
87. Как дружина Ермака царя Кучума с вои его победиша: Открытое письмо д-ра ист. наук Р. Г. Скрынникова историкам и краеведам Ленинградского дворца пионеров // Костер. 1983. № 9. С. 2–5.
88. Как царевич Дмитрий стал «святым» // Наука и религия. 1983. № 4. С. 34–36.
89. Куликовская битва: Проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: Материалы юбил. науч. конференции. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 43–70.
90. Предисловие // Стояти заодно: Сб. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 5–26. (История Отечества в романах, повестях, документах. Век XVII).
91. Текстологический опыт реконструкции несохранившегося архива XVI в. // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докладов IV Всесоюзной

конференции. Днепропетровск, 31 октября–2 ноября 1983 г. М.:
Ин-т истории СССР, 1983. С. 147–154.

1984

92. Народные выступления в 1602–1603 гг. // История СССР. 1984.
№ 2. С. 57–70.

1985

93. Россия накануне «Смутного времени» / 2-е изд., доп. М.: Мысль,
1985. 206 с.
94. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале
XVII века. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 327 с.
*Рец.: Абрамович Г. В. // История СССР. 1986. № 5.
С. 177–180.*
95. Грозный и Курбский // *Studia Slavica. Academiae scientiarum hun-
garicae*. 1985. Т. 31. F. 3–4. P. 273–289.
96. «Земская политика» Бориса Годунова и борьба с голодом в на-
чале XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории.
Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Л.: Изд-во ЛГУ,
1985. С. 164–184.
97. *Problems in Russian Medieval History XIV–XVI Centuries // Soviet
Studies in History / Ed. M. E. Sharp. 1985. Vol. XXIV. N 1–2.*
98. [Инф. о конф.:] Критика концепций современной буржуазной ис-
ториографии в области отечественной и всеобщей истории. Науч.
конф. на историч. факультете ЛГУ // *ВИ*. 1985. № 2. С. 149–151.

1986

99. Ермак: Книга для учащихся. М.: Просвещение, 1986. 158 с.
100. Ифань Лэйди Чжуань. Пекин: «Шанъу Иньшугуань», 1986. 286 с.
[«Биография Ивана Грозного» на китайском языке в серии «Био-
графии знаменитых людей мира».]
101. На страже московских рубежей. М.: Московский рабочий, 1986.
334 с.
102. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., доп. Новосибирск:
Наука, Сибирское отделение, 1986. 317 с.
*Рец.: Armstrong T. // Slavic Review. 1987. Vol. 46. N 3–4.
P. 593–594.*

103. Ермак Тимофеевич // Хочу все знать: Научно-художественный сборник. Л.: Детская литература, Ленинградское отделение, 1986. С. 222–229.
104. Три низложенных патриарха // Наука и религия. 1986. № 8. С. 31–33.
105. Холоп на царском троне // Нева. 1986. № 10. С. 191–197; № 11. С. 195–202; № 12. С. 193–197.
106. Ermaks Siberian Expedition // Russian History = Histoire Russe. 1986. Vol. 14. № 1. P. 1–40.
107. Der Begriff Selbstherrschaft (Samoderzavie) und die Entwicklung standischrepräsentativer Einrichtungen im Russland des 16 Jahrhunderts // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Festschrift zum 70. Geburtstag von Gunther Stokl by Uwe Halbach; Hans Hecker; Andreas Kappeler. Stuttgart: «Steiner Verlag», 1986. S. 15–31. (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd 26).

1987

108. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1987. 220 с. (Страницы истории нашей Родины).
Рец.: Rok B. // *Studia Historyczny*. 1989. N 3. S. 478–480.
109. Где и когда было составлено «Сказание о Мамаевом побоище»? // Исследования по древней и новой литературе. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. С. 205–210.
110. Ермак Тимофеевич // Встречи с историей: Научно-популярные очерки. М.: Молодая гвардия, 1987. С. 59–65.
111. Историографические итоги дискуссий с Русским центром в Гарварде // Критика концепций буржуазной историографии. Отечественная и зарубежная история : Межвуз. сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 49–71.
112. Обзор правления Ивана IV // Russian History = Histoire Russe. 1987. Vol. 14. № 1–4. (Ivan the Terrible: A Quarcentenary Celebration of his Death / Ed. by R. Hellie.) P. 361–375.
113. Россия и страны Западной Европы в начале XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Генезис и развитие феодализма в России. Проблемы идеологии и культуры. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. С. 185–202.

114. [Отв. ред.:] Критика концепций буржуазной историографии. Отечественная и зарубежная история: Межвузовский сб. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 230 с.

1988

115. Лихолетье: Москва в XVI–XVII вв. М.: Московский рабочий, 1988. 540 с.
116. Россия в начале XVII века: «Смута». М.: Мысль, 1988. 284 с.
117. Смута в России в начале XVII века: Иван Болотников. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1988. 256 с. (Страницы истории нашей Родины).
118. Time of Troubles: Russia in Crisis. 1604–1618 / Ed. and trans. Hugh F. Graham. Gulf Breeze, Fl: «Academic International Press», 1988. 352 p.
Рец.: Kivelson Valerie A. // Slavic Review. 1990. Vol. 49. N 3. P. 446–447; Davies B. // Russian Review. 1990. Vol. 49. N 2. P. 199–200; Crummey R. O. // The American Historical Review. 1990. Vol. 95. N 5. P. 1586–1587; Langer L. // Sixteenth Century Journal. 1991. Vol. 22. N 1. P. 135–136; Dunning Ch. Review: R. G. Skrynnikov, the Time of Troubles, and the «First Peasant War» in Russia // Russian Review. 1991. Vol. 50. № 1. P. 71–81. (Обзорная рецензия на книги Р. Г. Скрынникова, указанные в настоящем списке под № № 108, 116, 117, 118).
119. В то Смутное время... // Наука и религия. 1988. № 1. С. 44–48.
120. Патриарх Гермоген // Наука и религия. 1988. № 4. С. 31–35; № 5. С. 59–62; № 11. С. 51–53.
121. [Предисловие к публикации сочинения В. О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве»] // Наше наследие. 1988. № 1. С. 96–97.
122. Смута в Русском государстве // Нева. 1988. № 6. С. 185–203; № 8. С. 198–207; № 11. С. 195–204.
123. Poslowie do apokryfu o Grozным i Kurbskim // Studia z dziejow nowozytnych / By Krystyn Matwijowski. Wrocław: «Wydawnictwo Uniwersytetu Wroclawskiego», 1988. S. 41–56.
124. Powstanie w Moskwie i upadek Godunowych // Acta Universitatis wratislaviensis. Wrocław, 1988. № 71. Historia. S. 67–80.
125. Rozwoj panstwowosci w XVI w. i Iwan Grozny // Ibid. S. 5–24.
126. [Ред. на кн.:] Материалы по истории СССР: Для семинарских и практических занятий. Вып. 1. М., 1985. 303 с. // ВИ. 1988. № 1. С. 136.

1989

127. Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака: Исторические повествования. Л.: Лениздат, 1989. 636 с. (Страницы истории Отечества.)
128. Земельная политика опричнины // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1987 год. М.: Наука, 1989. С. 137–144.
129. Патриарх Гермоген // Наука и религия. 1989. № 2. С. 29–32.
130. Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92–110.
131. [Рец. на кн.:] Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России: Государство Ивана Грозного. Л., 1988 // ВИ. 1989. № 7. С. 157–159.
132. [Отв. ред.:] Народная борьба за трезвость в русской истории: Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР, 18 декабря 1987 г. Л.: БАН СССР, 1989. 48 с.

1990

133. Митрополит Алексей и Сергей Радонежский. М.: Знание, 1990. 63 с. (Новое в жизни, науке и технике. Атеизм и религия: история, современность).
134. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 235 с.
Рец.: Dunning Ch. // The American Historical Review. Vol. 95. N 5. P. 1587–1588.
135. Святители и власти. Л.: Лениздат, 1990. 349 с.
136. Освобождение Руси от ордынского ига // Преподавание истории в школе. 1990. № 5. С. 41–48.
137. An Afterword to the Kurbskii — Groznyi Apocrypha // Imperial Power and Development: Papers on Pre-Revolutionary Russian History. Selected papers of the Third World Congress for Soviet and East European Studies / Ed. by D. K. Rowney. Columbus, Ohio: «Slavica», 1990. P. 175–187.

1991

138. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв.: Подвижники русской церкви. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. 393 с.

139. Иван Грозный и его время. М.: Знание, 1991. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. История.)
140. [Рец. на кн.:] Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. 219 с. // История СССР. 1991. № 3. С. 208–211.

1992

141. Борис Годунов. М.: Знание, [1992]. 64 с. (История.)
142. Ермак: Книга для учащихся старших классов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1992. 158 с.
143. Царство террора. СПб.: Наука, Санкт-Петербургское отделение, 1992. 574 с.
Рец.: Раев М. И. // Новый журнал = The New Review. 1993. Кн. 192–193. С. 541–543.
144. Ivan der Schreckliche und seine Zeit. Mit e. Nachw. von Hans-Joachim Torke. München: «Beck», 1992. 377 s.
145. Ecclesiastical Thought in Russia and the Church Councils of 1503 and 1504 // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. XX. Oxford, 1992. P. 34–60.

1993

146. La sainte Russie. Paris: «Imprimerie nationale Editions», 1993. S. 319–485.
(совместно с Д. С. Литачевым, Г. К. Вагнером, Г. И. Вздорновым)
147. Главные вехи развития русского дворянства в XVI—начале XVII вв. // Cahiers du monde russe et soviétique. 1993. Vol. 34. N 1–2. P. 2–16.
148. Groznyj und Kurbskij: Ergebnisse eines textologischen Experiments // Jahrbucher für Geschichte Osteuropas. 1993. Bd 41. S. 161–179.
149. The Civil War in Russia at the Beginning of the Seventeenth Century (1603–1607): Its Character and Motive Forces // New Perspectives on Muscovite History. Selected Papers from the Forth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, 1990 / Ed. L. Hughes. London: «Macmillan», 1993. P. 61–79.

1994

150. Трагедия Новгорода. М.: «Издательство имени Сабашниковых», 1994. 188 с.

151. Третий Рим. СПб.: «Petropolis», 1994. 192 с. (Studiorum Slavicorum monumenta. Т. 2).
152. Иван Райтэй. Йокохама: «Сэйбунся», 1994. 398 с. [«Иван Грозный» на японском языке].
153. Russia: Storia ed espressione artistica dalla Rus' di Kiev al grande Impero. Milano: «Jaca book», 1994. P. 319–486.
(совместно с Д. С. Лихачевым, Г. К. Вагнером, Г. И. Вздорновым)

1995

154. Крушение царства: Историческое повествование. М.: «Армада», 1995. 493 с. (Смутное время).
155. Войны Древней Руси // ВИ. 1995. № 11–12. С. 24–38.
156. Первые типографии в России // Камень Краежгльнь: Rhetoric of the Medieval Slavic World. Essays presented to Edward L. Keenan on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students. Cambridge, MA: «Ukrainian Research Institute, Harvard University», 1995. P. 627–638. (Harvard Ukrainian Studies. Vol. XX.)

1996

157. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. В 2-х т. Смоленск: «Русич», 1996. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 432 с.
158. Великая Русь: История и художественная культура, X–XVII вв. М.: Искусство, [1996]. С. 319–485.
(совместно с Д. С. Лихачевым, Г. К. Вагнером, Г. И. Вздорновым)
159. На пороге опричнины // Средневековая и новая Россия: Сб. науч. ст. К 60-летию проф. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 368–397.
160. Дуэль Пушкина // Новый журнал = The New Review. 1996. Кн. 205. С. 226–256.
161. Дуэль Пушкина // Санкт-Петербургский университет. 1996. № 14, 15, 22, 23, 24, 25.
162. Die Normannen und die Rus // Zwischen Lubek und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Östseeraum vom frühen Mittelalter bis ins 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von O. Pelc und G. Pickhan. Lüneburg: «Institut Nordostdeutsches Kulturwerk», 1996. S. 17–35.

163. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск: «Русич», 1997. 624 с.
164. Az orosz birodalom születése. Budapest: «Maecenas», 1997. 322 p. [Рождение Российской Империи]
165. Ivan der Schreckliche und seine Zeit. Augsburg: «Bechtermunz», 1997. 377 s. [2-е изд.]
166. История Российская. 9–17 вв. М.: «Весь мир», 1997. 496 с.
Рец.: Володихин Д. М. // ВИ. 1999. № 7. С. 163–164;
Langer L. // Slavic Review. 1999. Vol. 58. N 1. P. 223–224.
167. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // ВИ. 1997. № 8. С. 3–13.
168. Исторический факт и летопись // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 310–321. [Сб. ст. к 90-летию Д. С. Лихачева.]
169. Нестяжатели и осифляне на соборе 1503 г. // Средневековое православие. От прихода до патриархата: Сб. науч. ст. Волгоград: [Б. и.], 1997. С. 126–142.
170. Русская церковь в XV–XVI вв. Взаимоотношения Москвы и Новгорода // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / Ed. by A. M. Kleimola, G. D. Lenhoff. М.: «IC-Garant», 1997. = Московская Русь (1359–1584): Культура и историческое самосознание: Сб. / Под ред. А. М. Клеймола, Г. Д. Ленхофф. М.: «ИЦ-Гарант», 1997. С. 543–556. (UCLA Slavic Studies. New Series. Vol. III.)
171. [Рец. на кн.:] Штейндорф Л. Поминание усопших в Древней Руси: Исследование форм христианской заботы о мертвых. Штутгарт, 1994 // Отечественная история. 1997. № 2. С. 201–203.
(совместно с А. И. Алексеевым)
172. [Рец. на кн.:] Джираудо Дж., Базиле Дж. Юридические, политические и церковные термины России XVI в. Рим, 1997 // Отечественная история. 1997. № 6. С. 181.
173. То же // Санкт-Петербургский университет. 1997. № 14.
174. [Рец. на кн.:] Новая книга об истории России. (Рецензия на монографию Д. Н. Альшица (Д. Аль) Истории из истории. От Вещего Олега до Петра Великого. СПб., 1997.) // Клио. 1997. № 3. С. 246.

175. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск: «Русич». 1998. 656 с.

176. Kirchliches Denken und kirchlicher Besitz zu Beginn des 16. Jahrhunderts // Zwischen Christianisierung und Europäisierung. Beiträge zur Geschichte Osteuropas in Mittelalter und früher Neuzeit. Festschrift für Peter Nitsche zum 65. Geburtstag. Stuttgart: «Franz Steiner Verlag», 1998. S. 163–178. (Quellen und Studien zur Geschichte des Östlichen Europa. Bd 51).
177. Staatliches Eigentum und sozialpolitische Entwicklung im Russland des 15 und 16 Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. Bd. 46. S. 481–494.

1999

178. Дуэль Пушкина. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ». 1999. 368 с.
Рец.: Замостьянов А. Неравнодушная природа // Знамя. 1999. № 8. С. 225–227.
179. Дуэль Пушкина. 2-е изд., испр. СПб.: «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ». 1999. 496 с.
180. Русь. IX–XVII века. [Учебное пособие] СПб.: «Питер». 1999. 352 с.
Рец.: Полторац С. Н. Кому учиться по новому учебному пособию? Рецензия на учебное пособие Р. Г. Скрынникова «Русь IX–XVII века» для абитуриентов гуманитарных вузов и учащихся старших классов // Клио. 1999. № 3(9). С. 337.
181. Mítosz és valóság Puskin haláláról. Szombathely: «Szláv történeti és filológiai társ. Orosz történeti szekciója», 1999. 74 p. [Миф и реальность о смерти Пушкина].
182. Возвращение из ссылки: [К биографии А. С. Пушкина, 1826–1827 гг.] // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 45–61.
183. Две дуэли // Новый журнал = The New Review. 1999. Кн. 215. С. 87–113.
184. Земельная собственность и становление самодержавия в России // Место России в Европе: Материалы международной конференции = The place of Russia in Europe: Materials of International Conference / Ред. Д. Свак. Budapest: «Magyar Ruzisztikai Intézet», 1999. С. 18–29.
185. Москва и Новгород // Adalékok Moszkva felemelkedésének történetéhez. Szombathely: «Szláv történeti és filológiai társaság», 1999. P. 22–32.

186. Nouvelle datation de l'expédition d'Ermak en Sibérie // Sibérie II: Questions siberiennes: Histoire, Cultures, Littérature / By Boris Chichlo. Paris: «Institut d'ertudes slaves», 1999. S. 59–67.
187. [Подг. к публ.:] Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Отечественная история. 1999. № 1. С. 132–145.
(совместно с А. Каппелером)

2000

188. Крест и корона. Церковь и государство на Руси 9–17 вв. СПб.: «Санкт-Петербург – Искусство», 2000. 463 с.
189. Puskin halála. Budapest: «Rannonica», 2000. 275 p. [Смерть Пушкина].

2001

190. Иван Грозный. М.: АСТ, 2001. 480 с. (Историческая библиотека).
191. Государственная земельная собственность и ее влияние на формирование дворянского сословия // Место России в Евразии = The Place of Russia in Eurasia / Ред. Д. Свак. Budapest: «Magyar Ruzisztikai Intézet», 2001. С. 39–49.

2002

192. Борис Годунов. М.: АСТ, 2002. 416 с. (Историческая библиотека).
193. Василий Шуйский. М.: АСТ, 2002. 400 с. (Историческая библиотека).
194. Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов»: Исторические реалии // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. ст., посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002. С. 551–567.

2003

195. Три Лжедмитрия. М.: «Астрель», 2003. 480 с. (Историческая библиотека).
196. Русь. История и художественная культура X–XVII вв. 2-е изд. М.: «Искусство – XXI век», 2003. С. 319–485.
(совместно с Д. С. Лихачевым, Г. К. Вагнером, Г. И. Вздорновым)
Рец.: Белгородская А. Русские идеалы // НГ Ex Libris. 2003. 3 июля.
197. State Ownership of Land and Its Influence on the Formation of the Noble Estate // Muscovy: The Peculiarities of its Development / Ed. Gy. Szvák. Budapest: «Magyar Ruzisztikai Intézet», 2003. P. 9–19.

2004

198. Пушкин. Тайна гибели. СПб.: Нева, 2004. 384 с.
199. Конфликт Ивана III с Думой и формирование поместной системы // Судебник Ивана III. Становление самодержавного государства на Руси. СПб.: Издательство СПбГУ, 2004. С. 274–287.

2005

200. Михаил Романов. М.: АСТ, Ермак, 2005. 334 с. (Историческая библиотека).
201. Иван Грозный (Подарочное издание). М.: АСТ, «Астрель», 2005. 496 с.
202. Иван Грозный. Борис Годунов. Василий Шуйский. М.: АСТ, «Транзиткнига», 2005. 1008 с.
203. Пушкин. Тайна гибели. СПб.: Нева, 2005. 384 с. (Тайны великих).
204. Дворянское сословие в период Смуты начала XVII в. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 4. Вып. 10. 2005. С. 167–172.

2006

205. Иван III. М.: АСТ, «Транзиткнига», 2006. 288 с. (Историческая библиотека).
206. Русская история IX–XVII веков. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. 582 с.

Литература о Р. Г. Скрынникове:

1. Вместо предисловия // Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Р. Г. Скрынникова / Сост. С. В. Лобачев, А. С. Лавров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 5–7.
2. Беседа главного редактора журнала «Клио» С. Н. Полторака с Р. Г. Скрынниковым // Клио. 1998. № 2(5). С. 8.
3. Скрынников Руслан Григорьевич // Профессора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена в XX веке: Биографический справочник / Под ред. Г. А. Бордовского, В. А. Козырева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. С. 309–310.
4. Тюменцев И. О. К юбилею Руслана Григорьевича Скрынникова // Россия XV–XVIII столетий: Сб. науч. ст. Юбилейное издание / Сост. и ред. д-р ист. наук И. О. Тюменцев. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. С. 5–16.

5. Брачев В. С., Дворниченко А. Ю. Кафедра Русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 298–300, 305–307, 312–314.
6. Дворниченко А. Ю. Кафедра истории России с древнейших времен до XX века // Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. проф. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 62–64.
7. Скрынников Руслан Григорьевич // Профессора Санкт-Петербургского государственного университета: Библиографический словарь / [Сост. Г. А. Тишкин]. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2004. С. 568–569.
8. Тюменцев И. О. Творческий путь профессора Р. Г. Скрынникова // Отечественная история. 2006. № 2. С. 208–213.

**Юбилейные сборники, изданные в честь
Р. Г. Скрынникова:**

1. Россия от Ивана Грозного до Петра Великого: Сб. трудов, посвященных 35-летию научной и педагогической деятельности проф. Р. Г. Скрынникова / [Редкол.: А. Лавров, П. Седов, В. Ульяновский; Отв. ред. В. Ульяновский]. СПб.; Киев: [Б. и.], 1993. 109 с.
2. Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения проф. Р. Г. Скрынникова / Сост. С. В. Лобачев, А. С. Лавров. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. 176 с.
3. Россия XV–XVIII столетий: Сб. науч. ст.: Юбилейное издание / Сост. и ред. И. О. Тюменцев. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2001. 292 с.

1. ...
2. ...
3. ...
4. ...
5. ...
6. ...
7. ...
8. ...
9. ...
10. ...
11. ...
12. ...
13. ...
14. ...
15. ...
16. ...
17. ...
18. ...
19. ...
20. ...
21. ...
22. ...
23. ...
24. ...
25. ...
26. ...
27. ...
28. ...
29. ...
30. ...
31. ...
32. ...
33. ...
34. ...
35. ...
36. ...
37. ...
38. ...
39. ...
40. ...
41. ...
42. ...
43. ...
44. ...
45. ...
46. ...
47. ...
48. ...
49. ...
50. ...
51. ...
52. ...
53. ...
54. ...
55. ...
56. ...
57. ...
58. ...
59. ...
60. ...
61. ...
62. ...
63. ...
64. ...
65. ...
66. ...
67. ...
68. ...
69. ...
70. ...
71. ...
72. ...
73. ...
74. ...
75. ...
76. ...
77. ...
78. ...
79. ...
80. ...
81. ...
82. ...
83. ...
84. ...
85. ...
86. ...
87. ...
88. ...
89. ...
90. ...
91. ...
92. ...
93. ...
94. ...
95. ...
96. ...
97. ...
98. ...
99. ...
100. ...

Раздел II

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ «МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО XV–XVII ВЕКОВ», ПОСВЯЩЕННЫХ 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА РУСЛАНА ГРИГОРЬЕВИЧА СКРЫННИКОВА

Б. Н. Флоря

Представление о Москве как Третьем Риме
и некоторые проблемы развития
русской общественной мысли в XVI веке

В настоящее время можно считать хорошо установленным, как и под воздействием каких факторов постепенно формировалось представление о «Москве как Третьем Риме», когда и в каких именно текстах, связанных с именем монаха Псковского Елеазарова монастыря Филофея, в 20-х гг. XVI в. это представление приобрело свою четкую форму, как видоизменялись отдельные формулировки и звенья предложенной Филофеем схемы мировой истории в последующих текстах самого Филофея и текстах других книжников, использовавших его наследие.¹ В настоящем сообщении хотелось бы сопоставить те представления о развитии мировой истории, которые были присущи Филофею и книжникам его круга, с тем, что говорится об этом в других текстах, отразивших развитие русской общественной мысли XVI в.

Представления Филофея о развитии мировой истории и ее финале отличались от взглядов, характерных для традиции восточно-христианского мира, в двух аспектах. Одна из этих новаций лежит на поверхности. Если византийцы полагали, что «Греческое царство» — мировая христианская империя — будет существовать до конца времен, то Филофей констатировал, что «Греческое царство разорится и не созиждется», так как греки «предаша православную веру в латынство», и та особая роль, которая принадлежала ранее «Греческому царству», перешла к Москве.² Эти утверждения

---

¹См. фундаментальный труд: Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.

²Около 1523–1524 г. Послание монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея дьяку М. Г. Мисюрю Мунехину с опровержением астрологических пред-

не были в полной мере оригинальными. Формулируя их, Филофей опирался на более раннюю русскую традицию.

Другая новация была не столь очевидной, но не менее существенной. В византийской традиции «Ромейское царство» — мировая христианская империя — существовало непрерывно и было главным центром мира с того времени, как христианство стало государственной религией, а Константин Великий перенес ее столицу в Константинополь. Согласно схеме Филофея первым центром «Ромейского царства» был Рим, а Греческое царство с Новым Римом — Константинополем — приобрело свою особую роль, стало «Ромейским царством» лишь тогда, когда латиняне «отпадоша правыя веры... прелшени Карулсом царем и папою Формосом».³ Введение в традиционную схему развития мировой истории «Первого Рима» и его духовного падения придавало глубину и перспективу всей картине мировой истории. Впадая в неверие, главный центр мировой христианской империи утрачивал свою особую роль, которая переходила к другому центру, пока им не стала Москва — Третий Рим, которая и сохранит ее за собой до конца времен: «Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвертому не быти».⁴

При всей последовательности и цельности рассуждений Филофея в его тексте можно обнаружить одно существенное противоречие. Как известно, ему пришлось полемизировать с католиками, которые утверждали, что в отличие от Византийской Священная Римская империя продолжает существовать, и это является доказательством истинности вероучения ее жителей. Этот довод старец парировал утверждением, что «аще убо великого Рима стены и столпове и трекровныя полаты не пленены, но душа их от диавола пленены быша». Такое положение он противопоставлял тому, которое сложилось на землях «Греческого царства», захваченных османами: «Аще убо Агарины внуци Гречьское царство приаша, но веры не повредиша».⁵ У читателя должен был возникнуть вопрос: если греки утратили царство, изменив вере, то как они могли сохранить ее в чистоте под властью завоевателей? Никаких объяснений, которые могли бы разъяснить это противоречие, Филофей читателю не предложил.

сказаний Николая Булева и с изложением концепции «Третьего Рима» // Синицина Н. В. Третий Рим. Приложение № 1.

³ Там же. С. 342.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Там же. С. 343.

В дальнейшем в текстах Филофеева цикла это противоречие разрешилось двояким образом. В более позднем послании Филофея Василию III читаем, что «старый» Рим «падеся неверием Аполинариевы ереси», а «Константинова града Церкви агаряне внуцы секирами и оскордами разсекоша двери»,⁶ т. е. говорится о физической, а не духовной гибели «Греческого царства». Иной способ разрешения противоречия предложил неизвестный автор сочинения «Об обидах церкви», написанного в 30–40-х гг. XVI века. Последовательно развивая схему Филофея, он написал, что после Флорентийского собора «костянтинопольскаа Церькви раздрушися и положилися в поправление, яко овощное хранилище». Если Филофей писал о христианских царствах, что они «ныне все поправи от неверных», то автор сочинения «Об обидах» изменил текст таким образом, что в нем стало читаться: «Вся царства потопишася неверием», и только Русь «стоит верою в православии».⁷

В момент появления начального звена схемы Филофея выдвинутые старцем воззрения явно не разделялись его современниками.

В конце 20-х гг. XVI в. в Иосифо-Волоколамском монастыре была завершена работа над созданием Хронографа русской редакции — изложения всемирной истории, опиравшегося в заключительной части на древнерусское летописание. Следуя византийским источникам, составители Хронографа отметили, что во второй половине V в. «Рим державы царския до конца лишися и варварским ригам повинуся, правления не име от царей».⁸ Так дело продолжалось до правления Юстиниана, когда Рим «паки соединися Греческому скиптродержанию».⁹

Лишь в правление иконоборческих императоров Рим отделился от Греческого царства, и папа поставил «во Риме царя благочестива» — Карла Великого — «да царство паки от Рима начнется», но вместе с Карлом пришла ересь «*filioque*», которая привела к отпадению латинян от православного мира.¹⁰

Аналогичным образом происходившие перемены описаны в тексте Никоновской летописи — свода, созданного в 20-х гг. XVI в. в

⁶ Между 1524–1526 гг. (?) Послание московскому великому князю Василию Ивановичу о «Третьем Риме», обязанностях правителя, обряде Крестного знамения // Синицина Н. В. Третий Рим. Приложение № 2.

⁷ 30-е — начало 40-х гг. XVI в. Сочинение «Об обидах Церкви» // Синицина Н. В. Третий Рим. Приложение № 3.

⁸ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. СПб., 1911. С. 285.

⁹ Там же. С. 296.

¹⁰ Там же. С. 324–326.

окружении митрополита Даниила.¹¹ В такой системе представлений не было места «Ромейскому царству» с центром в Риме, объединявшему весь христианский мир до того времени, когда латиняне впали в ересь.

Несмотря на это представление о том, что «Ветхий Рим» «падеся Аполинариевой ересью» и так утратил свою историческую роль, в конце XVI в. было официально утверждено и признано грамотой об основании патриаршества в 1589 г.¹² Иной, гораздо более сложной, оказалась судьба схемы Филофея в ее центральной, наиболее традиционной части.

Утверждение Филофея, что «Греческое царство разорися и не созиждется», находилось в противоречии с традицией, идущей из восточнохристианского мира и получившей достаточно широкое распространение в русской письменности XVI столетия. Имею в виду «Повесть о падении Царьграда» Нестора Искандера, пользовавшуюся признанием на Руси. Об этом говорит не только ее широкое распространение в древнерусской письменности, но и включение ее в состав Хронографа как наиболее авторитетного свидетельства о событии. Рассказ о героической обороне и падении Константинополя завершался пророчеством из так называемого «Последнего Видения Даниила», в котором говорилось, что наступят времена, когда явится муж, которого введут в святую Софию и коронуют четыре ангела. Они вложат в его руки оружие «и восприем оружия от тоя ангела и поразит измаильты, и ефиопы, и фруги, и татаре, и всяк род».¹³

Все это не могло не влиять на сознание просвещенной части древнерусского общества. Современник Филофея, составитель Хронографа, работавший в те же 20-е гг. XVI в., соглашаясь с псковским старцем в том, что под властью завоевателей православные сохранили свою веру, писал, что Бог «погребеную яко в пепле искру благочестия в тме нечестивых властей вожже зело и поपालит Измаили нечестивых царства... и паки возставит благочестие и царя православна».¹⁴

Утверждая, что греки «предаша православную веру в латынство» и что это привело к гибели их царство, Филофей не говорил ничего нового, а лишь повторял положения посланий митрополита

¹¹ ПСРЛ. Т. 12. СПб., 1901. С. 55–56.

¹² Синуицына Н. В. Третий Рим... С. 302.

¹³ Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958. С. 77.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 439.

Ионы, написанных вскоре после падения Константинополя. Однако и эта часть его схемы не получила общего признания. И здесь, как представляется, сказалось влияние идущей из византийского мира традиции. В первую очередь следует снова говорить о влиянии «Повести» Нестора Искандера. Как истинный христианин, автор «Повести» объяснял падение Царьграда божьим гневом, вызванным многочисленными «согрешениями и беззакониями» его жителей, но среди этих «согрешений» не было отступления от веры.

На страницах «Повести» последний император Константин XI выступает как православный правитель, которого в героической обороне города поддерживает православный патриарх Анастасий, святители и весь священнический чин. Император вступает в бой со словами: «О братия и друзи, ныне время обрести славу вечную за церкви божия, за православную веру».¹⁵ В этом отношении «Повесть» не соответствовала историческим фактам: уния не была разорвана, решения Флорентийского собора были торжественно зачитаны в храме Св. Софии 12 декабря 1452 года, а вместо православного патриарха Анастасия в городе находился папский легат, изгнанный из Москвы митрополит Исидор.¹⁶

Однако именно трактовка событий, которую предложил Нестор Искандер, возобладала в сознании русских людей середины XVI в. Внимательный читатель «Повести» Нестора Искандера И. С. Пересветов внес на страницы своего пересказа «Повести» диалог между патриархом Анастасием и Богом. В ответ на вопрос, почему Бог позволил османам захватить христианский город, разрушать церкви и надругаться над иконами, Бог отвечал, что гнев его вызвало то, что «царь сшед с праведного суда, и весь мир прельстился на нечистое собрание, суд был лукав и слезен, слезы и кровь мира сего брызгали на образы мои святыя чудотворныя от лукавых судей и неправедного суда их», а патриарх их «на путь мой святыи не правил».¹⁷ В устах Бога звучат суровые обвинения, но отступления от веры среди них нет. Несмотря на то, что сочинения «выезжего иноземца» получили распространение, они могли не пользоваться авторитетом в глазах древнерусского общества.

Однако и Иван IV не считал отступление от веры причиной падения Константинополя. Причины ослабления и упадка Греческого царства он видел в том, что греческие вельможи не переставали «о

¹⁵ Русские повести. . . С. 58, 62, 64, 68–69.

¹⁶ *Runciman S. Pád Carbihradu*. Praha, 1970. S. 71–73.

¹⁷ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 150.

властех и богатствах меж себя ратоватися и гради и власти и имения стяжевати». Несмотря на растущее ослабление государства и признаки приближающейся гибели, они не отступили «от своего злоперваго обычая никакоже... аки сонное мечтание сицевую погибель царству быти вменяюще». В результате «безбожный Магмет власть греческую погаси».¹⁸

Значит ли это, что пространные рассказы о Флорентийском соборе с обличениями императора и греческих иерархов, отступивших от веры, забылись, изгладились из исторической памяти? Они продолжали переписываться в летописных сводах первых десятилетий XVI в., например, в составе Никоновской летописи, где древнерусский рассказ о Флорентийском соборе был механически записан рядом с «Повестью» Нестора Искандера.¹⁹

Это соседство вызвало к жизни стремление согласовать между собой свидетельства этих источников. Первую такую попытку предпринял составитель Хронографа, записавший, что на Флорентийском соборе «мнози от православных, сопротив глаголавше, отидоша, неции же прелстишася... и быша единомыслена с латины».²⁰ Таким образом, получалось, что большинство греческих участников покинуло собор, не приняв унии.

Еще дальше в этом направлении пошли составители «Степенной книги» — памятника официальной церковной и государственной идеологии начала 60-х гг. XVI века. Здесь читаем, что когда после Флорентийского собора папа послал на патриаршество в Константинополь своего ставленника Григория, «православнии святители и вси люди не токмо не прияша его», но и сорвали с него святительские одеяния. После этого «бысть поставлен в Цариграде патриарх православен», а те, кто «не стерпеша мук», согласились во Флоренции соединиться с латинянами, припали к ногам этого патриарха «и прощения прошаху, кричаще и плачуще неутешно».²¹

Таким образом, согласно официальной точке зрения высшей церковной и светской власти времени Ивана Грозного Флорентийская уния сразу и категорически была отвергнута и греческим обществом, и греческим духовенством. Из этого вытекало, что отступление от веры никак не могло быть причиной падения Константинополя.

¹⁸ Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 24, 26.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 12. С. 25 и след.; С. 78 и след.

²⁰ ПСРЛ. Т. 22. Ч. 1. С. 429–430.

²¹ ПСРЛ. Т. 21. Первая половина. СПб., 1908. С. 508–509.

Все эти особенности русской общественной мысли позволяют понять, в каких условиях представление о «Москве как Третьем Риме» получило официальное признание. Как известно, это имело место при учреждении русского патриаршества в 1589 г., когда в грамоту об учреждении патриаршества было включено дословное заимствование одного из текстов Филофея, содержавшего такое определение. Однако для заимствования был использован не текст послания Филофея, адресованный М. Г. Мисюрю Мунехину, где его воззрения были изложены наиболее полно и последовательно, а послание Василию III, где, как уже отмечалось, говорилось о духовном упадке Первого Рима («падесея Аполиinarieвою ересью») и о завоевании Второго Рима «безбожными турками».²²

Такая редакция предложенной Филофеем схемы мировой истории не только соответствовала сложившимся представлениям русских людей о причинах падения Царьграда, но и устраняла из этой схемы моменты, неприемлемые для греческих патриархов, которые должны были одобрить принятое в Москве решение. Вместе с тем изложенная в такой форме схема Филофея утрачивала одно из своих важных обоснований.

Исследователями справедливо отмечено, что в греческих актах 1590 г. и 1593 г. определение Москвы как «Третьего Рима» отсутствует, и это показывает, что даже в той форме, в которой данное представление было зафиксировано в грамоте 1589 г., оно не было принято восточнохристианским миром.

Признание Москвы центром мировой христианской империи — Третьим Римом — означало, что именно пребывающий в Москве русский царь должен освободить всех христиан, объединить их под своей властью, утвердить во всем мире истинную веру и тем выполнить ту особую миссию, которая возложена Богом на «Ромейское царство». Греческое же общество жило в ожидании исполнения пророчеств о возрождении «Греческого царства». Эти противоречия подспудно обозначились, когда к середине XVII в. в условиях острого кризиса Османской империи планы освобождения православных народов стали приобретать реальные очертания.

Именно в середине XVII в. царь Алексей Михайлович, обращаясь к греческим купцам, находившимся в Москве, говорил, что готов принести в жертву свое войско, казну, даже кровь свою ради

²² Сеницына Н. В. Третий Рим... С. 302.

их освобождения, но это означало, что «Седмохолмнаго создатели, греческий род... вскоре прибегнут под державу богохранимых великих государей».²³

У греческого общества, приверженного идее восстановления Византийской империи, был иной взгляд на вещи. Русский царь должен был не только освободить греков и других православных от власти османов, но и восстановить Византийскую империю. В начале 40-х гг. XVII в. греческий богослов Григорий Власьев, сравнивая Михаила Федоровича с Моисеем, освободившим евреев из египетского плена, выражал желание «видети» русского монарха «на престоле» благочестивого великого царя Константина, т. е. в Константинополе. «Сядет, — писал он Михаилу в другом своем послании, — великое твое царствие в царских праотческих палатах» и войдет в церковь Святой Софии, которую «праотец твои Устиниян великий царь соорудил».²⁴ Поскольку ни Михаилу Федоровичу, ни Алексею Михайловичу так и не удалось освободить Константинополь, намечавшиеся противоречия не вышли на поверхность.

²³ Там же. С. 312.

²⁴ Флоря Б. Н. Два послания Г. Власьева царю Михаилу Федоровичу // Славяне и их соседи. Вып. 6. М., 1996. С. 229.

В. И. Ульяновский

Первая концепция происхождения княжеской власти и ее символов на Руси: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Савы*

Концепт «мономахова дара» инсигний власти русским князьям появляется в московской книжности на рубеже XV–XVI столетий. «Первотекстом», в котором данный концепт подробно обос-

* Подчеркнем, в тексте форма имени автора — «Спиридон рекомый, Сава глаголемый», поэтому употребление в историографии формы второго имени Савва — неверно; более того, оно имеет принципиальное значение для определения святого покровителя автора (Сава Сербский, Савва Освященный, Савва Вишерский и пр.). Подробнее об этом см.: Ульяновский В. Митрополит Київський Спиридон: Образ крізь епоху, епоха крізь образ. Київ, 2004. С. 28–34.

нован, считается «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Савы. Отметим, что указанное сочинение не имеет ни аутентичного названия, ни точно установленного авторства (кто был Спиридон-Сава, окончательно не доказано). Традиционное мнение, что «Послание» было составлено бывшим Киевским и всея Руси митрополитом Спиридоном, вряд ли приемлемо.¹ И все же благодаря невероятно интересным и важным для начала XVI в. идеям данное сочинение вызвало огромный интерес исследователей и вместе с тем неоднозначные интерпретации.

Первым и на сегодня классическим следует считать исследование И. Жданова, который обосновал время создания «Послания» (1513–1523 гг.), но считал его вторичным, основанным на «Сказании о князьях Владимирских», которое атрибутировал Пахомию Сербу (умер в 1483 г.). Определяя идеологическую концепцию «Послания», И. Жданов образно синтезировал: «Перед мыслью писавшего эти строки носился образ всемирной монархии. В шапке Мономаха и в крабийце, из которой «Август кесарь веселяшеся», ему виделся символический залог будущего необъятного величия Москвы. Являлись вызванные из сумрака веков величавые тени римского императора и загадочного египетского фараона и открывали перед московскими князьями заманчивую даль, на горизонте которой рисовалось блестящее марево всемирной власти».² Идеи И. Жданова активно использовались последующими авторами — современниками ученого, которые не вносили оригинальных мыслей.³ Свою точку зрения высказал лишь В. С. Иконников, который выдвинул гипотезу о южнославянских влияниях на «Послание», указав на сербский летописец, где генеалогия сербских правителей (жупан Немань) выводилась через Константина Великого от Августа. Историк подчеркнул, что эта «римская мода» распространи-

---

¹ Мы однозначно отрицаем авторство митрополита Спиридона. См.: Уляновський В. 1) Київський митрополит Спиридон і його догматичний твір // Просемінарій: Медієвістика. Історія Церкви, науки і культури. Вип. 3. Київ, 1999. С. 80–115; 2) Митрополит Київський Спиридон. С. 333–336.

² Жданов И. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях Владимирских» // Жданов И. Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 62–150.

³ Сокольский В. Участие русского духовенства и монашества в развитии единой державы и самодержавия в Московском государстве в конце XV и первой половине XVI в. Киев, 1902. С. 181; Никольский А. Спиридон, митрополит Киевский // Русский биографический словарь. Т. XIX: Смеловский—Суворина / Ред. А. А. Половцева. СПб., 1909. С. 260.

лась по всей Европе и попала на Русь именно через южных славян (сербов).⁴ К сожалению, эта оригинальная идея не нашла развития, и лишь в наше время возрождена как собственная сначала И. Шевченко, а на широком материале южнославянской письменности обобщена в интересном исследовании А. А. Турилова.⁵ Важной для истории текста была и публикация А. А. Шахматовым Воронцовского списка «Послания».⁶

К идеологической составной «Послания» обратился казанский историк А. С. Архангельский, который считал основной смысловой линией «Послания» стремление связать историю Московского государства с всемирной историей через Августа и регалии власти. По мнению ученого, описанная Спиридоном-Савой символическая картина «облачения» Августа в порфиру и виссон Сеостра египетского, митру Пора индийского, крайницу Филиппа Македонского — «все это должно было служить символическим выражением всемирной власти римского кесаря, а вместе — и его будущего потомка, московского царя». В целом «история Московского государства двойным узлом связывается с величием Римской Империи».⁷

Как видим, в дореволюционной историографии акценты расставлялись однозначно: Рим и Константинополь как прообразы нового Московского царства.

Значительный прорыв в изучении сочинения Спиридона-Савы наблюдается лишь в трудах второй половины XX века. Самым авторитетным исследователем «Послания», бесспорно, считается Р. П. Дмитриева, переиздавшая по трем спискам текст памятника и осуществившая его комплексный анализ. Исследовательница смогла убедительно доказать первичность «Послания» относительно «Сказания о князьях Владимирских». Р. П. Дмитриева предложила несколько иную датировку «Послания» (датировка все более суживалась в последующих трудах ученой), определила автора как

---

⁴ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Кн. 2. Киев, 1908. С. 1404–1406.

⁵ Турилов А. А. Южнославянские памятники в литературе и книжности Литовской и Московской Руси XV — первой половины XVI в.: Парадоксы истории и географии культурных связей // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 247–285.

⁶ Шахматов А. А. Несколько слов о Воронцовском историческом сборнике XVI в. // Сборник статей в честь Дмитрия Александровича Корсакова. Казань, 1913. С. 398–399.

⁷ Архангельский А. С. Из лекций по истории русской литературы. Литература Московского государства (Кон. XV — XVII в.). Казань, 1913. С. 234–235.

заточенного в Феррапонтовом монастыре бывшего Киевского митрополита Спиридона и назвала заказчика «Послания» — Вассиана Патрикеева.

Р. П. Дмитриева предложила развернутую характеристику идеологической составной «Послания», указав на две фундаментальные идеологемы: происхождение русских князей от Августа (через Пруса и Рюрика) и получение Владимиром Мономахом инсигний власти от византийского императора — все это связывало русских правителей «с деятелями мировой истории». Как резюме она постулировала: «Родословие русских князей, восходящее к Августу, римскому императору, в эпоху Ренессанса, когда было особенно велико внимание к римской империи и искусству, соответствовало вкусам и запросам своего времени, отвечало задаче возвеличивания Русского государства в общественном мнении всей Европы. Такая, свойственная эпохе Ренессанса генеалогия ставила русских князей на один уровень с главнейшими владетельными домами Западной Европы, происхождение которых обычно связывалось с деятелями и героями античной истории».

По мнению Р. П. Дмитриевой, появление отображенных в «Послании» идей обуславливалось самой политической жизнью страны, Спиридон-Сава не был их автором, а только обработал их в своем сочинении «приблизительно так же, как он отредактировал «Житие Зосимы и Савватия», написанное Досифеем».⁸ С этим выводом Р. П. Дмитриевой перекликаются и наблюдения А. Л. Хорошкевич, указавшей, что в конце XV в. «старая теория о родстве первых русских князей с варягами... уже не прибавляла блеска династии русских князей», тогда как диффузно распространившаяся по всей Европе идея происхождения власти от Августа «ввела русского государя в семью правящих домов Европы», поставила вровень с немецким императорским домом и стала противоречием литовской и польской династическим теориям.⁹

---

⁸ Дмитриева Р. П. 1) Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 66, 71, 80–90, 108; 2) К истории создания «Сказания о князьях Владимирских» // ТОДРЛ. Т. XVII. М.; Л., 1961. С. 342–347; 3) О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 440–445; 4) О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 217–230; 5) Спиридон-Савва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV — XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 410; 6) Сказание о князьях Владимирских // Там же. С. 370–371.

⁹ Хорошкевич А. Л. История государственности в публицистике времен цен-

Другую версию времени, обстоятельств и цели создания «Послания» выдвинули О. И. Подобедова и А. А. Зимин. О. И. Подобедова считала, что Спиридон-Сава был связан с Патрикеевыми, которые были близки с двором Елены Волошанки, а поэтому «Послание» имело прямое отношение к разработке чина венчания Дмитрия-внука в 1498 году. Василий III — сын Софьи Палеолог — не нуждался в обосновании римского происхождения власти через князей владимирских и Пруса от Августа. Кроме того, в «Послание» включен не имеющий отношения к московской княжеской генеалогии род Патрикеевых и литовских князей, от которых Патрикеевы, собственно, и происходили. Во время создания «Послания» и коронации Дмитрия производилась также редакция Радзивилловской летописи (текста и миниатюр), в частности, и с целью возвеличивания владимирских князей и намеком на неблагоприятную заговорщическую деятельность Софьи Палеолог.¹⁰

А. А. Зимин несколько уточнил наблюдения коллеги: «Послание» он считал вторичным произведением, написанным на базе «Повести» и «Сказания» о мономаховом венце, текстовая первооснова которых была создана в 1497–1498 гг. во время подготовки коронации внука Ивана III Дмитрия. С окружением последнего ученый связывал «римскую легенду» (через подобную молдавскую легенду, принесенную матерью Дмитрия Еленой Волошанкой), тверские сюжеты и литовское родословие (идеологическое и военно-дипломатическое противостояние Литвы).¹¹

Я. С. Лурье предложил иной ракурс анализа главного идеологического упора «Послания» на фоне анализа других современных идеологических сочинений (теории митрополита Зосимы «Москва — Новый град Константинов» и Филофея «Москва — Третий Рим»), указав, что в сочинениях данных авторов могущество Русской земли рассматривается в религиозной плоскости, тогда как у Спиридона-Савы — в светской, что в начале XVI в.

трализации // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 119–122.

¹⁰ Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965. С. 96. Примеч. 86; С. 97.

¹¹ Зимин А. А. 1) Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128–138; 2) Россия на рубеже XV–XVI столетий (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 149–159; 3) Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 137–139.

было ближе и «выгоднее» московской официальной идеологии.¹²

Указанные версии пересмотра хронологии возникновения «Послания» и его главных идей не получили распространения. Так, А. Л. Гольдберг доказывал, что лишь в конце 1510-х — в начале 1520-х гг. возникла первоначальная редакция повести об Августе и Мономахе (Протограф I «Сказания»), а «Послание» возникло как ее переработка Спиридоном-Савой параллельно со «Сказанием о князьях Владимирских», последняя редакция которого была создана в связи с коронацией Ивана IV.¹³

В начале 1990-х годов, когда в историографии получило распространение «эссеистское» течение и очень популярными стали обобщающие синтезаци (часто без всякой опоры на добытые ранее факты), трактовка «Послания» и оценки его автора приобрели в ряде случаев просто неожиданный поворот. Наиболее ярким примером может служить вступительная статья новосибирского академика Н. Н. Покровского к книге Ю. Г. Алексева. Ученый постулировал, что «Послание» Спиридона-Савы стало основанием теории «Москва — Третий Рим», а сам «Спиридон появился на Руси (откуда?! — В. У.) перед 1472 г. (т. е. еще до смерти митрополита Григория Болгариновича?! — В. У.). Он был монахом (?! — В. У.) крайне авантюрного склада, покушался на пост главы русской церкви (?! — В. У.). Упомянув его в первый раз (?! — В. У.), летописец недаром прибавляет: «Прозванный Сотоной за резвость его». На Руси руководителями (?! — В. У.) церкви и государства он был встречен с понятной враждебностью и послание свое писал из заточения. Известно (?! — В. У.), что при этом он выполнял какой-то социальный заказ придворных кругов».¹⁴

К сожалению, такое «легкое» отношение к историческому материалу превращается в «профессиональную черту» и становится признаком «нового времени» в исторической науке. Примером тому может служить текст о Спиридоне-Саве

¹² Лурье Я. С. [Рец.:] Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955 // Известия отделения литературы и языка АН СССР. 1956. Т. XV. Вып. 2. С. 177.

¹³ Гольдберг А. Л. 1) К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 204–216; 2) К предыстории идеи «Москва — Третий Рим» // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 111–116.

¹⁴ Покровский Н. Н. (Вступление от научного редактора) // Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 9.

и его сочинении М. С. Киселева, наполненный несуразностями.¹⁵

Другая исследовательница довольно странным образом попыталась объяснить, почему Киевский митрополит Спиридон (она односторонне считает последнего автором «Послания») создал «генеалогический компромат» на великих князьях литовских. Оказывается, он просто мстил Ягеллонам, поскольку Казимир IV посадил в тюрьму митрополита, поставленного без его ведома. А попав к Ивану III и тоже — в заточение, Спиридон быстро «соорудил» мифическую генеалогию московских князей, которой «двойным узлом» (напомним, это «крылатое выражение» принадлежит А. С. Архангельскому еще с 1913 г.) связал их с Римом.¹⁶

Но более всех удивляет известный итальянский русист Риккардо Пиккио, который в обобщающей книге о древнерусской литературе постулировал: «Спиридон-Савва, будучи уже (?! — В. У.) митрополитом Киевским, написал в Ферапонтове монастыре, близ Вологды «Послание», чтобы доказать императорское происхождение московской великокняжеской семьи».¹⁷ Приведенная цитата ярко демонстрирует осознанную примитивизацию не только содержания «Послания», но и всей древнерусской литературы. Априорные утверждения автора часто удивляют, а его незнание самих произведений и исторической конкретики просто поражают.

Даже такой блестящий историк и культуролог, как А. С. Мыльников, в специальном исследовании о славянских этногенетических легендах XVI — начала XVIII века, возможно, из-за глобализма затронутых в книге проблем, очень бегло остановился на важном для заявленной в книге темы и практически нерасшифрованном «Послании». Указав на возникновение в германском и славянском мире новаций в виде библейской генеалогии, ученый лапидарно привел лишь два примера о четвертом сыне Ноя — у австрийского лекаря и историка Вольфганга Лациуса (1514–1565 гг.) и в «Послании» Спиридона-Савы. А. С. Мыльников даже не пробовал объяснить источники и причины появления такой странной новации в XVI в., и в частности, в Московской Руси. Ученый лишь обозначил гене-

¹⁵ Киселев М. С. Учение книжное: Текст и контекст древнерусской книжности. М., 2000. С. 166.

¹⁶ Русіна О. В. Була Троя, був Іларіон і слава троянців безмежна... // Незнана Кліо. Українська історія в таємницях і курйозах XV–XVIII століття. Київ, 2002. С. 42–43.

¹⁷ Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002. С. 162.

алогическую схему от Августа через Пруса и Рюрика к московским князьям, указав, что ее создал Спиридон-Сава в «Послании» для Василия III. Единственное, что автор предложил «от себя», это то, что Спиридон-Сава (автор традиционно считал его Киевским митрополитом) воспринял идею «римского происхождения» во время пребывания в Литве (концепт «римского происхождения литовцев»)¹⁸.

Обе новации (австрийский аналог библейской генеалогии и литовский — римской генеалогии) остались без доказательств и поэтому выглядят достаточно искусственными, тем более, что и заметки Лациуса, и литовский вариант «римской легенды» сильно отличаются от версий «Послания». Подобная тенденция неаргументированного постулирования наблюдается и сегодня в среде младшего поколения ученых.¹⁹

Например, теократическое значение концепции «Москва — Третий Рим» и всех ранних идей русских книжников относительно соотношения «священства» и «царства» (сюда, по-видимому, относится и «Послание») подчеркнула Л. Ключкина. Опираясь на мысль М. Элиаде о совпадении освященного пространства с центром мира, исследовательница посчитала возможным утверждать, что в сочинениях русских книжников XV–XVI вв. центр мира из Рима переносится в Москву.²⁰

Однако все же стоит завершить этот краткий историографический обзор упоминанием новых высококачественных трудов российских исследователей.²¹ На основании анализа Медоварцев-

---

¹⁸ Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. С. 41.

¹⁹ Кореневский А. В. Идея «византийского наследия» в русской религиозно-политической мысли XV–XVI вв.: Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1995. С. 18.

²⁰ Ключкина Л. Мифологема и образ империи в русской культуре XV–XVI вв. (К проблеме самопознания русского духа) // Бренное и вечное. Прошлое в настоящем и будущем философии и культуры. Великий Новгород, 2003. С. 162–168.

²¹ Указываем лишь избранные работы. Некоторые труды остались нам недоступны: Алексеев В. И. Роль церкви в создании Русского государства: Период централизации: Иван III. 1462–1505 гг. СПб., 2003; Андреева Л. А. «Местный Божий» на царском троне: Христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории. М., 2002; Асонов Н. В. Развитие политической мысли в процессе формирования Российского государства XIII–XVI веков. Автореф. канд. дис. М., 1997; Мильков В. В. Основные направления религиозно-философской мысли Древней Руси XI–XV вв. Автореф. докт. дис. М., 2000;

ского сборника с текстом «Сказания о князьях Владимирских» А. Л. Хорошкевич предложила ряд новых гипотез: среди источников главных идей и «Сказания...», и «Послания...» она выделяет библейскую, южнославянскую (поставление Пиона и Иллирика) и новгородскую части, резко отличающиеся по стилю и языку. Родословие литовских князей, по ее мнению, имеет тверской протограф.²²

Неимоверно важным и значимым историографическим событием стало появление фундаментальной статьи Б. А. Успенского.²³ Исследователь указал, что не доказано приписывание «Послания о Мономаховом венце» митрополиту Спиридону, датирование его 1511–1521 гг. и создание по заказу Вассиана Патрикеева для Василия III. Поводом для написания этого сочинения могло стать лишь намерение великого князя венчаться на царство.

Более того, Б. А. Успенский переатрибутировал и концепцию «Москва — Третий Рим» Троицкому игумену, а с 1495 г. Московскому митрополиту Симону Чижю. Это первая в историографии попытка пересмотреть давно устоявшуюся традицию авторства указанной теории старца Елеазарьева монастыря Филофея.

Одна из главных идей Б. А. Успенского состоит в перемещении смысловых акцентов теории «Москва — Третий Рим» от идеи *translatio imperia* к космологической идее и церковному пониманию прерогатив царской власти. Ученый считает, что космологические представления первичны относительно исторических представлений, а история воспринимается на фоне космологии. Поэтому Москва воспринималась сначала как Новый Иерусалим, и лишь

Переверзев С. В. Исторические судьбы России в трудах русских мыслителей XI–XVIII вв.: Автореф. докт. дис. М., 1999; *Свак Д.* Московия: Очерки истории Московского государства второй половины XV — конца XVII в. М., 2000; *Соловьев К. А.* 1) Властители и судьи. Легитимация государственной власти в Древней и Средневековой Руси IX — первой половины XV в. М., 1999; 2) Дело власти: Отечественные историки о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX — первой половины XV в.). М., 2001; *Щавелев А. С.* Славянские легенды о происхождении княжеской власти // Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых. Тетрадь 5. Курск, 2004. С. 40–47; *Янов А. Л.* Россия: У истоков трагедии. 1462–1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001.

²² *Хорошкевич А. Л.* Графическое оформление комплекса «Сказания о князьях Владимирских» в Медоварцевском сборнике // История и палеография. Вып. 1. М., 1993. С. 56–89.

²³ *Успенский Б. А.* Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва — Третий Рим» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 464–501.

позже — как Новый Рим. По его словам, «в России исторический процесс оказывается в двойной перспективе — космологической и исторической, и это придает происходящим событиям особую значимость. Эта двойная перспектива в какой-то мере отвечает объединению здесь Иерусалима и Рима: действительно, в отличие от Рима Иерусалим в принципе не связан с идеей *translatio imperia*».

Новые идеи Б. А. Успенского встретили как одобрение, так и критику со стороны Н. В. Сеницыной.²⁴ Она считает, что в «Послании» Спиридон-Сава «оформил в законченную историко-политическую концепцию» именно *translatio imperia*. Речь шла о сосуществовании двух царств и двух царей, при этом русский царь венчан по воле императора духовной особой (митрополитом Эфесским Нифонтом), и главная цель обоих царей — защита православия.

В «Послании» Н. В. Сеницына выделяет новый аспект «греческой идеи»: речь идет не об осуждении греков за Флорентийскую унию, а о «наследовании царства, государственности, титулатуры». В жизни Константинопольской Церкви исследовательница выделила факт разделения Церквей XI в. и акцентировала внимание именно на защите Константинополем православия. «*Translatio* царства на Русь оказывается, по замыслу автора, современным этому событию, создавая новый оплот православия». Н. В. Сеницына связывает объединение Спиридоном-Савой исторических деятелей разных времен в одном эпизоде (Константин IX Мономах, Папа Формос, Патриарх Михаил Кируларий, Владимир Мономах) с общим явлением, характерным для средневековых исторических и литературно-хронологических сочинений. Оно определяется как особое «идеологическое время», конструируя которое «авторы имеют цель обнаружить вектор развития, внутреннюю суть, скрытый смысл событий, который открывается лишь по прошествии длительного времени, а сами события приобретают знаковый характер».

По мнению исследовательницы, «Послание» Спиридона-Савы имеет три главных идеологических звена единой цепи: венчание Августа → венчание Владимира Мономаха → ожидаемое / запланированное венчание Василия III. При этом кульминацией выступает среднее звено — венчание Владимира Мономаха. Н. В. Сеницына отмечает, что присоединение к «константинопольскому звену» повествования древнеримских и даже египетских сюжетов имело це-

²⁴ Сеницына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998. С. 194–199.

лью не только (и не столько) утверждение величия великокняжеской династии, сколько глубокое укоренение в истории «собственной государственности с целью провозгласить для нее корни более древние, чем Греческое царство — чтобы избежать его участи».

Создатель послания мог использовать и «практики» современной ему Священной Римской империи. Н. В. Сеницына подчеркивает, что только в «Послании» как бы предвидится царское венчание Василия III (конструкция фразы «венчаются вси великие князи... яко же и сей волный самодержъц и царь Великыа Россия Василие Иванович») — «ни в одном другом произведении цикла этого фрагмента нет». Это приводит к выводу, что «заказ Спиридону-Савве был сделан именно в связи с предполагаемым венчанием» и при этом работа исполнялась очень спешно (автор не успел уточнить ряд деталей, отредактировать текст, затушевать «тверскую тему» и больше акцентировать внимание на главном в ней — «худородности» литовских князей). Тем не менее «Спиридон-Савва успешно справился с главной задачей заказа — показать высокое происхождение московского великокняжеского дома и худородное — литовского».

Нельзя также пройти мимо книги польского ученого Войцеха Пельтца, в которой рассматривается государственно-политическая доктрина Московской Руси XIV–XVI вв.²⁵ По мнению ученого, уже со времен Ивана III «литературные фикции» превратились в программу возвращения под власть московских Рюриковичей всех русских земель эпохи Киевской Руси. На самом же деле речь шла не о «физическом» объединении Руси, а об обретении Москвой роли «гегемона восточнославянского мира» (своеобразное понятие «старейшинства») после того, как престол великого княжения Московского начал переходить по наследству без санкции сюзерена — ордынского хана (по В. Пельтцу, не с 1480 г., а с 1547 г.). В то время центрами европейского универсализма были Вена и Рим, соответственно, Москва противопоставила себя этим центрам и всей Европе в политико-идеологической доктрине. Москва посредством идеологических сочинений (в том числе «Послания») присвоила себе роль наследницы Византии в отношении имперской идеологии, пронизанной духом религиозной системы византийской элиты.

Однако, по мнению исследователя, сфера византийского влия-

²⁵ Peltz W. Suwerennosc państwa w praktyce i doktrynie politycznej Rusi Moskiewskiej (XIV–XVI w.). Zielona Góra, 1994.

ния ограничилась церковной проблематикой, и именно через Церковь на Русь проникла имперская византийская идея, «заквашенная» на «православной идеологии» (или «догматике»). В. Пельтц считает, что Москва «не чувствовала себя» правопреемницей Византийской империи в светском проявлении. Книжники (в том числе Спиридон-Сава) творили «качественно новую конструкцию», серьезно адаптировали византийскую традицию и создали оригинальную теорию. Богословский элемент этой теории включал в себя обязательную составную — сакрализацию великокняжеского/царского рода.

В целом все указанные исследователи сходятся во мнении, что сочинение Спиридона-Савы (как оригинальное, или как вторичное) фактически содействовало обоснованию политических амбиций московской великокняжеской власти при помощи исторических аллюзий и церковно-богословской доктрины. Тем не менее, на наш взгляд, в «Послании» авторская конъюнктура все же не была последовательно промосковской: совершенно выпадает из идеи «московского апофеоза» тема «славноности» тверских князей, родословие литовских правителей, да и владимирские князья выглядят «славнее» московских. Сочинение Спиридона-Савы ждет своего нового комплексного осмысления и таит еще многие загадки, оставаясь недопонятым исследователями.

В данной статье мы намерены обсудить только одну, традиционно считающуюся самой важной, тему «Послания» — концепцию происхождения княжеской власти и ее символов. Как правило, эту проблему активно разрабатывают на материале сюжета о «Константинове даре». Это неверно — указанный сюжет далеко не начинается «исторической линии власти» в «Послании», а посему этапы ее развития до «Константинова дара» исполняют не менее важную идеологическую функцию. В качестве преамбулы к обсуждению классической схемы считаем необходимым хотя бы пунктиром напомнить ключевые моменты «домономахова» периода развития и генеалогии передачи власти, изложенные в «Послании».²⁶

Первая смысловая часть «Послания» содержит линейное изложение происхождения и передачи земной власти от слепопотопных времен Ноя и до Пруса. Собственно, идея выведения разных народов и их родоначальников-властителей от сыновей Ноя традицион-

²⁶ Далее все цитаты из «Послания» приводим по публикации Р. П. Дмитриевой по трем основным спискам XVI в.: Дмитриева Р. П. Сказания о князьях владимирских. С. 159–170. — Номера страниц указываем в тексте в скобках.

на для средневекового сознания и письменности, поскольку знания о сотворении мира, возникновении и эволюции человечества базировались исключительно на библейском тексте. В национальных литературах выведение своего народа от одного из сыновей Ноя и их потомков, желание поместить свой народ к «началу всех начал» — общий признак.²⁷ Спиридон-Сава, ссылаясь на некоего Гандувария, сына Арфаксадова, выводит начало начал Руси от мифического четвертого сына Ноя, тем самым искажая библейскую историю. «Четвертый» сын Ноя Арфаксад поселяется автором в «Ханаоновыхъ пределехъ» (в «Книге Бытия» Арпахшад — сын Сима, внук Ноя). Подобный сюжет можно найти только в «Откровении Мефодия Патарского»: здесь четвертый сын Ноя — Мунт (Монд, Монит).²⁸

В «Послании» четвертый сын Ноя играет совершенно определенную роль — роль зачинателя власти египетских фараонов, от которых, собственно, и начинается институт земной власти: Арфаксад «роди» близнят Месрема и Хуса — «сии начальницы Египту» (С. 159). От Месрема власть непрерывно «тянется» к русским князьям: «не просто бо глаголемъ государей нашихъ поколенство... домъ бо ихъ начятокъ от Месрема, внука Ноева» (С. 165). Напомним, по «Книге Бытия» Мицраим (древнееврейский вариант греческого — Египет) и Куш (родоначальник эфиопов) — сыновья Хама, проклятого Ноем, должны были служить рабами потомкам Сима и Яфета.

Поскольку «проклятие» совершенно не вписывалось в концепцию автора «Послания» и в то же время он стремился вывести власть русских князей от первых «царей» мира — Египетских, была использована иная модель, искажающая библейский текст, но ссылающаяся на его авторитет. Сегодня можно лишь выдвигать разнообразные догадки о возможных источниках такой версии, что не является нашей задачей. Так или иначе, а родоначальник египтян Мицраим получил «нового отца» — благородного четвертого сына Ноя; кроме того, автор «Послания» сознательно сократил «вер-

²⁷ Толстой Н. И. Тема библейского происхождения славян у славянских хронистов XII–XVIII вв. // Вестник Моск. ун-та. 1995. Сер. 9. Филология. № 2. С. 5–12; Борцова И. В. Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 178–185.

²⁸ Истрик В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе. М., 1897.

дикт» Ноя относительно сыновей, изложенный в «Бытии». Для этого был использован «древний авторитет» (один из классических приемов средневековых авторов) — Арфаксадова «рода правнукъ» Гандуварий (С. 160).

Эта искажающая библейский текст версия явно удовлетворила заказчика концепции «Послания», поскольку целиком переключалась в «Сказание о князьях владимирских». Кроме того, число 4 символизировало «блеск славы светского правителя».²⁹ Оно несколько раз задействовано в тексте, что указывает на особое символическое значение четверки.

Далее автор «выселил» из Египта Хуса в глубинные районы Индии (С. 159). Возможно, это как-то было связано с информацией русского хронографа о Гандуварии — «мудръ индианинь астрономъ... иже исписалъ пръвее въ Индиохъ астрономию». Однако автор «Послания» «вогнездил» Гандувария в Ассирии (подобную информацию содержит и «Книга Рафли»), что придавало ему больший авторитет как знатоку деяний сыновей Ноя (в Индии это было бы проблематичным), а через него и самой исходной информации «Послания».

Месрем «остался» один в Египте, и теперь можно было четко тянуть нить власти к первому «царю» мира — обладателю Египта Сеостру, поскольку непосредственно от него автором производилась «царская власть» вел. кн. Василия Ивановича — «волнаго самодержъца и царя, а царству ихъ начятокъ от Сеостра, начялнаго царя Египту» (С. 165–166). Эта связь Месрема с Сеостром отмечена и в русских хронографах (по-видимому, использовавших «Хронику» Иоанна Малалы³⁰) в несколько другой последовательности: Месрем—Ермий (Гермес)—Сеостр (Феост, Фест).

И вдруг после всего ранее сказанного автор «Послания», прерывая линию власти, вставляет информацию о настоящих сыновьях Ноя, называя Арфаксада сыном Сима, но первым упоминая Яфета. Это была попытка связать свою концепцию с древнерусской традицией выведения Руси от корня Яфетова. Автор как бы указывал, что царская власть на Руси идет от Арфаксада—Месрема—Сеостра, а подданные — от потомков Яфета. Но такой пассаж был введен

²⁹ Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995. С. 231–236.

³⁰ Самуткина Л. А. Концепция легендарной истории у Иоанна Малалы // Формы исторического сознания от поздней античности до эпохи Возрождения. Иваново, 2000. С. 41–58.

весьма «неключимо»: он вскрыл несостоятельность ранее «использованного» четвертого сына Ноя и обнаружил новую мифическую историю потомка Яфета Фарсиса в Калаврии (по Библии — Таршиш, сын Явана, внук Яфета; по русскому хронографу — Фарис, родоначальник фраков).

К чему вся эта история с Фарсисом и Калаврией (южная Италия) — неясно, но она явно несла определенную смысловую нагрузку. Сим и Арфаксад вновь понадобились автору для «породнения» с ними пресловутого Гандувария и укрепления его авторитета как источника информации. Кажется, автор окончательно запутался в своем тексте (или источнике/источниках). Но если изъять этот отрывок, то предыдущий текст о Месреме логично стыкуется с продолжением о Сеостре, который «первее всехъ на лица всея земля възарися въ Египте» (С. 159–160).

Таким образом, «парадоксальный» путанный текст, противоречащий предыдущей концепции, был явно вставлен, но самим автором «Послания», пытавшимся согласовать новую концепцию с традиционной идеей о Яфете.

На этом заканчивается «библейская часть» «Послания», которая была призвана создать непрерывную цепь передачи власти от Ноя и его потомков к первым «историческим» царям на Земле. При всей своей традиционности, она по форме и содержательному наполнению была совершенно новой для русской книжной традиции.

Вторая смысловая составная первой части послания — *царство Египетское*. (Специально подчеркнем эту мысль.) В существующей историографии оно искусственно исключается из общего концепта верховной власти, что искажает сам концепт в представлении Спиридона-Савы.³¹ Египетские корни власти очень важны для автора, а следовательно, должны обязательно рассматриваться при анализе «Послания». В период написания рассматриваемого сочинения информация о древнем мире на Руси распространялась главным образом благодаря переводам хроник Георгия Амартола, Иоанна Малалы, Георгия Синкела, Константина Манассии, Иоанна Зонары, Симеона Метафраста и Логофета, «Летописца вкратце» Патриарха Никифора, «Толковой Палеи», «Хронографа по великому изложению», «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия, «Лето-

³¹ Исключение составляет лишь научно-популярная статья: *Флоря Б. Н.* Царский жребий // *Родина: Российский исторический журнал.* 2004. № 12. С. 5–8 — о «египетской линии» см. с. 6.

писца еллинского и римского», «Александрии», наконец, «Русского хронографа» (в редакции 1512 г.).³²

Именно во второй половине XV в. усиливается интерес к всемирной истории: активно переписываются вышеуказанные сочинения, поскольку средневековые любил диковинное, загадочное, экзотическое; античные мифы удовлетворяли эти запросы древнерусских книжников.³³ Кроме того, получили известность описания путешествий в Египет инока Варсанофия (1461–1462 гг.) и казначея великого князя Михаила Гиреева (1522 г.).³⁴

На фоне всех названных сочинений египетская и римская смысловые составные первой части «Послания» выглядят очень бледно, автор допускает многочисленные ошибки и искажения. Впрочем, его более всего интересовала «история власти», а конкретный материал из истории Египта и Рима служил лишь историческим фоном, исполнял второстепенное функциональное предназначение, что и обусловило связывание «несвязуемого», натяжки и приспособления имен и событий древней истории к авторской концепции.

В «Послании» от первого царя Египта Сеостра «по колену его многа лета мимо идоша» сразу путь ведет к Филиксу (Филиппу Македонскому), который «пооблада вселенною», а от него непосредственно к Александру Македонскому. Таким образом, *первый царь* на земле Сеостр → *первый властитель* «вселенной» Филикс → символ *объединения* титула царя и статуса *властителя* Александр.

Информация о Сеостре (Феосте) и Филиксе контекстуальна русской книжности (переводы хроник Иоанна Малалы и Георгия Кедрина, «Русский хронограф»). Относительно же Александра Македонского автор предложил версию его происхождения от Ахтанава

³²Подробнее см.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (На материале хронографического и палейного повествования XI–XV веков). Мюнхен, 2000; *Временник Георгия Амартола*. М., 2000 и др.

³³Подробнее см.: *Творогов О. В.* 1) Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Т. XXXIII. Л., 1979. С. 22; 2) *Древнерусские хронографы*. Л., 1975. С. 97; *Алпатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 152–181. Ср. мнение Д. М. Буланина об отсутствии на Руси античной составляющей византийской культуры, в том числе соответствующих знаний: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. Мюнхен, 1991.

³⁴Подробнее см.: *Петровский Н. С.* Источники сведений о Древнем Египте в России XI–XVIII вв. // *Замаровский В.* Их величества пирамиды. М., 1986. С. 393.

волхва и жены Филиппа Македонского Олимпиады (С. 160). Источник этого мифа — «Александрия», в которой сообщалась легенда о чудесном явлении царя Египта Нектанавы (Нектанеб I: 378–360 гг. до н. э., Нектанеб II: 360–341 гг. до н. э.) в виде египетского бога Амона жене Филиппа — дочери эпирского царя Неоптолема Олимпиаде и зачатии Александра.³⁵

Зачем автору «Послания» было перегружать текст этой легендой? По-видимому, она служила для непрерывности связи царской власти над «вселенной»: Александр по происхождению физически продолжал египетскую линию Сеостра и по наследству — власть Филикса. Он «второе пооблада вселеною», и проживя 30 лет (фактически же: 356–323 гг. до н. э.), «предаде Египеть ряднику своему Птоломею» (С. 160).

Египетская линия власти вновь получила «цепную реакцию»: Птолемеи — полководец Александра, основал династию Птолемеев. Однако в рассказ о Птолемеидах перед Клеопатрой автор делает вставку о матери Александра Македонского. Это сделано с целью связать ее с Византией: Олимпиада отдана отцом — царем Фолом за «ахтанавова сродника» Виза, от которого она родила дочь Антию; Виз создал град, назвав его Византий, «иже зовется ныне Костянтинградъ» (С. 160).

Подобный рассказ содержит «Откровение Мефодия Патарского», где эфиопский царь Виз связывает наступление «последнего царства» с древним пророчеством, но здесь говорится о дочери Византии — будущей жене Ромула — «царя римского»; их сыновья царствовали в Риме, Византии и Александрии, от них возникло «царство» с крестом «посреди земли». В соответствии же с «Видением Даниила», на этот крест и положит свой венец последний царь христианского Римского царства.³⁶

Эта идея схождения всех царств в одно, которое будет длиться до конца мира, не была воспринята автором «Послания» — его интересовала совсем иная перспектива: раздел мира на многочисленные владения, корни власти правителей Европы и Рима. Он не стремился свести все царства в Московскую державу, но должен

---

³⁵ Кинжалов Р. В. Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний мир: Сб. ст. в честь В. В. Струве. М., 1962. С. 537–544; ПЛДР. Вторая половина XV в. М., 1982. С. 25–35.

³⁶ Истрин В. Откровение Мефодия Патарского и апокрифическое видение Даниила в византийской и славянорусской литературах. М., 1897. С. 84–100, 158.

был показать основы власти ее правителей.³⁷ Автор «Послания» связал несвязуемое: египетских правителей (Ахтанава / Нектанеба, легендарного отца Александра) через их родственника Виза и его дочь — сестру Александра по матери — с основанием столицы могущественной Византии — соперницы Рима.

Египетские корни соединяли царскую (цесарскую, императорскую) власть Рима и Византии, к ним «привязывалась» в дальнейшем Русь. Именно поэтому автору «Послания» не подходили версии ни «Александрии» (в сербском варианте Визант — военачальник Александра, и с ним связано основание города), ни распространенный греческий вариант (сын Посейдона — Визант). Византия, по авторскому замыслу, должна была получить более-менее прямую связь с правителями Египта, и ради этого автор пожертвовал даже таким дорогим для христиан и русской книжности объяснением нового названия Византа, как Константинополь.

Далее автор жестко соединил историю египетского царства с *римским* через рассказ истории Клеопатры, Антония, Юлия Цезаря и Октавиана Августа (изложенная история содержит много путаницы и неувязок, странных для того времени, учитывая хождение выше названных переводных сочинений). Во всей этой истории для автора «Послания» самым важным было «привязать» Октавиана Августа к «египетской линии» власти. Это было сделано через двойную египетскую символику: в Египте Август будто бы получил весть об убийстве Юлия Цезаря, именно тут войско провозгласило его кесарем и на него было одето облачение самого Сеостра, что совершенно не отвечало официальной истории Рима, которая совсем не волновала автора «Послания».

Кульминационным моментом «Августовой эпопеи» было символическое «освящение» во властители мира. Автор использовал для этого символику разных частей облачения властителей. Это одевание Августа как бы делало легитимным его власть: «И облекоста ѥ въ одежду царя Сеостра, началнаго царя Египту, в *порфиру* и *висонъ*, и препоясоста ѥ *поясомъ* фелридомъ, и възложиста на главу ему *митру* царя Пора индийскаго, юже принесе Александръ Македонъ от Индиа, и приодешя ѥ по плещама *окровницею* царя Филикса, владущаго вселенною, съделанною от самбукия. И радостне вси въскликнуша велиимъ гласомъ: Радуйся Ав-

³⁷Ср. интерпретацию М. Плюхановой: Плюханова М. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 20.

густе царю римский всея вселенная! (курсив мой. — В. У.)» (С. 161).

Облачения, таким образом, объединяли в лице Августа власть предыдущей «египетской цепи»: Сеостр—Филикс—Александр (здесь — через Пора). И поныне источники данного описания обретения власти над миром посредством облачения в символические вещи не установлены. Повторно автор употребил символику облачения для легитимации власти, описывая передачу императором Константином регалий Владимиру Мономаху (см. ниже).

В соответствии же с логикой текста «Послания», после получения всей полноты власти над миром Август должен был «поделить мир» для удобства управления им, в том числе назначить правителя северных стран.³⁸ Так вслед за автором читатель попадал на прямую стезю к Прусу. Спиридон-Сава представляет общую картину разделения власти от Египта, Александрии, Сирии, Иерусалима и всей Азии до Угрии и Вислы (С. 161–162). Привлекают внимание Илирик («брат его»), отправленный «въ повершиа Истра», Пион — «въ Затоцехъ Златыхъ, иже ныне наричютса Угрове» и наконец Прус — «въ брезехъ Вислы». Все три имени произведены от географических названий (Иллирия/Иллирик на Дунае; Пруссия) и этнонима (пионы/угры).

При этом информация об именовании Угрии «Златяя Отоцы, что златяя руды копають множество и златяя угорския идет по всей земли» имеет прямую связь со славянским переводом «Козмографии».³⁹ Собственно, весь раздел Августом мира и поставление правителей над странами и народами был нужен автору «Послания» ради одного Пруса, о котором информация самая широкая: «... и Пруса въ брезехъ Вислы реки въ градъ, глаголемый Морборокъ, и Торунь, и Хвойница, и пресловы Гданескъ, и иныхъ многихъ градовъ по реку, глаголемую Немонъ, впадшую въ море. И вселися ту Прусъ многими временны летъ, пожить же до четвертаго рода по колену племена своего (обратим внимание на новое проявление символа «четыре» в генеалогической системе. — В. У.); и до сего часа по имени его зовашеся Прусская земля» (С. 162).

---

³⁸ По мнению Дж. Манискалько Базиле, термин «вселенная» в «Послании», как и в «Сказании» соотносится с вотчиной великого князя, который распределяет ее среди сыновей (Манискалько Базиле Дж. Некоторые замечания о смысле термина «вселенная» в «Сказании о князьях Владимирских» // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 165–178), с чем трудно согласиться, исходя именно из текста.

³⁹ Книга нарицаемая Козьма Индикоплов. М., 1997.

Все исследователи единодушны в том, что имя Прус вымышлено и произведено от эпонима (Пруссия) и этнонима (прусы); в русской же письменности оно впервые встречается именно в «Послании». Из всех ученых только И. Жданов предложил объяснение «связи» Августа и Пруса: прототипом Пруса мог стать пасынок Августа Друз, который возглавлял походы на Германию, поэтому не случайно к владениям Пруса причислены Мариенбург, Торунь, Конитц, Гданск, Понеманье.⁴⁰ По мнению Н. В. Сеницыной, названные города с 1466 г. находились во владениях польского короля, и из-за них Ягеллоны постоянно враждовали с Тевтонским орденом, о чем шла речь и во время переговоров с представителем Ордена в Москве, а также в дипломатической переписке 1520 г. По мнению исследовательницы, автор «Послания», говоря о владениях Пруса, «предка кн. Рюрика, показал, что он свободно ориентируется не только в пространстве древних царств, но и в сфере современных политических проблем, в том числе международных».⁴¹

Считаем все же, что задача автора была иной: он постепенно передавал «эстафетную палочку» власти, и Прус нужен был ему, собственно, для этого, а топонимическое и этнонимическое значение названия в то время было общеизвестным. Благодаря Прусу линия власти от Августа непосредственно придвинулась к Руси. Происхождение самой указанной идеи и всех ее составных сюжетов остается в историографии невыясненным.

Вторая часть «Послания» содержит изложение концепции происхождения непосредственной власти русских князей от рода Августа — через Пруса и Рюрика и получение инсигний власти Владимиром Мономахом. Именно эту часть анализируют все исследователи. Действительно, она составляет квинтэссенцию всего произведения, ради которой и задумывалось «Послание». В самом начале данной части автору нужно было каким-то образом «передать» власть от Пруса к Рюрику, поскольку в древнерусской литературе концепция «Повести временных лет» о призвании Рюрика с братьями была хрестоматийной.

Эту задачу автор решил при помощи полулегендарного новгородского князя Гостомысла.⁴² На смертном одре Гостомысл совету-

⁴⁰ Жданов И. Русский былевой эпос... С. 597. Примеч. 1.

⁴¹ Сеницына Н. В. Третий Рим... С. 198.

⁴² Историчность Гостомысла доказывает С. Н. Азбелев, см.: Азбелев С. Н. 1) Факты истории и предыстории Великого Новгорода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 2(8). С. 5–13; 2) О славянских предках Рюрика //

ет новгородцам: «Съветъ даю вамъ, да послете въ Прусскую землю мудра мужа и призовите князя от тамо сущихъ родовъ римска царя Августа рода» (С. 162). Именно по слову Гостомысла новгородцы и нашли в Пруссии «некоего князя имянемъ Рюрика, суща от рода римска царя Августа». Дальше — все трафаретно: Рюрик, Синус, Трувор; правда, Олег «стал» племянником Рюрика, ибо именно родственные (не служилые) связи должны были кровно породнить с Августом всех русских князей, а ведь именно Олег первый из варягов сел в Киеве.

Задача автора «Послания» с этого момента очень облегчалась, поэтому уже не стоило перечислять всех последующих князей, а посему упоминалось лишь «четвертое колено» — Владимир Святославович, во святом крещении Василий («просветивый землю Русскую святымъ крещениемъ»), и «четвертое колено» от него — Владимир Всеволодович Мономах. Как видим, и здесь цифра четыре «завязана» на генеалогическом счете и «тянет» преемственность от четвертого сына Ноя.

С этого момента текст как бы распадается на *три* сюжетные составные: 1) совет Владимира Всеволодовича с князьями и боярами о необходимости нового героического похода на Константинополь и информация об успехе похода; 2) раскол Церкви из-за Папы Формоса, совет императора Константина Мономаха с Патриархом Кир Ларием, проклятие латинян, утверждение православного Символа Веры; 3) посольство от Константина к Владимиру с царскими инсигниями. В другой плоскости это выглядит так: совет у великого князя / кратко об осуществлении его решений; совет у императора / шире о воплощении его решений; краткое сообщение о совете у императора о посольстве на Русь / подробное описание посольства и привезенных даров-инсигний. Еще одна плоскость: поход Руси на Константинополь; проблемы Церкви в империи; дары царских инсигний властителю Руси.

Наложение всех трех плоскостей на реальные исторические события дает однообразную схему: исторический фальсификат / частичный исторический фальсификат / исторический фальсификат. Таким образом, структура второй части содержит вымышленные сюжеты, размещение которых подчинено единой идее. Ее смысл вложен в уста самого Константина Мономаха: «И мы ото твое благолюбие просихъ мира любве; да церкви Божиа безъ мятежа бу-

---

Известия Русского генеалогического общества. СПб., 2003. Вып. 12. С. 5–12.

дуть, и все православие въ покои пребудуть подь сущою властью нашего царства и твоего волнаго самадръжавства Великиа Росиа» (С. 165).

Предложенная автором схема выглядит следующим образом: традиционная для Константинополя угроза завоевания от православной Руси; проблемы власти и Церкви в империи; «объединение» двух держав для укрепления сущего в них православия на условиях «уравнения власти» обоих правителей через символическую передачу инсигний императором русскому князю. Задачей автора было объяснить, почему именно на Русь Константин передает символы своей власти. Для этого и потребовался традиционный для ранней истории «вызов Руси» и неутолимая жажда Константинополя предотвратить развал империи, а объединить все эти стремления должна была Церковь, в спасении истинности веры которой были заинтересованы оба правителя, и наконец как следствие всего этого — уравнивание «во власти» императора и великого князя через символическую передачу инсигний.

Ключевым текстом для интерпретации авторской концепции может служить «речь» Владимира Всеволодовича на совете князей и бояр перед походом на Царьград: «Егда азъ есмь юнейши прежде мене державствовавшихъ и хоругви правящихъ скипетра великиа Росиа, яко то князь велики Олегъ ходи и взять Констянтинаполя, съ новаго Рима, по главамъ дань и здравъ възвратися въсвояси; и потомъ князь великий Святославъ Игоревичъ, порекло имый Легкы, иде въ галиаххъ на двою тысящъ и седмию сотъ и взять на Костянтинове граде тяжчайшую дань, и възвратися въ свое отечество, Киевскую землю, и скончаваеъ житие. А мы есмо настолници прародитель своихъ и отца моего Всеволода Ярославичя и наследници тоя же чести от Бога. И съвета нищу от васъ, мояя полаты князей, и боляръ, и воеводъ, и всего подь вами христолюбиваго воинства; да превъзнесется имя живоначалныя Троицы ваша храбрости могутствомъ Божию волею съ нашими повелениемъ; ки ми съветъ издаваете?» (С. 162–163).

Не будем рассматривать неточностей с Олегом и особенно — со Святославом (интересно, что автор знает его редкое прозвище — Легкий), а также осовременивание символов их государственной власти («хоругви правящихъ скипетра великиа Росиа»). Отметим очень важный факт-термин — «Констянтинаполя, съ новаго Рима» (интерпретацию см. ниже). Другой момент — провозглашение бо-

годанной унаследованную власть («наследницы тоя же чести от Бога»).

Сначала обсудим слова о богоданности власти. Р. П. Дмитриева писала, что Спиридон-Сава «ни разу не упомянул в своем «Послании» о божественном происхождении власти».⁴³ Как видим, это неверно: автор вложил идею богоданности княжеской власти в уста самого Владимира Мономаха, однако не развил ее, обосновывая происхождение власти московских князей. Между тем именно для них данная идея в то время уже была разработана русскими книжниками в великокняжеской канцелярии (втор. пол. XV — нач. XVI в.).⁴⁴

Возможно, такой задачи автор перед собой и не ставил. С другой стороны, выведение власти от потомков Ноя само по себе накладывало на нее определенную печать сакрального. Наконец, довольно свободное авторское манипулирование христианскими символами и

---

⁴³ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. С. 86.

⁴⁴ Н. В. Сеницына отметила, что уже Василия II книжники из священства именовали «царем русьским, боговенчаным царем и новым Костянтином» в связи с его противостоянием «латинству» и унии. Впрочем, царская терминология имеет более раннее происхождение. Созданное около 20-х гг. XV в. «Слово о житии и о преставлении Дмитрия Ивановича царя Русьскаго» (список 60–70-х гг. XV в.) царем именуется Дмитрия Донского (РФА. Ч. 3. М., 1987. С. 555–556; Ч. 4. М., 1992. С. 983). А в неотправленной грамоте Василия II Патриарху Константинопольскому Митрофану (1441 г.) «царем Русския земли» назван кн. Владимир Святославович (РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Стб. 527). В третьей редакции повести Симеона Суздальского о Флорентийском соборе в уста самого императора Иоанна VIII Палеолога была вложена речь на Соборе, в которой император называл московского великого князя «царем» и «братом», признавая равенство его власти своей богоизбранной. Василий II называется «царем всея Руси» и в «Слове избранном еже на латыню» (1461–1462 гг.). Официально же титул «царь всея Руси» появляется как титул Ивана III в договоре 1474 г. Новгорода и Пскова с Дерптским епископом. В послании Ростовского архиепископа Вассиана Ивану III 1480 г. также указывается, что он «богом утвержден царь». И вот уже в наказе 1489 г. посланцам к императору Священной Римской империи Фридриху III Габсбургу постулировалось: «Мы Божию милостию государи на своей земле изначяла, от первых своих прародителей, и поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы...». (Подробнее см.: Сеницына Н. В. Третий Рим... С. 116–118). Иосиф Волоцкий сформулировал тезис, что цари и князья были наместниками Бога на земле (Послание старца Иосифа к великому князю Василию на еретики // Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. С. 519–520). См. также: Vodoff W. Le titre tsar' dans la Russie du nord-est vers 1440–1460 et la tradition litteraire vieux-russe // Исследования по славяно-византийскому и западноевропейскому средневековью. Т. 1. София, 1988–1989. С. 54–60.

историей, на наш взгляд, свидетельствует, что Спиридон-Сава имел далеко не блестящий запас богословских знаний и просто не смог бы «вытянуть» обоснования еще и этой идеи.

Например, он не нашел ничего лучшего, как призывать Святую Троицу и Божественную волю для решения вопроса о походе на столицу православного мира Константинополь. Все это вкладывается в уста Владимира Мономаха, и это, по мысли автора, должно было придать самому походу Божественное благословение. Такой поворот, мягко говоря, весьма странный и указывает на некое богословское неведение пишущего. Кроме того, одна лишь формулировка типа «да превъзнесется имя живоначалныя Троицы ваша храбрости могутством Божию волею» предполагала прославление имени Св. Троицы через храбрый поход с Божьей воли на Царьград. Это тоже демонстрирует весьма смутные представления автора о догматике.

Отметим все же еще один момент сакрализованного определения царской власти, содержащийся в ответе членов великокняжеского совета: «Сердце царево въ руце Божий, яко же писашеся». Однако и эта идея не получила дальнейшего развития.

Проигнорировав сообщения «Повести временных лет» относительно отношений Владимира Всеволодовича (родился в 1053 г., правил в 1113–1125 гг.) с Константином Мономахом (1042–1055 гг.), Спиридон-Сава описывает мифический поход первого на Константинополь и мир с императором. Тем не менее книжники хорошо знали, что поход осуществил Ярослав Мудрый (1043 г.), после этого Всеволод Ярославич женился на дочери Константина IX Мономаха. Во времена же правления Владимира Мономаха в Константинополе пребывали императоры Алексей I Комнин (1081–1118 гг.) и Иоанн Комнин (1118–1143 гг.). Владимир Мономах в 1116 г. выступил против Алексея Комнина.⁴⁵ Но для Спиридона-Савы принципиально было связать Константина Мономаха с Владимиром Мономахом живым символом передачи инсигний власти.

Следующий сюжет второй части целиком посвящен проблеме разделения Восточной и Западной Церквей, противостоянию «латинам»; источникам и Символу Веры Православной Церкви. Автор повествует о Вселенском Соборе, предлагает своеобразную интерпретацию термина «латины», но особым образом выходит за границы всякого здравого смысла своим объяснением «отпадения» и

---

⁴⁵ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1906. Стб. 283.

еретичества Папы Формоса, который будто бы «введе въ латински языкъ четвертое лицо въ божестве, еже исходити духу святому от сына, блядословляше» (т. е., догмат о Filioque автор представляет как вымышленную «четвертую» ипостась Божию; подчеркнем: здесь четверка «антисакральна») (С. 163–164).

Эти пассажи весьма характерны для Спиридона-Савы, но не столь важны для выяснения концепции власти. Отметим, что относительно Формоза (реальный Формос: 891–896 гг.) автор «Послания», по-видимому, использовал хронографическую русскую традицию.⁴⁶ Вместе с тем авторская «дремучесть» в элементарных вопросах веры, изложенных в самом Символе Веры (который все знали наизусть), не может не поражать, характеризуюя саму личность Спиридона-Савы.

Третий сюжет второй части «Послания» является кульминацией повествования, ради которой и был создан весь предшествующий текст. Речь идет о совете Константина Мономаха, отправившего на Русь посольство. Автор перечисляет всех его членов, имена которых исследователи считают абсолютно вымышленными: митрополит «Тоясиа эфесскаго» Неофит (малоазийский город Эфес существовал до VII в., среди Эфесских митрополитов Неофита не было), епископы «Милитинска и Митилинска», стратиг антиохийский, Августалий Александрийский (ранее автор называл его как правителя Александрии, назначенного при имп. Августе), игемон иерусалимский Еустафий (С. 164).

Это сконструированное «представительное» посольство должно было подчеркнуть важность акции. Известный византолог Игорь Шевченко, указывая на мифичность этого сообщения, категорически утверждает: «Ни этот митрополит, ни епископы не значатся ни в одном епископском списке, а титул Praefectus Augustalis Египта был принят как имя собственное».⁴⁷ Однако, как отметил Б. А. Успенский, в «Слове о погибели русской земли» сообщается о посылке императором Мануилом (то есть Мануилом I Комниным: 1143–1180 гг.) «великих даров» Владимиру Мономаху, чтобы упредить его поход на Константинополь. И хотя Мануил I не был

⁴⁶ Гильяров-Платонов А. О папе Формозе // Прибавления к творениям святых отцов. Ч. XIV. Кн. 2. М., 1855. С. 239–277; Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 5, 136–145, 183, 388.

⁴⁷ Шевченко І. Візантія і східні слов'яни після 1453 року // Шевченко І. Україна між Сходом і Заходом. Львів, 2001. С. 103–104.

современником Владимира Мономаха, в 1164 г. он действительно посылал дары кн. Ростиславу Мстиславовичу и просил его помощи в борьбе с Венгрией.⁴⁸ В это время на Руси пребывал соперник Мануила — Андроник Комнин (будущий император), и, возможно, Мануил действительно побаивался похода «Руси» с Андроником на Царьград. Б. А. Успенский справедливо отметил, что русские книжники нередко путали Алексея и Мануила Комниных. Все это, по мнению ученого, не исключает, что в основе рассказа о посольстве из Константинополя и дарах Мономаха лежит реальный факт получения киевским князем даров от византийского императора.⁴⁹

Относительно двух титулов епископов — они также имеют свое основание: Мелитина — город в верховьях Евфрата, после завоевания которого в 752 г. имп. Константин переселил из него во Фракию армян-павликиан; Митилена — одно из названий острова Лесбос.

Однако важнее самого состава посольства были все же привезенные им *символы власти*. Спиридон-Сава перечисляет *дары*, которые функционально должны были вещественно обеспечить символическое «покрытие» концепции происхождения власти на Руси. Этот «вещественный мир» в инсигниях власти очень важен не только для автора и его заказчиков, но и для всей последующей идеологии и символов власти в Московском царстве: «И от своя выя приемлетъ животворящй крестъ от самага животворящего древа, на немъ же распятся владыко Христось. Снемлетъ же от своя главы и венецъ царьскы и поставляетъ его на блюде злате. Повелеваетъ же принести и крабицу сердоликову, изъ нея же Августъ кесарь римский веселяшеса, и ожерелье, иже на плещу своею ношяше, и кацию, иже от злата аравийска исковану, и измирну съ многими благовонными цветы Индийския земля съставлену, и ливанъ от злата аравийска трома смешение иматъ, и ины многи дарове (курсив мой. — В. У.)» (С. 164). Этот «набор даров» очень пестр и не совсем достоин императорских инсигний. Удивительным образом автор не поместил в него *ни одной символической вещи*, которые «одевал» на Августа во время провозглашения его обладателем мира в Египте.⁵⁰

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 522.

⁴⁹ Успенский Б. А. Восприятие истории в Древней Руси... С. 482–483. Прим. 19.

⁵⁰ По мнению Б. Н. Флори, ожерелье принадлежало Августу (Флоря Б. Н. «Царский жребий». С. 7). Однако в тексте «своя / своею» названо только то, что снимал с себя Константин. Русские книжники и сами князья также считали

От Августа русскому князю досталась лишь *крабница*, с которой пил император (позже она «превратится» в шкатулку-коробочку для хранения инсигний). Исследователи указывают, что уже в первой половине XIV в. крабница обретает реальность и исполняет функцию родовой реликвии, при этом чаша превращается в золотую коробочку (упоминается ок. 1358 г. в завещании Ивана Красного: «коропка сердолична золотом кована», которую он передавал сыну Дмитрию Донскому). В 1423 г. Василий I также благословил Василия II «коропкой сердоничной» (и кроме того, золотой шапкой и бармами). Далее крабница упоминается как реликвия в чине венчания на царство Дмитрия-внука: сердоликовая крабница подносилась ему в завершение церемонии. Она фигурирует и в чинах венчания на царство Ивана Грозного и Федора Ивановича. А «Повесть о Вавилонском царстве» говорит о «крабнице сердоликовой» как месте хранения царской багряницы (порфиры), что превращает крабницу чуть ли не в сундук.

Б. А. Успенский, собравший всю эту информацию, указывает на важное символическое значение крабницы, которая вместе с шапкой и бармами становится родовой реликвией московских князей и со времен Ивана II передается по наследству старшему сыну. Однако ее форма все же должна была иметь вид чаши, поскольку после замены шапки на корону, а барм — на мантию во время императорской коронации крабницу продолжали использовать во время церемонии как сосуд для мирра, которым митрополиты помазывали венценосцев.⁵¹ Сохранился и визуальный образ крабницы в виде чаши.⁵²

Б. А. Успенский констатирует: «Чаша Августа Римского тем самым связывает русских государей как с римской, так и с византийской традицией, что естественно отвечает восприятию Константинополя как второго Рима; вместе с тем эта чаша должна была, видимо, ассоциироваться с притязаниями русских монархов на генеалогические связи с Августом, что предполагает непосредственную связь Москвы и первого Рима».⁵³

«бармы» Константиновыми.

⁵¹ ДДГ. С. 8, 16, 18, 61, 197; ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. Л., 1925. С. 497; Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 469, 483. Прим. 24.

⁵² Снегирев И. Памятники московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842–1845. С. 37.

⁵³ Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 469.

Н. П. Кондаков, рассматривая царские инсигнии (крест с частицей Животворящего Древа, «враную» цепь с крестом, золотую икону «Парамшина дела» и крабицу, или же «чашу сардоничную»), считал, что все это действительно было привезено из Византии, но не одновременно, а на протяжении XII–XVI веков. При этом золотая шапка из завещания Ивана Калиты необязательно должна быть «шапкой Мономаха» (последняя, по мнению ученого, была изготовлена в XII в. в одной из византийских провинций Малой Азии, Кавказа или в Херсоне).⁵⁴

Однако возвратимся к описанию Спиридона-Савы. В перечисленном им списке даров собственно к инсигниям относятся только *венец* и *оплечье* Константина (будущие венец и бармы Мономаха). Венец порождает многочисленные споры исследователей, поскольку «шапка Мономаха» должна представлять либо собственно этот венец, либо его позднейшую модификацию. Большинство современных авторов считает, что «шапка» изначально была даром хана Узбека Ивану Калите или же принадлежала сестре хана Кончаке (в крещении Агафии) — жене кн. Юрия Даниловича, а после смерти последнего (1325 г.) перешла к Ивану Даниловичу Калите.⁵⁵

В завещании Калиты указаны «шапка золотая» и «скорлатное портище с бармами». Г. М. Бочаров доказывал, что «шапка» Калиты совершенно не «шапка Мономаха», которая была изготовлена в 1425 г. для Василия Васильевича — первого русского князя, поставленного на великое княжение в Успенском соборе Владимира. Легенда же о ее мономаховом происхождении сложилась позже, но до 1498 года.⁵⁶ В очень подробном исследовании Н. В. Жилиной постулируется идея, что основа «шапки Мономаха» была создана в 60-е годы XIII в. и затем неоднократно переделывалась.⁵⁷

Начиная с венчания Дмитрия-внука, шапка и бармы становятся неизменными коронационными инсигниями, при этом в источниках шапка начинает именоваться «венцом», а бармы — «диади-

⁵⁴ Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей средневекового периода. СПб., 1896. С. 60–75; Толстой И. И., Кондаков Н. П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. СПб., 1897. С. 40–46.

⁵⁵ Валеева-Сулейманова Г. Ф. Шапка Мономаха: Новые материалы и атрибуции // Гуманистические традиции Запада и Востока в музейном деле России и Татарстана. Казань, 1997. С. 48–51.

⁵⁶ Бочаров Г. Н. Делано в Москве // Родина: Российский исторический журнал. 1994. № 8–9. С. 125–128.

⁵⁷ Жилина Н. В. Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001. С. 203–205.

мой» и «ожерельем». Само название «шапка Мономаха» впервые зафиксировано в летописной редакции (ок. 1518 г.) чина венчания Дмитрия-внука, а «мономаховы бармы» — в Великокняжеском летописном своде 1500 г.⁵⁸ Наличие именно этих реальных инсигний власти в перечне Спиридона-Савы может помочь в установлении имени заказчика «Послания».

В «Повести о втором браке Василия III» Вассиан Патрикеев отговаривает великого князя от развода с Соломонией Сабуровой (1525 г.), ибо в таком случае князь не сможет входить в церковь. Сохранив же первый брак, он может «идти в царские двери, взем свой царьский скипетр и царскую диадиму, рекше багряницу, и сердоликову крабицу и прародителя своего великого князя Владимира Мономаха... шапку, да сести на престол» (курсив мой. — В. У.).⁵⁹ К регалиям здесь прибавлен скипетр, которого еще не было в «Послании».

Альтернативная история происхождения главных инсигний изложена в «Сказании о Вавилоне» (его создание относят к 1393–1453 гг., самые ранние списки — конец XV в.). Здесь излагается сюжет о посольстве греческого царя Льва (в крещении Василия) в Вавилон «за знамением» — венцами царя Навуходоносора и царицы. Среди трех посланников, кроме грека Гугрия, обежанина (абхазца) Якова, был и славянин Лавр (все три представляли православные страны и народы). Они нашли в Вавилоне крабицу (тут — в виде сундука) сердоликовую с царской багряницей (порфирой), а в варианте XVI в. — «царский виссон, и порфира и шапка Мономахова и скипетр царский». Они привезли венец, который и был возложен на Василия.

В XVI в. в особом типе «Сказания» появилось дополнение о «сердоликовой крабийце» с «мономаховой шапочкой», виссоном и порфирой. Затем был показан путь этих инсигний власти Навуходоносора на Русь к кн. Владимиру Всеволодовичу, который имен-

⁵⁸ ДДГ. С. 8, 10; ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. СПб., 1904. С. 151; Т. 13. Ч. 2. СПб., 1906. С. 452; Т. 6. СПб., 1853. С. 279; Т. 12. СПб., 1901. С. 263; Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 531; Синицына Н. В. О происхождении понятия «шапка Мономаха» (к вопросу о концепции римско-византийского преемства в русской общественно-политической мысли XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 176–195; Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 469, 481. Примеч. 12–13; С. 483. Примеч. 23–25.

⁵⁹ Зимин А. А. Выпись о втором браке Василия III // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 142; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 68–71.

но от «шапочки Мономаха» получил свое прозвище.⁶⁰ В последнем случае «Сказание» явно переделывалось под официальную версию «мономаховых даров», изложенную в «Послании», а затем и в «Сказании о князьях Владимирских». Б.А.Успенский связывает возникновение данного сюжета на Руси с «Пещным действием».⁶¹

Еще одну версию происхождения царских регалий зафиксировал С. Герберштейн около 1517 или 1526 гг. (в эти годы он совершил два путешествия в Россию): драгоценные бармы и золотую шапку Владимир Мономах отобрал у генуэзского правителя Кафы. Впрочем, Герберштейн упоминал и «шапку Мономаха».⁶² Эту же версию повторил и развил польский хронист М. Стрыйковский, описавший битву Владимира Мономаха с генуэзцами Кафы, при этом князь лично сразился с генуэзским воеводой, с которого снял золотое оплечье, ставшее бармами при облачении русских правителей. Стрыйковский упоминал также драгоценный пояс и «шапку» Владимира Мономаха. Подобную же информацию зафиксировал и швед Петр Петрей в начале XVII в.

Как считал А.И.Рогов, указанная легенда отражает польско-литовскую традицию объяснения происхождения «мономаховых даров», которая лишала их ореола византийского императорского происхождения.⁶³ Тем не менее, Н.В.Жилина считает, что во времена Ивана Калиты (1325–1340 гг.) в Кафе реально могли купить византийский «раритет» — его «золотую шапку». В то время Кафа была значительным торговым центром (захвачена генуэзцами в 1260 г.), здесь продавались настоящие древние византийские ювелирные шедевры, тогда как в самой Византии подобная торговля была запрещена; факт привоза «шапки» из Кафы в XIV–XV вв. еще помнили, поэтому он попал в предание, которое одинаково в разное время фиксировали Герберштейн и Петрей в России, а Стрыйковский — в Речи Посполитой.

При этом Герберштейн черпал информацию в самой Москве

⁶⁰ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 182–187, 596–597; Веселовский А. Н. Отрывки византийского эпоса в русском: Повесть о Вавилонском царстве // Славянский сборник. Т. III. СПб., 1876. С. 122–165; ОР ИРЛИ. Ф. 45 (Веселовский А. Н.). Оп. 1. № 48. Л. 107 об.–129 об.; Дробленкова Н. Ф. Сказание о Вавилоне // Словарь книжников и книжности Древней Руси (Вторая половина XIV–XVI вв.). Вып. 2. Ч. 2: Л–Я. Л., 1989. С. 351–357.

⁶¹ Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 484. Примеч. 25.

⁶² Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 82.

⁶³ Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966. С. 92–95.

при великокняжеском дворе. Поединок князя с правителем другой земли и победу князя, увенчанную получением регалий власти, Н. В. Жилина относит ко времени Владимира Святославовича и вывозу херсонесских древностей в Киев; это, по ее мнению, созвучно и «военному времени» Владимира Мономаха. Вся же легенда целиком сложилась во второй половине XIV в. перед или после Куликовской битвы при кн. Дмитрии Донском (1359–1389 гг.), о чем свидетельствует упоминание венца и царского титула в «Повести о житии великого князя Дмитрия Ивановича» из Московского летописного свода конца XV в.⁶⁴

Именно в то время, по мнению Н. В. Жилиной, шапка получает наименование «шапки Мономаха», но не в честь Константина Мономаха, а в честь Владимира Мономаха, который добыл регалии в личном поединке, а унаследование власти из Византии в то время не подчеркивалось. И только с начала XVI в. шапка начала восприниматься как венец двух исторических Мономахов (императора и русского князя) — «это ее новый усилившийся идеологический образ».⁶⁵

«Послание» Спиридона-Савы показывает, что для автора особую значимость имел именно акцент на передаче инсигний власти на Русь из Византии и от императора Константина Мономаха, имя которого изначально стало нарицательным и для самого венца, а имя Владимира Мономаха как бы «наложилось» на Константинов венец и стало актуальным на Руси для наследников его княжеской власти.

Упомянутый в «Послании» крест «от самага животворящего древа» Константин снял «от своея выа». Этот крест, если судить по смыслу сообщения, должен был быть нательным и не являлся атрибутом императорской власти, но личным атрибутом культа Иисуса. Наперсный крест и цепь станут царскими инсигниями позже. Они упомянуты в царском венчании Ивана Грозного. Вместе с шапкой и бармами крест и цепь возлагались на золотое блюдо перед венчанием на царство.⁶⁶ Это золотое блюдо также упомянуто, и именно — с означенной функцией несения на нем императорских инсигний, в «Послании».

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 215–217.

⁶⁵ Жилина Н. В. Шапка Мономаха... С. 179–180.

⁶⁶ Барсов Е. В. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. М., 1883. С. 43–45, 50–51, 64–71, 75–77, 85.

Наконец, *кацея* — ручное кадило, а также разные благовония, упомянутые в перечислении даров, также не были специальными признаками власти.

К описи даров в «Послании» была присовокуплена речь императора Константина, обращенная к Владимиру Всеволодовичу. Напомним, автор соединял практически несовременных правителей (Константин умер в 1055 г., а Владимир родился в 1053 г.), поскольку не желал связывать инсигнии императорской власти с матерью князя и дочерью Константина Марией. Суть родственной связи была на самом деле достаточно известна книжникам, но для концепции Спиридона-Савы было нежелательно включать женскую линию передачи власти (в его тексте она действовала лишь в двух исключительных случаях — Клеопатра и Олимпиада). Приведем «речь» Константина: «Приими от нас, о боголюбивый благоверный княже, сия честныи дарове от начатокъ вечныхъ летъ твоего родства поколения на славу и честь и на венчание твоего волнаго самодръжавнаго царства. И имъ же начнуть ты молити наши послове, и мы ото твое благолюбие просихъ мира, любве; да церкви Божиа безъ мятежа будутъ, и все православие въ покои пребудеть подъ сущею властию нашего царства и твоего волнаго самадръжавства Великиа Росиа; да нарицаешия отселе боговенчаный царь, венчанъ симъ царскимъ венцемъ рукою святейшаго митрополита Неофита и съ епископы» (С. 164–165).

Как видим, автор в уста императора Константина вложил «знание» о «*начатокъ вечныхъ летъ... родства поколения*» русского князя — т. е. от послепотопного времени и сына Ноя.⁶⁷ Сам император именовал Владимира «*боговенчанымъ царемъ волнаго и самодръжавнаго царства*», при этом обряд «боговенчания» должен был совершить митрополит Неофит с двумя епископами. Факт «пожалования» венца Константином сам по себе должен был бы означать вассальное подчинение Руси Царьграду.

Б. А. Успенский подчеркнул именно это обстоятельство, приведя примеры посылки корон императорами Константином IX Мономахом (1042–1055 гг.) и Михаилом VII Дукой (1071–1078 гг.) венгерским королям. Некоторые исследователи (например, В. Водов) считали, что и Алексей I Комнин (1081–1118 гг.) также посылал царский венец Владимиру Мономаху.⁶⁸

⁶⁷ Б. Н. Флоря видит в этой фразе указание на «поколенство» от Августа (Флоря Б. Н. Царский жребий... С. 7).

⁶⁸ Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 483. Примеч. 19.

РОДИТЕЛИ
Р. Г. СКРЫННИКОВА

Скрынников
Григорий Иванович,
отец будущего ученого.

Жукова
Серафима Александровна,
мать Руслана Григорьевича.

УЧИТЕЛЯ
Р. Г. СКРЫННИКОВА

Иван Иванович Смирнов.

Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Борис Александрович Романов.

Р. Г. СКРЫННИКОВ В 1950-е ГОДЫ

Руслан Скрынников
в годы аспирантуры.

Аспирант Руслан Скрынников,
1953 г.

За работой.

Р. Г. СКРЫННИКОВ В 1960-е ГОДЫ

Р. Г. Скрынников на занятиях со студентами.

Р. Г. Скрынников
в годы создания исследования
об опричнине Ивана Грозного.

На прогулке в парке.

Ученый нигде не расставался
с книгой.

Исследователь на отдыхе.

1965 г. За игрой в бадминтон.

Ученый играет на скрипке.

1974 г. Во время работы
над «Иваном Грозным».

В начале 1980-х гг.

В начале 1980-х гг.

С дочерью Лидией. Начало 1980-х гг.

Слушают Р. Г. Скрынникова. Выступление ученого
в Доме Культуры завода «Арсенал», 1983 г.

Р. Г. Скрынников в рабочем кабинете ученого. Конец 1980-х гг.

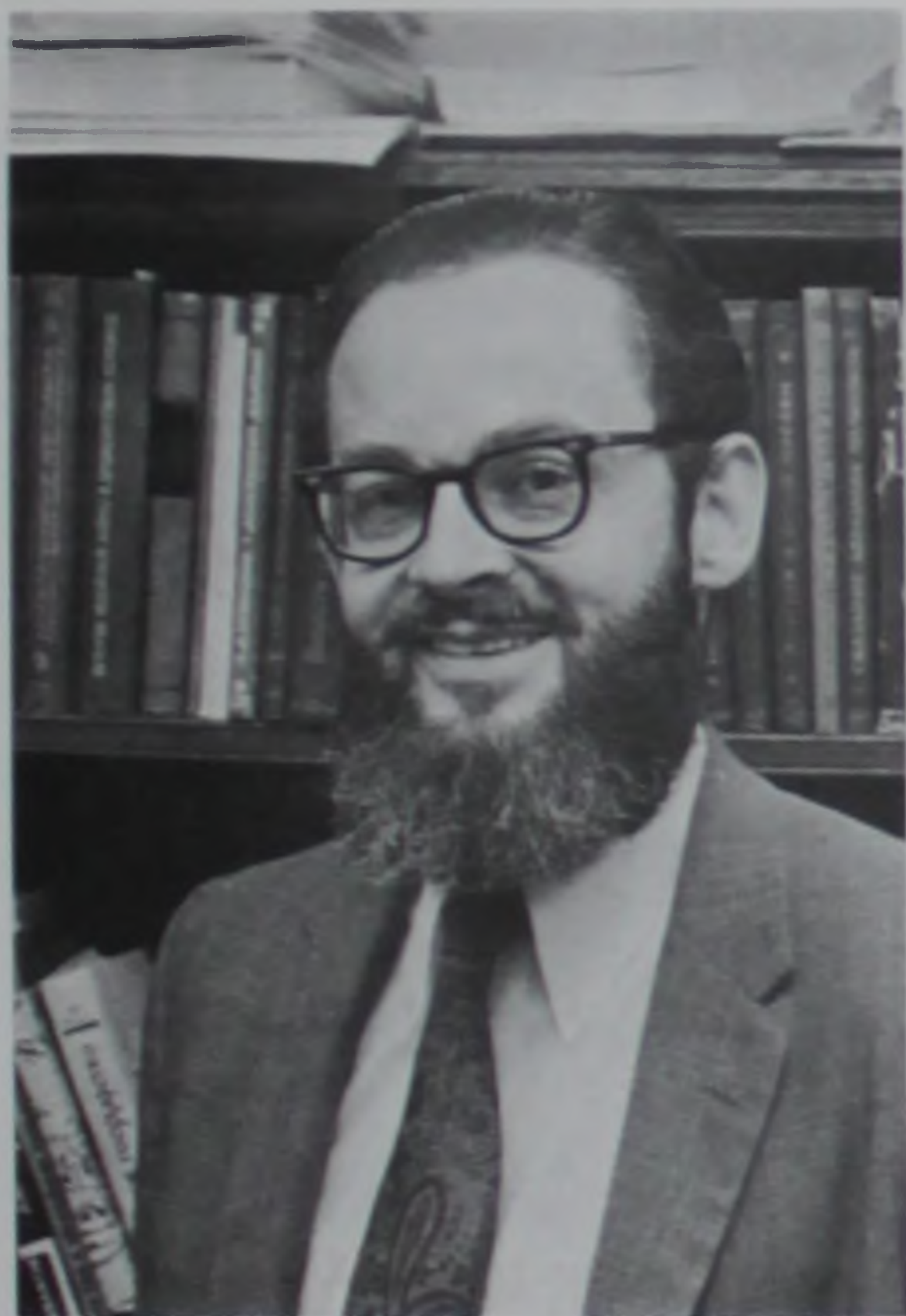

В Библиотеке Академии наук.
Начало 1990-х гг.

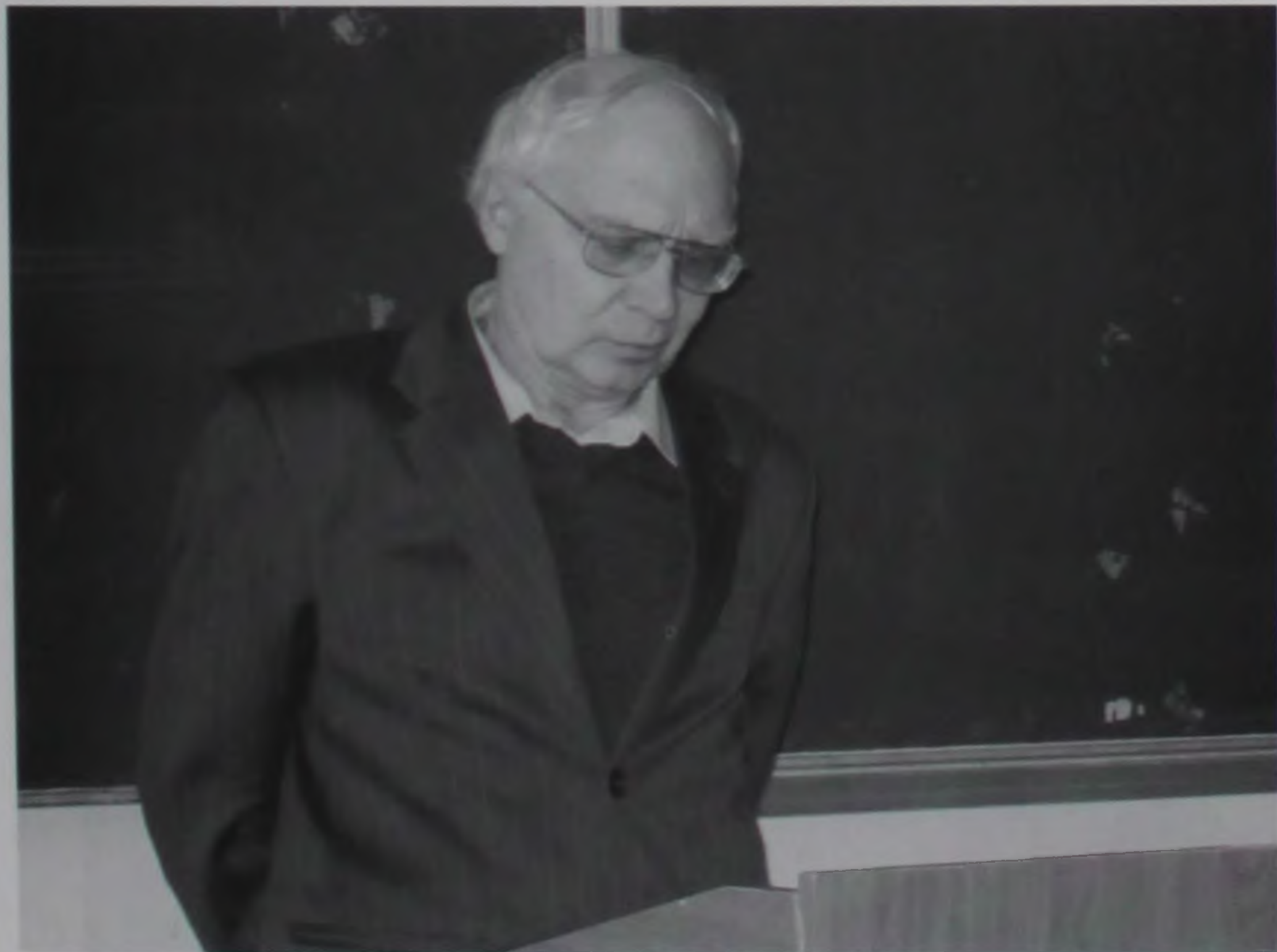

В рабочем кабинете. Конец 1990-х гг.

Эдвард Кинан,
американский славист,
полемика с которым
занимала важное место
в творчестве Р. Г. Скрынникова.

Член-корреспондент РАН
Борис Николаевич Флоря делает
доклад на Чтениях в честь 75-летия
Р. Г. Скрынникова в Санкт-
Петербургском университете
(апрель 2006 г., СПбГУ).

КОЛЛЕГИ И УЧЕНИКИ

Слушатели Научных Чтений «Московское царство XV–XVII вв.»
в честь 75-летия Р. Г. Скрынникова (апрель 2006 г., СПбГУ).

Профессор Волгоградского гос. университета Игорь Олегович
Тюменцев и заслуженный деятель науки РФ, профессор Юрий
Георгиевич Алексеев (СПбГУ) на Чтениях.

Доктора исторических наук Алексей Владимирович Петров
и Андрей Павлович Павлов (Санкт-Петербург).

Доктор исторических наук
Василий Иринархович Ульяновский (Киев).

Кандидат исторических наук Павел Владимирович Седов,
Петербургский Институт истории РАН.

Сергей Анатольевич Уткин (Кострома).

**Сергей Георгиевич Жемайтис, научный сотрудник
Российской национальной библиотеки.**

Недавние аспиранты Р. Г. Скрынникова,
получившие под его руководством
ученую степень кандидата исторических наук уже в XXI веке.

А. Л. Корзинин.

А. В. Лобин.

С. Г. Ананьев.

Однако в «Послании» идея сюзеренитета-вассалитета как раз не «работает». Спиридон-Сава постулировал «отпущение на волю» и провозглашение отдельного «самодръжавного царства» на Руси, притом *равного византийскому царству*. Эта идея обставлялась посредством присылки Константином *собственного венца*, снятого со своей главы (а не специально изготовленного для вассального правителя), как и *ожерелье с плеч своих*, а также *крест животворящего древа со своей груди*, наконец, через сакральный *обряд поставления* на царство тремя епископами. Не случайно весь сюжет посылки даров императором Константином Мономахом и венчания ими Владимира Мономаха, в частности, возложение на него «царского венца» был подробно изображен в 1551 г. на створках царского места в Успенском соборе Кремля (повторяло византийский императорский трон, а через него и «трон Соломона»).⁶⁹

Вызывает удивление другое. Автор именем Константина поручает обряд поставления на царство лицам «второго плана» (даже с учетом авторской конструкции титулов) Константинопольской Церкви и совершенно *исключает* Киевского митрополита и русских епископов. Интересно, что русское священство вообще нигде не фигурирует: ни в совете Владимира Всеволодовича, ни в церемонии венчания.

В этом вопросе «Послание» содержит определенную антиномию: с одной стороны, боговенчанность и «родство» «от начатокъ вечныхъ летъ» русского князя не нуждались, собственно, в санкции «другой» земной власти; а с другой — утверждение этой идеи перед «иной» земной властью во времена «Послания» требовало именно авторитета исторического правителя самой могущественной древней империи. При этом «сакральный авторитет» от священства был слабо прописан Спиридоном-Савой. И только Эфес как древний центр христианства с традицией Вселенских Соборов и апостольских посланий (апостол Павел) благодаря титулу Неофита несколько поднимал уровень делегации. Однако учитывая то, что концепция власти «Послания» была рассчитана на «внутреннее потребление», неизвестные епископы могли «производить впечатление» хотя бы дивными именами кафедр.

Заключение всего приведенного описания также противоречило

⁶⁹ Снегирев И. Памятники московской древности. . . С. 27–28; Соколова И. М. Мономахов трон: Царское место Успенского собора Московского кремля. М., 2001. С. 38–52.

древнерусской летописной традиции о прозвании Владимира Всеволодовича Мономахом, хорошо известной книжникам (как прозвище, так и инсигнии, в частности, бармы связывались с матерью князя — дочерью Константина). В «Послании» это наименование связывалось с императором через инсигнии власти: «И от того времени князь велики Володимиръ Всеволодовичъ наречеса Манамахъ и царь Великиа Росиа» (С. 165).

Насколько идея о «дарах Мономаха» была нова для времени создания «Послания»? Современная историография развивает традиционную гипотезу, что легенда об императорских инсигниях на Руси развивалась еще в домонгольское время.⁷⁰ Лишь Б. Н. Флоря предложил иную оригинальную интерпретацию: основанием для теории «даров Мономаха» стала история принесения из Константинополя еще при Владимире Мономахе перста Иоанна Предтечи, который уже во второй половине XII в. воспринимался как частица коронационных регалий.⁷¹

Известно, что какие-то предметы (утварь) действительно были переданы на Русь самим Константином IX Мономахом, например, малый сион Новгородской Софии. Императорские инсигнии киевских князей зафиксированы на монетах; археологи видят их параллель с диадемами, найденными в Киеве на Сахновке.⁷² Известно также, что западный тип инсигний (папский) использовал при королевской коронации в Галиче Даниил Романо-

⁷⁰ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 123–149. Ср.: Соболевский А. И. Мономахова шапка и царский венец // Археологические известия и заметки. 1897. № 3. С. 1–4; Прозоровский Д. И. Об утварях, приписываемых Владимиру Мономаху. СПб., 1880. С. 1–64.

⁷¹ Флоря Б. Н. К генезису легенды о «дарах Мономаха» // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987. М., 1989. С. 185–189; Слово о перенесении в Киев из Константинополя при Владимире Мономахе перста от десницы Иоанна Предтечи // ОР РНБ. Собр. Яворского. № 5. Л. 261 об. (Пролог 1633 г.); № 4. Л. 184 об.–185 (Пролог 1579 г.); ИР НБУВ. Кол. Почаевской Лавры. Ед. 9/103.

⁷² Толочко П. П. Про приналежність і функціональне призначення дідем і барм в Древній Русі // Археологія. Т. 15. 1966. С. 152–154. Ср.: Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронования // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973. С. 35–40; Соболева Н. А. Знаки княжеской власти Киевской Руси // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 1996. С. 4–24; Валеева Г. К. О родовом прозвании Владимира Всеволодовича Мономаха // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982. С. 116–126; Александров Д. Н., Мельников С. А., Алексеев С. В. Очерки по истории княжеской власти и соправительства на Руси в IX–XV вв. М., 1995.

вич.⁷³ Таким образом, можно констатировать, что сама идея об инсигниях власти не является вымыслом автора «Послания», но в то же время он предложил совершенно оригинальное ее наполнение.

В последующем тексте Спиридон-Сава более не обращается к истории, а только обобщает: «И от того часа темъ венцемъ царьскимъ, его присла великий царь греческы Костянтинъ Манамахъ, венчаются вси великие князи володимирские, егда ставятся на великое княжение русское» (С. 165). Удивляет факт, что исполняя заказ московского двора, автор ничего не говорит об исторической традиции перехода власти «всея Руси» к московским князьям, называя лишь владимирских (даже не киевских) князей.

Р. П. Дмитриева объясняла это тем, что в титуле Василия III после «всея Руси» на первом месте стояло Владимирское княжение, а затем Московское, что должно было отражать реалии сознания: «в то время еще была памятна борьба за великое княжение Владимирское».⁷⁴ Б. А. Успенский предложил иное объяснение: «Как известно, начиная с Дмитрия Ивановича (Донского) московские князья наследуют великое княжение Владимирское, т. е. оно становится их наследственной вотчиной; соответственно, наследственные реликвии московских князей могут восприниматься — задним числом (?! — В. У.) — как регалии, связанные именно с владимирским столом».⁷⁵

Но ведь в «Послании» упомянуты только владимирские князья, к которым от эпохи Владимира Мономаха простиралось значительное временное расстояние, и титул «великий князь владимирский» фактически утвердился уже в ордынское время!

Почему же автор, невзначай вспомнив Киев и не дойдя до Москвы, все же остановился на Владимире? Для московской книжной традиции тема Владимирского великого княжения была вполне органичной.⁷⁶ Об этом свидетельствуют тексты XVI века, в частности, «Книга степенная царского родословия», где Всеволод Большое Гнездо (1177–1212 гг.) назван «родочисленный царствия Руського наследникъ, истинный кореноплодитель первеначальствующимъ

⁷³ Корона Данила Романовича (1253–1953) // Записки наукового товариства Шевченка. Т. 164. Рим; Париж; Мюнхен, 1955. С. 7–64.

⁷⁴ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. С. 94.

⁷⁵ Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 483. Примеч. 17.

⁷⁶ Лимонов Ю. А. 1) Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987; 2) летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

русскимъ самодержьцемъ», и его правление определялось как «начало Владимерского самодержьства». ⁷⁷

Именно в XVI в. в книжности активно развивается «владимирская тема» — из Владимира московские князья «тянули» свою власть, ее символику и идеологическое обоснование. Московские летописи сообщают, что все потомки Ивана Калиты до 1425 года, которые получали в Орде ярлык на великое княжение, «садились» на престол во Владимире, где, по-видимому, в Успенском соборе осуществлялся обряд «посаждения». ⁷⁸ Около 1425 года, как считают исследователи, по инспирации Софьи Витовтовны и митрополита Фотия мог быть произведен какой-то обряд для подтверждения легитимности власти Василия Васильевича.

Именно тогда в московской митрополичьей мастерской, наверное, и была модернизирована (увенчана крестом) «шапка Мономаха». ⁷⁹ Вторично после ханского подтверждения Василий был посажен «на великое княжение» в 1432 г. уже в самой Москве. ⁸⁰ С того времени все потомки Василия Темного возводились на престол именно в Москве. ⁸¹

Для автора «Послания» «владимирская тема» имела двойную нагрузку: кроме сказанного выше, особое значение имело имя Владимира Мономаха — первого владельца инсигний, который основал и в свою честь назвал город Владимир. ⁸² Наконец, из Владимира «пришла» в Москву и главная святыня — чудотворная икона Владимирской Богородицы. Это был третий и целиком сакральный символ «владимирской темы» в московской идеологии. ⁸³

Но из всей «владимирской триады» в «Послании» однозначно превалирует тема Владимира Мономаха, который «венчает» саму идею. От него «линия власти» прямо протягивается до Василия III: «Яко же и сей волный самодержьць и царь Великыя Россия Василие Ивановичь, второй на десять по колену от великого князя Володимера Манамаха, а от великого князя Рюрика 20-тое коле-

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 21. Ч. 1. СПб., 1908. С. 222, 225.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 218, 173, 179.

⁷⁹ Бочаров Г. Н. Сделано в Москве... С. 125–128.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 27. С. 269; Т. 25. С. 249–250.

⁸¹ Подробнее см.: Бычкова М. Е. Московские самодержьцы. История возведения на престол. Обряды и регалии. М., 1995.

⁸² ПСРЛ. Т. 20. Ч. 1. Первая половина. СПб., 1910. С. 103.

⁸³ Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 252–320, 476–509.

но, и братья его Ивановичи и Андреевичи» (С. 165). В этой триаде «Рюрик—Владимир Мономах—Василий Иванович» функционально обозначены только два последних; Рюрик же уравнивает саму триаду и поддерживает древнюю традицию княжеского родословия.

Исследовательский интерес неизменно вызывает другой аспект: по смыслу предложения, венцом Константина венчаются князья владимирские, а также Василий Иванович и его братья Ивановичи и Андреевичи. Может ли эта важная формула быть тривиальной литературной неточностью высказывания? Или же автор, говоря не о брате, а о племяннике, намекал на венчание Дмитрия-внука в 1498 году, в котором использовались регалии Мономаха? А может, на момент написания этих слов у Василия Ивановича еще не было наследника? Последнее обстоятельство потребовало бы отодвинуть время составления «Послания» к 1530 г. (25 августа 1530 г. родился Иван будущий Грозный, а в 1533 г. — Юрий). Не случайно И. Жданов мастерски использовал указанную фразу для датирования «Послания» 1513–1523 годами: именование Ивановичей и Андреевичей во множественном числе указывало, что они должны были еще жить (из Ивановичей: Андрей умер в 1537 г., Георгий — в 1536 г., Симеон — в 1518 г., Дмитрий Жилка — в 1521 г., из Андреевичей: Иван/монах Игнатий — в 1523 г., Дмитрий — в 1540 г.); в частности, смерть первого из Андреевичей (1523 г.) являлась верхней границей. Нижняя же граница устанавливалась через упоминание Борисовичей: Иван умер в 1503 г., а Федор — в 1513 г.⁸⁴

Титул Василия Ивановича «волный самодержец и царь Великыя Россия» также показателен. По мнению Р. П. Дмитриевой, Василий Иванович имел намерение венчаться на царство: именно это обусловило заказ Спиридону-Саве идеологического сочинения о происхождении мировой власти и ее наследовании русскими князьями. Доказательства тому видят в актовых и дипломатических документах: именование Василия Ивановича «божиею милостию царь и государь всеа Руси и великий князь владимирский» в грамоте от 16 февраля 1510 года, а также во время переговоров 1517 и 1526 гг. с послом императора Герберштейном.⁸⁵ Следует иметь в виду, что идея коронации могла возникнуть сразу по вокняже-

⁸⁴ Жданов И. Русский былевой эпос. С. 67–68. Примеч. 1.

⁸⁵ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. С. 102, 104–105.

нии Василия Ивановича: она не давала покоя его матери — Софье Палеолог.

В этом случае использовать модель венчания противника (Дмитрия-внука) и сослаться на его посажение на царство было невозможно. Следовало обосновать, что этот титул принадлежит не только Дмитрию, но всем русским князьям, ибо сам титул имеет очень древнее происхождение, как и главные инсигнии власти, перешедшие ко всему роду Рюриковичей от Владимира Мономаха, в жилах которого текла византийская кровь (как и у Василия Ивановича) и который получил все признаки царской власти и сакральное благословение ею от императора Византии. Такая развернутая концепция совершенно «закрывала» воцарение Дмитрия-внука, но вместе с тем указывала на родовой признак власти издревле, а значит, и для Ивановичей и Андреевичей — тоже.

В составленной около 1518 г. летописной редакции чина коронации Дмитрия-внука совершенно сознательно и с этой же идеологической целью в титул Ивана III было внесено слово «царь», при этом он именовался «православным царем» (титул «царь» соответствовал греческому Βασιλεὺς, в Византии его применяли к императору и к персидскому шаху), и только в более поздней Чудовской редакции троны обоих участников коронации (Ивана III и Дмитрия-внука) были названы «царскими».⁸⁶ Информация 1518 г., кажется, демонстрирует желание Василия Ивановича короноваться, но пока что царская титулатура возводится только к отцу Ивану III, а не к конкуренту, пусть уже и мертвому — Дмитрию-внуку. При этом напомним, что в русской книжности применение титула «царь» к русским князьям известно в 1453–1458 гг., 1461–1462 гг. и 1472 г. — так именовался в посланиях и нарративных документах Василий II; а в официальных документах — с 1474 г. (для Ивана III и Ивана Молодого).

Титул «государь всея Руси» встречается уже на монетах Василия II конца 1440-х гг., что Б. А. Успенский связывает с автокефалией Русской Церкви. Василий III, как сказано в одном из хронографов, «титлу великия державы себе состави и тако в посольских грамотах и в летописных исторьях писати себе повеле, им же званием в русской земле даже и от великаго князя Рюрика никто от рода их таковым самодержательством не писашеся и не нарицаше-

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 12. С. 248; Т. 8. СПб., 1859. С. 236; Т. 6. СПб., 1853. С. 242; Т. 28. М., 1963. С. 331.

ся, якоже сиде: Божиею милостию царь и великий князь... и всея Руси государь и обладатель».⁸⁷

Вся вторая часть «Послания» завершается своеобразным резюме, в котором акцентируются две главные идеи: происхождение рода князей (Месрем, внук Ноя — родоначальник); происхождение власти князей (Сеостр, царь Египта → Август-цесарь, который «пооблада вселенной»). Корень у обеих линий (и рода, и власти) один — *египетский*. Вновь подчеркнем это обстоятельство, оно не позволяет сосредоточиваться только на Августе-цесаре. Интересно, что в этом резюме нет упоминания о царском венце Константина и других символах власти.

Проблема символов власти и титула, такая важная для конкретного момента и заказчика, на фоне двух глобальных идей попала на второй план. Текст как бы перекосялся: вторая часть о венце Константина и царском титуле, функционально более разработанная и широкая по сравнению с первой, в конечном итоге «пропадает» в свете двух схематично изложенных идей первой части. Автор, таким образом, демонстрирует собственное отношение к «иерархии идей», где легенде о «Константиновом даре» Руси не нашлось места.

Наконец, проанализируем употребление в «Послании» формулы «Костянтинаполь — съ новый Римъ» (С. 162). Спиридон-Сава вкладывает ее в уста самого великого князя Владимира Мономаха, который советуется с вельможами о новом походе на Константинополь. Более того, в соответствии с логикой автора, Константинополь стал Новым Римом после раскола Церкви и «отпадения» Римских Пап при Формосе. И все же автор не делает «третьего шага» к Москве, поскольку в его концепции Константин Мономах передает свой венец и признает Владимира Всеволодовича равным себе правителем — охранителем Православия.

Таким образом, если концепт «Нового Рима» и действует, то он касается только Константинополя и не переносится на Москву. Этот принцип можно видеть и в «Изложении пасхалии», приписываемой или митрополиту Зосиме, или Симону Чижю. Отметим, что

⁸⁷РИБ. Т. VI. Стб. 673. № 90; См. также: РФА. Вып. 1. М., 1986. С. 169. № 43; ПСРЛ. Т. 25. С. 260; Попов А. 1) Историко-литературный обзор... С. 379, 382, 384, 392, 393, 395; 2) Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 181–182; ГВНП. № 78. С. 133; Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 468, 483. Примеч. 20; С. 490. Примеч. 60–61; Vodoff W. Le title «tsar» ...

оба предполагаемых автора имели прямое отношение к Москве, Симоновому и Троице-Сергиевому монастырям (Зосима пребывал на покое сначала в родном Симоновом, а затем в Троицком монастырях, а Симон из Троицы попал на митрополию, которую занимал в 1495–1511 гг.), что указывает на средоточие данной идеи и ее бытование в соответствующих кругах книжников.⁸⁸

Третья часть «Послания» (С. 166–170) имеет уже авторское название «А иже рече о вчинении родовъ литовскаго княжества», тем не менее четыре пятых ее текста содержит повесть о тверском князе Александре Михайловиче, его сыне Михаиле Александровиче и дочери Улянии; в целом «тверские сюжеты» хронологически охватывают лишь период 1326–1399 гг. (до вокняжения Ивана Михайловича). На фоне этой тверской истории развивается генеалогия литовских князей как служебников великих тверских князей (их родословие доведено до XVI в.).

Эти сюжеты заслуживают специального изыскания.⁸⁹ Здесь укажем лишь на то, что именно в Твери еще в середине XV в. прославление великого князя приобретает черты, которые значительно позже используют московские книжники для великого князя московского. В частности, в «Слове похвальном о тверскомъ великомъ князе Борисе Александровиче» (1453 г.) он именуется «самодержавный государь» (10 раз) и даже венчаный «царь» (7 раз), а его власть объявляется богоданной: «На отчии престоле Богом оутвержаемъ, помаза тя Богъ паче причастникъ твоих, такова князя даровал есть Бог Роуской земли», князь уподобляется Августу, Константину I, Феодосию I и Юстиниану, Тверь — Констан-

---

⁸⁸Б. А. Успенский именно Симону Чижу приписывает не только концепцию «Константинополь — Новый Рим», но и ее продолжение «Москва — Третий Рим» с заменой ею идеи «Нового Иерусалима», а значит, корреляцию соотношения «священства» и «царства» (*Успенский Б. А. Восприятие истории...* С. 467–468, 470). Это построение базируется на обозначении в редакции 1495 г. «Изложения пасхалии» Константинополя как Нового Рима вместо более раннего чтения Новый Иерусалим. Однако, как показала Н. В. Сеницына, именно в рукописи 1495 г. в заглавии текста назван его автор — митрополит Зосима и указано на официальное происхождение документа «повелением» Ивана III. В этом тексте идея Третьего Рима не присутствует, поскольку «нет магического числа три», Константинополь не назван «Вторым Римом», а Москва — «Вторым градом Костянтина», а посему «исследователи, усматривающие в Изложении генезис идеи «Третьего Рима», как бы дописывают авторский текст» (*Сеницына Н. В. Третий Рим...* С. 122. Примеч. 14).

⁸⁹Предварительный вариант нашего исследования третьей части «Послания» см.: *Ульяновський В. І. Київський митрополит Спиридон і його...* С. 122–152.

тинополю, а Тверская земля — «новому Иисраилю».⁹⁰ В «Тверском летописце» формируется концепция «богохранимого града» Твери и «богомъ почтенного господина самодръжеца» великого князя Бориса Александровича.⁹¹ А Михаил Борисович на своих монетах уже использует, кроме других изображений, также двуглавого орла.⁹²

Дальнейшее формирование тверской идеологии было искусственно прервано ликвидацией Тверского княжества и посажением в Твери Ивана Молодого. По-видимому, именно круг Ивана Молодого и Елены Волошанки частично использовал тверские «наработки» для обоснования царского венчания сына Дмитрия. После победы партии Софьи Палеолог и заточения Дмитрия с Еленой (11 апреля 1502 г.) все эти «идеологические разработки» попали к книжникам из окружения Василия Ивановича и были использованы в Воскресенской летописи. Остается неясным, были ли среди этих материалов какие-то тексты, которые использовал Спиридон-Сава в своем «Послании».

Все сказанное — лишь предварительные заметки к теме. Однако они указывают, сколь много загадок таит в себе «Послание» Спиридона-Савы, которое требует нового серьезного изучения и анализа.

---

⁹⁰См.: Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче / Публ. Н. П. Лихачева. СПб., 1908. С. 1–4, 20–24, 29, 30, 32. — Об этом см. также: Кучкин В. А., Флоря Б. Н. Княжеская власть в представлениях тверских книжников XIV–XV вв. // Римско-Константинопольское наследие на Руси: Идея власти... С. 197–198; Успенский Б. А. Восприятие истории... С. 478; Симицына Н. В. Третий Рим... С. 84–89.

⁹¹ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Стб. 464, 495–497; Кореневский А. В. Была ли Тверь «Третьим Римом»? // Исторические этюды. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1993. С. 29–47.

⁹²Сотникова М. О некоторых древнегреческих сюжетах на русских монетах XV вв. // Сообщения государственного Эрмитажа. Т. 47. Л., 1982. С. 79–82.

Царство, централизация и местное управление: тюркская модель, константинопольская анти-модель

В то время, когда впервые была высказана идея об имперской миссии Руси, древний тюркский титул «каган»¹ использовался в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона² применительно к Владимиру Святому и Ярославу Мудрому, а в одной из надписей Киевской Софии³ так именовался и князь Святослав Ярославич.

Каким бы образом термин каган ни попал в древнерусские источники,⁴ не вызывает сомнений тот факт, что им подчеркивалось особое положение киевского правителя, власть которого, после принятия им крещения, равнялась власти византийского императора.⁵

Русь в этот период находилась, с одной стороны, под влиянием константинопольской церкви, а с другой — под постоянной угрозой нападения степных кочевников. Оба фактора оказали на нее воздействие как с точки зрения идеологии, так и с точки зрения геополитики.

В отношениях Руси с Константинополем — Новым Римом с самого начала и вплоть до завоевания Царьграда османами чувствовалось некоторое недоверие и даже подозрительность. В «Повести» Нестора Искандера, равно как и в Посланиях Ивана IV или сочинениях Ивана Пересветова можно найти негативные оценки, резкое

¹ Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux, recueillis et commentés. Paris, 1990. P. 167, 206–207; Guiraud R. L'Empire des Turcs Célestes. Paris, 1960. P. 15, 69–71; Golden P. B. Khazar Studies. Budapest, 1980. P. 192–196.

² Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 79, 91, 92, 99.

³ Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Т. I. Киев, 1966. С. 49–51.

⁴ Об этом см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 155; Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русских князей // История СССР. 1982. № 4. С. 150–159; Vodoff W. La titulature des princes russes du X au début du XIII siècle et les relations extérieures de la Russie Kiévienne // Revue des Etudes Slaves. 1988. Vol. 46. P. 146.

⁵ См., например. Vodoff W. La titulature... P. 146–147; Maniscalco Basile G. L'idea del Principe e le origini del potere nella Rus' kieviana. Padova, 1988. P. 73–75.

осуждение византийской политической жизни, ее «неисчетных со- грешений и беззаконий».⁶

Уже Симеон Суздальский, осуждая поведение императора и патриарха на Флорентийском соборе, писал: «Вместо же едино- мыслия и свокупления роздор велий бысть между православными и римляны. Тогда греческая власть божиим попущением за грехи наша наипаче оскудеваше от варварская нахождения и турскаго пленения».⁷

В «Повести» Нестора Искандера греки плача признают себя ви- новными в гибели нового Рима: «... яко неистовы еже на нас ми- лость божью и щедрот отвращаемся и на злодеяния и беззакония обращаемся, ими же Бога и Пречистую Его Матерь разгневаем и славы своеа и чьти отпадаем... ныне в последняя времена, грех ради наших, овогда находением неверных, овогда голодом и по- ветреи частыми, овогда же межусобными браньми, ими же оскуде- ша силнии и обнищаша людие и преуничижися град и смирися до зела».⁸

В «Сказании о Магмете-салтане» И. Пересветов утверждает, что вельможи ослепили василевса, который был «источник мудрости воинския»,⁹ отказались от службы и любовались «неправедно со- браными» богатствами: «... от злоимства и от нечистаго собрания, от слез и от крови роду человеческого, богатели велможи его... , яко они богаты, так и ленивы, и осетили царя Константина вражбами и уловили его великим лукавством своим». И далее: «... латынския веры дохтуры спираются со греки: "На вас, на греков, господь бог разгневался неутолимым гневом своим святым, тако, яко же и на жидов, да выдал вас турскому царю в неволю за вашу гордость и за неправду"».¹⁰

Иван Грозный утверждал, что история Восточной Римской империи представляет собой неиссякаемый кладезь отрицатель- ных примеров, которым ни в коем случае не следует подражать, пытаясь провести централизацию государства. Источником для его выводов послужило то, что по свидетельству венецианского

⁶ Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора-Искандера XV века. Сообщил Архимандрит Леонид. СПб., 1886. С. 6.

⁷ Попов А. Историко-литературный обзор древнерусских полемических со- чинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 344.

⁸ Повесть о Царьграде ... С. 6.

⁹ Сочинения И. Пересветова / Подг. текст А. А. Зимин. М.; Л., 1956. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 151–152, 161.

книжника второй половины XVI в., «Ivan nostro imperatore per il leggere di molte istorie romane, et altre, delle quali è molto studioso...».¹¹

В первом послании к кн. А. Курбскому Иван дает последовательное толкование истории Константинополя — Нового Рима: Константин, «первый во благочествии», «царь правды христианский»,¹² создал город в свое имя и царство «в новой благодати».¹³ Константин обновил царство, и следующими обновителями после него были уже предки Ивана IV — Владимир Святой и Иван III, «новые Константины» — таким титулом именуется Владимир в «Слове о законе и благодати», а Иван III — в «Пасхалиях на осьмую тысячу лет».

Противоположное толкование основания Нового Рима можно найти в источниках, вышедших из-под пера авторов «партии первого Рима», например, в письме к «флорентийским господам» (*domini et priores palatii*) от 7 июля 1453 г. бывшего митрополита Киевского и всея Руси Исидора, ставшего *Cardinalis Ruthenus Isidorus*. По его мнению, Константин имел в виду не *renovatio*, а *translatio*: «Constantinus enim magnus sua admirabili virtute urbem illam magnificam fundavit et erexit et in suam propriam dicavit, conferens illi nomen a suo nomine, statuitque illam sedem sui imperii, quam imperatores ceteri Romeorum ab ipso magno Constantino sumentes originem... tenuerunt».¹⁴

Сразу же после смерти Константина его сыновья и преемники (Марциан, Лев Исавр и Анастасий) не могли защищать пределы царства (*finis imperii*) и оберегать внутренний порядок от произвола «средних властей»: «И после его чада разделиша власть... И оттоле убо нача делитися греческая власть и скудость приимати... Епархом же и сигклиту и всем властелем не престающе меж се-

¹¹ «Иван наш император начитался римских историй и других, которые он тщательно изучает...» (Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. Изд. А. И. Тургеневым. Т. I. СПб., 1841. С. 153.)

¹² ПИГАК. С. 22.

¹³ Там же. С. 21.

¹⁴ «Константин своей дивной добродетелью этот прекрасный город основал и воздвиг и сам себе посвятил, дав ему имя от своего имени, и установил, что он будет стольным городом своего царства, где сидели другие ромейские цари от рода того великого Константина» (перевод — Дж. Дж.). (*Hofmann G. Quellen zu Isidor von Kiev als Kardinal und Patriarch // Orientalia Christiana Periodica. 1952. T. XVIII. S. 146.*)

бя ратоватися, и вся хотения своя улучшим».¹⁵ При императорах-иконоборцах было уничтожено и религиозное единство — главнейшее средство сохранения единства политического.¹⁶ Неизбежное последствие ослабления царской власти — «турское пленение», божья кара «грех ради наших» в то же самое время является и указанием на способ освобождения.

Татары завоевали Киевскую Русь из-за того, что русские князья забыли о завещанном им предками единстве; это же стало причиной гибели Царьграда. Когда власть ордынского хана ослабла и в Орде началась «межусобная брань», Русь, под руководством Московского великого князя, свергла татарское иго.

В «Сказании о Магмете-салтане» И. Пересветов утверждает, что христианское царство было восстановлено московским самодержцем, который осуществил синтез греческой веры и «турской» правды. Этот факт вынуждены признавать даже латинские мудрецы: «В Литве пишут философи и дохтуры латынския... про государя, благовернаго царя, и великого князя Ивана Васильевича всея Руси московскаго, что он, государь, зачался от великаго божия милосердия и от сердечных молитв к богу отца своего и матери и породился от великия мудрости по небесному знамению на исполнение правды в его царстве».¹⁷

Когда царство было создано и укреплено, перед царем встала следующая задача — создание аппаратов центрального и местного управления, а вместе с ними и конструирование новой лексики, их определяющей. Если политическая (в широком смысле этого слова) лексика Древней Руси для обозначения понятий верховной власти, ее атрибутов, церковных учреждений и обрядов¹⁸ целиком восходила к греческой модели, то для обозначения политико-административных и финансовых учреждений, созданных уже именно на московской почве, требовались иные модели, большей частью — тюркские: бо(л)ярин, сан, товар(ищ), тамга, ярлык и др.;¹⁹ при этом можно установить довольно точные параллели между тюрк-

¹⁵ ПИГАК. С. 22.

¹⁶ Там же. С. 23.

¹⁷ Сочинения И. Пересветова... С. 161.

¹⁸ Подробнее см.: *Tchéremissinoff-Guillou K. Le lexique du pouvoir dans le chroniques slaves traduites du grec au Moyen-Age // Rivista di Studi Bizantini e Slavi. 1984. T. IV. P. 51–52.*

¹⁹ Этимологию этих понятий см.: *Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1959. С. 40–41; Фасмер М. Этимологический словарь... Т. I. С. 203–204, 259; Т. III. С. 555; Т. IV. С. 18, 25, 67–68, 561.*

ско-монгольской и московской терминологией, обозначающей служилых людей и систему налогообложения.

Административная практика ханов и их чиновников на Руси оказала значительное влияние на учреждения создающегося Московского централизованного государства. Так, хан выбирает наследника по своей воле²⁰ — и Иван III на основе этого принципа проводит новую, отсутствовавшую до него династическую политику (что, по мнению Татищева, явилось действенным средством восстановления и укрепления единодержавия²¹). Ханская яса имеет функции, сходные с функциями Боярской думы; московский государь точно так же, как и хан, обладает монополией на чеканку монеты.²² Когда Иван III учреждает поместную систему, он, по всей вероятности, подражает тюркскому суюргалу; Иван Калита собирает со всей Русской земли подати и налоги, которые поступают в единую казну хана, — преемники Калиты создают единую казну московского государя.

Что же касается политики светской власти по отношению к Церкви, тюркско-монгольская практика совпадает в этом вопросе с древнерусской: как в Булгарии и в Башкирии, так и на Руси церковные люди освобождались от всяких налогов и податей; все привилегии и иммунитеты православной церкви, установленные в т. н. Церковном уставе Владимира Святославича, подтверждаются в грамотах ордынских ханов,²³ а потом и в законодательстве Великого княжества Московского и Российской империи.

В Никоновской летописи сказано, что в 1402 г. «пожалова его (Федора Ольговича Рязанского. — Дж. Дж.) царь, даде ему вотчину свою и дедину, великое княжение Рязанское, улус свой».²⁴ Это значит, что вся Русская земля, равно как и отдельные ее части, составляют вотчину/улус золотоордынского хана. Через полтора века после события, о котором идет речь в летописи, и в то время, когда эта летопись составлялась, Иван IV, по свидетельству «Казанской истории», пишет Ногайскому мурзе Исмаилу: «... ведомо вам и прежним вашим всем, что казанский юрт от начала наш

²⁰ Подробнее см.: Spuler B. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland, 1223–1502. Leipzig, 1943. S. 257, 304, 335.

²¹ См.: Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. Л., 1966. С. 452.

²² Подробнее см.: Spuler B. Op. cit. S. 270, 294, 317, 334.

²³ См., например, грамоту хана Узбека митрополиту Петру от 1315 г. // СГГД. Т. I. М., 1813. С. 7.

²⁴ ПСРЛ. Т. 11–12. М., 1965. С. 188.

юрт».²⁵ То есть ханский улус отождествляется с вотчиной московского государя.

В «Казанской истории» эта идея излагается еще более развернуто: «Бысть убо от начала Руския земли, яко же поведают Русь и варвари, все то Руская земля была едина, идеже ныне стоит град Казань, продолжающесе в долину с единого от Нова града Нижнего на восток, по обою странам великия реки Волги вниз и до болгарских (рубежов) и до Камы реки, в ширину на полунощие до Вятцкия, рече, земля и до Пермския, на полудние до половецких предел, — все же то держава и область Киевская и Владимирская, по тех же ныне Московская».²⁶

Следует отметить, что на Руси, по всей вероятности, высоко ценили то обстоятельство, что в тюркско-монгольском государстве была только одна династия, — точно так же, как на Руси не было и не могло быть никакой другой династии, кроме династии Рюриковичей. Ч. Гальперин, на наш взгляд, совершенно прав, когда говорит об «уважении к чингизидскому принципу».²⁷

После завоевания им Казани и Астрахани Иван IV, московский царь принимает на себя, вместе с римским титулом, также и такой старинный титул, как чингизидский. В указе Алексея Михайловича устанавливается, что в гербе Российского государства над двуглавым орлом, появившемся еще при Иване III, должны стоять три венца: «Орел двоеглавной есть Герб Державный Великого Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца Его Царского Величества Российского Царствия, на котором три коруны изображены, знаменующия три великия, Казанское, Астраханское, Сибирское, славныя Царства, покаряющияся Богом хранимому и высочайшей Его Царского Величества милостивейшаго Государя державе и повелению...».²⁸

Подобным образом уже в начале существования Руси как территориально-политической единицы ее новокрещенный государь принял на себя, кроме христианского титула «князь», и тюркский титул «каган». М. Чернявский в своем знаменитом исследовании ставил вопрос: «Хан или Василевс?» Вопрос поставлен неверно — Царь есть и Каган / Хан и Василевс.

²⁵ Казанская история / Подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954. С. 177.

²⁶ Там же. С. 44.

²⁷ Halperin Ch. Jh. The Tatar Yoke. Columbus, Ohio, 1985. P. 11, 172.

²⁸ ДРВ. 2-е изд. Т. XIV. М., 1791. С. 118.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Научные труды Дж. Джираудо, посвященные теории «Москва–Третий Рим» и проблеме изучения русской имперской идеи.

Профессору Руслану Григорьевичу Скрынникову,
внесшему значительный вклад в изучение проблемы «Москва — Третий Рим»,

посвящается

по случаю XXV сессии Международных Семинаров
«От Рима к Третьему Риму»,

Рим, 21–23 апреля 2005.

1. L'età di Ivan III // Rivista Storica Italiana. 1972. Vol. LXXXIV. N 2. P. 358–436.
2. Alle origini dello Stato russo: da Ivan III a Pietro il Grande. Venezia, 1984.
3. Russia versus Europam: La dominazione tatara // Rassegna Sovietica. 1985. Vol. XXXVI. P. 120–127.
4. La traduzione veneziana della Istorija gosudarstva rossijskago di Karamzin, Note bibliografiche e lessicografiche // Profili di storia veneta. Sec. XVIII–XX. Venezia, 1985. P. 95–128.
5. Bayer et Tatiščev: L'histoire comme érudition ou comme service de l'Etat // Europa Orientalis. 1986. Vol. V. P. 352–371.
6. Alle origini dello Stato russo: Da Ivan III a Pietro il Grande // La Storia. T. V. Torino, 1986. P. 383–406.
7. Car', carstvo et termes corrélatifs dans les textes russes de la deuxième moitié du XVIe siècle // Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986. P. 545–572.
8. La città russa, in Modelli di città, Strutture e funzioni politiche. Torino, 1987. P. 419–438.
9. La Rus' sacra ed il suo popolo eletto // Fondamenti. 1989. Vol. XIII. P. 101–118.
10. Passé et présent «russes» dans l'oeuvre d'Innokentij Gizel' // Ricerche Slavistiche. 1990. Vol. XXXVII. P. 333–351.
11. Venezia e la Russia, 1472–1797: Trionfi e tramonti a confronto // Volti dell'impero russo, Da Ivan il Terribile a Nicola I. Venezia, 1991. P. 53–62.
12. Βασιλεύς εὐσεβέστατος καὶ ὁμιμος, Storia di una parola e sviluppo di un' ideologia // Nuovi Studi Storici. 1992. Vol. XVII. P. 247–260.
13. La titulature des souverains moscovites dans la littérature historique et dans les documents vénitiens // Annali di Ca' Foscari. 1992. Vol. XXXI. N 1–2. P. 109–134.

14. La Piccola Russia, il Grande Fratello e il Santo Padre // Ricerche Slavistiche. 1991-1992. Vol. XXXVIII. P. 201-255.
15. «Русское» настоящее и прошедшее в творчестве Иннокентия Гизеля // Mediaevalia Ucrainica. 1992. T. I. P. 92-103.
16. Idea di Roma e retaggio russo nell'ideologia di Pietro il Grande // Idea giuridica e politica di Roma e personalità storiche. T. II. Roma, 1992. P. 79-111.
17. Les Trois Romes vues par l'Ukraine, Images et points de repère (XV-XVIIe siècles) // Roma fuori Roma: Istituzioni e immagini / A cura di P. Catalano e Paolo Siniscalco. Roma, 1993. P. 245-255.
18. Lessico giuridico, politico ed ecclesiastico della Russia del XVI secolo. Roma, 1994. (в соавт. с G. Maniscalco Basile).
19. De fine imperiorum // Letterature di frontiera. 1994. Vol. IV. N 1. P. 13-21.
20. L'idea slavo-ortodossa di continuità // Letterature di frontiera. 1994. Vol. IV. N 2. P. 17-28.
21. La Deuxième Rome vue par la Troisième // Spazio e centralizzazione del potere. Roma, 1995. P. 370-383.
22. Marx e Engels, la Polonia ed il problema dei confini dell'Europa // La nascita dell'Europa, Per una storia delle idee fra Italia e Polonia / A cura di S. Graciotti. Firenze; Olschki, 1995. P. 311-326.
23. Appunti sul lessico politico della Moskovskaja Rus' // Ricerche Slavistiche. 1996. Vol. XLIII. P. 37-61.
24. Polska i problem granic Europy // Symbioza kultur słowiańskich i niesłowiańskich w Europie Środkowej. Kraków, 1996. P. 237-243.
25. Титул государей московских в венецианской исторической литературе и дипломатических документах (XV-XVII вв.) // Рим, Костантинополь, Москва: Сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры. М., 1997. С. 326-350.
26. Slavia Orthodoxa // Letterature di Frontiera. 1999. Vol. IX. N 2. P. 87-93.
27. Второй Иерусалим против Третьего Рима (К постановке вопроса) // Jerusalem in Slavic Cultures / Ed. by W. Moskovich, O. Luthar, S. Schwarzband. Jerusalem; Ljubljana, 1999. P. 263-269.
28. Тюркские модели древнерусской государственности и московское чувство царской преемственности (К постановке вопроса) // Annali dell'Instituto Orientale di Napoli Slavistica. 1999. Vol. IV. P. 303-309.
29. Da Kiev a Mosca, Unioni e disunioni ecclesiastiche // Cristiani d'Oriente / A cura di G. Arbore Popescu. Milano, 1999. P. 121-126.
30. Manoscritti riguardanti i rapporti tra Venezia e la Polonia nella Biblioteca del Museo Correr di Venezia / Pref. di L. Calvi. Padova, 2000. (в соавт. с M. M. Ferraccioli).

31. Заметки о политической лексике Московской Руси // *Studia Slavica Hungarica*. 2000. Vol. XLV. P. 9–28.
32. Город как место власти в политической литературе Московской Руси конца XV — первой половины XVII в. // *Russica Romana*. 2001. Vol. VIII. N 1. P. 45–54.
33. Aleksej Michajlovič's Letter to the Chinese Emperor Shun-Chi (1654) // *Russia and China: Traditional Values and Modernization*. Taipei, 2001. P. 62–71.
34. Respublica versus Imperium, Morte di due Repubbliche (Manoscritti riguardanti la Polonia nella Biblioteca del Museo Correr di Venezia) // *Polonia 1795 / Venezia 1797: Morte ed eredità di due Repubbliche / A cura di H. Samsonowicz*. Warszawa, 2002. P. 289–433 (в соавт. с М. М. Ferraccioli).
35. Realtà, suggestioni e scontri di Imperi, Stefano Piccolo e la guerra russo-ottomana // *Palaeoslavica*. 2002. Vol. X. N 1. P. 94–104 (в соавт. с М. М. Ferraccioli).
36. Le continuità dimenticate // *Studi in onore di Riccardo Picchio / A cura di R. Morabito*. Napoli, 2003. P. 359–368.
37. Una Quarta Roma? // *L'onagro maestro, Miscellanea di fuochi accesi per Gianroberto Scarcia in occasione del suo LXX sadè / A cura di R. Favaro, S. Cristoforetti e M. Compareti*. Venezia, 2004. P. 105–112.
38. Entre esprit de croisade et vision géopolitique, Une lettre de Minuccio Minucci sur les Tatares // *Eurasian Studies*. 2003. Vol. II. N 2. P. 165–196 (в соавт. с М. М. Ferraccioli, A. Pavan).
39. La Russia da Ivan III a Pietro il Grande // *La Storia*. T. VIII. Il Seicento: L'età dell'assolutismo, Novara, De Agostini. Torino, 2004. P. 733–762.
40. Documenti riguardanti l'olim Impero russo nella Biblioteca del Museo Correr di Venezia // *Archivio italo-russo*. T. IV / A cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno, 2005. P. 9–94.
41. Czwarta Krucjata i cesarska sukcesja Wenecji // *IV Krucjata, Historia Reperkusje Konsekwencje / Pod red. Z. J. Kijasa i M. Salamona*. Kraków, 2005. P. 253–283.
42. Note extravaganti sulla «svolta» del XV secolo // *Annuario dell'Istituto Romeno di Cultura*. 2004–2005. Vol. VI–VII. P. 177–182.
43. Santità ed inaugurazione nella letteratura politica moscovita (XV–XVIII sec.) // *Teologie politiche, Modelli a confronto / A cura di G. Filoramo*. Brescia, 2005. P. 199–213.

Земной бог

С древнейших времен русские люди считали князя необыкновенным человеком, наделенным сверхъестественными способностями. В их представлении он вступал в непосредственный контакт с небесными покровителями и с помощью последних защищал родную землю от неприятеля, охранял порядок и спокойствие, вершил справедливый суд, обеспечивал здоровье и благополучие подданных. Во всех своих бедах и страданиях они прежде всего обвиняли неудачливого правителя, прогневившего богов и навлекшего их кару на подвластное население.

Впоследствии эти языческие воззрения органично соединились с представлениями православных людей XVI в. о власти московских государей как харизматичной, унаследованной от трех могущественных «царей» (римского, византийского, монголо-татарского), потомственной в роде Рюриковичей, а потому самой устойчивой и влиятельной в том мире, который был известен русским дипломатам, купцам и паломникам.¹ Державного правителя стали воспринимать уже не как посредника между обычными людьми и Небесами, а как ставленника Бога на земле, причем считали, что по завершении жизненного пути московские венценосцы призываются к Всевышнему, чтобы держать ответ за принятые и осуществленные ими решения, оказавшие влияние на судьбы подвластных им народов.

Сознание русского христианина XVI в. воспроизводило два параллельно существовавших мира: небесный во главе с Иисусом Христом и земной, где царствовал московский властелин. Так, влиятельный идеолог церкви Иосиф Волоцкий обращался к Василию III как к «богоутвержденному владыке», который «по подобию небесныа власти» получил от Господа «скипетр земного царствия». Он сравнил московского монарха с дневным светилом: «Солнцу свое дело светити лучами всю тварь, царю же добрыа детели еже миловати нищаа и обидныа: Светлейши же того благоверный царь:

¹ Подробнее см.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955; Каравашкин А. В. Харизма царя: Средневековая концепция власти как предмет семиотической интерпретации (Рец. на кн.: Б. А. Успенский. Царь и патриарх: Харизма власти в России. М., 1998) // Одиссей. М., 2000. С. 264–266, 268; Горский А. А. «Всего еси исполнена земля русская...»: Личности и менталитет русского средневековья. М., 2001. С. 134–149.

солнце заходит приятием ноши, сей же не попускает восхищен быти злым, но светом истинным обличает тайные неправды. Елико силою всех превышьше еси, толма и дела подобает ти светити».

Эта же мысль проводится в 16-м слове «Просветителя» — главного, фундаментального труда преподобного Иосифа: «Вас бо Бог в себе место посади на престоле своем. Сего ради подобает царем же и князем всяко тщание о благочестии имети и соущих под ним от треволнения спасти душевнаго и телеснаго. Солнцу оубо свое дело есть, еже светити соущих на земли: царю же свое есть, еже пещися о всехъ соущих иже под ним».

Согласно канонам православия, Всевышний есть свет, «паче солнца сияющий», озаряющий верующих в земной и потусторонней жизни. Упоминая о лучезарном светиле, игумен Волоколамского монастыря имел в виду Спасителя. Уточняя высказывание о двух параллельных мирах, он заметил: «Царь оубо естеством подобен есть всем человеком, властью же подобен есть всевышнему Богу. Но, якож Бог хочет всех спасти, також и царь все подручное емоу да хранит».²

Аналогично рассуждал Максим Грек. В «Главах поучительных начальствующим правоверно» он писал о власти православного государя (разумеется, имея в виду «державного» Василия III): «Светлейшую солнца звезду несть смотрити в тверде небесней, едино бо то своими лучами осиявает всю вселенную; сице и душа благовидная благовернаго царя, правдою и кротостию и чистотою и щедротами украшаема же и веселящися, все еже подъ нею и окрест ея подручное осиявает же и украшает и на преснеяние добрых дел своим нарочитым жительством увещает тщитися всегда, имже образом и солнце теплотою своею землю и яже на ней сады плодоносити готовляет. Мал облак подшед светлейшаго солнца сего, света его и светлости лишил есть вселенную; темже убо образом и душа благовернаго царя, аще облаком скотских страстей, глаголю же яростию и гневом безвременным, пьянством же и похотми неподобными обладана будет, то и сама прочее, увы! Помрачилась и люте охудела и подручное все всяческими озлоблении вытребилося, и буря люта и мятежна частых треволнений смутила есть и вся поколеба».³

Идея о двух царствах — небесном и земном не была порожде-

² Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1896. С. 546.

³ Сочинения преподобного Максима Грека. Ч. 2. Казань, 1860. С. 164–165.

на воображении монахов-книжников. Настоятель Волоколамской обители и афонский старец зафиксировали суждения их современников, вероятно, широко распространенные в придворных кругах и среди рядовых прихожан. Это подтверждают слова австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, в правление Василия III дважды посетившего Россию. Барон Герберштейн писал: «Властью, которую он (московский властелин. — *И. М.*) применяет по отношению к своим подданным, он легко превосходит всех монархов всего мира. . . из советников, которых он имеет, ни один не пользуется таким значением, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они открыто заявляют, что воля Государя есть воля Божья и что ни сделает Государь, он делает по воле Божией. Поэтому также они именуют его ключником и постельничим Божиим; наконец, веруют, что он — свершитель Божественной воли. Отсюда и сам Государь, когда к нему обращаются с просьбами за какого-нибудь пленного или по другому важному делу, обычно отвечает: «Если Бог повелит, то освободим». Равным образом, если кто-нибудь спрашивает о каком-нибудь деле неверном или сомнительном, то в общем обычно получает ответ: “Про то ведает Бог да великий Государь”». ⁴

То же писал иезуит Антонио Поссевино, в 1581 г. встречавшийся с Иваном Грозным. Посланник римского папы свидетельствует: «Московиты с детства имеют обыкновение так говорить и думать о своем государе, получив это установление из рук предков, что чаще всего на ваш вопрос отвечают так: “Один бог и великий государь это ведают”; “Наш великий государь сам все знает” (выделено мной. — *И. М.*)». «Они очень часто говорят (если даже так и не думают), что их жизнь, благополучие и все остальное дарованы им великим князем. По их мнению, все приписывается милости божьей и милосердию великого князя». Согласно А. Поссевино, Иван IV «считает себя избранником божьим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир». ⁵

Венчая божьего избранника на царство, глава русской церкви публично оглашал его обязанности: быть справедливым и милосердным по отношению к подданным, охранять мир и обеспечивать порядок в государстве. Все эти функции традиционно считались княжеским «делом». В Древней Руси их исполнение контро-

⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 20, 22–23.

⁵ Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 23, 48, 62.

лировали народные собрания, в период монголо-татарского ига — номинально ордынские ханы, их уполномоченные и Рюриковичи, заключавшие «докончания» друг с другом, но разумеется, все бремя ответственности за подвластное население ложилось на плечи местного князя. В тщательно разработанных чинах венчания на московский престол проводилась идея о том, что служение государя народу — это священная миссия, возложенная на венценосца Всевышним.

В чине венчания Дмитрия-внука (1498 г.) тема миссионерской деятельности божьего избранника только намечена. «И ты господине и сыну, имей страх Божий в сердцы... и люби правду и милость, суд прав, и имей попечение от сердца о всем православном христьянстве», — поучал митрополит Симон новопоставленного великого князя московского.⁶

Согласно Пространной редакции чина венчания Ивана IV, сначала молодой государь выслушал традиционное наставление главы русской церкви («имей страх Божии в сердцы и храни же веру христьянскую греческаго закона чисту и непоколебиму, соблюди царство свое чисто и непорочно, якоже ныне приял еси от Бога, и люби правду и милость, и суд правый, и к послушанным милостивое»). Затем архипастырь перечислил тех, кого нужно было «любить» и «почитать» («братью же свою по плоти»), «жаловать», «беречь» и «привечать» (князей, княжат, бояр, детей боярских, «все христоблюбивое воинство»), «блюсти» и опекать («въсех же православных крестиян»). «За обидящих же стой царьски и мужески, — говорил митрополит, — и не попускай и не давай обидети не по суду и не по правде».

На царя возлагалась обязанность «все обладаемое от треволения спасти и соблюдати стадо его (Христово. — И. М.) от волков неврединно и бояться серпа небеснаго и не давати воля злотворящим человеком иже душу с телом погубляющим». Глава церкви напомнил монарху об ответственности за данную Господом власть и предостерег: «Аще хочещи милостива имети себе Бога и царя небеснаго, милостив буди, ты, царю, ко всем, да и zde добре и богоугодне поживещи царствующи в веки веком добрым царьским слухом zde, а тамо славою со ангелы Божиими преже втораго воскресения и страшнаго суда». Он четко сформулировал тезис о суще-

⁶ L'Idée di Roma a Mosca. Secoli XV–XVI. Fonti per la storia del pensiero sociale Russo = Идея Рима в Москве XV–XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Roma — Mosca, 1989. № 17. С. 69–70.

ствовании двух властных начал — Бога-заступника и милосердного государя, подотчетного Всевышнему.⁷

Этот тезис уточнил и усилил митрополит Дионисий, венчавший на царство Федора Иоанновича. В 1584 г. он торжественно провозгласил: «Вас бо Господь Бог в себе место избра на земли, и на свой престол вознес, посади, милость и живот положи у вас».⁸

Если московский государь — фигура харизматичная, значит, социокультурное пространство его Двора, та обстановка, в которой он жил и осуществлял возложенные на него Вседержителем функции, облик и поведение соратников и слуг должны были отражать устройство небесного царства. Представления православных людей XVI в. об организации Божьего царства, внешнем виде и взаимоотношениях небожителей запечатлены иконописцами. Центральный персонаж русской иконы — Спаситель, сияющий внеземным светом, который заполняет все трехмерное пространство святыни и пронизывает изображения святых, ангелов и праведников.⁹

По наблюдениям Е. Н. Трубецкого, «этот божественный цвет в нашей иконописи носит специфическое название «ассиста». Весьма замечателен способ его изображения. Ассист никогда не имеет вида сплошного, массивного золота; это как бы эфирная, воздушная паутинка тонких золотых лучей, исходящих от Божества и блистанием своим озаряющих все окружение. Когда мы видим в иконе ассист, им всегда предполагается и как бы указывается Божество как его источник. Но в озарении Божьего света нередко прославляется ассистом и его окружение — то из окружающего, что уже вошло в божественную жизнь и представляется ей непосредственно близким. Так, ассистом покрываются сверкающие ризы «Софии» — Премудрости Божией и ризы возносящейся к небу Богоматери (после Успения). Ассистом нередко искрятся ангельские крылья. Он же во многих иконах золотит верхушки райских деревьев. Иногда ассистом покрываются в иконах и луковичные главы церквей... Благодаря эфирной легкости этих лучей они имеют вид живого, горящего и как бы движущегося света. Искрятся ризы прославленного

⁷ Там же. № 18. С. 87—89.

⁸ Там же. № 20. С. 115.

⁹ Подробнее см.: Русская иконопись = Russian icon painting. М., 1991. С. 13—14; Успенский Л. А. Богословие иконы православной церкви. Переславль, 1997. С. 201—202; Алексеев С. И. Слово стало плотью... Иконография спасителя. СПб., 1998. С. 31; Овчинников А. Н. Символика христианского искусства. М., 1999. С. 106—140.

Христа, сверкают огнем облачение и престол Софии-Премудрости, горят к небесам церковные главы. И именно этим сверканием и горением потусторонняя слава отделяется от всего непрославленного, здешнего».¹⁰

Подобно небесному патрону, Великий князь Московский в знаменательные дни венчания на царство, бракосочетания, придворных празднеств и официальных приемов являлся перед подданными и иностранцами в драгоценном одеянии золотого цвета, с регалиями власти и ослепительным блеском «освещал» все окружавшее его пространство дворцовых хором, охотничьего лагеря или военной ставки.

Так, Федор Иоаннович венчался на царство в «богатеишем и бесценном наряде», который от обилия жемчуга и драгоценных камней весил «200 фунтов». Когда он шествовал из Успенского храма на Соборную площадь Кремля, «шлейф и полы (его одеяния. — И. М.) несли шесть князей». Здесь «ему подвели богато убранного коня, покрытого вышитой жемчугами и драгоценными камнями попоной, седло и вся упряжь были убраны соответствующим образом... все стоило 300 тысяч марок стерлингов». Внеземное сияние излучала также супруга молодого царя Ирина Федоровна, которая «в своем дворце сидела на престоле у большого открытого окна. Ее одежда была так богато украшена камнями и восточным жемчугом, что блестела и сверкала, на голове ее был надет царский венец».¹¹

Церемониал высочайших аудиенций для иностранных послов, купцов и путешественников в России XVI в. был продуман до мельчайших подробностей. Чужеземцы, впервые допущенные «видеть очи государя», должны были испытать потрясение от великолепия и особой значимости приема, чтобы по прибытии на родину свидетельствовать о могуществе, богатстве и сакральном статусе московского властелина.

Посол германского императора Франческо да Колло, посетивший Москву в 1518 г., вспоминал, что на первой официальной аудиенции Василий III предстал перед иностранными дипломатами в одеянии «из золотой парчи с серебряными цветами». Английские мореплаватели, в 1553 г. «открывшие» Россию, были ослеплены видом Ивана IV. Молодой государь принял их в «зале совета». Он восседал на «позолоченном» троне «в золотой диадеме и богатеи-

¹⁰ Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 49.

¹¹ Горсей Дж. Записки о России XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 144–145.

шей порфире, горевшей золотом, в правой руке у него был золотой скипетр, осыпанный драгоценными камнями; на лице сияло величие, достойное императора».

В 1557 г. чести видеть «светлые очи» государя был удостоен британский капитан Антоний Дженкинсон. Вступив в царские палаты, он склонился перед московским властелином, который «сидел на возвышении на красивом троне, имея на голове богато украшенную корону и золотой жезл в руке; он был одет в золотую одежду, украшенную драгоценными камнями».

Итальянский купец Рафаэль Барберини, представленный Ивану Грозному в 1565 г., увидел царя «на весьма высоком, о трех или четырех ступеньках троне, обитом золотою парчою. У самого же его на голове золотая корона, кругом осыпанная драгоценными камнями и опушенная так же, как у бояр, но самым дорогим и самым черным собольим мехом; одежда на нем тоже длинная, до самых пят, из золотой парчи и с пуговицами величиною в небольшое яйцо, но из чистого золота, и осыпанными жемчугом и камнями... а в руке у него серебряная вызолоченная трость, наподобие епископского жезла».

В августе 1578 г., впервые принимая датского посла Якоба Ульфельдта, самодержец «был облачен в шелковую тунику золотистого цвета, украшенную драгоценными камнями, на шее у него было золотое украшение, сделанное из разных [драгоценных] камней, на голове — шапка, украшенная камнями и самоцветами, на которую была надета золотая корона; на всех пальцах были перстни, в которые были вставлены большие жемчужины, в руке он держал позолоченный скипетр».

В апреле 1589 г. царь Федор Иоаннович дал аудиенцию австрийскому дипломату Николаю Варкочу. Последний отметил: «Я вошел в комнату, где на роскошном троне сидел великий князь в великолепном убранстве, с золотой короной, украшенной многочисленными драгоценными камнями... с жезлом и державой в руках».

В октябре 1593 г. Федор Иоаннович снова принимал австрийских дипломатов. После окончания высочайшей аудиенции секретарь посла Стефан Гейс записал в дневнике: «На престоле, возвышенном на три ступени и украшенном сверху донизу золотом, жемчугом и драгоценными камнями, сидел Великий князь в царском (*kaiserlichen*) убранстве: на голове имел золотой венец, выложенный алмазами, притом очень большими; в руке держал золотой скипетр, тоже украшенный золотыми камнями; кафтан на нем был

красный бархатный, сплошь шитый крупным жемчугом; на шее висело несколько дорогих камней, оправленных в золото и расположенных в виде цепи или ожерелья (бармы). На двух передних пальцах левой руки его было по большому золотому перстню с смарагдом».¹²

Сверкающее государево кресло на обитом золотой парчей возвышении, как и «седалище» небесного владыки, называлось престолом, а сам московский монарх казался столь же горделивым и недоступным, как и его всемогущий покровитель. О неразрывной связи, существовавшей между двумя царями, всевышним и земным, напоминала икона, находившаяся возле трона державного правителя. Во время первой встречи с великим князем на нее сразу обратил внимание С. Герберштейн. А. Поссевино тоже заметил, что «справа над его (Ивана Грозного. — И. М.) тронем, на котором он восседает, лик Спасителя и Пречистой Девы».¹³ В «Описи домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов» упоминается несколько образов Богоматери, богато украшенных жемчугом и драгоценными камнями, один из которых выставлялся в парадном покое в день заседания Боярской думы и представления государю иностранцев.¹⁴

Согласно этикету московского Двора, во время аудиенций монарха иноземцам все присутствовавшие в приемной палате служилые люди загадочно молчали. Попытки обескураженных послов и купцов заговорить с ними ответной реакции не вызывали. По свидетельству С. Герберштейна, «при нашем прохождении решительно никто из стоявших не оказал нам даже самого ничтожного почета. Мало того, если мы, проходя мимо, случайно приветствовали кого-нибудь, близко нам известного, или заговаривали с ним, то он не только ничего не отвечал нам, но вел себя вообще так, как

¹² Первое путешествие англичан в Россию в 1553 году: Соч. Климента Адамса. СПб., 1838. С. 19; Путешествие в Московию Рафаэля Барберини в 1565 году // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках. СПб., 1843. С. 26; Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1938. С. 57, 76; Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча с 22 июля 1593 года. М., 1875. С. 17; Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году (Вступительная статья и примечания Л. П. Лагтевой) // ВИ. 1978. № 6. С. 98; Франческо да Колло. Доношение о Московии. М., 1996. С. 25; Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 320.

¹³ Герберштейн С. Записки о московитских делах. С. 201; Поссевино А. Исторические сочинения о России. С. 23.

¹⁴ Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича, по спискам и книгам 90 и 91 годов // ВОИДР. Кн. VII. М., 1850. С. 2–3.

если бы он не знал никого из нас и не получил от нас приветствия».

В 1568 г. «невежливое» поведение «москвитов» раздосадовало английского дипломата Фому Рандольфа. «Посланник поклонился им, но не получая от них поклона, прошел мимо, не снимая шапки».¹⁵ Иностранцы не понимали значения этого молчания и считали его проявлением высокомерия. Однако, по нашему мнению, неприветливость русских бояр, дворян и дьяков объясняется тем, что они изображали недоступных для обычных землян, тем более — для чужеродцев слуг монарха-Бога.

В богатых нарядах, расшитых золотом и драгоценными камнями, Великие князья Московские не только появлялись на дипломатических приемах, но и торжественно шествовали в праздничных церковных процессиях. Так, в Крещение 1558 г. «царь с братом и со всеми своими вельможами сделали торжественный выход в церковь вместе с митрополитом и разными епископами и священниками, все в богатых одеждах, украшенных золотом, жемчугами, драгоценными камнями и дорогими мехами». Таким праздничный Двор запомнился А. Дженкинсону.

Торговец Мартин Груневег в Вербное воскресенье 14 апреля 1585 г. наблюдал «шествие на осляти». Он стоял в «двух шагах» от царя Федора Иоанновича и хорошо рассмотрел его парадный наряд. По свидетельству М. Груневега, государь «был одет в верхнее платье красного стамеда, тщательно украшенное на всех полах и концах драгоценным жемчугом и ярко блестящими камнями — полосой в широкую ладонь. На голове у него была шапка красного стамеда, подбитая соболями... На шапке у него была царская корона с крестом наверху... Она была очень искусно сделана и вся усажена многочисленными драгоценными камнями. В правой руке он держал, опираясь на него, драгоценный черный посох, украшенный золотом и драгоценными камнями».¹⁶

Организация монархами религиозных празднеств или участие в них, а также посещение в сопровождении избранных служилых паломников святых мест — неотъемлемая черта придворной жизни XVI в. В этих акциях, сочетавших элементы язычества и христианские обряды, государи прежде всего являлись подданным в

¹⁵ «Московия» Джона Мильтона со статьей и примечаниями Ю. В. Толстого. М., 1875. С. 36; *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. С. 201.

¹⁶ Английские путешественники в Московском государстве. С. 77; *Хорошкевич А.* Тиран и заступник: Два взгляда иностранцев на Россию 1585 года // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 21.

таинственном ореоле харизматичных заступников и благодетелей народа. Чтобы предотвратить Божий гнев, умилоствить грозные сверхъестественные силы, расположить их к себе и всему населению Русской земли, они возводили храмы, обновляли иконы, заботились о поддержании и распространении культа святых. В правление Василия III эта деятельность приобрела грандиозный размах; в царствование Ивана IV, Федора Иоанновича, Бориса Годунова воспринималась как обязательная и очень важная функция самодержавной власти.

В княжение Василия Ивановича столица Московского государства почти ежегодно, иногда несколько раз в год пышно отмечала знаменательные события — завершение строительства и освящение новых церквей. Часто «христиане», прервав будничные дела, спешили на улицы и площади города, чтобы поклониться привезенной в Москву иконе или посмотреть на торжественную процессию, переносившую на новое место успокоения останки давно усопших князей и иерархов церкви.

Летом 1506 г. была возведена кирпичная церковь Николы Чудотворца. 1 октября, в день освящения храма, Василий III передал ему «икону святого и великого чудотворца Николу Гостунского, оукрашив ю златом и камением драгим и бисером». 3 октября 1507 г. москвичи стали свидетелями впечатляющего действия — перенесения мощей «прародителей... великих князей Руских» в еще недостроенный Архангельский собор и захоронения их на новых «местах».

В мае 1508 г. государь распорядился «церковь превышиа небес, неизреченныя горы божиа всечестныя царици девы пречистыя богородица Мариа честнаго и славнаго ея Благовещения пописати златом; тако же повеле иконы все церковныя оукрасити и обложити сребром, и златом, и бисером деисоус, празники, и пророки, повеле же и врѣх церковныи покрыти и позлатити». В ноябре того же года были освящены два храма: «Иван святыи оу Боровитцких ворот» и кремлевский собор Архангела Михаила. Летом 1510 г. возвели каменную святыню «на старом Симонове Рожество пресвятыя богородица», которую 1 сентября освятил митрополит Симон.

Весной 1514 г., накануне «Смоленского взятия», Василий III, митрополит Варлаам и архитектор Алевиз Фрязин развернули масштабное церковное строительство. По проектам итальянского зодчего и под его руководством были заложены и созданы «церкви

каменные и кирпичные на Москве на Большем посаде за торгом: церковь Введение святыя богородица, да церковь Володимер святыи в Садах, да церковь Благовещения святыя богородица в Воронцове; да в городе на своем дворе церковь святыя богородица Рождество; оу нея же придел святыи Лазарь; оу Неглимною церковь святыи Леонтии чюдотворець ростовския; на Ваганкове Благовещения святыя богородица; да церковь Алексеи святыи человек божии и в Девичии монастыри за Черторьею; да за рекою церковь Ивана Крестителя оусекновениа главы святыя иже под Бором зоветца; да за Неглимною церковь святыи Петр чюдотворець, митрополит всея Руси; да на Оустретенской улици церковь Введение святыя богородица». Тогда же, исполняя желание Василия III, обновили и украсили образ Владимирской Богоматери. Икону расписали золотом и серебром, к ней сделали киот. В память об этом событии «оуоставиша» 21 мая «с сею святою иконою пречистыа богородица по вся лета ходити ко сретению», т. е. отмечать ежегодный праздник.¹⁷

Смысл священной деятельности государя хорошо понимали современники, о чем свидетельствует летописная статья 1518 г. в Уваровском, Львовском и Софийском Втором сводах. В то лето шли обильные дожди, «и в реках воды быша болши вешних, и много жита и обилия истопоша». Стране грозил голод. Русские люди считали, что разгневали Бога, который «ради грех наших» обрушил на нивы и пастбища губительные потоки дождя.

Между тем Василий III готовился к очередной военной кампании с польским королем Сигизмундом и был заинтересован в том, чтобы его войско не испытывало нужды в продовольствии, не несло потерь вследствие истощения ратников и сопутствующих недоеданию болезней, в целом сохраняло боевой дух. Государь принял правильное, с точки зрения его современников, решение и «повеле отцу своему Варламоу, митрополиту всея Руси, помолити господа бога и пречистоую его мать и молебны пети со епископы и со всеми священным собором», чтобы небожители развеяли тучи и согрели поля солнечным теплом. «И всему народу православнымъ христианомъ заповедаша постъ и молитву съ честнымъ покааниемъ и со слезами». Долгожданное чудо свершилось: внезапно «темное небо своими стихиями благорастворено и светло бысть, и яко солнечныа луча изъяви с теплотою. Началнейши же самодержець и съ пер-

¹⁷ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 339–343, 345, 348; Т. 20. Первая половина. Ч. 1. СПб., 1910. С. 377, 379–381, 384, 387.

восвятителем благодарение воздаша Христу Богу и пречистой Его Матери и святымъ чудотворцом Руским».

Однако государь на этом не успокоился и решил предпринять дополнительные меры, чтобы закрепить расположение Вседержителя. Василий Иванович отправился в Троице-Сергиев монастырь «помолитись и братию накормити», предварительно отослав гонца во Владимир-на-Клязьме с наказом священникам Успенского собора совершить молебен, по окончании которого «принести иконы святыя старыя въ славный градъ Москву построить и поновити». Столичное духовенство и москвичи торжественно встретили владимирские святыни.

В свою очередь, вернувшись с богомолья, великий князь прежде всего посетил кремлевский Успенский собор, где «с великою радостью приложися, и знаменовався оу святых икон, и молебная пения и божественную литургию слышав, повеле отцу своему Варлааму митрополиту построить и поновити святыи иконы многими леты состаревшася». Варлаам ответственно отнесся к поручению великого князя. Он устроил в своих палатах реставрационную мастерскую, «и сам многожды своима рукама касаяся и труждаяся святым иконам». Вскоре святыни преобразились, их покрыли золотом и серебром, «и киоты и пелены оустрои». ¹⁸

Впоследствии государь продолжал усердно «служить» Богу ради благополучия подданных. Осенью того же 1518 г. митрополит освятил два храма: Леонтия, чудотворца Ростовского, возведенный за рекой Неглинной, и Введения святой Богородицы на Стретенской улице. ¹⁹

Начиная с конца октября 1518 г. и в течение 1519 г. в Москве происходили удивительные события, разумеется, инициированные великим князем и архипастырем Варлаамом. В двух непосредственно контролировавшихся ими храмах — Архангельском соборе и церкви Введения Богородицы, «юже созда Василье Божию милостию государь всеа Руси за торгом», — неожиданно и непостижимым образом стали исцеляться неизлечимо больные калеки. Их врачевателем был объявлен живший в XIV в. митрополит Алексей, похороненный в Архангельском соборе и считавшийся покровителем Москвы.

Информация о таинственных превращениях убогих пациентов чудотворца в здоровых людей немедленно поступала к великому

¹⁸ ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 261–262; Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 395–396; Т. 28. С. 354–355.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 397.

князю и владыке, но их не удивляла. Более того, властители вели себя так, словно заранее знали о предстоящих выздоровлениях страдальцев и были готовы вступить в диалог со святым. Так, 12 февраля 1519 г., в день его памяти, Василий III и Варлаам наблюдали исцеление парализованной Ольги Ширяевой и «странного нищаго человека слепа, именем Ивана». Когда больные моментально выздоровели, государь и митрополит «прославиша Бога и пречистую его Матерь и великаго чюдотворца Алексеа». 8 июля при стечении большого количества народа, поражавшегося «предивным чудесам» праведника, Василий III, Варлаам и столичное духовенство прошли «со псалмопением и со свечами и с кандилы во обитель святаго Архистратига Михаила» к раке лекаря-владыки, где «молебная пения совершивше, хвалу велию воздаша всемогущему Богу» и его угоднику. Затем государь произнес речь, обращенную ко Всевышнему с благодарностью за то, что он «обновил еси мощи» святого «чюдотворением, и сподобил мя еси раба своего видети таковая чюдеса в лета дръжавы моея, и даль еси намъ второй источник благодатный во граде нашемъ Москве». ²⁰ В том же 1519 г. были написаны парные иконы митрополитов Петра и Алексея. ²¹

Разумеется, возрождение интереса к сподвижнику Дмитрия Донского, пропаганда его культа, концентрация внимания верующих на его «чудесных» деяниях — это тщательно продуманная и целенаправленно проведенная московскими властями идеологическая акция, тесно связанная с делом реставрации владимирских икон.

Наступал 1519 г. Завершались затяжные русско-литовские войны. По наблюдениям А. Л. Хорошкевич, «Великое княжество Литовское вместе с Польским королевством уже не было в состоянии вернуть перешедшие к Руси территории, а Русское государство не могло умножить числа возвращенных русских земель. Отказ Василия III выполнить обещания, данные роду Глинских и другим феодалам, перешедшим на сторону Руси, и в особенности опала князя Михаила Львовича Глинского, с одной стороны, умелая религиозная политика Жигимонта I, активно привлекавшего во втором десятилетии XVI в. православных магнатов и представителей шляхты в состав Рады (высшего органа) Великого княжества Литовского, —

²⁰ Там же. С. 397–398.

²¹ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 201.

с другой, на время разрушили союз Руси с православным населением Литовского княжества, обеспечили временную поддержку его внешней политики белорусскими феодалами. Отныне русско-литовские отношения переходили в иную стадию — стадию закулисных дипломатических инициатив и открытых дипломатических переговоров». ²²

Сильны были и противоречия во взаимоотношениях России и Крыма. С большим трудом, ценой территориальных уступок, московским дипломатам удалось заключить осенний договор 1518 г. с Мухаммед-Гиреем о развитии торговых отношений и установлении «одинаковой внешнеполитической линии по отношению к Великому княжеству Литовскому и Ахматовым детям». ²³ Продолжала возрастать агрессивность Османской империи. Российская сторона тогда поддерживала с Турцией дружественные отношения, однако последняя проявляла заинтересованность в расширении союза с противниками Москвы. ²⁴ Лавируя между католическим Западом и мусульманским Востоком, Василий III защищал интересы православного населения Московского государства и в то же время стремился не допустить подчинения русской церкви константинопольскому патриархату. Впечатляющая масштабная акция, проведенная в 1518–1519 гг. главой «Третьего Рима» и митрополитом Варлаамом, продемонстрировала сплоченность верующих вокруг «земного Бога», а также, как считает А. Л. Хорошкевич, обеспечила сохранение автокефалии русской церкви и ускорила процесс создания единого пантеона святых. ²⁵

Осенью 1519 г. москвичам опять напомнили о священных заботах богоданного государя: тогда весь город во главе с великим князем и высшими церковными иерархами провожал реставрированные владимирские иконы «за Ондриковъ монастырь». ²⁶ Во второй половине 20-х годов XVI в. возобновилось церковное строительство. Кроме строительства Новодевичьего монастыря, в Москве были сооружены в 1527 г. три небольшие церкви. Это Преображенье

²² Там же. С. 129–130.

²³ Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв. М., 2001. С. 185, 189–190, 194. — Договор 1518 г. был ратифицирован Василием III 1 мая 1519 г.

²⁴ Подробнее см.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки социально-политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 197.

²⁵ Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений. С. 200–201.

²⁶ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 401.

на великокняжеском дворе против церкви Лазаря, Св. Георгия на Фроловских (Спасских) воротах Кремля и церковь Бориса и Глеба на Арбате.

27 ноября 1530 г. в присутствии Василия III, Елены с новорожденным сыном и бояр освящена была церковь Параскевы Пятницы (у Покрова) и установлен в честь этого события церковный праздник. В августе 1531 г. Василий с семьей снова присутствовал на освящении церкви — на этот раз деревянной («обетной») Успенской, находившейся рядом с Благовещеньем на Старом Ваганькове. Церковь построена была за один день. В Кремле в 1532 г. у Иоанна Лествичника заложена была четырехъярусная звонница с храмом Воскресенья (по новгородским образцам).

Гордостью русской архитектуры стала церковь Вознесения в Коломенском, освященная 3 сентября 1532 г. в присутствии Василия III, его семьи и братьев. Московский государь сотворил по этому поводу «празднество велие, светле и радостнее». Пир продолжался целых три дня.²⁷ Всенародные праздники по поводу возведения и освящения христианских храмов устраивались еще в Древней Руси; в XVI в., как и раньше, они символизировали единство горожан, гармонию их взаимоотношений с князем, его уполномоченными, церковными властями.

Приняв в декабре 1533 г., после кончины Василия III, верховную власть, бояре-регенты пытались удержать ее, применяя те же методы идеологического воздействия на население, которые были опробованы умершим государем. Василия III похоронили 4 декабря в день великомученицы Варвары. Два месяца спустя, в феврале 1534 г. в храме святой Варвары, «еже бе за Торъгом у Панско-го двора», начали совершаться чудеса: «слепии прозираху, глусии слышаху, неми проглаголаху, и всякими болезньми одержими исцеление неоскудно приемлют».²⁸

В январе 1531 г. Василий III дал обет в честь рождения сына сделать новые, драгоценные раки святых Петра и Алексея. Мастера серебряных дел приступили к работе, в феврале 1535 г. богатая гробница митрополита Алексея была готова. В четверг на первой неделе поста состоялось перенесение мощей святого в новую раку, «бе же ту и великий государь Иван Васильевич з братом своим со князем Георгьием и множество бояр».

²⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. ... С. 382–383.

²⁸ ПСРЛ. Т. 29. М., 1965. С. 10, 12.

Весной 1536 г. возобновились исцеления от иконы Богоматери в церкви Введения Богородицы, созданной по инициативе Василия III. 7 апреля здесь исцелилась больная, «еже не владела ни руками, ни ногама». 23 апреля того же года очередное чудо произошло в храме святой Варвары: здесь прозрел слепой человек.²⁹

Все эти акции преследовали одну цель — внушить верноподданным, оппозиции, мятежным боярам, теснившим друг друга в ожесточенной борьбе за власть, мысль о том, что их истинный, богоданный государь — только один, юный Иван IV, унаследовавший престол от могущественного Василия Ивановича, тень которого незримо, но постоянно оберегала сына и направляла его государственную деятельность по пути, проложенному дедом и отцом.

В представлении русских средневековых людей непосредственная связь с небесным заступником устанавливалась и поддерживалась в святых местах, поэтому монархи XVI в. периодически посещали монастыри. Их поездки могли совершаться в преддверии или по окончании знаменательных событий, а также иметь характер семейных паломничеств. Высокородных богомольцев сопровождали ближайшие родственники и избранные придворные, иногда составлявшие внушительную свиту. В правление Василия III «объезды» монастырей стали регулярными и совершались один — два раза в год.

Так, 8 сентября 1510 г. государь «выехалъ с Москвы в Переславль, а после себя велел за собою быти великой княгини, и быв в Переславле, а оттоле быв в Юрьеве, и в Суздале, и в Володимири, и в Ростове, а на Москву приехал князь великий декабря въ 5». В апреле 1515 г. Василий Иванович побывал «в своей отчине на Волоце» и, разумеется, молился в обители преподобного Иосифа; в сентябре того же года он совершил поездку в Троицу, посетил святые места Переяславля и Ярославля. В мае 1518 г. великий князь снова отправился на Волок, а в июне — в Троице-Сергиев монастырь, где обращался к Богу с просьбами о помощи в предстоящем походе «на своего недруга Жихгимонта короля Польского». В сентябре того же года он охотился на Волоке и, несомненно, посещал Иосифов монастырь. В мае 1519 г. «выехал князь великий к Николе на Угрешу, а оттоле в Островъ, и жилъ тамо до Петрова заговейна».³⁰

Согласно А. А. Зимину, «в 7033 г. (в сентябре 1524 — августе

²⁹ Там же. С. 16–17, 25–26.

³⁰ ПСРЛ. Т. 6. С. 203, 251; Т. 8. СПб., 1859. С. 264; Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 384, 390, 394, 397, 400; Т. 28. С. 345–346, 351, 354; Т. 30. М., 1965. С. 142.

1525 г.) Василий III “с великою княгинею” ездил в Волоколамск и Можайск в “объезд”. В том же году от имени московского государя и Соломонии в Троицкий монастырь была пожертвована икона с молением о “чадородии” (“подай же им, господи, плод чрева”), а также покров с изображением Сергия Радонежского. Поездка великого князя “в объезд” на следующий 7034 г. (с 10 сентября по 10 ноября 1525 г.) уже была совершена без великой княгини». ³¹ На этот раз государь совершил паломничество в Можайск, где в церкви святого Николая хранилась чудодейственная икона этого широко почитаемого на Руси святого. ³² Через год Василий Иванович снова ездил на «ловы» в Можайск и, вероятно, совершил поклонение местной святыне. Зимой 1527 г. «был князь великий у Пречистые на Тихвине помалитися». ³³

Во время частых поездок в Переяславль у государя возникла мысль построить в окрестностях города великокняжескую резиденцию. Она была заложена в 1514 г. на крутом берегу речки Серой, на равном расстоянии от Троицкого монастыря и Переяславля-Залесского, и в 20-е годы уже была готова к приему высокого гостя, поэтому очередной объезд святых мест, предпринятый осенью и зимой 1528 г., Василий III начал именно отсюда. Он провел несколько

³¹ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 295.

³² В 1593 г. австрийские дипломаты, направлявшиеся в Москву, останавливались в Можайске, и секретарь посольства Стефан Гейс записал в дневнике рассказы русских приставов о местной святыне. Он отметил: «Это священный город, в котором у них есть их святой (святитель) Николай. Наши спросили одного из провожавших нас бояр, почему этот город считается священным? Он отвечал, что у них тут в крепостной церкви деревянный образ (*Pitdt*) их святого (святителя) Николая, которому не одни жители Можайска делают приношения, но и народ со своей стороны ходит туда на богомолье и для жертвоприношений (святителю) Николаю, да и сам великий князь каждый год жалует туда сделать вклад сему святому. У кого заболит рука, нога или другой какой член тела, тот человек, как бы ни жил далеко оттуда, приходит в Можайск, прикасается к святителю Николаю, и от того выздоравливает. Другой рассказал о своем Николае вот что: как-то однажды великий князь велел принести его образ в город Москву, чтобы ему не ходить к нему каждый раз далеко: вот вечером и поставили его в Москве, в одной церкви, а на другой день он опять стоял на своем месте, в крепостной церкви, в Можайске. Сказывают также, что однажды в Можайске был пожар, и святой их Николай бежал от огня, сделал было уже добрую часть пути, когда они погнались за ним, догнали его и опять отнесли в крепостную церковь, где он находится еще и поныне. Они говорили много такого и подобного тому о (святителе) Николае. Однако ж это невозможное дело» (Описание путешествия в Москву. С. 14.)

³³ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 404. Об этом см. также: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 305–306.

дней в новой Александровой слободе, после чего двинулся в путь, побывал «на Волоке (20 октября), в Переяславле, Ярославле, Вологде, а также в Кириллове и других северных монастырях. Во время поездки он совершал моления с просьбой об «отроде», т. е. рождении наследника.

Осенью 1529 г. Василий III находился в Можайске, очевидно, на охоте»³⁴ и, разумеется, посещал храм святого Николая. В сентябре 1531 г. «князь великий поехал к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь к чудотворцове памяти помолитися и с великою княгинею Еленою и с сыном своим со князем Иваном», «а оттоле (уже без семьи. — *И. М.*) на свою царскую потеху на Волок и въ Можаяск; а на Москву приехал ноября в 19».³⁵ Через год, в сентябре 1532 г., государь опять совершил паломничество в Троице-Сергиеву обитель, «а оттоле был в слободе». В последний год жизни Василий III дважды совершал «объезды» святых мест. 10 марта он отправился «к Николе к Заразскому на Осетр помолитися», 21 сентября с Еленой Васильевной и детьми выехал в Троицу, где 25 сентября отмечали «память» Сергия Радонежского. Затем великокняжеская семья прибыла в село Озерецкое на Волоке, где началась государева «потеха», роковая для высокородного охотника. Во время смертельной болезни 15 ноября 1533 г. обессиленный великий князь слушал последний в его жизни молебен, который служили в Иосифо-Волоколамском монастыре.³⁶

В первой трети XVI в. государь наиболее часто посещал святые места Можайска, Иосифова монастыря, Троице-Сергиевой обители, Переяславля, с запада на северо-восток полукольцом охватывавшие столицу Русского государства. Изредка великий князь выезжал в южные монастыри, но постоянно молился в московских храмах. Так, он любил навещать столичный Симонов монастырь, где вел «беседы душевныя» с Вассианом Патрикеевым.³⁷

После смерти Василия III в связи с малолетством нового главы государства два года паломничества по святым местам не осу-

---

³⁴ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 308–309. — А. А. Зимин предполагал, что Василий III мог посещать Александрову слободу и до 1528 г. (Зимин А. А. Опричнина. М., 2001. С. 87).

³⁵ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 409; Т. 20. Вторая половина. Ч. 2. СПб., 1914. С. 419. — Об этом см. также: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 377.

³⁶ ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. Ч. 1. С. 414, 416; Т. 29. С. 9. Об этом см. также: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 391, 394.

³⁷ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени... С. 127.

шествлялись. Но ритуал немедленно возобновился, как только регенты-бояре и великая княгиня-мать посчитали возможным вывезти монарха в монастырь. 20 июня 1536 г. «выехал князь великий Иван Васильевич, царь и государь всеа Руси, в третье лето государьства своего с Москвы впервые после отца своего великого князя Василия Ивановича всеа Руси к живоначалной Троице в Сергиев монастырь помолитися».³⁸ Нельзя не отметить удовлетворения по этому поводу летописца, которому это паломничество представлялось показателем восстановления традиционной священной деятельности государя.

В 1537 г. Елена Васильевна с сыновьями дважды, в июне и сентябре, посетила Троицкую обитель. В январе 1538 г. великокняжеская семья отправилась «в Можаяск помолитися образу святого великого чюдотворца Николы, и слушав молебна и божественныя литургии и знаменався у святаго образа». Несмотря на яростную борьбу у трона, развернувшуюся после смерти Елены Глинской, в сентябре 1538 г. состоялась традиционная поездка в Троицу «к чюдотворцовой памяти Сергееве помолитися», в которой Ивана IV сопровождали временщики князя Шуйские. В 1539 г. Иван Васильевич два раза посетил Троице-Сергиеву обитель — в марте и сентябре, в 1540 г. — в июне и сентябре, в 1541 г. — в сентябре, в 1542 г. — в мае и сентябре. В декабре того же года государь в сопровождении брата Юрия Васильевича, кузена Владимира Андреевича и «многих бояр» «выехал... помолитися в Боровеск и в Можаяск и на Волок».

В сентябре 1543 г. знатные богомольцы побывали в Троице-Сергиевой обители, затем — в Иосифо-Волоколамском монастыре и в можайской церкви святого Николая. На следующий год маршрут великого князя изменился. В марте он посетил Макарьевский Калязин монастырь, «оттоле поехал на свою государскую потеху в Заболотие на медведи, а оттоле к живоначалной Троицы в Сергиев монастырь».³⁹ Несложно заметить, что юный наследник Василия III «объезжал» те же святые места, что и его отец, но больше внимания уделял Троице-Сергиевой обители. Ее великокняжеская семья, как правило, посещала дважды в год.

В 1545 г. Иван IV и его братья совершили длительный вояж по близким и отдаленным монастырям, расположенным на значитель-

³⁸ПСРЛ. Т. 29. С. 27.

³⁹Там же. С. 30–31, 34–35, 37–38, 41, 43–46.

ном расстоянии друг от друга. 21 мая они направились «в Сергиев монастырь к празднику к живоначалной Троицы». Здесь паломники слушали всенощную, заутреню, пожаловали иноков «кормом и милостынею довольно». Затем они поехали молиться в Переяславль. «И с Переяславля (монарх. — *И. М.*) отпустил братию свою к Москве, а сам поехал в Ростов и в Ярославль, и на Белоозеро в Кириллов монастырь и в Ферапонтов, и на Вологду и к Спасу на Прилуце, и в Корнильев, и в Павлов, и к Борису-Глебу на Устию. И во всех тех монастырех кормил и милостынею удоволил, а на Москву приехал месяца июля в 7 день». В сентябре того же года Иван и Юрий Васильевичи прибыли в Троице-Сергиеву обитель. Братья слушали всенощную, заутреню, молебен, литургию, раздавали милостыню, внесли в монастырскую казну большой «корм», после чего отправились «на свою царскую потеху в Слободу». Отсюда Иван Васильевич отправил младшего брата молиться в Можайск, а сам вернулся в Москву. В декабре 1545 г. великий князь ездил на охоту «в Воры, а оттоле в Володимер». Не исключено, что здесь он тоже посещал святы места.⁴⁰

Весной 1546 г., выступив на войну с крымскими татарами, Иван IV в пасхальные дни свернул «к Николе на Угрешу», где присутствовал на праздничной службе, по окончании которой продолжил поход. В сентябре того же года он был в Троице-Сергиевой обители, отсюда «поехал по своим селом в Воробьево и в Денисьево и в Починки и в Можяескъ к Николе помолитися, и по монастырем поехал помолитися на Волок и во Ржеву и во Тверь и в Новъгород в Великии и во Псков и в Печерский монастырь, а на Москву приехал декабря 12». В январе 1547 г., сразу после венчания на царство, Иван Грозный поспешил в Троицу. В феврале с молодой женой Анастасией Романовной и братом Юрием государь опять молился в той же обители. Традиционные весенне-осенние поездки в Троице-Сергиев монастырь продолжались и в последующие годы.⁴¹

Обращает на себя внимание то, что в детские годы Ивана IV маршрут его паломничеств, разработанный в правление Василия III, не изменился. Но по мере возмужания ребенка-монарха «объезды» святых мест становились все более длительными. Постепенно они охватили всю территорию единого Русского государства. Весной-летом 1545 г. государь проехал по северо-восточным

⁴⁰ Там же. С. 47.

⁴¹ Там же. С. 48–49, 51, 56.

и северным землям, осенью того же года — по южным территориям Московского государства. В 1546 г. он побывал в западных и северо-западных областях Великорусской державы. Главной целью этих далеких и продолжительных путешествий, по нашему мнению, было знакомство Ивана IV с вверенной его попечению страной и репрезентация власти московского монарха на местах. При этом не следует забывать, что всемогущий правитель являлся подданным в облике смиренного богомольца, который, подобно древнерусскому князю, совершавшему «кружения» вдоль границ подвластной ему земли, охранял свои владения от злых сил, существовавших реально и порожденных религиозным воображением его современников.

Несложно заметить, что «объезды» старинных святынь часто сопровождалась «потехой» — государевой охотой. Излюбленные места «ловов» находились в Переяславском и Можайском уездах, а также на Волоке Ламском. В первой половине XVI в. значительное количество Можайских земель было роздано помещикам — устроителям великокняжеских «потех». ⁴² На первый взгляд, отрешенность духовного «очищения» в монастырях и шумные кровавые забавы охотников кажутся несовместимыми. Однако в действиях богомольцев, внезапно превращавшихся в звероловов, противоречий нет. С древнейших времен восточные славяне и их потомки считали охоту важным общественным делом, потому что здесь, проявляя храбрость и ловкость, приобретая навыки борьбы с противником, князья и их приближенные готовились к предстоящим военным походам. Победы на полях сражений и удачные результаты «ловов» в древней и средневековой Руси объясняли расположением небесных сил, поэтому княжеская «потеха» имела сакральное значение. ⁴³

Следовательно, усердные и щедрые паломники, сделавшие все возможное для того, чтобы задобрить небесного Царя и обратить на себя его внимание, в XVI в. считались наиболее удачливыми охотниками. При этом «ловы», вероятно, не противопоставлялись паломничеству, а рассматривались как его завершающая стадия, во время которой большая часть пойманных животных, птиц и рыб отправлялась на пиршественный стол, символизируя жертвоприношение Всевышнему Владыке. Эти архаичные, языческие представления органично вписывались в христианский ритуал поклонения

⁴² Митайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 409.

⁴³ Там же. С. 461–464.

Господу Богу и не вызывали у православных людей средневековой России сомнений в правильности его проведения.

Восторженные описания великокняжеской охоты оставили иностранные дипломаты, удостоенные чести принимать участие в са-кральной «забаве» московского государя.

С. Герберштейна восхитило «блестящее одеяние» венценосного охотника, который на «ловах», как и во время дипломатических приемов, олицетворял излучающего «солнечный» свет ставленника Всевышнего. Голову Василия III украшал «колпак», он «с обеих сторон, и сзади, и спереди, имел как бы ожерелья (*monilia*), из которых золотые пластинки направлялись в высь, наподобие перьев, и, сгибаясь, развевались вверх и вниз. Платье его было наподобие терлика и расшито золотыми нитями». Оружие государя сверкало золотом.

Охотники строго соблюдали традиции, непонятные для австрийского посла, но вызывавшие его интерес. Барон Герберштейн отметил, что знатные люди «собственноручно» вели породистых, хорошо выдрессированных собак, но не касались их голыми руками, потому что эти животные в средневековой России считались нечистыми. Согласно наблюдениям дипломата, подтверждающим наше предположение о восприятии в X–XVI вв. охоты и ратных действий как явлений взаимосвязанных, «чья собака (на «ловах». — И. М.) поймает больше, тот считается в тот день как бы совершившим выдающийся воинский подвиг. Равным образом сам Государь открыто приветствует посла, собака которого схватила большее количество зайцев».

Внимательный дипломат стал свидетелем любопытного, с его точки зрения, происшествия, чрезвычайно напугавшего русских охотников. Он пишет, что в конце «потехи» состоялась трапеза, во время которой великий князь сидел на дорогом кресле «из слоновой кости» и совершал ритуал раздачи пищи, изъявляя тем самым «свою милость (как он обычно делает это на обедах)». «И когда среди обеда шатер случайно пошатнулся и упал на землю хлеб, который они именуют хлебом Пресвятой Девы и который они обычно чтут и даже вкушают как бы до известной степени священный, храня его, наконец, вообще в жилищах с почетом и на более возвышенном месте, то Государь и все другие были весьма сильно поражены этим случаем и стояли в ужасе. Тогда же немедленно позван был священник и с величайшим тщанием и благоговением

стал собирать этот хлеб из травы». ⁴⁴ Хлеб — ритуальная пища славян-язычников — сохранял значение жертвоприношения Богу и в православном культе русских, а потому был обязательным атрибутом великокняжеских свадеб ⁴⁵ и званых пиров. Происшествие, зафиксированное С. Герберштейном, было воспринято участниками трапезы как проявление Божьего гнева, поэтому оно так огорчило их.

В сентябре 1518 г. на государеву «потеху» был приглашен другой посол — венецианец Франческо да Колло. Иностранный дипломат отметил многолюдность «ловов»: в них принимали участие 2000 всадников, пешие псары с собаками, конники с двустами хищными птицами. «Князь в хорошем настроении ехал на белом коне, в белой одежде с золотыми нашивками и предводил своей охотой». Он одарил иноземных гостей «расторопными» псами, затем в течение часа «было собрано 80 лисиц и зайцев». Из леса охотники отправились к «искусственно устроенным прудам», где их кречеты и соколы добыли «более 70 уток за очень короткое время».

«Потеха» закончилась обедом в красивых деревянных постройках, размещавшихся «посреди парков и садов». Здесь за столами сидели «свыше 700 знатных людей разных званий» и другие участники охоты. Государь расположился на «золотой кафедре», откуда расспрашивал послов об условиях их пребывания в России и интересовался впечатлениями дипломатов о его стране. ⁴⁶ Сентябрьская «забава» 1518 года, несомненно, представляла собой не травлю диких зверей, а приятное увеселение, целью которого было развлечь служилых людей и иностранцев, поразить их воображение пышностью и роскошью «золотого» Двора московского властелина.

В правление слабоумного Федора Иоанновича охота превратилась в заранее подготовленное избиение животных. Когда больной царь в короткий срок добывал большое количество дичи, создавалась иллюзия, что государством правит физически крепкий, расудительный и смелый человек. Так, согласно С. Гейсу, 1 октября 1593 г. в сопровождении большой свиты русский монарх отправил-

---

⁴⁴ Герберштейн С. Записки о московитских делах. С. 209–212. — О нечистоте собак в представлении русских средневековых людей см. также: Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. М., 1996. С. 115–121, 134.

⁴⁵ Подробнее см.: Митайлова И. Б. Давай сварим кашу: Великокняжеская свадьба в России XVI века // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 7. С. 95.

⁴⁶ Франческо да Колло. Доношение о Московии. С. 27–29.

ся на богомолье в Троице-Сергиеву обитель, через неделю он уже «охотился, по возвращении из вышесказанного монастыря, и убил до 65 лосей». На следующий день Федор Иоаннович «убил еще 56 лосей», «еще большого медведя» и «поймал своими руками» чернобурую лисицу. Семь больших туш, в том числе и зверя «с рогами о 22 ветках», отправили в подарок австрийскому послу Н. Варкочу, лося и лису вручили его сыну. Не забыли и других участников посольства. 10 октября удачливый охотник вернулся в Москву.⁴⁷

Если небесные силы помогали великому князю на охоте, значит, он мог уверенно отправляться на войну, где государю-полководцу были обеспечены поддержка сверхъестественных доброжелателей и победа над противником. Несмотря на тяготы и лишения ратных будней, московский властелин XVI в. и перед воинами являлся в ореоле внеземного свечения, чтобы шедшие за ним служилые люди ни на минуту не забывали об особом статусе их богоизбранного командира.

Представление о том, что князь, являвшийся прежде всего военачальником, должен излучать побеждавшую смерть «солнечную» энергию, сложилось в глубокой древности. Так, героя древнерусских былин князя Владимира (обобщенный, а не персонифицированный образ правителя — «владельца мира») именовали Красным Солнышком. Черниговские и Новгород-Северские Рюриковичи в языческом, по сути, «Слове о полку Игореве» названы «Даждь-божьими внуками», а Игорь и «буй тур» Всеволод Святославичи неоднократно отождествляются или сопоставляются с лучезарным небесным светилом (в половецкой степи «два солнца померкоста, оба багряна стльпа погасоста», «Игорю утрпе солнцю светъ», «солнце светится на небесе — Игорь князь в Руской земли»⁴⁸).

В 988 г. Русь приняла христианство, но архаичные представления о солярной символике княжеской власти сохранились: идеологи нового культа стали проповедывать взгляды язычников в контексте вероучения о едином Боге Иисусе Назарянине. В середине XI в. митрополит Иларион прославлял Владимира Святого, крестившего Русь, за то, что князь «прозрехом на свет трисолнечнаго божества». Владимир Мономах, по словам летописца, «просвети Рускую землю акы слнце луча пушая». В 1178 г. новгородцы причитали над умершим Мстиславом Ростиславичем: «Не можемь тебе

⁴⁷ Описание путешествия в Москву. С. 19.

⁴⁸ Слово о полку Игореве. Древнерусский текст и переводы. М., 1981. С. 95–96, 98, 101, 106.

оузрети оуже бо слнце заиде». У гроба Александра Невского митрополит Кирилл «глаголаше: Чада мои, разумеите яко уже заиде солнце земли Суждальской». ⁴⁹

Здесь языческие представления о князе как наделенном сверхъестественными способностями полководце, охранителе мира и порядка, защитнике соплеменников от разрушительных природных стихий соединялись с христианскими воззрениями на Господа Бога как источник солнечного света, не только озарявший, но и питавший власть древнерусских правителей. Поэтому Рюриковичи жили в «златоверхих теремах», восседали на «золотых», «златокованных» столах, носили золотые гривны и длинные цепи из того же драгоценного металла. Отправляясь в военный поход, древнерусский князь «ступал» «въ злат стремень», ехал в «золотом» седле, «посвечивал» «златым шеломом». ⁵⁰ Разумеется, «золотые» термины не следует понимать однозначно. Они обозначали не только металл, украшавший хоромы и вещи Рюриковичей, но и особое положение князя в древнерусском обществе.

Подобно домонгольским прадедам, московские князья XVI века, подчеркивавшие свой недостижимо высокий статус, снаряжались на войну «свыше всякой меры богато». Английский капитан Ричард Ченслер, вспоминая о пребывании в России в 1553 году, заметил, что походный шатер Ивана IV «покрыт золотой или серебряной парчой и так украшен камнями, что удивительно смотреть». Свидетельство британского мореплавателя подтвердили его товарищи, которые по возвращении на родину рассказывали: «Занавесы его (государя. — *И. М.*) палатки золотые, расшиты прекрасными узорами и украшены драгоценными камнями». ⁵¹

Рассматривая вопрос о семантике великокняжеской власти в XVI веке, нельзя обойти молчанием званые государевы пиры. Они были нескольких типов: тщательно продуманные, глубоко символические, подчиненные жесткому этикету ужины с участием представителей иностранных государств; многолюдные придворные застолья; праздничные семейные трапезы. Наиболее полные сведения сохранились об официальных пирах с участием чужеземцев.

---

⁴⁹ПСРЛ. Т. 2. М., 1962. Стб. 289, 610; Робинсон А. Н. Солнечная символика в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI–XVII веков. М., 1978. С. 8, 24.

⁵⁰ПСРЛ. Т. II. Стб. 120; Слово о полку Игореве. С. 93, 95, 98, 100–102.

⁵¹Первое путешествие англичан. С. 22; Английские путешественники в Московском государстве. С. 59.

По окончании дипломатического приема государь приглашал иностранцев «откушать ныне (совместно с ним. — И. М.) хлеба-соли». Эта фраза, включавшая в себя упоминание о двух священных для русских продуктах, означала, что гостям предстояло стать участниками не обычного застолья, а сложного ритуала, насыщенного языческой символикой. Однако следует заметить, что большинство иноземных купцов и послов не понимало смысла ошеломлявшего их многочасового действия и вспоминало о нем с удивлением или даже раздражением.

Сначала гостей проводили через особую палату, заполненную дорогой, в том числе диковинной посудой. Наиболее ценные изделия выставлялись посреди пиршественного зала. Во время застолья многочисленные блюда (несколько десятков перемен) подавались на золотой и серебряной посуде, украшенной резьбой и драгоценными камнями. Приглашенные за стол служилые люди являлись в роскошных нарядах, многие из которых были взяты напрокат из великокняжеской кладовой. Выставленные напоказ сокровища государевой казны искрились и переливались золотым светом.

Трапеза начиналась с торжественного выноса в зал хлеба и соли. Государь трижды осенял себя крестом и приступал к процедуре раздачи хлеба. Р. Ченслер свидетельствует: «Прежде чем были поданы яства, великий князь послал каждому большой ломоть хлеба, причем разносивший называл каждого, кому посылалось, громко по имени и говорил: “Иван Васильевич, царь Русский и великий князь Московский, жалует тебя хлебом”. При этом все должны были вставать и стоять, пока произносились эти слова».⁵² Затем следовал акт раздачи лебединого мяса — символа плодородия и благополучия. Потом монарх жаловал гостей вином, которое подавалось в больших золотых чарах.

Любознательные английские моряки в 1553 г. расспрашивали русских о значении обрядов, исполнявшихся в начале званых государевых пиров. Им пояснили, что «царь посылает посылки и называет (присутствующих служилых людей. — И. М.) по именам для того, чтобы показать, что каждого хорошо знает и чтобы тем обнаружить свою расположенность». Иностранцы изумлялись: «Какую нужно иметь память, чтобы удержать столько различных назва-

---

⁵² Английские путешественники в Московском государстве. С. 58.

ний». ⁵³ Связь со служилым сообществом, проявление государевой милости к каждому подданному — только один аспект ритуала раздачи священных продуктов.

Более архаичный смысл этого обряда уловил С. Гейс, который в 1593 г. отметил: «По их обычаю подача из рук Великого Князя считается такою высочайшею милостью, как будто Бог посылает им в награду с неба что-нибудь особенное». ⁵⁴ Действительно, в представлении русских людей XVI в. московский властелин, как некогда восточнославянский князь, посредством ритуальной пищи передавал приглашенным на трапезу часть своей божественной силы, а они, в свою очередь, желая ему здоровья и благополучия, подпитывали его сверхъестественную сущность и усиливали могущество. Этим достигалось нерасторжимое единение царя с народом, а значит, обеспечивалось благоденствие государства.

То же значение имели подарки государя, особенно его личные вещи, пожалованные немногим избранникам в знак расположения к ним и признания их заслуг. Так, в конце 1567 г. Иван IV вызвал для отчета в Александрову слободу опричного боярина и только что вернувшегося из Литвы московского посла Федора Ивановича Умного-Колычева. Царь «принял его благосклонно и обошелся ласково. После роскошного приема тиран напоил его до опьянения, одарил мехами и платьем огромной ценности и отпустил весьма милостиво, поручив ему вместе с остальными воинами заботу о городе Москве». Правда, на обратном пути Ф. И. Умной-Колычев и его спутники были ограблены заранее подосланными опричниками и не все добрались домой. Через некоторое время из польского плена вернулись князь-воеводы Осип Щербатый-Оболенский и Юрий Борятинский, которые «в Москве были радостно встречены тираном, и он просил их к себе обедать. Пока они сидели за столом, он подарил обоим по шитому золотом платью, подбитому собольим мехом, и куньи шапки и пил за их здоровье из серебряных чаш». Это не помешало самодержцу через несколько минут избить Ю. Борятинского за лесть и неверные сведения о польском короле. ⁵⁵

⁵³ Первое путешествие англичан. С. 21; Английские путешественники в Московском государстве. С. 59.

⁵⁴ Описание путешествия в Москву. С. 29. — Подробнее о царских застольях в XVI в. см.: Митайлова И. Б. «И веселый пир пошел...»: Званные трапезы Ивана Грозного // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 100–104.

⁵⁵ Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта

Следует заметить, что представления о сакральном смысле княжеского подарка возникли в глубокой древности. По наблюдениям А. Я. Гуревича, норманнский «конунг, жалующий своему приближенному кольцо или плащ, или каролинский меч, или корабль, передает ему не просто материальную ценность, но и нечто гораздо более драгоценное для того, кто это получал: он делится с ним своей магической “удачей”, своим “счастьем”, своим “везением”». ⁵⁶ Разумеется, аналогична семиотика княжеских даров у восточных славян и их потомков — великороссов. Вместе с тем «раздача богатства — имущества также означала укрепление и определенный иммунитет власти тех или иных правителей». Так в средние века считали на Руси, в Западной Европе и Монгольской империи. ⁵⁷ Так же полагали московский властелин XVI в. и его подданные.

Царские раздачи производились из казны, которая считалась не частной, а государственной, общенародной собственностью. Кроме подарков-наград, из нее во временное пользование выдавали «обмундирование» малообеспеченным ратникам, «форменную» одежду служилым людям, исполнявшим «государево дело» в мирное время, а также пышные наряды придворным, представлявшим цвет русского общества на торжественных праздниках и церемониях. Все взятые «напрокат» вещи имели утилитарное значение и одновременно хранили в себе часть божественной силы московского государя.

В дни великокняжеских аудиенций улицы Москвы заполняло множество горожан, приветствовавших иностранных послов. Франческо да Колло обратил внимание на их «расшитые золотом и шелком, необычайно красивые и эффектные наряды». По сведениям венецианца, в кладовых русского государя в 1518 г. хранилось более 200 тысяч «камзолов, шитых золотом и из шелка, и камлотовых, по цене более низкой, подбитых куньим мехом или барсуком»; склады с казенной одеждой тянулись вдоль главной улицы Москвы на расстояние, «длиннее, чем от Риальто до Сан Марко».

Согласно Р. Барберини, накануне военного похода всем помещикам, не способным экипироваться за свой счет, выдавали «по два

Шлихтинга. Л., 1935. С. 60, 74–75. — См. также: Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 326.

⁵⁶ Гуревич А. Я. 1) Подводя итоги... // Одиссей. 2000. С. 129. 2) Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005. С. 82.

⁵⁷ Кривошеев Ю. В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 1999. С. 249.

кафтана из разноцветного сукна, на меху и без меха, которые только и принадлежат им, пока у них на плечах». В том же семантическом ряду следует рассматривать наделение обедневших служилых людей боевыми лошадьми, которых специально для этой цели разводили на «больших конских заводах», принадлежавших государю, а также награды воинам-победителям. «В обычае у них, — заметил итальянский купец, — что когда возвращаются победителями, полководцам жалуют от самого государя парчовые кафтаны или тому подобное, а всем прочим за то, что вели себя исправно, объявляется его благоволение, и тем они остаются чрезвычайно как довольны и снова готовы положить голову за него».⁵⁸

Современники Ивана Грозного — военный инженер на польской службе, историк Александр Гваньини и Антонио Поссевино упоминали об обычае «москвитов» снабжать казенными нарядами придворных, приглашенных на дипломатические приемы и трапезы государя. Гваньини писал: «В кладовой великого князя хранится много пышных одежд, которые он дает на время всем и каждому из своих придворных на какое-нибудь торжество или для приема иностранного посла. Да и другие знатные лица, собираясь на дружескую пирушку, или на свадьбу, или на ежегодный праздник какого-нибудь святого и желая одеться торжественнее и пышнее, берут себе одежду из кладовой великого князя и платят установленную цену за временное пользование ею. Потом взявший возвращает одежду кладовщику в неповрежденном виде, а если она окажется кое-где запачканной, то виновника заставляют отсчитать деньги за нее согласно оценке и вразумляют розгами, чтобы не допускал этого в дальнейшем. Когда государь Московский собирается отправить послов с изустным поручением к царю Польскому или к другим иноземным государям, он обычно дает всем придворным и знатым людям, сопровождающим послов, торжественные одежды, оружие и уборы из своей кладовой за определенную плату. Назначается распорядитель всеми этими вещами, который в установленном порядке выделяет, по мере надобности, уборы каждому, принимает их обратно и хранит. Вернувшиеся с посольства платят великому князю согласно договору деньги за пользование одеждой и прочими уборами и возвращают вещи. Если же кто-нибудь их испортит, того, проучив розгами, заставляют за уборы заплатить».⁵⁹

⁵⁸ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини. С. 36; Франческо да Колло. Доношение о Московии. С. 25, 61.

⁵⁹ Козлова Г. Г. Об «описании Московии» Александра Гваньини // Ан-

«Форменные» наряды служилых людей, исполнявших дипломатические и репрезентативные функции, отличались изысканной роскошью и строго выдержанным колором. Поскольку «солнечный» цвет символизировал могущество и сакральность государя, его уполномоченные были одеты в желтые парчовые одежды, расшитые драгоценными камнями. Они ездили на великолепных лошадях в богатом убранстве, щедро украшенном золотом, и соответствующим образом оформляли подарки для иностранцев. Так, в 1581 г. посла папы римского А. Поссевино, подъезжавшего к Смоленску, «встретило около 300 конных людей, ... разодетых в парчовую златотканую одежду».

Возле Старицы иностранную миссию ожидали приставы М. Внуков, В. Страхов и С. Пахомов, которые тоже «были разодеты в златотканую одежду, сверкающую драгоценными камнями». Таким же образом были экипированы приставы К. Д. Бегичев и И. И. Зубов, летом 1593 г. сопровождавшие от границы до столицы Русского государства австрийское посольство. За милю до Смоленска австрийских дипломатов встретил местный управитель И. Г. Вельяминов «с большою пышностью, с 300-стами конников; воевода одет был в дорогую золотую парчу, а конь его красовался в золотом хомуте. Многие из его служителей более высокого ранга также были в золотых парчовых, другие — в дорогих шелковых одеждах».

27 сентября австрийцы торжественно въехали в Москву. При этом подаренные русскими «лошади г. посла и сопровождавших его красовались в золотых нашейниках и в прекрасной сбруе». У въезда в город «стоял князь по имени Семен Григорьевич с бесчисленным множеством конницы, в коей очень многие лошади были убраны в золотую парчу, в золоченые и серебряные ошейники». На Семене Григорьевиче «была золотая парчовая ферязь с вышитыми по ней жемчугом какими-то изображениями».

24 октября состоялись переговоры, которые вели пять известных московских бояр. «Все пятеро были в превосходных золотых кафтанах, в ожерельях, вышитых жемчугом, с белыми московскими шапочками в руках, которые также были вышиты жемчугом, шириною в руку; между шитьем вставлено несколько драгоценных камней». Франческо да Колло вспоминал, что в 1518 г. каждому из

тичность и современность. М., 1972. С. 438–439; Поссевино А. Исторические сочинения... С. 23.

приехавших вместе с ним дипломатов русские при въезде в Москву подарили прекрасную лошадь в «золотой» сбруе.⁶⁰

В пышные казенные одежды облачались также бояре, присутствовавшие на великокняжеских аудиенциях для иностранных гостей. Р. Ченслер заметил, что в день его представления Ивану IV во «внешних покоях» царского дворца «сидели сто или больше дворян, все в роскошном золотом платье». А. Дженкинсон вспоминал, что в момент его знакомства с государем «вокруг царя сидели его вельможи, богато разодетые в золото и драгоценные камни». Р. Барберини тоже обратил внимание на бояр, сидевших на возвышении по периметру тронного покоя «в длинных своих одеждах, наподобие венгерской, с серебряными и золотыми пуговицами, из разных шелковых материй и золотой парчи, подбитых разными, у кого собольими, у кого куньими, горностаевыми, рысьими и другими мехами».

В 1583 г. на царский прием прибыл британский посол Иероним Баус. «У дворцовых ворот его встретили четверо бояр в платьях из золотой парчи и в богатых меховых шапках, вышитых жемчугом и камнями, потом он был встречен четырьмя другими высшего сана в переходе, где вдоль по стенам стояли и сидели на лавках семь или восемь сот человек в разноцветных шелковых и золотых платьях». С. Гейс писал: «Когда мы в Кремле сошли с коней, нас приняла несколько знатных великокняжеских бояр, одетых в золотую парчу, и повели во дворец Великого Князя... нас повели через покой, где сидели великокняжеские бояре, все в прекрасных из золотой парчи платьях. Другой покой, куда ввели нас потом, был дворцовая палата Великого Князя, в которой он принимает представления... Кругом сидели все одни только знатные бояре в своих золотых одеждах».⁶¹

По окончании дипломатических приемов кравчие, стольники и чашники в переливавшихся «солнечных» нарядах привечали гостей на торжественных званых пирах.⁶²

Все тщательно продуманные обряды длительного и сложного

---

⁶⁰ Описание путешествия в Москву. С. 11–12, 15, 25; *Поссевино А.* Исторические сочинения... С. 192–193; *Франческо да Колло.* Доношение о Московии. С. 24.

⁶¹ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини. С. 25–26; *Московия Джона Мильтона.* С. 38; Описание путешествия в Москву. С. 17; *Английские путешественники в Московском государстве.* С. 57, 77.

⁶² *Митайлова И. Б.* «И веселый пир пошел...» С. 101–102.

посольского церемониала имели репрезентативный символический характер, в том числе и «золотые» наряды их участников.

В будние дни, занятые повседневными делами и заботами, Великие князья Московские одевались «очень посредственно... немного лучше обыкновенного». «Когда выезжает государь на прогулку, — отметил Р. Барберини, — то весьма часто видите его одетым просто, в каком-нибудь цветном кафтане без золота; и берет он с собою лишь несколько слуг пеших, без конной свиты».⁶³

⁶³ Путешествие в Московию Рафаэля Барберини. С. 36; Английские путешественники в Московском государстве. С. 59.

В. К. Зиборов

Паремийник — источник Киевских летописцев XI в.

Анализ внелетописных источников в составе летописей очень часто позволяет исследователю не только давать характеристику работы летописца, но и определять, хотя и приблизительно, время составления того или иного летописного свода (внелетописный источник цитируется до определенного года, после чего цитат из него в летописном тексте не встречается). В практике ведения русских летописей бывали случаи, когда к одному и тому же внелетописному источнику обращались несколько летописцев. В данной статье анализируется именно такой случай: при составлении первых летописных памятников в Киево-Печерском монастыре несколько авторов использовали паремийник.

Какие наблюдения и выводы можно сделать, анализируя случай многократного использования одного и того же внелетописного источника, — вот основное содержание данной статьи. Для анализа привлекаются следующие летописи: Владимирский летописец (далее — ВЛ), Летописец Переяславля Суздальского (ЛПС), Новгородская первая летопись младшего извода (НЛМ), Тверская летопись (Твл), Лаврентьевская летопись (ЛЛ), Ипатьевская летопись (ИЛ), Новгородская IV летопись (НIVЛ), Софийская I летопись (СИЛ), Новгородская I летопись старшего извода (НИЛС) и др.¹

¹ ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская Вторая (Архивская) летопись. М., 1963; ПСРЛ. Т. 41. Летописец Переяславля Суздальского (Летопись русских царей). М., 1995; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950; ПСРЛ. Т. 15. Тверской сборник. М., 1965; ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Л., 1926; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Вып. 1. Л., 1926. В статье древнерусские тексты цитируются с небольшими изменениями, например, буква «ять» заменена буквой «е».

Ветхозаветные тексты, по словам Н. А. Мещерского, «имеются в наших рукописных фондах в трех основных видах, образование которых было тесно связано с конкретными нуждами древних славянских церквей, прежде всего — с употреблением этих текстов при богослужении».² Далее автор перечисляет и дает характеристику трем группам текстов: 1) Паремийники — «сборники тех отрывков из Ветхого Завета, которые читаются во время совершения литургии или вечерни в православных церквах». В Паремийниках встречаются, кроме ветхозаветных чтений, и новозаветные, но это, по словам А. В. Михайлова, «встречается очень редко»;³ 2) ветхозаветные книги так называемых «толковых» редакций, «в которых тексты ветхозаветных произведений, преимущественно пророческих, сопровождаются толкованиями, составленными раннехристианскими и византийскими богословами»;⁴ 3) хронографические четьи, где ветхозаветные книги «входили в состав хронографических сводов всемирно-исторического содержания и не предназначались ни для чтения в церкви, ни для богословского истолкования».⁵

Из этих трех групп, или редакций ветхозаветных книг древнерусской письменной традиции Паремийники наравне с толковой редакцией были наиболее распространены. Паремийники, являясь богослужебными книгами, использовались в ежедневной практике, и поэтому обращение к ним русских летописцев понятно. О бытовании Паремийников А. В. Михайлов пишет следующее: «До XIV-го века, а по местам и до XV-го, Паремийник в православной церкви был такой же необходимой книгой богослужебной, как Евангелие и Апостол-апракосы, Псалтирь, октоих и пр.: только по Паремийнику читались тогда книги Св. Писания Ветхого Завета, и без него не могла совершаться ни одна церковная служба в дни Великого поста и накануне известных праздников и нарочитых дней, воспоминаемых православной церковью».

С этого времени, у греков раньше, у южных славян и в России

² Мещерский Н. А. Источники и состав древней славяно-русской письменности IX—XV вв.: Учебное пособие. Л., 1978. С. 38.

³ Михайлов А. В. Греческие и древнеславянские паремийники. Из истории древнеславянского перевода Св. Писания. Варшава, 1908. С. 1. Примеч. 1.

⁴ Мещерский Н. А. Источники... С. 39.

⁵ Там же. С. 41. В литературе встречается разное написание слова «паремийник», берем за основу вариант Н. А. Мещерского: «Паремийник» (Мещерский Н. А. Источники... С. 38).

позже, библейские чтения Паремийника были введены в Триоди (Постную и Цветную), минеи (Общая, Месячная и Праздничная) и требники, вследствие чего Паремийник как особая богослужебная книга утратил свое значение, сделался лишней книгой и мало-помалу вышел из употребления». ⁶ Далее исследователь пишет, что с XVII в. Паремийник «неизвестен в обиходе православного богослужения». О структуре Паремийника он замечает: «В то время как предыдущие отделы памятника, рождественно-богоявленские и триодные, во всех списках очень сходны, а во многих даже тождественны, месячный отдел Паремийника, напротив, очень неустойчив по спискам». ⁷

Вопрос о Паремийнике как источнике русских летописцев был впервые наиболее полно затронут А. А. Шахматовым. До его работы в литературе вопрос об использовании книг Св. Писания в раннем русском летописании рассматривался в целом. Например, при публикации первых томов ПСРЛ редакторы того или иного издания в примечаниях указывали на цитаты из разных книг Св. Писания (одним из изданий Лаврентьевской летописи, содержащим подобные указания, и руководствовался А. А. Шахматов в разработке данной темы). ⁸ Е. Е. Голубинский в своем монументальном исследовании по истории русской церкви привел примеры использования в летописи текстов ветхозаветных книг. ⁹ После работы А. А. Шахматова данная тема разрабатывалась довольно слабо, например, можно указать на несколько чтений, найденных Г. М. Барацем. ¹⁰

Совсем недавно появилась статья И. Н. Данилевского «Библеизмы «Повести временных лет»», ¹¹ прямо посвященная интересующему нас сюжету. В ней главным образом представлены общие

⁶ Михайлов А. В. Греческие и древнеславянские паремийники. . . С. 2.

⁷ Там же. С. 3, 25.

⁸ Летопись по Лаврентьевскому списку / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1872.

⁹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. 1-я половина тома. М., 1901. С. 883.

¹⁰ Бараци Г. М. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Издание посмертное. Берлин, 1924. — Исследователь определил, что в летописной статье 1075 г. заимствован пример сравнения из Кн. Цар. 4: 12–20 (С. 215–216); в летописной статье 1096 г. отмечены следующие цитаты из Библии: Дан. 7: 8; 1 Цар. 24: 13; 1 Цар. 14: 23, 45; 1 Пар. 11: 14 (С. 226).

¹¹ Данилевский И. Н. Библеизмы «Повести временных лет» // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. М., 1992. С. 75–103.

рассуждения автора о проблеме, но нет никаких конкретных разработок. Автор статьи отмечает, что до сих пор не решен ряд основополагающих вопросов, а именно: не изучены ветхозаветные источники, привлекавшиеся летописцем или летописцами, не выяснено, «когда та или иная библейская цитата попала в летописный текст». Но без решения именно этих вопросов любые рассуждения о функциях цитат из Библии, о раскрытии нетронутых пластов содержания летописного повествования выглядят преждевременными. Тем более, что в работе А. А. Шахматова уже намечен был конкретный путь решения подобных задач.

В работе, посвященной источникам ПВЛ, А. А. Шахматов обратил внимание на книги Св. Писания. Он привел многочисленные примеры цитирования русскими летописцами в рамках ПВЛ богослужебных и богословских книг, основанных на книгах Св. Писания (Паремийник, Псалтирь, Апостол, Евангелие).¹²

Особое внимание исследователь уделил Паремийнику. Он указал все отмеченные им случаи использования Паремийника в летописном тексте. В работе не приводятся параллельные тексты Паремийника и ПВЛ, а даются краткие указания типа: «Быт. IV. 23–24 под 1019 (в изд. 142, 10–13), ср. Паримию 27-ю по Синод. изданию».¹³ Эти и все остальные указания параллельных чтений даны по следующим изданиям: 1) Паримийник сиесть собрание паримий на все лето. Кн. 1. Паримии триоди постныя. (СПб., 1890); Кн. 2. Паримии триоди цветныя и миней праздничныя. (СПб., 1893); 2) Летопись по Лаврентиевскому списку. (Изд. Арх. ком. СПб., 1872). В этом издании летописи ее редакторы, как уже отмечалось, в примечаниях указали чтения из ветхозаветных книг: именно этими отсылками пользовался А. А. Шахматов в своей работе.

А. А. Шахматов все чтения из Паремийника приводит по синодальному изданию, при этом он отмечает, что тождественные чтения Паремийника и летописи находятся в древних списках Паремийника, отсылая, например, к рукописи «Публ. Библ. Q. I. 14».¹⁴

Шифр рукописи указан несколько неточно, следует: ОР РНБ, Q. п. I. 14. Поясним мысль А. А. Шахматова на одном из примеров:

¹² Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. М.; Л., 1947. С. 38–41.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 40.

«Прит. I, 20–22, под 955 (в изд. 61, 2–5), ср. Паримию 10-ю»¹⁵.

Лаврентьевская летопись

«... премудрость на исходящихъ поется, на путехъ же дерзновенье водить, на краихъ же забральныхъ проповедаеть, во вратехъ же градныхъ дерзаючи глаголетъ: елико бо летъ незлобиви держатся по правду».¹⁶

Паремийник

«20. Премудрость во исходехъ поется, въ стогнахъ же дерзновение водить.

21. На краехъ же стень проповедуется, оу вратъ же сильныхъ приседить, во вратехъ же граде дерзаючи глаголетъ.

22. Елико оу бо время незлобиви держатся правды...»¹⁷

При сравнении двух текстов видно, что они не полностью схожи, но если мы, руководствуясь указанием А. А. Шахматова, обратимся к рукописному тексту, то убедимся в их тождественности. Правда, при этом следует знать, что текст Паремийника, опубликованный Р. Ф. Брандтом по другой рукописи (ОР РНБ. Q. п. I. 13),¹⁸ полного сходства не дает:

От приточъ¹⁹

«Премудрость во исходящихъ поеться, на путехъ же дерзновение вводить, на краихъ же стень забралныхъ проповедаеться, въ вратехъ же градныхъ дерзаючи глаголетъ: велико оу бо лет незлобивии держатся по правду, и не постыдятся. ...».

От притьчь чтение²⁰

«Премоудрость въ исходящихъ поеться, на поути же дързновение водить, на краихъ же стень забральныхъ проповедоуется, въ вратехъ же сильныхъ преседить, во вратехъ же градныхъ дързаючи глаголетъ: елико оу бо летъ незлобивии държатся по правдоу, не постыдятся. ...».

Несколько вариантов чтения одного и того же текста приведены для того, чтобы на конкретном примере показать, что: 1) опубликованный синодальный текст Паремийника не всегда равен летописному тексту; 2) необходимо привлекать для сравнения с летопис-

¹⁵ Там же. С. 39.

¹⁶ Летопись по Лаврентиевскому списку. С. 61.

¹⁷ Паремийник сиестъ собрание паримий на все лета. Кн. 1. СПб., 1890. С. 20.

¹⁸ Григоровичев паремийник. В сличении с другими паремийниками / Изд. Роман Брандт. Вып. 1. М., 1894. (далее — Брандт). — У Брандта приведены не все разночтения списка РНБ. Q. п. I. 13, например, в рукописи — «на поути», а в его издании — «на путехъ» и др.

¹⁹ РНБ. Q. п. I. 14. Л. 42.

²⁰ РНБ. Q. п. I. 13. Л. 34 об.; у Брандта — С. 90.

сью тексты Паремийников как опубликованных, так и рукописных; 3) сравнение летописи с Паремийником может указать на тот летописный текст, который в меньшей степени искажает свой источник. Например, в ЛЛ есть явный пропуск слова «стенъ» в выражении «на краихъ же забральныхъ», но этого пропуска нет ни в ИЛ,²¹ ни в НІЛМ.²² Подобные пропуски, искажения в конечном итоге могут выстроиться в ряд, который позволит обосновать положение о первичности текстов той или другой летописи.

Перед тем, как перейти к анализу всех параллельных чтений Паремийника и летописи, отметим выводы А. А. Шахматова, сделанные им при анализе данного материала: 1) «заимствования из Паремийника сделаны все одним лицом»; 2) «заимствования из него имеются в статьях 955, 969, 980, 988, 996, 1015, 1019, 1037, 1078, 1093 гг.».²³

Анализ текстов, заимствованных из Паремийника, будет вестись на основе данных, собранных А. А. Шахматовым. Сначала приводится указание А. А. Шахматова, после чего приводятся тексты летописи и Паремийника, но не по изданиям, указанным у него (издание летописи 1872 г. малодоступно, а чтения синодального издания Паремийника не всегда близки к тексту летописи), а по наиболее авторитетному изданию Лаврентьевской летописи (1926 г.) и по различным изданиям и рукописям, содержащим Паремийник. В необходимых случаях, помимо чтений ЛЛ, будут приведены чтения ИЛ, НІЛМ, Тверской и других летописей. Все фрагменты из Паремийника, представленные в летописи, пронумерованы.

1. «Быт. IV, 23–24 под 1019 г. (в изд. 142, 10–13), ср. Паримию 27-ю по Синод. изданию».

Летопись. Стб. 145–146

«Рече бо Ламехъ къ своима женома: мужа оубихъ въ вредъ мне и оуношю въ язву мне. Темъже, рече, 70 мьстии на мне...».

Паремийник (РНБ. Q. п. I. 14. Л. 55 об.)

«Рече же Ламехъ своима женама Ада и Селла: оуслышита мои глас, жене Ламехове, внушите моя словеса, яко мужа оубихъ въ вредъ мне и оуношю въ язву мне, яко седмицею мьстилося есть от Каина, а от Ламеха пятьюдесять седмицею (в других списках правильное чтение: семьдесят седмицею)».

²¹ ПСРЛ. Т. 2. Пг., 1923. Стб. 51–52.

²² Новгородская первая летопись младшего извода. С. 115.

²³ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники. С. 39, 41.

При сравнении видно, что тексты не тождественны, есть существенные различия: например, в ЛЛ «70 мьстии», а в Паремийнике «70 (50) седмицею», что полностью соответствует Книге Бытия. На это различие в литературе было обращено внимание, но объяснения оно не получило.²⁴ Вполне вероятно, что в данном случае перед нами заимствование не из паремийника, как считал А. А. Шахматов, а из другого источника.

Это тем более вероятно, что исследователь в какой-то степени «вырвал» этот текст из большого фрагмента, который представляет собой единое целое: «7 бо мьстии приа Каинъ, убивъ Авеля, а Ламехъ 70; понеже бе Каинъ не ведыи мьщенья приати от Бога, а Ламехъ, ведыи казнь, бывши на прародителю его, створи оубийство. Рече бо Ламехъ къ своима женома: мужа оубихъ въ вредъ мне и оуношу въ язву мне, темъже, рече, 70 мьстии на мне, понеже, рече, ведая створихъ се. Ламехъ оуби два брата Енохова, и поя собе жене ею. Се же Святополкъ новыи Авимелехъ (Ламехъ — Радзивилловская), иже ся бе родиль от прелюбодеянья, иже избрати братью свою, сыны Гедеоны...».²⁵

Анализировать фрагмент из книги бытия вне контекста всего этого отрывка вряд ли целесообразно: например, количество казней 70 (а должно быть 70 «седмицею») упоминается в соответствии с первым указанием количества казней в этом отрывке. Перед нами, скорее всего, не прямое обращение к Паремийнику, а цитирование другого произведения, где также содержится подобное чтение, и при этом чтение «неверное».

Явные алогизмы в произведениях древнерусской письменности появляются чаще всего в связи с тем, что к одному и тому же сюжету (фрагменту) обращаются несколько редакторов или авторов на разных этапах создания анализируемого произведения. Например, в данном случае это могла быть мысль-зерно, брошенная в виде одного предложения на первоначальном этапе написания летописной статьи 6537(1019) г.: «Каин 7 мстии приат; не веды створи, а Ламех семдесят, веде бо на Каине и уби и».²⁶ Именно в таком кратком виде она представлена в летописце Переяславля Суздальского; во Владимирском летописце это чтение было прокомментировано другим летописцем, а этот комментарий был расширен на последующих этапах создания летописи, что отразилось в ЛЛ—ИЛ—РЛ.

²⁴ Данилевский И. Н. Библизмы «Повести временных лет». С. 79–80.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 145–146.

²⁶ ПСРЛ. Т. 41. С. 51.

Так как каждый из составителей при дополнениях обращался к разным произведениям, то в тексте постепенно появились несогласованности или противоречия.

Например, в Радзивилловской летописи Святополк в конце фрагмента сравнивается не с Авимелехом, а с Ламехом («новый Ламех»),²⁷ что совершенно неверно. Сравнение с Авимелехом наиболее «прописано» в Тверской летописи, однако трудно сказать, является ли сравнение этой летописи распространением текста своего источника или в ЛЛ—ИЛ—РЛ текст был сокращен: «...сей же Святополкъ, новой Авимелехъ, иже ся родиль отъ прелюбодеания, якоже и Авимелехъ, иже изби 70 братии своа, сыны Гедеоновы, последи же самого жена з города полужерновомъ уби...».²⁸

В Тверской летописи цифра 70 обыграна еще раз. К слову, то, что Ламех принял 70 «мъстий», а не 70 «седмицею» (так в книге бытия), сообщает не только летопись, но и «сказание, и страсть, и похвала святыю мученикоу Бориса и Глеба», где читаем: «...яко же Каинъ не ведый мьсти прияти и единою прия, а Ламехъ зане ведевъ на Каине темъ же седьмьдесятицею мьсти ся емоу».²⁹

Данный текст по краткости сюжетного сравнения близок тексту летописца Переяславля Суздальского, но самое любопытное заключается в том, что в обоих произведениях сразу же после сообщения о 70 «мъстий» Ламеха следует текст, где Святополк уподобляется не только Ламеху, но и Юлиану Отступнику, причем тексты столь близки, что можно говорить о каком-то влиянии одного произведения (летописи) на другое (сказания), или наоборот:

Летопись

«Яко же и Улиан законопреступникъ многи крови святыхъ пролиа, сам гръку и нечеловечьну смерть подъя, невидимо копиемъ въ сердце прободень бысть, так отмести злымъ».³⁰

Сказание

«Яко же бо Иоулиянь цесарь, иже мьногы крови святыхъ мученикъ проливъ, горькою и нечеловечьноюу съмьртъ прия, не ведомо отъ кого... бысть копиемъ въ сердце въдрожень, тако и събегая, не ведый ся отъ кого злострастьноу съмьртъ прия».³¹

²⁷ ПСРЛ. Т. 38. С. 63.

²⁸ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 140.

²⁹ Успенский сборник XII—XIII вв. С. 55 (16a17—16a22).

³⁰ ПСРЛ. Т. 41. С. 51.

³¹ Там же. С. 55 (16a24—16b3).

Подробный разбор одного лишь отмеченного А. А. Шахматовым примера использования Паремийника в летописи показал, какое большое количество вопросов возникает при его анализе, сколь разнообразны эти вопросы и сколь они подчас нерешаемы из-за относительной разработанности многих сторон письменного древнерусского наследия.

2. «... из Левит: это Лев. XXVI, 17, 19–20, 33, 40–41 под 1093 (в изд. 235, 8–14), ср. Паримию 150-ю».

Начнем разбор этого указания А. А. Шахматова с уточнения: страница в издании летописи — 235 — указана неверно, должно быть «С. 215» (на с. 235 читается известие 1096 г.). А. А. Шахматов указал на то, что 150-я Паремия содержит параллельный с летописью отрывок. Ему пришлось из этой Паремии по «кусочкам» (с № 17 по № 41) собирать текст, близкий к летописи. Но даже при этом не получился тождественный текст. Если же обратиться не к синодальному изданию Паремийника, а к рукописи, то близость очевидна:

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 146 об.—147

«... и падете прямо врагомъ вашимъ, и поженуть вы ненавидящии васъ, и побегнете никому же жьнуще васъ. И съкрушю руганью гордыня ваша, и створю вамъ небо, яко железо и землю яко медяну, и будетъ яко въ тщету крепость ваша. И земли ваша не дастъ плода своего, и послю на ня звери дивия и земныя, и погубять скоты ваша и малы сътворять вы. И оубиеть вы приходяи мечемъ, и будетъ земля // л. 147: ваша пуста, и двори ваши пус-ти будутъ. Яко вы ходисте лукави, и азъ поиду к вамъ яростию лукавою. Глаголетъ Господь Богъ Израилевъ».

Летопись. Стб. 222–223

«Яко ж пророкъ глаголаше: паде-те пред врагы вашими, поженуть вы ненавидящии вас, и побегнете никому женущю вас. Скрушю руганье гордыни ваша, и будетъ в тщету крепость ваша, оубьеть вы приходя в места, будетъ земля ваша пуста, и двори ваши пус-ти будут. Яко вы худи есте и лукави, и азъ поиду к вамъ яростью лукавою. Тако глаголетъ Господь Богъ Израилевъ».

В ИЛ–РЛ это чтение из Паремийника содержит меньше искажений, например, явно неправильное «места» представлено более правильным «мечь».

3. «... из исхода: исх. XXXIII, 19 под 988 (в изд. 116, 16–17), ср. Паримию 265-ю».

А. А. Шахматов ссылается на Паримию 265-ю, которая читается «августа в 6 день», но в ранних паремийных чтениях под этим днем

текст отсутствует, он читается в вечер Великого пятка Страстной седмицы:

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 123–123 об.

Летопись. Стб. 119

«... и призову имя Господне прямо тебе и помилую, его же аще помилую, и оущедрю, его же аще оущедрю».

«... рече пророкъ: помилуй, егоже аще хоцю помилую».

4. Далее следует большое количество заимствований из Притчей Соломона: «Притч. I, 16–19 под 1015 (в изд. 130, 1–5), ср. Паримию 7-ю».

В издании летописи не 1–5 строки, а 2–5. Текст синодальной Паремии довольно далек от текста летописи.

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 40–4 об.

Летопись. Стб. 132–133

«... скоры бо суть пролияти кровь бес правды, пропинаются мрежа пернатымъ, ти бо общающе крови собирають себе злая, разрушение же мужь законпреступникъ зло си путье суть все // л. 40 об. скончавающихсяъ безаконие, ничтьемъ бо свою душу емлють».

«О сяковыхъ бо Соломонъ рече: скоры суть пролити кровь бес правды, ти бо обещаються крови, собирають себе злая; сихъ путье суть скончавающихсяъ безаконье, нечестьемъ бо свою душу емлють».

Эта притча впервые цитируется в НЛМ (Тверская летопись); в Летописце Переяславля Суздальского и во Владимирском летописце ее нет.

5. «Притч. I, 20–22 под 955 (в изд. 61, 2–5), ср. Паримию 10-ю».

Это заимствование было разобрано в начале раздела.

6. «Притч. I, 24–25 под 955 (в изд. 62, 4–6), ср. Паримию 10-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 42–42 об.

Летопись. Стб. 63

«... понеже звахъ и не послушасте, прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя съветы, моихъ же обличении не внимасте... възненавидеша бо премудрость, и сътраха Божия не изволиша, ни хотяху моихъ внимати съветъ, подражаху же моя обличения».

«... понеже звахъ вы и не послушасте мене, прострохъ словеса и не внимасте, но отметасте моя светы, моихъ же обличении не внимасте, възненавидеша бо премудрость, а страха Господня не изволиша, ни хотяху моихъ внимати светъ, подражаху же мои обличения».

Этого чтения нет в Летописце Переяславля Суздальского, нет и во Владимирском летописце. Данное паремийное чтение включает и еще один пример, отмеченный А. А. Шахматовым (Притч. I, 29–31 под 955, в изд. 62, 7–8; ср. Паремию 10-ю), так как он разбил на два фрагмента одно единое чтение.

7. «Притч. I, 26 и 31 под 1015 (в изд. 96, 7–10), ср. Паримию 10-ю».

На указанной странице летописи этого текста нет. В ЛЛ он отсутствует, но есть в ИЛ (Стб. 123; ср. ЛЛ. Стб. 137).

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 42–42 об.

Ипатьевская летопись. Стб. 123

«... Тем же и аз вашей погибели посмеюся, порадую же ся, егда найдет на вы пагуба... тем же оубо снedyть своего пути плоды, и своя нечести насытятся».

«... азь вашей погибели посмеюся, порадую же ся, внегода грядеть на вы пагуба, тем же снedyть своего пути плоды, и своя нечести насытятся».

8. «Притч. II. 2 под 955 (в изд. 61, 8–9), ср. Паримию 13-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 44

Летопись. Стб. 62

«... и приложи сердце твое в разум».

«Рече бо Соломанъ: желанье благовернихъ наслажденьи душою, и приложиши въ сердце твое в разум».

9. «Притч. V, 3–6 под 980 (в изд. 78, 18–23), ср. Паримию 25-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 54

Летопись. Стб. 80

«... не внимаи зле жене: медь бо каплетъ от оустень жены любодейца, яже въ время наслажаетъ твои гортань, последи же оубо горчае золчи обрящеши, изострени паче меча обоюду остра, безумия бо нозе низводятъ прилепляющая ей смертью въ адъ, стопы же ея не оутвержаются, на пути бо животная не находятъ, блудна же течения ея и неблагоразумна».

«... не вънимаи зле жене: медь бо каплетъ от оустъ ея, жены любодейца, во время наслажаетъ твои гортань, последи же горчае золчи обрящють, прилепляющеса ей смерть въ адъ на пути въ животныя не находятъ, блудная же течения ея неблагоразумна».

Это паремийное чтение есть в Летописце Переяславля Суздальского (С. 22), есть и во Владимирском летописце (С. 24), но в последнем очень сокращено.

10. «Притч. VIII, 12, 14–17 под 1037 (в изд. 149, 1–7), ср. Паримию 37-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 63 об.

Летопись. Стб. 152

«Азь премудрость вселихъ, светъ и разумъ и мысль азь призвахъ. Страхъ Господень ненавидитъ неправды, досаженыя и гордости и пути и лукавныхъ. Возненавидех же азь возвращены пути злыхъ. Мои светъ и оутвержение, моя мудрость, моя же крепость. Мною цари царствуютъ и силнии пишуць правду, мною же вельможа величаются и мучители мною держать землю. Азь любящая мя люблю, и ищущи мене обрящють мя».

«Азь премудрость вселих, светъ и разумъ и мысль азь призвах. Страхъ Господень мои свети, моя мудрость, мое оутверженье, моя крепость. Мною царстве царствуютъ, а силнии пишуць правду, мною вельможа величаются, и мучители держать землю. Азь любящая мя люблю, ищющи мене обрящють (благодать)».

Этого паремийного чтения нет в НІЛМ, Тверской летописи, Летописце Переяславля Суздальского, Владимирском летописце.

11. Последнее предложение предыдущего фрагмента находится в прямой связи с заимствованием из Паремийника, указанного А. А. Шахматовым: «Притч. VIII, 17 под 955 (в изд. 61, 9–10), ср. Паримию 37-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 63 об.

Летопись. Стб. 62

«Азь любящая мя люблю, и ищущи мене обрящють мя».

«Азь любящая мя люблю, и ищющи мене обрящють мя».

Если данный пример заимствования паремийного чтения в летопись представляет собой полное тождество, то предыдущий пример с этим же предложением имеет различия. Это, скорее всего, указывает на то, что к паремийнику обращались разные летописцы. Такое предположение полностью подтверждается НІЛМ, в которой есть только вариант 955 г., а вариант с небольшим различием 1037 г. отсутствует.

12. «Притч. IX, 7–8 под 955 (в изд. 62, 18–21), ср. Паримию 40-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 65 об.

Летопись. Стб. 64

«...кажаи злыя прииметь себе досаженье обличая иже нечестиваго поречеть себе, обличенья бо нечестивымъ мозолие имъ, не обличаи злыхъ, да не възненавидятъ тебе».

«...кака и злыя приемлетъ себе досаженье, обличая нечъстиваго поречеть тебе, обличенья бо нечестивымъ мзолье суть, не обычаи (обличаи. — Радз.) злыхъ, да не възненавидитъ тебе».

Сразу отметим, что чтение ЛЛ имеет больше неправильных вариантов, чем текст в таких летописях, как ИЛ, НІВЛ, СІЛ. В НІЛМ (С. 116) эта цитата сокращена, но она приведена полностью в ТвЛ (Стб. 64–65), т. е. перед нами пример того, что протограф НІЛМ и ТвЛ в ряде случаев сохранился лучше в ТвЛ, чем в НІЛМ.

13. «Притч. XI, 7 под 1015 (в изд. 128, 21–22), ср. Паримию 49-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 72

Летопись. Стб. 131

«...оумершю мужю праведну, не погибаеть оупование».

«...оумершю мужю праведну, не погибаеть оупование».

В НІЛМ (С. 169) этого паремийного чтения нет, но оно есть в летописях, история текста которых неразрывно связана с НІЛМ (ТвЛ, Стб. 123 и СІЛ. С. 38).

14. «Притч. XIII, 20 под 955 (в изд. 61,8 и 62,4), ср. Паримию 61-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 79

Летопись. Стб. 62, 63

«Желание благоверныхъ наслажають душу, дела нечестивыхъ далече от разума».

«...желанье благоверныхъ наслаженъи душу... делатели нечестивыхъ делатель от разума».

В ЛЛ вторая часть паремийного чтения искажена почти до неузнаваемости, в ИЛ текст тождествен паремийному. Любопытно, что в летописи одно предложение разбито на две части и процитировано хотя и под одним годом, но в разных местах текста.

15. «Притч. XVII, 17 под 1078 (в изд. 197, 5–7), ср. Паримию 79-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 90 об.

Летопись. Стб. 203

«Братья въ бедахъ пособиви бываите».

«Братья в бедахъ пособива бывають».

16. «Притч. XIX, 17 под 996 (в изд. 123, 4–5), ср. Паримию 82-ю».

«... милоуя нищааго, възаймъ даетъ Господови».

«... вдаяи нищему, Богу възаймъ даетъ».

В рукописи РНБ. Q. п. I. 14 в том месте, где должен читаться этот текст, — утрата одного листа (между л. 93 и 94).

17. «Притч. XXXI, 10–32 под 980 (в изд. 79, 1–80, 2), ср. Паримию 94-ю».

«... жену доблю кто обрящеть, дражьшии естъ каменя многоценнаго. Таковая радуется о ней сердце мужю ея. Таковая от добрыа користи не лишится, делаетъ бо мужю своему благо въ все житъе. Обретши волну и лень створить благопотребная рукама своима. Бысть бо яко корабль куплю деющею издалеча. Сбираетъ собе богатство и встаетъ из нощи и даетъ брашна дому своему и дела рабынямъ. Видевши же тяжанье куповати от плода же руку своею, насади стяжанье, препоясавши крепко чресла своя, оутверди мышци свои на дело и вкуси, яко добро естъ делати. И не оугасаетъ свѣтильникъ ея всю ноць, руке свои простираетъ на полезная, локти же свои оутверждаетъ на вретено, а руке свои отверзаетъ оубогу, плодъ же простретъ нищю. Не печется о дому своемъ мужъ ея (егда кѣде неидитъ (замедлит. — В. 3.)). Все бо свои ея одени суть, соугуба одения створи (и плаща) мужю своему. Отчервлена и прапрудна се бо оденья. И зорень бываетъ въ вратехъ мужъ ея, внегда же аще сядеть в сонмищи мужъ ея (съ старци) и съ жители земли. Запоны (опоны) створи и отдасть вкуплю фуникиемъ, а поясанья же Хананеомъ. Крепостию и лепотою облечетъ и възвеселитъ в послед-

... о добрыхъ женахъ рече: дражьшии естъ каменя многоценна, радуется о ней мужъ ея, деетъ бо мужеву своему благо все житъе. Обретши же лну весны творить благопотребная рукама да своима. Вдлаетъ (Бысть. — Радз.) яко корабль куплю деющею (издалеча. — А). и собираетъ особь богатство и въставъ и от нощи, и даетъ брашно ему и дела равнымъ (рабынямъ. — Радз.). Видевши стяжанье куповаше от дель руку своею насадитъ тяжанье, препоясавши крепко чресла своя и оутверди мышцю свою на дело, и вкуси, яко добро естъ делати. И не оугасаетъ свѣтильникъ ея всю ноць, руке свои простираетъ на полезная, локти своя оустремляетъ на вретено, руке свои протираетъ оубоному, плодъ же простре нищю. Не печется мужъ ея о дому своемъ, егда где будетъ. Все свои ея одени будутъ, сугуба оденья створить мужеву своему очервлена и багряна собе оденья. Взорень бываетъ во вратехъ мужъ ея, внегда аще сядеть на сонмищи съ старци и съ жители земли. Опоны створи и отдасть въ куплю. Оуста же свои отверзе смыслено, в чинъ молвить языкъмъ своимъ. Въ крепость и в лепоту облече. Милостивно же ея въздигъшко чада ея и обогатиша. И мужъ ея похвалию. Жена бо разумлива благославна

няя дъни. Оуста же своя отверзе
смыслно и законно, истинная ре-
че языкомъ своимъ. Въ крепость и
лепоту облечеса, и веселися въ дъни
последняя оузъка проходища домовъ
ея, брашенъ же лености въ не снести.
Оуста же своя отверзаетъ премудро и
законно. Милостии же ея въздвиг-
нуть чада ея и обо(га)теша, и мужь ея
похвали ю. Многи дщери стяжаша, бо-
гательства многи створиша силная. Ты
же преспе и превъзнесеса надо все-
ми лжаоугоженья и суетны, доброты
женьскы несть в тебе. Жена бо разум-
на благославена есть. Боязнь же гос-
подню да хвалить. Дадите от плода
оустну ея и да хвалитса въ вратехъ
мужь ея».

Похвала добрым женам есть в Летописце Переяславля Суздаль-
ского, но здесь она короче, а различия ее указывают на какой-то
иной перевод Притчей Соломона (С. 22–23): «Жена добраа, — ре-
че, — мужю кровь крепокъ и дражьши есть камениа многоценнаго,
радуется бо о ней мужь ея, творить бо мужу пристройи благъ. Об-
ретши влъну и левъ, дееть потребнаа рукама своима. И бысть яко
корабль, куплю деющи, издалече събираеть богатство, и въстаетъ
из ноци, и даеть дело рабынямъ и брашьно. А видевши тяжания
куповааше, от дель руку своею и насадить винограды и садовия, и
препоасавши чресла крепко, и утвердить мышцы на дело, и уку-
сить, яко добро есть делати, и не угасаетъ светилник ея всю ноць,
руце простираеть на полезная, локти утверждаеть на веретено, ру-
це свои разгибаеть убогим. Не печетса о дому мужь ея, егда и где
будеть, и вси свои ей одени суть, а мужю своему сугуба одеаниа
сътвори, а себе одеаниа багряна и чръвлена. Взористъ бываеть въ
вратех мужь ея. Жена бо разумлива благославена есть и боязнь же
господню да хвалить. Дадуть ей хвалу от плоду стен ея, и хвалимъ
въ вратех мужь ея».

Во Владимирском летописце эта похвала представлена только
одним первым предложением (С. 24): «Дражае камени многоценна-
го, и радуется о ней муж ея и деет все благожитие».

Данный пример паремийного текста, представленного в разных
летописях, показателен: к Притчам Соломона летописцы обраща-
лись, по крайней мере два раза; правда, пока трудно сказать о пер-
вичности того или другого летописного текста.

18. «Прем. v, 15–16 под 969 (в изд. 67, 16–19), ср. Паримию 148-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 145 об.

Летопись. Стб. 69

«Праведници в веки живутъ, и от Господа мзда имъ и строение ихъ от вышняго. Сего ради примутъ царствие красоте и венецъ добротѣ от руки Господня, яко десницею покрыть я и мышцею защититъ я».

«Праведници въ веки жиоуть, и от Господа мзда имъ есть и строенье от вышняго. Сего ради примутъ царствие красоте и венецъ добротѣ от руки Господня, яко десницею покрыеть я и мышцею защититъ я».

19. «Иов, I, 21 под 1093 (в изд. 216, 9–10), ср. Паримию 103-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 110

Летопись. Стб. 223

«...яко Господеви годе бысть тако и бысть, и буди имя Господне благославлено въ веки».

«...яко Госповеди любо бысть тако и бысть, буди имя Господне благославлено в веки».

20. «Даниил III, 32 под 1093 (в изд. 216, 5–7), ср. Паримию 133-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 139 об.

Летопись. Стб. 223

«...и предасть мы в руце врагъ безаконенъ мерзокъ преступникъ царю неправедну и лукавнейшу паче всея земля».

«...подобаше намъ (преданымъ быти. — ИИ) в руки языку странну и безаконьнейшу всея земля».

21. «Исайя III, 1–4 под 1015 (изд. 137, 2–6), ср. Паримию 17-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 47–47 об.

Летопись. Стб. 140

«Се владыка Господь Саваофъ отиметь от Июдеи и от Иерусалима крепкаго и крепкую помощь, и хлеба, и крепость воды, исполина и могуща, и человека храбра, и судию, и пророка, и смернина, и старца, и пятьдесятника, и дивна светника, и мудра художника, и разумна послушника, и поставлю оуноша князя имъ, и ругатели обладають ими».

«...отиметь Господь отъ Иерусалима крепкаго исполина, и человека храбра, и судью, и пророка, и смирена старца (и дивна светника, и моудра хитреца и — ИЛ) разумна, послушлива поставлю оуношо князя имъ, и ругателя обладающа ими»

22. «Исайя VI, 9–10 под 955 (в изд. 62, 1–3), ср. Паримию 29-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 57

Летопись. Стб. 63

«...и рече иди и рци людемъ симъ слоухомъ оуслышите и не имате разумети, и зряще оузрте и не имате видети, оудобеле бо сердце людии сихъ, и оушима своима тяжко слышаша, и очеса своя смежиша, еда когда очима оувидятъ...».

«...не смыслиша бо ни разумеша во тьме ходящии, и не ведятъ славы Господня одобьлеша бо сердца ихъ, оушюма тяжко слышати, а отчима видети».

23. «Исайя XXIX, 18 под 988 (в изд. 116, 13–14), ср. Паримию 62-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 80

Летопись. Стб. 119

«...и оуслышать въ день онъ глусии словеса книжная, и яже суть въ тме и яже въ мгле, очева слепыхъ прозрять».

«...во оны днии оуслышать глусии словеса книжная, и яснь будетъ языкъ гугнивыхъ».

24. «Иезекииль XXXVI, 25 под 988 (в изд. 117, 17–18), ср. Паримию 145-ю».

РНБ. Q. п. I. 14. Л. 144 об.

Летопись. Стб. 120

От пророчеств Захарьи³²

«...и окроплю на вы воду чисту, и очистетеса от всехъ нечистотъ вашихъ и от всехъ идоль вашихъ и очищу вы и дамъ».

«...въскроплю на вы воду чисту и очиститеса и от идоль вашихъ и от грехъ вашихъ».

25. Ветхозаветные тексты заимствовались летописцем не только из Паремийника. А. А. Шахматов указывает несколько подобных заимствований, но один из этих примеров все же необходимо отнести к заимствованиям из Паремийника: «Притч. XXIX, 2 под 969 (в изд. 67, 9–10)». Как уже отмечалось, исследователь работал с синодальным изданием Паремийника, где эта притча Соломона приводится в связи с памятью «святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, митрополитов московских и всея России чудотворцев» под 5 октября. В XI в., когда Паремийник привлекался русскими

летописцами как дополнительный источник в их работе, подобной памяти, естественно, не существовало. В то же время близость летописи и этой похвалы очевидна:

Летопись. Стб. 68

«... рече Соломонъ: похвалаи праведному възвеселятся людье, безсмертье бо есть память его, яко от Бога познается и от человек».

Память. С. 58

«Похваляему праведнику, возвеселятся людие, безсмертие бо есть память его, яко от Господа познается и от человекъ».

В древних Паремийниках эта Притча Соломона помещалась в месячной части Паремийника (определение А. В. Михайлова. — В. 3.) под 13 ноября, и в несколько другом авторском обрамлении (РНБ. Q. п. I. 14. Л. 149 об.—15 об.): «Месяца того же (ноября. — В. 3.) въ 13. Святаго отца нашего Иоанна Златоуста. От притч чтение // Л. 150. Память праведного с похвалами и благословенье Господне надъ главою его. ...». Но дословного сходства с летописью здесь нет.

Сопоставив чтения Паремийника с цитатами из летописного текста, указанными А. А. Шахматовым, где-то уточнив их, где-то добавив, перейдем к анализу этих чтений. Напомним основные положения А. А. Шахматова: чтения из Паремийника прослеживаются до 1093 г. И все они сделаны «одним лицом», на что, по мнению исследователя, особо указывает подборка из Притчей Соломона, т. е. Притчи Соломона однозначно введены в летописный текст одним летописцем. При характеристике заимствований из Паремийника А. А. Шахматов пользовался в основном текстом ЛЛ, изредка для уточнения обращаясь к ИЛ. Тексты других летописей им не привлекались.

Считаю, что при анализе чтений из Паремийника необходимо привлекать более широкий круг летописей, а именно: Устюжский летописец, летописец Переяславля-Суздальского, Владимирский летописец и, конечно, Новгородскую первую летопись младшего извода. Благодаря именно работам А. А. Шахматова в науку прочно вошло положение о первичности последней в рамках ПВЛ по отношению к ЛЛ и ИЛ. Выбор перечисленных летописных памятников неслучаен. Несколько лет назад (1989 г.), рассуждая о перспективах изучения ранней истории русского летописания, я ввел понятие, может быть, не слишком удачное, — летописи-изгой, т. е. летописи, утратившие старшинство своего происхождения в представлении исследователей нового времени: они счи-

тались случайными сокращениями таких канонических летописей, как Лаврентьевская и Ипатьевская. Приведу небольшую часть рассуждений тех лет.

Если мы возьмем летописи-изгой и произведем сочетание текстов этих летописей, то окажемся перед любопытным фактом: сочетание этих летописей в основном моделируют большую часть текста ПВЛ. Напомню, что смоделировать текст ПВЛ — задача не из легких, так как в её состав вошли древнерусские летописные своды разных авторов и разных центров русского летописания. В Киеве нам известны, например, следующие центры: Десятинная церковь, Киево-Печерский монастырь, Выдубицкий монастырь; известны также и несколько имен предполагаемых летописцев — Иларион, Никон, Иван, Нестор. Даже этого, может быть, несколько неполного перечня достаточно для того, чтобы убедиться в следующем факте: ПВЛ объединяет в себе несколько предшествующих летописных сводов, составленных в разных местах разными авторами. Смоделировать такой сложный по составу памятник, каким является ПВЛ, из случайных частей — дело почти нереальное. И вот эта нереальность становится достижимой, как только мы попробуем объединить тексты летописей-изгоев.

Если мы обратимся к общепринятой точке зрения, что тексты летописей-изгоев являются сокращениями ПВЛ, то должны будем признать: произвольные выдержки из ПВЛ, сделанные авторами в позднее время в разных городах Русского государства, объединенные вместе, воспроизводят в общих чертах ПВЛ, также составленную из многих летописей независимыми авторами в разных центрах летописания. Таким образом, перед нами случайность такого порядка, когда она уже не является случайностью. Если мы определим тексты летописей-изгоев не как сокращения ПВЛ, а как тексты летописных сводов, предшествующих ПВЛ, то все встанет на свое место: тексты летописей-изгоев и должны быть менее полными, меньшими, чем ПВЛ, так как последняя включила их в свой состав.

Естественно, ни одна из летописей-изгоев не сохранила первоначального текста в идеальном состоянии. В каждой из них есть свои индивидуальные более поздние наслоения, которые хорошо видны при сравнении текстов этих летописей между собой и с летописями каноническими. Но в то же время тексты летописей-изгоев, если высказанное предположение при дальнейшей разработке подтвердится, позволят нам восстановить этапы летописной работы XI в.

с большей точностью и с меньшими усложнениями, чем это можно сделать при анализе только канонических летописей. Выбор вышеперечисленных летописей, конечно, был неслучайным. В разное время исследователи (А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров др.) высказывали предположения о первичности той или иной летописи по отношению к каноническим летописям.

Продолжим анализ чтений из Паремийника. Если мы обратимся к НІЛМ и к летописям, близким по истории их текста (например, ТВЛ, СІЛ, НІVЛ), то увидим, что заимствований из Паремийника в статьях 1037 г., 1078 г., 1093 г. нет.

Рассмотрим цитаты из Паремийника в летописных статьях 1037 г., 1078 г. и 1093 г. Характерно, что цитаты в этих летописных статьях находятся внутри обширных отступлений, которые сделал один из древнерусских летописцев при характеристике в первых двух случаях личностей и деятельности двух князей — Ярослава и Изяслава, а в третьем случае — в рассказе о третьем нашествии половцев на Киев.

Все три отступления размещаются одинаково — они завершают погодное изложение событий. Хотя за повествованием 1093 г. в ЛЛ-ИЛ следует краткое летописное известие, но первоначально именно на тексте этого отступления оканчивался свод 1093 г., о котором достаточно подробно писал А. А. Шахматов.³³ И именно здесь, по указанию В. Н. Татищева, стояло слово «Аминь» в утраченной Раскольничьей Летописи.³⁴

Если же обратиться к содержанию данных отступлений, то в них можно найти общие черты. Например, в двух первых читаются похвалы князьям, в которых присутствуют и элементы литературного портрета: 1037 г. — «И бе Ярославъ любя церковныя уставы... любимъ бе книгамъ»; 1078 г. — «Бе же Изяславъ мужъ взоромъ красенъ и теломъ великъ... любя правду»; 1093 г. — не в отступлении, а в основном тексте статьи — «Сий бо благоверный князь Всеволодъ бе издетьска боголюбивъ, любя правду».

Понятие любви является для автора этих сюжетов сердцевинной христианского мировоззрения: об этом говорит частое употребление слова «любовь», а также достаточно пространные рассуждения на тему любви. Под 1078 г. читаем: «Боязни несть в любви, но свер-

³³ Шахматов А. А. Киевский начальный свод 1095 г. // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. ст. и материалов / Под ред. акад. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 117–160.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская. Т. IV. М.; Л., 1964. С. 44–45.

шны любви вонъ измещеть боязнь, яко боязнь мученье имать... Аще кто речеть: люблю Бога, а брата своего ненавижу, ложь есть... В любви бо все свершается. Любве ради и греси рассыпаются» и т. д. Под 1093 г. любовь обосновывается автором как основная философия человеческой жизни, подкрепляющая человека в его житейских невзгодах: «Кого бо тако Богъ любить, якоже ны възлюбиль есть? Кого тако почель есть, якоже ны прославиль есть и възнесль? Никого же! Имъ же паче ярость свою въздвиже на ны, яко паче всех почтени бывше, горее всех сдеяхом грехы». Так говорит летописец о русских людях, подвергшихся нападению половцев.

Автор всех этих отступлений, он же автор летописного свода 1093 г. (данный свод иногда называют сводом Иоанна, игумена Киево-Печерского монастыря) — человек глубоко верующий, начитанный, искренне переживающий превратности своих соотечественников. Но характеристика автора свода 1093 г. не входит в задачу данной работы, это дело будущего. Мы хотим показать, что к Паремийнику обращались не один летописец, как предполагал А. А. Шахматов, а несколько. Все три отступления (1037 г., 1078 г., 1093 г.) принадлежат одному человеку, все они содержат цитаты из Паремийника и отсутствуют в НІЛМ, хотя в других погодных записях этой летописи заимствования из Паремийника есть.

Напомним пример, который позволяет утверждать, что к тексту Паремийника обращались по крайней мере два человека. Обратимся к фрагментам № 10 и 11. Одна и та же Притча Соломона (VIII, 17) дважды использована в ЛЛ-ИЛ под 955 г. и под 1037 г. (955 г. — «Азь любящая мя люблюи ищющи мене обрящють мя»; 1037 г. — «Азь любящая мя люблю, ищющи мене обрящють (благодать)».³⁵ Цитата под 955 г. полностью тождественна. В НІЛМ есть только цитата под 955 г. Вряд ли один и тот же человек процитировал бы одно и то же предложение по-разному. Скорее всего, перед нами обращение к одной и той же притче двух разных людей.

Обратимся к чтениям Паремийника, находящимся в НІЛМ. Разбор этих чтений начнем с Притчей Соломона. Фрагмент № 4 (Притча I, 16–19) читается одинаково в НІЛМ и ЛЛ, с учетом всех различий списков этих летописей и летописей, близких к ним по истории текста (например, в НІЛМ, С. 170 — «собрати», а в ЛЛ и в

³⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 62, 152. — В ИЛ (Стб. 139): «Азь любящая (мя) люблю, мене обрящють».

Паремийнике — «сбирають», но в НІВЛ именно «сбирають»). Фрагменты № 5 и 6 в ЛЛ и НІЛМ (С. 115, 116) тождественны и содержат мало материала для характеристики. Зато фрагмент № 8 в какой-то степени показателен. В НІЛМ читаем (С. 115): «Рече бо Соломонъ: “Желание благоверных наслаждает душу, и приложи сердце твое в разумъ; азъ любящая люблю, и ищущии мене обрящут”». Этот фрагмент НІЛМ состоит из трех предложений, взятых из разных Притчей Соломона: XIII, 20 II, 2; VIII, 17. У А. А. Шахматова они отмечены в разных фрагментах (№ 8, 11, 14). Притча XIII, 20 («Желание благоверных наслаждает душу, дела же нечестивых далече от разума») разделена на две части: одна предшествует фрагменту № 6 (С. 116), а другая находится в 8-м фрагменте. Разделить притчу на две части и использовать отдельные части в разных местах летописного текста, скорее всего, мог один автор. Притчи Соломона, введенные в текст погодного изложения событий 955 г., легко вычлениваются из летописного текста. А не существует ли такой летописный текст, где эти притчи отсутствуют? Такой текст есть — он находится в ЛПС. Сравним тексты НІЛМ и ЛПС.

НІЛМ. С. 113–116

«В лето 6463. иде Ольга во грекы и прииде Цесарюграду. И бе тогда цесарь именемъ Чемьскыи, они же поведаша цесарю приходъ ея; и абие цесарь возва ю к собе; она же иде к нему, ничто же медлящи. И видевь ю цесарь зело добру сущу лицом и смыслену въ премудрости, удививъ же ся цесарь разуму ея, и паки беседовавши, рече к неи: “подобна еси с нами царствовати въ граде сем”. Она же разумевши, рече ко цесарю: “азъ погана есмь, да аще мя хочещи крестити, то крести мя самъ; аще ли сего не сотвориши, то не имамъ креститися”. Царь же послуша словесе сего и абие крести ю съ патриархомъ. Просвещена же бывши, и она же тогда радовашеся душею и теломъ. и темъ яко поучивши ю патриархъ о вере, и рече ей: «благословена ты въ женахъ русских. . .»

ЛПС. С. 17–18

«В лето 6463. Ольга въ греки прииде къ Царюграду. И тогда царь Костянтинъ, сынъ Леоновъ, и видевь ю красну зело лицомъ и смыслену умомъ, и удивись царь разуму ея, и беседова к неи, и рече ей слово к любви: “подобна ели царствовати с нами въ граде семъ”. Она же разумевши, рече ему: “како то слово исполнится, цесарю, понеже азъ погана есмь? Да аще въменить мя Богъ съ крещеными, то и получиши”. Царь же безмерно рад бысть и рече ей: “Патриарху възвещю ли слово се?”. Она же рече: “Готов ли еси поручитися по мне Богу и патриарху?” Он же рад. “И порючюся”, — рече. Она же рече: «То уже время прииде, крести мя самъ». И поручися царь патриарху, и крестиша ю патриархъ и царь. Просвещена же бывши, радовашеся душею и теломъ. И поучи ю патриархъ, рече ей сице о вере: “Благословена ты въ женахъ русьских. . .»

... Данила от зверин, и тако и тебе избавить от неприязне и от сетей его». И благословивъши патриархъ со вселенскимъ соборомъ, и отпусти ю с миромъ въ свою землю; и пришедши ей паки къ Киеву, принявши святое крещение и божественныя дары въ Цесарьскомъ граде от честнейшаго патриарха. Се же тако бысть, яко при Соломоне царе: прииде ефиопская цесарица къ Соломону, слышати хотящи премудрость соломону многу и знаменія видети: тако си блаженная Олга искаше добра и мудрости божия, нь она человеческыя, а си Божия. Ищющии бо премудрость обрящутъ; понеже бо премудрость на исходящих поется, на путехъ же дерзновение водить, на краихъ же стенозабралных проповедается, въ вратехъ же градных дерзаючи глаголет, елико убо лет незлобии держатся по правду. И си бо от възраста блаженная Олга искаше мудростию всего въ свете семь и налезе бисеръ многоценныи, еже есть Христось. Рече бо Соломонъ: «желание благоверных наслаждаетъ душу, и приложи сердце твое в разумъ; азъ любящая люблю, и ищущии мене обрящутъ». И рече Господь: приходящая ко мне не иждену вонь. Сия же Олга, по внигда пришедши ей уже в Киевъ, и якоже о ней въпред рекохомъ, посла же к ней царь Чемьскыи, глаголя сице, яко «много одарих тя; ты бо ми рекла еси тако, яко аще възвращуся в Русь, и многы дары пришлю ти, челядь, и воскъ и скору, и вои в помощь». И отвещавши же Олга, и рече къ Соломеру (посломъ): «аще ты сице глаголеши от Чемьскаго цесаря, рци ему: тако пришедши, постоиши у мене в почайне, якоже и азъ у тебе въ съсуду стоявши, то тогда ти дамъ». И сия паки словеса глаголавши много, и абие отпусти приходящая послове къ Царьскому граду. Живущи же Олга съ сыномъ своимъ Святославомъ, и учаще его мати креститися, нь не-

... Данила от лвовъ, тако и тебе избавит от неприязни и сети его». И благослови ю патриархъ, и дасть ей прозъвитера. И прииде въ Киевъ. Се же бысть бльши ужьские царици, иж приде видети премудрость Соломаню, ся же Христа увиде.

Паки присла к ньи царь, рече: «Азъ дарих тя, а ты такъ рекла еси; егда възвращуся, тогда отдарюсь». Она же рече ему: «Аще ты такоже постоишти въ почайне, якоже азъ в суде реце, тогда ти въздамъ». И отпусти слы. И живяше съ сыномъ Святославомъ, учаще его креститесь, он же ни въ уши принимаше, но аще кто хоцетъ креститися, не възбраняху.

брежаше того словесе, ни въ уши вла-
гаше себе; нь аще кто хотяше волею
креститися, не възбраняху ему, нь па-
че ругахуся тому. Невернымъ бо есть
вера Крестианьска Уродьство Есть;
Не Смыслиша Бо, Ни Разумеша, Во
Тме Ходяща, Не Видят Славы Господ-
ня; одебелеша бо сердца ихъ, и ушима
тяжко слышати и очима видети. Ре-
че бо Соломонъ: «делатель нечъсти-
выхъ далече от разума; понеже звах
вы, не послушасте, и прострох слова,
не внимасте, нь отместе моя со-
веты, моих же обличении не внима-
сте; възненавидеша бо премудрость, а
страха господня не изволиша, ни хо-
тяху внимати моих словесъ, подража-
ху моя обличения». Якоже и Ольга ча-
сто глаголаше: «и азъ, сыну мои, бо-
га познахъ и радуюся; аще ты позна-
еши, и радоватися начнеши». Онъ же
не внимаше, глаголя: «како азъ хо-
щу инъ законъ приняти единъ, а дружи-
на смеяться начнуть и ругатися». Ол-
га же рече ему: «сыну, аще крестиши-
ся, вси имут то же творити». Он же
не послушаше матери, творяше нра-
вы поганьскыя; не ведыи бо, аще кто
матери не послушаетъ, и паку в бе-
ду впадаетъ, якоже рече: «аще кто от-
ца не слушаетъ или матери, смерть
приметь». Сеи же к тому гневаше-
ся на мать. Соломонъ же рече: «ка-
жа злыя приметь себе досаждение;
облицая злых, да възненавидит тебе».
Нь обаче любляше Ольга сына своего
Святослава, рекуще к себе: «воля Бо-
жия да будет; аще хоцетъ Богъ поми-
ловати роду моего и земли рускыя, да
возложитъ имъ Богъ на сердце обра-
титися къ Богу, якоже и мне Бог даро-
ва». И се рекъши, моляшеться за люди
и за сына и по вся ноци и дни, кормя-
щи сына своего до мужества своего и
до возраста его».

Олга моляше Бога за сына по вся дни
и ноци».

Сравнивая тексты НЛМ и ЛПС, можно отметить, что в ЛПС присутствует вся информационная часть летописной статьи 6463 г. (955): обстоятельства поездки княгини Ольги в Царьград, ее кре-

щение и главное — сюжет о том, как она «переключала» византийского императора. В ЛПС отсутствуют все, подчеркиваю — все заимствования из Паремийника (фрагменты № 5, 6, 8, 11, 12, 14, 22). Считается, что ЛПС представляет собой сокращение ПВЛ.

Но говорить в данном случае о сокращении нельзя: перед нами в ЛПС текст, который можно и даже необходимо рассматривать как источник, пополненный последующим летописцем заимствованиями из Паремийника. Летописец, чья работа представлена в тексте НЛМ (Нестор — автор летописного свода конца 70-х годов XI в.), не только пополнил летописный текст своего источника, но и был вынужден отредактировать его, так как большое количество цитат из Паремийника разрушило первоначальную основу рассказа о событиях 955 г.

Например, ему пришлось, сказав о прибытии Ольги в Киев, еще раз повторить это сообщение («якоже о ней въпред рекохомъ») для сохранения логики рассказа. Кстати, текст ЛПС в какой-то степени подтолкнул Нестора обратиться к Притчам Соломона: в ЛПС княгиня Ольга сравнивается с эфиопской царицей («ужьские (?) царици»), приходившей к Соломону. Нестор не только редактирует текст своего предшественника и насыщает его цитатами из Паремийника, но и дополняет его (сам или на основе своего источника — ?) более развернутым, чем в ЛПС, рассказом о неудачной попытке Ольги обратить в христианство своего сына Святослава.

Этот рассказ, опять же насыщенный цитатами из Паремийника, заканчивается несколько несуразно. Дело в том, что князь Святослав в рассказе представлен достаточно взрослым и самостоятельным человеком, на все призывы матери креститься он отвечает разнообразными и находчивыми отказами (не хочу; а кто хочет, то пускай крестится; как крещусь один, ведь дружина смеяться будет). И вот этот весьма умелый в полемике Святослав в конце рассказа оказывается ребенком («кормящи сына своего до мужества своего и до возраста его»). Подобной несуразности в ЛПС нет; правда, в летописце нет и указания о возрасте княжича. Что-то подтолкнуло Нестора к упоминанию о юном возрасте княжича; он это упоминание еще более усилил, когда последнее предложение летописной статьи 6463 г. (955) повторил после пропуска восьми «пустых» лет в первом предложении летописной статьи 6472 г. (964), в котором как бы продолжается прерванный рассказ («Князю Святославу въз-

ратъшю и возмужавшю...»³⁶ Во ВЛ год 6472 (964) начинается следующим образом: «Князю Святославу възмужався...»³⁷

Итак, текст летописца Переяславля Суздальского полностью вошел в НІЛМ, где он пополнен цитатами из Паремийника.

Следует отметить, что летописная статья 6463 г. (955) неоднократно анализировалась исследователями; правда, они обращались в основном к текстам ЛЛ-ИЛ без учета данных других летописей (А. А. Шахматов, Д. С. Лихачев, А. Г. Кузьмин).³⁸

Вот как характеризует текст данной летописной статьи А. Г. Кузьмин: «Из летописного сказания совершенно безболезненно извлекаются все клерикальные отступления (автор приводит текст статьи 6463 г., изъяв из нее «клерикальные» отступления. — В. З.)... Основная часть клерикальных распределений принадлежит, по всей видимости, летописцу Десятинной церкви...»³⁹

Исследователь, руководствуясь формальным признаком (мотивы клерикальные противопоставляются светским и фольклорным), восстанавливает историю текста данной летописной статьи. Результат подобного восстановления, естественно, субъективен и по сути своей неверен. Что значит изъятие клерикальных мотивов из летописного текста? Все первые летописные своды в Древней Руси составлялись представителями церкви, для которых «клерикальные» мотивы были естественной основой их знания, мышления, восприятия окружающего мира и отображения его в исторических и литературных произведениях. Другое дело, когда мы вычленим из летописного текста дополнительный источник, привлеченный одним летописцем и не известный его предшественнику. Находя этот дополнительный источник и вычленив его из летописного текста, мы получаем в какой-то степени первоначальную основу анализируемого летописца; и если эта первоначальная основа представлена самостоятельным летописным произведением (в нашем случае летописцем Переяславля-Суздальского и Владимирским летописцем, в тексте которых отсутствуют цитаты из Паремийника), то это означает, что перед нами источник других последующих летописных произведений.

³⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 117.

³⁷ ПСРЛ. Т. 30. М., 1965. С. 22.

³⁸ Шахматов А. А. Разыскания. С. 113–116; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 63–66; Кузьмин А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 338–340.

³⁹ Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 339–340.

Статья 6463 г. (955) показательна для истории русского летописания XI в. еще и тем, что в ней отразилось несколько этапов работы над летописью. Историю текста этой статьи можно представить следующим образом. Самый ранний слой обнаруживается во Владимирском летописце (а ему предшествует Устюжский летописец, где еще отсутствует версия о том, что княгиня Ольга «переключала» византийского императора), который не имеет цитат из Паремийника, не знает второй речи патриарха, не знает «стояния на Почайне» и полемики княгини Ольги о христианской вере с сыном Святославом.

Что же представляет собой текст Владимирского летописца? Общее мнение — перед нами сокращение текста летописей типа ЛЛ-ИЛ. Но так ли это? Весь текст Владимирского летописца (начало: «Иде Олга ко Царюграду...», конец: «И вдасть ей дары многы и нарече ей дщерию и отпусти ю») о том, как княгиня Ольга пришла в Царьград, приняла крещение от царя и патриарха и «переключала» византийского императора («именем Цемской»), полностью вошел в состав летописной статьи этого года всех летописей.

С точки зрения нарастания объема в связи с появлением новых сюжетов и использованием новых источников, вслед за Владимирским летописцем следует Летописец Переяславля-Суздальского. В ЛПС появляются новые детали: «царь именем Цемский» получает настоящее имя — «Костянтинь, сынъ Леоновъ» (это правильное имя императора объединяет ЛПС с ИЛ, а в НЛМ и ЛЛ остается «Чемьский — Цемьский», в Твл — «Иоанъ Цимисхиль» или «Чимиский»), усиливаются литературные краски (ВЛ — «добру лицемь смыслену», ЛПС — «красну зело лицемъ и смыслену умомъ»). В ЛПС присутствует и более поздняя пропись раннего текста, что видно на следующем примере:

ВЛ. С. 21

«...“подобает ти с нами царствовати” она разумевъ речь его и рече царю: “азъ есмь погана. Да аще мя хоцещи крестити, то крести мя сам. Аще ли не сам крестишь, то не крещюся“. И крести ю царь сам с патриархом».

ЛПС. С. 17

«“Подобна еси царствовати с нами въ граде семъ”. Она же разумевши, рече ему: “Како то слово исполнится, цесарю, понеже азъ погана есмь? Да аще въменить мя богъ съ крещеными, то и се получиши”. Царь же безмерно рад бысть и рече ей: “Патриарху възвещю ли слово се?” Она же рече: “Готов ли еси поручитися по мне богу и патриарху?” Он же рад. “И порючюся”, — ре-

че. Она же рече: “То уже время прииде, крести мя самъ”. И поручися царь патриарху, и крестиша ю патриархъ и царь».

Автор этого диалога преследовал, на мой взгляд, одну цель: сделать более понятным выражение своего источника «крести ю царь сам с патриархом» и тем самым сделать более понятным то, как княгиня Ольга «переключала» царя. Диалог есть только в ЛПС, что, скорее всего, указывает на позднее время его появления в летописном тексте, так как все летописи, наиболее полно представляющие летописные своды XI в., его не знают (НІЛМ, ЛЛ, ИП). Далее в ЛПС сверх текста ВЛ появилась литературно выразительная деталь обстоятельства крещения княгини Ольги:

ВЛ. С. 21

ЛПС. С. 17

«Она же глаголюще патриарху: “Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду от сети неприяженыя”».

«Она же, поклонивши главу, стояше аки губа воду приимаше въ свое естество, тако учителя из уст слово въ сердци приимаше. И поклоншесь патриарху, рече: “Молитвами твоими, владыко, да съхранена буду от сетей неприяженых”».

Выражение «аки губа воду приимаше» появляется впервые в ЛПС, откуда оно перешло в несколько измененном виде в НІЛМ, ИЛ, ЛЛ и другие близкие летописи, но в ЛПС, как и в случае только что разобранным, присутствует комментарий другого последующего летописца; его цель та же — пояснить выражение своего источника (только в ЛПС «напаяема» заменено на «приимаше» и образ впитывающей в себя губки пояснен выражением «такое учителя из уст слово въ сердци приимаше»).

Если сравнивать тексты ВЛ и ЛПС, а в данном случае прежде всего НІЛМ и ЛЛ-ИЛ, то видно, что литературно-выразительная деталь четко очерчена повтором «поклонявши» — «поклонившися». В ЛПС в сравнении с ВЛ появляется и комментарий к христианскому имени княгини Ольги, который перешел во все последующие летописные своды, представленные НІЛМ, ЛЛ, ИЛ и др. («яко же и пръвая (древняя) царица, мати великаго Константина»); в ЛПС уточняются дары, которые дал царь княгине Ольге, ВЛ — «И

вдасть ей дары многы», ЛПС — «И въдасть ей дары многы, злато и сребро, и паволоки, и сосуды различныя». Любопытно, что в НЛМ (Нестор) по сравнению с ЛПС уточнены дары, которыми обещала отдариться княгиня Ольга (ЛПС — «егда възвращуся, тогда отдарюсь», НЛМ — «яко аще възвращуся в Русь, и многы дары пришлю ти челядь и воскъ и скору, и вои в помощь»).

Можно и дальше продолжить разбор примеров эволюции текста данной летописной статьи, но пока ограничимся вышеприведенными. Цель разбора проста — показать, что анализ содержания любой летописной статьи, в том числе и 6463 г. (955), без анализа истории ее текста всегда будет поверхностным и чаще всего по сути неверным, так как почти любая летописная статья в рамках ПВЛ является результатом творчества нескольких летописцев. Каждый из летописцев в силу своей интеллектуальной подготовки, литературной одаренности, склонности к полемике, социальной или политической ориентации, религиозной озаренности привносил в текст своего предшественника нечто свое. Это «нечто свое», навеваемое совершенно разными обстоятельствами, становилось частью первоначального рассказа или сообщения о том или другом событии и тем самым искажало, изменяло смысл первоначальной информации. Мы же, исследователи нового времени, не зная всей сложности истории текста той или иной летописной статьи (поскольку история раннего русского летописания в целом нам мало известна), смело рассуждаем о событиях, в ней сообщаемых.

Примеров подобных рассуждений много. Приведем только один, недавний. А. Н. Сахаров в исследовании о дипломатии Древней Руси обратился к диалогу ЛПС («Патриарху възвещу ли слово се?» и т. д.), о происхождении которого, пускай предположительно, говорилось выше (диалог появился под пером одного из редакторов-комментаторов ЛПС). Основываясь на этом диалоге, А. Н. Сахаров пишет: «Этот диалог указывает еще раз, что вопрос о крещении русской княгини рассматривался в Константинополе не в религиозном плане, а в политическом»,⁴⁰ — и т. д. Привлекать данный диалог для характеристики того, что происходило в Константинополе во время крещения княгини Ольги, вряд ли уместно.

С различными вариантами прочтения статьи 6463 г. (955) можно познакомиться в обзорной работе В. А. Грихина, где, например,

⁴⁰ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980. С. 277.

отмечается единогласное мнение почти всех исследователей о сложном составе летописной записи этого года.⁴¹

Следующая летописная статья, где находится цитата из Паремийника, — это 6477 г. (969). Следует отметить, что исследователи, анализирувавшие летописный рассказ 6463 г. (955) о крещении княгини Ольги, объединяли его с летописным рассказом 6477 г. (969) о смерти княгини и при этом считали их частью «единого внелетописного произведения, отразившегося также и в статьях Пролога под 11 июля...».⁴²

Оставляя в стороне вопрос о Прологе, обратимся к цитате из Паремийника (фрагмент 18). Цитата впервые появляется в тексте НЛМ (во ВЛ и ЛПС тексты схожи, почти тождественны, если не считать нескольких дополнительных чтений в ЛПС). С точки зрения объема, статья в НЛМ почти несопоставима с текстом ВЛ и ЛПС — столь она обширна. Формально запись этого года может быть разделена на две части: первая содержит информацию о смерти княгини Ольги (в основе ее — летописный текст типа ВЛ и ЛПС), вторая — «Похвалу» княгине Ольге.

Именно так принято делить эту статью в историографии. Например, А. А. Шахматов вторую часть летописной статьи («Похвалу») считал поздней вставкой.⁴³ В одной из последних публикаций она также анализировалась как самостоятельное произведение. Е. А. Осокина пишет: «Летописная “похвала” представляет цельное по форме произведение, имеющее начало, середину и конец».⁴⁴ Цитата из Паремийника является неотъемлемой частью «Похвалы», а «Похвала», содержащая эту цитату, впервые появляется в тексте НЛМ — следовательно, «Похвала» принадлежит перу Нестора, так как именно он был тем летописцем, который широко привлек Паремийник в качестве дополнительного источника.

В первой части статьи 6477 г. (969) НЛМ, если сравнивать ее текст с текстом ВЛ и ЛПС, появляется несколько дополнительных деталей, относящихся к характеристике даров, которые объединяют эту статью со статьей 6463 г. (955) (ВЛ — «яко ту все узо-

⁴¹ Гривин В. А. Древнейшие памятники русской письменности о княгине Ольге // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. С. 54–74.

⁴² Шахматов А. А. Разыскания. С. 115–116; Литачев Д. С. Русские летописи. С. 64.

⁴³ Шахматов А. А. Разыскания. С. 115–116.

⁴⁴ Осокина Е. А. Летописная «похвала» и «стихиры», посвященные кн. Ольге // Герменевтика древнерусской литературы X–XVI вв. Сб. 3. С. 44.

рочна от всех земель».⁴⁵ НІЛМ — «яко ту вся благая сходятся: от грекъ паволокы, злато и вино, оwoщеве различнии; а и шехъ и из утровъ сребро и коне (ТВЛ — ... оwoць, ис чаховъ же и ляховъ, изъ угръ сребро и кони), и изъ Русе же скора и воскъ и мед и челядь».⁴⁶

Летописная статья 6488 г. (980), где есть две цитаты из Паремийника (фрагменты 9 и 17), более сложна по своей истории, чем предыдущая. Оказывается, что еще предшественник Нестора, правда, очень кратко, обратился к Притчам Соломона (ВЛ — «Рече Соломан, покаявся о женах: “Не внимаи зле жене, мед бо каплет от усть ея, а последи же горести и желчи обрящет”. А о добрых рече женах: “Дражное камени многоценнаго, и радуется о ней муж ея и деет все благожитие”»⁴⁷ Во ВЛ лишь штрихом (одним предложением) дава характеристика злым и добрым женам, а в НІЛМ на этой основе другой летописец развернул характеристику жен в виде обширных цитат из Паремийника. Итак, к Паремийнику обращались по крайней мере два человека: первый лишь кратко упомянул притчи, другой более широко привлек Паремийник, особо предпочитая Притчи Соломона.

Несколько слов необходимо сказать о тексте ЛПС. В нем Притчи Соломона цитируются по другому источнику, который указан самим летописцем ЛПС, или, точнее, его редактором («Рече бо книга царская Григориемъ Мнихом о Соломоне»⁴⁸ Под книгой «царской» он имеет в виду хронографический текст, который предшествует ЛПС в рукописи. Поздний редактор ЛПС поступил точно так же, как и Нестор (НІЛМ): встретив ссылку на Соломона, они оба, правда, каждый по разным произведениям, расширили цитаты из Притчей Соломона: один — по Паремийнику, другой — по компиляции Григория Мниха.

Первоначально текст ЛПС был схож с текстом ВЛ, о чем ярко говорит повтор в первом предложении цитаты, в котором редактор ЛПС не слишком умело объединил предложение своего летописного источника с «царской книгой» Григория Мниха: «Не вънимаи зле жене, мед бо каплетъ изъ устну ея, последи гръчее золчи обрящеши, въ время бо наслаждает грътань твою, послед гръчее пелыня обрящеши, и прелепляяся еи...». Конец цитаты о добрых женах в

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 30. С. 22.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 67; НІЛ. С. 120.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 30. С. 24.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 41. С. 22.

ЛПС из-за неумелого сокращения текста Паремийника содержит «темное место», связанное со словом «вратех»: «Взористъ бываетъ въ вратех мужъ еа. Жена бо разумлива благославена есть и боязнь же господню да хвалить. Дадуть ей хвалу от плод у стен ея, и хвалимъ въ вратехъ мужъ ея».⁴⁹ Тексты Паремийника и, естественно, НІЛМ этот сюжет поясняют.

В летописной статье 6496 г. (988) в отличие от предыдущих цитируются не Притчи Соломона, а другие книги, вошедшие в состав Паремийника (Исход ХХХІІІ, 19; Исайя ХХІХ, 18; Иезекииль, ХХХVІ, 25. Соответственно, фрагменты 3, 23, 24). Давать характеристику одной из наиболее объемных статей летописи с точки зрения присутствия в ней цитат из Паремийника вряд ли целесообразно. Эту статью необходимо анализировать в целом, и более того — в неразрывной связи с другими статьями летописи, где речь идет о принятии христианства князем Владимиром (так называемый Владимирский цикл летописи).

Пока ограничимся следующими наблюдениями. Все цитаты из Паремийника есть в НІЛМ (С. 157–158). Во ВЛ есть только первые две цитаты (С. 37), а в ЛПС — только одна, третья (фрагмент 24. С. 40). Получается, что летописец, чья работа отразилась в тексте НІЛМ, объединил тексты ВЛ и ЛПС, но он не только объединил тексты двух своих летописных источников, но и дополнил их довольно обширным отступлением. Сравнение текстов ВЛ и НІЛМ позволяет рассматривать это отступление как вставку.

НІЛМ. С. 158–159

«Благословенъ Господь Исус Христос, иже возлюби новыя люди, Рускую землю просвети крещениемъ святымъ. Темъ же и мы припадаемъ к нему, глаголюще: Господи Иисусу Христе, что ти възданы о всех, яже въздасть намъ ты, грешникомъ намъ сущимъ, и недоумеемъ противу даромъ твоимъ възданиа. Велии еси, Господи, чюдна суть дела твоя, и величеству твоему несть конца; в род и род и въсхвалимъ дела твоя, ркуще съ Давыдомъ: “Приидете, возрадуемся Господеви, въскликнемъ Богу спасу на-

ВЛ. С. 37

«Благословенъ Господь Исус Христос, иже възлюби новыя люди руския земли, просветивъ крещениемъ своим...».

ЛПС. С. 40–41

«И нача глаголати Володимиръ к людемъ: “Приидете, возрадуемся Господи и въскликнемъ богу Спасу нашему, и варимъ лице его и исповеданиемъ и псалмех въскликнемъ ему, яко богъ велии и царь велии по всей земли”. И так просвещени люди празно-

⁴⁹ Там же. С. 23.

шему, варимъ лице его исповедани-
емъ, исповедающеся ему, яко благъ,
яко в веки милость его; яко изба-
вил ны есть от врагъ нашихъ”, рку-
ще, от идолъ суетныхъ (далее 9 строк
текста — В. З.)... Множество къ Бо-
гу приступиша, святымъ крещени-
емъ просвещени. Яко же пророкъ ре-
че: “въскроплю на вы воду чисту, и
очиститесь от идолъ вашихъ и от
грехъ вашихъ” (далее 13 строк тек-
ста. — В. З.). Мы же возопиемъ ко вла-
дыце богу нашему, глаголюще: благо-
славенъ господь, иже не дасть насъ в
ловитву зубомъ их; сеть сокрушися,
а мы избавлени быхомъ от прельсти
дьяволя. И погыбе память их со шумомъ,
и господь въ веки пребываетъ,
хвалимъ от русскихъ сыновъ, певаемъ
въ троици; а демоне проклинали от
верныхъ человекъ и от говейныхъ женъ,
иже прияли суть крещение и покаяние
въ отпущение греховъ, новии людие,
крестияне, избрании богомъ. Володи-
миръ же просвещенъ самъ и сынове
его...».

Предложение ВЛ «разрезано» в НЛМ большой вставкой, в которой Нестор, точно рачительный хозяин, использовал и весь текст ЛПС. Таким образом, перед нами образец компилятивной работы древнерусского редактора, объединяющего свои источники и пополняющего их подходящим материалом (из Псалтири, из посланий Павла). Сделать обратное, т. е. сократить текст НЛМ и тем самым ЛЛ-ИЛ, чтобы получить тексты ВЛ и ЛПС, — задача почти неосуществимая, да и нехарактерная для письменной древнерусской традиции, особенно ранней, а именно последний вариант предлагается в историографии (тексты ВЛ и ЛПС считаются сокращениями таких текстов, как ЛЛ-ИЛ).

При сравнении ВЛ и НЛМ становится очевидной и еще одна вставка, проявившаяся в тексте НЛМ. Она характеризует Нестора с довольно любопытной стороны, обнаруживает его знакомство с топографией Корсуни: речь идет о церкви, где крестился Владимир.

ваху светло Въскресение господине
и праздники святыя и посты свет-
ло измовени, яко же рече пророкъ:
“Въскроплю на вас воду чисту, и очи-
ститесь”. И реша новоокрещении лю-
дие: “Благословен богъ, иже не дасть
нас в ловитву зубом ихъ, сеть съкру-
шися, и мы избавлени быхом от идолъ,
и погыбе память их с шумомъ”. Вла-
димиръ же просвещенъ сам и сынове
его».

ВЛ. С. 37

«... и покаанием люди крестиянстии,
избрнии богомъ».

«Владимеръ же просвещен сам и сы-
нове его...».

«Крести же ся въ церкви святого Василиска, и есть церкви та стоящи в Корсуне на месте посреде града, идеже корсуняне торгъ деют; полата же Володимирия въскраи церкви стоитъ и до сего дни, а царицина за олтаремъ есть и до сего дни. По крещении же...».

«А Владимир крестился въ церкви святого Спаса, посреде града Корсуны, церковь та стоит на торговище. По крещении же...».

Выражение «и до сего дне» впервые появляется под пером Нестора, который то ли сам, то ли с чужих слов знал о местонахождении палат князя и княгини. В Твл текст несколько иной (Стб. 104: «полата же Владимирова край церкви стоала до второго взятia Корьсуньского, а царицина полата за олтаремъ»), отношу его к позднему редактору, так как в ЛЛ–ИЛ, отразивших в себе свод продолжателя Нестора, текст схож с НІЛМ. Оставляю в стороне вопрос о названии церкви, где принял крещение Владимир.

В летописной статье 6504 г. (996) цитата из Паремийника (фрагмент 16, Притча XIX, 17) так же, как и в некоторых предыдущих случаях, является неотъемлемой частью достаточно большого по объему богословского отступления, автор которого, помимо Паремийника, обращается к Евангелию и Псалтири. Если взять статью этого года НІЛМ, а она тождественна ЛЛ–ИЛ, и сравнить ее с ВЛ и ЛПС, то окажется, что в НІЛМ объединены тексты этих двух летописцев и сопровождаены авторским отступлением и дополнением. Объем этой статьи слишком велик, поэтому ограничимся фрагментарным сравнением текстов:

«И виде паки Володимиръ свершену церковь... и сътвори празникъ великъ в тои день болярромъ своимъ и старцомъ градскимъ, и убогимъ раздаа имена многа. По сихъ же придоша Печенези к Василеву, и Володимиръ изиде противу имъ с маломъ дружины; и съступивъшим же ся, не може Володимиръ стерпети противу им, подбегши ста под мостомъ, едва

«Владимир князь виде церковь съвершену...». ЛПС: «и створи празник велик болярром и старцемъ градским, и убогим раздаа имение много».

«Того же лета придоша Печенези к Василеву, и не могоста стати противу их и обещася Владимиръ поставити

ся укры от противных. Тогда обещася Володимиръ поставити церковь Василеве святое Преображение господне, егда бысть сиа сеча.

Избывъ же Володимиръ сего, постави же Володимиръ церковь, и творяше праздникъ великъ: 300 берковъскому меду росъсыти, и созва боляры. . . »

(далее в НЛМ следует авторский текст с цитированием Евангелия, Псалтири и Паремийника).

церковь в Василеве святого Преображения. Избывъ же Владимиръ сего и постави церковь святого Преображения в Василеве».

ЛПС

«И створи праздникъ, рассыти между 300 преварь, и съзва боляры. . . »

(далее в ЛПС оригинальный текст).

ВЛ

«И бе бо, рече, живущу ему съ князи его окольными с миромъ. . . ».

«И живя Владимиръ съ князи мирно. . . ».

Текст НЛМ составлен точно из мозаики своих источников; сделать подобное компилятору несравнимо проще, чем «развести» текст НЛМ по двум летописцам.

Еще раз отметим, что цитата из Паремийника присутствует в авторском тексте НЛМ (Нестор). Текст разнообразен по жанрово-тематическому наполнению; помимо богословских рассуждений, в нем содержится, например, и характеристика взаимоотношений князя Владимира со своей дружиной (начало: «Егда же подпиваху. . . »). Следует отметить и близость этого текста с Предисловием НЛМ и с летописной статьей 6583 г. (1075). Следует обратить внимание, что автор этих текстов использовал Паремийник, отдавая при этом предпочтение Притчам Соломона.

В летописной статье 6523 г. (1015) текст Паремийника цитируется неоднократно (Притчи I, 16–19; I, 26 и 31; XI, 7; Исайя III, 1–4; соответственно, фрагменты 4, 7, 13, 2). В НЛМ фрагмент 13 отсутствует; в этой летописи наблюдается пропуск довольно значительного куска первоначального летописного текста, предшествующего рассказу «О убиении Бориса и Глеба». При сравнении НЛМ с ТвЛ и СЛ, отражающими в себе общий для всех протограф, становится ясно, что в протографе пропуска не было. Это тем более верно, что в ЛЛ–ИЛ подобного пропуска тоже нет. Кроме того, пропуск в НЛМ, содержащий цитату из Притчей Соломоновых по Паремийнику, находится в той части, которая представляет собой богословское отступление, явно принадлежащее перу одного человека.

Это богословское отступление особенно выпукло выступает из текста НІЛМ (Твл, СІЛ, ЛЛ-ИЛ), если сравнивать ее с ВЛ. В последнем читаем (С. 41): «Се есть новый Константинъ новаго Рима, иже крестися сам и всю русскую землю». В других летописях богословское отступление с цитатой из Паремийника вставлено между двумя предложениями ВЛ. К слову отметим, что текст НІЛМ, предшествующий богословскому отступлению, является компиляцией подобных частей из ВЛ и ЛПС (в последних богословского отступления, конечно, нет).

От разбора других цитат из Паремийника в летописной статье 6523 г. (1015) пока воздержимся, так как рассказ о гибели князей Бориса и Глеба слишком сложен на данном этапе исследования для анализа из-за запутанности истории текста.⁵⁰

Обратим внимание только на один факт: в НІЛМ (Твл, СІЛ) цитаты из Исайи (фрагмент 21) нет. Таким образом, перед нами еще один пример того, что к тексту Паремийника обращался не только Нестор, но и его продолжатель.

Летописная статья 6527 г. (1019) в НІЛМ отсутствует, но она есть в Твл и СІЛ, т. е. в летописях, близких к НІЛМ по их происхождению. НІЛМ, начиная с 6525 г. (1017), следует одному из своих источников — НІЛС. При решении вопроса о том, должна ли быть в НІЛМ статья 6527 г. (1019), надо привлекать и ЛЛ-ИЛ, содержащие более поздний, чем НІЛМ, летописный свод; в ЛЛ-ИЛ этот год есть. Что же касается цитаты из Паремийника (Кн. Бытия IV, 23–24; соответственно, фрагмент 1), то ее следует отнести не к работе Нестора, а к работе его предшественника, поскольку она есть во ВЛ. Как и в большинстве случаев, эта цитата представляет собой часть отступления, поэтому вне связи со всем текстом о ней нельзя сказать что-либо определенное.

По мнению И. Н. Данилевского, в данной статье текст Писания летописец «излагает своими словами». Он пишет о работе этого летописца: «... в развернутой характеристике Святополка Окаянного под 6527 годом утверждается, что Каин принял мечь за убийство Авеля семь раз, а Ламех, который знал о казни, постигшей прародителя, и тем не менее совершил убийство двух братьев Еноха, — семьдесят раз».

Такая трактовка явно не совпадает с оригинальным текстом.

⁵⁰См., например, монографию: Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957.

Обещание семикратной мести относится не к самому Каину, а к тому, кто посмеет убить первого братоубийцу. За Ламеха же, по его собственным словам, обращенным к своим женам, должно было отомститься семьдесят раз всемеро. Причем текст Книги Бытия позволяет думать, что столь суровое наказание связано с тем, что Ламех в отличие от Каина никого не убивал. История же с братьями Еноха носит, судя по всему, апокрифический характер. К сожалению, соответствие подобных пересказов исходным библейским текстам, насколько нам известно, никто систематически не проверял. Соответственно, и причины их искажения, если таковые обнаруживаются в летописи, не выяснялись».⁵¹ А если к сложностям, отмеченным И. Н. Данилевским, прибавить наблюдение А. В. Михайлова не о 70, а о 50 местях, принятых Ламехом (об этом сообщают некоторые списки Паремийника), что «указывает, по-видимому, на транскрипцию с глаголических текстов»⁵², то глубина сложности характеристики разбираемого чтения становится почти непреодолимой.

Летописная статья 6545 г. (1037) также отсутствует в НЛМ, но присутствует в Твл, СЛ, ЛЛ-ИЛ, поэтому ей следовало бы быть в летописном своде, нами анализируемом. В ЛЛ-ИЛ в этой статье цитируется Притча Соломона (Притчи VIII, 12, 14–17; соответственно, фрагмент 10) внутри текста, который можно назвать Похвалой князю Ярославу. Этой Похвалы нет в Твл и СЛ, значит, ее не было и в протографе летописного свода, отразившегося в них. В Похвале князю Ярославу широко представлена тема «почитания книжного». Было отмечено, что составлялась она под влиянием первой статьи изборника 1076 г. «Слово некоего Калоугера о чь(тении) книгъ».⁵³ А. С. Львов выражение летописи «книгамъ прилежа и почитая е часто» выводит из чтения Изборника 1076 г. «прилежаахоу святыхъ книгъ».⁵⁴ Если это предположение верно, то автор Похвалы князю Ярославу привлек Изборник 1076 г., а другие летописцы к Изборнику не обращались. На данный момент Похвалу князю Ярославу следует отнести к творчеству автора, составившего летописный свод 1093 г.

⁵¹ Данилевский И. Н. Библизмы «Повести временных лет» С. 79–80.

⁵² Михайлов А. В. Опыт изучения текста Книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1. Паремийный текст. Варшава, 1912. С. 189.

⁵³ Изборник 1076 года / Изд. подг. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровин, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965. С. 151.

⁵⁴ Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975. С. 320.

Цитата из Паремийника (Притчи XVII, 17; соответственно, фрагмент 15) есть в летописной статье 6586 г. (1078). В НЛМ известия этого года уместаются в трех строчках,⁵⁵ ее текст несопоставим с текстом ЛЛ-ИЛ. Зато в Твл известия более полны. Предполагаю, что в протографе НЛМ и Твл читался текст, схожий с Твл.

Как уже отмечалось, в летописной статье Твл 6586 г. (1078) цитаты из Паремийника нет, что позволяет высказать предположение о первоначальности текста этой летописи по отношению к ЛЛ-ИЛ, которые цитату содержат. Если статья этого года входила в состав летописного свода, созданного Нестором, то ее и весь текст Твл за 80-е годы можно привлечь для уточнения вопроса о том, где заканчивался первоначальный этап работы Нестора.

В летописной статье 6601 г. (1093) цитат из Паремийника несколько (Лев. XXVI, 17, 19-20, 33, 40-41; Иов I, 21; Даниил II, 32. Соответственно, фрагменты № 2, 19, 20). Все они принадлежат автору летописного свода 1093 г., так как в последующих летописных сводах цитат из Паремийника нет. В последней летописной статье своего свода летописец ни разу не процитировал Притчи Соломона, отдавая предпочтение другим книгам Ветхого Завета. Характеристика летописного свода 1093 г. и его автора выходит за рамки данной публикации, отметим только, что сравнение текстов НЛМ-Твл и ЛЛ-ИЛ позволяет дать довольно объемную характеристику творчества этого автора, его литературного мастерства, его политических пристрастий.

Подводя итог анализу цитат из Паремийника в русских летописях в рамках ПВЛ, можно отметить, что выводы А. А. Шахматова по этому вопросу верны лишь отчасти. С главным его наблюдением — заимствование из Паремийника в летописи прослеживается включительно по 1093 г. — можно полностью согласиться. Что же касается его предположения об одном летописце, обращавшемся к Паремийнику, то оно оказалось неверным. К Паремийнику обращались в своей работе по крайней мере два, а может быть, и больше летописцев. Каждому из них присущи индивидуальные приемы работы при цитировании Паремийника.

Первый летописец, работавший до Нестора, цитировал лишь первые предложения из той или иной паремии, при этом незначительный объем цитат не нарушает цельности летописного рассказа,

⁵⁵Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 201.

цитаты вносят дополнительный оценочный штрих со стороны летописца по отношению к тому или иному князю или событию.

Второй летописец, Нестор, работал с Паремийником несколько иначе: все его цитаты являются составной и в какой-то степени неразрывной частью достаточно обширных по объему отступлений, чаще всего богословского содержания, которыми он завершает летописные статьи того или иного года. Для Нестора характерно и определенное пристрастие при выборе цитат из Паремийника: он чаще цитирует Притчи Соломона. Его неравнодушие к притчам в какой-то степени можно проиллюстрировать примером из другого его произведения: в Житии Феодосия Печерского дважды отмечается особая манера Игумена Феодосия излагать свои мысли — «притгъчами».

В первом случае это слово употреблено при описании Нестором ночного обхода Игуменом Феодосием келий монахов (38г14–38г21): «Егда же ли паки кого слышааше беседующа дъва или трие съшедъше ся въкоупе, то же тоу оударивъ своею роукою въ двъри ти тако отхожааше, назнаменаваъ темь свои приходъ, таче въ оутреи день призывавъ я, нъ не тоу абие обличааше ихъ, нъ яко же издалуча притгъчами нагоня глаголааше къ ним...».⁵⁶ Второй раз это слово употреблено Нестором в связи с письмом («епистолией») игумена Феодосия к князю Святославу, где он обличает князя за изгнание старшего брата Изяслава с киевского стола, сравнивая его поступок с поступком Каина и (58в12–58в15) «притгъгами томоу вься, еже о немъ оуказавъ, и тако въписавъ посъла».⁵⁷

Работа летописцев, пользовавшихся Паремийником, четко представлена разными летописями (ВЛ, ЛПС, НІЛМ, ЛЛ–ИЛ).⁵⁸ Конечно, на анализе только чтений из Паремийника преждевременно характеризовать взаимоотношения перечисленных летописных памятников: требуются другие, разнообразные аргументы для такой характеристики. Но весь приведенный материал позволяет уже сейчас взять за основу высказанную в данной статье точку зрения при дальнейшей разработке истории русского летописания XI в.

⁵⁶ Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971. С. 91.

⁵⁷ Там же. С. 121.

⁵⁸ В статье взято за основу положение о том, что Нестор является автором летописного свода конца 70-х годов XI в., представленном в первоначальном виде в НІЛМ и ТвЛ. Более подробно см.: Зиборов В. К. 1) О летописи Нестора. Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995; 2) Нестор и его летописец: Автореф. докт. дис. СПб., 1997.

В заключение хотелось бы отметить следующий факт: в Устюжском летописце, текст которого, по мнению нескольких исследователей, в своей начальной части (в рамках ПВЛ) представляет один из ранних этапов русского летописания XI в., заимствований из Паремийника нет. Перед нами явление того же порядка, что и в случае с НІЛМ, где отсутствуют цитаты из хроники Георгия Амартола. Следовательно, отсутствие чтений из Паремийника может служить весомым аргументом в пользу первичности текста Устюжского летописца по отношению к НІЛМ и ЛЛ-ИП.

А. В. Майоров

«Конституционный проект» Романа Мстиславича в «Истории Российской» В. Н. Татищева

К числу наиболее ярких «татищевских известий» без преувеличения принадлежит так называемый «конституционный проект» галицко-волынского князя Романа Мстиславича, помещенный в «Истории Российской» под 1203 г.

Коротко суть Романова проекта, призванного установить в Русской земле новый «добрый порядок», состоит в следующем.

В очередной раз захватив Киев, Роман Мстиславич обратился к владими́ро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу и другим русским князьям с предложением установить новый порядок наследования киевского стола, который должен был предотвратить угрозу дальнейших княжеских междоусобиц и вражеских нападений извне. Ссылаясь на опыт соседних государств, Роман предлагал избирать киевского великого князя коллегией из шести местных князей, куда входили владимирский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский князья. Согласие между этими старшими князьями Руси в отношении киевского стола и должно было обеспечить внутренний мир и единство перед внешними врагами.

Избранный общим решением киевский великий князь вместе с местными князьями должен был стать судьей, разрешавшим внутренние конфликты. В его обязанности входило также предоставлять военную помощь местным князьям, подвергшимся нападению внешнего врага. Укреплению единства Руси должна была способ-

ствовать и другая мера, предложенная Романом. Местным князьям впредь могли наследовать только их старшие сыновья, младшие же сыновья должны быть в подчинении у своих старших братьев.

Этот проект остался нереализованным. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо и другие князья, к которым обращался Роман, в силу разных причин не поддержали его, отказавшись даже от обсуждения подобной инициативы как неприемлемой в принципе.¹

В целом приведенное известие В. Н. Татищева встречает вполне благосклонное отношение исследователей, воспринимавших его с доверием. Это известие вполне укладывается в общую канву событий политической истории южнорусских земель начала XIII в., связанных с соперничеством киевского князя Рюрика Ростиславича и его зятя, галицко-волынского князя Романа Мстиславича, и кроме того, отражает более верную хронологию этих событий, восходящую к хронологии Воскресенской и Никоновской летописей.

Еще одной важной предпосылкой, определявшей доверие к татищевскому известию о князе Романе, стал не вызывающий сомнений факт тесных контактов этого князя с правителями соседних европейских государств, отразившийся не только в русских, но и в иностранных источниках. Роман предлагал избирать великого князя коллегией местных князей, указав на подобную практику «других добропорядочных государств». Как отмечал еще С. М. Соловьев, «находясь в непрестанных сношениях с пограничными иностранными государствами...», Роман, необходимо подчиняясь влиянию того порядка вещей, который господствовал в ближайших западных странах, мог, по-видимому, явиться проводником этих понятий на Южной Руси...».²

Вполне закономерным представляется историкам и отказ князей поддержать проект Романа не только из опасения усиления этого амбициозного князя, но также и потому, что в своем большинстве русские князья не были готовы к тем радикальным политическим переменам, которые предлагал Роман, — в частности, к введению принципа майората. «В начале XIII в., — отмечал по этому поводу В. О. Ключевский, — наследственность княжений в нисходящей

---

¹ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19–39 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. II–III. М., 1995. С. 169–170.

² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 2 // Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. Кн. I. М., 1988. С. 562.

линии не была ни общим фактом, ни общепризнанным правилом», сама же идея майората, по мысли историка, «была, очевидно, навеяна Роману феодальной Европой».³

Отдельные скептические высказывания по поводу рассматриваемого татищевского известия, как, например, замечание М. С. Грушевского, что проект Романа «принадлежит, конечно, XVIII, а не XIII в.»⁴ не влияли на общий настрой историков. Опираясь на приведенные Татищевым известия, П. П. Толочко делает вывод о наличии у Романа «широкой политической программы», предлагаемой остальным князьям. В основе же содержащегося в «летописи В. Н. Татищева» известия о Романовом проекте, по мнению исследователя, лежит «несомненно (в другой работе — «возможно» — А. М.) древнерусский источник».⁵

Признание известий Татищева о проекте Романа достоверными требовало решения вопроса об их источнике. Вопрос этот поднимался Б. А. Рыбаковым, решавшим его не без некоторых колебаний. В одной из работ историк указывал на устный характер предполагаемого источника,⁶ затем, однако, пришел к заключению, что известие о Романовом проекте восходит к «одной из недошедших до нас летописей, использованной В. Н. Татищевым».⁷

Значительно дальше в этом направлении пошел Н. Ф. Котляр, предположивший, что искомым источником Татищева «была недошедшая до нашего времени начальная часть Галицко-Волынской летописи за первые пять лет XIII в.», в которой «должно было содержаться жизнеописание Романа Мстиславича в качестве галицко-волынского князя».⁸ Подобные доводы удовлетворили большин-

³ Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1 // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 340–341.

⁴ Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі від смерті Ярослава до кінця XIV сторіччя. Київ, 1991. С. 267. Примеч. 4. — Впрочем, это свое утверждение историк ничем не аргументирует.

⁵ Толочко П. П. 1) Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев, 1980. С. 182–183; 2) Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 155; 3) Київська Русь. Київ, 1996. С. 133–134.

⁶ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 153.

⁷ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 495–496.

⁸ Котляр Н. Ф. 1) Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 119–121; 2) Данило Галицкий. Біографічний нарис. Київ, 2002. С. 50–52.

ство новейших исследователей, использующих известие Татищева о Романе как исторический факт.⁹

«Остроумным предположением» называет гипотезу Н. Ф. Котляра и А. П. Толочко. Это предположение «отыскивало *едиственно* возможное место для Романового проекта в домонгольском летописании». ¹⁰ «Отыскивало», но как следует из дальнейших выводов историка, так и не отыскало.

Выводы самого А. П. Толочко по поводу рассматриваемого известия отличаются, пожалуй, максимальной степенью скепсиса. Это, впрочем, касается большинства оригинальных известий Татищева и его предполагаемых источников. Подход украинского исследователя трудно назвать даже критическим — его, скорее, можно было бы оценить как нигилистический, ведущий к полному неприятию всего содержащегося в «Истории Российской» фактического материала, не имеющего прямых параллелей в аутентичных древнерусских источниках.

В истории Романового проекта А. П. Толочко подвергает сомнению прежде всего обстоятельства выдвигания, а также предлагаемый Романом способ обсуждения и принятия программы «доброго порядка» как несоответствующие реалиям древнерусской эпохи.

Странно, считает Толочко, что историки не замечали, насколько анахронична вся, так сказать, технология обсуждения проекта, предложенная Романом. Галицкий князь в «Истории» Та-

---

⁹ Кралюк П. М. 1) Идея политического объединения Руси: «Слово о полку Игореве» и проект государственного устройства Романа Волынского // «Слово о полку Игореве» и мировоззрение его эпохи. Киев, 1990; 2) Західні орієнтири Романа Мстиславовича // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-ліття з дня народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 35; Головки О. Б. 1) На чолі об'єднаного князівства: загадкові та маловідомі сторінки біографії князя Романа Мстиславовича // Галицько-Волинська держава: Передумови виникнення, історія, культура, традиції. Львів, 1993. С. 94; 2) Князь Роман Мстиславич та його доба. Київ, 2001. С. 166–171; 3) Князь Роман Мстиславович // ВИ. 2002. № 12. С. 67; Кучинко М. М. Нариси стародавньої і середньовічної історії Волині (від палеоліту до середини XIV ст.). Луцьк, 1994. С. 174; Терещенко Ю. І. Україна і європейський світ: Нарис історії від утворення Старокиївської держави до кінця XVI ст. Київ, 1996. С. 163; Яценко Б. І. Розвиток державного устрою України-Русі наприкінці XII ст. (Проект Романа Мстиславовича і Слово о полку Игоревім) // Український історичний журнал. 1997. № 3. С. 119–133; Войтович Л. Роман Мстиславович і утворення Галицько-Волинського князівства // Галичина та Волинь у добу середньовіччя. До 800-ліття з народження Данила Галицького. Львів, 2001. С. 24–25.

¹⁰ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 292. Примеч. 9.

тищева поступает как бюрократ XVIII столетия. Так должен был действовать председательствующий в какой-нибудь коллегии: сначала узкий круг сотрудников разрабатывает проект, затем проект циркулярно рассылается заинтересованным лицам для ознакомления и присылки письменных поправок и предложений, затем созывается формальное заседание, которое — после должного обсуждения всех поступивших замечаний — должно принять окончательный и обязательный для всех текст документа.

Иначе говоря, способ обсуждения предложений Романа ориентирован на административную культуру, совершенно отличающуюся от средневековой и предполагающую не только весьма развитую традицию работы с письменными документами (проект, поправки, сведение их в окончательный текст), но и столь же развитую бюрократическую иерархию, умеющую передавать такого рода документы с одного уровня компетенции на другой. Выходит, что Роман, делает вывод историк, подразумевает европейскую модель полицейского государства XVIII века, естественную для Татищева, полжизни проведенного за составлением проектов и меморандумов, но совершенно немыслимую для XII века¹¹.

Приведенные рассуждения оставляют читателя в некотором недоумении. О каких бюрократических процедурах, ориентированных на развитую чиновную иерархию и административную культуру полицейского государства, вообще может идти речь при рассмотрении проекта Романа? Проводимая А. П. Толочко аналогия между действиями галицкого князя и председательствующего в коллегии XVIII в. лишена исторического основания: ведь в отличие от коллежского чиновника древнерусский князь обращается не к своим подчиненным — советникам или ассессорам, а к другим князьям — суверенным правителям, равным ему в политическом и юридическом отношении.

В данном случае вообще нет признаков какого-либо участия чиновной бюрократии в разработке и согласовании проекта, будто бы передающей его с одного уровня компетенции на другой. Предлагаемый Романом проект рассматривается и отвергается непосредственно князьями. Перед нами факт не бюрократических, а дипломатических отношений. И если рассматривать обстоятельства выдвижения проекта Романа в данном контексте, то этот случай

¹¹ Там же. С. 293.

едва ли будет чем-нибудь отличаться от обычной для своего времени практики.

Подозрения А. П. Толочко вызывает представленный в татищевском известии факт предварительного согласования инициативы Романа с Всеволодом Юрьевичем и другими князьями, от которых зависело будущее решение. Но именно так и принято было поступать среди русских князей, когда кто-то из них искал поддержки других в задуманном им масштабном политическом предприятии, имевшем общерусское значение, — будь то улаживание внутривнутриполитических противоречий или осуществление похода против общего внешнего врага. Приведем лишь несколько наиболее очевидных и известных примеров.

Узнав о совершенном по вине киевского князя Святополка Изяславича преступлении, подрывающем новый порядок политических отношений на Руси, установленный решением Любечского съезда князей, Владимир Мономах договаривается с Давыдом и Олегом Святославичами идти на Киев против Святополка. Инициатором здесь выступает Мономах, предварительно представивший свой план Святославичам, обсудившим его между собой и согласившимся с ним. Только после этого Мономах и Святославичи собираются вместе под Киевом и доводят согласованное решение до сведения Святополка и других князей. Окончательное решение принимается в процессе дальнейших переговоров.¹²

Ту же процедуру предварительного согласования в узком кругу важного для всей Руси политического решения наблюдаем в действиях Святополка и Мономаха при организации общерусского похода против половцев в 1103 г. Святополк и Мономах сперва обсуждают этот проект между собой и со своими дружинами, собравшись на Долобском озере. Затем согласованное решение доводится до сведения остальных князей, большинство которых принимают его, а некоторые, как Олег Святославич, отклоняют.¹³ Таким же образом осуществляется подготовка похода 1111 г.¹⁴

В 1168 г. отец Романа Мстислав Изяславич, став киевским князем, выдвигает свой общерусский проект борьбы с половцами. Технология его обсуждения и принятия та же, что и в рассмотренных выше случаях, а также в случае «конституционного проекта» Романа: свою инициативу киевский князь сначала обсуждает с братьями

¹² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 111–113.

¹³ Там же. С. 117–118.

¹⁴ Там же. С. 122.

и приближенными, а затем доводит до остальных князей, получив поддержку большинства из них. Летописец сохранил текст обращения Мстислава к русским князьям:

«Братье! Пожалте си о Руской земли и о своеи отцине и дедине, оже несуть (половцы. — А. М.) хрестьяны на всяко лето оу веже свои, а с нами роту взимаюче всегда переступаюче. А оуже оу нас и Гречьский путь изъотимають, и Солоньи, и Залозныйи. А лепо ны было, братье, възряче на Божию помочь и на молитву святое Богородици, поискати отецъ своихъ и дедъ своихъ пути и своеи чести».¹⁵

Ознакомившись с этим посланием, князья большинства земель Южной Руси собираются в Киеве, чтобы принять участие в совместном походе.¹⁶

В отличие от своих предшественников Роман предложил политическую программу, выходящую за рамки решения традиционных вопросов защиты Русской земли от внешних врагов, более напоминающую положения Любечского съезда князей или завещания Ярослава Мудрого, устанавливающие порядок княжеских отношений, рассчитанный на определенную историческую перспективу. Но именно в конце XII в. осложнившаяся политическая обстановка на Руси требовала подобных решений, способных привести к установлению более прочного политического порядка, стабилизировать внутрисполитическое положение, обострившееся в виду непрекращающегося соперничества князей из-за Киева.

В литературе мало обращалось внимания на то, что всего за несколько лет до Романового проекта, в 90-х годах XII в. несколькими русскими князьями были инициированы другие реформаторские проекты, также направленные на изменение системы политической власти, и прежде всего — порядка наследования киевского стола. В сравнении с проектом Романа эти предложения, хотя и менее проработанные в деталях, были не менее радикальными по своему политическому содержанию.

Так, в 1195 г. Рюрик Ростиславич и Всеволод Юрьевич попытались установить новый порядок наследования власти в Киеве, исключавший из числа претендентов на киевский стол черниговских Ольговичей. В летописи читаем:

«Тое же осени сослався Рюрикъ со Всеволодомъ, сватомъ сво-

¹⁵ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 538.

¹⁶Там же. Стб. 538–539.

имъ, и с братомъ своимъ Давыдомъ, послаша моужи своя ко Яро-
славоу и ко всимъ Ольговичемъ, рекше емоу: «Целоуи к намъ
крестъ со всею своею братьею како вы не искати отчины на-
шея, Кыева и Смоленська, под нами, и под нашими детми, и
подо всимъ нашимъ Володимеримъ племенемъ, како насъ розде-
лилилъ дедъ нашъ Ярославъ — по Дънепръ. А Кыевъ вы не на-
добе». ¹⁷

Комментируя требования Рюрика и Всеволода к Ольговичам, исследователи отмечают, что эти требования вели к установле-
нию на Руси нового политического порядка, не имевшего ни-
каких прецедентов в прошлом. При этом ссылка на раздел зе-
мель по Днепру, якобы произведенный Ярославом Мудрым, по
мнению М. С. Грушевского, — довод надуманный и несправедли-
вый: «... такого завещания Ярослава относительно Киева не могло
быть... и требование отречения, после того как на киевском столе
сидело последовательно трое князей из дома Святослава, являлось
просто вызовом». ¹⁸

«В записи 1195 г., — пишет Н. Ф. Котляр, — явно видна попытка
изменить историческую память — выдать Ольговичей за потомков
умершего бездетным Мстислава. Перед нами — сознательное и це-
ленаправленное искажение родовой памяти, манипулирование ею
в политических целях — в межклановой борьбе за Киев и власть в
Русской земле». ¹⁹

Ольговичи были возмущены таким предложением и в сво-
их дальнейших переговорах со Всеволодом Юрьевичем заявили:
«... мы есмы не Оугре, ни Ляхове, но единого деда есмы вноуци».
Самое большее, на что готовы были пойти Ольговичи, — дать согла-
сие «не искать» Киева при жизни Всеволода и Рюрика, а потом —
«кому Бог даст». ²⁰ В итоге инициированный Мономаховичами про-
ект так и не был реализован.

Стоит отметить еще одну важную для нас подробность. В обра-
щении Ольговичей к Всеволоду Юрьевичу видна как будто встреч-
ная инициатива, также направленная на политическое изменение

¹⁷ Там же. Стб. 688.

¹⁸ Грушевський М. С. Нарис історії Київської землі... С. 258. См. также:
Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории.
Киевская Русь. М., 1993. С. 111–112.

¹⁹ Котляр Н. Ф. «Отчина» Ярославичей (Родовая память в летописи) // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001. М., 2003. С. 119.

²⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689.

сложившейся системы княжеской власти и установление особого статуса киевского стола. Ольговичи говорят Всеволоду: «Ажь ны еси вмениль Киевъ, тоже ны его блюсти подъ тобою и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ, то в томъ стоимъ». ²¹

Тем самым черниговские князья выражают свою готовность признать право владими́ро-суздальского князя быть верховным распорядителем киевского стола. В словах Ольговичей, как замечает Н. Ф. Котляр, «отражение системы коллективного сюзеренитета Ярославичей над Русью и рече́пция права Всеволода надзирать над Киевом». ²² Если система «коллективного сюзеренитета» — явление, сложившееся задолго до описываемого события, то признание за владими́ро-суздальским князем особых полномочий в отношении киевского стола могло иметь место (исключая краткий период правления Андрея Боголюбского после 1169 г.) лишь в правление Всеволода Большое Гнездо, который достиг вершины могущества в последнее десятилетие XII в.

Упомянутая Н. Ф. Котляром система «коллективного сюзеренитета» Ярославичей над Русью — также весьма показательный пример для нашего исследования. Концепция «коллективного сюзеренитета», объясняющая особенности государственной организации Руси в период политической раздробленности XII–XIII вв., в общих чертах была сформулирована В. Т. Пашуто. Основная ее идея состоит в следующем: «все князья, отвечающие за судьбы уцелевшей под властью Киева “Русской земли”, требовали себе в ней “причастия”, т. е. доли земель и доходов, а свои права и обязанности определяли на общерусских снемах». ²³ Выводы В. Т. Пашуто получили широкое признание исследователей. ²⁴

²¹ Там же.

²² Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 258.

²³ Пашуто В. Т. Черты политического строя древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 74; см. также: Пашуто В. Т. Историческое значение периода феодальной раздробленности на Руси // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974. С. 11.

²⁴ См.: Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 154–162; Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X — начала XIII вв. // ИЗ. Т. 89. М., 1972. С. 364–365; Толочко П. П. Киев и Киевская земля в период феодальной раздробленности. . . ; Горский А. А. 1) Русские земли в XIII–XIV веках: Пути политического развития. М., 1996. С. 7, 20–22; 2) Русь: От славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 146; Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси VI — начала XIII вв. СПб., 2003. С. 586.

Важный вклад в становление концепции «коллективного сюзеренитета» внес и Н. Ф. Котляр. Он обосновал тезис, что следы подобной политической практики в общественном сознании второй половины XII в. отразились в «Слове о полку Игореве». ²⁵

Подобно «конституционному проекту» Романа Мстиславича, система «коллективного сюзеренитета» явилась ответом князей на изменение политического положения Руси, которое было вызвано обострением борьбы за Киев конкурирующих княжеских группировок и ростом внешней угрозы со стороны половцев. Важно также отметить, что при введении в действие этой системы используется тот же механизм согласования, который проявляется и в поступках Романа. Сначала киевский князь обсуждает будущее решение в узком кругу, договариваясь со своим возможным соправителем в Русской земле, получает от него согласие признать за собой «старейшинство» и принимать участие в защите земли от внешних врагов. Затем это предварительное решение выносится на утверждение других князей, созываемых на съезд. ²⁶

Проект Романа унаследовал от практики «коллективного сюзеренитета» еще одну черту. В середине — второй половине XII в. борьбу за Киев вели объединенные коалиции, состоявшие из князей нескольких земель. По наблюдениям В. Т. Пашуто, «наиболее влиятельными стали две коалиции: Суздаль—Галич и Волынь—Смоленск». ²⁷ Основой для возникновения таких коалиций являлось ничто иное, как взаимное признание всеми их членами одного из князей в качестве политического лидера всей коалиции, иначе говоря, избрание из своей среды «старейшего» князя, занимавшего киевский великокняжеский стол или по меньшей мере имевшего обязательное «причастие» в «Русской земле».

Важно отметить, что в конце XII в. обнаружилась тенденция к расширению состава княжеских коалиций, осуществлявших совместное управление «Русской землей». В уже сложившиеся княжеские группировки были вовлечены черниговские Ольговичи, ранее державшиеся особняком. Об этом узнаем из приведенного выше летописного известия, передающего ответ Ольговичей Всево-

²⁵ Котляр М. Ф. 1) Давня Русь та її доба у «Слові о полку Ігоревім» // Український історичний журнал. 1985. № 11. С. 60–67; 2) Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 365–368. — Возражения см.: Толочко А. П. Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 54–66.

²⁶ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 356–357.

²⁷ Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 74–75.

лоду Юрьевичу (1195 г.): «Ажь ны еси вмениль Киевъ, тоже ны его блюсти подь тобою и подь сватомъ твоимъ Рюрикомъ...».²⁸

По верному наблюдению Н. Ф. Котляра, «упоминание Киевской летописи о том, что Всеволод поручил блюсти Киев также и Ольговичам, отражает систему коллективного сюзеренитета сильнейших князей над Русью, открытую В. Т. Пашуто».²⁹ Вместе с тем поручение Всеволода определенно свидетельствует о стремлении расширить состав участников правящей коалиции, осуществлявшей «коллективный сюзеренитет».

Примечательно, что среди главных участников борьбы за Киев в XII в. можно видеть князей тех же земель, которые составляют коллегия выборщиков киевского великого князя в проекте Романа. Как отмечает В. Т. Пашуто, в борьбе за киевский стол наиболее заметную роль играли владими́ро-суздальские, галицкие, волынские, смоленские и черниговские князья.³⁰ К князьям, имевшим «часть» в «Русской земле» и потому обязанным ее защищать, в первую очередь обращается автор «Слова о полку Игореве» с призывом выступить против половцев — к владими́ро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, киевскому князю Рюрику Ростиславичу, смоленскому князю Давыду Ростиславичу, галицкому князю Ярославу Владимировичу, волынскому князю Роману Мстиславичу.³¹ В проекте же Романа право выбирать киевского князя получают владими́ро-суздальский, черниговский, галицкий, смоленский, полоцкий и рязанский князья.³²

Князья-участники борьбы за Киев во второй половине XII в.
(по В. Т. Пашуто)

владими́ро-суздальские
галицкие
волынские
смоленские
черниговские

Князья-защитники Русской земли, упомянутые в «Слове о полку Игореве»

владими́ро-суздальский
киевский
смоленский
галицкий
волынский

Князья-участники коллегии выборщиков киевского великого князя
(по проекту Романа Мстиславича)

владими́ро-суздальский
черниговский
галицкий
смоленский
полоцкий
рязанский

²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 689.

²⁹ Котляр Н. Ф. «Отчина» Ярославичей... С. 115.

³⁰ Пашуто В. Т. Черты политического строя... С. 74–75.

³¹ См.: Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 366–367.

³² Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19–39. С. 169–170.

Как видим, приведенные списки, хотя и совпадают по большинству позиций, все же не образуют между собой полного тождества. Главное различие состоит в появлении в перечне коллегии выборщиков киевского князя, полоцкого и рязанского князей, ранее не игравших заметной роли в политических судьбах Южной Руси.

Казалось бы, это различие должно было стать дополнительным аргументом против проекта Романа как не отражающего объективного состояния политических отношений и расстановки сил на Руси на рубеже XII–XIII вв. Но воспользоваться этим поводом не удастся даже самым решительным критикам В. Н. Татищева, поскольку вносимые проектом Романа политические нововведения при ближайшем их рассмотрении обнаруживают признаки исторической достоверности.

Так, анализируя предлагаемый Романом состав коллегии выборщиков, А. П. Толочко, хотя и отвергает данное татищевское известие в целом, тем не менее вынужден признать: «Надо отдать должное Татищеву: ему удалось довольно точно идентифицировать те земли — суздальскую, черниговскую, галицкую, смоленскую, полоцкую и рязанскую, на которые “раздробит” Русь и будущая академическая наука». Иначе говоря, приведенное Татищевым известие по своему содержанию совпадает с выводами ученых о территориально-политическом делении Руси. «Сегодня такое деление, — продолжает исследователь, — канонизировано бесчисленными историческими картами “Русь в период раздробленности”, где разными цветами изображены “суздальская”, “галицкая”, “черниговская” и т. д. земли».³³

Если следовать логике А. П. Толочко, то получается, что академическая наука занималась дроблением Руси, основываясь главным образом на неправдивых известиях Татищева, и составляемые ею исторические карты на деле являются ничем иным, как картами к «Истории Российской». Если же все-таки признать, что главным источником нашей исторической науки были и остаются аутентичные памятники Древней Руси, и прежде всего — древнерусские летописи, то получится, что в данном отношении современная наука полностью подтверждает историческую достоверность уникального известия о Романовом проекте, использованного Татищевым.

На наш взгляд, включение Романом в состав «старейших» князей, получающих право избрания киевского великого князя, смо-

³³ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 294.

ленского и рязанского князей отражает упомянутую выше тенденцию к расширению межкняжеских коалиций, осуществляющих коллективное управление и защиту «Русской земли». Такая тенденция, явственно обозначившаяся, как мы видели, в конце XII в., объективно была подготовлена и укладывается в общее направление эволюции политического строя Руси в предшествующий период.

Показательно, что в предложениях Романа находит место тот самый, отмечаемый новейшими исследователями порядок наделения киевским князем своего соправителя «частью» в «Русской земле», который был одним из характерных признаков системы «коллективного сюзеренитета»:

«Когда тако князь великий на киевский престол избран будет, должен старшего сына своего оставить на уделе своем, а младших наделить от онаго ж или в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало».³⁴

Правда, в предложениях Романа этот порядок претерпевает существенное ограничение: соправителем киевского князя теперь мог стать только кто-то из его младших сыновей. Но сам институт «причастия», безусловно, является наследием политической практики предшествующего периода, что еще раз доказывает связь Романового проекта с реалиями древнерусской эпохи.

Следует обратить внимание на содержащееся в проекте определение пределов «Русской земли», в которых надлежало получить свою «часть» соправителю киевского князя. Эта малоприметная деталь, на наш взгляд, является важным доказательством подлинности представленного Татищевым документа: великий князь должен был предоставить своему сыну удел «в Руской земли от Горыня и за Днепр».

Указанные Романом границы совпадают с данными современной науки относительно размеров территории «Русской земли» в XII–XIII вв.: на западе она как раз достигала верхнего течения Горыни и Западного Буга.³⁵ Что же касается восточных границ, то четкого представления о них в рассматриваемый период уже не существовало. Исторически «Русская земля» включала значительную часть Днепровского Левобережья с Черниговом и Переяслав-

³⁴ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 2. Главы 19–39. С. 170.

³⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 64; Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992 — 1993. М., 1995. С. 96.

лем. Но после того, как эти города стали независимыми от Киева политическими центрами, их включение в состав «Русской земли» утратило политический смысл и могло быть лишь своего рода данью исторической памяти.

Как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, географическое понятие «Русская земля» несводимо к его реальному политическому содержанию, сложившемуся в XII в.: «... возводить географическое понятие XII в. “Русская земля” к какому-либо политическому единству этого времени никак нельзя. Это единство для эпохи Юрия Долгорукого и Святослава Всеволодовича — лишь далекая историческая традиция».³⁶ Н. Ф. Котляр уточняет, что по летописным данным указанные перемены происходят начиная примерно с 40-х годов XII в., когда территория Днепровского Левобережья — Черниговская и Переяславская земли — исключаются из состава южной Русской земли; понятие «Русская земля» в узком значении подразумевает с этого времени только территорию Киевщины.³⁷

Поэтому четко определяя границу «Русской земли» на западе, Роман ограничивается лишь расплывчатым обозначением ее направления на востоке: «... за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало».

Примечательно, что сам Татищев как историк, исследовавший территориальный состав и границы древней «Русской земли» в узком значении этого понятия, называемой им также «Малой Русью», устанавливал совсем иные координаты, нежели те, что звучат в предложениях Романа. Если ее западная граница у Татищева также проходила по реке Горынь, то на востоке «Русская земля» простиралась «по вершину Донца и Оки».³⁸

Об установленных современной наукой различиях в содержании понятия «Русская земля», характерных для XII в., Татищев, разумеется, не знал.³⁹ Если допустить, что он сам был автором Романового проекта, то придется признать, что при его составлении историк неизбежно должен был воспользоваться собственными представлениями о границах «Русской земли»,

³⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 65.

³⁷ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 400–405.

³⁸ Татищев В. Н. История Российская. Ч. 1 // Татищев В. Н. Собрание сочинений: В 8 т. Т. I. М., 1994. С. 354.

³⁹ Как показывает историографический анализ В. А. Кучкина, такие представления постепенно сформировались только в XIX–XX вв. (Кучкин В. А. «Русская земля»... С. 96).

которые, как видим, не совпадают с представлениями Романа.

Отвергая проект Романа как подделку, созданную самим Татищевым, А. П. Толочко обнаруживает среди его, так сказать, «родовых пятен» и такое: рожденный в середине XVIII в., проект будто бы «ориентирован на административную культуру, совершенно отличающуюся от средневековой». Новейший исследователь открывает в проекте Романа «весьма развитую традицию работы с письменными документами (проект, поправки, сведение их в окончательный текст)». ⁴⁰

Сразу скажем, что в приведенной характеристике содержатся явные искажения реального содержания татищевского известия, которые, по замыслу А. П. Толочко, вероятно, и должны были создать ощущение «административной культуры», открытой им в действиях древнерусского князя. Никаких поправок, а тем более сведения их воедино и выработку окончательного текста проект Романа, разумеется, не предусматривал. Все это, как и рассуждения о «развитой бюрократической иерархии», стоящей будто бы за разработкой и выдвиганием проекта и умеющей «передавать такого рода документы с одного уровня компетенции на другой», — лишь предположения, основанные на слишком вольных и субъективных интерпретациях.

Если же обратиться к объективным историческим данным, то в дипломатической практике Древней Руси, особенно в период XII—XIII вв., мы действительно можем констатировать «развитую традицию работы с письменными документами», которая, разумеется, не имеет ничего общего ни с «административной культурой», ни тем более с «бюрократической иерархией» нового времени.

Изучая историю дипломатических отношений, и прежде всего — факты посольских обменов и переговоров между князьями Древней Руси, большинство современных историков и филологов приходят к вполне однозначному выводу: князья обменивались письменными посланиями, звучащими на страницах летописей как прямая речь. Документы княжеской дипломатической переписки были доступны придворным летописцам, пользовавшимся княжескими архивами, дословно или в пересказе включавшим содержание дипломатических посланий, как и некоторых других княжеских грамот, в текст летописи. ⁴¹

⁴⁰ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 293.

⁴¹ См.: Рыбаков Б. А. 1) Древняя Русь. С. 316—336; 2) Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 146; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней

Ю. В. Кривошеев

Татары и Шелонская битва 1471 года

Татары — выходцы из Золотой Орды стали появляться на службе русских князей в XIV в.¹ Начиная с середины XV в. они привлекаются московскими князьями в военных походах против Новгорода.²

Битва на реке Шелони стала заключительным аккордом летней военной кампании, последовавшей вследствие обострения политических отношений между Москвой и Новгородом в 1470–1471 гг. По новгородской земле московское войско двигалось тремя колоннами: северная — в направлении Мсты, центральная — на Яжелбицы

Руси. С. 40–41, 156–157, 163–164, 169–170, 171–177, 180–181, 184, 242, 253, 260; Юрасовский А. В. Грамоты XI — середины XIV в. в составе русских летописей // История СССР. 1982. № 4. С. 141–150; Франчук В. Ю. 1) Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986. С. 109–154; 2) Пряма мова в Галицько-Волинському літописі // А сє эго сребро. Зб. праць на пошану чл.-кор. НАН України М. Ф. Котляра з нагоди його 70-річчя. Київ, 2002. С. 165–170; Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. С. 6–7, 291–297; Купчинський О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII — першої половини XIV століть. Дослідження. Тексти. Львів, 2004. С. 207–228.

¹Подробнее см.: Павлов П. Н. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси // Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та. Т. 9. Вып. 1. Красноярск, 1957. С. 166; Беляков А. В. Служилые татары XV–XVI вв. // Битва на Воже — предтеча возрождения средневековой Руси. Рязань, 2004. С. 81.

²«В середине и второй половине XV века отряды служилых царевичей участвовали во многих военных предприятиях московского правительства внутри страны», — обобщая ситуацию в целом, отмечает П. Н. Павлов. Исследователь перечисляет эти походы и подчеркивает, что «отряды служилых татар были постоянным конным войском, готовым в любой момент выступить в поход». Но вместе с тем «московское правительство с успехом использовало отряды служилых татар как вспомогательную военную силу» (Павлов П. Н. Татарские отряды на русской службе в период завершения объединения Руси. С. 173, 175, 177).

Участвовали ли татары в Шелонском сражении? Об этом говорит один из вариантов окончания Новгородской четвертой летописи: «И начаша ся бити, и погнаша Новгородци Москвичь за Шолону реку, и оударашася на Новгородцев западнаа (засадная. — Ю. К.) рать Татарове, и паде Новгородцев много, а инии побегоша, а иных поимаша, а иных в полонъ поведоша, и много зла учиниша; а все то створися до великого князя». ¹³ Это сообщение у некоторых историков вызывает сомнения. ¹⁴

По Ю. Г. Алексееву, дело обстояло так: «Разбросанные течением, выходили московские всадники на левый берег, отделенный от реки широкой полосой песка. С копьями и сулицами бросились на них новгородцы. По их словам, им даже удалось отогнать москвичей за Шелонь, но тут на них якобы ударили из засады татары. Это маловероятно». ¹⁵

Подкрепляя свой скепсис аргументацией, он далее пишет: «Новгородский летописец любил все неудачи сваливать на татар. Об их участии в Шелонской битве не говорят ни московские, ни псковские источники. Известно, что вассальный “царевич” Данияр шел в правой колонне со Стригой Оболенским, а не в левой с князем Холмским. ¹⁶ Да и сами условия боя на Шелони, как они описываются всеми источниками, исключают возможность действия засадного полка, равно как и обратный переход через Шелонь москвичей, преследуемых новгородцами». И далее ученый кратко приводит свое видение этого боя. ¹⁷ Думается, топографическая и визуальная корректировка сражения позволяет подойти к его ходу несколько иначе.

Для этого представляется немаловажным решение вопроса, где произошла переправа московских полков через Шелонь и одна из крупнейших битв русского средневековья. В летописях не указывается их точного места. Однако из них можно уяснить, что это случилось до Сольцов и Мусцов. Во второй половине XIX — нача-

---

Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. С. 73–90.

¹³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 446–447.

¹⁴ Может быть и потому, что, как пишет, обобщая ситуацию, А. В. Беляков, их «использование на поле боя за редким исключением не рассматривалось» (*Беляков А. В.* Служилые татары XV–XVI вв. С. 81).

¹⁵ *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим»... С. 74.

¹⁶ Согласно приведенным выше летописным сообщениям, Данияр оставался в войске Ивана III.

¹⁷ *Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим»... С. 74. См. также: *Борисов Н. С.* Иван III. С. 240–241.

ле XX века попытку установить место боя предприняли археологи Н. Е. Бравденбург и Н. М. Печенкин.¹⁸ Были найдены лишь единичные предметы военного снаряжения, впрочем, далеко не всегда относящиеся к XV веку. Тем не менее после их археологических исследований была очерчена территория поиска: таким ареалом стала прибрежная деревня Велебицы и ее окрестности.

Наибольший же вклад в определение поля битвы внес профессор Императорской Николаевской военной академии А. К. Баиов, в 1915 г. выпустивший в Петрограде книгу «Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича и Шелонская битва в 1471 году 14 июля». А. К. Баиов с присущей военным людям тщательностью и точностью определил все топографические ориентиры передвижения войск и самой битвы. Ему удалось сузить территорию сражения до юго-западной окраины деревни Велебицы и протекающего несколько далее Тополева ручья, бывшей речки Дрянь (Дряно). По его мнению, эпицентром событий 14 июля стало место будущей (и существующей сейчас) деревни Скирино, находящейся на несколько приподнятом, относительно низкого берега, плато напротив переправы через Шелонь.¹⁹

Как могли развиваться события 14 июля 1471 года? Попытаемся реконструировать их.

Двигаясь по правому берегу, московское воинство видело, что места были явно неподходящими для переправы: то река слишком широка, то мешали острова, в изобилии лежавшие посреди Шелони, то болотистым выглядел этот берег, а крутым и недоступным — противный. Но вот неожиданно идущее параллельно по противоположному берегу большое новгородское войско²⁰ стало все дальше и дальше отдаляться от берега, а то и вовсе пропадать из поля зрения московских воевод. Как оказалось впоследствии, так отклонялась дорога, шедшая по плато левого берега. Но в пылу преследования москвичам показалось, что новгородцы вот-вот могут вообще уйти от сражения с ними, а там ... столкнуться с более слабыми псковичами, что грозило потерей союзника. Последнее явно не входило в планы держащего тесные связи с Псковом Ивана III, а следовательно, и его военачальников.

---

¹⁸См.: Баиов А. К. Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича... С. 67–81.

¹⁹Там же. С. 28–38.

²⁰Вопрос о численности новгородцев является дискуссионным. Считается, что количество в сорок тысяч, приводимое в летописях, завышено.

Посмотрев на противоположный берег, от которого отходил противник, Холмский мог увидеть заросшее кустарником устье какого-то притока Шелони — то ли реки, то ли большого ручья. Если продолжить движение далее, то потом пришлось бы форсировать еще и эту новую водную преграду. И тут князь обнаружил лежащее прямо перед ним огромное открытое пространство: невысокий берег, по которому шли его отряды, спокойное течение реки без препятствий, а самое важное — далеко, до версты, пологий (с заливными лугами) противоположный берег, заканчивавшийся небольшим по высоте песчаным всхолмлением.

Началась переправа. Молнией понеслась на врагов-соотечественников, словно не видевшая их превосходства, заждавшаяся московская конница. Налетела — и атака захлебнулась... Некоторые летописи действительно сообщают даже о том, что москвичам (вероятно, части их) первоначально пришлось уйти за Шелонь. Впрочем, если это и было, то лишь — эпизодом.

Вскоре же, не выдержав натиска, новгородские ополченцы побежали, увидев скачущую из засады конницу, состоявшую из мещерских татар.²¹

Переходили или не переходили какие-то московские отряды р. Дряно (Дрянъ), находящуюся выше основного места переправы? Возможно, основная часть переправилась до ее устья, а некоторые группы вынуждены были совершить еще одну переправу, что и отмечено Псковской летописью (Строевский список): «И не дошедше Моустца и Солци, и вергошася москвичи с берега в реку Дрянъ, и прегнавше Дрянъ реку, и ударшася на них, и победиша их...».²²

Для ряда ученых участие в Шелонской битве татар — непреложный факт. А. К. Байов пишет, что переправившийся московский отряд своей стрельбой дал «возможность выиграть время для выполнения обхода татарами». И далее: «После непродолжительного сопротивления новгородцы стали отступать. В это время в тылу их появились татары, обошедшие их правый фланг. Появление татар в тылу, в связи с энергичным натиском москвичей с фронта, произвело столь сильное впечатление на новгородцев, что у них на-

²¹ Татар «и использовали (наряду с другими ситуациями. — Ю. К.) в основном для фланговых обходных маневров» (Беляков А. В. Служилые татары XV–XVI вв. С. 86).

²² ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. Псковские летописи. М., 2000. С. 182.

чалась паника, и все их войско бросилось бежать по направлению к Новгороду». ²³

По Г. В. Вернадскому, «новгородцам удалось оттеснить московские войска назад через реку Шелонь, но в этом месте им подготовили засаду татары Данияра, и их постигло тяжелое поражение». ²⁴

«По знаку Холмского из засады на поле высыпал отряд татар», — заметил Н. С. Борисов. ²⁵

Важнейшее сообщение в этой связи приведено в Типографской и Софийской летописях, где упоминается, что в сентябре, уже находясь в Москве, Иван III «чтив царевича Данияра и отдаривъ, отпусти его в Мещеру, убиша бо у него новгородци 40 татаринов в загоне». ²⁶ Понятно, что Данияр здесь награждается как «верховный» военачальник всех татарских отрядов, принимавших участие в операции. Другого же «загона», т. е. засады, кроме как на Шелони—Дряно, во всей кампании 1471 г. не было. Более того, видимо, в глазах великого князя татары внесли серьезный вклад в общую победу. Вполне возможно, татары и были теми, кто переправился через Шелонь после речки Дряно и таким образом, волею обстоятельств, сыгравшими роль засадного полка, во многом решившего исход битвы.

---

²³ Баиов А. К. Шелонская операция царя Иоанна III Васильевича... С. 41, 42.

²⁴ Вернадский Г. В. Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 62.

²⁵ Борисов Н. С. Иван III. С. 241.

²⁶ ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. М., 2000. С. 191; Там же. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. Стб. 175.

А. Л. Корзинин

О датировке писцовых книг Новгородской земли конца XV века

Писцовые книги Новгородской земли конца XV века являются древнейшими материалами, которые сохранились от периода русского средневековья. До нас дошли подлинники писцовых книг по Деревской и Водской пятинам, а также отрывки из подлинников книг Шелонской, Обонежской и Бежецкой пятин Великого Новгорода конца XV века.

Эти источники уже давно введены в научный оборот — с момента их публикации Археографической комиссией в 1851–1910 гг.¹ На основе анализа данных писцовых книг до революции вышли работы по истории Новгородской земли К. А. Неволина,² А. М. Андрияшева,³ А. М. Гневушева⁴ и др. Последним были изданы также некоторые писцовые книги по Водской пятине первой половины XVI века.⁵

Проблема датировки писцовых книг Новгородской земли конца XV в. в дореволюционной историографии специально не рассматривалась. Как правило, исследователи отталкивались от датировки, предложенной издателями писцовых книг из Археографической комиссии, атрибутировавшими книги Водской, Деревской, Шелонской пятин на основании следующих признаков.

1. Время составления, указанное в заголовке некоторых писцовых книг (в названии первой части книги Водской пятины записано: «Книга Вотская пятины письма Дмитрея Китаева и подъячего Н. Г. Моклокова лета 7008»; а в отрывке писцовой книги Шелонской пятины упоминается о «письме Матвея Валуева лета 7006»).

2. Время перехода определенных земель на льготу, а также указания в поздних документах конца XVI–XVII вв. о проведении описания (писцовая книга Деревской пятины письма Прокофия Зиновьевича Скурата и Петра Борисовича Волка оказалась датирована 7004 г.). Ряд писцовых книг был датирован неточно. К примеру, отрывок писцовых книг дворцовых земель начала XV века

---

¹ НПК. Т. III. СПб., 1868. (Писцовая книга Водской пятины конца XV в. Первая половина книги); ВОИДР. Т. XI. М., 1851; Т. XII. М., 1852. (Писцовая книга Водской пятины конца XV в. Вторая половина книги); НПК. Т. I. СПб., 1859; Т. II. СПб., 1862 (Писцовая книга Деревской пятины конца XV в.); НПК. Т. IV. СПб., 1886; Т. V. СПб., 1905. (Писцовые книги Шелонской пятины конца XV — XVI вв.); НПК. Т. VI. СПб., 1910. (Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в.). — Подробнее об изданиях писцовых книг Новгородской земли конца XV в. см.: Баранов К. В. Предисловие // Писцовые книги Новгородской земли. Т. I. М., 1999. С. 12–21.

² Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке // Записки Русского географического общества. СПб., 1853. Т. VIII.

³ Андрияшев А. М. Материалы для исторической географии Новгородской земли. М., 1913–1914. Ч. 1–2.

⁴ Гневушев А. М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения к Москве. Киев, 1915.

⁵ Отрывок писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. / Под ред. А. М. Гневушева. Киев, 1909; Писцовая книга Водской пятины 1540 г. / Под ред. А. М. Гневушева. Новгород, 1917.

его издатель А. М. Гневушев датировал 1504–1505 гг., несмотря на то, что в заголовке отрывка указано о раздаче дворцовых земель в поместья лета 7010–7011 (т. е. в 1501–1503 гг.). Писцовая книга Бежецкой пятины была датирована 1501 годом, временем присылки книги из Москвы в Новгород («лета 7009 февраля в десятый день»)⁶.

В советской исторической науке работа с писцовыми книгами Новгородской земли конца XV в. была продолжена. В 1930 г. были изданы писцовые книги Обонежской земли, подготовленные к изданию еще в 1917 г. А. М. Андрияшевым.⁷ Книга Обонежской пятины конца XV века письма Юрия Константиновича Сабурова сохранилась в отрывках. Она была датирована издателем 7004 г. (1495/96). В. И. Корецким была уточнена (на основании ссылок в документе времени правления царя Федора Иоанновича) дата составления писцовой книги Бежецкой пятины — 7007 г. (1498/99).⁸

В конце 60-х — первой половине 70-х гг. XX в. коллективом ленинградских ученых под руководством А. Л. Шапиро на основе изучения писцовых книг Новгородской земли конца XV века, а также целого комплекса неизданных писцовых книг по Новгороду XVI в. было выполнено двухтомное фундаментальное исследование об эволюции землевладения в Новгородской земле с конца XV века до 70–80-х гг. XVI в.⁹

Проблема датировки древнейших из сохранившихся писцовых книг ленинградскими учеными отдельно не рассматривалась. Их интересовало в первую очередь время проведения второго описания Новгородской земли — так называемое «новое письмо». В целом ученые присоединились к хронологии, предложенной еще до революционными историками, расширив ее сведениями о передаче земель на льготу.

Таким образом, писцовое описание Водской пятины было датировано 1498–1500 гг. (в связи со сведениями о льготах за 7006–7007 гг., встречающимися в тексте подлинника писцовой книги),

⁶ НПК. Т. VI. С. 6.

⁷ Материалы по истории Карельской АССР. Вып. 1. Писцовые книги Обонежской пятины. Л., 1930.

⁸ Корецкий В. И. О земельных владениях Адашевых в XVI веке // Исторический архив. 1962. № 6. С. 123.

⁹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI века. Л., 1971; Аграрная история Северо-Запада России XVI века / Под ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.

Деревской пятины — 1495–1500 гг. (в связи с пометами о раздаче некоторых оброчных земель в поместья летом 7007–7008 гг.).¹⁰ Перепись Шелонской пятины была датирована периодом 1498–1504 гг. в связи с представлением об описании дворцовых земель еще в конце 1503 года. Эта точка зрения оказалась основана на поздней вставке в одном из списков книги Шелонской пятины, сделанной под 7011 г. и существенно нарушавшей структуру основного текста.

В последнее время по инициативе К. В. Баранова продолжено издание писцовых книг Новгородской земли конца XV–XVI вв. В первом томе были опубликованы отрывки писцовых книг новгородских пятин конца XV в. К настоящему моменту вышло уже 5 томов, охватывающих всю первую половину XVI века. С середины 90-х гг. XX в. в исторической науке наметился новый интерес к изучению Новгородской земли. К документам Шелонской пятины обратился в своем исследовании Л. А. Бассалыго,¹¹ к истории Водской пятины — А. А. Селин,¹² Деревской пятины — А. А. Фролов.¹³ Возникла потребность в более точной датировке древнейших писцовых книг, а также в более подробном изучении методов работы писцов, проводивших описание пятин. Данные аспекты в новейшей литературе на примере Деревской пятины нашли реализацию в исследованиях А. А. Фролова.¹⁴

А. А. Фролов сформулировал качественно иной взгляд на составление писцовой книги Деревской пятины, впервые предложив четко отделять период проведения описания пятины («нового письма») от времени составления самой книги. По мнению исследователя, существовали выполненные писцами черновики описания пятины, которые были положены составителями в основу писцовой книги. На основании приписок, сведений о льготах А. А. Фролов датировал перепись Деревской пятины 7004–7005 гг. (осенью 1495 —

---

¹⁰ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI века. С. 15.

¹¹ Бассалыго Л. А. Комментарий к писцовым книгам Шелонской пятины // Колмогоров А. Н. Новгородское землевладение XV века. М., 1994.

¹² Селин А. А. Историческая география Новгородской земли в XVI — XVIII вв. Новгородский и Ладужский уезды Водской пятины. СПб., 2003.

¹³ Фролов А. А. Территориально-административная система XIV–XV вв. на землях Деревской пятины Новгородской земли: Автореф. канд. дис. М., 2001.

¹⁴ Фролов А. А. Актуальные вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины 7004 // Писцовые книги Деревской земли / Сост. К. В. Баранов. М., 2004. С. 686–692.

осенью 1496 г.), а составление писцовой книги — 7006–7007 г. (осенью 1498 — концом 1499 г.).

Кроме этого, ученый, вслед за К. В. Барановым, заметил в тексте писцовой книги указание на целый фонд конфискованных у владыки и монастырей земель, ставших оброчными, но по какой-то причине бездоходных (не были записаны размеры оброков). Исследователь выдвинул версию об их конфискации в январе 7007 г. (1499) — во время составления писцовой книги Деревской пятины.¹⁵ Также А. А. Фролов сделал ряд интересных наблюдений о включении писцами, а не составителями книги в текст льготных грамот, о маршрутах движения писцов по пятине, в целом, по мнению историка, совпадавших с оглавлением писцовой книги Деревской пятины.¹⁶ В настоящее время А. А. Фролов плодотворно продолжает изучение писцовых книг Деревской пятины Новгорода, реконструируя черновой пласт документов (первоначальный порядок описания писцами погоста, первоначальные записи писцов и пр.).¹⁷

Я полагаю, что точка зрения А. А. Фролова о принципах построения писцовой книги Деревской пятины конца XV в. близка к действительности, а метод, предложенный им (об отделении писцового описания от времени составления писцовой книги) следует дополнить и применить к анализу других писцовых книг Новгородской земли конца XV в.

В начале исследования необходимо высказать ряд наблюдений, дополняющих взгляды А. А. Фролова о времени описания и составления книги Деревской пятины конца XV в. Проведение почерковой экспертизы показало наличие в тексте писцовой книги различных по времени хронологических пластов, относящихся, во-первых, к периоду проведения переписи пятины П. З. Скуратом и П. В. Борисовым; во-вторых, ко времени составления писцовой книги; в-третьих, к периоду внесения в уже написанный набело текст поздних приписок, находящихся за пределами основной структуры текста. Чуть позже я покажу, что даже внутри этих «хронологи-

¹⁵ Там же. С. 692–696.

¹⁶ Там же. С. 690.

¹⁷ Фролов А. А. Методы работы писцов в Деревской пятине Новгородской земли в конце XV в. и проблема реконструкции писцовых черновых записей // Тезисы докладов XIV Всероссийской конференции «Писцовые книги и другие историко-географические источники XVI–XX вв., посвященной 70-летию Исторического факультета СПбГУ. СПб., 2004. С. 78–81.

ческих блоков» можно выделить другие «хронологические подпласты».

Следует согласиться с мнением А. А. Фролова о времени передачи некоторых оброчных земель на льготу, примерно совпадающем с описанием пятины писцами и в дальнейшем учтенном составителями книги, поскольку все упомянутые льготы истекали не ранее Рождества Христова лета 7007 г. (1498/99).¹⁸ Однако кажется маловероятным, чтобы сами писцы включили их в текст черновиков. Пристальное наблюдение над текстом писцовых книг Деревской и Водской пятин позволяет высказать предположение, что передача оброчных земель на льготу следовала за описанием земель писцами, поскольку выдача льготных грамот предшествовала данным о размере нового оброка («по новому письму»).

По всей вероятности, и переоброчивание (определение размеров новых платежей с земель) производилось писцами не в «поле», а в специальном учреждении на основе черновых записей о состоянии дел (количестве дворов, людей, обеж и пр.) на данный момент времени и сопоставления их с данными о величине доходов великого князя по книгам «старого письма» (первого описания писцами Новгорода после его присоединения к Москве). Трудно представить, чтобы писцы, фиксируя состояние новгородских земель на момент описания, одновременно с этим раздавали бы некоторые земли на льготы и определяли новый размер оброка. Вероятно, должно было пройти некоторое время после описания земель в погостах и их переоброчиванием на основе данных «нового письма».

Можно согласиться с А. А. Фроловым, что помещенный на листе 96 в описании Локоцкого погоста фрагмент о разделе бывшего поместья Гаврилы Михайловича Пушкина между его сыновьями («Лета 7007. Гаврилковским поместьем князь великий пожаловал Михайловых детей Пушкина») был добавлен к материалам переписи уже составителями писцовой книги, поскольку основное писцовое описание поместья характеризует его состояние еще до раздела между сыновьями, а почерк автора этой приписки полностью совпадает с почерком автора всего описания бывшего поместья Г. М. Пушкина.¹⁹ Однако сведения, помещенные под тем же 7007 годом на листе 118 об. о владельце другого поместья (фраза «И Суморока не стало. Князь великий те деревни дал ключнику

¹⁸ Фролов А. А. Актуальные вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины 7004 г. С. 688–689.

¹⁹ РГАДА. Ф. 137. Новгород. Оп. 1. № 1. Ч. 2. Л. 96.

Олеше Петелину лета 7000 семого»), как показывает почерковый анализ, были внесены в основной текст позже его написания и рукой другого человека (не составителя).²⁰

Обращает на себя внимание, что приписки о передаче земель новым владельцам Мещериным «лета 7007 г.» на листах 649 об. и 695 об. выполнены тем же почерком, что и основной текст, а приписки под тем же 7007 г. на листах 2 и 178 — другим почерком, отличающимся от основного текста. Точно так же и приписки под «летом 7008 г.» о передаче земель новым владельцам (Корецким, Кропоткиным и пр.), встречающиеся на листах 194, 195 об., 198 об., 226 об., явно нарушают основной текст и сделаны позже составления писцовой книги. Следовательно, писцовая книга Деревской пятины, вероятно, была оформлена в первой половине 7007 г. (поскольку некоторые сведения под этим годом были внесены в текст книги позже ее составления), т. е. в осень 1498 — зимой 1499 г.

А. А. Фролов отметил, что книги Деревской пятины зафиксировали факт утраты князьями Патрикеевыми новгородских земель вследствие опалы в начале 1499 г.²¹ Действительно, на л. 585 об. напротив волости Березовец на озере Селигере в писцовой книге стоит хорошо заметная приписка, сделанная более темными чернилами и другим почерком (который прослеживается в дальнейшем с середины и до конца описания волости Березовец): «что была за князем за Иваном».²² При чтении подлинника создается впечатление, что в первоначальном варианте после обозначения волости Березовец «на Селигере озере» было оставлено свободное место, куда другой составитель книги внес затем фразу: «что была за князем за Иваном». Вероятно, писцовую книгу писали после января 7007 г. (1499 г.), в тот момент, когда И. Ю. Патрикеев только что лишился новгородских земель, и писец-сводчик должен был уточнить данный факт, оставив на некоторое время в тексте свободное место.

Любопытно, что сведения о льготах, выданных по результатам переписи Деревской пятины, относятся к периоду 7004–7005 гг. (к осени 1495 — осени 1496/1497 гг.), а окончательное составление писцовой книги — к первой половине 7007 г. Куда же выпал 7006 год (1497/98)? Видимо, в это время в канцелярии шла работа над подборкой материала по составлению писцовой книги Деревской пя-

²⁰ Там же. Ч. 1. Л. 118 об.

²¹ Фролов А. А. Актуальные вопросы источниковедения писцовой книги Деревской пятины 7004 г. С. 687–688.

²² РГАДА. Ф. 137. Новгород. Оп. 1. № 1. Ч. 1. Л. 585 об.

тины — по привлечению сведений о размерах новых платежей с земель, фиксации льготных грамот, сопоставлению данных «старого» и «нового письма».

Теперь перейдем к анализу сведений писцовой книги Водской пятины конца XV века. В заглавии «книги письма Дмитрия Китаева» стоит дата 7008 год.²³ Неясно, 7008 год — это время описания пятины Д. Китаевым или составления книги? Из первой части книги Водской пятины видно, что выдача льготных грамот на оброчные земли относится к июню—августу 7006 г. (1498),²⁴ 7006 г. (1497/98),²⁵ сентябрю 7007 г. (1498),²⁶ 7007 г. (1498/99).²⁷ Из текста писцовой книги видно, что сведения о льготах предшествуют указаниям о размерах новых оброков и совпадают с данными «нового письма».

Следовательно, описание Д. Китаевым первой половины Водской пятины (вероятно, совпадавшей с расположением погостов в самой книге) проходило в период с 7006 по 7007 гг. (с осени 1497 по осень 1498/99 гг.). Только в одном случае в первой части описания Водской пятины встречается льготная грамота, выданная 30 мая 7008 г. (1500) в Григорьевском Кречневском погосте на мох Вежицкий.²⁸ Однако эта льгота могла быть выдана позже описания Д. Китаевым земель к моменту начала составления писцовой книги. Факт проведения писцового описания первой половины Водской пятины в 7007 г. подтверждается списком дворцовых земель 1501–1503 гг., в котором в описании Копорского уезда стоит абзац: «Деревня Костковичи... А на Олферьевские три обжи... дана льгота на год лета 7007, того дея, что погорели после Дмитриева письма Китаева».²⁹ Следовательно, к 7007 г. описание Копорского уезда писцом Д. Китаевым уже было завершено.

Во второй части писцовой книги Водской пятины выдача льгот на оброчные земли относится к июню—августу 7008 г. (1500), 7008 г. (1499/1500).³⁰ Часть льгот под 7008 годом, судя по почеркам, были вписаны в основной текст самим составителем, а часть — другим человеком, и позже написания основного текста книги. Например,

²³ НПК. Т. III. С. I–III.

²⁴ Там же. С. 15, 730, 799.

²⁵ Там же. С. 190; ВОИДР. Т. XII. С. 133.

²⁶ НПК. Т. III. С. 645.

²⁷ Там же. С. 486.

²⁸ Там же. С. 6.

²⁹ Отрывок писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. С. 8.

³⁰ ВОИДР. Т. XI. С. 118, 144, 201, 345; Т. XII. С. 9, 79–80, 152, 157.

в одном случае записи о «пограблении земель» немцами в июне 7008 г. (июне 1500) и передаче этих земель на льготу, встречающиеся на листах 601–605 об., несомненно, можно считать (на основании анализа почерков) поздними вставками в основной текст, а в другом, на листах 578–578 об. — записями самого составителя основного текста книги.³¹ Это говорит о том, что на протяжении 7008 г. (1500) текст писцовой книги находился в процессе составления: часть одних и тех же дополнительных сведений под этим годом оказалась внесена в основной текст, часть была сделана позже.

На мой взгляд, следует четко разграничить время описания пятины писцами и время выдачи льготных грамот. Возможно, их разделял небольшой срок (примерно один — два месяца), но при датировке книги это имеет существенное значение. Данные о льготных грамотах, как видно из текста писцовой книги, предшествовали сведениям об оброках по «новому письму». Следовательно, выдача льготных грамот в Водской пятине производилась на основе сведений черновики описаний погостов писца Д. Китаева и предшествовала установлению размеров новых платежей с земель, поскольку в размеры новых оброков уже оказались включены льготные грамоты. На основании анализа формуляров описаний различных категорий земель в Водской пятине (оброчных, помещичьих, своеземческих, монастырских) можно предположить следующую последовательность событий.

1. Описание земель писцом; в процессе описания, вероятно, были зафиксированы современные переписи данных о количестве людей, дворов, беж, доходов, почивков (новых поселений), пустошей (запустевших после «старого письма» деревень).

2. Передача некоторых оброчных (великокняжеских земель) на льготу; можно предположить, что выдача льготных грамот производилась на основе собранных писцом новых сведений представителем великокняжеской администрации — наместником, дьяками.

3. Установление размеров новых платежей — налогов; по всей видимости, это было выполнено не «в поле», а в канцелярии на основе черновики Д. Китаева и с учетом выданных льготных грамот (в случаях выдачи льгот оброк должен был идти после срока истечения грамот).

Эти предположения можно подтвердить следующими наблюдениями. Встречающиеся во второй части писцовой книги Водской

---

³¹РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 3. Ч. 2.

пятины данные о передаче некоторых пограничных земель на льготу после «пограбления немцами» лета 7008 года 20 июня (1500 г.), а также льготные грамоты под 22–23, 27 июнем,³² 20, 25–26 июлем,³³ 14 августом 7008 г.,³⁴ очевидно, появились после окончания переписи погостов, так сказать, «по свежим следам», поскольку первоначальные сведения чернового пласта документа (смотри выше п. 1 реконструируемой последовательности событий) заметно отличаются от свидетельств о дальнейшем изменении положения некоторых земель (смотри выше пп. 2–3). Другими словами, сведения о передаче земель на льготу или оброк следуют чаще всего только после данных о величине дворов, людей, обеж по «новому письму» и после подведения общих итогов «нового письма».

Например, в погосте Никольском-Ижорском Ладожского уезда в конце описания оброчных деревень стоит абзац: «Великого князя мхи оброчные... даны на оброк Якову Юрьеву Орехнову лета 7008 августа в 14 день... дати ему тот оброк впервые лета 7009 на Рождество Христово. А наперед сего с тех мхов оброк не шел». Значит, в период описания Д. Китаев мог зафиксировать факт отсутствия платежа (оброка) с мхов, затем 14 августа 7008 г. (1500) на них была выдана грамота о передаче на оброк, после которой мхи получили статус «оброчных», что и было зафиксировано составителем писцовой книги после середины августа 1500 г.

В погосте Городенском среди владений своеземцев стояла деревня Ильмиа над озером Ильмием, о которой сказано: «Сожжена от Немец, а в ней жили сами Данилко да Родивонко Тереховы... пять луков, две сохи без трети. И лета 7008 дана им льгота на три годы июля в 25 день».³⁵ Согласно формуляру писцовой книги Водской пятины, после описания земель своеземцев в тексте всегда стоят сведения «нового письма» о людях, дворах, размере земель. В вышеприведенном случае эта информация подверглась деформации путем внесения фразы о сожжении деревни Ильмиа немцами (вероятно, 20 июня 7008 г.) и передачей ее на льготу 25 июля 7008 (1500 г.). Таким образом, первоначальный пласт документа (черновики Д. Китаева, сообщавшие о Даниле и Родионе Тереховых, живших в той деревне, и их доходах на тот момент — «пять луков, две сохи без трети») с «легкой руки» составителя писцовой книги

³²ВОИДР. Т. XII. С. 80, 124; Т. XI. С. 144.

³³ВОИДР. Т. XII. С. 157, 159, 137, 30, 9.

³⁴ВОИДР. Т. XI. С. 345.

³⁵ВОИДР. Т. XII. С. 29–30.

оказался как бы зажатым между двумя хронологически более поздними вставками (о сожжении их деревни немцами и последовавшей за этим выдачей на нее льготной грамоты).

В пользу того, что льготы были даны после описания пятины, говорит и отсутствие строгой хронологической последовательности в их выдаче (что можно было ожидать в случаях синхронных с описанием пожалований льгот). Если проследить по реконструируемой карте Новгородской земли конца XV в. последовательность перечисления погостов в книге Водской пятины, то можно с большой долей вероятности предположить соответствие в их расположении с путем следования по пятине писцовой комиссии во главе с Д. Китаевым. Кстати сказать, хронологический разрыв выдачи льготных грамот в первой половине писцовой книги (7006–7007 гг.) и во второй половине книги (7008 г.) следует объяснить хронологическим разрывом описания всей пятины Д. В. Китаевым, который, возможно, в 7006–7007 гг. описал вначале погосты Новгородского уезда (включая погосты Введенский, Дудоровский, Никольский-Ижорский, Никольский-Ярвосольский, Михайловский-на-Пороге, Никольский с Городища, переданные летом 7009 г. к гг. Ладоге и Орешку), Копорский и Ямской уезды, а затем в 7008 г. — Ладожский, Ореховский и отдаленный Корельский уезды.

Таким образом, перепись писцом Дмитрием Васильевичем Китаевым обширной Водской пятины производилась в период с 7006 до мая — июня 7008 гг. (с осени 1497 г. до мая — июня 1500 г.).

Следовательно, работа по составлению писцовой книги Водской пятины должна была проходить не раньше середины сентября 7008 г. (когда была выдана последняя упоминаемая в книге льготная грамота).

Что касается вопроса о принципах, положенных в основу составления самого документа, то, по всей видимости, писцы-составители брали за основу писцовой книги Водской пятины данные «нового письма» Д. Китаева о числе дворов, людей, обож, сравнивали их с аналогичными данными, но — «старого письма» (по имевшимся в их распоряжении старым писцовым книгам), фиксировали различия между ними, затем вносили сведения о выданных в период «нового письма» льготных грамотах, размерах платежей новых налогов, иногда добавляли изменения в статусе некоторых земель, произошедшие после описания Д. Китаева (например, о передаче оброчных земель в поместья Мышецким, о пограблении приграничных земель немцами и пр.).

Все вышеперечисленные сведения вошли как бы в «болванку» писцовой книги Водской пятины, составление которой следует отнести примерно к осени 7009 г. (осени 1500).

«Летом 7009 г. (вероятно, поздней осенью 1500 г. — зимой 1501 г. — А. К.) почти готовая «болванка» писцовой книги была на-бело переписана после небольшой переделки: погосты Дудоровский, Ижорский, Ярвосольский и другие были переданы из Новгородского уезда под юрисдикцию Ладожского и Ореховского уездов, поэтому из первой части писцовой книги их переписали во вторую часть писцовой книги.³⁶ В том же 7009 году появилась вставка к черновику о передаче оброчной волостки князьям Мышецким, выполненная рукой составителя основного текста писцовой книги.³⁷

Таким образом, на мой взгляд, составленная осенью 7009 г. (1500) «болванка» писцовой книги Водской пятины оказалась окончательно оформлена в «беловую» книгу Водской пятины примерно зимой — весной 7009 г. (1501).

На основе текстов писцовых книг Деревской и Водской пятин видно, что у писцов-составителей был план написания книги. По каждому погосту в их распоряжении находился краткий перечень всех держателей земель. При создании книги Деревской пятины составители старались за каждым упоминаемым впервые помещиком указать все находящиеся за ним земли в других погостах пятины, а в книге Водской пятины в конце описания владений приведена краткая ссылка на наличие земель за данным лицом в других погостах без подробных сведений о людях, дворах и обжах.

Теперь перейдем к изучению писцовых книг Шелонской пятины конца XV века, сохранившихся в виде отрывков из подлинника конца XV в.³⁸ и в списках более позднего времени.³⁹ Последовательность в расположении погостов в подлиннике писцовой книги Шелонской пятины и в поздних списках книги, скорее всего, отражала путь следования писцовой комиссии во главе с Матвеем Ивановичем Валуевым. В заглавии одного из отрывков книги Шелонской пятины записи Матвея Валуева датированы 7006 г. Однако в том же отрывке на листе 9 в конце описания великокняжеских земель, бывших ранее за Татьяной Александровой в Заверяжье, сказано: «великого князя деревни пустые Ивашковская Исакова да Демеш-

³⁶ Там же. С. 91, 286.

³⁷ ВОИДР. Т. XI. С. 55; РГАДА. Ф. 137. № 3. Ч. 2. Л. 88, 96.

³⁸ НПК. Т. IV.

³⁹ НПК. Т. V.

кинская Иванова... , а в письме были 2 обжи; и те обе деревни даны в оброк Тимохе Кузмину, на Ионкине ему двор поставить... А лгота ему дана на 5 лет... а дати ему тот оброк впервые лета 7013.

Митрохинские Сорвирогова. Деревня Десятцкое, пуста. Деревня Василково пуста... И те деревни и пожня даны в оброк Ивашку Павлову сыну Кривцову. А дати ему того оброку впервые на Рождество Христово лета 7009». ⁴⁰

Таким образом, в тексте книги оказалась упомянута льготная грамота, данная в 7008 году, а срок платежа оброка указан впервые с начала 7009 г. (с сентября 1500 г.). Из документа видно, что запустение деревень было зафиксировано «новым письмом» М. И. Валугева (из контекста ясно, что вообще под «письмом» подразумевались данные только «старого письма»). Следствием запустения стал перевод деревень на льготу, возможно, последовавший вслед за новым писцовым описанием.

Л. А. Бассалыго считает, что вышеприведенных сведений о льготе не было в подлиннике, также как и фразы «Отданы Третьяку Безскупникову» на листах 16, 17. ⁴¹ Однако отрывки из писцовой книги Шелонской пятины конца XV в., опубликованные в IV томе Новгородских писцовых книг, очень близки к подлинникам. Во-первых, филигранны — «голова быка с перевитой змеей на кресте», встречающиеся на бумаге отрывков книги Шелонской пятины, относятся к концу XV — самому началу XVI в. и почти совпадают по форме и очертаниям с однотипными филигранями подлинников писцовых книг Водской и Деревской пятин. Во-вторых, сам формуляр книги, содержащий описание оброчных земель (где встречается льготная грамота под 7008 г.), совпадает с подлинником (по аналогии с книгами по Деревской и Водской пятинам): вначале указано состояние дел по «новому письму» (т. е. запустение деревень), затем приведены данные «старого письма», после чего определен срок выдачи льготной грамоты и, наконец, время начала платежа будущего оброка. Что касается фразы «Отданы Безскупникову», то она, очевидно, является вставкой, но не к оригинальному списку Матвея Валугева, а к черновикам переписи, дополненным изменениями, современными моменту составления писцовой книги, — о передаче некоторых категорий земель новым вла-

⁴⁰РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 2; НПК. Т. IV. 4.

⁴¹РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 2-а; См. также: Бассалыго Л. А. Комментарий к писцовым книгам Шелонской пятины. С. 90.

дельцам (в их числе Бескунникову). Фраза «Отданы Безкунникову» выполнена той же рукой, что и основной текст отрывка.⁴²

Что касается поздних списков писцовой книги Шелонской пятины, то, на мой взгляд, они сохранили те же сведения, что и сам подлинник, включая данные о льготах, совпадающие, исходя из контекста, с данными «нового письма». Сведения о льготных грамотах в книге Шелонской пятины попадают в период 7006–7008 гг. (с осени 1497 — по осень 1499 гг.).

Тщательное изучение и сопоставление указаний на льготы всех опубликованных списков и книг Шелонской пятины конца XV в. (в IV и V томах НПК) показывает, однако, что большинство льгот относится не только к 7006 году,⁴³ но к 7008 году.⁴⁴ 7009 год упомянут во всех списках Шелонской пятины как год окончания льгот и начала платежа оброка в будущем времени («впервые на Рождество Христово лета 7009»⁴⁵), поэтому 7009 г. (1500/1501) не следует считать современным описанием земель в пятине.

В одном из поздних списков писцовой книги в описании Щирского погоста сохранилась следующая фраза: «деревня Зачеренье пуста, а были в ней полчетверты обжы, а запустела после Матфеева письма Валуева».⁴⁶ Вероятно, эта фраза свидетельствует лишь об этапах работы над писцовой книгой, поскольку в данном случае мы имеем дело со списком. В других списках писцовой книги Шелонской пятины конца XV в. встречаются указания на «книги», под которыми подразумевались писцовые книги «старого письма», иногда сравнивавшиеся с «Матфеевым списком», т. е. вероятно, с черновиками переписи.⁴⁷

Кроме этого, до нас дошло свидетельство в заглавии позднего списка книги Шелонской пятины: «Книги дворцовые Шелонской пятины письма Валуева лета 7007 году тех волостей, которые приписал к Дворцу ново».⁴⁸ Следовательно, в 7007 г. М. Валуев продолжал полевые работы в Шелонской пятине, описывая дворцовые земли. Ряд сведений списков писцовой книги говорят в пользу того, что к 7009 г. описание Шелонской пятины уже было завершено.

⁴²РГАДА. Ф. 137. Новгород. № 2-а. Л. 16–17.

⁴³НПК. Т. V. С. 24, 353, 422.

⁴⁴НПК. Т. IV. С. 4; Т. IV. С. 13, 296–297, 300.

⁴⁵НПК. Т. IV. С. 4; Т. V. С. 24, 26, 32 — 33, 39, 43, 56, 304, 353.

⁴⁶НПК. Т. V. С. 102.

⁴⁷НПК. Т. V. С. 58, 135.

⁴⁸Там же. С. 422.

Во-первых, сохранились «Списки с книг Шелонския пятины письма Матфея Ивановича Валуева 7009 года».⁴⁹ Во-вторых, в списке 1524 г. в конце описания Ужинского погоста есть указание: «Тот погост после письма погорел, и люди с него разошлись, и князь велики их пожаловал, того оброку и напоместничих пошлин имати не велел 2 году, а дати оброк лета 7011».⁵⁰ Несомненно, под «письмом» в данном случае имелось в виду «письмо М. Валуева», после которого в 7009 г. погост погорел.

Таким образом, перепись Шелонской пятины М. Валуевым следует датировать 7006–7008 гг. (осенью 1497 — осенью 1499 гг.), а составление писцовой книги, возможно, второй половиной 7008 г. (1500).

Однако, авторы Аграрной истории атрибутировали в целом перепись Шелонской пятины 1498–1504 годами, полагая, что описание дворцовых земель шло еще в конце 1503 года.⁵¹ В своей аргументации они ссылались на указание составителя писцовой книги. Следует привести его ниже в том контексте, из которого оно было взято: «Да в той же волости в Паозерье великого князя сады сведеных бояр и что были монастырские...

Лета 7011 года отданы Хлоповы Ивановские Дмитриева пожни. Да в той же волости в Паозерье великого князя пожни Ивановские Дмитриева Росщепи Варвары: пожни под большим двором на Малой Веряжке, пожня на Березне у мосту, пожня на Дубне у Камени...».⁵²

При чтении этого отрывка создается впечатление, что фраза «Лета 7011 года отданы Хлоповы Ивановские Дмитриева пожни» является вставкой, внесенной в основной текст после его составления, поскольку по смыслу изложения эта фраза должна была быть более логично вплетена в текст и следовать после описания «пожен Ивановские Дмитриева Росщепи Варвары», но никак не предшествовать ему. Эта фраза нарушает структуру первоначального текста, поэтому датировка описания дворцовых земель по поздней вставке представляется неверной.

Единственная дата проведения переписи Бежецкой пятины сохранилась в позднем документе конца XVI в. времени правления

⁴⁹ Там же. С. 290.

⁵⁰ Там же. С. 356.

⁵¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV — начало XVI века. С. 15.

⁵² НПК. Т. V. С. 296.

царя Федора — 7007 год (1498/1499 гг.).⁵³ Земляной список с писцовой книги Бежецкой пятины (представляющий из себя платежный документ), по мнению Д. Я. Самоквасова и К. В. Баранова, по времени составления близок к подлиннику писцовой книги (относится к концу XV в.).⁵⁴

Трудность состоит в том, чтобы определить, какие сведения из подлинника писцовой книги оказались занесены в список, какие появились позже. Отдельно необходимо коснуться вопроса о датировке самого Земляного списка. Список был составлен до конца 1501 г., поскольку о кн. А. В. Оболенском, погибшем в конце 1501 года, в списке сказано, как о живом владельце земель. Список зафиксировал факты утраты князьями Патрикеевыми и С. И. Ряполовским новгородских земель (вследствие опалы в январе 1499 г.), которые в списке оказались в разряде оброчных земель и даже были переданы на льготу.⁵⁵ Следовательно, Земляной список был составлен в период после января 1499 г. до ноября-декабря 1501 г. (даты смерти А. В. Оболенского).

В списке есть единственное упоминание о льготной грамоте, данной на 5 лет в 7005 году: «Деревни Григорьевские Морушкина в Радуници в Михайловском погосте, пол сохи. А оброк на те деревни не положен, дана им льгота на 5 лет лета 7005-го».⁵⁶ Это сведение говорит в пользу того, что перепись Бежецкой пятины производилась уже с 7005 г. (1496/97), поскольку данные об оброке по «новому письму» в тексте оказались заменены льготой (одна из целей «нового письма» как раз и состояла в раскладке новых налогов).

Следовательно, перепись Бежецкой пятины В. Г. Наумовым была проведена примерно в 7005–7007 гг. (осенью 1496 — осенью 1498/99 гг.).

Известно, что подлинники писцовой книги дворцовых волостей Бежецкой пятины были присланы из Москвы в Новгород к дворецкому И. М. Волынскому 10 февраля 7009 г. (10 февраля 1501 г.),⁵⁷ т. е. к тому моменту писцовая книга уже была написана.

Если считать, что сведения об утрате князьями Патрикеевыми и

⁵³ Корецкий В. И. О земельных владениях Адашевых... С. 123.

⁵⁴ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Т. I. М. 1905. С. 225; Писцовые книги Новгородской земли / Сост. Баранов К. В. Т. I. М., 1999. С. 220–239.

⁵⁵ Писцовые книги Новгородской земли. Т. I. С. 227, 223–224.

⁵⁶ Там же. С. 223.

⁵⁷ НПК. Т. VI. С. 1, 2.

Ряполовским своих новгородских владений попали в Земляной список из подлинника писцовой книги Бежецкой пятины, можно предположить время составления писцовой книги после января 1499 г., во второй половине 7007–7008 гг. (1499–1500 гг.).

Что касается подлинника писцовой книги Обонежской пятины конца XV века, то он дошел до нас в отрывках, на основании которых трудно выяснить, когда была проведена перепись, а когда составлена писцовая книга (нет сведений ни об одной льготной грамоте). Единственная дата «письма Юрия Сабурова» — 7004 г. (1495/96 гг.) содержится в поздней выписи XVII века.⁵⁸

Следует подвести итог изучения времени проведения писцами переписи новгородских пятин и датировки писцовых книг.

1. Перепись Деревской пятины — 7004–7005 гг. (осень 1495 — осень 1496/97 гг.); составление писцовой книги — первая половина 7007 г. (осень 1498 — зима 1499 гг.).

2. Перепись Обонежской пятины — 7004 (1495/96 гг.).

3. Перепись Бежецкой пятины — 7005–7007 гг. (осень 1496 — осень 1498/99 гг.); составление писцовой книги — вторая половина 7007–7008 гг. (1499–1500 гг.).

4. Перепись Водской пятины — 7006 — лето 7008 гг. (осень 1497 — май — июнь 1500 гг.); составление писцовой книги — первая половина 7009 г. (зима — весна 1501 г.).

5. Перепись Шелонской пятины — 7006–7008 гг. (осень 1497 — осень 1499 гг.); составление писцовой книги — вторая половина 7008 г. (весна — лето 1500 г.).

В конце исследования необходимо высказать несколько наблюдений о составе филигранных на бумаге подлинников писцовых книг Деревской, Водской пятин и отрывков подлинников Шелонской, Обонежской пятин. По всей видимости, составление писцовых книг Новгородской земли производилось в одной канцелярии (вероятно, в Москве). Это подтверждается большим сходством филигранных («голова быка с перевитой на кресте змеей» — «*tete de boeuf*»), встречающихся на бумаге подлинников писцовых книг, а также составом самой бумаги. В особенности близки между собой водяные знаки на бумаге подлинников писцовых книг Водской и Деревской пятин.

Филигрань «голова быка с перевитой змеей на кресте» на бумаге

⁵⁸ Материалы по истории Карельской АССР. Вып. 1. Писцовые книги Обонежской пятины. Л. 1930. С. II.

писцовой книги Водской пятины сходна с № 3727 (1496 г.) и № 1365 (1508 г.) альбома Н. П. Лихачева, с № 194 (1492–1496 гг.) и № 207 (1490–1493 гг.) альбома Пикара и № 15375 (1492 г.) альбома Брике.

Однотипная филигрань «Голова быка с перевитой змеей на кресте» в писцовой книге Деревской пятины сходна с № 194 (1492–1496 гг.) альбома Пикара и № 2675 (1490–1510 гг.) альбома Н. П. Лихачева. Таким образом, филигрань «голова быка» встречается в европейских рукописях 90-х гг. XV в. — начала XVI века. Кроме того, на бумаге писцовой книги Водской пятины встречается филигрань «Весы», почти тождественная № 460 (1501 г.) альбома Пикара, сходная с № 3735 (1497 г.) альбома Н. П. Лихачева. Складывается впечатление, что при написании писцовых книг Деревской и Водской пятин был использован один и тот же запас (за исключением редких листов с филигранью «Весы») европейской бумаги конца XV века.

Издатели отрывков подлинников писцовой книги Обонежской пятины отмечают, что на бумаге подлинника также встречаются филигранные «Бычья голова с большим крестом между рогами, вокруг которого обвилась змея», напоминающие № 1163, 1164 (1478 г.) альбома Н. П. Лихачева.⁵⁹ Следовательно, и писцовые книги Обонежской пятины, так же как и Водской, Деревской, Шелонской пятин, могли быть написаны на бумаге одного состава, примерно в одно время.

---

⁵⁹ Материалы по истории Карельской АССР. Вып. 1. Писцовые книги Обонежской пятины. Л. 1930. С. II.

Ю. А. Алексеев

Поход 1489 г. на Вятку

Поход на Вятку, не говоря уже о его политическом значении, — феномен, представляющий интерес в военно-историческом отношении.

Основными источниками о походе 1489 г. являются летописи и разрядные записи. Официальная Московская летопись приводит краткое сообщение «лета 6997... июня в 11 день, послал князь великий Иван Васильевич всея Руси рать свою на Вятку за их неисправление, князя Данила Васильевича да Григория Васильевича Морозова и иных воевод со многою силою. Они же шедше, города

поимаша, а самих вятчан к целованию приведоша, а арян к роте приведоша, а вятчан болших и з женами и з детми изведоша, да Арских князей, и таки возвратишася. И князь великий вятчан земских людей в Боровске да в Кременце посади, а арских людей пожаловал князь великий отпустил в свою землю, а крамольников смертью казнил».¹

Устюжская летопись (далее — *Уст.*) рассказывает об этих событиях гораздо подробнее. С воеводами, князем Данилой Щеней и Григорием Поплевой, шли «и москвичи, и володимирцы, и тверичи, и иных городов. А у тверичь воевода Ондрей Коробов да князь Осиф Дорогобужской. А у устюжан князь Иван Иванович Звенец, а у двинян князь Иван Лыко, а у важан и у каргопольцев Юрьи Иванович Шестак». Вассальный казанский хан «по приказу великого князя посла свою рать, 700 татар». Воевода Урак, князь Казанский, и «москвичи иные шли коньми», «а устюжане, и двиняне, и важане, и каргопольцы, и белозерцы, и вологжане, и вычегжане, и вымичи, и сысоличи шли в судех».²

Источником сведений *Уст.* могли быть какие-то официальные документы, не использованные в официальной летописи, а также рассказы устюжан—участников похода. Самостоятельным источником официального происхождения являются разрядные записи.

«Лета 6997-го князь великий... посылал к Вятке воевод своих, и они шед Вятку взяли.

А были воеводы по полком:

В большом полку князь Данило Васильевич Щеня да князь Ондрей Семенович Чернятинский.

В передовом полку Григорий Васильевич Морозов да Ондрей Иванович Коробов.

В правой руке князь Володимер Андреевич Микулинской да Василий Борисович Бороздин да князь Ондреев воевода Михайло Константинович.

В левой руке Василей Семенович Бокеев да Семен Карпович да князь Борисов воевода Фома Иванович.

А в судовой воевода Иван Иванович Салтыков Травин да князь Иван Семенович Кубенской да Юрьи Иванович Шестак да наместник устюжской Иван Иванович Злоба да князь Иван Иванович Звенец.

¹ ПСРЛ. Т. 12. М., 1965. С. 221; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 154.

² ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 96.

И Злоба не дошед умер.

И Вятку тогда взяли. А в грамоте писались к великому князю князь Данило да Григорий и все воеводы.

А на Каме стоял вятских же для дел князь Борис Иванович Горбатый».³

Как и записи о казанском походе 1487 г., разряды свидетельствуют об иерархии полков: большой—передовой—правой руки—левой руки.

В разрядах 1489 г. впервые встречается формула «а были воеводы по полком», которая впоследствии стала постоянной в разрядных записях. Думается, что появление этой формулы в 1489 г. не было случайным — оно отражает дальнейшее совершенствование структуры разрядных записей, что, в свою очередь, было обусловлено развитием деятельности разрядного ведомства.

В донесениях к великому князю писались только два воеводы — первый воевода большого полка и первый воевода передового полка. Этим, очевидно, определялась иерархия воевод. В распоряжении московского летописца была, видимо, та самая грамота, в которой «писались» эти воеводы, — их имена и отразились в официальном летописном рассказе.

В отличие от разрядных записей Уст. приводит перечень территориальных полков — первичных тактических единиц, включаемых в оперативные соединения. Из служилых людей среднерусских городов названы только москвичи, тверичи и володимерцы (хотя были и «иные»).

В состав судовой рати входили девять территориальных полков, из которых у четырех есть названные по именам воеводы. Надо думать, что и другие пять территориальных полков судовой рати шли во главе со своими воеводами. Судовая рать — пехота, посаженная на суда. В своей основе это земское ополчение, собранное по определенной норме. Для северных уездов эта норма нам не известна, но представление о ней можно получить из источников по Пскову и Новгороду. Там пеший воин выставлялся обычно с 3–5 дворов. Мобилизационные нормы северных уездов едва ли могли сильно отличаться от этой цифры. Обращает на себя внимание, что в поход на Вятку идет ополчение земель, еще недавно тянувших к Великому Новгороду, — это прежде всего двиняне. В походе 1471 г. они во главе с присланным из Новгорода воеводой сражались против

³Разрядная книга 1475–1598. М., 1966. С. 21.

великокняжеского судового ополчения. В битве на реке Шеленге новгородский воевода был разбит — по словам летописи, двиняне к нему «не тянули». Теперь двиняне во главе с московским воеводой идут в поход на Вятку — последний оплот вечевого сепаратизма на Севере. Это значит, что за 10–20 лет ассимиляция северных земель в состав Российского государства сделала решающие успехи. Власть теперь могла на них опираться при проведении своей политики.

Следует обратить внимание также на белозерцев и вологжан. Белоозеро и Вологда еще несколько лет назад были самостоятельными уделами во главе со своими князьями. Теперь ополчение этих уездов идет в поход в составе великокняжеской рати — с удельной обособленностью покончено.⁴ При слабом развитии служилого землевладения в этих уездах их ополчение — пехота, посаженная на суда.

Перечень воевод, приводимый в наших источниках, представляет значительный интерес. Списки Уст. и разрядов не совпадают. Наиболее важными являются списки в разрядных книгах, но Уст. знает двух воевод, о которых в них не говорится: это князь Осиф Андреевич Дорогобужский и князь Иван Лыко. Уст. называет особых воевод у тверичей и у двинян, не называет имени устюжского наместника Ивана Злобы. Эти расхождения не носят принципиального характера, но представляют известный интерес. Частный источник Уст. мог быть хорошо информирован о некоторых деталях, не отраженных в дошедших до нас разрядах. Особенно интересно сообщение о воеводах «у тверичей». Городовые полки включались в оперативные соединения, и руководителей их разрядные записи, как правило, не называют. Но устюжанину-участнику похода их имена могли быть известны — так появилось упоминание о князе Иване Лыко.

Первый воевода большого полка — князь Данило Васильевич Щеня. Внук князя Юрия Патрикеевича, женатого на одной из великих княжон, князь Данило приходился Ивану III двоюродным племянником. В разрядах он впервые упоминается в 1475 г., в «походе миром» Ивана III на Новгород он назван шестым по счету в числе бояр.⁵ О его командных функциях до 1489 г. в наших источниках известий нет. Но надо иметь в виду, что разрядных записей

⁴ Белоозеро потеряло свой удельный статус в 1483 г.; Вологда — в 1481 г.

⁵ Разрядная книга 1475–1598. С. 17.

до 1489 г. вообще дошло очень мало. Можно только сказать, что Щеня ни в 1477 году, ни в 1487 году (в походе на Казань) не был полковым воеводой.

В дальнейших походах 90-х гг. он играл выдающуюся роль — взял Вязьму, а в 1500 году одержал блестящую победу над литовцами на Ведроше. Последнее упоминание о нем относится к 1515 г.

Второй воевода большого полка князь Андрей Семенович Чернятинский — из рода тверских князей, оказавшихся на великокняжеской службе при падении Тверского великого княжения.⁶ В разряде он упоминается единственный раз, из чего можно заключить, что князь не имел ни большого боевого опыта, ни успешного продвижения по службе. Можно думать, что второй воевода большого полка был только помощником первого и самостоятельной командной роли не играл. Он не являлся адресатом директив великого князя. Однако включение князя Чернятинского в число полковых воевод может свидетельствовать о наличии в составе большого полка тверских служилых людей.

Первый воевода передового полка Григорий Васильевич Поплева Морозов — представитель старого московского боярского рода. В источниках Григорий Поплева известен с 60-х годов,⁷ а первое упоминание о нем в разрядах относится в 1475 году, когда он в «походе миром» на Новгород был в числе бояр великого князя (назван девятым из одиннадцати) по счету.⁸ Он служил наместником в Новгороде Великом и позже — в Вологде; в 1485 г. во время похода на Тверь оставался в Москве в числе бояр, оставленных в Москве «у великие княгини» (назван на первом месте). Большой военной карьеры Морозов не сделал, после 1489 г. в разрядах не упоминается. По должности первого воеводы передового полка он был ближайшим заместителем командующего и «писался в грамоте к великому князю». Тот факт, что во главе большого и передового полков идут бояре, свидетельствует о значении и масштабах похода.

Второй воевода передового полка — Андрей Иванович Коробов — из тверских бояр. В походе на Вятку он упоминается в разрядах впервые. По-видимому, он проявил себя с положительной стороны и впоследствии не раз занимал командные посты.⁹

⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 111.

⁷ Там же. С. 234.

⁸ Разрядная книга 1475–1598. С. 17.

⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 264.

Первый воевода полка правой руки князь Владимир Андреевич Микулинский происходил из бывших тверских удельных князей, новых подданных государя всея Руси. Князь Владимир в данном эпизоде упоминается в разрядах впервые, но впоследствии он неоднократно ходил в походы в качестве полкового воеводы.¹⁰

Второй воевода полка правой руки Василий Борисович Бороздин — представитель тверского служилого рода. На московской службе трое братьев Бороздиных (Иван, Петр и Василий) принимали активное участие в походах, занимая должности полковых воевод. Василий в 1489 г. упоминается в разрядах впервые, но впоследствии ходил и на Литву, и на Шведов, и на Казань.¹¹

В полку правой руки значился также воевода князя Андрея Углицкого Михаил Константинович, вероятно, со служилыми людьми своего князя. Это наследник старой военной системы, отраженной в межкняжеских договорах, начиная со времен Калитичей, и устанавливавшей обязанность удельных князей посылать в поход своих воевод под началом воеводы великого князя.¹²

Первый воевода полка левой руки — Василий Семенович Болеев. Болеевы, как и Бороздины — вчерашние служилые люди тверских великих князей. Как и Бороздины, Болеевы, видимо, были хорошими воеводами, участвовали во многих походах. Сам Василий Семенович в 1489 г. упоминается в разрядах впервые. В 1495 г. он входил в состав двора Ивана III при его поездке в Новгород.¹³

Вторым воеводой полка левой руки был назначен Семен Карпович — двоюродный брат Василия Болеева. Упоминаемый здесь впервые, Семен Карпович впоследствии стал видным военным деятелем: в 1496 г. он ходил на Шведов, в 1497 г. должен был возглавить полк левой руки в планируемом походе на Казань, в 1501 г. возглавил сторожевой полк в зимнем походе на Ливонию.¹⁴

Все руководство полка левой руки состояло из тверских служилых людей. Это говорит о прочной интеграции тверичей в систему военно-служилых отношений Российского государства. В полку левой руки шел и воевода волоцкого князя.

Из восьми полковых воевод конной рати, отправленной в поход на Вятскую землю, шесть — вчерашние тверские служилые люди.

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Там же. С. 263.

¹² ДДГ. № 2. С. 11–13.

¹³ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 264.

¹⁴ Разрядная книга 1475–1598. С. 27, 28, 33.

Это не может быть случайным; по-видимому, тверское служилое ополчение составляло важную часть конной рати, отправленной на Вятку.

Однако командование войсками находилось в руках двух московских бояр. Первый воевода судовой рати Иван Иванович Салтыков Травин — потомок смоленских князей, издавна служивших Москве. Он впервые упоминается в 1469 году, когда в качестве дворового сына боярского ходил с судовой ратью от Устюга на Казань.¹⁵ В 1483 г. он был одним из руководителей выдающегося похода судовой рати за Урал до Обской губы.¹⁶ Во главе судовой рати на Вятку стоял, таким образом, воевода, имеющий богатый опыт боевых речных походов.

Второй воевода судовой рати князь Иван Семенович Кубенский — один из измельчавших ярославских князей.¹⁷ По духовной Василия Темного их родовое гнездо Кубена было дано Андрею Меньшому,¹⁸ и Кубенские оказались на московской службе. Есть сведения, что князь Иван Семенович был женат на дочери князя Андрея Углицкого.¹⁹ Об участии его в боевых походах ни до, ни после 1489 г. ничего не известно. В 1489 г. князь участвовал в походе, вероятно, как местный вотчинник, один из руководителей земского ополчения.

Третий воевода судовой рати Юрий Иванович Шестак-Кутузов — видный служилый человек Двора, не раз выполнявший ответственные поручения. В 1468 г. Шестак с устюжанами участвовал в походе судовой рати на Казань.

В 1475 г. он в числе детей боярских сопровождал Ивана III в «походе миром» на Новгород,²⁰ принимал участие в «поймании» новгородских бояр, а после суда на Городище был приставом у одного из «пойманных».²¹ В 1479 г. ездил на Волок к князю Борису с требованием выдать князя Ивана Лыка Оболенского, бежавшего от суда великого князя,²² в 1480 г. был послом в Крым. В 1485 г. при взятии Твери был одним из тех, кому было поручено привести тверичей к целованию и обеспечить их защиту от ратных людей

¹⁵ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 281.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

¹⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 87.

¹⁸ ДДГ. № 61. С. 195.

¹⁹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 94.

²⁰ Разрядная книга 1475–1598. С. 17.

²¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 306.

²² ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. М., 2001. С. 203.

великого князя.²³ В 1487 г. он участвовал в походе на Вятку для обеспечения операции против Казани.²⁴

Назначение в судовую рать такого видного служилого человека свидетельствует о значении, которое придавалось походу 1489 года. По сведениям Уст: Шестак командовал ополчением вожан и каргопольцев. Возможно, что в одном из этих уездов он был наместником.

Четвертый воевода судовой рати — устюжский наместник Иван Иванович Злоба. Так как «Злоба, не дошед, умер», то в свой поход устюжане вступили под командой пятого из перечисленных воевод — князя Ивана Ивановича Звенца Звенигородского.

Князь Звенц достиг крупного дипломатического успеха — заключил договор и союз с Менгли-Гиреем буквально накануне нашествия Ахмата. В 1482 г. он ездил с миссией в Казань.²⁵ Впоследствии князь получил чин окольного, принимал участие в приеме имперских послов, участвовал в поездке Ивана III в Новгород во время Шведской войны, снова ездил послом в Крым и умер во время этого посольства.²⁶ Князь Иван Звенец, без сомнения, один из выдающихся деятелей своего времени. В данном контексте важен его давний опыт походов с судовой ратью, в частности, с устюжанами. Этот опыт, вероятно, учитывался при его назначении в 1489 г.

Уст. называет воеводу двинского ополчения — князя Ивана Владимировича Лыко Оболенского. Первое упоминание о князе в источниках относится к 1479 году, когда тот был наместником в Великих Луках. Жалобы местных жителей на своего наместника привели к суду. Обвиненный в лихоимстве, он был осужден великим князем и отъехал в Волоцкий удел к князю Борису. Захват Лыко служилыми людьми великого князя стал поводом для княжеского мятежа в 1480 г.²⁷ Однако служба Лыко продолжалась. В 1483 г. он ездил послом в Крым, в 1487 г. ходил на Вятку в составе войск, прикрывавших операцию против Казани, а в следующем году «стерег» Устюг от вятчан. Вполне вероятно, что в 1489 г. Иван Владимирович возглавлял судовое ополчение Двинской земли, будучи наместником. Впоследствии он продолжал играть видную роль — ходил в походы в качестве полкового воеводы, прини-

²³ ПСРЛ. Т. 25. С. 330.

²⁴ Разрядная книга 1475–1598. С. 21.

²⁵ Там же. С. 19.

²⁶ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 56.

²⁷ ПСРЛ. Т. 6. С. 203.

мал участие в приеме послов, служил наместником в Новгороде.²⁸ Карьера князя Ивана Лыко свидетельствует, что при Иване III даже серьезное правонарушение и опала могли не иметь роковых последствий для служилого человека, если он ценился великим князем.

Князь Осиф Андреевич Дорогобужский в разрядах 1489 г. не упоминается, но Уст. называет его главой тверского ополчения. Можно думать, что тверичи, возглавляемые князем Дорогобужским, входили в передовой полк. Вторым воеводой этого полка был Андрей Коробов, оказавшийся в списках выше князя Дорогобужского. Князь Осиф Андреевич был одним из тверских удельных князей. В 1480 г. еще в составе тверских войск он участвовал в отражении нашествия Ахмата, но в 1485 г., накануне падения независимости Твери, перешел на службу государя всея Руси. В 1487 г. князь участвовал в походе на Казань вторым воеводой большого полка судовой рати. В дальнейшем в качестве воеводы он принимал участие во многих походах на Литву, Шведов и Ливонию, а в поездке Ивана III в Новгород в 1495 г. упоминается в числе «бояр из Тверской земли».²⁹

Последний по счету воевода, упомянутый в разрядах, — князь Борис Иванович Горбатый. Во время похода он стоял на Каме, прикрывая правый фланг наступательной операции. Это один из суздальских князей, оказавшихся на великокняжеской службе при ликвидации независимости Суздальского княжества при великом князе Василии Дмитриевиче и окончательно — при Василии Темном. Борис Иванович упоминается в разрядах впервые; в дальнейшем он совершил большую карьеру, стал боярином и участвовал во многих походах в качестве полкового воеводы.³⁰

Таким образом, наши источники называют имена семнадцати воевод, связанных с походом 1489 года. Этот перечень позволяет сделать некоторые выводы.

Во главе войск были поставлены бояре — видные деятели Российского государства. Это свидетельствует о значении похода на Вятку как важного государственного мероприятия.

Наиболее ответственные места в числе воевод занимают твери-

²⁸ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии... С. 54.

²⁹ Там же. С. 109.

³⁰ Там же. С. 73. — А. А. Зимин в своем обзоре, очевидно, ошибочно отождествляет Бориса Ивановича с его племянником, человеком следующего поколения, активным деятелем времени Василия III, и умершим после 1537 г.

чи, что может говорить о большом удельном весе тверского служилого ополчения, а также и о доверии великого князя к своим новым служилым людям. Важную роль играли великокняжеские служилые люди, руководители судовой рати. Земскому ополчению также придавали большое значение в походе.

Следует обратить внимание на участие в походе воевод последних удельных князей и отряда вассального казанского хана. Все это свидетельствует о масштабе и политическом значении похода.

Командные функции на оперативно-тактическом уровне осуществляли воеводы. Но за их спиной — высшая инстанция, верховное главнокомандование (ВГК), в чьих руках сосредоточилось политическое и стратегическое руководство. Как и в прежних кампаниях, функции ВГК — определение общего характера кампании, мобилизация и сосредоточение войск, назначение воевод и контроль над ними.

Реальный ход событий описан в Уст.³¹ Войска, шедшие «в судех», «месяца июля в 24 день пришли на память Бориса и Глеба, а московские конния пришла под Кательнич того же месяца в 30 день, а татарская месяца августа в 2 день. А стояла вся сила под Кательничем до Преображеньева дни (6 августа. — Ю. А.). А было на Вятке великого князя силы 60 тысяч да 4 тысячи (по другим спискам — 72 000. — Ю. А.)».

Таким образом, местом сбора всех сил был город, расположившийся примерно в 100 верстах ниже г. Хлынова, при впадении в Вятку реки Моломы. Вниз по Моломе, вероятно, и шла из Устюга судовая рать, выходя на нее волоком из реки Юг. От Устюга до Котельнича ей следовало примерно пройти 350–400 верст.

Численность войск, вероятно, преувеличена, но цифры, приводимые летописцем, дают общее представление об огромном войске, собранном из девяти северных уездов и нескольких уездов Средней России.

«А в Преображенев день пошли к городу Хлынову, а под Хлынов пришли Августа в 16 день, в недель, в 3 часа дни». Таким образом, переход судовой рати вверх по Вятке занял десять дней, средний темп против течения — 10 верст в день. «Вятчане же, в городе затворившись, а к великого князя воеводам послали с поминки». Но «поминки» не помогли. Воеводы предъявили категорическое требование: «Уведите же вы за великого князя от вели-

³¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 96–97.

ка и до мала, а изменников и коромольников выдайте головами».

После отказа вятчан выполнить это требование «воеводы всей силе велели приступ готовити и примет к городу всякому человеку по беремени смол да берест, да на 50 человек по 2 сажени плетения. И к городу плетении поставляли». «Вятчане же, видя свою погибель, сами вышли, большие люди своими головами и доби́ли челом воеводам на всей воле великого князя».

Поход 1489 г. — пример стратегической операции с решительными политическими целями. Особенность этой кампании — действия на одном операционном направлении конной и судовой ратей в тесном тактическом взаимодействии. Здесь был использован опыт походов на Казань осенью 1469 г. и летом 1487 г. Обращает на себя внимание выдвижение заслона к Каме — правый фланг операции был прикрыт от возможных действий враждебных языческих племен.

Операция потребовала большого мобилизационного напряжения, и сосредоточение войск к пункту сбора заняло значительное время. Но сам ход боевых действий был кратким: судя по нашему источнику, кампания была решена одним ударом, без боя в открытом поле, без фактического применения силы — угрозы штурма оказалось достаточно для капитуляции противника.

Важнейший результат кампании 1489 г. — обеспечение безопасности северо-восточного стратегического направления и условий для дальнейшего продвижения русской колонизации в сторону Урала и Сибири.

Вятская вечевая республика — миниатюрная копия Великого Новгорода — не имела ни сил, ни решимости оказать серьезное сопротивление великокняжеским войскам. Пал последний очаг общинного сепаратизма — собирание русских земель под знамя Москвы фактически было закончено. Впереди была борьба за освобождение земель, попавших в руки иноземных захватчиков.

Попробуем подвести краткие итоги нашему обзору походов русской армии в 1480-х гг. Сведения о них распределены в источниках следующим образом:

Походы Источники	1480	1481	1482	1483	1485	1487	1489
Летописи	есть	есть	есть	есть	есть	есть	есть
Разряды	нет	нет	нет	нет	есть	есть	есть

Как видим, походы 1480–1483 гг. в разрядах не отразились. Однако разрядные записи за эти годы могли быть использованы составителями летописей.

В то же время летописи содержат сведения, которых не могло быть в разрядах; особенно это относится к кампаниям 1480 и 1487 годов, а также — 1489 года. В распоряжении составителей летописи были какие-то источники, независимые от разрядных записей. В ряде случаев они носили официальный характер — типа походного дневника (далее — ПД). Это хорошо видно при описании событий 1480, 1485 годов. Составители Софийской, Устюжской и Типографской летописей могли пользоваться особыми частными источниками. Несмотря на свой официальный характер, Никоновская летопись (1520-е гг.) дает сведения не обо всех походах. Например, о походе 1482 г. на Казань она не говорит. Псковская летопись имеет свои местные источники официального характера типа походных записей и в этом смысле близких к ПД.

ПД в чистом виде не отразились в летописях 80-х годов, но по-видимому, они использовались в 1480 и 1485 гг. Сам факт сохранения с середины 80-х гг. почти непрерывных разрядных записей, вошедших позднее в разрядные книги, свидетельствует о развитии канцелярии великого князя.

В составе войск можно различить:

- служилое конное ополчение;
- городское ополчение Пскова (1480 и 1481 гг.);
- городское ополчение Новгорода (1481 г.): поход 1481 года, по-видимому, был последним походом новгородского ополчения; ликвидация крупного боярского землевладения в 80-х гг. и создание поместной системы в Новгородской земле должны были привести к полной реорганизации военной системы Новгорода, и новгородские бояре в качестве воевод больше не упоминаются;
- судовую рать — 1483, 1487 и 1489 гг.

Можно отметить известное «районирование» сил: в походах на Казань и Вятку главное значение имели ополчения поволжских и северных уездов; псковичи и новгородцы шли в поход на Ливонию, а большой сибирский поход 1483 г. делался силами в основном северных уездов (судовая рать).

1480-е гг. явились временем начала реформы служилого ополчения. Она проявилась в следующем:

1) появлении поместного служилого землевладения на базе реформ в Новгородской земле (и как следствие — в Центре);

2) включении тверской служилой системы в состав великокняжеской, и по всей вероятности, на Белоозере и в Вологде тоже, т. е. развитии великокняжеской служилой системы за счет удельно-княжеских;

3) ликвидации земского городского ополчения в Новгороде — замене его служилым (на поместной основе), т. е. развитию великокняжеской служилой системы за счет земской.

В то же время земское ополчение как таковое сохраняется во Пскове, а в северных уездах составляет основной воинский контингент.

Наиболее важное значение имеет развитие артиллерии. Она появляется на поле сражения в 1480 г. Артиллерийские силы участвовали в трудном зимнем походе (1481 г.), в походе судовой рати на Казань (1482 г.). Однако они отсутствовали в большом сибирском походе (1483 г.) и походе на Вятку (1489 г.). Вероятно, отсутствовала артиллерия и в казанском походе 1487 года, если исходить из умолчания о ней. Видимо, развитие артиллерии является прямым следствием создания пушечного двора в Москве (Фиоравенти, Дебосис, 1488 г.).

Политическая обстановка ставила перед Россией как оборонительные, так и наступательные задачи. Оборонительный характер носила кампания 1480 года. Ее продолжением была наступательная операция зимы 1481 г. на ливонском театре, вследствие чего кампании 1480 и 1481 гг. можно рассматривать как этапы одной большой войны на двух стратегических направлениях — южном и северо-западном.

Важнейшей стратегической задачей кампании 1480 г. было отражение нашествия Ахмата, второстепенной — оборона на северо-западном направлении. В обоих случаях имеем дело с оборонительными мероприятиями. Кампания 1480 г. — пример такой стратегии в войне на двух направлениях, против двух самостоятельных противников.

В этих условиях основная задача ВГК — определение главного противника и соответствующее развертывание сил. Этим оборонительная кампания 1480 г. отличается от оборонительной кампании 1472 года, когда в наличии был только один актуальный противник на одном стратегическом направлении.

Другое отличие — кампания 1480 г. осложнялась княжеским мя-

тежом, который если и не вызвал боевых действий, то создал достаточно большое напряжение и не мог не влиять на принятие стратегических решений ВГК.

Исторические примеры свидетельствуют, что сохранить боеспособность войск даже в случае большого стратегического успеха удастся далеко не всегда. Так, блестящая победа в кампании 1380 г. сопровождалась такими потерями, что военно-политический потенциал союза русских князей, возглавляемых Дмитрием Донским, оказался подорванным. Это обусловило успех нашествия Тохтамыша в 1382 году. Примером из другой эпохи может послужить кампания 1812 г. — уничтожение армии Наполеона сопровождалось такими потерями русских войск, что они на несколько месяцев фактически потеряли боеспособность и до лета 1813 г. не могли эффективно бороться с новой армией Наполеона на германском театре военных действий.

Успех оборонительной кампании 1480 г. предопределил возможность проведения наступательной кампании 1481 г. Последняя имела вполне определенную цель — нанести чувствительный удар по владениям Ордена, заставить его заключить мир, обеспечивающий интересы Русского государства. В результате короткой зимней кампании эта цель была достигнута, и на длительное время была обеспечена стабильность и безопасность северо-западного направления.

Наступательная операция 1482 г. против Казани носила, по-видимому, демонстративный характер. Поход судовой рати в 1483 г. на Северный Урал и в Сибирь носил характер наступательной операции с целью продвижения на восток сферы политического влияния Русского государства. После похода 1472 г. князя Федора Пестрого был сделан новый шаг на пути, который к середине XVII в. вывел русских людей к берегам Тихого океана и обозначил естественный географический рубеж России.

Поход на Тверь в 1485 г. скорее следует считать политическим мероприятием, чем наступательной операцией. Тверь сдалась почти без сопротивления, но важной чертой событий было принятие оборонительных мер на случай литовской интервенции.

Наибольшее напряжение вызывала во второй половине 80-х гг. борьба на восточном стратегическом направлении. Поход 1487 г. явился крупным военным предприятием и потребовал введения в дело второго эшелона войск, что обеспечило успех.

Поход 1489 г. на Вятку носил характер крупной стратеги-

ской наступательной операции в сложных условиях лесисто-речной местности. Этим фактически завершился процесс создания единого Русского государства. Войска действовали на одном операционном направлении и сравнительно легко решили поставленную задачу.

Можно уловить основное отличие кампаний 80-х гг. от походов предыдущего десятилетия. В 70-х гг. ведущим стратегическим направлением было северо-западное, на котором и развертывались главные силы великокняжеских войск. В 80-х гг., после победы на Угре, стратегический центр тяжести переносится на восток и северо-восток.

В 80-х гг., как и ранее, прослеживается большое мобилизационное напряжение. Во всех случаях сохранялась потенциальная опасность западного направления и необходимость постоянно иметь достаточные силы для обороны южного рубежа.

Задачи, объективно стоявшие перед Русским государством в 80-х годах, были успешно решены в ходе ряда стратегических операций на южном, северо-западном и восточном направлениях. Военно-политическое положение Русского государства значительно укрепилось, и появилась возможность для постановки новых стратегических целей.

Великий князь лично участвовал в двух походах — летне-осеннем 1480 г. и тверском 1485 г. Очевидно, что в обоих случаях функции ВГК и оперативного командования войсками совпадали. В кампании 1480 г. можно отметить короткий период (первые дни октября), когда командование войсками на Оке — Угре фактически находилось в руках воевод — во время пребывания великого князя в Москве на соборе и думе. Все остальное время — с конца июля до конца ноября — Ставка находилась при войсках и, по-видимому, принимала и осуществляла решения оперативно-стратегического и оперативно-тактического масштаба на южном фронте, сохраняя за собой директивное руководство на других направлениях (северо-запад, борьба с мятежом).

Во всех остальных походах Ставка находилась вне театра военных действий, и функции ВГК могли осуществляться только с помощью директив. Непосредственное оперативно-тактическое руководство находилось в руках воевод. Функции ВГК в этих случаях заключались в формировании и развертывании войск, назначении воевод, постановке стратегических задач и посылке соответствующих директив в необходимых случаях.

Кампания 1481 г. носила характер короткой операции, быстро приведшей к решительному результату. Оперативно-тактического руководства на театре войны оказалось достаточно, и вмешательства ВГК, по-видимому, не потребовалось.

Кампания 1487 года, напротив, приняла затяжной характер, и оперативно-тактическое руководство на первом этапе не смогло решить поставленной задачи. Потребовалось вмешательство ВГК, которое выразилось в выдвигании резерва (второго эшелона), что и привело к конечному успеху кампании.

Примером эффективной деятельности оперативно-тактического руководства может служить поход 1483 г., когда в силу объективных условий связь со Ставкой не могла быть сколько-нибудь реальной и воеводы должны были самостоятельно принимать решения и проводить их в жизнь.

Большую самостоятельность на оперативно-тактическом уровне должны были проявить воеводы и в походе 1489 года. В этой кампании функции ВГК, кроме постановки общей задачи, непосредственно проявились в развертывании на Каме флангового охранения сил, наступающих на Вятку.

В целом можно отметить достаточную эффективность сложившейся с 60-х гг. двухступенчатой схемы руководства войсками: на стратегическом уровне — ВГК; на оперативно-тактическом, на театре военных действий — назначенные им воеводы. Реальное функционирование этой системы требовало организации соответствующего ведомства, куда стекались бы донесения и через которое отправлялись бы директивы. Это ведомство вызревало в рамках канцелярии великого князя, и непосредственным плодом его деятельности явились разрядные записи, подобно тому, как плодом деятельности посольского ведомства стали посольские книги, известные с 70-х гг.

Крупных сражений в открытом поле источники не отмечают. Это дает основание предполагать, что существенных изменений в тактике полевого боя не было. Значительно лучше освещены вопросы тактики при обороне и взятии городов.

Примером обороны города может послужить оборона Пскова в конце августа 1480 г. от войск магистра. Оборона носила пассивный характер — гарнизон Пскова уповал на силу своих укреплений и на естественную преграду — реку Великую. Завеличье было оставлено без боя. Артиллерийский огонь противника не привел ни к разрушению городских укреплений, ни к моральному разложению гарни-

зона. Попытка форсирования Великой с помощью брандеров была успешно отражена. Сама операция против Пскова носила кратковременный характер — магистр, очевидно, рассчитывал взять город одним ударом и не предпринял никаких мер для блокады города и долговременной осады. В кампании 1480 г. на ливонском театре малые города подвергались обстрелу артиллерии противника, после чего оказывались в его руках. Артиллерия стала, таким образом, важнейшей составляющей в борьбе за города.

В кампании 1481 г. применение русской осадной артиллерии против ливонских городов сыграло решающую роль, обеспечив их быстрое падение. Нет данных о применении против этих городов средств инженерной войны — подкопов, а также обычных средневековых средств — приметов.

В походе против Казани в 1487 году, напротив, традиционные методы осады сыграли решающую роль. Важнейшим из них было сооружение острога — контрвалационной линии. Никаких сведений о применении артиллерии и примета для подготовки штурма в источниках нет — крепость сдалась, исчерпав силы для обороны.

Применение примета с целью подготовки штурма отмечается в источниках в связи с походом на Вятскую землю. Здесь даны и нормы заготовки примета. Однако самого штурма не последовало — город капитулировал.

Таким образом, главным новшеством в борьбе за крепости стала артиллерия, роль которой неуклонно возрастала. Наиболее важной новинкой в обороне полевых позиций стало применение пищалей (Угра, октябрь 1480 г.). Надо полагать, что в источнике речь идет о пищалях — артиллерийских орудиях, а не о ручном огнестрельном оружии (никаких данных о таком оружии вплоть до конца XV в. нет). Легкие орудия — пищали ставились, очевидно, на позиции и могли маневрировать по мере надобности в пределах оборонительной линии. Надо думать, однако, что число таких пищалей было невелико, и их роль в обороне переправ через Угру преувеличивать не следует.

Итак, наиболее заметные изменения в тактике связаны с применением и постепенным развитием огнестрельного оружия, хотя оно еще не привело к качественным сдвигам в характере боевых действий в поле. Источники свидетельствуют о росте внимания к артиллерии. К 1475 г. относится первое упоминание о приезде в Москву «пушечных дел мастера» — знаменитого Аристотеля Фио-

равенти. Заметим, известия об артиллерийских орудиях встречаются и в более раннее время;³² можно думать, что именно с конца 70-х гг. начинается новый этап развития артиллерийского дела на Руси. Москва становится основным центром производства огнестрельных орудий. К 1488 г. относится первое упоминание о Пушечной избе — она сгорела во время большого пожара в августе того же года.³³ Под тем же годом сообщается, что «повелением великого князя мастер Павлин Деббосис... слил пушку медяну, а в ней тысяча пудов меди».³⁴ Если орудие Деббосиса по своим пропорциям соответствовало знаменитой царь-пушке Андрея Чохова, отлитой сто лет спустя, то ее калибр должен был быть около 46 см, а вес ядра — около 400 кг.³⁵ Орудие явно предназначалось для обороны Кремля. Существует ряд прямых свидетельств об изготовлении в 80-х гг. медных орудий; известны и имена некоторых пушечных мастеров. Можно считать, что 80-е годы — качественно новый этап истории русской артиллерии, и это одно из наиболее заметных явлений в развитии военной системы складывающегося Российского государства.

Подводя итоги военному строительству 80-х годов, можно отметить три основных факта: дальнейшее развитие великокняжеской служилой системы; развитие организации и деятельности ВГК; развитие производства и боевого применения артиллерии.

---

³² Инок Фома в своем «Слове Похвальном» упоминает об искусном тверском мастере Микуле Кречетникове: «Таков бяше той мастер, дяко и среди немец необрести такового» (Инока Фомы слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче. Сообщение Н. П. Лихачева // ПДПИ. СПб., 1908. № 168. С. 46).

³³ ПСРЛ. Т. 6. Ч. 2. Стб. 324–325; Т. 26. М.; Л., 1959. С. 279.

³⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 279.

³⁵ Царь-пушка 1586 г. весит 40 т, имеет длину ствола 534 см, калибр — 890 мм, длина ствола — 4,2 калибра (как у мортиры). Ядро должно было бы весить около 1250 кг (но пушка, очевидно, предназначалась для стрельбы каменным дробом).

О Симонии, Псковских спорах XV в. и «Трифоновском сборнике»

В истории христианской церкви одним из самых страшных зол считалась симония, под которой понималась покупка или даже желание купить за деньги духовный сан. Евангельская норма обязывала апостолов, получивших в дар благодать Святого Духа от Христа, раздавать ее даром (Мф. 10: 8). Когда Симон-волхв попытался купить чудотворную силу Святого Духа за деньги у апостолов, св. Петр ответил ему: «Сребро твое с тобою да будет в погибель, яко дар Божий неощевал еси сребром стяжати» (Деян. 8: 18–24).

С ростом могущества и авторитета церкви симония превратилась в одну из язв, разъедавших ее институты. Осуждению симонии посвящено большое количество канонических правил (29-е правило святых апостолов, 2-е правило IV Вселенского собора, 10-е, 22-е и 23-е правила VI Вселенского собора, 4-е, 5-е, 19-е правила VII Вселенского собора), а также канонические послания церковных иерархов (Василия Великого, константинопольских патриархов Геннадия и Тарасия).¹ Симония считалась первой ересью в эпоху христианства и в каталогах христианских ересей помещалась на первое место.² Канонические правила предусматривают извержение из сана и отлучение от церкви как для давшего мзду за поставление, так и для поставившего. Тем не менее в период средневековья симония продолжала терзать церкви Восточной и Западной ветвей христианского мира. Общими причинами, способствующими существованию симонии, были двойная зависимость поставляемого священника от светского властителя и от епископа.

В странах католического мира борьба с симонией обострилась в XI–XII вв. и стала питательной почвой для движения патаров в Милане, а позднее вальденсов и катаров в Лангедоке.³ Папская курия последовательно принимала меры противодействия симонии на

¹ См.: Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. М., 2001. (Репринт изд. 1911.) С. 89, 90, 332, 504, 505, 605, 606, 608, 622, 623, 631, 632; Т. 2. С. 467, 468, 532, 535–542.

² См.: Бенешевич В. Н. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. Вып. 3. СПб., 1907. С. 716–717.

³ Werner E., Erbstosser M. Kleriker, Münche, Ketzler. Das religiöse Leben im Hochmittelalter. Berlin, 1992. S. 89–95.

знаменитых Латеранских соборах. В числе этих мер были попытки оградить священников от вмешательства светских властей, стремление ставить священнослужителей из числа материально обеспеченных лиц, стремление подчинить клириков строгой дисциплине (в том числе добиться соблюдения celibата) и т. д.⁴ Тем не менее стремление сформировать хорошо дисциплинированное приходское духовенство, отвечавшее взглядам просвещенных иерархов на христианское благочестие, оставалось в большой степени благим пожеланием на протяжении всего средневековья, а прогресс в этом деле был очень медленным.⁵

В силу состояния источниковой базы, трудно судить о практике поставления в сан священнослужителей в Древней Руси XI–XIII вв. Инициатива поставления в священнический сан могла принадлежать епископам, князьям, городским общинам, купеческим корпорациям. Первым документом, призванным систематически урегулировать дисциплинарные вопросы, являются правила церковного собора 1273 г. (Правила митрополита Кирилла II). Они определили условия, предъявляемые к кандидату в священнослужители. В числе обязательных требований: личная свобода, возраст (не менее 25 лет для диакона, 30 — для священника), необходимость состоять в законном браке (обязательно — первом), успешно выдержанный экзамен на грамотность.⁶

Первое правило собора 1273 г. специально подчеркивало, что «постригая мирского попа на мзде в игуменство или попа поставляет к церкви, емля у него что, да будут извержены».⁷ Размер ставленной пошлины, которая уплачивалась клирошанам, определялся в 7 гривен: «да возьмут клирошане семь гривен от поповства и от дьяконства от обоего». Эта норма была воспринята неоднозначно.

В некоторых Кормчих это правило митрополита Кирилла не включено, а его авторитет подвергнут сомнению.⁸ В «Потребни-

⁴Подробнее см.: *Балдуин М.* Александр III и двенадцатый век. СПб., 2003. С. 183–185.

⁵Известный социолог, автор теории социальных полей Пьер Бурдьё замечает относительно роли католической церкви в период высокого и позднего средневековья: «Связывая спасение в большей степени с принятием причастия и исповедью, чем с соблюдением нравственных законов, она (церковь) тем самым поощряет такую форму народного обрядоверия, как погоня за индульгенциями» (*Бурдьё П.* Генезис и структура поля религии // *Социальное пространство: Поля и практики.* СПб., 2005. С. 46).

⁶РИБ. Т. 6. СПб., 1880. Стб. 89–93.

⁷Там же. Стб. 89.

⁸Первое правило собора 1273 г. включалось в кормчие Софийской, Чудов-

ке митрополита Макария» (РНБ. Сол. собр. 1085/1195) текст этого правила не включен, а в заголовке снабжен пометой «Правило Кирилла митрополита русского в нем же ересь Симона Волхва и Антонина еретика в закон введена. Се правило в начале право, а в конце проклято». Первый эпизод, в котором обвинения в симонии приобрели общерусское значение, стал Переяславский собор 1311 г.⁹ В целях смещения митрополита Петра великий князь Михаил Тверской прибег к обвинениям в том, что поставление русского первосвященника совершилось по мзде. Переяславский собор, на котором присутствовал легат Константинопольского патриарха, в итоге разбирательств решил дело в пользу митрополита Петра.

Памятниками соборной полемики служат «Послание константинопольского патриарха Никифора великому князю Михаилу Тверскому» и «Написание мниха Анкидина», в которых впервые в древнерусской книжности содержится подборка канонических аргументов против симонии.¹⁰ В силу того, что для священнослужителя было канонически предписанной нормой условие единобрачия (26 правило святых апостолов), в непосредственной связи с симонией оказался вопрос о вдовых священниках.¹¹ Единого мнения относительно соблюдения требования единобрачия не существовало.¹² Правило митрополита Петра категорически запрещало священнодействовать вдовым попам и дьяконам: «Аще у попа умрет жена, да идет в монастырь, имеет священство свое, аще имеет в слабости пребывати и любити мирские слабости, да не поет».¹³

В своем послании в Псков от 12 мая 1395 г. митрополит Киприан решительно осудил стремление священнослужителей сохранить свое положение в обществе во что бы то ни стало: «Слышал есмь и то, что попы некоторыи молодые да овдовели, и не поповство

ской, Румянцевской редакций, но отсутствует в ряде кормчих XV в.: ОР РНБ. Сол. собр. 858. Л. 271; Сол. собр. 1056. Л. 369; Чуд. 165. Л. 202 об. — См. также: Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 210.

⁹О Переяславском соборе см.: Соколов Пл. Русский архиерей из Византии. Киев, 1913. С. 218–260.

¹⁰РИБ. Т. 6. Стб. 147–150, 150–158. — Единственный известный список датируется 1504 г. (ОР РНБ. Сол. собр. 1085/1195. Л. 676–677, 677–680 об.).

¹¹См.: Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского. Т. 1. С. 86–88.

¹²См.: Стефанович Д. О Стоглаве. СПб., 1909. С. 256. — См. также современный комментарий к новому изданию: Макрий (Булгаков). История русской церкви. Кн. 4. Ч. 2. М., 1996. С. 273. Комментарий-94.

¹³РИБ. Т. 6. Стб. 116.

оставили, да поженились».¹⁴ На церковном соборе в 1503 г. запрещение было подтверждено соборным постановлением, против которого, однако, выдвинули возражения поп Григорий Скрипица и князь-инок Вассиан Патрикеев.¹⁵ Стоглавый собор подкрепил это решение своим авторитетом, но восточные иерархи на Большом московском соборе 1667 г. находили это решение противоречащим канонам.¹⁶

Церковная практика XV–XVI вв. показала, что требование единого брака священнослужителей оставалось идеальной нормой, которая вступала в конфликт с жизненными реалиями и находила разрешение в выдаче епархиальными властями новых ставленых грамот попам-вдовцам за мзду. Вспышки эпидемий, которые во множестве уносили жизни священнослужителей и их жен в период брачного возраста, только усугубляли проблему.¹⁷ В XV в. споры о правилах поставления и поведения клириков заняли центральное место в церковно-общественной жизни городских общин Руси. Источники позволяют наиболее полно раскрыть эту проблему на примере Пскова.

В. О. Ключевский заметил, что отношения Пскова к новгородскому архиепископу «определились в угоду его политической автономии и в ущерб правильному и беспрепятственному развитию его церковной жизни».¹⁸ Новгородский владыка после Болотовского договора имел право бывать в Пскове лишь на «чреде» раз в три года сроком не более месяца.¹⁹ Анализ погодных известий псков-

¹⁴ РИБ. Т. 6. Стб. 231–232.

¹⁵ См.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. Л., 1960. С. 279.

¹⁶ О церковных соборах // Христианское чтение. 1852. Ч. 1. Январь-июнь. С. 18. — Подробно об отношении церкви к вдовым священникам см.: Цыпин В., прот. Вдовство // Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2004. С. 356–358.

¹⁷ См., например, известие Псковской 3-й летописи под 7060 (1551) годом: «Мряхоу бо многие священники и дьяконы, младае, а старые богъ соблюдаше, мнози тогда священники обовдовеша, мроша тогда многие простыа люди железю» (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 233).

¹⁸ Ключевский В. О. Псковские споры // Православие в России. М., 2000. С. 355.

¹⁹ Мы принимаем здесь вывод В. Л. Янина о том, что Болотовский договор «вполне тождествен описанному в летописи миру 1329 г., заключенному между Новгородом и Псковом около города Опоки» (Янин В. Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII–XIV вв. // Средневековый Новгород. М., 2004. С. 256). Иную датировку и трактовку условий договора см.: Еременко А. В. Болотовский договор и его значение // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. Вып. 3. СПб., 2000. С. 30–42.

ских летописей показывает, что летописец специально отмечал случаи приезда епархиального архиерея «не в свою чреду».²⁰

При этом только относительно архиепископа Феофила, пребывавшего в Пскове с 24 декабря 1476 г. по 21 января 1477 г., летописец замечает: «ни за много время ини владыки во Пскове так всего месяца в свой приезд не живали».²¹ Новгородский владыка стремился удовлетворить в первую очередь свой фискальный интерес, взыскав со священников положенные пошлины и подъяезды. Стоит прибавить, что правильному каноническому общению новгородского владыки с псковской паствой препятствовали неоднократные конфликты между Новгородом, главой политической организации которого также был архиепископ, и Псковом. Это серьезно ограничивало возможности епархиального архиерея по непосредственному управлению церковной общиной города и пригородов. Все эти обстоятельства объясняют острую реакцию церковной общины Пскова на нарушения своих прав со стороны новгородского архиерея, а также потребность в авторитетном внешнем руководстве.

В годы, когда престол русской митрополии оставался вакантным, псковичам адресовали свои послания патриарх Нил и пермский епископ Стефан.²² В обоих посланиях речь идет о так называемых «стригольниках». Мы попытались обосновать гипотезу о том, что это название произошло от наименования извергнутых из сана клириков, взявших на себя канонически запрещенную роль учительства и совершения таинств.²³ 21-е правило VI Вселенско-

²⁰ См., например: ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 45. — Приезд владыки Евфимия в 1435 г. «не в свое лето реченое». Там же. С. 102. — Владыка Василий Калика приехал в 1352 г. «не в свою чреду». Мы исходим из того, что в летописях зафиксированы не все случаи приезда епархиальных архиереев. Но позволим обратить внимание на некоторое несоответствие. Псковская 2-я летопись отмечает факт приезда архиепископа Василия в Псков под 1330 г. (ПСРЛ. Т. 5. С. 92), новгородский же летописец под 1333 г. замечает: «...приихав владыка Василий... в Плесков, и прияша его плесковици с великой честью, понеже не бывал бяше владыка въ Плескове 7 лет» (ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 345). Сообщая далее о факте приезда владыки Василия в Псков под 1337 годом, та же Новгородская 1-я летопись содержит следующее известие: «поиха владыка Василии въ Плесковъ на подъяезд, и плесковици суда не даша, и владыка поиха от них, проклявъ их» (Там же. С. 348). Оба последних известия в псковских летописях отсутствуют.

²¹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 207.

²² Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв. М., Л., 1955. С. 234, 236–241.

²³ Подробное обоснование этой версии с разбором основных точек зрения по

го собора предписывало, чтобы правом носить выстриженные на темени волосы (гуменце, или папалитру) пользовались только изверженные из своего чина священнослужители, которые покаялись в содеянном и ведут жизнь благочестивых мирян.²⁴

Приведем цитату из толкования на это правило по Новгородской Синодальной кормчей 1280-х годов: «Прозвистер или дьякон будет от сана извержень, честь же имать и седалище, якоже и прочии сущии в причте, главу да постригають, рекше, сущее на главе гуменце. Аще же греховныя ради вины будет извържен отинудь и с поустыми людьми боудет поставлен... Аще на обрящение зрит, яко же причетници главу да постригають, аще же своею волею не отступит, но творити хочет грех, яко же мирьстии человеци влась да растут, яко же и возлюбив мирьское пребывание паче небесной жизни».²⁵

Право носить гуменце являлось отличительным знаком, которым особенно в глазах мирян дорожили клирики. В странах католического мира профессиональные преступники часто старались обзавестись фальшивой тонзурой для того, чтобы выдав себя за клириков, предстать перед церковным судом и избежать более сурового наказания.²⁶ В справедливости предложенного толкования убеждает и послание Геннадия митрополиту Симону.²⁷ Геннадий пишет: «...подяки мало ся рознились четци и певци, токмо одним стихарем и входу во святые олтари есть, приимши рукоположение от епископа, верх пострижен, носящее краткий фелонь».

Далее, оправдывая введенную им практику выдачи ставленных грамот, Геннадий указывает: «Мужики озорные на крилосе поют и Паремью и Апостол на обмоне чтут, да еще во алтар ходят, ино бы то беззаконие вывести. И яз твой сын ныне у себя ставлю дяки, да и грамоты им ставленные даю, занеже изобрел есми в Новгороде

проблеме стригольничества см.: *Алексеев А. И.* К изучению ереси стригольников // *Древняя Русь.* 2004. № 4 (18). С. 22–34.

²⁴ См.: *Правила православной церкви с толкованиями Никодима епископа Далматинско-Истрийского.* Т. 1. С. 494. — Это правило помещалось во всех Кормчих русской редакции. Подробнее см.: *Срезневский И. И.* Обзорение древних русских списков кормчей книги. СПб., 1887. С. 142.

²⁵ ГИМ. Син. Собр. № 132. Л. 200 об.–201. — Наиболее вероятной датой создания Новгородской Синодальной кормчей является период 1285–1291 гг. См.: *Янин В. Л.* О дате Новгородской Синодальной кормчей // *Средневековый Новгород.* С. 232–236.

²⁶ См.: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 22–25.

²⁷ ГИМ. Епарх. собр. № 416 (677). Л. 10–17.

на крилосе поют дьяки двоеженцы, да и к тебе, есми, о Федке, о двоеженцы писал грамоту и ты, господине, отец наш ко мне о том писал и каковы грамоты ставленные даю дьяком и сторожем и яз с тех грамот к тебе господину отцу своему противень послал в слово в слово».

Сохранились образцы ставленных грамот архиепископа Геннадия, в одной из которых, выданной на имя Леонтия Филиппова в дьяки церкви чудотворного Николы на Дворище, читаем: «Да имат власть на крилосе петь и на анбоне прокимены глати, и чести чтенья, и паремии, и апостол, *имея верх прострижен* (курсив мой. — А. А.), нося краткий фелонь. И яз его имею свидетельствована по исповеданию и отца его духовнаго, и сего ради дана бысть ему грамота сия на утвержение его в Великом Новеграде лета 7012 мая 17 день.²⁸ Таким образом, мы полагаем, что этимологически «стригольничество» восходит к спорам вокруг вопроса о праве ношения тонзуры, но стригольники как явление представляют частный случай общей неупорядоченности жизни церковной общины Пскова в XIV–XV вв. На первом месте здесь стоит поставить отношения с владыкой.

В первой половине XV в. псковское церковное общество предпочитало адресовать свои запросы более митрополиту, нежели епархиальному архиерею. Митрополит Фотий направил в Псков три свои послания, в которых разъяснял обязанности и права священников, вопросы их взаимодействия с вечевою общиной, а также по-прежнему остававшийся актуальным вопрос о стригольниках.²⁹

Обличительный пафос Фотия обращается и против вторых браков овдовевших священнослужителей. Из жития Ефросина Псковского мы узнаем, что вдовый священник трижды вступал в брак и тем не менее пользовался большим авторитетом в городе. Очевидно, внутри городской общины Пскова боролись две противоположные тенденции: тяготевшая к традиции предшествующих столетий и существующей практике и новая, проникнутая духом христианского ригоризма. Новгородские архиереи были сторонниками первой тенденции в силу того, что она заставляла псковское духовенство апеллировать к их власти и гарантировала постоянные доходы от выдачи ставленных грамот.

Положение внутри самого псковского клира не вполне ясно по

²⁸ ГИМ. Епарх. собр. № 416. Л. 17–17 об. См. также образец ставленной грамоты «во священника» (Там же. Л. 17 об.–18 об).

²⁹ См.: РИБ. Т. 6. Стб. 366–375.

причине скудости источников, но очевидно, ситуация вокруг приходских церквей была чревата острым конфликтом. Этот конфликт был связан с претензиями овдовевших попов, стремившихся сохранить свое положение в клире, и с возникшей конкуренцией со стороны новых ставленников, которых могли выдвигать прихожане, желавшие быть уверенными в действенной силе таинств и треб. Последнее условие заставляло обращаться к предпочтению священников, чей авторитет и образ жизни не вызывал нареканий. После того, как надежды на поставление собственного епископа, который мог бы исполнить роль авторитетного арбитра в этой напряженной ситуации, развеялись, вопрос перешел в ведение веча.³⁰

В 1468 г. духовенство всех пяти соборов Пскова выступило на вече с программной речью, в которой, между прочим, утверждалось: «А ныне, сынове, поперемежи себе хотим по правилом святых отец и святых апостоль во всем священстве крепость поддержати, а о своем управлении, как нам священником по Намаканону житии; а вы нам, сынове, поборники боудете нашей крепости, зане же здесь правителя всеи земли над нами нетоуть, а нам о себе тоя крепости оудержяти не мощно поперемежи себе о каковых ни боуди церковных вещех, а вы ся в то иное и миром встоупаете, а чрес святых апостоль и святыхъ отец правила; а в том, сынове, и на вас хотим таковоу же крепость духовную поддръжати».³¹

Таким образом, городской общине и клиру предлагалось принять обязательства по строгому соблюдению грамоты, составленной на основании выписок из Кормчей книги (Номоканона).³² Реакция новгородского архиепископа последовала незамедлительно. Уже 22 января владыка Иона прибыл в Псков и после торжественного богослужения в Троицком соборе начал следствие «о священской грамоте». Заинтересованные в мирных отношениях с влады-

---

³⁰ В 1464 г. псковичи направили великому князю Ивану III две грамоты, в одной из которых просили «велел бы своему отцю богомолцу митрополитоу Феодосью поставити владыкоу во Псковь, а нашего же псковитина». (ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 69; Вып. 2. С. 158). Великий князь и митрополит предпочли отказать в этой просьбе, преследуя свои цели в сложных московско-новгородских отношениях.

³¹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 165.

³² Характерно, что подробный рассказ о вечевом решении содержит только 3-я Псковская летопись, в то время как 1-я и 2-я помещают под 6977 и 6976 гг. соответственно известие о том, что псковичи отлучили от службы вдовых попов и диаконов. (Там же. Вып. 1. С. 73; Вып. 2. С. 54). Это подтверждает тезис о том, что вопрос о вдовых священнослужителях был центральным во внутренних отношениях церковных общин Руси XV в.

кой, псковские посадники и верхушка соборного духовенства тем не менее твердо стояли на своем: «... сам, господине, ведаешь, что тебе здесе не много быти, а того дела тебе вскоре не лзе же оуправити, зане же при сем последнем времени о церквах божиих смоущенно силно в церковных вещех въ священниках, не мощно нам тебе всего и сказати, тии сами ведают, тако творяще все бестоужство; ино о том таа грамота от всего священства из Намаканона выписав и в ларь положена по вашему же словоу, ... с твоим наместником, а с нашим псковитином всекиа священническиа вещи по Наманаканону правити».³³

Оскорбленный владыка возложил решение вопроса о грамоте на московского митрополита и получив полагавшийся ему подъезд, выехал из Пскова, пробыв лишь две недели из положенных четырех.³⁴ В октябре 6978 г. (1470) в Пскове получили ответ митрополита Филиппа, который требовал, чтобы «тоя оуправление священническое, как священники тако и весь Псковъ на своего богомолца на архиепископа положили». Очевидно, вновь не обошлось без жарких споров, в которых верх взяли сторонники примирения с владыкой, потому что только 5 января 1470 г. псковские священники «свою крепостную ларною грамотоу вынемше подрали».

При этом летописный рассказ позволяет понять, что уничтожение грамоты произошло в обмен на некие гарантии митрополита псковичам, которые должен был соблюдать архиепископ Иона. Как явствует из летописи, митрополит Филипп писал: «Вас все священство и весь Псков своих благословляю сыновей, и коли тыя святительскыа вещи положите на мне, то и сами оуведите какову о том наипаче вашей крепости духовною крепость о всяком церковном оуправлении и о священникех поддержку».³⁵

Позиция главы русской церкви в вопросе о вдовых священнослужителях при митрополите Феодосии Бывальцеве совпадала с мнением соборного духовенства Пскова. Под 1468 годом 2-я Псковская летопись сообщает: «Того же лета (6976) псковичи отлучиша от службы вдовствующих попов и диаконов по всей Псковской волости, а не обослався ни спросившись с митрополитом ни с архиепископом; и хоте архиепископ Иона наложити на пскович неблагоговение, и митрополит Феодосии о том ему возбранил».³⁶

³³ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 166–167.

³⁴ Там же. С. 167.

³⁵ Там же. С. 168.

³⁶ ПСРЛ. Т. 5. С. 54. — Это известие можно трактовать как ошибку летопис-

Но утвержденная на вече священническая грамота прямо нарушала канонические права епархиального владыки и вряд ли могла получить одобрение митрополита. Новгородский владыка отказался от всех обязательств и потребовал, чтобы все духовенство Пскова явилось к нему на управу. «И теми часы к нему священници или диакони удовии начаша ездити, а он оу нихъ нача имати мздоу, в коего по рублю, в коего полтора, а их всех посполоу безъ востягновения нача благословляти, пети и своити имъ грамоты друугыа и ста нова ис тоа мзды за печатми давати, а не по святых апостол правилом, како ся сам ко всемоу Псковоу обещал по Наманаканоноу правити о всякой церковной вещи, о священникех вдовствоущих». ³⁷

Мы столь подробно остановились на этом сюжете, чтобы показать какое огромное значение имел вопрос о вдовых священнослужителях в Пскове, который оказывался вершиной айсберга проблем, остро стоящих перед церковной общиной средневекового города Руси XIV–XV вв. ³⁸ В позиции псковского духовенства, кото-

---

ца, поскольку Феодосий оставил митрополичий стол еще 3 сентября 1464 г. В. О. Ключевский допускал, что ушедший на покой Феодосий и в монастырской келье «сохранил долю прежнего нравственного влияния, которым и сдержал гнев новгородского архиерея на псковичей» (Ключевский В. О. Псковские споры. С. 367). В любом случае, это является свидетельством сочувствия псковичей к попыткам Феодосия разрешить вопрос о вдовых попах. Псковские летописцы внимательны к судьбе митрополита Феодосия — под 1476 г. 3-я Псковская летопись сообщает о его смерти после того, как он 11 лет прожил после оставления митрополии (ПСРЛ. Т. 5. С. 202).

³⁷ Там же. С. 169.

³⁸ Ср.: «У любых религиозных (и даже светских) идеологий, которые при самых разных состояниях идеологического поля заявляют себя как еретические (поскольку стремятся оспорить религиозный порядок, сохранение которого является целью церковной “иерархии”), наблюдается множество инвариантных тем: например, отказ от институциональной благодати, проповедь мирян и мировое священство, прямое самоуправление предприятий спасения, при котором “постоянные” священники рассматриваются в качестве простых “слуг” сообщества; “свобода совести”, т. е. право каждого индивида на религиозное самоопределение во имя принципа равенства религиозных конфессий и т. д.» (Бурдье П. Указ. соч. С. 48). Далее Бурдье предлагает социальную модель, которая кажется нам приложимой к ситуации со стригольниками: «Такая модель позволяет оценить роль групп, находящихся в архимедовой точке, в которой сходятся конфликт между специалистами в религии, занимающими противоположные позиции (господствующие и подчиненные) в структуре религиозного аппарата, и внешний конфликт между духовенством и мирянами, т. е. роль членов низшего духовенства, расстриженных или все еще несущих духовный сан, которые занимают подчиненное положение в аппарате символического доминирования. Важность той роли, которую играет низшее духовенство (и вообще пролетарии от интеллигенции) в еретических движениях, могла бы быть объяснена тем, что

рая нашла поддержку и одобрение на вече, обращает на себя внимание попытка опереться на авторитет Номоканона, т. е. Кормчей книги. Уже имея перед собой опыт разрешения конфликта в пользу новгородского владыки, псковский летописец продолжал апеллировать к правилам Номоканона, обличавшим сребролюбие, и усматривал в скорой смерти архиепископа Ионы справедливое возмездие.³⁹

Представляется, что нашедшая выражение в священнической грамоте 1468 г. традиция, противопоставляющая авторитет канонов авторитету святителей, должна была иметь мощную опору в памятниках псковской книжности XIV–XV столетий. Следы этой традиции заметны в летописных текстах 3-й Псковской летописи под 1470 и 1471 годами, где читаются обличающие сребролюбие пассажи, содержащие ссылки на Номоканон (в том числе на апокрифическое «правило 165 св. отец на обидящих божия церкви»), поучения Иоанна Златоуста и на примеры из библии (книги Левит и Евангелие от Матфея).⁴⁰

Попытаемся рассмотреть поставленную проблему на примере хорошо известного в науке «Трифоновского сборника» (РНБ. Софийское собрание № 1262).⁴¹ По языковым приметам документ принадлежит к числу памятников псковской письменности⁴² и по во-

---

в церковном аппарате они занимают подчиненное положение, которое представляет некоторые сходства с положением подчиненных классов в силу гомологии их позиций. Вследствие такого неоднозначного положения в социальной структуре они обладают критической способностью, которая позволяет им давать своему протесту (квази)систематическую формулировку и таким образом, выступать в качестве выразителей интересов угнетаемых классов. От обличения же развращенных нравов и продажности духовенства и особенно высших церковных чинов недолго путь до сомнения в прерогативе священника как уполномоченного проводника божьей милости и даже до экстремистских требований полной демократии в распределении «дара благодати», включающих отмену посредников и введение вольного покаяния вместо исповеди и других видов искупления, которые Церковь, обладающая монополией на таинство покаяния, смогла навязать грешнику. Требование отмены посредников было также связано с неприятием комментаторов и комментариев, «обязательных церковных символов в качестве источника интерпретации», с желанием возвратиться к буквальному прочтению Священного Писания и не признавать другого авторитета, кроме *praeseptum evangelicum*» (Бурдые П. Указ. соч. С. 48–49).

³⁹ ПСРЛ. Т. 5. С. 170.

⁴⁰ См.: ПСРЛ. Т. 5. С. 170, 176–178.

⁴¹ Описание см.: Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей. Л., 1953. С. 60.

⁴² Каринский Н. М. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909. С. 129–130.

дяным знакам листов бумажной части датируется концом XIV — началом XV века.⁴³ Этот церковно-полемический сборник был дан вкладом в новгородский Троицкий Видогощинский монастырь и получил по имени вкладчика наименование «Трифоновский».

Попытки непосредственно связать содержание Трифоновского сборника с ересью стригольников, предпринятые в работах А. Д. Седельникова, А. И. Клибанова, Б. А. Рыбакова,⁴⁴ на современном этапе изучения мы вправе охарактеризовать как не находящие подтверждений. Рукопись содержит несколько сотен статей — от кратких выписок до пространных сочинений. Не всегда можно точно установить источник той или иной статьи, но все отрывки, которые удалось атрибутировать, восходят к Кормчим книгам и четьям сборникам типа «Златая цепь», «Златоуст», «Пандектам» и «Тактикону» Никона Черногорца, а также сборникам неустойчивого состава XV в.⁴⁵

Статьи объединены несколькими темами, главные из которых: обличение симонии, т. е. поставления на мзде; недостатки священнослужителей; утверждение трудности спасения души, для чего необходимы исповедь и покаяние; призыв не слушать волхвов и лжепророков; актуальность приближения Страшного Суда и др.⁴⁶ Центральное место в составе Трифоновского сборника занимает

---

⁴³ Встречаются водяные знаки: — «Бык» сходен с Брикe № 14160 (1383 г.), 14156 (1382–1383 гг.); «Олень» сходен с Брикe № 15516 (1368–1375 гг.), 15517 (1380 г.), 15518 (1383 г.), 15520 (1401 г.); «Сфера» — не определен.

⁴⁴ См.: Седельников А. Д. Следы стригольнической книжности // ТОДРЛ. Т. 1. Л., 1934. С. 128–130; Попов Н. П. Памятники литературы стригольников // ИЗ. 1940. Т. 7. С. 34–45; Клибанов А. И. Реформационные движения в России в XIV — первой половине XVI в. М., 1960. С. 13–34; Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV в. М., 1993. С. 153–166.

⁴⁵ Об этом см.: Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI вв. Каталог гомилий / Сост.: Е. Э. Гранстрем, О. В. Творогов, А. Валевичюс. СПб., 1998; Творогов О. В. 1) Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья первая) // ТОДРЛ. Т. 41. Л., 1988. С. 197–214; 2) Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Агиография) // ТОДРЛ. Т. 44. Л., 1990. С. 196–225; 3) Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Сказания и гомилии на сюжеты священной и церковной истории) // ТОДРЛ. Т. 47. СПб., 1993. С. 3–33; 4) Древнерусские четьи сборники XII–XIV в. (Статья четвертая: Дидактические гомилии) // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1999. С. 20–42; Крутова М. С. Златая цепь. М., 2003.

⁴⁶ Подробнее см.: Алексеев А. И. 1) «Трифоновский» сборник как источник для изучения русской религиозности конца XIV–XV вв. // Средневековое православие от прихода до патриархата. Вып. 2. Волгоград, 1998. С. 129–145; 2) Заметки о «Трифоновском сборнике» // Древняя Русь. 2005. № 3 (21). С. 6–7.

компилятивное сочинение «Власфимия», «пореклу хула на ереси».

Под названием Власфимия (от греч. βλασ-φημία — 1) злословие, хула, поношение; 2) кощунство (в заглавии переведено «рекше хулы на еретики») в древнерусской книжности известен компилятивный трактат, состоящий из различного рода статей, большая часть которых объединена темой обличения симонии. На сегодняшний день известны два списка этого сочинения. Древнейший список Власфимии (РНБ. Соф. Собр. № 1262. Л. 63 об.—113. Начало XV в. Далее — «Т») находится в составе Трифонового сборника. Второй список содержится в так называемом «Потребнике митрополита Макария» (РНБ. Сол. собр. 1085/1195 Л. 628—684. Далее — «М»), написанном «дьячишко Алексеем» в 1504 г. для игумена Якима из новгородского Рождества Богородицы Лисогорского монастыря.

В поле исследовательского внимания Власфимия попала по причине ярко выраженной полемической направленности. А. С. Павлов и Пл. Соколов связывали ее происхождение с событиями вокруг знаменитого церковного собора 1311 года, на котором великий князь Михаил Андреевич Тверской пытался добиться осуждения митрополита Петра.⁴⁷ А. Д. Седельников и А. И. Клибанов считали Власфимию вышедшей из среды еретиков стригольников.⁴⁸

Принципиально важный вопрос о происхождении этого трактата остался нерешенным. Если Пл. Соколов не сомневался в его греческом происхождении, то А. И. Клибанов настаивал на том, что компиляция возникла на русской почве. В. А. Кучкин указал, что источниками канонических статей памятника послужили хорошо известные на Руси тексты Номоканона и Рязанской кормчей.⁴⁹

О структуре памятника приходится судить на основании двух дошедших списков. В оглавлении обоих списков числятся 67 глав, однако, Власфимия в списке «Т» содержит лишь 62 главы (нет глав 63—67), а в списке «М» — 65, так как отсутствуют тексты глав 22-й и 63-й. Совпадают тексты глав: 1—12 (заглавие 10-й главы содержит общую ошибку: текст 21 правила 6-го собора назван 22-м правилом), 14—21 (в 13-й главе совпадают тексты 23 канона 6-го

⁴⁷ Павлов А. С. Два послания к великому князю Михаилу Ярославичу Тверскому константинопольского патриарха Нифонта I и русского инока Акиндина // Православный собеседник. Ч. II. СПб., 1867. С. 236—253; РИБ. Т. VI. Стб. 147—158; Соколов Пл. Русский архиерей из Византии. С. 211—243.

⁴⁸ Седельников А. Д. Следы стригольнической книжности. . . С. 128—130; Клибанов А. И. Реформационные движения в России. М., 1960. С. 13—34.

⁴⁹ Кучкин В. А. Источники «Написания» мниха Акиндина // АЕ за 1962 год. М., 1963. С. 60—67.

собора, но вместо 21-го канона в «Т» читается отрывок от Иоанна Златоуста), 23–31 (глава 29-я одинаково ошибочно в обоих списках озаглавлена правилом 22-м 7-го собора, хотя представлен текст 1 правила 7-го собора), 33–42, 44, 47, 49–53, 58–62. Тексты, обозначенные в «М», как 56 и 57 главы, находят соответствие в лишенных нумерации в этой части трактата текстах «Т». Таким образом, полностью совпадают в обоих списках тексты 53 глав, что составляет 4/5 памятника; главы 13, 32, 43, 45, 48 обнаруживают частичные совпадения.

С известной долей условности в составе Власфимии можно выделить: 1) канонические статьи, заимствованные из кормчих книг; 2) выписки из толкований на библейские тексты; 3) тексты, восходящие к гомилиям; 4) фрагменты житий. В 62 главах сборника по списку «Т» канонических статей всего 54; толкований на евангелие и библейские тексты — 9; гомилий — 39; агиографических отрывков — 2; одна статья неустановленного происхождения; итого — 105. В 61 главе трактата по списку «М» (вне счета 4 русские статьи) канонических статей — 44; толкований — 4; гомилий — 13; агиографических отрывков — 2; одна статья неустановленного происхождения; итого 64. Излишествовавшие в «Т» по сравнению с «М» статьи (на 41 отрывок больше) в основном принадлежат к церковно-полемической литературе (26 позиций). Очевидно, что мы имеем дело с двумя редакциями памятника.

Решение вопроса о том, какая из редакций представляет первоначальный вид трактата, затруднено. Существует возможность определить цели и задачи редакторской работы как в сторону сокращения, так и в сторону распространения памятника. Вид памятника, представленный в списке «М», находится в составе монастырского требника, имеет четкую структуру (в частности, правильный порядок глав 54–57), содержит почти исключительно канонические статьи. Список «Т» дошел до нас в составе четьего сборника неустойчивого состава; ряд глав перегружен церковно-полемическими статьями в такой степени, что утрачивается единство тематики.

Не исключено, что редактор списка «Т» видел свою задачу в том, чтобы дополнить канонические статьи трактата материалом из имеющихся в распоряжении четьих сборников, который усиливал полемическую направленность Власфимии. С другой стороны, целью редактора списка «М» вполне могло служить стремление избавить канонический трактат от обилия статей полемического и

учительного характера и придать ему более строгий вид. В пользу этого мнения могут свидетельствовать: пропуск главы 22 («изложение рекше воспоминание бывающаю церковнаго соединения при Костянтине и Романе»); сильное сокращение глав 32-й (подборка толковых и учительных текстов), 43-й, 45-й, 48-й. Особое внимание обращает на себя сильное сокращение 62-й главы (123 новелла Юстиниана) и пропуск 63-й (Правило митрополита Кирилла).

В этом случае можно уверенно утверждать, что редактор сознательно устранил тексты правил, в которых усматривал оправдание симонии. 123-я новелла Юстиниана часто встречается в известных на Руси кормчих в виде 32-й главы собрания Иоанна Схоластика,⁵⁰ а также в составе сборников смешанного содержания;⁵¹ позднее она составила 88-ю главу «Стоглава».⁵² Это каноническое правило составитель снабдил заголовком «се же есть предание Антонина еретика возведена о Устиньяна на благочестивого царя того же Иоанн Златоустый Антонина еретика прокля».⁵³ Отсутствующее в тексте памятника правило митрополита Кирилла II в оглавлении помечено: «В нем же ересь Симона Волхва и Антонина еретика в закон введена. Се правило в начале право, а в конце проклято».⁵⁴

Мы усматриваем главный мотив соединения в одном трактате подборки канонов с полемическими пассажами, главным образом надписанными именем Иоанна Златоуста, в параллели между житием последнего (эпизод с осуждением Антонина собором епископов под председательством Иоанна Златоуста в Константинополе)⁵⁵ и темой обличения симонии в каноническом праве.

Приведем цитату из Рязанской кормчей: «Повеле сборь златоубо поставльшихся на мзде възяти от наследник поставльшаго их на мзде Антония, умерль бо бе уже поставльшим же ся токмо причащатися в олтари повеле, обаче быти им чюжим службы, да не сим прощеном бывьшим обычай иудейский и египетский будет, иже продаяти и купити священничество».⁵⁶ Можно сказать, что фигуры

⁵⁰ См.: Срезневский И. И. Обзорение древних русских списков кормчей книги. С. 149.

⁵¹ См., например, сборник Филофея Пермского 1480-х годов (ОР РГБ. Муз. Собр. № 3271. Л. 41–41 об.).

⁵² Емченко Е. Б. Стоглав. Исследование и текст. С. 393–394.

⁵³ ОР РНБ. Соф. собр. № 1286. Л. 108 об.–109; ОР РНБ. Сол. собр. № 1085/1195. Л. 676.

⁵⁴ ОР РНБ. Сол. собр. № 1085/1195. Л. 629.

⁵⁵ ВМЧ. Ноябрь 13–15. СПб., 1899. Стб. 980–988.

⁵⁶ ОР РНБ. Ф.п.П.1. Л. 198.

Златоуста и его идейного противника Антонина в текстах Власфимии образуют два полюса напряжения, в поле которого органично выстраиваются канонические правила и учительные тексты. Даже в тексты апостольских и соборных правил составитель Власфимии включал имя Иоанна Златоуста.

Ссылки на еретика Антония содержатся в следующих местах Власфимии: в Послании Василия Великого (...обаче же яви ми ся невредно предания Антонина безбожнаго и еже о том рукоположении писание. «Т». Л. 82 об.); в Слове Анастасия Синайского (...Уведахом бо епископа еретика в Кузице граде бывша от макидоньян духобореч, иже боляше ересью Антонина... «Т». Л. 89); в тексте 29 правила святых апостолов читаем: «яко же Симон волхв от мене Петра и Ивана» («Т». Л. 66; «М». Л. 632), ту же прибавку имени Златоуста обнаруживаем и в тексте 5-го правила Седьмого Вселенского собора («Т». Л. 68 об.; «М». Л. 636). Примером канонического употребления сочинений Иоанна Златоуста может служить Тактикон Никона Черногорца. Еще Розенкампф заметил, что почти все 63 слова начинаются «выписками из Златоустовых толкований нового завета и из других творений сего святителя».⁵⁷

Исследования Е. В. Беляковой и др. над материалом Кормчих книг XIV–XV вв. обнаруживают, что этот период был временем интенсивной работы по составлению канонических компиляций, в которых традиционные статьи кормчих дополнялись «обращенными к властителям учительными статьями, носящими резко обличительный характер».

В определении места и времени возникновения Власфимии решающее значение имеет установление ее источников. Версии о греческом происхождении трактата противоречит латинское происхождение первых трех глав (отрывки из «Бесед» на Евангелия папы Григория Великого, «Правило 60 св. отцов, сшедшихся в граде Риме»). Как известно, переводы «Бесед» папы Григория были выполнены в X в. с латинского языка в Чехии.⁵⁸

Что касается 6 канона «60 св. отец, сшедшихся в граде Риме»,

⁵⁷ Розенкампф Г. А. Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. Прибавления к указателю № 1. С. 195.

⁵⁸ Центром славянских переводов с латыни в Чехии являлся Сазавский монастырь, см.: Турилов А. А., Флоря Б. Н. Христианская литература у славян в середине X — середине XI вв. и межславянские культурные связи // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия. М., 2002. С. 431.

то его источник пока нами не установлен. Упоминание в тексте этого правила «епистолии папезевы» как будто бы указывает на латинское происхождение. Принимая во внимание, что правило регламентирует порядок поставления в епископы, приходится допустить, что целью переводчика было познакомить с этим порядком славянские земли, находившиеся в церковной юрисдикции Рима. Названным условиям отвечают и Моравия, и Болгария, и сербские княжества. В любом случае причины, по которым составитель апеллировал к этому, по-видимому, не самому распространенному в древнерусской книжности правилу, могли бы пролить дополнительный свет на происхождение Власфимии. Вспомним замечание А. И. Соболевского о том, что «первые переводы произведений западноевропейских литератур, сделанные несомненно в Московской Руси, относятся ко второй половине XV в. и принадлежат по преимуществу Новгороду».⁵⁹

Текстологические наблюдения обнаруживают, что составитель Власфимии пользовался не менее чем тремя видами Кормчих книг. Ему был известен Номоканон 14-ти титулов без толкований, а также кормчая русской редакции, содержащая полные тексты правил. Пока не удалось однозначно установить, какой редакцией Кормчей пользовался составитель Власфимии. По предположению Я. Н. Щапова, в связи с церковным собором 1311 г. в Переславле могла быть составлена Варсонофьевская кормчая.⁶⁰ Опыт сравнения статей Власфимии и Варсонофьевской кормчей позволяет утверждать, что последняя не являлась источником текста памятника.

Согласно выводам Я. Н. Щапова, список кормчей, бывший источником и для Синодального Новгородского списка 1282 г., лег в основу особого извода ее текста, получившего в XV–XVI вв. распространение в Пскове. Церковно-политическое подчинение Пскова новгородской архиепископии позволяет считать, что в Псков кормчая должна была проникнуть не непосредственно с северо-востока, а из Новгорода. Тем самым этот общий архетип синодального и псковского изводов также можно считать новгородским и принадлежавшим по времени незадолго перед 1282 г. — датой Синодального списка (Тихомировский (Библ. СО РАН, Тихом. 39 р. 1-я чет.

⁵⁹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII вв. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 39.

⁶⁰ Щапов Я. Н. Варсонофьевская Кормчая // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 93–101.

XV в.) и Рогожский списки (ОР РГБ. Рог. 256. Нач. XVI в.).⁶¹ Наши наблюдения над текстами правил во Власфимии и в Новгородской Синодальной кормчей позволяют утверждать, что последняя также не была источником статей данного памятника.

Можно уверенно говорить, что составитель имел перед собой Кормчую русской редакции с полными текстами правил и толкований (типа Ефремовской), Номоканон, а также Кормчую типа Чудовской или Софийской.⁶² В пользу последнего предположения свидетельствует факт наличия в составе Власфимии статей владимирского происхождения. 58-я, 63-я и 66-я главы трактата представляют собой соответственно апокрифическое правило 165 св. отцов 5-го собора, краткий анонимный устав «Сий ряд и суд церковный», 1-е правило митрополита Кирилла II, принятое на церковном соборе во Владимире в 1273 году. Последнее правило включено в Новгородскую синодальную кормчую 1284 г. (ГИМ. Син. 132. Л. 539), в Варсонофьевскую кормчую конца XIV в. (ОР ГИМ. Чуд. 4.) и др. Апокрифическое правило 165 св. отцов известно на Руси с XIV в. (ОР ГИМ. Чуд. № 21). Краткий анонимный устав о церковном суде известен в списках второй половины XV в., причем вставка «А с князем наполю» читается в кормчей ОР РНБ. Ф. II. 80 на поле листа.⁶³

Поскольку в старшем списке Власфимии анонимный устав отсутствует, то остается допустить, что либо в списке 1504 г. имело место вмешательство переписчика, либо в протографе был представлен самый ранний вид устава с дополнением. Факт упоминания великого князя Ивана Даниловича в тексте устава по списку Власфимии дает возможность отнести время появления анонимного устава о церковном суде к периоду великого княжения Ивана Калиты (то есть до 1340 г.).

Нельзя оставить без внимания и путаницу с нумерацией апо-

⁶¹ Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 231.

⁶² О Кормчих книгах в редакциях конца XIV–XV вв. см.: Пихоя Р. Г. Пермская Кормчая (О предыстории появления Чудовской Кормчей 1499 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 171–175; Демкова Н. С., Якунина С. А. Кормчая XIV в. из собрания Пермского педагогического ин-та // ТОДРЛ. Т. 43. Л., 1990. С. 330–337; Андропова М. В. К истории Кормчей в соединении с Мерилом Праведным в XV в. (Погодинская редакция) // Byzantinorussica. М., 1994. № 1. С. 113).

⁶³ См.: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подготовил Я. Н. Щапов. М., 1976. С. 203.

стольских и соборных правил, включенных в состав Власфимии. Не удалось обнаружить аналоги текстам, озаглавленным как 47-е, 51-е, 54-е апостольские правила. Эта ситуация может найти объяснение как в отсутствии нумерации правил в одной из кормчей, послужившей источником памятника, так и в новой для XIV в. методике работы составителей канонических сводов, которые стали помещать дополнительные толкования (без указания на то, какие это правила) к правилам в тексте толкований, где имелась отсылка на эти правила.⁶⁴ Составитель и переписчики трактата вполне могли придать правилам ошибочную нумерацию или поместить текст толкования к одному правилу вместо другого.

По словам Е. В. Беляковой, «Распространение псевдонимных правил, с одной стороны, а с другой — утрата подлинными правилами их истинных номеров, как это имело место в Мазуринской редакции, своеобразная анонимность отразилась в русском церковно-правовом сознании. Для русских канонических текстов характерна неточность и приближенность в цитировании, определенная фольклоризация; все правила начинают восприниматься как единая норма».⁶⁵

Источники гомилитических статей преимущественно содержатся в четырех сборниках типа «Златая цепь». Большинство их удалось обнаружить по каталогу М. С. Крутовой.⁶⁶ Изучение репертуара сборников уставных чтений также обнаруживает, что практически все источники Власфимии появились в русских списках не позднее XIV в.⁶⁷ Очевидно, что составитель воспользовался одним или несколькими сборниками XIV в., поскольку конец XIV–XV вв. являются временем активного формирования четырех сборников устойчивого содержания, то установить конкретный тип использованных сборников затруднительно.

Можно с уверенностью утверждать, что источниками ряда гомилий «Трифоновского сборника» и входящей в его состав Власфимии послужили статьи «Златой цепи», «Пандекты Никона Черногорца» (в особенности 36 и 43 главы), Пролог. Составитель исполь-

⁶⁴ Белякова Е. В. Мазуринская кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV–XVI вв. М., 2002. С. 56.

⁶⁵ Там же. С. 68.

⁶⁶ Крутова М. С. Сборники «Златая цепь» в русской письменности. Вып. 5. Ч. 1–2. Методические рекомендации по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990.

⁶⁷ См.: Творогов О. В. Древнерусская переводная гомилетика как предмет исследования // ТОДРЛ. Т. 51. СПб., 1997. С. 186–188.

зовал весь арсенал редакторской работы: сокращал и распространял тексты статей, по своему усмотрению выделял и сливал статьи в главах трактата. Установление источников сборника как раз и затрудняет то обстоятельство, что составитель порою помещал под заголовком того или иного правила отрывок (иногда не с начала, а из середины) из «Слов» Иоанна Златоуста, а затем выписку из текста правила или толкования.

О месте составления Власфимии судить сложно, но судя по языку и составу статей старшего списка, это была Северо-Западная Русь. Компилятор имел под рукой сравнительно богатый набор текстов. Тремя видами кормчей, компендиумом гомилий, толковых, агиографических текстов в XIV в. теоретически мог обладать крупный монастырь. Но предпочтительнее для данного периода нам представляется версия о городском соборе или епископской кафедре. Тематика большинства статей сосредоточена на вопросах поставления священнослужителей, их отношений к пастве, обязанностям духовника, объемах дисциплинарной власти священника и епископа, обличении волхования и лжепророчеств. Статей, трактующих вопросы монастырской жизни, во Власфимии нет. Исключением является 19 правило 7-го собора. Но легко убедиться, что оно в первую очередь адресовано мирянам, поступающим в монастыри или отдающим туда детей. Приходится признать, что средой, к сознанию которой апеллировал составитель, являлось городское духовенство и его паства.

Наличие в составе Власфимии двух посланий к тверскому великому князю Михаилу (64-я и 65-я главы) склоняет В. А. Кучкина в пользу версии о том, что трактат появился в Твери как подборка материалов к Переславскому собору 1311 года. Сравнительный анализ трактата и связанного с тем же собором «Написания» Акиндина обнаруживает, что общие источники, использованные Акиндином и составителем сборника, почти не имеют текстологических совпадений.

Во Власфимии нет выдержек из законов Моисеевых, 1-й главы Собрания Иоанна Схоластика, начала 1-го правила Трулльского собора; 30-е апостольское правило дано в ином переводе; отличается текст отрывков из статьи «Воспоминание церковного соединения...».⁶⁸ Отсюда можно заключить, что Акиндину был

⁶⁸Подробнее см.: Кучкин В. А. Источники «Написания» мниха Акиндина. С. 67.

известен другой канонический сборник, в котором эти правила были. Единственный текстологический аргумент — это совпадение небольшого отрывка из «Написания» Акиндина (из окружного послания Константинопольского архиепископа Геннадия) с отрывком 11-й главы Власфимии.

На основании этого совпадения сложно судить об использовании Акиндином текста Власфимии. В. А. Кучкин полагает, что данный отрывок «не восходит к какому-либо каноническому тексту», поскольку в нем Халкидонский собор характеризуется как «збор святых апостол и отец».⁶⁹ Однако стоит заметить, что на Руси с XIV в. стали появляться сборники, объединявшие в своем составе канонические и учительные статьи. Таково, например, соединение Кормчей Мазуринской редакции со статьями из состава Мерила Праведного. При этом писец рукописи озаглавил сборник «Книга глаголемая правила святых апостол и святых отец».⁷⁰

Не восходят ли некоторые статьи Власфимии к текстам, читающимся в составе подобных компиляций? В любом случае единственный текстологический аргумент, приведенный В. А. Кучкиным, не имеет решающего значения, пока не опровергнут тезис об общем источнике Власфимии и «Написания». Представляется крайне маловероятным, чтобы Акиндин, имея перед собой Власфимию, содержащую исчерпывающую подборку канонических и полемических статей против симонии, лишь однажды воспользовался ее текстом, заимствуя остальные ссылки из других источников. Скорее речь может идти о цитировании (более пространным во Власфимии и сокращенном в «Написании») общего источника.

Тот факт, что «Написание» составляет 65-ю главу в младшем списке Власфимии, заставляет предположить, что оно наличествовало уже в протографе памятника. Мы усматриваем здесь аргумент в пользу более позднего по сравнению с «Написанием» происхождения Власфимии. Период времени, в который была составлена Власфимия, помещается между датами «Написания» Акиндина (то есть около 1311 г.) и датой старшего списка трактата (1390-е–1410-е гг.).

Тверская версия происхождения Власфимии не является единственной. Политический контекст создания памятника можно усматривать как в противостоянии московского митрополита и нов-

⁶⁹ Там же. С. 65. Примеч. 43.

⁷⁰ Белякова Е. В. Мазуринская кормчая. С. 57–58.

городцев по вопросу о митрополичьем суде, так и в противостоянии псковичей новгородскому архиепископу.⁷¹ Вспомним, что исходной точкой многолетнего конфликта послужил 1386 год, когда новгородцы на вече целовали крест на том, «что не зватися к митрополиту, судити владыке Алексею в правду по манакануну...».⁷² В серьезные конфликты по вопросу о владычном суде вступали и псковичи.⁷³ Социально-религиозный фон конфликта легко понять, обратившись к свидетельству «Стоглава», отцы которого сочли нужным осудить новгородскую практику: «А толко владыка попа пришлет х которой церкви, хотя грамоте горазд и чювствен, а толко многих денег уличаном не даст и они его не примут».⁷⁴ Этот текст заставляет отказаться от представления о том, что злоупотребления при поставлении в священнический сан могли совершаться только иерархами.

Происхождение обоих списков из пределов Новгородской архиепископии в любом случае свидетельствует об актуальности темы обличения симонии для Новгорода и Пскова. Вместе с тем стоит отметить и тот факт, что оба списка происходят из промосковски настроенных монастырских центров: Троицкого Видогощинского и Рождественско-Богородицкого Лисогорского. Оба престола главных храмов были посвящены особенно почитаемым в Московской Руси праздникам и не имели корней в новгородской традиции.⁷⁵

Власфимия не получила распространения в древнерусской книжности. Причиной этого мы склонны считать ее острую полемическую направленность, в силу которой искусно составленная подборка безусловно канонических текстов могла восприниматься, как покушение на авторитет высшей иерархии. Другой причиной следует считать сложный характер памятника, препятствующий обращению к нему недостаточно подготовленных книжников. В XV–XVI вв. нужду в канонических правилах и поучениях удовлетворяли различные редакции кормчих книг, оформившиеся типы сборников уставных чтений и авторитетные канонические компиляции. Обличению симонии была посвящена грань Кормчей Мазуринской

⁷¹ См.: Янин В. Л. Из истории новгородско-московских отношений в XV в. // Средневековый Новгород. М., 2004. С. 297–305.

⁷² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 2. С. 342; Т. 43. С. 143.

⁷³ ПСРЛ. Т. 3. С. 348 (1337 г.); Т. 5. Вып. 2. С. 119 (1410 г.); 130–131 (1435 г.).

⁷⁴ Емченко Е. Б. Стоглав. С. 309.

⁷⁵ См.: Бобров А. Г. Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 90, 94–97.

редакции, а также специальные разделы о правилах поставления епископов и клириков в Кормчих и других канонических трактатах (например, «Зинар»). Власфимия многократно превышает их по объему, но уступает в целостности. Этим обстоятельством можно объяснить и ее слабую распространенность.

Остается сказать об отношении Власфимии к ереси стригольников «или среде ее породившей». Перед нами безусловно памятник эпохи интенсивной катехизации (углубленной христианизации), но памятник вполне ортодоксальный, выражающий наиболее болезненную для религиозности раннего средневековья тему обличения симонии. Поскольку симония (фактически осквернение Богом данной благодати) грозила уничтожить сакральную силу иерейского чина в глазах мирян, то актуальность обретали требования чистоты жизни, дар учительства, нравственные качества и правила поведения. При этом оказывались затронуты многообразные формы взаимоотношений духовенства и мирян, вопросы о правах и обязанностях духовника и исповедующихся, об объемах дисциплинарной власти митрополита над епископами и епископа над священниками и т. д. Не случайно возникло противопоставление Симона-волхва, обладающего способностями творить фокусы обманом, и апостола Петра, крепкого своей верой в Христа.

Свойственное средневековью мироощущение устанавливало прямую зависимость между соблюдением предписанных ритуалов и благополучием общества. Не случайно и составитель Власфимии,⁷⁶ и обличитель симонии монах Акиндин,⁷⁷ и митрополиты Фотий⁷⁸, и Зосима⁷⁹, и псковский летописец⁸⁰ обратились к пространному цитированию главы из книги Левит, в которой Бог диктовал Израилю условия выполнения заключенного с Моисеем обета, большая часть которого была посвящена соблюдению сакральных предписаний: «Если вы будете поступать по уставам Моим и заповеди Мои будете хранить и исполнять их, то Я дам вам дожди в свое время, и земля даст произрастения свои, и деревья полевые дадут плод свой, и молотба хлеба будет достигать у вас собирания винограда, собирание винограда будет достигать посева, и будете есть хлеб свой

⁷⁶ ОР РНБ. Соф. собр. № 1262. Л. 72 об.–73.

⁷⁷ РИБ. Т. 6. Стб. 155.

⁷⁸ Фотий, митрополит Киевский и всея Руси. Сочинения. Книга глаголемая Фотиос / Подгот. текстов Н. А. Кобяк, А. И. Плигузов. М., 2005. С. 254–255.

⁷⁹ ОР РГБ. Троицкое собр. № 122. Л. 206–207 об.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. С. 170. Псковская 3-я летопись.

досыта, и будете жить на земле безопасно; пошлю мир на землю, ляжете, и никто вас не обезпокоит, сгоню лютых зверей с земли, и меч не пройдет по земле вашей» (Лев. 26: 3-6).

В случае же нарушения заповедей — «пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно, и враги ваши съедят их» (Лев. 26: 16); «...и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет; если же вы укроетесь в города ваши, то пошлю на вас язву, и преданы будете в руки врагов...» (Лев. 26: 25). Покаяние и обращение вновь открывают перед народом возможность процветания: «Вспомню для них завет с предками, которых вывел Я из земли Египетской пред глазами народов, чтоб быть их Богом» (Лев. 26: 45).

На наш взгляд, мы привели достаточно доводов в пользу тезиса о том, что исследование памятников древнерусской книжности XIV–XV вв. способно пролить свет на многие сюжеты истории русского средневековья, для которого характерен острый дефицит источников.

В. В. Шапошник

К вопросу о поставлении Филиппа Колычева митрополитом

В июле 1566 г. митрополитом Московским и всея Руси стал бывший игумен Соловецкого монастыря Филипп, происходивший из знатной боярской семьи Колычевых.¹ Трагическая судьба этого иерарха и его столкновения с царем Иваном предопределили тот интерес, с которым исследователи обращаются к событиям, связанным с его недолгим двухлетним первосвятительством. Источники говорят о том, что Филипп — один из величайших деятелей в истории Русской Церкви.

Литература, посвященная Филиппу Колычеву, обширна. Однако обилие научных трудов ни в коей мере не свидетельствует о том, что свое разрешение нашли все вопросы, связанные с жизнью знаменитого митрополита. Дело в том, что у ученых нет не только единого мнения по целому ряду проблем, но существуют

¹ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 403.

и диаметрально противоположные взгляды. В связи с этим новое обращение к причинам поставления Филиппа Колычева является оправданным.

Какова же была ситуация в Москве в тот момент, когда в ней появился Филипп?

19 мая 1566 г. митрополию оставил Афанасий. Самого царя в столице тогда не было, он находился в поездке по южным городам страны. Приехал Грозный лишь 28 мая.² Очевидно, что следовало как можно скорее решить вопрос о новом митрополите, однако Иван не стал задерживаться в Москве и 30 мая выехал в Троицу, вернувшись в столицу лишь 4 июня. 30 же мая прибыли литовские послы и начались трудные переговоры.³

По свидетельству А. М. Курбского, Иван IV пригласил на пост митрополита архиепископа Казани Германа Полева. Однако тщательное изучение источников показывает, что это известие не соответствует действительности.⁴

Соловецкий игумен Филипп появился в Москве между 2 и 20 июля 1566 г. Сведения о его предшествующей жизни содержатся в различных документах и неоднократно являлись предметом изучения историков. Одним из основных источников, рассказывающих о Филиппе (до пострижения — Федоре Степановиче Колычеве) является его Житие. Несмотря на все разногласия среди исследователей по поводу того, какая редакция является первичной, признается большая достоверность этого источника.⁵

Многие исследователи связывают уход Федора Колычева из Москвы и «мятеж» князя Андрея Старицкого в 1537 г.⁶ В неко-

² Там же. С. 401.

³ Там же. С. 402.

⁴ Шапошник В. В. Был ли Герман Полев митрополитом? // Российская государственность: История и современность. СПб., 2003. С. 128–133.

⁵ Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 62; Колобков В. А. 1) Историческая достоверность «Жития св. Филиппа» // История Православия в России: Люди, факты, источники. СПб., 1995. С. 18; 2) Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 101–116.

⁶ См., например: Яхонтов И. Жития святых северорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 145; Зимин А. А. 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 92; 2) Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 225; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси в XIV–XVI вв. Подвижники Русской церкви. Новосибирск, 1991. С. 282; Первушин Н. В. Св. Филипп, митрополит Московский. Священство и царство в сред-

торых научных трудах утверждается даже, что Федор мог быть непосредственно замешан в событиях и, следовательно, Москву покинул, спасая свою жизнь.⁷ Однако никаких доказательств участия Федора в событиях на стороне Старицкого не имеется. Как писал Г. П. Федотов, «мы не желаем и не имеем права представлять себе Федора Колычева заговорщиком против московского правительства, бегущим в монастырь, чтобы спасти свою голову». Казнь родственников, некоторые из которых перешли на сторону Старицкого, могла лишь ускорить окончательное принятие решения, которое внутренне вызревало еще раньше. В связи с этим Федотов упоминает о том, что к 30-ти годам будущий митрополит оставался неженатым, что было необычно для древнерусских моральных устоев.⁸ По справедливому замечанию Макария (Веретенникова), от опалы лучше было бежать в Литву, но никак не в далекий северный монастырь.⁹ Уход Федора из Москвы, видимо, не связан непосредственно с его участием в «мятеже», а объясняется какими-то личными причинами.

В Соловецком монастыре для молодого аристократа началась новая жизнь. Его определили под начало к старцу Ионе.¹⁰ В середине 40-х годов Филипп впервые занимает пост игумена. Окончательно на этом посту Колычев утвердился лишь в 1547/1548 гг.¹¹

В конце 40-х — первой половине 60-х гг. Филипп развернул на Соловках бурную деятельность. Монастырь стал процветающим

невековой Руси // Вестник Русского христианского движения. 1979. № 130. С. 62; Булакин Д. М. Филипп II // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989. С. 466; Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. С. 95; Кобрин В. Б. Иван Грозный. СПб., 1992. С. 534; Колобков В. А. Историческая достоверность «Жития св. Филиппа». С. 5.

⁷ См., например: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 182; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 292; Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 534.

⁸ Федотов Г. П. Святой Филипп митрополит Московский. М., 1991. С. 23.

⁹ Макарий (Веретенников). Иконы святителя Филиппа // Макариевские чтения. Вып. 5. Можайск, 1998. С. 139. Примеч. 3. — Если бы Колычев действительно участвовал в «мятеже» 1537 г., то совсем непонятно хорошее отношение царя к обители в период игуменства Филиппа.

¹⁰ Сапожникова О. С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 365.

¹¹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 225. Примеч. 4; Булакин Д. М. Филипп. С. 466.

экономическим и культурным центром, получил множество льгот и вкладов от Ивана Грозного.¹² В начале 50-х годов Колычев несколько раз посетил Москву и, вероятно, встречался с царем.¹³

В историографии существует мнение (наиболее полно обоснованное А. А. Зиминим) о том, что Филипп являлся «нестяжателем», сторонником благовещенского попа Сильвестра.¹⁴ Другие исследователи не склонны считать его таковым. На основании активной хозяйственной деятельности Филиппа В. И. Буганов делает вывод о том, что «вряд ли он был сторонником монастырского нестяжания».¹⁵ Р. Г. Скрынников отмечает, что соловецкие писцы переписывали сочинения крупнейших писателей XVI в., к каким бы течениям они ни принадлежали.¹⁶ По мнению В. Никитина, Колычев «следовал единым заветам преп. Нила Сорского и Иосифа Волоцкого».¹⁷

Каковы же аргументы А. А. Зимина? Во-первых, исследователь указывает на то, что монастырь пользовался особенными привилегиями в середине XVI в., когда у власти находился «всесильный» благовещенский протопоп. Во-вторых, Сильвестр, как и родственники Филиппа, благоволил старицким князьям и происходил из новгородской среды. В-третьих, наказание сыну (заключительная часть Домостроя), автором которого был Сильвестр, перекликается с конкретными действиями, осуществленными Филиппом в вотчине Соловецкого монастыря. В-четвертых, благовещенский священник закончил свою жизнь в обители, «любимый, уважаемый Филип-

¹² Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790. С. 15–28; Соловецкий патерик. М., 1991. С. 49–44; Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание Соловецкого монастыря. Ч. 3. М., 1853. С. 7–29. — Более подробно о деятельности Филиппа на Соловках см.: Зимин А. А. 1) Митрополит Филипп и опричнина // Вопросы истории религии и атеизма. Сб. 11. М., 1963. С. 274–275; 2) Опричнина Ивана Грозного. С. 226–237; Никитин В. Великий игумен Соловецкого монастыря // Журнал Московской патриархии. 1983. № 5. С. 12–18; Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 285–289.

¹³ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 44.

¹⁴ Зимин А. А. 1) Пересветов и его современники. С. 92, 162; 2) Митрополит Филипп и опричнина. С. 277; 3) Опричнина Ивана Грозного. С. 237–240. — К этому мнению присоединился, например, Первушин Н. В. (Первушин Н. В. Св. Филипп... С. 63. О близости Филиппа и Сильвестра, который был «службой боярской партии», писал и Е. А. Белов. (Белов Е. А. Об историческом значении русского боярства до конца XVII века. СПб., 1886. С. 11).

¹⁵ Буганов В. И., Богданов А. П. Бунтари и правдоискатели... С. 97–98.

¹⁶ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 289.

¹⁷ Никитин В. Великий игумен... С. 14.

пом». ¹⁸ В-пятых, побег старца Артемия из монастыря, возможно, был организован Колычевым или игумен посмотрел на него сквозь пальцы. В-шестых, соловецкие старцы не дали на суде обвинительных показаний против Артемия. ¹⁹

Надо отметить, что основной пункт доказательств А. А. Зимина основан на утверждении о том, что Сильвестр сам являлся «нестяжателем». Ранее мы уже имели возможность показать, что данный тезис неверен. Сомнения вызывает и само существование в середине XVI в. «нестяжательства» как оппозиционного течения по отношению к официальному руководству Русской церкви. ²⁰ Кроме того, Сильвестр вовсе не был таким «всесильным», как это изображает А. А. Зимин: он являлся лишь ставленником митрополита Макария. ²¹ Симпатии к Соловецкому монастырю царь начал проявлять еще до того, как Филипп стал игуменом, ²² и до прихода к власти «Избранной рады». ²³ Скорее всего, льготы и вклады в далекую северную обитель объясняются не близостью Филиппа к Сильвестру, а хорошим отношением самого царя к игумену, которого он, по свидетельству Жития, знал с детства. ²⁴

Не может служить доказательством особой близости Сильвестра и Колычева и то, что они происходили «из новгородской среды». Если следовать такой логике, то окажется, что все земляки обязательно должны иметь одинаковые взгляды. Участие троюродных братьев Филиппа в «мятеже» Андрея Старицкого едва ли может быть доказательством его собственного «благоволения» удельным князьям. Впрочем, благовещенский поп также вряд ли был осо-

¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 54.

¹⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 237–238.

²⁰ Подробнее см.: Шапошник В. В. Митрополит Макарий и Сильвестр: Союзники или враги? // Макариевские чтения. Вып. 3. Ч. 1. Можайск, 1995. С. 60–71.

²¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30–40-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 231–257; Филюшкин А. И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная рада». М., 1998. С. 309–329.

²² Имеем в виду уже упоминавшийся вклад 1539 г. (Соловецкий летописец. С. 14) и разрешение на беспощлинную продажу 6 тысяч пудов соли, данное в 1541 г. (Досифей. Описание... С. 3–7).

²³ Некоторые льготы Соловецкий монастырь получил в октябре-ноябре 1547 г., т. е. в то время, когда «Избранная рада», по мнению самого же А. А. Зимина, еще не пришла к власти. (Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 316).

²⁴ Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 4. Ч. 2. СПб., 1898. С. 9.

бо близок к Старицким: существующие источники не позволяют сделать столь ответственных выводов. Летописные приписки, в которых говорится об участии Сильвестра в освобождении из заключения князя Владимира Андреевича, и позиции благовещенского попа во время событий 1553 г. («боярский мятеж» во время царской болезни) были сделаны спустя десятилетия после событий и имеют явную публицистическую направленность.²⁵

Кроме приписок, А. А. Зимин доказывает близость Сильвестра к Старицким тем, что в 50-е годы XVI в. Анфим (сын священника) снабжал дворецкого князя Владимира драгоценными тканями.²⁶ Однако нам подобное построение не кажется убедительным: торговые отношения (продавец—покупатель) не могут говорить о политической близости отца продавца к господину покупателя.

Хозяйственные реформы, предпринятые Филиппом на Соловках, едва ли могут быть прямо связаны с наставлением Сильвестра сыну. Очевидно, что игумен проводил те мероприятия, которые были экономически целесообразны. Неубедительно и указание А. А. Зимины на то, что священник окончил свои дни в Соловецком монастыре, сосланный туда царем, но «любимый, уважаемый» Филиппом. Единственное свидетельство о пребывании Сильвестра на Соловках — это «История» А. М. Курбского.²⁷ Однако исследования показывают, что в этом монастыре нет никаких следов пребывания бывшего благовещенского попа, но есть серьезные основания считать, что он закончил свою жизнь в Кирилло-Белозерской обители.²⁸

Безосновательно и утверждение о том, что Артемий бежал из заключения с помощью Филиппа или при его молчаливом сочувствии. Нет никаких источников, которые бы позволили обосновать подобное предположение.²⁹ В действительности едва ли обвиненный в ереси Артемий мог оказаться на Соловках, если бы у руководства Церкви были бы какие-нибудь сомнения в лояльности игумена. Позиция на суде Феодорита и Иоасафа Белобаева, поддер-

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 524. — О приписках см.: Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 207–227; Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 255–291.

²⁶ Зимин А. А. Пересветов и его современники. С. 44.

²⁷ Курбский А. М. История о великом князе Московском // ПЛДР. Вторая половина XVI века. М., 1985. С. 314.

²⁸ Филюшкин А. И. История одной мистификации... С. 324.

²⁹ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 45.

жавших Артемия, могла быть вызвана их собственными взглядами, а отнюдь не взглядами и убеждениями Колычева.

Таким образом, доказательства А. А. Зимина не могут свидетельствовать о том, что Филипп придерживался «нестяжательских» взглядов и имел какие-то особые отношения с Сильвестром.³⁰ Очевидно, что Колычев «следовал единым заветам... Нила Сорского и Иосифа Волоцкого».³¹

Довольно сложным является вопрос о том, когда Филипп получил приглашение прибыть в Москву. Церковный историк Леонид считает, что на Соловках узнали об отречении Афанасия и вызове Филиппа для «духовного совета» одновременно.³² По мнению Г. П. Федотова, Колычев получил приглашение приехать в столицу еще до того, как на митрополичью кафедру была выдвинута его кандидатура. Как можно понять, исследователь полагает, что Соловецкий игумен был вызван для участия в Земском соборе, но не успел прибыть на это «политическое совещание».³³ Р. Г. Скрынников утверждает, что Филиппа вызвали в столицу еще до отставки Афанасия, но из-за дальности пути тот смог приехать лишь в середине июля.³⁴ По В. Никитину, царскую грамоту с приглашением в Москву на Соловках получили в июне 1566 г.³⁵

К сожалению, источники не дают ответа на вопрос о том, когда же Филипп был вызван в Москву: в Соловецком летописце конца XVI в. говорится лишь о том, что «в лето 7074-го игумена Филиппа с Соловков на митрополюю взяли к Москве...».³⁶ Согласно

³⁰ Р. Г. Скрынников писал в своей ранней работе о том, что Филипп был «иосифлянином». (Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 403–404). Скорее всего, во второй половине XVI в. не существовало сколько-нибудь значительного различия по вопросам монастырской собственности между большинством влиятельных церковных деятелей.

³¹ Никитин В. Великий игумен... С. 14.

³² Леонид. Жизнь св. Филиппа, митрополита Московского и всея России. М., 1861. С. 65.

³³ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 52.

³⁴ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 293. — В ранней работе исследователь утверждал, что Филипп был вызван в Москву в конце мая — начале июня. (Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 342).

³⁵ Никитин В. Великий игумен... С. 18.

³⁶ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 236; Новикова О. Л. О второй редакции так называемого Соловецкого летописца // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 247.

другому, более позднему списку, Колычев был взят из монастыря по царскому указу в Великий пост.³⁷

Следует заметить, что по убедительным выводам В. Д. Назарова, духовенство специально на Земский собор не приглашалось. Само это совещание было в большой мере импровизацией, потребность в которой возникла в результате переговоров с польско-литовским посольством.³⁸ Из этого следует, что Филипп не мог быть вызван в Москву для участия в Соборе. Мнение Р. Г. Скрынникова о том, что игумен был вызван еще до отставки Афанасия, ничем, кроме указаний на Великий пост позднего Соловецкого летописца, не подтверждается. Но Пасха в 1566 г. приходилась на середину апреля,³⁹ и в этом случае выходит, что Филипп получил приглашение еще в марте — первой половине апреля, а в Москве оказался лишь в июле. Таким образом, на сборы и дорогу он потратил около трех месяцев. Это едва ли возможно — ведь по царскому вызову следовало спешить.

Можно с большой долей вероятности предположить, что вызов Колычев получил уже после отставки Афанасия, и связано это было не с Земским собором, а с желанием Ивана Грозного видеть Филиппа митрополитом. Царь сразу после отставки Афанасия решил обратиться к Филиппу. Гонец в монастырь мог быть отправлен в конце мая, на Соловки он попал в июне, и игумен, получив царское предписание, сразу же отправился в путь.

Известно, что Филипп ехал через Новгород.⁴⁰ По свидетельству англичан, дорога от Холмогор до Новгорода занимала около месяца.⁴¹ Следовательно, в этот город будущий митрополит мог приехать в начале июля; затем, в середине месяца, Филипп оказался в Москве. Свидетельство же позднего Соловецкого летописца о том, что игумен был вызван в Москву в Великий пост, могло появиться следующим образом: очевидно, что составитель рукописи пользо-

³⁷ Летописец Соловецкого монастыря. С. 29.

³⁸ Назаров В. Д. К истории Земского собора 1566 г. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 298–299.

³⁹ Зелинский А. Н. Конструктивные принципы древнерусского календаря. М., 1996. С. 44.

⁴⁰ Грамоты св. Филиппа, митрополита Московского и всея Руси в Соловецкую обитель // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 3. С. 198–201; Сапожникова О. С. Слово... С. 373–374; Леонид. Жизнь св. Филиппа... С. 66; ОР РНБ. Соловецкое собр. № 963/1073. Л. 50.

⁴¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 87–88.

вался древними источниками, но при переписке перепутал название поста.⁴² Вполне могло быть так, что вместо Великого поста в первоисточнике фигурировал Петров пост, который действительно необходимо было соблюдать в июне: от 50-го дня после Пасхи до 28 июня.⁴³

Почему же выбор Грозного пал именно на игумена далекого Соловецкого монастыря? Чем определялось решение царя? Исследователи выдвинули множество гипотез. По Н. М. Карамзину, Иван IV желал своим выбором показать особое уважение к христианским добродетелям.⁴⁴ Н. И. Костомаров находит, что все определялось противоречиями, которые были «нередки в поступках полоумного Ивана».⁴⁵ Леонид более подробно остановился на этом вопросе. По его мнению, царь долгое время был знаком с Филиппом, любил монашеские добродетели и знал, что игумен северной обители не участвовал в политических событиях.⁴⁶ Макарий (Булгаков) убежден в том, что инициатива избрания всецело зависела от воли царя, который рассчитывал на то, что Филипп, получивший столько знаков внимания в бытность игуменом, «охотно согласится быть в полной его воле и, занимая митрополитскую кафедру, будет постоянно держать его сторону и ни в чем не станет ему противоречить».⁴⁷

Г. П. Федотов считает, что в выборе митрополита сыграли роль

---

⁴² Соловецкий летописец в 1790 г. был опубликован Г. Бороздиным. К нему рукопись попала от приятеля — П. П. Федотова, а Федотову досталась в 1778 г. от отца, который был монахом Соловецкого монастыря. В этом памятнике существует путаница с месяцами: так, проезд комиссии в Соловки для разбирательства «дела» Филиппа датируется сентябрем 1568 г. (С. 29), в то время как в опубликованном В. И. Корецким раннем списке фигурирует не сентябрь, а «весна» 1568 г. (*Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 236*).

⁴³ *Бондаренко Э. О. Праздники христианской Руси. Калининград, 1993. С. 362.*

⁴⁴ *Карамзин Н. М. История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 55.*

⁴⁵ *Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1990. Т. 1. С. 478.*

⁴⁶ *Леонид. Жизнь св. Филиппа... С. 67–68.*

⁴⁷ Макарий (Булгаков). *История Русской церкви. Кн. 4. Ч. 1. М., 1996. С. 165.* Таково же мнение А. В. Карташева (*Очерки истории Русской церкви. Т. 1. М., 1991. С. 445*) и Н. Иванова: «в 1566 г., когда тирания Ивана Грозного достигла высшего предела, он захотел, чтобы рядом с ним находился человек, пользующийся в широких кругах населения неограниченным доверием и тем самым как бы оправдывающий его деятельность». (Цит. по: *Первушин Н. В. Св. Филипп... С. 63*).

духовные противоречия, характерные для Грозного, который всегда соединял свои злодеяния со страстной набожностью. Он хотел видеть святого пастыря на кафедре, но вместе с тем «желал сохранить для себя полную свободу действий; желал иметь в святом молитвенника, но не судью своей совести». Поэтому царь искал достойнейшего и нашел его в лице Филиппа.⁴⁸

П. А. Садилов привел множество причин, по которым выбор Ивана IV остановился именно на Соловецком игумене: популярность как очень энергичного организатора, давнее знакомство с царем, приемлемость его кандидатуры для различных общественных кругов (принадлежность к старому боярскому роду, наличие родственников в опричнине, хозяйственная активность, отсутствие кровных связей с княжеско-боярским землевладением, безупречность в личной жизни).⁴⁹ С выводами П. А. Садилова солидаризировался А. А. Зимин, сделавший, правда, несколько добавлений: Грозный не хотел резко рвать с некоторыми кругами боярства и, кроме того, после неудачи с «иосифлянином» Германом Полевым, решил обратиться к их противникам — «нестяжателям». Среди последних лишь две фигуры могли рассматриваться как будущие митрополиты — Пимен Новгородский и Филипп Колычев. Но Пимен представлял Новгород, который, по мнению царя, «таил в себе крамолу». Остался лишь Филипп, в пользу которого высказался и Освященный собор.⁵⁰

Совершенно новую интерпретацию событий предложил Р. Г. Скрынников. По его мнению, царь был против кандидатуры Филиппа по многим причинам: слишком тесная связь с верхами боярства, связь с Новгородом, который всегда вызывал подозрения Грозного, участие в молодости в мятеже Старицких, непреклонный характер и большое честолюбие. Однако после изгнания с митрополичьего двора Германа Полева, вызвавшего возмущение Боярской думы и Освященного собора, Иван вынужден был пойти на уступки земщине в вопросе о новом митрополите. Филиппа выдвинула группировка конюшего И. П. Федорова, с которым он состоял в дальнем родстве.⁵¹ В более поздних работах Р. Г. Скрынников не столь категоричен в выводах. Оказывается, что мотивы избрания Филиппа могут быть определены только предположительно. Как

⁴⁸ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 52–43.

⁴⁹ Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 27.

⁵⁰ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 244–245.

⁵¹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 340–343.

пишет исследователь, «тиранические склонности сочетались в личности Грозного с искренней верой и преданностью ... Церкви». Царь много лет знал игумена и уважал его за строгую жизнь и таланты строителя. Грозный заботился о величии и красоте Церкви. Филипп лучше других мог позаботиться об укреплении авторитета митрополичьего дома и устройстве его материальных дел.

Кроме того, после учреждения опричнины Соловецкий игумен оказался в стороне от бурных событий, что также говорило в его пользу. Наряду с плюсами, кандидатура Филиппа имела в глазах царя и минусы: связь с боярством и Старицкими, новгородские корни, непреклонный характер. В конце концов вопрос решился в пользу Колычева благодаря «церковной оппозиции и более могущественным силам, которые стояли за ее спиной». «По-видимому, конюший И. П. Федоров и его сторонники сыграли какую-то особую роль в приглашении Филиппа на митрополию».⁵²

По Д. М. Буланину, основной причиной избрания Филиппа была его «кипучая деятельность» в Соловецком монастыре.⁵³ Для В. Б. Кобриня появление кандидатуры Колычева «совсем неожиданно». Единственное, что могло привлечь царя, — это то, что двоюродные братья будущего митрополита служили в опричнине.⁵⁴ А. П. Павлов признает, что «трудно назвать конкретную причину, обусловившую... выбор» царя. Возможно, пишет далее исследователь, Грозного привлекали способности Филиппа как администратора и «хозяйственника» и то, что сородичи соловецкого игумена оказались зачислены в опричнину.⁵⁵ Б. Н. Флоря основную причину избрания Колычева видит в расчете царя на то, что «взысканный его милостью игумен будет его послушным орудием».⁵⁶

Причину того, почему именно на Филиппа пал выбор Грозного, следует, видимо, искать в тех представлениях о роли духовной власти и ее отношении к светской, которые сложились у царя к середине 60-х гг. и нашли свое отражение в первом послании Курбскому. Примеры из истории древнего Израиля призваны были доказать: «священники» не должны обладать политической, государственной

⁵² Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 291–292. См. также: Скрынников Р. Г. Государство и Церковь на Руси... С. 292–293.

⁵³ Буланин Д. М. Филипп. С. 466.

⁵⁴ Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 534.

⁵⁵ Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. // История России: Народ и власть. СПб., 1997. С. 218.

⁵⁶ Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 207.

властью — сам Бог, избавив евреев от египетского рабства, поставил над ними как царя Моисея, а Аарон должен был священствовать, но «людского строения ничего не творити». В вину Сильвестру ставилось то, что он «вместо духовных, мирская нача советовати».⁵⁷

С этой точки зрения кандидатура Филиппа была для царя наиболее приемлема: игумен далекой северной обители не запятнал себя в глазах Ивана участием в «мирских» событиях, никогда не участвовал в печалованиях за опальных (как огромное большинство архиереев и настоятелей монастырей),⁵⁸ отличался подвижничеством и строгостью жизни; организаторские способности Колычева были также широко известны.

Представляется, что именно неучастие в политических событиях, «оторванность» от столичной жизни и являлись основными критериями, по которым царь и предложил митрополичий престол игумену Филиппу. Очевидно, определенную роль в выборе сыграло и то, что Грозный лично знал претендента с детских лет, и то, что в опричнине служили некоторые представители семьи Колычевых.

Причем, по нашему мнению, Филипп был приглашен в Москву тогда, когда царь уже решил сделать его митрополитом. Как писалось выше, Герману Казанскому, скорее всего, престол не предлагался. Курбский лишь записал сильно искаженные слухи, дошедшие в Литву. В связи с этим утверждение А. А. Зимина о том, что сделав ошибку в выборе «иосифлянина», Грозный решил сделать ставку на «нестяжателя», представляется сомнительным. Это относится и к дальнейшему ходу мыслей ученого о существовании двух видных фигур «нестяжателей» — Пимена и Филиппа, но Пимен представлял Новгород. Если бы царь руководствовался этим критерием, то кандидатура Колычева также была бы отвергнута — он имел связи в Новгороде, да и сам Соловецкий монастырь принадлежал новгородской епархии.

Добавим, что «нестяжательство» и Пимена, и Филиппа (как уже указывалось) невозможно обосновать. Тесная связь Колычева с Сильвестром, на которой настаивает А. А. Зимин, была бы аргументом против его выдвижения — известно же, как царь относился к Сильвестру. Но дело в том, что такой связи между этими церковными деятелями не было, и многочисленные пожалования в Соло-

⁵⁷ ПИГАК. С. 21, 30–31.

⁵⁸ Большое количество представителей духовенства, в том числе настоятели крупнейших монастырей, участвовало в печалованиях по опальным. См.: СГГД. Ч. 1. М., 1813. С. 470–473; 484–487; 503–406; 533–437.

вещкий монастырь осуществлялись, видимо, по инициативе самого царя.

Близость к Старицким, о которой писали некоторые исследователи, также не была в глазах Ивана IV минусом: сам Филипп в «мятеже» князя Андрея в 1537 г. участия, скорее всего, не принимал. «Фамильное благорасположение»⁵⁹ к удельной семье является, может быть, не более чем преувеличением. В самом деле, следуя этой логике, выходит, что все Колычевы были близки к Владимиру Андреевичу. В таком случае совершенно непонятным является факт их присутствия в опричнине.

Построения Р. Г. Скрынникова о причинах поставления Филиппа также недостаточно аргументированы. Во-первых, Афанасий ушел на покой добровольно,⁶⁰ а Герману, скорее всего, митрополичий престол не предлагался. Следовательно, у Освященного собора и руководства земщины не было никакого повода быть «возмущенными бесцеремонным вмешательством опричнины в церковные дела». Во-вторых, нет никаких доказательств «распри с церковной властью» и «исключительно трудного положения царя», который якобы в результате этого «вынужден» был пойти на уступки в вопросе о новом митрополите. В-третьих, ничем не подтверждаются утверждения Р. Г. Скрынникова об особой роли, которую сыграла боярская группировка И. П. Федорова в выдвижении кандидатуры Колычева. Земский собор 1566 г. продемонстрировал полное единство руководящих кругов Москвы по важнейшему для царя вопросу — продолжению Ливонской войны. Поэтому до середины июля 1566 г. (т. е. до прибытия в столицу Филиппа) ни о каком «трудном положении» (или более трудном, чем обычно) царя речь, видимо, идти не может.

Мотивы Грозного при избрании кандидата на первосвятительский престол определялись не компромиссом (уступкой «земской оппозиции»), а желанием самого царя иметь митрополитом человека, не замешанного в политических дрызгах последнего времени. Очевидно, что и у Освященного собора, и у Боярской думы никаких протестов против выдвижения Соловецкого игумена не было.

В летописях констатируется факт избрания Филиппа: «Июля в 24 день... царь... Иван Васильевич... с архиепископы и епископы и со всем... освященным собором избрал... на святой великий

⁵⁹ Садигов П. А. Очерки по истории опричнины. С. 28.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 401.

престол... на Русскую митрополию, после Офонасия митрополита, из Соловецкого монастыря игумена Филиппа; и возведоша его того дни на митрополичь двор». Поставление состоялось 25 июля в присутствии царя, царевичей и князя Владимира Андреевича.⁶¹ В своей грамоте в Соловецкую обитель новый митрополит также сообщает о своем поставлении: царь, царевичи, архиепископы, епископы, князья и бояре «принудили» занять великий престол.⁶²

По этим источникам история возведения Филиппа выглядит довольно спокойно. Однако есть еще один документ, сообщающий о том, что все прошло не так гладко. Имеется в виду запись от 20 июля с условиями, на которых Колычев становился митрополитом. Из этой записи видно, что за несколько дней до 20 июля Филипп выступил с заявлением, суть которого состояла в требовании отменить опричнину. Если же этого не произойдет, то игумен категорически отказывался занимать первосвятительский престол. Далее из текста следует, что царь разгневался, но уступил просьбам архиереев и «гнев свой отложил». Филиппу было предложено снять свои требования и не вступаться «в опришнину и царский домовый обиход». На таких условиях игумен мог занять предложенный пост.

Также Грозный выдвинул требование из-за опричнины и домового обихода митрополию не оставлять. Взамен Филипп должен был «советовать» с царем, как и прежние митрополиты при Иване III и Василии III. Претендент согласился с этими условиями и подписал документ. Вместе с ним подписались и члены Освященного собора: Пимен Новгородский, Никандр Ростовский, Симеон Смоленский, Филофей Рязанский, Иосиф Коломенский, Галактион Сарский и Иоасаф Пермский.⁶³

Из этого интереснейшего документа следует, что Филипп выступил против опричнины в первые же дни приезда в Москву, еще до того, как он был официально выбран и введен на митрополичий двор. Расчеты царя на невмешательство своего избранника в политические дела не оправдались. Но дальнейшие действия Грозного не поддаются простому объяснению: вместо того, чтоб отправить

---

⁶¹ Там же. С. 403. — В Псковской летописи ошибочно указывается месяц август вместо июля, что, вероятно, было вызвано запаздыванием известий из Москвы (Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 248). В Соловецком летописце месяц не указан вовсе. (Летописец Соловецкого монастыря. С. 29; Корецкий В. И. Соловецкий летописец... С. 236. См. также: Сапожникова О. С. Слово... С. 382–385).

⁶² Грамоты св. Филиппа... С. 196–197.

⁶³ СГГД. Т. 1. № 193. С. 557–458.

строптивца обратно на Соловки, царь ведет с ним переговоры через Освященный собор, и в конце концов Филиппа убеждают подписать запись и ставиться на митрополию. Чем же определялось такое поведение и царя, и Колычева?

Исследователи предложили множество объяснений событиям — от анализа психологического склада Ивана IV до замысловатых политических комбинаций. Так, Н. М. Карамзин указывал, что царь не хотел дать Филиппу «славы гонимого за добродетель», желал склонить его к безмолвию, явить слабым и сделать как бы соучастником в новых правилах своего царствования.⁶⁴ По Н. И. Костомарову, царь подал Филиппу надежду на свое исправление, что и привело последнего к согласию возглавить Русскую церковь, отказавшись от своих требований.⁶⁵ Г. П. Федотов пишет о том, что Колычева уговорили иерархи, в которых он должен был видеть голос всей Русской церкви. Кроме того, Филипп отказался бороться против опричнины как института, но не отказался бороться против ее злоупотреблений.⁶⁶

В. Б. Кобрину непонятна дальнейшая логика действий царя Ивана. Может быть, пишет далее исследователь, «логика действий деспота обычно включает в себя некую долю непредсказуемости, самодурства? Или мы просто не знаем каких-то небольших, но существенных деталей, которые могут объяснить подоплеку событий?»⁶⁷ По мнению Б. Н. Флори, Освященный собор дал понять царю, что настаивает на избрании именно Филиппа.⁶⁸ В. А. Колобков указывает на то, что требования Филиппа получили «безусловную поддержку» всего высшего духовенства и именно под влиянием иерархов Грозный согласился пойти на уступки.⁶⁹

Неожиданную интерпретацию событий, связанных с поставлением на кафедру Филиппа, предложил Иоанн (Снычев). По его мнению, грамота с обязательствами «не вступаться в опричнину и царский домовый обиход» была составлена благодаря предусмотрительности Грозного и самого Колычева. Тем самым фигура митрополита «выносилась за скобки всех дворцовых интриг»

⁶⁴ Карамзин Н. М. История... Кн. 3. Т. 9. Стб. 55.

⁶⁵ Костомаров Н. И. Русская история... Т. 1. С. 478. См. также: Вернадский Г. В. Московское царство. Ч. 1. Тверь, М., 1997. С. 108.

⁶⁶ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 54.

⁶⁷ Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 534–435.

⁶⁸ Флоря Б. Н. Иван Грозный. С. 208.

⁶⁹ Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. С. 110–111.

и бояре лишались возможности маневра: использования двух центров власти — светского и церковного.⁷⁰ Взгляды этого исследователя связаны с его общими представлениями на роль Ивана IV и события его правления. В данном случае он не опирается на источники, а потому его выводы едва ли могут быть признаны справедливыми.

П. А. Садиков, А. А. Зимин и Р. Г. Скрынников обратили внимание на то, что в июле 1566 г. состоялось крупное выступление земских дворян против опричнины.⁷¹ Однако если первые два исследователя не связывали это событие с протестом Филиппа Колычева, то Р. Г. Скрынников попытался обосновать наличие подобной связи. По его мнению, Филипп не мог бы выступить против опричнины и получить затем митрополичью кафедру без поддержки со стороны Боярской думы и Освященного собора. Инициатором антиопричного выступления дворян был И. П. Федоров.

Таким образом, получается, что выступление Филиппа и участников Земского собора не только совпали по времени, а были тесно связаны друг с другом. Но царь не поддавался давлению, участники фронды (около 300 дворян) были арестованы, затем некоторые из них подверглись смертной казни, а некоторые — торговой. Провал выступления дворян заставил и Колычева снять свои требования об отмене опричнины и подписать ограничительную запись.⁷² Дальнейшие исследования Р. Г. Скрынникова, с некоторыми нюансами, подтверждают подобную трактовку событий: отказ Филиппа от требования отменить опричнину был обусловлен восстановлением права духовенства на печалование за опальных. Новый митрополит сразу же применил это право, добившись помилования большинства дворян — участников выступления. Казни подверглись лишь «мелкие сошки» — В. Ф. Рыбин-Пронский, И. Карамышев и К. Бундов. Основные фрондеры во главе с конюшим Федоровым избежали казни.⁷³

Построения Р. Г. Скрынникова интересны, но не все его положения в достаточной мере опираются на свидетельства источников.

⁷⁰ Иоанн (Снычев). Самодержавие духа. СПб., 1994. С. 157–158.

⁷¹ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. С. 29; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 202–210; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 343–351.

⁷² Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 343–351.

⁷³ Скрынников Р. Г. 1) Царство террора. С. 292–298; 2) Государство и церковь на Руси... С. 293–295.

В самом деле, факт выступления земских дворян против опричнины в июле 1566 г. можно считать твердо установленным. Но этого нельзя сказать о других положениях исследователя. Нет бесспорных доказательств того, что выступление участников Земского собора возглавляли И. П. Федоров, И. И. Пронский и другие видные бояре. Это не более чем предположение, основанное, по признанию самого ученого, на «косвенных данных». Главным показателем являются служебные и соседские связи между тремя казненными дворянами и конюшим, Пронским и Колычевыми. Следующим доказательством служит то, что многие участники Собора 1566 г. были казнены в течение последующих нескольких лет. Наконец, Р. Г. Скрынников ссылается на крах карьеры Федорова, который через несколько месяцев оказался на воеводстве в Полоцке.⁷⁴

Представляется, что этих «косвенных данных» недостаточно для определенных выводов. Соседские и служебные связи вовсе не свидетельствуют о политическом единомыслии; казни в течение ближайших лет могли быть результатом обвинений в других проступках.⁷⁵ Едва ли Федоров был отправлен в Полоцк как опальный. Ведь город находился на самой границе русских владений — далее была Литва, куда боярин мог скрыться в любой момент. Сам же Р. Г. Скрынников приложил много усилий, чтобы доказать, что опальных ссылали не на западные границы, а в недавно присоединенную Казань, из которой бежать можно было только к степнякам.

Еще менее убедительны доказательства Р. Г. Скрынникова о связи между выступлением Филиппа и протестом против опричнины дворян. Исследователь ссылается на свидетельство Таубе и Крузе, которые упоминают о том, что, по мнению царя, выступление Колычева было вызвано уговорами населения и бояр.⁷⁶ Правда, сам историк признает, что «Таубе и Крузе допустили путаницу в своих хронологических выкладках и смешали воедино протесты Филиппа до его избрания и после избрания на митрополию».⁷⁷ Эта хроноло-

⁷⁴ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 346–349.

⁷⁵ Ссылка Р. Г. Скрынникова на А. Шлихтинга, который писал, что царь «немного времени спустя вспомнил о тех, кто был отпущен... велит схватить их и разрубить на куски» (Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 39), едва ли может прояснить ситуацию: слишком расплывчатое выражение «немного времени спустя».

⁷⁶ Послание Таубе и Крузе // Русский исторический журнал. Кн. 8. Пг., 1922. С. 42.

⁷⁷ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 345.

гическая неувязка обесценивает их свидетельство, и кроме того, они пишут не о том, что выступление Филиппа действительно состоялось под влиянием светских лиц, а о том, что так решил царь. Связь между протестами духовенства и знати Р. Г. Скрынников усматривает в том, что Колычева поддерживали земские бояре во главе с Федоровым, который, по его мнению, и был истинным вдохновителем выступления. В противном случае, Филипп не смог бы после своего протеста получить кафедру. Однако, как мы уже писали выше, во-первых, сведений о связях между И. П. Федоровым и Филиппом нет; и во-вторых, по предположению самого же ученого, конюший после выступления земщины был арестован.⁷⁸ Если это так, то совершенно непонятно, как мог арестованный добиться того, чтобы его протеже Филипп после открытого протеста против политики царя (за который сам И. П. Федоров, кстати, по Р. Г. Скрынникову, оказался в заключении) занял кафедру митрополита.

Эти соображения не позволяют присоединиться к мнению исследователя о тесной связи между выступлениями Филиппа и земских дворян против опричнины, о связи между И. П. Федоровым и Колычевым и о том, что Филипп после этих событий не был удален из Москвы благодаря поддержке Боярской думы и Освященного собора. Наконец, необходимо учитывать то, что Филипп долгие годы провел вне столицы и нескольких дней, проведенных в ней, для подобной координации действий с руководством Боярской думы, едва ли было достаточно. Во всяком случае, прямой зависимости между антиопричными выступлениями, видимо, нет.

По нашему мнению, выступление Филиппа объясняется его личным протестом против проводимой царем политики. Совпадение его по времени с действиями членов Земского собора было случайным. Поведение Грозного в этой ситуации можно интерпретировать следующим образом: практически одновременное выступление претендента на митрополию и дворян ставило его в трудное положение.

Сложнее было с Филиппом, которого сам царь прочил на пост митрополита. Перед Иваном IV было две возможности: удалить упряма из столицы и выбирать другого кандидата или убедить Колычева снять свои требования. Первый вариант действий казался проще, но не было гарантии того, что очередной выбранный претендент будет более покладистым. Видимо, и возможности

---

⁷⁸ Скрынников Р. Г. 1) Начало опричнины. С. 349; 2) Царство террора. С. 296.

выбора, по критериям царя, были довольно ограничены. Предлагать же кафедру своим всегдашним «потаковщикам» — Пимену или Левкию также было не совсем удобно. Они были слишком связаны с политическими событиями, находились в их центре, а Грозный, хоть и охотно их использовал в своих целях, считал тем не менее, что истинный пастырь не должен вмешиваться в политические дела.

Кроме того, Пимен действительно, как писал А. А. Зимин, представлял Новгород, а новгородцы вызывали у правителя подозрение.⁷⁹ Левкий же был архимандритом Чудова монастыря, того самого, из которого был приглашен на кафедру Афанасий и куда он удалился в мае 1566 г. Вполне возможно, что Иван IV подозревал, что шаг Афанасия мог быть как-то связан с позицией архимандрита.

Очевидно, что о предложении Филиппу занять митрополичий престол было известно довольно широкому кругу лиц, а не только членам Освященного собора. В таких условиях, удалив Колычева, царь как бы признавал свое поражение. Ему было важно убедить сомневающихся в правильности своих действий.⁸⁰ Опала Филиппа могла вызвать в стране самые неприятные для Грозного толки: о его раздоре не только со светским окружением, но и с высшим духовенством.

Представляется, что не меньшую роль в решении уговорить претендента снять свои требования играло и то обстоятельство, что в Москве находилось многочисленное польско-литовское посольство, до которого с неизбежностью дошли бы слухи о конфликте в московской верхушке, которые тщательно скрывались русским правительством.⁸¹ Могла быть еще одна причина, повлиявшая на намерение Ивана уговорить Филиппа: сам царь упрашивал Колычева

⁷⁹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 245. — Сами жители Новгорода знали о подозрениях царя в их адрес: не случайно в Житии Филиппа указывается на то, что они просили иерарха заступиться за них перед Грозным. См.: Сапожникова О. С. Слово... С. 374; Леонид. Жизнь св. Филиппа... С. 66.

⁸⁰ Обоснованию правильности и справедливости поступков много места уделено в Первом послании Курбскому.

⁸¹ В Литве были неплохо осведомлены о делах в Москве. Так, о выступлении участников Земского собора писал, например, А. Гваньини (Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 111). Изоляция иностранных дипломатических миссий также не приводила к полному успеху: по свидетельству шведского посла епископа Павла Юстена, до них доходили слухи о различных событиях в России (Юстен П. Посольство в Московию 1569–1572 гг. СПб., 2000. С. 105, 121).

занять пост, к этому прошению присоединились и члены Освященного собора.

Отказаться теперь от кандидата было не совсем удобно даже для Грозного: если учесть, что история с Германом основана на недостоверных слухах, то тогда окажется, что в истории России, видимо, не было подобного прецедента — изгнание без пяти минут митрополита из-за политических разногласий с верховным правителем.⁸²

Как бы то ни было, Иван IV вступил с Филиппом в переговоры при посредничестве членов Освященного собора. Отказ Соловецкого игумена от своих требований объяснялся, видимо, давлением духовенства; уговорами некоторых светских лиц⁸³ и расчетами повлиять на действия Грозного, используя право «совета», о котором упоминалось в записи с условиями занятия престола. Исследователи заметили, что подписались под документом не все архиереи, присутствовавшие в Москве: не упоминаются Герман Казанский и Елевферий Суздальский.⁸⁴

По мнению Г. П. Федотова, отсутствие их подписей свидетельствует о том, что они не одобряли «капитуляцию избранного митрополита перед царем».⁸⁵ Р. Г. Скрынников считает, что Грозный вел переговоры не со всем Освященным собором, а с отобранными им самим лицами.⁸⁶ В. А. Колобков предположил, что все архиереи и не должны были подписывать документ.⁸⁷ Но скорее всего, отсутствие подписей не является случайным: Герман Полев (как показали дальнейшие события) являлся противником опричнины, а на позицию Суздальского епископа могло повлиять то, что его епархия с 1565 г. оказалась в опричнине и многие прихожане подверглись репрессиям и принудительным переселениям.⁸⁸ Опальных высылали в епархию Германа (знаменитая «Казанская ссылка»),

---

⁸² Изгнание Даниила и Иоасафа было проведено боярами, а не великим князем. К тому же они уже занимали митрополичий престол. В других случаях митрополиты уходили с кафедры «добровольно»; по крайней мере так это изображалось и объяснялось. В июле 1566 г., когда большое количество лиц знало о существовании дела, подобная тактика едва ли могла принести успех.

⁸³ Грамоты св. Филиппа... С. 196.

⁸⁴ Спустя несколько дней эти иерархи участвовали в поставлении Филиппа в сан митрополита (ПСРЛ. Т. 13. С. 403).

⁸⁵ Федотов Г. П. Святой Филипп... С. 54.

⁸⁶ Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси... С. 294.

⁸⁷ Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. С. 111.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 394.

что также могло повлиять на отношение этого иерарха к действиям Ивана IV.⁸⁹

К 20 июля переговоры об условиях избрания Филиппа на кафедру завершились. Однако подписанные условия отнюдь не исключали конфликта между царем и митрополитом в будущем — они лишь оттягивали его. В самом деле, право «совета», предоставленное Колычеву, в любой момент можно было объявить вмешательством митрополита в опричнину и на этом основании обвинить иерарха в несоблюдении обещания (на это обращал внимание еще Е. А. Белов⁹⁰).

Таким образом, подписанные условия заманивали Филиппа в ловушку, в которую он и должен был рано или поздно попасться. Трудно сказать, сознавал ли Грозный возможность подобного развития событий. Нам представляется, что царь рассчитывал на то, что после отказа Филиппа от требований отменить опричнину митрополит не рискнет открыто протестовать против ее эксцессов: запись была своего рода топором, занесенным над его шеей. По мысли Ивана, она гарантировала царя от всяких неприятных неожиданностей со стороны Колычева. Однако в действительности события развернулись по-другому.

А. Н. Лобин

Артиллерия в царствование Ивана Грозного

Эпоха царствования Ивана Васильевича Грозного характеризуется периодом интенсивных военных реформ и тяжелыми изнурительными войнами с соседями. Военные реформы этого государя были направлены на создание современной военной организации, способной не только оборонять, но и значительно расширить границы Русского государства. Особенности ведения войны в XVI столетии требовали значительного применения нового огнестрельного оружия, поэтому одним из направлений военных реформ стало усовершенствование артиллерии — «наряда». Но следует отметить, что степень изученности данного вопроса нельзя признать удовлетво-

⁸⁹ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 413–417.

⁹⁰ Белов Е. А. Об историческом значении... С. 112.

рительным. Немногочисленные работы¹ не могут восполнить большой пробел в изучении материально-технических особенностей «огнестрельного наряда» Ивана Грозного.

Сложность в исследовании данной темы связана как со слишком малым количеством источников, так и с тем, что источники не исследованы должным образом. Заметки иностранцев о русской артиллерии, как и русские нарративные известия, лишены детализации.

Значительно расширить представление о пушечном литейном искусстве XVI в. могут сохранившиеся описи орудий, составленные дьяками Пушкарского и Разрядного приказов. Это уникальный вид источника, в котором достаточно подробно расписываются конструктивные особенности каждого ствола, «которые пушки по кружалу ядром, и каковы те пушки мерою аршин, и что в которой пушке весу».²

До наших дней сохранились описи московских, смоленских, соловецких, псковских и других орудий, в которых содержится ряд ценнейших сведений о том, как выглядели пушки XVI столетия.

Меньше всего известий сохранилось от раннего периода правления Ивана Васильевича. В архивной Сметной описи Пскова 1696 г. присутствуют лаконичные упоминания о трех больших пищалях «Барс», «Соловей» и «Грановитая», сделанных еще во время регентства Елены Глинской, в 1537 г. (см. Приложение 1. № 1–3).³ В период 1530–1540-х гг. развивались те же тенденции, что и в годы правления Василия III Ивановича: расширение производственной базы, вербовка иностранных мастеров, совершенствование образцов артиллерийских орудий. Иностранцы, посетившие в это время Москву, среди штатного состава Пушечного двора замечали «пушечных литейщиков немцев и итальянцев».⁴

¹ См., например: *Лебедянская А. П.* Очерки по истории пушечного производства Московской Руси // Сборник исследований и материалов Артиллерийского Исторического музея. Вып. 1. М.; Л., 1946. С. 57–84; *Кирпичников А. Н.* Русская средневековая артиллерия. О единообразии в изготовлении орудий и их классификации // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 202–226.

² Архив СПбИИ РАН. Собр. Строева. № 47. Л. 401.

³ Сметная книга Пскова 1696 г. // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Книги Новгородского стола. Кн. 66. Л. 99.

⁴ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах / Введение, пер. и примеч. А. Малеина. СПб., 1908. С. 77–78.

Привлечение иноземных специалистов к «пушечному делу» характеризуется очередным витком в развитии литейного искусства. Вместе с тем русские мастера учились у иноземцев отливать орудия новых конструкций, о чем свидетельствуют ряд источников. Так, в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи сохранился оригинальный экспонат — медная 10-фунтовая «гафуница» (от нем. «*hauffnits*» — гаубица) мастера Игнатия 1542 г., на стволе которой имеется титул: «Иоанн, Божию милостию Государь всея Росии». (см. Приложение 1. № 4). В описи Пскова упоминается «пищаль волконя на вертлюге, мерою два аршина бес четверти, лита в 1543-м году, к ней в онбаре четыреста ядр весом и по кружалу по гривенки бес четверти ядро».⁵ Так как дата отливки приведена от Рождества Христова, то не исключена возможность, что данное орудие было привезено из-за границы или являлось трофейным, хотя версия о российском происхождении этой «вальконеи» («*falconet*») тоже имеет право на существование. Известен факт отливки в 1545 г. партии 16-пудовых фальконетов, или «вальконеек» по итальянским образцам.⁶ Упоминания об орудиях — гаубицах и фальконетах — свидетельствуют о том, что русское правительство тщательно следило за новейшими изобретениями за границей.

В 1547 г. московский пожар уничтожил часть построек Пушечного двора: согласно летописи «погорели за городом большой посад возле Неглимну, Пушечный двор».⁷ Представляется, что литейную восстановили в короткий срок — уже к осени Пушечный двор готовил орудия к походу на Казань. К литью новых орудий правительство стремилось привлечь не только отечественных, но и иностранных специалистов. С этой целью царь Иван Васильевич обратился к императору Карлу V, отправив к нему саксонца Ганса Шлитте с просьбой о присылке специалистов, в том числе пушечных литейщиков, на что царь получил согласие Карла. Однако эта миссия оказалась неудачной, потому что магистр Ливонии убедил импера-

⁵ Сметная книга Пскова... Л. 110–110 об.

⁶ Подробнее см.: Богоявленский С. К. Войско в Москве в XVI-XVII вв. // Москва в ее прошлом и настоящем. Ч. 2. Вып. 4. М., б. г. С. 81. — Итальянские фальконеты представляли собой длинноствольные мелкокалиберные орудия (до 3 фунтов). См. также: *Promis C. Memories historicas sobre el arte del ingeniero y del artillero en Italia y de los escritores militares de aquel pais desde 1285 a 1560. Madrid, 1882. P. 104–105.*

⁷ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 177.

тора не оказывать «москвиту» помощи.⁸ Опасения соседей были вполне объяснимы: еще в 1533 г. Совет всех приморских городов в г. Любеке принял решение не поддерживать морской торговли с русскими, чтобы те не обучались современному европейскому «воинскому искусству».⁹

Тем не менее правительству Ивана Васильевича каким-то образом удалось нанять несколько иностранных специалистов для обучения русских мастеров и производству артиллерии в новом Пушечном дворе.

Общее количество созданных мастерами орудий ко времени первого похода на Казань 1547 г. неизвестно. Летопись лаконично сообщает, что «декабря в 11 день, в неделю, пошел царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси в Володимер, а наряд пушечной и пищальной велел за собою провадити в Володимер же».¹⁰ Большинство из участвующих в походе орудий было безвозвратно потеряно у острова Роботка на Волге: «...прииде теплота велика и мокрота многая, и весь лед покры вода на Волзе, и пушки и пищали многие проваляшесь в воду».¹¹ Неудачно закончились и последующие походы 1549–1551 годов. Потери нескольких орудий в походах не являлись на тот момент катастрофическими: имея мощную производственную базу и высококлассных специалистов, Иван IV постоянно наращивал артиллерийский парк страны.

Одним из лучших мастеров на тот момент, согласно сохранившимся описям артиллерии, был «немец» Кашпир Ганусов (Каспар Гунс), в будущем учитель знаменитого литейщика Андрея Чохова.¹² Нет известий о том, когда Гунс приехал в Россию, сколько всего отлил орудий и колоколов. Изучение документации Пушкарского приказа помогает прояснить лишь некоторые моменты деятельности первого известного немецкого мастера. Исследователь литейного производства Н. Н. Рубцов, один из первых, кто начал интересоваться биографией учителя А. Чохова, полагал, что Кашпир Ганусов был «одним из белорусских или ливонских ремесленников, которых Иван Грозный в большом количестве пересе-

⁸ Щербачев Ю. Н. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Первый выпуск (1326–1569 гг.) // ЧОИДР. Кн. 4. М., 1915. С. 307.

⁹ Фальковский Н. И. Москва в истории техники. М., 1950. С. 260.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 183.

¹¹ Там же. С. 184; ПСРЛ. Т. 13. М., 1965. С. 163.

¹² О нем см., например: Немировский Е. Л. Андрей Чохов. М., 1982.

лял в Москву из захваченных им областей во время Ливонской войны». ¹³

Однако утверждение Н. Н. Рубцова не вяжется с хронологией: первое упоминание о мастере (надпись на «Кашпировой пушке» — см. Приложение 1. № 6) относится к 1554 году, т. е. задолго до Ливонской войны. Вероятнее всего, Каспар Гунс приехал в Россию накануне Казанского похода 1552 г. или русско-шведской войны 1554–1557 гг.

Согласно нарративным источникам, в новом походе на Казань в 1552 г. участвовали «великие пушки», стреляющие ядрами «в колено человеку и в пояс»: «Кольцо», «Ушатая», «Змей Свертной» и «Змей Летячей» и др. ¹⁴

Одно из главных различий в элементах эпитафии между русскими и западноевропейскими орудиями XVI в. заключается в том, что на последних часто присутствовала эпитафия в стихотворной или прозаической форме. Основным элементом русской пушечной эпитафии следует считать титулатуру государя, имя мастера и год отливки. Путем сопоставления подробных описаний орудий и характеристики сохранившихся экспонатов военно-исторических музеев можно в некоторой степени проследить процесс развития пушечной орнаментики. С первой половины XVI в. русская артиллерия, так же, как и западноевропейская, стала «одеваться» в роскошные орнаменты узоров, гербов и надписей. ¹⁵

Почти все орудия XVI в. украшались «травками» — стеблями со своеобразными листьями, опоясывающими частично казенную, среднюю и дульную части ствола. Мотивы орнаментики — изображения диковинных растений, мифических и реальных животных — тесно связаны с западноевропейской традицией. В представлении мастера того времени орудие обладало своим нравом, характером, поэтому крупнокалиберные пушки отличались между собой длиной ствола, калибром, массой и толщиной стенок. Название присваивалось орудию исходя из собственных представлений литейщика о

¹³ Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М., 1962. С. 224.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 8. СПб., 1858. С. 502; ПСРЛ. Т. 19. СПб., 1903. С. 452. — Пушка «Ушатая» участвовала во многих походах Ивана Васильевича: в 1563 г. обстреливала Полоцк, в 1577 г. упоминается в Разрядах Ливонского похода. В дальнейшем, очевидно, была захвачена противником.

¹⁵ Подробнее см.: Лебедянская А. П. Очерки по истории пушечного производства Московской Руси... С. 84

создаваемом им изделии. В этом русские орудия похожи на свои европейские аналоги.¹⁶

В 1553–1554 гг. Каспар Гунс и русский мастер Степан Петров отливали 15 и 16-фунтовые пищали (см. Приложение 1. № 5, 7), а затем, в 1554–1555 гг., указанными мастерами были созданы одни из самых крупных орудий своего времени — «Кашпирова» и «Степанова» пушки калибром в 20 и 15 пудов и весом в 1200 и 1050 пудов соответственно (см. Приложение 1. № 6, 8).¹⁷

Несмотря на отсутствие указаний в источниках, представляется вполне возможным, что осадные орудия «кашпирова» и «степанова» литья участвовали в русско-шведской войне 1554–1557 гг. По указу царя Ивана Васильевича накануне Выборгского похода в Новгород были откомандированы лучшие московские пушкари, которые должны были обучать кузнецов делать «ядра круглые и гладкие», а также зажигательные снаряды для новоотлитых мортир. В документе также впервые упомянуто важное техническое новшество — «кружала», представляющие собой калибровочно-измерительные циркули для измерения диаметров стволов и ядер.¹⁸ О том, что орудия интенсивно отливались в годы русско-шведской войны, свидетельствует грамота от 17 марта 1556 г., указывающая местным властям купить в Новгороде 1500 пудов меди, «которая бы... пригодилась к пушечному и пищальному делу», и прислать ее в Москву.¹⁹

К этому времени иностранные известия говорят о росте военного производства, большом числе новых мощных орудий и постоянном обучении русских пушкарей. Неизвестный англичанин, побывавший в 1557/58 гг. в России, сообщал: «У русских прекрасная артиллерия из бронзы всех родов: маленькие пушки, двойные, королевские, фальконеты, василиски и пр.; у них же есть шесть больших орудий, ядра которых до аршина высотой, так что когда они летят, их легко различаешь; у них много мортир, из которых они стреляют греческим огнем».²⁰ В свою очередь,

¹⁶Подробнее см.: *Essenwein A. Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen. Leipzig, 1872.*

¹⁷Опись московских пушек 1500–1695 гг. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 175 (И. Х. Гамеля). Оп. 1. № 465; Книга прихода-расходная пушкам и пищалам 1694 г. // Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 1 (Пушкарский приказ). Кн. 21. Л. 2.

¹⁸ДАИ. Т. I. СПб., 1848. № 71. С. 131.

¹⁹Там же. № 112.

²⁰*Середонин С. М. Известия англичан о России XVI в. // ЧОИДР. Кн. 4. М., 1884. С. 13–28.*

Марко Фоскарини в середине XVI столетия (около 1557 г.) сообщал, что русская артиллерия «в достаточном количестве снабжена бомбардирами, превосходно устроена, обучена и постоянно упражняется».²¹

Можно с уверенностью говорить о том, что к началу Ливонской войны Русское государство благодаря решительным реформам 1550-х гг. обладало достаточно современной, многочисленной и качественной артиллерией.

За период 1558–1561 гг. сведения о производстве орудий практически не сохранились, а данные об использовании «огнестрельного наряда» носят обобщающий характер. Известно, что с помощью массированного огня артиллерии были захвачены Нарва, Дерпт, Нейшлос и др. крепости. По свидетельству Б. Рюссова, в 1560 г. при помощи «больших огненных бомб» московскими пушкарями был сожжен Феллин, резиденция магистра Ливонского ордена В. Фюрстенберга, причем русские захватили всю артиллерию противника — 18 больших и 450 малых орудий.²²

Небезынтересно отметить, что к 1562 г., накануне истечения перемирия с Великим Княжеством Литовским, в Москву был приглашен один из опытнейших литовских (*sic!*) мастеров — Богдан, отливший до этого в Литве несколько крупнокалиберных орудий.²³ Он вместе с другими литейщиками стал готовить «наряд» к походу на Полоцк. На московском пушечном дворе Богдан отлил большое количество средних и мелких пищалей, известных нам по описям Смоленска и Соловецкого монастыря, и оставил после себя плеяду учеников, один из которых по имени Пятой упомянут в 1671 г. на старом орудии из смоленского арсенала.²⁴

По мнению С. Богатырева, полоцкая кампания сопровождалась интенсивной пропагандой символов, выраженной в том, что отлитые накануне похода царские орудия несли изображение двуглавого орла; до этого, по его словам, «такая символика на русских орудиях не появлялась».²⁵

²¹ Огородников В. Донесение о Московии второй половины XVI века // ЧО-ИДР. Кн. 2. М., 1913. С. 15.

²² Рюссов Б. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. II. Рига, 1879. С. 361–392.

²³ Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина 1671 г. // ДАИ. Т. V. СПб., 1853. С. 296. № 51.

²⁴ Там же. С. 302; № 67. С. 373.

²⁵ Богатырев С. Лестница в небеса: Символика власти Ивана Грозного. // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 12.

Данный вывод видится нам слишком категоричным. Дело в том, что на одной сохранившейся 6-фунтовой пищали 1562 г. мастера Богдана действительно присутствует вылитый двуглавый орел и надпись: «Иван, Божией милостию царь и великий князь всея Руссии в лето 7071».²⁶ Указаний на то, что на остальных пушках к этому времени (т. е. к 1562 г.) были гербы, нет. Появление двуглавого орла на стволе 6-фунтового орудия мастера Богдана, как мы считаем, связано не с пропагандой династических символов, а с традицией и личной практикой этого литейщика: работая ранее в Литве, он всегда отливал на стволах государственные гербы.²⁷ Кроме того, на последующих орудиях 1563–1581 гг. изображение двуглавого орла редко где присутствует. Исключение составляют небольшие пищали А. Чохова и Пятого.

По свидетельству иностранцев, в Полоцкий поход выступило 200 орудий, четыре из которых были стенобитными и тридцать шесть — камне- и огнеметательными орудиями.²⁸ Против Великих ворот царь велел сосредоточить «пушки болшие, Кашпирову, да Степанову, да Павлин, да Орел да Медведь».²⁹ Согласно разрядной книге Полоцкого похода, царь указал воеводе В. С. Серебряному «бити по городу по всему не с одного места изо всего наряду, и из верхних пушек из вогненных и попытати город зажигати. И... город возле больших ворот зажгли до пяти часов до света».³⁰ Падение Полоцка стало крупнейшим событием войны.

В год Полоцкого похода К. Гунс также отлил ряд пищалей, в том числе и «Острую Панну», аналог большой немецкой пушки «*Scharfmetzen*», упоминаемой в большинстве немецких военных трактатов

²⁶ Маковская Л. К. Артиллерийские орудия XV–XVII вв. — памятники культуры Московской Руси // *Victoria. Gloria. Fama. Материалы международной научной конференции, посвященной 300-летию ВИМАИВ и ВС. Ч. IV. СПб., 2003. С. 60.*

²⁷ «Пищаль медная литовского литья, прозвание ей “Дедок”, ядром 19 гривенок, длина 5 аршин без одиннадцати вершок, на ней указны герб, а в гербе рыба с коруною, повыше герба подпись по латыни: “тысяча пятьсот пятьдесят четвертого”, на ней... подпись русским письмом: “русский мастер Богдан”». (Опись Смоленску... С. 296. № 51.)

²⁸ Полоцкое воеводство под властью царя Иоанна Васильевича Грозного // Витебская старина, издаваемая А. П. Сапуновым. Т. IV. Витебск, 1885. Отд. 2. Примеч. 37–39.

²⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 356.

³⁰ Книга Полоцкого похода 1563 г.: (Исслед. и текст) / Подгот. текста: К. В. Петров. СПб., 2004. С. 66.

XVI столетия.³¹ Вслед за «Острой Панной» немцем были отлиты однотипные пищали «Гладкая», «Стрела» и «Вепрь», все калибром по 12 фунтов и весом по 230 пудов со станком.³² До конца 1560-х гг. К. Гунс оставался главным специалистом Пушечного двора, после него место руководителя пушечного литья занял лучший «кашпиров ученик» Андрей Чохов.³³

Как отмечает Р. Г. Скрынников, в 1568 г., в связи с решением Ивана Грозного сделать Вологду главным пунктом опричнины, в крепость привезли 300 пушек, отлитых к этому времени на московском Пушечном дворе.³⁴

Большие потери потерпел Пушечный двор в мае 1571 г., когда татары Девлет-Гирея подожгли Москву. От сильного пожара взорвались пороховые погреба в Китай-городе и Кремле,³⁵ а сам литейный завод был полностью уничтожен. Сгоревший Пушечный двор был восстановлен в короткие по тем временам сроки — 3–4 года. Генрих Штаден, находившийся в то время на русской службе, указывал, что в городе есть «заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки».³⁶ Чтобы не задерживать изготовление орудий в период реконструкции, производство перевели во временную литейную, специально сооруженную для этой цели в резиденции царя, Александровской Слободе. Надпись на 7-фунтовой пищали «Собака» 1573/1574 г. гласила, что по повелению Ивана Васильевича она

³¹ *Fronspurger Leonhardt, baron von Mindelheim. Das Kriegsbuch. Frankfurt-am-Main, Sigmund Feyerabendt, 1573. Vol. 2. Von Wagenburg und die Feldleger... item von allerley Geschütz und Feuerwerck. S. CLXXII.*

³² Надпись «кашпирова литья» стоит только на «Гладкой». Все три орудия в 1633–1634 гг. участвовали в Смоленском походе («Роспись, присланная в Разряд из Пушкарского приказа», 1632 г. // ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 461. Л. 75 об.–76 об.).

³³ Последний раз имя Каспара Гунса упоминается в 1568 г. (Опись Смоленску... С. 297–298.).

³⁴ *Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 353.* — Следует заметить, что если и было послано в Вологду такое большое количество «наряда», то через некоторое время пушки опять свезли в Москву. В 1629 г. по описи в Вологде числилось: «пищаль полуторная, шесть пищалей медных, двенадцать пищалей скорострельных, две пищали горелых испорчены; семьдесят шесть пищалей затинных, две пищали дробовых горелых испорчены, урывок затинные пищали» (Список с писцовой книги города Вологды, сделанный в 1629 году. Вологда, 1904. С. 6.)

³⁵ *Скрынников Р. Г. Великий государь Иоани Васильевич Грозный. Смоленск, 1998. С. 436.*

³⁶ *Штаден Г. О Москве Ивана Грозного / Пер. И. И. Полосина. М., 1925. С. 105.*

была «зделана... в Слободу в лето 7082, делал Микула Микулаев». В том же году указанным мастером была отлита небольшая пищаль «Ястреб».³⁷ Имеются также сведения о существовании двух пищалей, носящих имя «Лев Слободской», указывающее на место их производства.³⁸

На полную мощность Пушечный двор заработал к 1575–1577 годам, когда под руководством М. Микулаева и А. Чохова были отлиты тяжелые орудия (от 10 до 70 фунтов) «Собака», «Лисица», «Ехидна», «Инрог», «Волк» и др.

Иоанн Кобенцель, посол Максимилиана II, посетивший в это время Москву (1576 г.), доносил своему императору: «... в двух только местах хранятся две тысячи орудий с множеством разнообразных машин. Некоторые из этих орудий так велики, широки и глубоки, что рослый человек, в полном вооружении, стоя на дне орудия, не может достать его верхней части».³⁹ Несомненно, что Кобенцель в своем донесении преувеличивает число орудий, так как в походах 1576–78 гг. участвовала значительная часть московского арсенала, и судя по дефициту в артиллерии к этому времени, вряд ли на складах Москвы хранилось такое колоссальное количество стволов.

Известно, что к октябрю 1576 г. в новый поход на Ревель для армии Ф. И. Мстиславского и И. В. Меньшого Шереметева была подготовлена осадная артиллерия в составе трех пищалей 52–55 фунтов, шести орудий от 20 до 30 фунтов, пятнадцать орудий от 6 до 12 фунтов калибром, а также четырех верховых пушек, стрелявших каменными ядрами в 5 пудов 25 фунтов. Несмотря на внушительное количество орудий, наряд не смог достичь нужных результатов — городская артиллерия Ревеля в пять раз превосходила артиллерию осаждавших.⁴⁰ После семинедельной бомбардировки и трех

³⁷ Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М., 1962. С. 233–234.

³⁸ В январе 1605 г. Разрядный приказ распорядился доставить в лагерь под Кромы осадную артиллерию: две «верховые пищали» и большую пушку «Лев Слободской» (Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. М., 1987. С. 103). Еще одна пищаль «Лев Слободской» калибром 9 фунтов находилась в 1630 г. в Можайске, «к ней 317 ядер железных» (РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Московского стола. № 69. Л. 88–95).

³⁹ Письмо Иоанна Кобенцеля о Московии // ЖМНП. 1842. № 9. Отд. 2. С. 151.

⁴⁰ На вооружении Ревеля находилась первоклассная артиллерия, в том числе крупнокалиберные пушки «Толстая девица», «Ревельский лев», «Кукушка», «Красный лев», «Птичий свист», «Горькая смерть», «Святой Олаф», «Святой Николаус» и др., отлитые по постановлению Ревельского магистрата

неудачных штурмов русские войска вынуждены были отступить.⁴¹

В новый Лифляндский поход 1577 г. царь сам отобрал («пометил государь наряду») 36 пищалей и 21 пушку. Ударной частью наряда были «проломные» пищали «Орел», «Иврог», «Волк», «Медведь», «Соловей Московский» и «Аспид» калибром от 30 до 100 фунтов, средние пищали «Девки», «Чеглик», «Ястробец», «Копец», «Дермблик», «Лисица» и «Собака» калибром от 10 до 20 фунтов, а также пушки-мортиры калибром в 13, 7, 6, 4, 1¹/₄ пудов. Роспись наглядно показывает, что в поход наряду с новейшими орудиями были отправлены далеко не современные образцы — две пушки «кольчатых», названные в документе «старыми», четыре пушки «якобовых», отлитых, очевидно, Якобом Фрязиным еще в конце XV века, 13-пудовая пушка «Павлин», сделанная мастером Паоло де Боссо («Павлином Дебосисом») в 1488 г.⁴² Кроме того, в состав «наряда» входила «пушка Вильянская» — трофейная мортира, захваченная в 1560 г. в Феллине (Вильяне).⁴³

Скорее всего, к этому времени основная часть артиллерии была сосредоточена на театре боевых действий, в крепостях на западных границах. В самой же Москве к 1577 г. находилось не так много крупнокалиберных орудий. Именно этим может объясняться желание царя Ивана взять в поход столь разнокачественные пушки.

К моменту приготовлений к походу в Ливонию (1577 г.) относятся упоминания о первом артиллерийском ведомстве — «Пушечном приказе». В списке «бояр, окольных и дворян, которые служат из выбора», указаны начальник этого приказа князь Семен Коркондинов и его помощник Федор Пучко-Молвянинов, еще два года назад числившиеся в Разряде как «голова у наряда». Пометы сверху над их именами «с государем» означают, что в Ливонском походе Ивана Грозного они находились непосредственно при наряде и руководили общими действиями осадной артиллерии.⁴⁴ Но в том же году С. Коркондинов и Ф. Пучко-Молвянинов получили другое назначе-

---

в 1550–60-х гг. (Антинг Л. Таллинские оружейники. Таллин, 1967. С. 37.)

⁴¹ Подробнее см.: Разрядная книга великих князей и государей, царей московских и всея Руси, и государевы походы, и где посланы были в походы бояре и воеводы, и то писано в книге сей // ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 390. Л. 530–531; Корольков В. Д. Ливонская война. М., 1954. С. 96; Скрынников Р. Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. С. 515.

⁴² ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1914. С. 272.

⁴³ Разрядная книга великих князей... Л. 391 об–392.

⁴⁴ Акты Московского государства. Т. I. (1571–1634 гг.). СПб., 1890. С. 39.

ние, и на должности руководителей приказа их заменили Остафий Пушкин и Петр Волконский. Начальники приказа ведали весь «бой огненной» на Москве и в городах и отвечали за литье артиллерии на Пушечном дворе.

Несмотря на колоссальные масштабы артиллерийского производства, множество пушек оказалось в результате тяжелых поражений в руках польско-литовских и шведских войск. Однако серьезные вопросы возникают при выяснении количества захваченных противником орудий. Так, по русским данным в осаде Вендена (1578 г.) принимали участие тяжелые пищали «Волк» (40 фунтов), две «Девки» (20 фунтов) и «Змей Перновский» (20 фунтов), 3 верховые пушки, 7 полуторных пищалей (6 фунтов) и 3 «скорострельные пищали» (1-фунтовые).⁴⁵ Однако перечень трофейных орудий, захваченных объединенными польско-литовско-шведскими войсками 21 октября 1578 г., все же отличается, хотя и несущественно, от русских данных. Вряд ли можно заподозрить иностранные источники в преувеличении относительно захваченных трофеев. В изданной по случаю победы под Венденом немецкой брошюре приводится подробный перечень трофейных пушек с указанием на их названия, благодаря чему можно сопоставить число заявленных в источниках орудий: «Исчисление 24 пушек, взятых при этом поражении москвитян. 3 большие мортиры, из которых бросают огромные каменные и чугунные бомбы, называемые Мурцинквицами. 1 большая пушка, называемая Волком, на которой был повешен и убит, как объяснено выше, московский воевода. 2 большие пушки, которые москвитяне называют Девками, употребляемые для приступов и ломки стен. 1 большая пушка, называемая Копчиком. 1 большая пушка, называемая Ястребом. 9 пушек полуторных (Pultogay) или полевых змей. 4 длинные пушки, называемые осадными змеями. 3 отменно длинные железные змеевика».⁴⁶

Необходимо отметить, что в данном перечне присутствуют реальные орудия, упоминаемые еще в разрядах Ливонского похода 1577 г. Об этих же пушках коротко писал Рейнгольд Гейденштейн: «...одно под названием Волк, другое Ястреб, два под названием Девушки, столько же с именем и изображением соко-

⁴⁵ Ливонский поход царя Иоанна Васильевича 1577 и 1578 гг. // Военный журнал. 1853. № 5. С. 94–110; 1853. № 6. С. 84–106.

⁴⁶ Оболенский М. А. Поражение Москвитян и осада Вендена в 1579 г. // ЧО-ИДР. Кн. 2. М., 1847. С. 5.

лов, сверх того несколько отнятых у шведов с их же знаками».⁴⁷

Причина некоторых расхождений с русскими источниками видится нам в следующем. Вероятно, состав «огнестрельного наряда», направленного под Венден в 1578 г., неоднократно менялся: некоторые орудия отправлялись для захвата других крепостей. Об уместности подобного предположения свидетельствует текст упомянутой немецкой брошюры, в котором, кроме всего прочего, отмечено: «... за несколько дней перед тем, как на москвитян сделано было нападение, они... отослали назад, вместе с восьмитысячным войском, не только отменно большую, но даже самую огромную, пушку, называемую Медведем...».⁴⁸ Отметим, что пищаль «Змей Перновский», числящаяся в разрядах 1578 г. и отсутствующая в перечне трофейных орудий, не была захвачена противником. Сохранилось упоминание об участии этого орудия в русско-шведской войне 1590–95 гг.⁴⁹

В описи захваченной артиллерии фигурируют пищали «Копчик» и «Ястреб». Сопоставление с разрядными записями дает основание заключить, что это были орудия «Кобец» и «Ястробец», 12 и 15 фунтов калибром соответственно, упоминаемые в Ливонском походе 1577 г.⁵⁰

Расхождения по количеству захваченных «полуторных пищалей» в русских и иностранных источниках (7 и 9 штук соответственно) могут также объясняться вышеизложенными причинами. По-видимому, две дополнительные пищали были направлены в осадной лагерь накануне прихода объединенных войск, а «4 длинные пушки, называемые осадными змеями», о которых говорит немецкая брошюра, являлись, очевидно, трофейными орудиями — «*schlangen*» (как о том говорит Р. Гейденштейн: «... сверх того несколько отнятых у шведов с их же знаками») и по этой причине не попали в русские разряды.

Однако царь Иван Васильевич не смирился с потерей своих орудий. «Потеряв названные пушки, московский царь тотчас приказал

⁴⁷ Гейденштейн Р. Записи о Московской войне (1578–1582 гг.). СПб., 1889. С. 37.

⁴⁸ Обаленский М. А. Поражение Москвитян и осада Вендена в 1579 г. С. 5.

⁴⁹ Павлов А. П., Эскин Ю. М. Местническое дело дьяков И. В. Неелова и Г. И. Клобукова // Российское самодержавие и бюрократия. М.; Новосибирск, 2000. С. 73.

⁵⁰ Несколько орудий среднего калибра имели «соколиные» названия: «Чеглик», «Ястробец», «Кобец», «Дермблик». (Разрядная книга великих князей... Л.391).

вылить другие с теми же названиями и знаками и притом еще в большем против прежнего количества...»⁵¹. Реальным подтверждением этому служит следующий факт: в 1579 г. по указу царя Андрей Чохов отливает новую пищаль с таким же калибром, как и прежний «Волк». Ныне два чоховских «Волка» стоят во дворе Грипсгольмского замка близ Стокгольма (см. Приложение 1. № 15, 16). На основе изложенных сведений можно заключить, что производственная мощность государственной литейной — Пушечного двора — была очень высокой: в год могло отливаться в случае необходимости по 5–6 больших стенобитных пищалей.

Таким образом, становится очевидным, что количество задействованных в боевых действиях орудий было колоссальным, потери в боях постоянно восполнялись новыми или трофейными пушками. Предпринимаемые вовремя экстренные меры царя к восстановлению потерянной артиллерии позволяли в короткое время обеспечивать войска необходимым количеством тяжелых орудий и снарядов.

Источники отмечают рассредоточение по западным крепостям, в том числе и новопостроенным, «огнестрельного наряда».⁵² В сданной воеводой П. Ф. Колычевым крепости Суш (октябрь 1579 г.) было оставлено 21 большое орудие и 136 гаковниц; в Велиже (август 1580 г.) армия Батория захватила «пушек 14, 4 большие переносные пушки, гаковниц 80»,⁵³ а в Усвяте — 8 медных пушек и 50 гаковниц. Р. Гейденштейн несколько раз акцентирует внимание на наличии огромного количества артиллерийских орудий в русских крепостях. В Полоцке и Великих Луках, по его словам, войска Стефана Батория нашли большое количество стволов; в Невли были обнаружены «значительные запасы пушек, и других военных орудий; пороха же найдено было не больше половины бочки, чего до сих пор ни в какой крепости не бывало».⁵⁴

Одним из важных и самых информативных источников по артиллерии того периода является Опись артиллерии, находящейся в ливонских городах 1582 г., достаточно подробно проанализирован-

⁵¹ Гейденштейн Р. Записи о Московской войне... С. 37.

⁵² О новых крепостях см.: Сапунов А. П. Рисунки крепостей, построенных по повелению царя Ивана Грозного после завоевания Полоцка в 1563 году // Полоцко-Витебская старина. Вып. 2. Витебск, 1912. С. 200–313.

⁵³ Дневники второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.) Яна Зборовского и Луки Дзялынского / Пер. О. Н. Милевского. М., 1897. С. 25.

⁵⁴ Гейденштейн Р. Записи о Московской войне. С. 72, 141, 146. См. также: Acta historica res gestas Poloniae illustrantia. T. XI. Acta Stefani regis. Krakow, 1887. S. 262.

ная А. Н. Кирпичниковым. Согласно этому документу, в ливонских городах к моменту окончания боевых действий с Польшей было сосредоточено 517 пушек и пищалей, а также 1803 гаковницы (затинные пищали). В числе всех прочих русские орудия («пищали московские») имели более крупный калибр по сравнению с ливонскими: «московская желобчатая» 7¹/₂ фунтов, «московская» 8 фунтов, «московская грановитая» 9 фунтов, «московские гладкие пищали» 10, 12 и 18 фунтов, пищаль «Свисток» 1 пуд и «дробовая пушка саженная» 1¹/₄ пуда калибром.

Скорее всего, московские пищали являлись частью осадного набора, оставленного в городах после их взятия. Опись 1582 г. показывает обилие видовых названий в артиллерии XVI в.: затинные (гаковницы), дробовые, скорострельные, полковые, полуторные, фальконеты калибром от 1/8 до 6 фунтов, крупные пищали от 7 до 60 фунтов (всего 30 калибров). С одной стороны, это обстоятельство может свидетельствовать о бессистемном подборе артиллерийского городского парка, но с другой стороны, Опись не может являться доказательством распространенного в историографии мнения о полном отсутствии регламентации в изготовлении орудий. Проблема состоит в том, что значительное число орудий, упоминаемых в Описи, являлись трофейными, т. е. захваченными русскими войсками в Ливонских городах, и какой процент из общего количества артиллерии составляют пушки «русского литья» — неизвестно (обозначение «московские» имеет незначительное число). Документы сохранили упоминания о направлении в 1578 г. в новые ливонские города, испытывавшие недостаток орудий и боеприпасов, пушек, затинных пищалей и ядер.⁵⁵

Анализ сохранившихся источников — разрядных записей и описей Пушкарского приказа XVII в. — позволяет заключить, что именно в царствование Ивана Грозного появляются первые попытки стандартизации орудий. Как справедливо отметил А. Н. Кирпичников, «защитником типового литья выступало государство, которое быстро оценило его преимущество».⁵⁶ Выводы ис-

⁵⁵ Памятники истории Восточной Европы: Источники XV–XVII вв. Т. III: Документы Ливонской войны (подлинное делопроизводство приказов и воевод). М.; Варшава. 1998. С. 101–102, 106, 117–119.

⁵⁶ Кирпичников А. Н. Русская средневековая артиллерия. О единообразии в изготовлении орудий и их классификации // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 203.

торика о моментах производства единообразной артиллерии могут быть существенно дополнены новыми обнаруженными данными описей второй половины XVII в.

Мы отобрали из описей упоминания о «полуторных пищалях» второй половины XVI в. с длиной ствола в 4 аршина. Анализу подверглись «Опись Смоленску приему пушкарского головы Прохора Шубина» 1671 г., «Роспись, сколько в Соловецком монастыре по башням и по городской стене, пушек медных и железных, больших и затинных», фрагменты «Описи московских орудий» 1695 г. (в копиях академика И. Х. Гамеля начала XIX в.) и «Сметная книга Пскова» 1696 г. Документы были сопоставлены между собой, извлеченные данные были разделены на составные части, каждая из которых включала в себя сведения о годах выпуска, калибрах, массах и размерах орудий, характерных признаках и т. д. Полученные результаты мы свели в таблицу.⁵⁷

Приведенная таблица демонстрирует нам явление передачи опыта отливки однотипных орудий от учителя к ученику на протяжении 1562–1594 гг. К тому же орудия данного типа продолжали производиться на Пушечном дворе до 1648 г. Сравнив по документам все характеристики полуторных орудий 1562–1594 годов, а также 1608–1648-х годов⁵⁸ между собой, мы убедились, что на Пушечном дворе в течение более восьмидесяти лет отливались однотипные пищаля. Тем самым подтверждается мнение А. Н. Кирпичникова о том, что 6-фунтовые орудия XVI и XVII вв. «почти одинаковы, причем экземпляры XVI в. почти не отличаются от образцов XVII в.»⁵⁹

Необходимо учесть также, что в XVI–XVII вв. эталоны определения калибров — кружала — были далеки от совершенства; кроме того, в некоторых случаях во время отливки сердечники одних и тех же образцов могли несущественно отличаться друг от друга на 0,5–1 см по диаметру, вследствие этого и калибр орудий мог отли-

⁵⁷ Таблица составлена на основании следующих источников: Опись Смоленску... С. 296–310; Роспись, сколько в Соловецком монастыре по башням и по городской стене, пушек медных и железных, больших и затинных // ДАИ. Т. V. № 67. С. 373–374; Сметная книга Пскова... Л. 98 об.–112 об.; Опись московских орудий... Л. 1–200.

⁵⁸ О полуторных пищалях 1608–1648 гг. см.: Лобин А. Н. Полковая артиллерия в царствование Михаила Федоровича (1613–1645) // Исследования по средневековой Руси: К 80-летию Юрия Георгиевича Алексева. М.; СПб., 2006. С. 387. Таблица 1. — Ср.: Кирпичников А. Н. Русская средневековая артиллерия... Табл. VI.

⁵⁹ Кирпичников А. Н. Русская средневековая артиллерия... С. 214.

Таблица 1. Полоторные пищали во второй половине XVI в.

Год изготовления	Калибр	Вес	Длина	Место нахождения	Мастер
1562	6	45 пудов	4 арш. 1 вершок	Смоленск, Днепровские ворота (1671 г.)	Кашпир
?	6	51 пудов	4 арш. 0,5 вершок	Смоленск, Волковая башня (1671 г.)	?
?	6	48 пуд. 20 фун.	4 аршина 1 вершок	Смоленск, Лучинская башня (1671 г.)	Богдан
?	6	?	4 аршина 1 вершок	Смоленск, Тупинская башня (1671 г.)	Богдан
?	6	50 пудов	4 аршина 1 вершок	Смоленск, Копытенские ворота (1671 г.)	Богдан
?	6	?	4 аршина 0,5 вершков	Смоленск, Королевский пролом (1671 г.)	Кашпир
?	7	50 пудов	4 аршина $\frac{2}{3}$ вершка	Смоленск, Богословская башня (1671 г.)	Богданов ученик Пятой
?	7	?	4 аршина	Соловецкий монастырь, Белая башня (1676 г.)	Богдан
?	6	?	4 аршина 2 вершка	Соловецкий монастырь, Белая башня (1676 г.)	Богдан
?	6	51 пуд	4 аршина	Смоленск, Волковая башня (1671 г.)	?
1562	6	48 пудов	4 аршина	Москва, Мстиславский двор (1695 г.)	?
1562	6	48 пудов	4 аршина 0,5 вершка	Москва, Никитские ворота (1695 г.)	?
1568	7	42 пуда	4 аршина 1 вершок	Смоленск, Молоховские ворота (1671 г.)	Богдан

1568	5	43 пуда	4 аршина	Смоленск, земляной вывод (1671 г.)	Кашпиров ученик Андрей Чохов
1569	6	52 пуда	4 аршина	Смоленск, Микулинская башня (1671 г.)	?
1590	6	?	4 аршина без 1,5 вер.	Псков, Власьевские воро- та (1696 г.)	?
1590	6	?	4 аршина без 0,5 вер.	Псков, Великие ворота	?
1590	6	?	4 аршина	Псков, захаб у Глухой башни	?
1590	6	?	4 аршина	Псков, Варлаамская угольная башня (1696 г.)	?
1590	6	?	4 аршина	Псков, Варлаам- ская угольная башня (1696 г.)	Кондратий Михайлов
1592	6	44 пуда 20 фунтов	4 аршина	Москва, Смоленские воро- та (1695 г.)	Евсей Русин
1592	6	47 пудов 20 фунтов	4 аршина	Москва, склад на Пушечном дво- ре (1695 г.)	?
1592	6	44 пуда 20 фунтов	4 аршина	Москва, склад на Пушечном дво- ре (1695 г.)	?
1594	7	50 пудов	4 аршина 0,5 вершка	Смоленск, Семеновская баш- ня (1671 г.)	Андреев ученик Федор Савельев

чатся от эталона («шестифунтового образца») на 1 фунт.⁶⁰ Таким образом, в силу ряда причин «эталонные» калибр (6 фунтов) и длина (4 аршина) полуторных пищалей в некоторых образцах не всегда соблюдался.

На основании вышеизложенного материала можно сделать вывод о том, что в 1560-х гг. XVI в. была заложена основа для однотипного производства «полуторных» шестифунтовых пищалей.

⁶⁰См.: *Опись Смоленску...* С. 293–294.

Надо сказать, что перед нами один из первых примеров рационального использования типового производства артиллерии.

К сожалению, мы не можем подсчитать общее количество задействованных в войнах XVI в. орудий. Всего нами на данный момент выявлено, не считая орудий более мелкого калибра, 44 крупнокалиберные пищали калибром от $7\frac{1}{2}$ до 100 фунтов (в скобках указан калибр в фунтах): «Орел» (100), «Инрог» (70), «Стеновая» (55), две безымянных пищали (52), «Онагр» (47), «Медведь» (40), «Соловей» (40), «Соловей московский» (40), два «Волка» (40), «Свисток» (40), «Свиток» (40), «Трескотуха» (?), «Кортуна» (?), «Лев» (?), «Острая Панна» (35), «Аспид» (30), две «Девки» (20), «Змей Перновский» (20), «Змей Свертной» (?), «Змей Летячей» (?), «Московская гладкая» (18), «Барс» (17), «Песик» (16), «Левик» (16), «пищаль Кашпирова» (15), «Соловей» (15), «Грановитая» (15), «Чеглик» (15), «Ястробец» (15), «Ястреб» (8), «Кобец» (12), «Дермблик» (12), «Московская гладкая» (12), «Стрела» (12), «Вепрь» (12), «Гладкая» (12), «Лисица» (12), «Собака» (10), «Московская гладкая» (10), «Грановитая» (9), «Московская желобчатая» ($7\frac{1}{2}$). Кроме того, зафиксированы 30 верховых пушек (в скобках калибр в пудах): «Кашпирова пушка» (20), «Степанова пушка Павлин» (15), «Павлин» (13), «Ехидна» (9), «Кольчатая» (7), «Кольцо» (?), «Ушатая» (6), «Ушатая другая» (6), «Кольчатая новая» (6), «Кольчатая старая» (6), «Кольчатая другая старая» (6), 4 пушки «Якобовых» (6), 4 «пушки верховых» ($5\frac{1}{2}$), «Вильянская» (4), 8 пушек «Александровых» ($1\frac{1}{2}$), «Дробовая сажена» ($1\frac{1}{4}$), «Гафуница» ($\frac{1}{4}$). Список крупнокалиберных пушек и пищалей, конечно же, далеко неполный. Всего нами выявлено 74 орудия «осадного наряда» времен Ивана Грозного. Роспись семнадцати из них (24%), подробные размеры и характеристики которых известны по описям XVII в., мы привели в Приложении 1. К сожалению, сведений о конструктивных параметрах и особенностях 57 оставшихся, кроме калибра и названия, обнаружить не удалось.

Основные потери в осадной артиллерии были восполнены при деятельном участии Бориса Годунова в царствование Федора Ивановича. «Полагают, — писал в 1588 г. Джильс Флетчер, — что ни один из христианских государей не имеет такого хорошего запаса снарядов, как русский царь, чему отчасти может служить подтверждением Оружейная палата в Москве, где стоят в огромном количестве всякого рода пушки, все литые из меди и весьма краси-

вые».⁶¹ В 1586–1594 гг. под руководством мастера Андрея Чохова было отлито несколько крупных пищалей. По традиции некоторым орудиям были заново присвоены имена собственные в память о потерянных в тяжелых войнах орудий: «Аспид», «Свиток», «Лев», «Скоропея», «Медведь», «Девица»⁶² и др.

В заключение данной работы необходимо обозначить ряд выводов. Во-первых, сохранившиеся описи артиллерийского вооружения XVII столетия в значительной степени дополняют немногочисленные коллекции военно-исторических музеев, прежде всего — Кремля и ВИМАИВ и ВС детальными описаниями потерянных и погибших орудий времен Ивана Грозного.

Во-вторых, документы позволяют выявить очень важные сведения о материально-технической части артиллерии XVI в., благодаря чему можно констатировать, что и с технической, и с художественной стороны русская артиллерия соответствовала общеевропейскому уровню своего времени. Именно к XVI в. сформировалась преемственность передачи опыта от литейщика к ученику и наметились первые попытки единообразного литья.

В-третьих, комплексное исследование всех имеющихся материалов выявляет более-менее стройную картину развития артиллерийского вооружения, военной промышленности, а также контурно обозначает проблемы, связанные с литьем орудий, с перевооружением войск, тяжелыми потерями и т. д. В связи с вышеизложенным определяется дальнейшая перспектива поиска городских описей, в которых присутствуют сведения об орудиях XVI в.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Роспись «больших и средних» осадных пушек и пищалей (калибром от 10 фунтов до 20 пудов), отлитых в период правления Ивана Грозного

1) 1537 г. Пищаль «Барс», калибром 17 фунтов, «мерою семь аршин два вершка, лита в 7045 году».⁶³ Стояла на вооружении Пскова, использовалась при отражении штурма войсками Стефана Батория в 1581 г.

⁶¹ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1905. С. 70.

⁶² Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. Ч. 1. СПб., 1877. С. 108–110.

⁶³ Сметная книга Пскова... Л. 99.

(«С Похвальского раската из огромной пищали «Барс» ударили по Свиной башне, и не промахнулись, и множество воинов литовских в башне побили»)⁶⁴ и Густава Адольфа в 1615 г., в 1700 г. участвовала в осаде Нарвы, захвачена войсками Карла XII⁶⁵, о дальнейшей судьбе неизвестно.

2) 1537 г. Пищаль «Соловей», калибром 15 фунтов, «мерою шесть аршин без четъ вершка». Стояла на вооружении Пскова, использовалась при отражении штурма войсками Стефана Батория в 1581 г. и Густава Адольфа в 1615 г., в 1700 г. участвовала в осаде Нарвы, захвачена войсками Карла XII⁶⁶, о дальнейшей судьбе неизвестно.

3) 1537 г. Пищаль «Грановитая», калибром 15 фунтов, «мерою шесть аршин без пяти вершков». Стояла на вооружении Пскова, использовалась при отражении штурма войсками Стефана Батория в 1581 г. и Густава Адольфа в 1615 г., в 1700 г. участвовала в осаде Нарвы, захвачена войсками Карла XII⁶⁷, о дальнейшей судьбе неизвестно.

4) 1542 г. Пушка «Гафуница», 10 фунтов калибром, длина ствола аршин $5\frac{1}{2}$ вершков, весом 6 пудов 30 фунтов, на средней части надпись: «Иоанн, Божию милостию Государь всея Росии, в лето 7050, делал Игнатей». Участие в боях не отмечено, в настоящее время хранится в собрании ВИМАИВ и ВС.⁶⁸

5) 1553 г. «Пищаль медная, прозванием «Левик», ядром 16 гривенок, длина 6 аршин без вершка, подпись у казны русским письмом: «Повелением царя и великого князя Иоанна Васильевича, сделана сия пищаль 7061 лета, месяца марта, делал Степан Петров». На зади за казною вылит левик. Весу 145 пуд». Участие пищали в боях 1558–1583 гг. не отмечено; очевидно, захвачена поляками, так как в 1654 г. упоминается в польской описи Смоленска. В 1671 г. орудие стояло в Смоленске «на третьем земляном выводе».⁶⁹ Дальнейшая судьба неизвестна.

6) 1554 г. «Пушка Кашпирова 20 пуд ядро, длина пол 7 аршина в устье с телом, ширина аршин 10 вершков оприч тела аршин без вершка, в теле 5 вершков, в ней для стрельбы под запалом камора, длина каморы 2 аршина 9 вершков, ширина пол 3 вершка, в ней весу 1200 пуд, на ней от запалу меж двух поясов вылито великого государя именованье: «Бо-

⁶⁴ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 372.

⁶⁵ Ратч В. Ф. Описание осады Нарвы 1700 г. // Артиллерийский журнал. 1858. № 3. С. 76–96.

⁶⁶ Сметная книга Пскова. . . Л. 99.

⁶⁷ Там же; Ратч В. Ф. Описание. . . С. 76–96.

⁶⁸ Маковская Л. К. Артиллерийские орудия XV–XVII вв. . . С. 60.

⁶⁹ Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (от 1387 до 1710 гг.). Ч. 1. Вильно, 1858. С. 61; Опись Смоленску. . . С. 301.

жию милостию повелением благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича Владимирского, Московского, Новгородского, Казанского, Псковского, Смоленского, Тверского и всеа Руси государя самодержца сделана сия пушка в царствующем граде Москве лета 7063-го месяца сентября, делал Кашпир Ганусов». Самая большая пушка в царствование Ивана IV, в 1563 г. участвовала в Полоцком походе, затем долгое время хранилась в Кремле. До 1700 г. лежала на раскате у Лобного места, в 1701 г. пущена по указу «в mortarное литье».⁷⁰

7) 1554 г. «Пищаль Кашпирова немецково литья 15 гривенок ядро, длина 5 аршин 6 вершков, в ней весу 117 пуд 26 гривенок; на ней от запалу вылита подпись: «Лета 7063 делал Кашпир Ганусов»». Участие в боях 1558–1583 гг. не зафиксировано; очевидно, захвачена польскими войсками. До 1659 г. стояла на вооружении Быхова, в 1660 г. прислана в Кремль на Мстиславский двор, где хранилась до 1695 г.⁷¹, дальнейшая судьба неизвестна.

8) 1555 г. «Пушка Павлин ядро каменное весом 15 пуд, длина пушке 6 аршин 3 вершка от запалу, длина пол 6 аршина по 3 вершка, весу в ней 1020 пуд, на ней подпись: «...зделана сия пушка Павлин в лето 7064 году сентября, а делал Степан Петров», позади запалу на торели и на устье гнезда сквозные, в ней под запалом коморка для стрельбы». В 1563 участвовала в Полоцком походе, до 1700 г. хранилась в Китай-городе у Лобного места, в 1701 г. пущена по указу в «mortarное литье».⁷²

9) 1563/1564 гг. «Пищаль медная, русского литья, прозвание ей «Острая Панна», ядром 35 гривенок, длина полпята аршина с полувершком. На ней подпись русским письмом: «Божией милостию Иоанн, царь и великий князь всеа Руси, сия пищаль сделана в лето 7072, мастер Кашпир Ганусов». На ней же уши, одно испорчено, к дулу вылиты две ехидны человекообразии до пояса, а от пояса хоботы змеиные... у дулу гранена, за казной вылит репей. Весу 185 пуд». Участие в боях Ливонской войны не зафиксировано, хотя известно, что пищаль была захвачена поляками. В польской описи Смоленска 1654 г. это орудие значилось как «działo 35-funtowe nazwane Panna»,⁷³ в 1671–1704 гг. стояла на вооружении Смоленска,⁷⁴ о дальнейшей судьбе неизвестно.

10) 1575 г. «Пищаль медная «Собака», ядром 10 гривенок, лита в лето 7083-го». На стволе имелось изображение собаки — «личина звери-

⁷⁰ Книга приходо-расходная пушкам и пищалям... Л. 1–2; Опись московских пушек... Л. 6.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений. С. 61.

⁷⁴ Опись Смоленску... С. 303.

ная». Предположительно отлита Андреем Чоховым. В 1577 г. участвовала в Ливонском походе, в 1599 г. стояла на вооружении Царева Борисова. Во время пожара 1612 г. оплавилась и в составе «горелого наряда» послана в Белгород, где использовалась в качестве «вестовой пищали» до середины XVII в.⁷⁵ О дальнейшей судьбе неизвестно.

11) 1575 г. «Пищаль медная русского литья, прозвание ей «Лисица» в станку на колесах, ядром 12 гривенок, длина 5 аршин без дву вершков; старого Смоленского наряда; на ней вылит орел двоеглавой, на верху три травы, па ней же две личины звериные, у казны и подле личин и у дула травы, у дула ж вылита лисица, ниже уха подпись руским писмом: «делана сия пищаль Лисица в лето семь тысяч восмдесят третьяго, делал Андрей Чехов» назади, за казною, вылито шесть репьев. Весу ей не написано. . . ». В 1577 г. участвовала в Ливонском походе, до 1671 г. стояла в Лучинской башне, в верхнем бою г. Смоленска⁷⁶; дальнейшая судьба неизвестна.

12) 1575 г. «Пищаль «Песик» русского литья, ядром 16 гривенок, длина 5 аршин без дву вершков, . . . лита при царе и великом князе Иоане Васильевиче, семь тысячь восмдесять третьяго году; весу не подписано». ⁷⁷

13) 1576/77 г. «Пушка Ехидна, ядро каменное весом 9 пуд, длина пушки с торелью 6 аршин без 2 вершков, от запалу длина пол 6 аршина, весу в ней 550 пуд, на ней к устью вылита ехидна, в правое руке держит яблоко, на одной же пушке на левой стороне подпись: «Божиею милостию Иоанн царь и великий князь, государь всеа России пушка Ехидна делана лета 7085 году, делал Микула Микулаев сын Высокого», с обеих сторон вылиты по 4 скобы, в ней под запалом для стрельбы каморка». Участие в походах не зафиксировано, до 1695 г. хранилась у Земского двора, затем перевезена в с. Воскресенское. В 1701 г. пущена по указу «в мортирное литье». ⁷⁸

14) 1577 г. Пищаль Инрог, калибром 70 фунтов, длина 7 аршинов, весом 450 пудов; с цапфами, дельфинами и поясами, на торели изображение единорога с надписью: «Инрог». На казенной части надпись: «Божею милостию, повелением государя царя, великого князя Ивана Васильевича всея Руссии, зделана сия пищаль Инрог в лето 7085, делал Ондрей Чохов». В 1577 г. участвовала в Ливонском походе, в 1633 г. была в составе «наряда», отпущенного для осады Смоленска, в 1634 г. захвачена польскими войсками. До 1703 г. стояла на вооружении г. Эльбинга, в де-

⁷⁵ Разрядная книга великих князей. . . Л. 391 об; РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Ст. Московского стола. № 58. Л. 623–626; Ст. Белгородского стола. № 55. Л. 5–8.

⁷⁶ Опись Смоленску. . . С. 308.

⁷⁷ Там же. С. 309.

⁷⁸ Опись московских орудий. . . Л. 5.

кабре 1703 г. захвачена войсками Карла XII, переправлена в Швецию. В 1723 г. выкуплена Петром I у шведского купца Иоганна Прима. В настоящее время хранится в ВИМАИВ и ВС (Инв. № 9/122).⁷⁹

15) 1577 г. Пищаль «Волк», длиной 7 аршинов, калибр 40 фунтов. Надпись с правой стороны: «Божиею милостию Иван царь и великий князь, государь всея Руси», с левой стороны: «Пищаль Волк делан в лета 7085, делал Ондрей Чохов». На стволе изображение волка. В 1577 г. участвовала в Ливонском походе, в 1578 г. под Венденом захвачена польско-литовско-шведскими войсками. В 1581 г. была переправлена Понтусом Делагарди в Швецию.⁸⁰ В настоящее время хранится в замке Грипсгольм (Швеция).

16) 1579 г. Пищаль «Волк», длиной 7 аршинов 12 вершков, калибром 40 фунтов. Надпись с правой стороны ствола: «Божиею милостию, повелением государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», с левой стороны: «зделана сия пищаль Волк в лета 7087, делал Ондрей Чохов». На стволе изображение волка. В 1579 г. была отправлена на театр военных действий в Ливонию, до 1581 г. стояла на вооружении Ивангорода, затем захвачена шведскими войсками и переправлена в Швецию Понтусом Делагарди.⁸¹ В настоящее время хранится в замке Грипсгольм.

17) 1581 г. «Пищаль русского литья, прозванием «Онагр», ядром 1 пуд 7 гривенок, длина 6 аршин без двух вершков невступно. На ней надпись: «Повелением государя царя Ивана Васильевича сделана пищаль Онагр в лето 7089, делал Первой Кузмин. На ней же уши с личинами, у казны и подле ушей и дула травы, у дула же вылит зверь, подписан русским писмом «Онагр», за казною вылит репей»». ⁸² В настоящее время данная пищаль хранится в собрании Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль».

⁷⁹ На средней части ствола стоит трофейная надпись: «Med guds Hielp af kon; Carl d XII tagit med stden Elbing d 3 Decemb. 1703», т. е. «с Божиею помощью королем Карлом XII взята в городе Элбинге, 3 Декабря 1703». (Бранденбург Н. Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. С. 108.)

⁸⁰ Бобринский А. А. Грипсгольмские пищали // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 53. Пг., 1914. С. 80–86.

⁸¹ Там же.

⁸² Опись Смоленску... С. 302.

Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны

Объектом исследования в настоящей статье являются две попытки заключить русско-крымский военный союз, направленный против Великого княжества Литовского, в 1560–70-е годы. В историографии они традиционно оцениваются как составная часть феномена, афористично названного С. М. Соловьевым «крымский аукцион».¹ Речь идет о политических отношениях внутри треугольника Бахчисарай—Вильно—Москва, внутри которого поддерживалось неустойчивое равновесие. И именно от Крыма, как справедливо отметил К. Расмуссен, зависело его сохранение. Нападение татар на Россию развязывало руки для продвижения в Ливонию Литве, и наоборот.² Поэтому во время Ливонской войны (1558–1583 гг.) и Россия, и Литва, и Польша прилагали усилия, чтобы склонить симпатии хана на свою сторону, а Крым пытался извлечь из этого максимальную прибыль для себя, вымогая «поминки», взятки и подарки.

Если обстоятельства, связанные с крымской политикой в начале Ливонской войны, более-менее изучены, как и ход самого «аукциона»,³ то перипетии дипломатической борьбы вокруг русско-татарского союза в 1563–64 и 1578 гг. известны гораздо меньше. Чего в действительности хотело русское правительство от Бахчисарая в начале 1560-х годов? Какие усилия оно прилагало для заключения альянса с Гиреями, чем было готово поступиться ради него?⁴ Сколь

¹ Соловьев С. М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. 3. М., 1987. С. 580.

² Rasmussen K. Die livländische Krise. Copenhagen, 1973. S. 10, 48.

³ Ср.: Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 19–27; Шмидт С. О. К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 366–375; Виноградов А. В. К изучению крымского вопроса во внешней политике России накануне и в первые годы Ливонской войны // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992. С. 28–52.

⁴ До последнего времени проекты союзных договоров не были опубликованы, исключением является небольшой отрывок из десятой крымской посольской книги (Л. 398 об.–402 об.), включающий в себя фрагмент шертной записи Ивана IV, совершенной в Москве и отправленный в Крым с посланником Григорием Злобиным, который умер, не доехав до Крыма. (Виноградов А. В. Крымские книги как источник по истории русско-крымских отношений 60–70-х

велика была антилитовская направленность данного предприятия?

Как показано А. В. Виноградовым, российское военно-политическое давление на Крым в 1556–1561 гг. «стало уменьшаться по причинам объективного характера». К 1561 г. были потеряны практически все базы для проведения операций против татар. Отказался выполнять свои союзнические обязательства ногайский мурза Исмаил. Угрожало войной Великое княжество Литовское. Под влиянием этих объективных факторов, а не по чьему-либо «неправильному» умыслу Россия в конце 1561 г. вынуждена была пересмотреть свою наступательную политику в отношении Крыма, апогей развития которой пришелся на 1559 год.⁵

Этапной в русско-крымских отношениях должна была стать миссия А. Ф. Нагого, готовившаяся в марте-апреле 1563 года.⁶ Дипломат отправлялся в Крым с предложением мирного договора. Главным пунктом стояло заключение антилитовского союза.⁷ Однако если хан предложил бы Москве совместное наступление на владения Сигизмунда, посол должен был отреагировать сдержанно. Ему следовало заявить, что Россия, конечно, готова выступить на своего недруга, литовского короля, но для нее принципиально важно, чтобы это были военные действия союзников, а не «пособление царю».⁸

Из наказа Нагому не видно, чтобы Москва рассчитывала действительно заполучить хана в союзники.⁹ Главной целью, види-

---

годов XVI века // Внешняя политика России: Источники и историография. М., 1991. С. 12, 16.) Данный отрывок издан Ф. Лашковым в сборнике документов: 24 шерстные грамоты крымских ханов, 26 шерстные записи татарских послов, 10 документов, исходивших из Москвы. Из них к изучаемому периоду относятся только клятвенная запись Ивана IV от 9 марта 1564 г. (Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв. Симферополь, 1891. С. 7, 26–28.)

⁵ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного // История внешней политики России. Конец XV–XVII век / Отв. ред. Г. А. Санин, М., 1999. С. 157–158.

⁶ Общий обзор миссии и связанных с ней документов см.: Виноградов А. В. Посольство А. Ф. Нагого в Крыму (1563–1573) // Российская дипломатия: История и современность: Материалы научно-практической конференции, посвященной 450-летию создания Посольского приказа 29 октября 1999 года. М., 2001. С. 65–75.

⁷ Проект шерстной грамоты России с Крымом, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 102 об.–103. — Пслный текст грамоты см. приложение.

⁸ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 87.

⁹ Главным способом добиться от Крыма нужной политики были подарки и

мо, являлось добиться мира на южной границе, получить гарантии ненападения татар и напугать Сигизмунда. Для последнего было достаточно, чтобы Девлет-Гирей сделал несколько грабительских походов по южным землям Великого княжества Литовского. Фантазии Ягеллона, что может случиться с его страной, если Москва и Крым будут действовать совместно, приведут к тому, что Литва станет сговорчивей и быстро заключит с Россией мир на выгодных условиях. Это позволит победоносно завершить Ливонскую войну.

При чтении наказа Нагому не покидает ощущение, что в Москве осознавали неестественность русско-татарского объединения против христианской Литвы. Поэтому, с одной стороны, добиваясь союза, русские дипломаты сопровождали свои действия таким количеством условностей, что поневоле кажется: Москву больше интересовал свой статус в двусторонних отношениях с Крымом, чем перспективы антилитовского русско-крымского альянса. Несмотря на то, что этот союз был для Грозного необычайно важен, конструктивные предложения о совместном нападении на Сигизмунда утонули в массе мелочных условий, которые А. Ф. Нагой должен был соблюсти при заключении договора. Дипломату предписывалось добиться, чтобы хан первым присягнул на шерти и прислал больших послов, т. е. создать видимость, будто бы инициатива мира исходит от Крыма, а русский царь всего лишь соглашается на просьбу «брата своего».¹⁰ К грамотам следовало приложить золотые печати (как символ равенства государств). Нагому велели про-

---

взятки. Иными словами, дружбу, или по крайней мере лояльность хана можно было купить. В отличие от Великого княжества Литовского, Москва здесь не предпринимала практически никаких усилий. С посольством Ф. Загрязского (предшествовавшим миссии А. Нагого) поминки прибыли, «а поминке де на одной телеге и те середине», и татарские дипломаты даже устыдились показать их хану. А. Нагой привез в Крым только частные подарки и обещания «великих поминок», что и вызвало оценку крымцами русских договорных грамот как «сухих грамот». (Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 132.)

¹⁰Мнение А. Л. Хорошкевич, будто бы титулование хана «братом» «свидетельствует о крутом повороте в отношениях с южным соседом России» (Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 394), является недоразумением — определение «брат» прилагалось русскими правителями к крымским ханам, начиная с конца XV в., никакого новшества в его употреблении в документах 1563–64 гг. нет — ср.: «приказал еси ко мне... свое жалованье... жалуючи мене, братом собе и другом назвал еси... хочешь меня жаловати, в братстве и в дружбе и в любви держати» (Грамота Ивана III к Менгли-Гирею, 1474 г. // Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 1–2).

следить, чтобы ни в коем случае хан не подвесил «алый нишан» — красную печать, символ подчинения.

О поминках Нагой вел мелочный торг, больше отделиваясь обещаниями несметных богатств и сравнительно скромными подарками. Поведение русского дипломата выглядело заносчивым и вызывающим (не есть за одним столом с послами других государств, не платить никаких пошлин, мелочно жадничать в подарках и т. д.).

Одним словом, как это, увы, часто бывало в русских дипломатических миссиях, форма победила содержание, а сиюминутная жадность — дальновидность. Вопросы ритуала и семиотика поведения оказались важнее главной цели — достижения антилитовского союза с Крымом. В результате Москва промедлила, дала развиться сомнениям и нерешительности Девлет-Гирея до чрезмерной степени — и проиграла литовской дипломатии борьбу за дружбу с Крымом. Личной вины Нагого, связанного в своих инициативах получаемыми из Москвы строгими инструкциями, в таком исходе немного.

История не знает сослагательного наклонения, но при ином поведении русского царя его альянс с ханом был возможен, а эффективность подобного союза в свое время доказали события конца XV в. — Крым и Москва совместно уничтожили господство Большой Орды, былого хозяина Восточной Европы! Недаром Иван IV в своих посланиях к Девлет-Гирею постоянно подчеркивал, что в русско-крымских отношениях начинается новая эра, что он бы хотел быть в такой дружбе с ханом, как его дед Иван III с Менгли-Гиреем.¹¹

Причиной же плохих отношений с Крымом в предыдущие годы, в соответствии с русским политическим дискурсом, царь объявил измену своих подданных, которые «ссорили» его с ханом. Тема государевой измены как причины плохих отношений России и Крыма в 1550-х гг. впервые зазвучала в послании Ивана IV Сулешу от октября 1562 г.: «... а которые наши люди ближние промеж нас з братом нашим з Девлет Кереем царем ссорили, мы то сыскали, да на них опалу положили есмя, иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех, ни в сех ходят».¹²

В Наказе А. Ф. Нагому в марте 1563 г. эта тема уже была детализирована: зазвучали имена конкретных изменников. Сперва всю

¹¹ Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 133 об.

¹² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

вину возложили на Ивана Полева и Федора Загрязского: «и ныне тех дел поминати не надобе, занеже те дела делались от изменников, занеж с государем ссору зделали, государь сыскал, которые его ближние люди ссорили с царем, и опалу положил». Правда, Загрязский успел умереть своей смертью до опалы. Его обвиняли в том, что он якобы утаил от Ивана IV, что хан требует поминок.¹³

В последующих строках царь объявил всю южную политику второй половины 1550-х гг. ошибочной, а ее инициаторов — И. В. Шереметева, героя битвы при Судьбищах,¹⁴ А. Ф. Адашева и И. М. Висковатого, руководителей русского посольского ведомства — государственными изменниками, которые «царя и великого князя с царем (крымским ханом. — А. Ф.) ссорили».¹⁵

Кроме того, для задабривания хана царь принял беспрецедентное и необъяснимое решение: в 1562 г. он велел снести Псельский город, удачное стратегическое положение которого до этого фактически парализовывало военную активность крымцев.¹⁶ В ставке хана необычайно изумились решению царя. Русскому послу А. Нагому в 1563 г. было велено передать объяснение, что город, мол, непригоден для сельского хозяйствования, и вообще «Государю нашему города новые не нужны. Божиим милосердием и старые города емлет». Е. Ржевскому осенью 1563 г. уже было поручено давать более пространное объяснение: «Сказали были государю нашему тамош-

---

¹³ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 75–75 об., 83.

¹⁴ В 1563 г. на переговорах с А. Ф. Нагим татары заявили, что главным недругом Крыма был государев изменник Дм. Вишневецкий, а другим — Иван Шереметев, который «был послан» на Крым и сражался с Девлет-Гиреем на Поле. Хан с тех пор и держит гнев на Ивана IV (Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 131). В послании к турецкому султану о битве на Судьбищах Девлет-Гирей трактовал сражение как свою грандиозную победу над русскими, которых было избито и пленено до 60 000. В Крыму же обсуждали личность «проклятого гяура» по имени Ширмерд или Ширемед, которого сочли персидским армянином, принявшим православие (Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887. С. 425–426). Таким образом, фигура Шереметьева в русско-крымских отношениях действительно была знаковой.

¹⁵ Наказ послу в Крым А. Ф. Нагому, март 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 98. — Анализ данного фрагмента см.: Виноградов А. В. Крымские посольские книги как источник по истории русско-крымских отношений 60–70-х годов XVI века // Внешняя политика России: Источники и историография. М., 1991. С. 11–12.

¹⁶ Об истории Псельского города и его значении см.: Загоревский В. П. История вхождения Центрального Черноземья... С. 138–143.

ние украинные люди, что то место пригодитца к пашням и иным угодиям». Для того государь и велел поставить город. Однако выяснилось, «то ся место х такому делу не пригодило, и того для государь наш велел его и разорити».¹⁷

25 июня 1563 г. А. Нагой был принят Девлет-Гиреем и начал переговоры о мире и антилитовском союзе. Хан воспринял предложения Москвы настороженно. Он опасался, что сегодня русские воюют с литовцами, а завтра они помирятся и объединяться против татар — так что лучше не связывать себя никакими соглашениями. Нагой писал, что от Ивана IV в Бахчисарае «боялись обманки».¹⁸

Хан на переговорах однозначно поставил решение вопроса о мире и дружбе в зависимость от московских денежных выплат. Русские платежи должны по своим масштабам сравниться с литовскими и превзойти их,¹⁹ тогда можно будет говорить и о союзе («да и сверх королевы казны поминки дай»)²⁰ Сулеш прямо заявил Нагому, что «татарин любит тех, кто ему больше даст, тот ему и друг».²¹

Нагой оказался в сложном положении. Отстаивая честь своего царя, он сразу же гордо заявил, что «государь наш дружбы не выкупает». Но сам дипломат понимал, что такая позиция абсолютно неконструктивна. Поэтому он пытался убедить хана, что главное — отправить больших татарских послов для заключения договора, а там уж царь «за поминками не постоит».²² Эти обещания звучали достаточно бесцветно на фоне прибывшей в Крым 23 июля литовской казны на 36 телегах.²³

Между тем хан посчитал, что Сигизмунд недодал 4 000 золотых. Кроме того, пользуясь случаем, он потребовал от Литвы двойных

---

¹⁷ Наказ Е. Д. Ржевскому, сентябрь 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 281–281 об.

¹⁸ Грамота А. Нагого Ивану IV, получена в сентябре 1563 г. // Там же. Л. 124–124 об.

¹⁹ По данным 1563 г., Сигизмунд регулярно платил в Крым 15 000 золотых, 27 серебряных ковшей, бархат и шубы из камки. (Отчет посла в Крым А. Ф. Нагого, сентябрь 1563 г. // Там же. Л. 160.)

²⁰ Там же. Л. 153–153 об.

²¹ Там же. Л. 161 об.

²² Там же. Л. 154.

²³ По слухам, зафиксированным А. Ф. Нагим, литовские поминки состояли из 15 000 золотых по 20 алтын московских и половины, стоимостью 8 000 золотых — серебряной посудой и шубами, а остаток — «сукнами всякими». Богатые подарки и взятки были вручены каждому представителю ханского двора (Там же. Л. 165–165 об.).

поминок, а не то грозил заключить союз с Иваном IV.²⁴ Со своей стороны в послании к хану от 3 августа 1563 г. Сигизмунд упоминал о других причинах напряженности в литовско-крымских отношениях: нападения на улусы каневских черкас (которых король обещал покарать), обида правителя Литвы на хана за то, что последний недостаточно активно нападал на русские земли, и это позволило Ивану IV совершить поход под Полоцк (то есть в глазах Сигизмунда в поражении Литвы в 1563 г. был виноват неокказавший надлежащую помощь Крым!).²⁵ Масла в огонь подлило нападение в августе белгородских татар под Браславль и Винницу.²⁶

Грамота Девлет-Гирея, привезенная в Москву в сентябре 1563 года, четко демонстрировала позицию Крыма: хан подробно перечислил, какие поминки и подарки должен получить каждый представитель татарской аристократии (кречеты с обслугой, шапки меховые черные, шубы и т. д.). Калге на свадьбу полагался подарок в 1000 рублей. Девлет-Гирей подчеркивал, что Сигизмунд в отличие от Ивана Грозного постоянно присылает поминки и подарки, поэтому русскому правителю надо еще постараться, чтобы заслужить дружбу «великого царя Великой Орды».²⁷ Кроме того, гонец Ян Магмет привез несколько грамот от царевичей, мурз, членов ханской семьи, в которых каждый из них просил подарок в уплату за ходатайство перед ханом о мире. Средние размеры взяток, помимо шапок, шуб и пр., колебались от 100 до 230 рублей.²⁸

Россия предприняла ряд шагов, призванных смягчить позицию хана. 18 сентября 1563 г. в Москву вызвали ранее задержанного в России посла Ян Болдуя и объявили ему, что Иван IV отпускает крымского дипломата и отправляет Ф. И. Салтыкова-Морозова с великими поминками. Ян Болдуя и гонца Ян Магмета пожаловали шубами и «государевой чаркой серебряной».²⁹

1 октября в Крым с новыми инструкциями Нагому и грамотами

---

²⁴ Там же. Л. 166 об.

²⁵ Грамота Сигизмунда Девлет-Гирею от 3 августа 1563 г. // КПМ-I. № 152. С. 226–227.

²⁶ Грамота Сигизмунда Девлет-Гирею от 2 сентября 1563 г. // КПМ-I. № 160. С. 241–242.

²⁷ Грамота Девлет-Гирея Ивану IV от августа 1563 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 173 об.–175 об.

²⁸ Там же. Л. 176–188.

²⁹ Материалы переговоров с Ян Болдуем в сентябре 1563 г. // Там же. Л. 188 об., 191, 192 об.

к хану выехал гонец Елизар Девятович Ржевский.³⁰ Несмотря на риторику, ласкающую слух хана, Иван IV позволил себе и несколько резких выпадов. Во-первых, в своей грамоте к Девлет-Гирею он постарался представить дело так, что это хан хочет дружбы и мира, а Россия только идет ему навстречу. Царь даже заявил, что «дружбы нашей мы к тебе не приказывали», но раз уж предводитель татар хочет дружить, то русский монарх готов выразить свое согласие. Поминками Грозный предложил «обменяться», как истинным друзьям. Первым поклясться на договоре царь предложил хану.³¹ В грамоте от имени Ивана IV к Мустафе-аге на слова, чтобы царь потешил хана и прислал поминки, был дан ответ: пусть хан сам потешит царя и нападет на Литву.³² В принципе, как отмечено А. В. Виноградовым, царь обещал поминки, но после «шертования» хана. Тем самым они «превращались в средство давления на правящие круги Крыма».³³

Ржевский привез в Крым подарки, которым татары сперва обрадовались. А затем с ними стали возникать разные казусы. Нагой описывает один из них: «Мурату мирзе также вручили грамоту твою государеву, ярлык и жалование, шапку черну червею и шубу кунью. Мурат мирза на твое государево жалование челом бьет, и шапку и шубу взял, и говорил Елизарию про шапку. Государь, де, ко мне прислал женскую шапку, и ты б мне ее обменял. А Елизарий говорил, что государь мой к тебе прислал, то я к тебе и привез». Подобных эпизодов было немало. Татары оказались недовольными маленькими подарками и требовали их «втрое».³⁴

Для объяснений с ханом в конце 1563 г. в Крым отправился литовский посол Ю. Быковский. Он сообщил, что с Москвой заключено перемирие до 6 декабря, и предложил в срок до 21 ноября собрать войска и совместно напасть на Россию. Быковский убеждал, что вся русская армия под Полоцком, границы оголены. Крымцам отводилась зона нападения — Северская земля и Смоленщина.³⁵ Однако русские дипломаты в Крыму оказались искуснее:

³⁰ Там же. Л. 193 об.

³¹ Грамота Ивана IV Девлет-Гирею от сентября 1563 г. // Там же. Л. 209–210 об., 212, 216.

³² Грамота Ивана IV Мустафе-аге от сентября 1563 г. // Там же. Л. 242.

³³ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 180.

³⁴ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 291, 294 об.

³⁵ Инструкции послу в Крым Ю. Быковскому, 1563 г. // КПМ-1. № 163. С. 244–246.

24 ноября 1563 г. хан обещал русским послам выступить против Сигизмунда совместно с Россией и заключить договор, для чего к отправке в Москву готовилось посольство мирзы Мурата.³⁶

Однако буквально в течение недели столь многообещающе начавшиеся переговоры расстроились.³⁷ Крымская знать буквально забросала и хана, и послов требованиями больших поминок. Девлет-Гирей из-за этого даже поругался со своим сыном, считая его аппетиты чрезмерными. Нагой оказался обвиненным в шпионаже, что якобы подтверждали имеющиеся у русского дипломата на Москве 60 лавок. 23 декабря 1563 г. татары заявили, что отказываются от своих слов, в том числе и от антилитовского союза, и откладывают заключение русско-крымского договора на тех условиях, на которых предлагал Иван IV. Крым объявил, что в случае, если царь первый присягнет на собственной грамоте, хан готов подумать о перспективах мирных отношений с Москвой. В качестве наблюдателя за присягой Ивана IV отправлялся гонец Ашибаш Фрух.

2 января 1564 г. хан присягнул на шертной грамоте, но в ее «крымском» варианте. Она содержала пункт о совместных действиях против литовского короля, но это сопровождалось условием выплаты Русью больших поминок. После присяги Ивана IV перед митрополитом и боярами на этой же грамоте документ должен был вернуться в Крым, где на нем присягнет татарская аристократия, и он вступит в силу.³⁸ А. В. Виноградов справедливо отмечает, что

³⁶ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 295, 295 об., 297 об.

³⁷ Мнение А. А. Новосельского, будто бы переговоры расстроились из-за боязни крымской знати поставить под угрозу «само существование Крымского государства», надлежит признать преувеличением, комплиментарным для российской политики XVI в. (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 18–28). Новосельский выстраивает логическую цепочку, будто бы соответствующую рассуждениям хана: в результате договора с Крымом у России окажутся развязанными руки в борьбе с Великим княжеством Литовским, она его легко победит, после чего обязательно обрушится всей боевой мощью против татар и разобьет их. Таким образом, мирный и союзнический договор с русскими якобы открывал путь к уничтожению Крымского государства. Рассуждения историка, к сожалению, не находят никакого подтверждения в документах того времени. В них речь идет о «коммерческих» условиях, выдвинутых татарами и неприемлемых для России.

³⁸ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 299, 300–301, 306 об., 313, 314–315. — А. А. Новосельский считал, что хан «шертовал» под влиянием известий о взятии русскими Полоцка: соглашение «было, несомненно, плодом победы русских под Полоцком» (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами... С. 19). К сожалению, ни в одном ис-

шансы на это были невелики: антимосковская группировка набрала силу и заблокировала бы любую попытку ратификации соглашения.³⁹

Ситуация в какой-то степени зашла в тупик. В ожидании новых инструкций из Москвы Нагой занимался сбором разведывательных данных. Ему удалось собрать много интересной информации разной степени достоверности: что татары хотят увидеть в Крыму присланных Иваном IV пленных поляков, чтобы поставить их перед королевским послом и «поглумиться», что весной 1564 г. по инициативе турецкого султана планируется турецко-татарский поход на Астрахань, «к Бахметьеву гробу». Причем хан не хочет нападать на Астрахань, но на него в этом вопросе давит Турция. К числу врагов России в этой акции могут присоединиться пятигорские черкасы и ногаи.⁴⁰

Более важной была информация, полученная Нагим путем угощения спиртными напитками литвина Федора Савостьянова (на которого дармовая выпивка так подействовала, что он изъявил немедленное желание бежать в Московию и поступить на службу к Ивану IV). Савостьянов рассказал, что Сигизмунд посылает в Крым гонца за гонцом, в основном — католических священников (?!), чтобы предотвратить союз Москвы и Крыма. Литовцы «нашептывают» хану, что Грозный пытается его обмануть, а сам хочет захватить Киев и «стравить» Девлет-Гирея с пятигорскими черкасами, Астраханью и Казанью (то есть завоевать Крым). Вместо этого Сигизмунд уговаривал татарского правителя напасть на Москву и

точнике не зафиксирован даже слух о подобной мотивации действий хана. Как справедливо отметил А. В. Виноградов, сеунч о взятии Полоцка был формальным поводом к отправке посольства А. Ф. Нагого (*Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 179*). Но как, на наш взгляд, четко видно из посольских источников, этот факт являлся скорее ритуальным моментом, чем решающим аргументом на переговорах.

³⁹ *Виноградов А. В.* 1) Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 181; 2) Посольство А. Ф. Нагого в Крыму. С. 70–71.

⁴⁰ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 321, 321 об., 323–324. — Разведданные были получены путем спаивания Нагим янычара Багмут-аги, который в подпитии красочно расписывал приготовленный для осады Астрахани великий пушечный наряд, «а для подкопов буравы и заступы, и топоры, и заступа и корыта». Впрочем, очень вероятно, что это была сознательная дезинформация, «вброшенная» Нагому уже татарской разведкой. Н. А. Смирнов на основе этих известий пришел к выводу, что «с этого года война России с Турцией была предрешена» (*Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. // Ученые записки МГУ. Вып. 94. Т. 1. М., 1946. С. 92*).

слал для этого богатые подарки и поминки. Сама же Литва намеревалась напасть на Русь ближе к «Великому дню». Ей оказывала помощь Турция: во-первых, султан побуждал Крым заключить военный союз с Великим княжеством Литовским против России; во-вторых, приказал 80 000 сербам («сербянам») отправиться на фронты Ливонской войны и воевать на стороне короля против России.⁴¹

Получив отчет Нагого, царь принял решение согласиться на выдвинутые ханом условия. 26 февраля 1564 г. в Москве встречали Ашибаша Фруха. Переговоры протекали трудно: во-первых, Крым игнорировал русскую грамоту и навязывал свой вариант шерти.⁴² Во-вторых, русскую сторону не устраивало увязывание в крымском варианте шерти антилитовского союза с платежом поминок. В-третьих, московские дипломаты протестовали против предлагаемой схемы заключения соглашения: присяга хана — присяга царя — присяга крымской аристократии («земли»). В-четвертых, позиция хана в отношении русско-татарского союза против Литвы оставалась неотчетливой. Царь так и не получил ясных гарантий вмешательства Крыма в войну на стороне России. Грозный опасался, что Девлет-Гирей ограничится декларациями и так и не перейдет к практическим действиям.⁴³

Ашибаш на переговорах всячески подчеркивал намерение хана напасть на Сигизмунда, «хотя з братом своим со царем и великим князем дружбу совершити и пойти на литовского короля».⁴⁴ Но условием этого ставил получение Крымом больших поминок. Здесь обращает на себя внимание титулование «царь». Крым вообще-то игнорировал царский титул Грозного. К сожалению, из данного контекста не очень ясно: перед нами дьячий пересказ речи Ашибаша, в который русский писец привычно вставил титул своего государя, или же цитата из речи посла? Второй вариант мог бы быть интереснее. Он свидетельствовал бы о дипломатических

⁴¹ Отчет А. Ф. Нагого, январь 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 324 об. — 325 об., 327.

⁴² Вряд ли верна оценка А. Л. Хорошкевич крымского варианта соглашения как «неравноправного» (Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений... С. 395) — речь шла не об уравнивании или иерархизировании «прав» Руси и Крыма, а о процедурных вопросах, гарантиях и цене военного союза.

⁴³ Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 341, 365 об., 367.

⁴⁴ Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // Там же. Л. 368 об.

маневрах Крыма, готового поступиться своим неприятием царского титула в обмен на шерть. К сожалению, из текста посольской книги однозначных выводов сделать нельзя.

После совещания царя с боярами⁴⁵ было решено «учинить клятву» на крымской шертной грамоте 9 марта 1564 г. Однако гонец Г. П. Злобин должен был отвезти в Крым очередной вариант грамоты, уже отправленной ранее с Нагим, и добиваться присяги мурз именно на этом экземпляре! А потом Грозный готов был еще раз принести крестоцелование на данной грамоте.⁴⁶ Таким образом, присяга царя на крымской шерти оказалась лишь маневром. Русский царь упрямо гнул свою линию, добивался, чтобы Крым присягнул первым, а Москва — второй и чтобы в основе договора лежал бы русский вариант соглашения. Решено было также отправить поминки в размере, посланном с князем А. Кашиным в 1542 г. Как подчеркнул А. В. Виноградов, «заключенное соглашение не стало надежной гарантией от крымских нападений, но это был определенный шаг вперед в урегулировании русско-крымских отношений».⁴⁷

Г. П. Злобин умер в дороге, и вместо него в апреле 1564 г. в Крым был отправлен новый гонец, Ф. А. Писемский. 5 июня начались его переговоры с ханом. Девлет-Гирей сперва говорил о своем желании «стоять за один» против литовского короля, но при этом для «некоторого умышления» он не хочет включать в шерть отдельным пунктом свое обязательство напасть на Литву.⁴⁸

Колебания при дворе хана⁴⁹ подробно описаны в «Большом раз-

⁴⁵ На нем присутствовали бояре: И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, В. М. Глинский, В. С. и П. С. Серебряные, И. П. Федоров, В. М. Юрьев, И. П. Яковля, А. Д. Басманов, Ф. И. Умной-Колычев, Л. А. Салтыков; казначей Н. А. Фуников-Курцев; думные дворяне: А. П. Телятевский, П. И. Горенский, П. В. Зайцев, И. Черемисинов, Ширяй Кобяков. При принесении присяги также присутствовали митрополит Афанасий, новгородский архиепископ Пимен, дьяк Андрей Васильев (Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // Там же. Л. 369 об.-370).

⁴⁶ Отчет о приеме крымского посла Ашибаша, февраль 1564 г. // Там же. Л. 371 об.

⁴⁷ Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 182.

⁴⁸ Отчет А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, присланный в Москву в октябре 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 136, 137.

⁴⁹ А. В. Виноградов отмечает наличие двух группировок — антимосковски настроенных казанских эмигрантов и враждебных Исмаилу ногайских мурз, а также противников союзных Москве черкесских князей и промосковскую группировку крымской знати во главе с Сулешем, руководившим крымским посольским ведомством (Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного.

говорном списке» А. Ф. Нагого, увы, доставленном в Москву слишком поздно — 20 июня 1565 г. Список содержит подробное описание русско-татарских переговоров в Крыму с 31 мая 1564 года по весну 1565 года. Согласно сведениям Нагого, сторонниками мира с Россией были сам Девлет-Гирей, Мустафа-ага, Аликази Куликов, Зенги-Хозя-ших. За союз с Литвой против Москвы выступали калга Мухаммед-Гирей, его брат Адыл-Гирей, Азей князь Ширинский, Аспад князь, Ямгурчей, Ахмамер и все представители казанской знати, в свое время бежавшие в Крым. Последняя группировка обвиняла Ивана IV в агрессии, в захвате Казани и Астрахани, в том, что он «хочет идти на Крым Днепром», и даже в нападении на Ливонию, а затем и на Литву, вступившуюся за орден.⁵⁰

Трактовка Нагим особенностей борьбы внутри крымской знати крайне любопытна. Он осмыслял ситуацию строго в рамках московского политического дискурса. Ранее сообщалось, что дружбе Ивана IV с ханом мешали злые советники, изменники. Теперь Нагой решил, что и хану мешают плохие советники, приближенные «нашептывают в уши» антирусские речи. Русский посол тщательно фиксирует слух, как хан, уставший препираться со знатью, на совете 21 июля 1564 г. воскликнул: «К чему де яз на Крыму и царь, коли меня ныне дети и болшие улусные люди не слушают» (высказывание в духе Ивана Грозного в предопричный год!). Дипломат дает ему выгодную для Руси интерпретацию: хан не желает нарушать данную клятву, да вот советники вредят.

В переговорах с Ян-Магметом и Сулешем Нагой прямо сравнил этих преступников с теми, кто до 1563 г. на Руси ссорил хана с царем, и был за это репрессирован Грозным. Исполненный самых добрых намерений, Нагой предложил Девлет-Гирею... свои услуги

С. 179–180).

⁵⁰ Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 231 об., 232, 233. — На основании этих свидетельств А. А. Новосельский делает вывод, что отказ Крыма от мира был обусловлен не тем, что Сигизмунд заплатил поминки, а Иван IV не выплатил требуемых сумм. Ученый утверждал, что «дело заключалось не в поминках», а в польской пропаганде: король «энергично и настойчиво разъяснял опасность усиления Московского государства не только для Польши, но и для Крыма». Поэтому хан делал не меркантильный, а политический выбор (Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами. ... С. 21). Думается, что значение материального фактора здесь незаслуженно преуменьшается, чтобы нарисовать образ татар как извечных врагов России. Неизвестно, как бы сложилась ситуация, если бы Иван IV заплатил больше Сигизмунда. Нет оснований утверждать, что хан и в этом случае разорвал мирный договор.

в качестве консультанта, как надлежит поступать с плохими советниками, а то в Москве на этот счет накоплен богатый опыт, наверняка неизвестный хану!⁵¹ Столь неожиданное предложение было воспринято, скорее всего, с недоумением, но очень показательна сама стереотипность мышления русского посла.

В июне 1564 г. крымский гонец Караш прибыл на Русь с сеунчем о победе татар над волохами. В отправленной с ним шерти, как считает А. В. Виноградов, ссылаясь на донесение А. Ф. Нагого, по-прежнему не было пункта о войне татар с королем.⁵² Его включение неизменно зависело от присылки поминок. По словам Караша, хан, в свою очередь, отправил для государя специальные поминки, аналогичные «полоцкому поминку» Ивана IV. Однако на поле на крымцев напали казаки, отобрали поминки и якобы даже новую, исправленную шертную грамоту, которую Караш вез от Девлет-Гирея (при этом все другие грамоты, в том числе и послания царевичей, Караш благополучно довез). В нападении подозревались литовские казаки, и московские дипломаты пытались всячески раздуть этот конфликт, преподнести его как свидетельство недобрых намерений Сигизмунда. Это соответствовало и настроениям Крыма. Караш рассказал, что одновременно с отправкой на Русь Ашибаша было послано посольство в Вильну. Но король его не принял и чести послам не оказал. Сигизмунд также отказался отвечать за нападения на крымцев казаков и черкас. Поэтому хан «на короля гневен» и готов к союзу с Москвой против Литвы.⁵³

Крым также пытался изобразить себя защитником Руси от агрессивных планов Турции. Караш рассказал, что турецкий султан требует пошлин с городов Кафы, Мангупа, Инкермана, Судака и других. Это фактически дань, которую хан платит султану. Последний готовит нападение на Астрахань, для чего планирует прокопать канал в узком месте между Доном и Волгой, и по нему переправить осадные орудия. А Девлет-Гирей всячески сопротивляется этим планам султана, потому что идти в поход «не мощно» и «нынче учинились с московским в дружбе».⁵⁴

⁵¹ Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 233, 234, 248 об.

⁵² Виноградов А. В. Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 183.

⁵³ Отчет о приеме крымского гонца Караша, 20–27 июня 1564 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 6, 12 об., 15, 34–34 об.

⁵⁴ Речь посла Караша 28 июня 1564 г. // Там же. Л. 32 об.

Реакция Ивана IV на проявление Крымом готовности к достижению соглашения труднообъяснима. С одной стороны, 30 июня посольство Караша одарено богатыми подарками (шубами), что свидетельствует об одобрении царем хода переговоров. Но с другой стороны, в тот же день Грозный уехал на Верею в Вышгород, а послов «безделно» продержали в Москве на посольском дворе до 3 августа. Таким образом, заключать антилитовское соглашение Россия не спешила. Вместо этого в августе на переговорах русские дипломаты повторили свою старую позицию о необходимости присягнуть первым хану на московском варианте грамоты. Никаких других заявлений сделано не было, и 16 августа Караш уехал из Москвы, не увозя с собой ничего, кроме подарков. С ним отправился гонец А. Н. Мясной с царскими грамотами, в которых повторялись старые требования о принесении ханом присяги на образце шерти, присланном с А. Нагим.⁵⁵

Практически одновременно сорвались и переговоры в Крыму. 25 июля стало известно о приказе султана готовиться к походу на Астрахань.⁵⁶ Переговоры с Нагим относительно заключения мира хан «начал волочить», и 28 июля А. Ф. Нагому и Ф. А. Писемскому сообщили о серьезных разногласиях относительно размеров поминок, возникших между ханом и крымской аристократией. Царевичи и мирзы настаивали на том, что главным условием мира с Русью должно быть получение «казны великой». 1 августа русские дипломаты узнали причину затяжки времени: Девлет-Гирей ждал результатов переговоров с Сигизмундом о размерах поминок. Нагой попытался доказать, что Иван IV потому не идет войной на короля, что ждет ответа Девлет-Гирея, и поэтому русско-татарский договор надо заключать как можно быстрее.

---

⁵⁵ Отчет о приеме крымского гонца Караша, 30 июня — 16 августа 1564 г. // Там же. Л. 34 об., 36, 38 об., 40; Грамота Ивана IV к Девлет-Гирею от августа 1564 г. // Там же. Л. 52. — Судьба посольства Мясного была печальной. На р. Самаре его перехватили литовские черкасы, отряды Ф. Волошанина и Л. С. Пожаткевича. В бою был убит крымский посол Караш, потеряны лошади с государевым кормом, поэтому посольству дальше пришлось идти пешком. В Крым Мясной прибыл только 22 октября 1564 года. Хан в это время был в походе на Литву и вернулся только 13 ноября. Успешных переговоров Мясного с Девлет-Гиреем неизвестно (Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // Там же. Л. 256). 20 июня 1565 г. А. Мясной вернулся в Москву, одновременно с возвращением посольства Байбери от имени Ивана Ивановича (см. ниже) (Там же. Л. 165, 170).

⁵⁶ Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // Там же. Л. 240а.

Однако 4 августа 1564 г. татары заявили, что они колеблются, потому что на Россию «пошел король с великим собраньем» и он обещает большие деньги, если Крым присоединится к этому нападению. Одновременно распространились слухи о присылке Сигизмундом «двойной казны», чтобы побудить хана к нападению на Россию. Причиной литовского похода крымцы считали измену князя А. М. Курбского: «Отъехал, деи, от тебя, государя, к королю князь Андрей Курбской, а с ним, деи, отъехали многие люди; и короля, деи, на тебя, государя, он поднял, и царя и царевичей велел он поднять».⁵⁷ А 28 июля крымская знать выдвинула новое требование, при котором соглашение может быть заключено: уступка Казани и Астрахани и поминки в размере, который был при Мухаммед-Гирее I.

Несговорчивая позиция России и жадность Крыма привели к срыву соглашения. 5 августа в ответ на требование «Магмет Киреевых поминок» Нагой дал категорический отказ: русская сторона была согласна только на «Сагиб Киреевы» поминки. Историки, помимо спора о размере поминок, называют и более глубинные причины провала переговоров: русско-татарские противоречия на Северном Кавказе, утрата «казанского юрта», казачьи угрозы Азову и т. д. Свою роль сыграли и активность польско-литовской дипломатии, и обещания Сигизмунда не только прислать двойную «казну», но сверх того и заплатить за Москву Сагиб Гиреевы поминки.⁵⁸

Видимо, срыв переговоров татарами предвиделся (планировался?) заранее. Уже 6 августа⁵⁹ хан выступил в карательный поход на Русь. Нагой в тот же день послал на Русь две грамоты, чтобы предупредить: одну — с татаринном Гамзой, который продвигался в войске Девлет-Гирея, другую — с бывшим русским пленным Якушем Власовичем Окиншиным через Кафу в Азов и далее к донским казакам. 9 августа третью грамоту увезли ногаи Ишкар Азиенгаринович и Кел-Магмет Янышев.⁶⁰ По адресу попала только грамота

---

⁵⁷ Отчет А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, присланный в Москву в октябре 1564 г. // Там же. Л. 138–140; Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // Там же. Л. 253 об., 254, 254 об., 255 об.

⁵⁸ *Виноградов А. В.* Внешняя политика Ивана IV Грозного. С. 184.

⁵⁹ По другим данным, 6 августа было принято решение о походе, а хан вышел из Крыма 31 августа (Большой разговорный список А. Ф. Нагого, май 1565 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 256).

⁶⁰ Отчет А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского, присланный в Москву с Гамзой Елдышевым 3 октября 1564 г. // Там же. Л. 140, 140 об.

Гамзы, да и то слишком поздно — уже после начала боевых действий.

А. В. Виноградов отметил, что Крым настаивал на реализации своего проекта соглашения. 16 июля 1566 г. хан в присутствии А. Ф. Нагого и Ф. А. Писемского повторно присягнул на своем варианте шерти. Послы отказались подтвердить договор, потому что в нем было неотчетливо прописано обязательство Крыма воевать вместе с Москвой против Великого княжества Литовского.⁶¹ На этом первый этап русско-татарских переговоров о мире и союзе, который имел место в 1563–1566 гг., можно считать законченным.

Вторая попытка достижения русско-крымского договора была сделана в 1578 г. Однако она носила уже принципиально другой характер. На наш взгляд, отказ Москвы от понимания роли Крыма как потенциального союзника против Литвы в 1570-е гг. произошел не только из-за военного обострения 1571–72 гг., но и из-за того, что в 1572–76 гг. Москва хотела решить литовский вопрос и выиграть войну с Речью Посполитой через элекцию Ивана IV или его сына на королевский престол. Во второй половине 1576 г. стало ясно, что эта концепция оказалась ошибочна. Рюриковичи проиграли борьбу за польский трон. И в самом начале 1577 г. Россия вернулась к идее русско-крымского союза, благо, что Девлет-Гирей неоднократно демонстрировал свое желание реанимировать процесс заключения шерти, прерванный после 1563–64 гг.

Непременным условием для России, как уже говорилось, был первый шаг со стороны хана: именно он должен прислать больших послов, т. е. как бы попросить Ивана IV заключить договор, выступить его инициатором, а царю оставалось только милостиво согласиться на своих условиях. Однако 2 февраля 1577 г. на совещании с Боярской думой было решено, не дожидаясь крымского посольства, готовить большое русское посольство В. Мосальского и дьяка А. Шапилова. С ними отпускался задержанный крымский посол Девлет-Килдей. Русские дипломаты должны были сидеть в Боровске и ждать известия о выезде больших татарских послов, которые все-таки должны были выступить первыми. Однако на этот раз в отличие от недавних лет крымцев ждали с нетерпением. Бояре даже сами заговорили о готовности отправить поминки — еще недавно это было запретной темой.⁶²

⁶¹ Виноградов А. В. Посольство А. Ф. Нагого в Крыму. С. 71.

⁶² Отчет о заседании царя с Боярской думой по крымскому вопросу, 2 февраля

Однако и эта попытка заключения русско-крымского союза была сорвана — правда, на этот раз по не зависящим от России обстоятельствам. В Крыму скончался Девлет-Гирей. Было неясно, как поведет себя новый хан, Мухаммед-Гирей II, бывший калга, неоднократно высказывавшийся в отношении Москвы весьма радикально. Поэтому вместо большого посольства в Крым в июле 1577 г. было решено отправить «лехкого гонца» С. Кобелева с грамотами и поминками. Его миссия называлась «братство проведать». Он был должен новому хану «челом ударити», сообщить о готовности к переговорам русского большого посольства.⁶³ Стоит отметить резкое увеличение количества грамот к разным представителям крымской аристократии, отправленных с Кобелевым. В них Иван IV активно звал служить и обещал высокое жалование.⁶⁴ Таким образом, после смены хана русская дипломатия стремилась сформировать и закрепить поддержку при дворе прорусски настроенных татарских вельмож.

Настороженность России имела свои основания. Сразу после прихода к власти в окружении нового хана вновь заговорили о необходимости возврата Астрахани.⁶⁵ В сентябре 1577 г. в Крым обратился Стефан Баторий. Он надеялся побудить татар к нападению на Россию, апеллируя к поддержке Турции, и тем самым облегчить положение в Ливонии.⁶⁶ Поэтому от первого посольства нового правителя «Великой Орды» зависело очень многое. Прибывший в Москву в декабре 1577 г. посол Халил-Челибей приехал с мирными намерениями. В своей речи он даже назвал Ивана IV «царем и великим князем» (кажется, это первый случай, когда официальное лицо из Крымского ханства назвало русского правителя «царем», т. е. ханским статусным титулом). Впрочем, о признании Крымом титула речь не шла: в грамоте от Мухаммед-Гирея Грозный написан «государем, братом нашим» (что вообще-то тоже выше привычного обращения «великий князь»⁶⁷). В грамоте от Мусли-аталыка

1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 381, 381 об.

⁶³Отпуск гонца в Крым С. Кобелева, июль 1577 г. // Там же. Л. 385, 386, 387 об., 395.

⁶⁴Перечень грамот см.: Там же. Л. 392 об.—411.

⁶⁵Грамота Е. Л. Ржевского Ивану IV, привезенная в Москву 27 ноября 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.

⁶⁶List króla Stefana do Mikołaja Radziwiłła, Wojewody Wileńskiego, 14 września 1577 г. // АНР. Т. IX. S. 97. № LVII.

⁶⁷Отчет о приеме посольства Халил-Челибея, декабрь 1577 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 65, 65 об., 72 об.

Иван IV назван «Великого улуса многие Руси и всего христианства великий государь».⁶⁸

Что же касается содержательной части переговоров, то Мухаммед-Гирей предлагал вернуться к обсуждению вопроса о мирном договоре России и Крыма на условиях, близких к неудавшемуся соглашению начала 1560-х годов. Правда, антилитовская направленность договора уже не акцентируется, хотя и подразумевается (исходя из декларируемого принципа: «твои враги — мои враги»)⁶⁹.

10 декабря 1577 г. было решено с ответной миссией послать в Крым гонцов В. Непейцына и И. Маркова. 20 декабря русское посольство вместе с Халил-Челибеем уехало из Москвы.⁷⁰ В отправленных с ним грамотах царь выражал готовность к переговорам и указывал на необходимость обмена большими послами, чтобы «дело делалось». На возврат сторон на позиции начала 1560-х гг. указывает и сходство наказа, данного И. Маркову, с наказами 1560-х годов.⁷¹

В Крыму с интересом воспринимали рассказы русских дипломатов о победоносном царском походе в Ливонию в 1577 году. В 1578 г. татары и сами напали на Литву во главе с царевичем Адыл-Гиреем. На Украине они не встретили сопротивления войск великого княжества, громили пограничные города практически беспрепятственно. Небольшая стычка была только у г. Острога. Василий Острожский «откупил» нападение татар за 2 000 золотых — получив выкуп, крымцы оставили посад нетронутым. Целью похода было добиться от Литвы присылки поминок и вывода казачьих отрядов с Днепра.

Однако новый польский и литовский король Стефан Баторий не стал дожидаться, пока Россия и Крым поймут все вы-

⁶⁸ Грамота Мусли-аталыка к Ивану IV, ноябрь 1577 г. // Там же. Л. 94 об.—98 об.

⁶⁹ Грамота Мухаммед-Гирея Ивану IV, ноябрь 1577 г. // Там же. Л. 72 об.—78.

⁷⁰ В Крым уехал только И. Марков. В. Непейцын и Залешенин Волохов задержались. Их отпуск готовился в апреле 1578 г. (материалы отпуска см.: Там же. Л. 271—274 а об.). Однако в реальности В. Непейцын отбыл в Крым только с посольством В. В. Мосальского после августа 1578 г. Задержка связана с ожиданием посольства из Крыма — посольства Куремши, которое прибыло в Москву только в августе-сентябре 1578 г.

⁷¹ Отчет о приеме посольства Халил-Челибея, декабрь 1577 г. // Там же. Л. 101, 113, 116 об.; Грамота Ивана IV к Мухаммед-Гирею от декабря 1577 г. // Там же. Л. 107—111; Наказ гонцу в Крым И. Маркову, январь 1578 г. // Там же. Л. 123 об.—126 об., 137—148. — В Крым в январе 1578 г. с Путивля ушел один И. Марков, С. Непейцын остался ждать новых распоряжений царя.

годы антилитовского союза. Баторий пожаловался Турции, ставленником которой он, по сути, являлся. И султан одернул хана, приказав поумерить пыл и оставить литовские земли в покое.⁷² В июне 1578 г. литовские паны надеялись на нападение татар на Москву.⁷³ Из Крыма как раз вернулся посол Тарановский, и на турецко-татарскую дипломатию Стефана возлагались большие надежды.

Однако Крым откровенно играл двойную игру. Татарский посол, приехавший с Тарановским, сообщил, что хану вольно стать с Москвой в дружбе. В Литве это расценили как абсурд («absurda et similia powiada»)⁷⁴ 9 августа (по другой записи, в посольских документах — 10 сентября) 1578 г. в Москву прибыл крымский посол Куремша. Посольство приехало с сеунчем об успешном литовском походе: взяли 30 городов, разбили в полевом сражении польскую королевскую рать. Хан обещал в случае заключения договора с Россией еще больше воевать Литву. Грозный ждал приезда крымцев, надеясь, что наконец-то из Бахчисарая придут большие послы.

Однако текста шерти Куремша не привез. Вместо этого он вручил грамоту Мухаммед-Гирея, написанную в достаточно жестких интонациях. Хан опять требовал Казань и Астрахань, напоминал об обещании Ивана IV отдать Астрахань, причем грозил «войной и ратью» между двумя «юртами» — Крымом и Русью. Вместе с традиционным требованием поминок в грамоте фигурировали и две новых претензии: усмирить донских казаков и не посылать казаков на Днепр. Правда, хан пошел на некоторые уступки в титулатурном вопросе: Грозный назван «многие Руси всего христианства государем, братом нашим великим князем».⁷⁵

10 сентября 1578 г. В. Г. Зюзин, А. Я. и В. Я. Щелкаловы дали

⁷² Instrukcyя do Machmet Gieria cara przekopskiego... urodzonemu Marcinowi Broniowskiemu... do tegoż cara posłowi, 4 kwietnia 1578 г. // Rączyński E. Pamiętniki do historyi Stefana, kryla Polskiego, czyli korespondencyя tego monarchy. Warszawa, 1830. S. 134–138. N 1; Грамоты Е. Ржевского Ивану IV, после марта 1578 г., привезены в Москву в ноябре 1578 г. // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 158, 170 об., 171 об., 172 об., 173 об.

⁷³ List od p. Kanclerza koronnego do p. Marszałka koronnego, 13 lipca 1578 г. // АНР. Т. IX. S. 120. N LXXXIV.

⁷⁴ List od jednego przyjaciela od dworu do p. Marszałka koronnego, 3 sierpnia 1578 г. // АНР. Т. IX. S. 124. N XC.

⁷⁵ Отчет о приеме крымского посольства Куремши // РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 183, 353 об., 362, 374–375 об.; Грамота Мухаммед-Гирея Ивану IV от июня 1578 г. // Там же. Л. 363–370 об.

Куремше ответ, содержащий отказ по всем пунктам, кроме необходимости заключения мирного договора. Было твердо сказано, что если «дарь хочет с нами доброго дела, и прошение о Казани и Астрахани оставит». От связи с донскими и тем более — днепровскими казаками царь отказался.⁷⁶ 19 сентября татарам было объявлено об отправке к ним гонца А. Я. Измайлова. В наказе выражалась готовность к переговорам о мире, но реакция на литовский поход татар оказалась довольно сдержанная. Первостепенной темой диалога с Крымом царь недвусмысленно назвал необходимость мирного договора.⁷⁷

Этот договор должно было заключить большое русское посольство В. Мосальского, дьяка Арменина Шапилова и гонца В. Непейцына.⁷⁸ Инструкции для него разрабатывались в августе-сентябре 1578 года и неоднократно корректировались. Его целью было подписание мирного договора между Россией и Крымом. В наказе посольству особо подчеркивался принцип «адекватности действий»: подарки, которые делают русские послы, должны точно соответствовать подношениям, получаемым русскими, и ни в коем случае не превышать татарских подарков. Пошлин, как всегда, предписывалось не платить, но в то же время об этом «говорити смирно», чтобы «в государеве деле порухи не было».

В наказе по сравнению с 1560-ми годами серьезно изменилась позиция России в отношении антилитовского союза с Крымом. Россия хотела шерти с Крымом, в которой был бы традиционный пункт о войне против недругов «заодин». Но при этом в наказе подчеркивалось, что Россия не должна заключать обязательств участия в боевых действиях именно против Литвы. Дипломаты должны завуалировать свои обязательства в общей формуле: «кто нам недруг, тот и вам недруг».⁷⁹

В этом плане очень примечателен проект шерти, который был подготовлен для миссии В. Мосальского. В нем в отличие от проектов договоров 1563–64 годов опущен пункт о союзе против литовского короля. Этот вопрос вообще не поднимается. Москве, в

⁷⁶ Отчет о приеме крымского посольства Куремши // Там же. Л. 416, 418 об., 419.

⁷⁷ Наказ гонцу в Крым А. Я. Измайлову, сентябрь 1578 г. // Там же. Л. 452 об., 456 об.

⁷⁸ Отчет о приеме крымского посольства Куремши // Там же. Л. 186.

⁷⁹ Наказ посольству в Крым В. Мосальского и А. Шапилова, август 1578 г. // Там же. Л. 212, 214 об., 229 об.–230 об., 231.

общем-то, от ханства ничего не было нужно, кроме ненападения. Зато через заключение договора русская сторона пыталась юридически оформить международное признание ряда принципиальных вопросов. В тексте шерти Иван IV многократно фигурирует с царским титулом, именуется «всея Руси». Татары должны были дать обязательство не нападать на русские пограничные города — подчеркнем, что основное место в этом списке занимают (впрочем, как и в грамотах 1563–64 гг.) города, недавно отобранные у Литвы. Тем самым Россия получила бы важное международное признание их принадлежности к державе Ивана Грозного. Очень интересен фрагмент, где Россия берет на себя обязательство не нападать на татарские улусы, причем в этих нападениях не должны участвовать «ливонские люди». В случае принятия шерти Крым стал бы вторым государством (первым была Дания, признавшая по договору 1562 г. русские захваты в Ливонии, сделанные в 1558–1561 гг.), которое тогда бы признало вхождение Ливонии в состав России.⁸⁰

Тем временем пытается изменить крымскую политику и Стефан. 12 сентября 1578 г. были подготовлены инструкции для отправки «к царю перекопскому» посольства Марциана Броневского. Ему поручалось напомнить о договоренностях Батория с Турцией, о том, что Крым будет его союзником, обговорить размер высылаемых поминок и склонить к нападению на московитов.⁸¹ Однако усилия Стефана оказались тщетными. Не оправдались и надежды на посредничество султана: в мае 1579 г. королевский посол в Стамбуле Ян Дрогоевский сообщил, что Турция не может повлиять на Крым в данном вопросе.⁸²

И русско-крымские, и польско-литовско-крымские дипломатические инициативы 1577–78 гг. закончились безрезультатно. Можно видеть причины неудач переговоров в конкретных эпизодах политического противостояния. Стороны были бы готовы рискнуть за большие деньги или за гарантии военных акций против общих врагов. Но ни Россия, ни Литва с Польшей не захотели заплатить Крыму столько, чтобы он однозначно стал бы реальным союзником одной из сторон. А военные акции носили скорее демонстрационный, чем действительный характер. Татар, несмотря на всю рито-

---

⁸⁰ Вариант шертной грамоты, отправленный в Крым с посольством В. Мосальского, август 1578 г. // Там же. Л. 258 об.–263.

⁸¹ Instrukcja JK Mści dana Marcinowi Broniewskiemu posłowi do Cara Przekopskiego, 12 września 1578 г. // АНР. Т. IX. S. 140–143. N XCIX.

рику, на самом деле устраивала ситуация перманентного противостояния России и Великого княжества Литовского, поскольку она обеспечивала бесперебойное функционирование «крымского аукциона». Оказание серьезной союзнической помощи одной из сторон могло привести к ее победе, что автоматически бы ликвидировало сам аукцион, чего в Бахчисарае совершенно не хотели.

В то же время стоит подчеркнуть, что надежды России на союз с татарами были не столь уж и беспочвенны: в конце XV в. военно-политическое партнерство с Крымским ханством сыграло очень важную роль в ликвидации зависимости Руси от Большой Орды и в противостоянии с Великим княжеством Литовским, т. е. прецедент был.⁸² И сама по себе идея использовать альянс с Крымом как военно-политический раздражитель для Ягеллонов была правильной. Насколько это было реалистично — другой вопрос. В любом случае Россия оказалась не готова платить ту цену и идти на те уступки, которые требовал Бахчисарай, чтобы проверить цену слова Гиреев.

---

⁸² List Jana Drohojowskiego posła JKМści w Konstantynopolu do Mikołaja Mieleckiego, Wojewody Podolskiego, 4 maja 1579 r. // АНР. Т. IX. S. 161. N CXIII.

⁸³ Как отмечено А. В. Виноградовым, русско-крымский договор, ратифицированный обоими сторонами, был заключен только в 1593 году (*Виноградов А. В. Судьба резидента: Афанасий Нагой, дипломат и шпион // Родина: Российский исторический журнал. 2004. № 12. С. 71*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Проект договора Московского государства с Крымским ханством в 1563–1564 гг.

Л.102. ^{1 3}Список шерстной грамоте царево и великого князя слово таково, дана Офонасию Нагово, нечто учнетца делати доброе дело¹.

Бога в Троицы славимаго милостию великаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси слово своим братом, ²великим царем Великой Орды², з Девлет Киреем царем.³

---

¹⁻¹ З: нет

²⁻² З: Великие Орды великим царем.

³⁻³ Р: Бога всеми владеющего милостью, великого государя царя и великого князя Ивана Василевича всеа Руси слово с своим братом Великие Орды великим царем з Девлет Киреем царем.

От сего дни⁴ вперед быти нам⁵ в добрей⁵ любви от детей на внучата⁶,
⁷братом⁷ и другом быти впрок, где ни будем⁸, другу другом быти, а
недругу недругом быти, и на всякого нашего недруга // Л. 102 об. обема
нам заодин быти, хто мне, царю и великому князю друг, тот и Девлет
Кирею⁹ брату⁹ моему друг, а хто мне недруг, тот и Девлет Кирею царю
брату моему недруг. А хто Девлет Кирею царю брату моему друг, тот
и мне, царю и великому князю, друг, а хто Девлет Кирею царю брату
моему недруг, тот и мне, царю и великому князю, недруг.

А на Жигимонта Августа короля полскаго и великого князя литов-
ского, или иной хто государь будет на Великом княжестве Литовском и
на полском королевстве, на них обема нам быти заодин. Мне, царю и
великому князю на них тебе пособляти, // Л. 103. а тебе, Девлет Кирею
царю, на них мне пособляти. А коли скопят рать свою корол полской
и великий князь литовской, поидет на тебя, Девлет Кирея царя, и мне,
царю и великому князю, в то время¹⁰ своее стороне¹⁰ ийти на его зем-
лю и воевати королева земля. А поидет король, скопяся, на меня царя и
великово князя, и тебе, Девлет Кирею царю брату моему в то время с
своее стороны ийти на королеву землю и воевати королева земля.

А мне, царю и великому князю, и моим детем и моей братье и мо-
им боярам и воеводам и всем воинским людем твоих, брата моего //
Л. 103 об. Девлет Кирея царя земель и улусов не воевати, также и тех
людей, которые на тебя, брата моего Девлет Кирея царя смотрят. И нам
на их землях и¹¹ улусах¹¹ не стояти и не воевати, а которые наши люди
без нашего ведома, и без детей наших веданья, и без¹² братьев наших¹²
веданья твои, брата нашего Девлет Киреевы цареви земли и¹³ улусы по-
воюют, и к нам те наши люди придут, и нам их казнити, а взятое отдати,
и полон людцкой¹⁴ без окупа назад отдати.

А тебе, брату моему Девлет Кирею¹⁵ царю¹⁵, и сыну твою // Л. 104.
ему калге Магмет¹⁶ Кирею царевичу и сыну твоему царевичу Адыл Ки-
рею и иным твоим детем царевичем и карачеем и уланом и князем и
казаком и всем твоим людем моих царя и великого князя Ивана земель

⁴Р: дня.

⁵⁻⁵ Р: о доброй.

⁶Р: внучат.

⁷⁻⁷ Р: а братом.

⁸Р: будет.

⁹⁻⁹ Р, З: царю брату

¹⁰⁻¹⁰ З: с своее стороны

¹¹⁻¹¹ З: в улусех

¹²⁻¹² З: братьи нашей

¹³Р, З: или

¹⁴Р: люцкой

¹⁵⁻¹⁵ З: нет

¹⁶Р: Магмед

не воевати. Также и князей, которые мне царю и великому князю служат, и ¹⁷моим детем и моей братии¹⁷. И тебе, брату нашему Девлет Кирею царю и твоему сыну ¹⁸калге Магмет Кирею царевичу¹⁸, ¹⁹и ¹⁹Адъл Кирею царевичу, и иным твоим детем царевичем и карачеем твоим и уланом твоим и князем и мирзам и казаком и ближним и дальним // Л. 104 об. и всем воинским²⁰ людям на их землях не стояти, и не воевати их земель, также²¹ и наших украинских городков²² не воевати: Путивля, Рылска, Новагородка, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почапа²³, Трубчевска²⁴, Карачева, Брянска, Козелска, Нугри²⁵, Белева, Одоева, Мценска, Тулы, ²⁶Дедилова²⁶, Рязанские украины, Михайлова, Пронска, Рязкого и Мещерские украины все, также и оприч того, которые князи нам служат, и нашим детем, и нашей братье, и на нас которые смотрят. И тебе, брату нашему Девлет Кирею царю и ²⁷твоему²⁷ калге Магмет Кирею царевичу, ²⁸и ²⁸Адъл // Л. 105. Гирею²⁹ царевичу и иным твоим царевичем, и карачеем твоим, и уланам³⁰ твоим, ³¹и мирзам³¹, и казаком, и ближним и дальним, и всем ³²твоим³² воинским людям³³ тех наших князей, которые на нас смотрят, земель их не воевати. А без твоего брата нашего веданья и без ³⁴калгина³⁴ веданья и без детей ³⁵твоих³⁵ веданья ваши люди наших людей повоюют, или наших князей, которые нам служат и на нас ³⁶смотрят³⁶, а к тебе, брату нашему ³⁷Девлет Кирею³⁷ царю ваши люди с наших украин придут, и тебе их казнити, а взятое отдати, и полон людской без окупа³⁸ назад отдати // Л. 105 об. Также мои царя и

17-17 З: моей братии

18-18 Р: нет

19-19 З: и сыну твоему

20 З: воинским

21 Р: также

22 З: городов

23 Р, З: Почапа

24 Р, З: Трубчевска

25 Р, З: Нугря

26-26 Р, З: Дедилова, Новосили, Пловы и Соловы

27-27 Р, З: твоему сыну

28-28 Р, З: и сыну твоему

29 Р, З: Кирею

30 З: уланом

31-31 Р, З: и князем и мирзам

32-32 Р, З: нет

33 Р, З: людям

34-34 Р: без сына твоего царевича Магмет Кирея калги; З: без сына твоего калги царевича Магмет Киреева

35-35 Р, З: твоих царевичей

36-36 Р, З: смотрят, повоюют

37-37 Р: к Девлет Кирею

38 З: окупу

великого князя послы или ³⁹ гости куды пойдут от нас, или к тебе Доном и Подем, или ³⁹ от иных государей от кого ни буди ⁴⁰ пойдут к нам, и твоим людям тех наших послов и гостей, которые к нам или от нас пойдут к тебе, не имати и не грабити. А которые твои люди наших послов или гостей, и тех послов, которые пойдут к нам от иных государей, от кого ни буде ⁴¹, твои люди их их ограбят, а к тебе придут, а ⁴² тебе тех людей казнити, а взятое отдати, и полон людцкой ⁴³ без окупа отдати назад // Л. 106. А мне, великому князю, и моим детем, и нашей братии ⁴⁴ и нашим боярам ⁴⁵ и всем нашим воинским людям по тому же ⁴⁶ взятое куны и полон людцкой назад отдавати ⁴⁷.

А коли посол наш или гонец поидет ⁴⁸ к тебе, брату нашему, и он идет ⁴⁹ прямо к тебе ⁴⁹ беспошлинно. А твой посол брата нашего Девлет Кирея царя ко мне, царю и великому князю придет, и он идет прямо ко мне безо всяких пошлин.

А которая обида учинитца у тебя у брата нашего у Девлет Кирея царя над нашим послом, и мне против того ⁵⁰ учинить и ⁵⁰ над твоим послом. А котора ⁵¹ обида учинитца и нас // .106. над твоим послом, и тебе ⁵² потому ж учинити ⁵² над нашим послом.

А в сей нашей докончалной грамоте, кои слова есми молвили, инако тому не быти. Того для аз ⁵³, царь и великий князь Иван Васильевич всея ⁵⁴ Руси на сей докончальной грамоте ⁵⁵ целовал есми брату моему крест ⁵⁵, и печать свою золотую к сей грамоте велел привесити.

Писано в ⁵⁶ государства нашего дворе града Москвы лета от Создания Мира ⁵⁷ 7071 ⁵⁸.

39-39 P, З: или гости пойдут х тебе, брату нашему, или и куды куды пойдут от нас подем или Доном, или

40З: будь

41З: буди

42P, З: и

43P: люцкой

44З: братье

45З: бояром

46P, З: ж

47З: отдати

48P: придет

49-49 P: к тебе прямо

50-50 З: учинити

51З: которая

52-52P, З: учинити потому ж

53P, З: яз

54P, З: всея

55-55 P, З: тебе, Девлет Кирею царю, брату своему целовал есми крест

56P, З: во

57P, З: Миру

58P, З: 7072

Первый вариант договора, составленный в Москве в марте-апреле 1563 г. и посланный в Крым с послом А. Ф. Нагим, см.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Лл. 102–106 об.

Разночтения:

Р — второй вариант, составленный в Москве в сентябре 1563 г. и посланный в Крым с послом Е. Д. Ржевским (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 259–263 об.).

З — третий вариант, составленный в Москве в марте 1564 г. и отправленный в Крым с гонцом Г. П. Злобиным (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 476–479 об.).

**Проект договора Московского государства
с Крымским ханством 1578 г.**

Л. 258 об. Великие Орды великого царя Магмет Киреево царево слово с своим братом со царем и великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии от сего дни быти нам в добрый любви от детей и на внучата, братом и другом быти.

Впрок, где ни будем, другу другом быти, а недругу недругом быти, и на всякого нашего недруга обема нам заодин быти. Кто мне, Магмет Кирею царю, друг, тот и царю и великому князю // Л. 259 брату моему друг. А кто мне, Магмет Кирею царю, недруг, тот и царю и царю и великому князю Ивану, брату моему, недруг. А кто царю и великому князю ивану, брату моему, друг, тот и мне, Магмет Кирею царю, друг. А кто царю и великому князю Ивану, брату моему, друг, тот и мне, Магмет Кирею царю, друг. А кто царю и великому князю брату моему недруг, тот и мне, Магмет Кирею царю, недруг.

А мне, Магмет Кирею царю, и моему брату, калге Адыл Гирею царевичу и братьям моим царевичем и моим детем царевичем и карачеем и князем и мурзам и казаком и всем нашим людем, ближним и далним, и всем нашим воинским людем, твоих // Л. 259 об. брата нашего царя и великого князя земел не воевати. И также и князем, которые тебе служат, и на тебя служат, и нам на их землях не стоять и их земел не воевать.

Также мне, царю Магмет Кирею, и брату моему калге царевичу Адыл Гирею, и иным моим братьям царевичем и моим детем царевичем и каречею моим и уланом и князем и мурзам и казакам и всем ближним людем и далнем и всяким воинским людем твоих, брата моего, царя и великого князя Ивана // Л. 260 украинских городов не воевати: Путивля, Рылска, Новогородка северского, Радогоща, Стародуба, Чернигова, Почапа, Трубъческа, Брянська, Карачева, Козелска, Нугря, Белева, Одоева, Мценска, тулы, Дедилова, Новосили, Плавы и Соловы, Рязанские украинны Михайлова, Пронска, Донкова, Рязского города, Мещерские украинны вся.

Также опричь того, которые князи брату моему царю и великому князю служат, и на него смотрят, и мне, царю Магмет Кирею царю, и моему брату калге царевичу Адыл Гирею // *Л. 260 об.* и иным моим братьям царевичем и моим детем царевичем и карачеем моим и уланом и князем и мирзам и казаком ближним и дальним и всем воинским людем тех земель не воевати, и на их землях не стояти.

А которые люди без нашего веданья, и без наших братьев веданья, и без наших детей веданья наши люди ваших людей повоюют, а к нам придут, а нам их казнити, и взята отдати, и полон людцкой без окупа нам тебе // *Л. 261* брату нашему, царю и великому князю назад отдати.

И также и тебе, брату моему, царю и великому князю и твоим бояром и воеводам и всем воинским людем моих, Магмет Кирея царя, и наших братьей царевичей, и наших детей царевичей земель не воевати, и в улусах не стояти. А которые твои воеводы и ливонские люди, без твоего ведома, а нашу землю и улусы повоюют, а к вам те люди придут, и тебе, царю и великому князю, брату моему, их казнити, а взятое отдати, а полон людцкой без окупа назад отдати // *Л. 261 об.* Так же твои, брата нашего и великого князя послы или гости куды пойдут от тебя, или к тебе, Доном или Полем, или от иных государей от кого ни буди пойдут к тебе, брату нашему, послы или гости, и нашим людем твоих послов или гостей, которые к тебе или от тебя пойдут, ни имати, ни грабити. А которые наши люди твоих послов или гостей, и тех послов, которые к вам пойдут от иных государей, от кого ни буди, наши люди пограбят, а к нам придут, и нам их казнити, а взятое отдати, // *Л. 262* и полон людцкой нам отдати тебе без окупа.

А тебе, брату нашему и великому князю потому ж нашим людем взятое, куны и полон людцкой нам назад отдати, а лихих казнити. А инако ти того не учинити.

А коли наш посол от меня пойдет к тебе, брату нашему царю и великому князю Ивану, мой идет прямо х тебе безпошлинно, а твой посол брата нашего ко мне, Магмет Кирею царю, придет, и он идет прямо ко мне безо всяких пошлин.

А которая обида учинитца у нас твоим послом, и тебе, царю // *Л. 262 об.* и великому князю, брату моему, то учинити против над нашим послом, а которая обида учинитца у тебя, царя и великого князя брата моего над нашим послом, и мне потому ж учинити над вашим послом.

А в сей нашей шертной грамоте, кои слова есмя молвити инако, тому не быти. Того для яз, Магмет Кирей царь в головах, и брат мой калга Адыл Гирей царевич, и иные мои братья царевичи, и дети мои царевичи, и карачеи наши, и уланы, и князи, и мирзы крпко шертъ дали есма, и печать есми свою золотую к сей грамо // *Л. 263* те приложил. Лета 7000 [...]

Грамота составлена в Москве в августе 1578 г. и отправлена в Крым с посольством В. Мосальского и А. Шапилова (РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 258 об.-263). Она отражает вариант, на котором должен был присягнуть тан. Вариант, предназначенный для царской присяги, дефектен, перепутаны листы, отсутствует конец грамоты (Там же. Л. 263-266).

Д. Н. Альшиц

Иван Грозный и его официозные историки о «Слове о полку Игореве»

Посвящается Руслану Григорьевичу Скрынникову, в знак старой дружбы и уважения к его трудолюбию, а также к его неизменному стремлению к объективности исследования эпохи Ивана Грозного.

Обычно мистификаторов, сочинителей всякого рода мифов, искажающих историческую действительность, осуждают. И это, как правило, справедливо. Но вот перед нами случай, когда приходится низко поклониться мифотворцам, сознательным фальсификаторам исторической правды, и поблагодарить их за помощь... в установлении истины, притом по исключительно важному вопросу.

Давно и хорошо известно, что Московские книжники XVI в. по указанию, а иногда и при непосредственном участии Ивана Грозного или, как сказали бы сегодня, выполняя определенный социальный заказ, занялись перелицовкой на свой лад всей предшествующей истории Руси. В ходе этой огромной работы они пересказали, опять-таки на свой лад, «Слово о полку Игореве». Благодаря их усилиям в наших руках оказался сильнейший аргумент в пользу древнего происхождения великого произведения, опровергающий весьма живучую гипотезу о подделке «Слова» под древнерусское сочинение в конце XVIII века. И в самом деле — если текст «Слова о полку Игореве» был известен и к тому же заслужил пристальное внимание официальных царских историков в XVI веке, сомнения насчет древности этого замечательного памятника древнерусской литературы должны отпасть.

Обратимся к существу этой истории.

Одним из важнейших направлений в идеологической борьбе Грозного за установление единовластия было историческое обоснование исконности русского самодержавия.

«...Российского царствия самодержавство божиим изволением почен от великого царя Владимира... и великого царя Владимира Мономаха», — так писал царь в своем «отвещании» Курбскому. При этом царь Иван хорошо знал, что действительная история Руси была иной. По-другому она выглядела и в летописях, в памятниках литературы и публицистики прежних веков.

Во второй половине XVI в. официальные московские книжники создали ряд монументальных историко-литературных памятников: многотомную всемирную историю — Лицевой Летописный свод, Степенную книгу — историю Руси, Казанскую историю... Все эти сочинения имели задачу дать историческое обоснование исключительному праву московских государей на русское единодержавие.

В Шестой степени (главе) Степенной книги есть рассказ о том, как Всеволод Суздальский — прямой предок Ивана Грозного — накануне похода Путивльского князя Игоря в половецкую степь совершил свой большой победоносный поход на половцев (в действительности этого не было); о том, как Ольговичи во главе с Игорем, позавидовав успеху этого похода, сами двинулись в степь, где были разбиты, и как Всеволод Суздальский и Роман Волынский (все это тоже сплошная выдумка) двинулись выручать и выручили несчастных пленников.

Созданная автором «Слова о полку Игореве» версия о бездействии некоторых князей в тот момент, когда им будто бы надлежало действовать, показалась неподходящей книжникам XVI века. И вот спустя четыре сотни лет после описанных в «Слове» событий они, как мы видим, выступают с опровержением автора «Слова» в отношении Всеволода, создавая заведомо ложный рассказ о его выступлении на помощь князю Игорю. Для составителей Степенной книги, этих трудолюбивых зодчих, строивших многоступенчатое здание истории русского «скипетродержания», возведение шестого этажа их конструкции — описание княжения Всеволода Суздальского — доставляло особенно много хлопот и беспокойства. Им важно было показать непосредственный переход единодержавной общерусской великокняжеской власти рода Мономаховичей из Киева во Владимир, а затем и в Москву.

Но историческая действительность была, как известно, совсем иной. Киевское государство распалось на отдельные феодальные государства, и Владимиро-Суздальское княжество стало всего лишь одним из них. Более того, само оно долгое время раздиралось внутренней войной Ростова и Суздаля против Владимира, а также вело непрерывную борьбу со своими же «подручниками» — рязанскими князьями. В тяжелой и упорной борьбе вырос авторитет Всеволода, не приведший, однако, даже к концу его жизни к какому бы то ни было действительному единодержавию. Составители Степенной книги должны были проявить много изобретательности для приведения своего рассказа о Всеволоде в соответствие с поставленной задачей. И они эту изобретательность проявили, взяв в качестве сюжета, характеризующего Всеволода, историю похода князя Игоря на половцев.

Постановка событий 1184–1185 годов, в действительности никак не связанных с деятельностью Всеволода, в центр повествования о нем, не может не вызвать вопроса — в чем же здесь дело? Если составителям легенды нужно было воспеть победоносные походы Всеволода на половцев, то в его реальной биографии они были. В 1199 и 1205 гг. он совершает большие походы на половцев, подробно описанные в летописях. Заметим при этом, что на всем протяжении Степенной книги не встречается ни одного, подчеркнем — ни одного! — другого случая вымышленного похода какого-либо князя на половцев или на кого бы то ни было еще.

Составители Степенной книги очень ясно показали, в какой связи им понадобилось сочинять рассказ об участии Всеволода в походах 1184–1185 годов. Этот рассказ составляет целую главу, содержание которой выражено в ее названии — «О добродетелях самодержьца и о знамени на небеси, и о победе на Половьцы и о зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».

Как видим, интересующий нас сюжет понадобился как решающая иллюстрация добродетелей Всеволода. И главное в этих его добродетелях — вовсе не победы над половцами. Их, как уже сказано выше, не надо было вымышлять. Главное в том, чтобы объявить Всеволода «самодержцем», добродетельным в отношении подвластных ему остальных русских князей. Именно об этом говорит данная в повествовании характеристика деятельности Всеволода:

«Богохранимый же великий князь Всеволод Юрьевич, благоденственно пребывал во граде Владимира и правя скипетром Руського царствия. . . и всему множеству Владимировых сродником сво-

им старейшинствуя... И все послушаху его и покоряхуся ему».

С такой точки зрения на роль и значение Всеволода Суздальского «Слово о полку Игореве» являлось произведением абсолютно еретическим. Оно с огромной силой рисовало совершенно обратное тому, что хотели утвердить московские книжники XVI века. В самом деле, в «Слове» Всеволод вовсе не общерусский самодержец, а один из многих князей. Но что еще хуже — в «Слове» первым по значению среди них провозглашается «великий, грозный» Святослав Киевский. А Всеволоду в «Слове» брошен прямой упрек — «не мыслю ти прилетети издапча отня злата стола поблюсти!» — упрек в равнодушии к киевским делам, в частности, к борьбе южнорусских князей с половцами.

Все это как нельзя больше противоречит создаваемой Степенной книгой легенде о Всеволоде — общерусском самодержце, о Всеволоде, дарующем «во одержание» киевское господоначание, о Всеволоде, возглавляющем борьбу с половцами. Все это и потребовало опровержения в официальном памятнике, который должен был отныне и на века покончить с прежними «заблуждениями», утвердить «единственно правильную» версию истории Руси. Прежде всего надо было развенчать Святослава Киевского, столь высоко вознесенного «Словом». Причем развенчать не вообще, а именно в той роли, в какой его превознесло «Слово».

И вот мы читаем в Степенной книге рассказ о знаменитом походе князей на половцев накануне похода Игоря, во главе которого был, оказывается, вовсе не Святослав Киевский, а Всеволод Суздальский. В походе участвует князь по имени Святослав Всеволодович, но вовсе не тот, что на самом деле, а... сын Всеволода, якобы посланный своим великим отцом. В летописи XII в. были по именам перечислены еще шесть князей, действительно ходивших в поход вместе со Святославом Киевским. В Степенной книге все эти имена скрыты за формулой «и иных князей шесть». Это сделано для того, чтобы дезавуировать подлинный, южнорусский состав участников похода, создать впечатление, что в походе участвовали владими́ро-суздальские князья. Заключается рассказ следующими словами:

«Сице преславному победу даруй Бог православным, на поганья враги ходящих по повелению старейшего им самодержателя, богохранимого Всеволода».

Так официальные книжники XVI в. зачеркнули гениальные строки «Слова»: «...отец их Святослав — грозный, великий, киев-

ский Грозою притрепал своими сильными полки и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую, притопта холмы и яругы, взмути реки и болота... А поганого Кобяка из луку моря от железных великих полков половецких яко вихрь, выторже... Ту немцы и венецианцы Ту греки и моравы поют славу Святославу...». Степенная книга «Славу Святославу» переписала на «самодержца» Всеволода Суздальского.

Теперь предстояло «притоптать» другой, недопустимый с точки зрения составителей Степенной книги момент «Слова» — содержащийся в нем прямой упрек Всеволоду в равнодушии и бездействии по поводу поражения князя Игоря. И вот, вслед за описанием победы князей, якобы «ходящих по повелению... Всеволода», идет такой рассказ — «О Зависти Ольговичев и о милости Всеволожи».

«Егда же сему позавидеша Ольгови внуцы, и кроме Всеволода повеления, уповающе собою, идоша на Половцы и многу сотвориша победу и за Дон устремишеся в самые лука моря, и в Лукоморие словоохотием приидоша и сами от половець победишеся и без вести быша, благосердый же самодержец Всеволод умилисердися о них и, Богом подвижаем, сам подвижеся на Половцы, всячески тыщащеся свободити плененных своих. Половцы же и с вежами (становищами) своими бежа к морю».

Вот, оказывается, как было дело! Не князь Игорь с сыном Владимиром бежали из половецкого плена под покровом ночи, а бежали половцы, разгромленные пришедшим спасти Игоря Всеволодом Суздальским! Всеволод тотчас пошел выручать Ольговичей — т. е. Игоря и его родичей, «егда... позавидеша» Всеволоду, и «кроме его веления», они пошли на половцев. Связь между именем Всеволода и Игоря, родившаяся в мозгу автора «Слова» — «не мысля ти прилетети издалеча...», нашла, как видим, в XVI в. отклик в виде решительного опровержения сказанного в древнем произведении.

Книжники Ивана Грозного не сочли возможным пройти мимо «Слова», замолчать его. Они пустились в прямую полемику против изображения автором «Слова о полку Игореве» трех его весьма значительных героев. Если он гиперболизировал роль Святослава Киевского в происходивших событиях, то они ее вовсе зачеркнули. Если он с укоризной в бездействии обращался к Всеволоду и Роману, то они сочинили версию об их решающем участии в событиях.

«Слово о полку Игореве» не только в этих пунктах, но и в целом пришлось не по душе составителям Степенной книги. Оно наиболее ярко из всех памятников древности запечатлело картину разобше-

ния и междоусобиц удельных князей, которую сочинители Степенной книги старались скрыть и заменить картиной извечного единогодержавия.

Отношение к «Слову» царских книжников XVI в. и их последователей — царских книжников XVII века хорошо объясняет, почему этот замечательный памятник древнерусской литературы не сохранился во множестве списков. «Слово», если можно так выразиться, не «пробилось» через XVI и XVII века: его не переписывали для включения в литературные сборники. Серьезно ошибается тот, кто думает, что в те давние времена еще не было суровой и строгой цензуры. Вот достаточно ясное свидетельство на этот счет одного из современников царя Алексея Михайловича: «У нас государь царь благочестивый. Ереси некоторые не любит. И во всей его государьской земле ереси нет. У печати сядят книги правят избранные люди и беспрестанно над тем делом следят. А над теми людьми надзирают по государеву указу... кому государь укажет».

За сто лет до этого, при Иване Грозном, цензура была ничуть не слабее; помимо «государьской» цензуры, издревле существовала на Руси и цензура церковная. Для церковников и монахов — а ведь именно они в основном занимались перепиской книг — «Слово» было неприемлемо еще и потому, что густо насыщено «пережитками» язычества. При этом оно почти свободно от упоминаний о христианской вере и обрядности. В этом смысле лексика «Слова о полку Игореве» тоже резко отличается от лексики легенды о Всеволоде, созданной в XVI веке. Здесь в отличие от «Слова» победу над половцами «дарует Бог православным», Всеволод постоянно именуется «богохранимым». Ничего подобного в «Слове», как говорится, на дух нет.

Рассказанное выше позволяет сделать важнейший для нас вывод: появление в официальном памятнике XVI в. вымышленного рассказа об исторических событиях XII века, являющегося прямой контрверсией «Слову о полку Игореве», рассказа совершенно непонятного и немыслимого вне зависимости от этого памятника, доказывает, что «Слово о полку Игореве» было хорошо известно составителям Степенной книги в XVI веке.

Этим — повторим — еще раз доказана несостоятельность точки зрения о том, что «Слово» — искусная подделка XVIII века. И за это доказательство мы говорим большое спасибо официальным книжникам XVI века, несмотря на то, что они в своих трудах фальсифицировали подлинную историю в угоду политической конъюнктуре.

СМУТНОЕ ВРЕМЯ НАЧАЛА XVII ВЕКА И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

И. О. Тюменцев

Казачьи полки в стане Лжедмитрия II 1607–1610 гг.

В советской литературе вплоть до начала 80-х годов XX в. Смута в России начала XVII столетия считалась первой крестьянской войной, в которой казачеству отводилась роль своеобразного «идеолога» и организующего авангарда. Казачество же, по мнению советских историков, сформировалось благодаря массовому бегству крестьян от феодального гнета в Дикое Поле.¹

В работах, посвященных Смуте, Р. Г. Скрынников подверг критике концепцию крестьянской войны и обосновал новый взгляд на Смуту как первую гражданскую войну в России. Он высказал обоснованное мнение, что в XVI–XVII вв. в Дикое Поле бежали от холопства разорившиеся служилые люди. Не имеющие боевого опыта крестьяне имели мало шансов выжить в условиях постоянной военной опасности. Исследуя движение Лжедмитрия I, Р. Г. Скрынников установил, что ни одно из формирующихся на Днепре, Дону, Волге вольных казачьих войск не выступило сразу и однозначно в поддержку самозванца. Несмотря на все разногласия в прошлом, войсковая верхушка и значительная часть рядовых казаков предпочитали до последней возможности сохранять сложившиеся связи с законными московскими властями и получать у них государево жалование. Лжедмитрия I поддержали отдельные казачьи станицы, которые быстро пополнились отрядами служилых

---

¹ Шепелев И. С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 42, 207, 520–522; Назаров В. Д. О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в. // Феодальная Россия во всемирно историческом процессе. М., 1972. С. 120, 123; Пронштейн А. П., Мининков Н. С. Крестьянские войны в России в XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1983.

казаков, беглых холопов и крестьян из российского южного пограничья и превратились в многотысячное казачье войско самозванца. Вольные войсковые объединения Дона, Терека и Яика поддержали «царевича» Дмитрия тогда, когда исход борьбы за московский престол был предрешен и нужно было побеспокоиться о получении государева жалования.²

Вольные казаки, как установил Р. Г. Скрынников, не участвовали в подготовке и появлении Лжедмитрия I. Однако необходимо отметить, что первый самозванец вышел из той самой среды бывших служилых холопов, из которой формировалось вольное казачество. Станичники, как видно из последующих событий, быстро усвоили урок. Лжепетр — Илейка Муромец был выдвинут вольными терскими казаками для оправдания их похода по Волге на Москву.³ Вскоре в рядах донских, волжских и терских казаков, как грибы, стали появляться самозванные «царевичи», которые собирали казаков и прочих «гулящих людей», чтобы идти на помощь «царю Дмитрию».

Выдвижение «казацких царевичей», как это было с Лжепетром, позволяло отдельным казачьим станицам преодолевать запрет Войскового Круга и уходить в Россию на помощь самозванцу. Официально казачьи войска самозванцев не поддерживали, но под их знаменами собирались войсковые низы. Лжедмитрий II по сути дела также был «казацким царевичем», так как у истоков его самозванческой интриги в Стародубе-Северском стоял донской атаман Иван Заруцкий, вместе с белорусскими шляхтичами заставивший шкловского бродягу играть роль московского царя.⁴

Анализируя обстоятельства формирования повстанческого войска Лжедмитрия I на Северщине и в городах Южной Украины, Р. Г. Скрынников обосновал гипотезу, согласно которой широкое участие в движении самозванца приняли местные дети боярские, служилые люди по прибору, служилые казаки и крестьяне. Современники событий — иностранцы — часто принимали их за казаков.⁵ А. Л. Станиславский, посвятивший истории казачества в Смутное время специальное исследование, поддержал и развил концепцию

² Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985. С. 236–238.

³ Расспросные речи Лжепетра // ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 81.2. С. 174.

⁴ Тюменцев И. О. Смуты в России в начале XVII ст.: Движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 54–61, 72–97.

⁵ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 174–203.

гражданской войны. Он установил, что вольные казаки с Дона, Волги, Днепра и Терека не играли заметной роли и в движении Ивана Болотникова, уступив место казачеству, образовавшемуся в Центральной России в результате ухода в казаки местного населения. Исследователь назвал этот процесс «показачиванием».⁶ Материалы русского архива Яна Сапеги, одного из гетманов Лжедмитрия II, позволяют уточнить и развить наблюдения Р. Г. Скрынникова и А. Л. Станиславского.

В основе процесса «показачивания», как видно из источников, лежит вынужденный вследствие социально-экономического кризиса переход молодой и амбициозной части населения страны от производящего к присваивающему хозяйству. «Показачивание» может проходить в нескольких формах.

1. Наиболее ранней формой явилось *добровольное показачивание* — уход служилых людей и податного населения в вольные казачьи станицы на Дон, Волгу, Яик, Терек. Эта форма показачивания до Смутного времени была основной и довольно неплохо изучена в трудах Р. Г. Скрынникова и А. Л. Станиславского.⁷

2. В Замосковье появление казачьих станиц из Тушина осенью 1608 г. породило новую форму — *принудительного показачивания*. В ноябре-декабре 1608 г. в Переяславль-Залесский прибыл атаман Федор Копнин, в недавнем прошлом разорившийся дворянин. Здесь он начал насильно верстать в свою станицу полных и кабальных холопов, а также даточных пашенных мужиков, несмотря на протесты местных дворян и посадских.⁸

3. В конце ноября 1608 г., доведенное тушинским режимом до крайности, податное население Поморья и Замосковья подняло стихийное восстание против тушинцев. В городах Галич, Вологда, Устюг, Устюжна, Сольвычегодск и других спешно началось формирование земских ополчений, костяк которых составили местные посадские и крестьяне, верставшиеся в казаки. Произошло *земское показачивание*, которое являлось формой самоорганизации местно-

⁶ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 24–33.

⁷ Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 135–136; Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 7–8.

⁸ Тюменцев И. О. Русский архив Я. Сапеги 1608–1611 гг.: Опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005; SRSRB. E 8610 (2). № 17, 20/86; Архив СПбИИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 400; АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 107, 112, 113; Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 26.

го населения для противоборства с карателями.⁹ Вероятно, такое показачивание имело место в 1604–1605 гг. на Северщине и Украинных городах, когда в результате карательных акций войск Бориса Годунова в войске Лжедмитрия I неожиданно появилось многочисленное казачье войско.

4. Наконец, в самом конце Смуты возрождающееся государство стало набирать в казаки «охотчих» людей для борьбы с вторгшимися в Россию польско-литовскими войсками. Произошло *государственное показачивание*, получившее в дальнейшем, после подчинения вольных казачьих войск Москве, широкое распространение при формировании линейных Казачьих войск XVIII–XIX вв.¹⁰

Следует заметить, что наряду с «показачиванием» наблюдался и обратный процесс. После «молодечества» казаки частью стремились «расказачиться» — вновь инкорпорироваться в социальную структуру российского общества в ином качестве. В первой половине XVI в. они только «ходили», «гуляли» по Дону и Волге, а жили на пограничье. Во второй половине того же века на Дону состарилось первое поколение осевших там казаков.¹¹ Но именно в это время, как установили Р. Г. Скрынников, А. Л. Станиславский и другие исследователи, начинает шириться практика верстания вольных казаков в *служилые казаки*, а их предводителей — в *поместные атаманы*. В случае успеха из служилых казаков можно было поверстаться в *городовые дети боярские*.¹² Многие престарелые казаки нашли покой в российских монастырях.¹³

Смута ярко проявила эти устремления казаков. В конце 1607 — начале 1608 гг. служилые низы попытались насильственными методами повысить свой социальный статус. Лжедмитрий II издал указ, разрешавший бывшим холопам, многие из которых стали казаками, расправляться с дворянами и детьми боярскими — сторонниками Василия Шуйского и захватывать их имущество. Лишь в марте 1608 года, когда в результате военного переворота к руковод-

⁹ АИ. Т. 2. № 109, 115, 116, 135, 177; ААЭ. Т. 2. № 91, 103, 104.2; SRSRB. E 8610 (2). № 17, 20; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1995. С. 304; Шепелев И. С. Указ. соч. С. 371; Sapieha J. Dziennik 1608–1611 // Hirschberg A. Polska a Moskwa. Lwów, 1901. S. 197–198; Массе И. Краткое известие о Московии. М., 1937. С. 177.

¹⁰ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 160.

¹¹ Тюменцев И. О. Россия и появление казачества на Волге и Дону в первой половине XVI в. // Cahier du Monde russe. 2005. Vol. 46. N 1–2. P. 75–82.

¹² Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 141–142.

¹³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 219–220.

ству повстанческим движением пришли наемники, с репрессиями против дворян было покончено.¹⁴

Но это отнюдь не означало, что казаки отказались от своих требований. Изменилась форма их достижения. Неслучайно некоторые атаманы смогли сделать при дворе самозванца головокружительную карьеру. Атаман И. М. Заруцкий стал воровским боярином, главой Казачьего приказа, атаманы А. З. и И. З. Просоветские — стольниками, А. Ф. Палицын — стряпчим.¹⁵ Это не преминули отметить современники: «стольники и чашники у Вора у Дмитрея его же казаки».¹⁶ Таким образом, «показачивание» и «расказачивание» — это не последовательно развивающиеся, а одновременные процессы.

Анализируя роль казачества в Тушине, А. Л. Станиславский пришел к выводу, что оно будто бы было разобщено и находилось под влиянием наемников. Это наблюдение исследователя нуждается в уточнении. В стане самозванца казаки восприняли у наемников и запорожских казаков «полковое» устройство. К примеру, «полковник» А. Лисовский прибыл в Россию с двумя ротами наемников Синявского и Василия Чижевского (Жичевского). Здесь к нему присоединились атаманы Стефан Епифанец, Андрей Болдырь, Иван Чика, Пантелеймон Матерый-Мартынов, Родион Прибытков, Степан Ташлыков со своими станицами.

К концу лета 1608 г. полк наемников превратился в «казачий полк» численностью пять–шесть тысяч воинов. Еще один полк «донцов» создал под своим началом атаман И. М. Заруцкий. Было сформировано четыре полка запорожцев, которыми командовали полковники Гриц, Повидзиевский, Лис, Ростецкий. Для управления донскими и запорожскими полками тушинские власти создали Казачий приказ, который возглавлял «боярин» — атаман И. М. Заруцкий.

Таким образом, казачество в Тушине, вопреки мнению А. Л. Станиславского, представляло внушительную силу и имело свои организационные структуры, но это были структуры служи-

¹⁴ Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 149; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 348–350; Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. № 58–60; ААЭ Т. 2. № 87; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. СПб., 1910. С. 79.

¹⁵ Члены Государева двора Лжедмитрия II // Тюменцев И. О. Смута в России. С. 551–552.

¹⁶ Расспросные речи А. Ф. Палицына // ААЭ. Т. 2. № 91.3. С. 186.

лого, а не вольного казачества.¹⁷ Казачий круг и другие структуры вольного казачьего войска появятся у казаков на территории России позднее, после гибели самозванца, во время движения земских ополчений 1611–1612 гг.¹⁸

Казаки рассчитывали, что Лжедмитрий II сможет обеспечить их денежным и хлебным жалованием. Но податное население страны не в состоянии было платить завышенные налоги. Тушинское руководство не смогло собрать жалование ни наемникам, ни казакам. Тогда казаки вслед за иноземными солдатами добились передачи им в «приставства» дворцовых сел и деревень в различных уездах Русского государства. Документы «архива» Я. Сапеги свидетельствуют, что полк А. Лисовского распоряжался дворцовыми волостями Суздальского уезда, полк И. Заруцкого — Тотьмой.

Непомерные поборы, производимые тушинцами через традиционную систему налогов и через приставства, открытый разбой, чинимый фуражирами, в считанные недели разорили население Замосковья и Поморья. Народ поднял стихийное восстание против тушинцев. Руководство тушинского лагеря бросило против повстанцев карателей, ударной силой которых был казачий полк А. Лисовского (2 000 казаков и 608 наемников). Атаманы и казаки искренне верили, что творят благое дело, разоряя и казня «изменников» «доброго царя Дмитрия». Каратели огнем и мечом прошли по городам и селам Замосковья и Поморья. Между казаками и земцами Замосковья и Поморья пролегла пропасть.¹⁹

Война с народом породила раздоры между казаками и наемниками. Челобитные казаков Лжедмитрию II из «архива» Я. П. Сапеги пестрят жалобами на полковников и воевод, которые казаков «не берегут и бросают в самое пекло», а потом присваивают плоды их побед, не давая ни жалования, ни добычи. Самозванец оказался бессилён помочь станичникам. В знак протеста станицы одна за другой стали покидать свои «полки», и казачье войско самозванца начало быстро таять.²⁰

¹⁷ ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III. Л. 324; СХ. СПб., 1876. № 12.42, 12.70, 20; АИ Т. 2. № 167, 170, 235; Архив СПбИИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 472; SRSRB. E 8610 (2). № 11/67.

¹⁸ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 40.

¹⁹ СХ. № 16, 18; АИ. Т. 2. № 88, 153, 159, 239; Архив СПбИИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 182, 219, 220, 222, 226, 391, 472; К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 292; РГАДА. Ф. 1204. Р. 133. № 103; ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 1. N.45; SRSRB. E 8610 (2). № 4, 15, 18, 91.

²⁰ АИ. Т. 2. № 239. С. 281–282; Архив СПбИИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 472;

Бегство Лжедмитрия II в Калугу и распад Тушинского лагеря в конце 1609 — начале 1610 гг. привели к разрыву между казаками и наемниками. В конце января — начале февраля 1609 г., по рассказам М. Мархоцкого и К. Буссова, донские казаки и татары неожиданно для своих начальников И. М. Заруцкого и Касимовского царя вышли из Тушинского лагеря и двинулись в Калугу. И. М. Заруцкий бросился к Р. Ружинскому, и поднятые по тревоге наемники атаковали отступающих казаков, нанеся им огромный урон.²¹ Об этом происшествии сообщил в своем письме от 8 (18) февраля 1609 г. С. Доморацкому С. Мнишек. По словам брата «царицы», отрядом командовали тушинские бояре Д. Т. Трубецкой, М. И. Колодкин-Плещеев, один из князей Засекиных. Примечательно, что в авангарде казаков, по словам С. Мнишека, двигался конный отряд, что в то время не было характерным для казачьих полков.²² Как видно, наемники, вслед за русскими дворянами, считали всех дворян и детей боярских, отбывших от московской службы на «воровскую», казаками. В связи с этим становятся понятными сетования брата М. Мнишек, что «лагерь пустой, что живое на раздоры пошло...».²³

К лету 1610 г. основная часть казачьего войска Лжедмитрия II собралась в Калуге. Они были единственной реальной силой, на которую мог опираться самозванец и которая могла выдвигать свои условия. Казаки самозванца одними из первых вступили в борьбу с вторгшимися в Россию войсками Сигизмунда III и, казалось, могли рассчитывать на примирение и сотрудничество с земщиной. Однако этого не произошло. Попытки руководителей Калужского лагеря «бояр» Д. Т. Трубецкого, Г. П. Шаховского, С. Г. Звенигородского, М. М. Бутурлина и др. силой и обманом навязать населению страны «царя Дмитрия» привели к резкому сужению социальной базы движения самозванца. Теперь наряду с земцами центральных уездов страны казаков — приверженцев самозванца возненавидели земцы северских и украинских уездов. Казаки оказались в тупике. Лишь гибель самозванца от рук князя Петра Урусова позволила казакам встать на путь сотрудничества с земщиной. Они приняли самое де-

СХ. № 12.70; Палицын А. Сказание. М.; Л., 1955. С. 182–183.

²¹ *Marchocki M.* Historia wojny moskiewskiej. Poznań, 1841. S. 64; *Буссов К.* Указ. соч. С. 163.

²² List S. Mniszecha do S. Domoradzkiego 8 (18) lutego 1609 r. // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III. Л. 383–387.

²³ *Ibid.*

ятельное участие в движении земских ополчений и внесли весомый вклад в дело спасения России.

Проведенный анализ данных об участии казачества в движении Лжедмитрия II подтверждает вывод А. Л. Станиславского, что в 1607–1610 гг. вследствие поддержки самозванца частью вольного казачества произошло «показачивание» части населения России, и на территории страны образовалось многочисленное служилое казачье войско. Одновременно старые и новые казаки не скрывали своих намерений при благоприятных для них обстоятельствах вновь инкорпорироваться в социальную структуру Русского государства, восстановить и даже преумножить свой социальный статус — «расказачиться». «Показачивание» и «расказачивание», по-видимому, являются основными факторами развития казачьего движения сначала на пограничье (фронтире), а в период смут — на основной территории страны. Так, видимо, было и в период распада Золотой Орды, так произошло и во время Смуты начала XVII ст. в России.

Казаки явно играли роль главного «организатора» и «идеолога» гражданской, а не крестьянской войны.

М. А. Цветкова

«Дневник Марины Мнишек»

как исторический источник: проблема авторства

«Дневник Марины Мнишек» относится к числу знаменитых памятников Смутного времени. Впервые он был издан Н. Г. Устряловым в 1834 году.¹ В основу публикации была положена неполная рукопись памятника — так называемая копия Яна Альбертранди из Ватиканского архива, подаренная русскому послу в Варшаве.² Польский текст памятника по все той же копии Альбертранди был издан А. И. Тургеневым под названием «Описание польских дел в Москве при Дмитрии, от одного из там бывших»³.

¹[Устрялов Н. Г.] Дневник Марины Мнишек и послов польских // [Устрялов Н. Г.] Сказания современников о Димитрии Самозванце. М., 1834. Ч. 4. С. 1–109.

²Подробнее см.: Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек» — памятник Смутного времени // Дневник Марины Мнишек / Сост., перевод и вступ. ст. В. Н. Козлякова. СПб., 1995. С. 13–14.

³Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек. . . А. И. Тургеневым. Т. 2. СПб., 1842. С. 155–196.

Полный текст памятника был впервые опубликован львовским историком Александром Гиршбергом.⁴ Исследователь придерживался мнения, что автором дневниковых записей следует считать Вацлава Дьяментовского. Эту же точку зрения о создателе сочинения еще раньше высказал Ф. Аделунг.⁵

Однако имя В. Дьяментовского упоминается не в самом тексте дневника, а в приписке 1774 года, сделанной переписчиком Войцехом Добецким. Поэтому у ученых возникли сомнения в авторстве Дьяментовского.⁶ Польский историк В. Кетжинский называл создателем произведения Авраама Рожнятовского.⁷ С ним солидаризировался А. А. Титов, издавший новый вариант текста «Дневника...» по рукописи из Библиотеки кн. Чарторыйских в Кракове.⁸

Разногласия по вопросу об авторе произведения существовали и среди новейших историков, что ярко видно в их работах. Так, в 1959 г. И. И. Смирновым, который использовал издание А. Гиршберга, были опубликованы фрагменты «Дневника» с указанием на авторство В. Дьяментовского.⁹ Атрибуцию текста А. Рожнятовскому поддержал Н. П. Долинин, который критиковал издания Гиршберга за их неточности.¹⁰ В пользу Рожнятовского высказывался и Р. Г. Скрынников.¹¹

Исследования В. Н. Козлякова показали, что об А. Рожнятовском известно немного. Он происходил из шляхетского рода, был известен как дворянин и предводитель хоругви сендомирского воеводы Юрия Мнишека и в этой роли участвовал в походе первого самозванца. После возвращения из России он опубликовал ряд литературных произведений.¹²

⁴ *Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwów, 1901.*

⁵ *Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. Ч. 2. М., 1864. С. 47.*

⁶ Об этом см.: *Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек»... С. 16–17.*

⁷ *Ketzynski W. Dyaryusze Wacława Dyamentowskiej i Marcina Stadnickiego o Wyprawie cara Dimitra // Przegląd historyczny. 1908. Т. 7. № 3. S. 265–275.*

⁸ *Титов А. А. Дневник Марины Мнишек (1607–1609 г.). По рукописи Краковского музея кн. Чарторыйского № 1633. М., 1908. С. 11.*

⁹ *Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606–1607 гг. М., 1951. С. 30–31.*

¹⁰ *Долинин Н. П. К изучению иностранных источников о крестьянском восстании под руководством И. И. Болотникова // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 465–471.*

¹¹ *Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988. С. 245.*

¹² *Козляков В. Н. «Дневник Марины Мнишек»... С. 17.*

Анализ «Дневника» говорит, что источник почти не дает сведений о личности автора. С 1 апреля 1606 г. дневниковые записи начинают сопровождаться местоимением «мы»: «Тут получили мы деньги, которые царь прислал на корм, 35 тысяч злотых».¹³ Автор тщательно фиксирует все населенные пункты, где останавливался свадебный поезд, точно указывал имена и чины людей в свите, число их слуг и лошадей. Он подробно описывал церемонию первого приема воеводы Юрия Мнишека «царем Дмитрием Ивановичем», на которой создатель «Дневника...» присутствовал лично. Также автор записал, что был допущен в числе других слуг Юрия Мнишека к царской руке. «Нас, слуг, посадили попеременно с “Москвой”, которая нас потчевала. Тарелок нам не дали, только четыре — для панов, и то еще царь сказал, что делает это не по обычаю. Хлеба не положили, но когда сели, каждому от царя разнесли по обычаю по большому куску белого хлеба, из которого мы себе и должны были сделать тарелки».¹⁴

Таким образом, автор впервые называет себя слугой, что шляхтич никогда не сделал бы. Кроме того, его усиленное внимание, уделенное еде, а не речам, может говорить о том, что он, возможно, занимал невысокое положение.

Очень подробно описан создателем «Дневника...» московский мятеж 17 мая 1606 года. Он тщательно зафиксировал имена погибших поляков. Весьма обстоятельно повествует о гибели Лжедмитрия I и Басманова. Этот рассказ совсем не похож на впечатления случайного очевидца.

Начиная с заголовка «Новый царь», где описываются события, происходившие во время царствования Василия Шуйского, стиль записей меняется, они становятся короче. Видимо, автор фиксировал только то, что было важно для него и семьи Мнишеков. В «Дневнике...» появляются различные слухи, причем автор сам признается в их малодостоверном характере.

Большой ценностью «Дневника...» является включение в текст полностью или в пересказе писем, приходивших к воеводе, а также письма самого воеводы и польских послов из Москвы в Ярославль с известиями о заключении перемирия и отправки всех ссыльных из России в Польшу. Данные документы отложились и в дипломатической переписке, и их текст близок к тому, который присутствует

¹³ Дневник Марины Мнишек. С. 39.

¹⁴ Там же. С. 41.

в «Дневнике...». Таким образом, мы можем предположить, что автор имел какое-то отношение к ведению воеводского архива. В данном случае сведения изучаемого памятника вполне верифицируемы, что позволяет предположить возможность доверять данному тексту и в других случаях.

Во второй части «Дневника...» содержится много данных, которые помогают восстановить облик автора. Мы видим, что он часто употребляет латинские и немецкие выражения, что может свидетельствовать о том, что он был знаком с языком или о том, что он какое-то время жил среди немцев. Автор «Дневника...» не относит себя к панам, неоднократно называет себя слугой, что говорит о том, что он, скорее всего, занимал невысокое положение. Тот факт, что Лжедмитрий пригласил к себе на свадьбу гайдуков и жолнеров может свидетельствовать о том, что составителем «Дневника...» мог быть человек невысокого положения, тем не менее, имевший доступ на важные государственные церемонии. Имя его на сегодняшний момент с уверенностью установить не представляется возможным. Предложенные учеными кандидатуры остаются гипотетическими.

В. Г. Ананьев

Боярин шести царей: князь Федор Иванович Мстиславский

Источниковая база, имеющаяся в распоряжении историка, занимающегося событиями Смутного времени, не слишком благоволяет к попыткам разглядеть человеческие индивидуальности. Вместе с тем замена таких абстрактных понятий, как «боярство» или «аристократия» конкретными человеческими судьбами может позволить несколько по-иному взглянуть на проблему. Цель данной работы проследить биографию одного из наиболее видных представителей московской аристократии рубежа XVI–XVII вв. — князя Федора Ивановича Мстиславского. Персонаж этот выбран не случайно: во-первых, занимая одно из первых мест при дворе московского государя, Мстиславские часто встречаются нам в источниках; во-вторых, существует определенная историографическая традиция изучения этого рода: рассмотрены общие контуры его генеалогических связей, землевладения, монастырских вкладов. При

этом попытка исследования биографии конкретного представителя рода, с учетом всех накопленных знаний, до сих пор не предпринималась.

Происхождение

Мстиславские вели свой род от третьего сына литовского князя Гедимины, Евнутия.¹ Они последними из Гедиминовичей перешли на московскую службу. Прадед кн. Федора Ивановича, Михаил Иванович Жеславский, первым браком женат был на Ульянии, дочери кн. И. Ю. Мстиславского, не имевшего сыновей,² и вместе с землями супруги получил также и ее родовое прозвание.³ Не позднее 1507 г. Михаил Иванович вступает в повторный брак, на этот раз с княжной Василисой Ивановной Гольшанской.⁴ Известия Данной грамоты кн. Федора Ивановича Симонову монастырю позволяют решить вопрос о том, кто именно была мать кн. Федора Михайловича: в ней он прямо называет своей прабабкой Ульянию, а не Василису.⁵ О том же говорят и приводимые М. Е. Бычковой сведения некоторых родословных книг, восходящие к 40-м годам XVI века, где о кн. Федоре Михайловиче говорится, что «по матери его зовут Мстиславским».⁶

Есть большое искушение увидеть в известиях о том, что кн. Михаил Иванович долго не выделял своему старшему сыну самостоятельного владения, и о том, что младший брат Федора Михайловича в этой борьбе за земли поддерживал отца,⁷ подтверждение гипотезы о столкновении сводных братьев и явном предпочтении отца сыну от второго брака. Но точных свидетельств того, что все

¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI веков. М., 1988. С. 127.

² Л. Е. Морозова неверно пишет, что она «была единственным ребенком кн. И. Ю. Мстиславского». (Морозова Л. Е. Россия на пути из Смуты. Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 238.) Это не так, у нее была сестра. Подробнее см.: Барсуков А. П. Сведения об Юхотской волости и ее прежних владельцах князьях Юхотских и Мстиславских. СПб., 1894. С. 16–17.

³ Зимин А. А. Формирование... С. 127.

⁴ Мятлев Н. К родословию князей Мстиславских // ЛИРО. Вып. 1–4. М., 1915. С. 301.

⁵ Данная грамота кн. Ф. И. Мстиславского Симонову монастырю // ЛИРО. Вып. 1–4. С. 313.

⁶ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI веке. Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 70.

⁷ Крам М. М. Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 105.

происходило именно так, у нас нет. В любом случае, в 1526 г. кн. Федор Михайлович отъезжает в Москву, где получает в удел бывшие некогда за Василием Шемячичем городки Ярославец, Кременецк, Мышегу и Каширу.⁸ Супругой его (в июне 1530 г.)⁹ становится племянница великого князя Василия Ивановича — Анастасия Петровна,¹⁰ дочь кн. Евдокии Ивановны и царевича Петра Обреимовича Казанского.¹¹ Другая дочь царевича Петра, также Анастасия, в июне 1538 г. стала женой кн. Василия Васильевича Шуйского.¹² Кн. Федор Михайлович умер 30 июня 1540 г., и первым из рода Мстиславских был похоронен в Симоновом монастыре.¹³ В 1549 г. его сын Иван, первым из рода, получил боярский чин.¹⁴

Иван Федорович был женат дважды, и первым браком — на Ирине, дочери кн. Александра Борисовича Горбатого-Суздальского и Анастасии Петровны Головиной.¹⁵ Свадьба состоялась в феврале 1547 г., «на мясоеде», как следует из грамоты Ивана Грозного кн. А. Б. Горбатову-Суздальскому, в которой кн. Ивана Федоровича царь называет своим племянником.¹⁶ Вторым браком он женился на Анастасии, дочери боярина кн. Владимира Ивановича Воротынского и княжны Анны Телепневой-Оболенской.¹⁷ Сестра его первой супруги, Евдокия,¹⁸ после июня 1552 г. стала женой Никиты Романовича Захарьина-Юрьева.¹⁹ Надпись на надгробном камне первой

⁸Подробнее см.: Зимин А. А. Формирование... С. 139.

⁹Там же. С. 128.

¹⁰Л. Е. Морозова ошибочно называет Анастасией тещу кн. Ф. М. Мстиславского и, соответственно, приписывает ей ошибочное отчество — Ивановна. См.: Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 238.

¹¹Мятлев Н. К родословию князей Мстиславских. С. 303.

¹²Там же С. 304.

¹³ДРВ. Т. XIX. М., 1791. С. 384.

¹⁴Зимин А. А. Состав Боярской думы в XV–XVI веках // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 61.

¹⁵Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 406.

¹⁶Барсуков А. П. Сведения об Юхотской волости... С. 8.

¹⁷Мятлев Н. К родословию князей Мстиславских. С. 305; *Martin R. Gifts for the Dead: Death, Kinship and Commemoration in Muscovy // Russian History = Histoire Russe. 1999. Vol. 26. N 2. P. 191.* — За помощь в ознакомлении с англоязычной литературой по вопросу хотелось бы выразить искреннюю благодарность А. И. Филюшкину и Я. Ховлетт.

¹⁸А. А. Зимин смешивает их и пишет, что вторым браком Иван Федорович был женат на сестре жены боярина Н. Р. Юрьева, которая была дочерью кн. В. И. Воротынского. (Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 109).

¹⁹Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. Ч. I. СПб., 1901. С. 102.

жены кн. Ивана Федоровича, похороненной в Симоновом монастыре, датирует ее смерть 6 августа 1566 г. (7074 г.), «на преображение Господне».²⁰

Однако в Разрядной книге 1550–1636 гг. под 7081 г. (1572–73 гг.) в разряде свадьбы Марии Владимировны Старицкой с королевичем Магнусом упоминается «князь Иванова жена Федоровича Мстиславского княгиня Ирина Михайловна».²¹ Допуская ошибку в отчестве, не столь уж и редкую при упоминании женских персоналий в разрядных записях, можно было бы идентифицировать эту Ирину Михайловну с Ириной Александровной и, таким образом, дату второго брака кн. Ивана Федоровича отнести ко времени после апреля 1573 г., когда и состоялось отмеченное в разрядах торжество.²²

Но при более детальном рассмотрении гипотеза эта оказывается неверной. Разряд той же самой свадьбы, опубликованный Н. Новиковым, имени княгини Мстиславской не содержит, в нем читаем: «А осыпать короля и княжну княж Иванове княгине Федоровича Мстиславского».²³ М. Е. Бычкова отметила, что опубликованные Новиковым рукописи, хотя и имеют позднее происхождение, но восходят к сборникам, составленным в 70-е годы XVI в. и 20-е годы XVII в.²⁴ Единственное бесспорное упоминание в разрядах первой супруги кн. Ивана Федоровича (на свадьбе кн. Юрия Васильевича и Ульянии Дмитриевны Палецкой) дает нам другое написание ее имени — Орина.²⁵

Таким образом, представляется, что в Разрядной книге 1550–1636 гг. авторы допустили ошибку, вписав вместо правильного более привычное для себя «Ирина Михайловна», — ведь именно так звали умершую в 1630 г. супругу кн. Ф. И. Мстиславского, принявшую имя Ирина после малого пострига, вслед за смертью мужа (1622 г.). К тому же выводу склоняет нас и изучение шести рукописных сборников из рукописного собрания БАН, содержащих свадебные разряды. Ни один из них имени княгини Мстиславской не упоминает.²⁶ Именно со второй супругой, очевидно, следует отожд-

²⁰ ДРВ. Т. XIX. С. 384.

²¹ Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I. М., 1975. С. 203.

²² Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 478.

²³ ДРВ. Т. XIII. М., 1790. С. 99.

²⁴ Бычкова М. Е. Состав класса феодалов в России в XVI веке. С. 111–112.

²⁵ ДРВ. Т. XIII. С. 43–44.

²⁶ ОР БАН. № 16.15.15; 21.10.25; 32.4.21; 31.7.20; 32.5.11; 31.6.40; 4.7.28.

дествить «иноку Наталью» — «княгиню ево», по которой 8 февраля 1574 г. кн. Иван дал вклад в 20 р. к Троице.²⁷

Согласно «Русской Родословной книге» кн. А. Б. Лобанова-Ростовского, у кн. Ивана Федоровича было три дочери: Анастасия, Ирина, «нареченная невеста» царя Федора Ивановича, и Марфа.²⁸ Однако данные грамоты его сына, кн. Федора Московскому Симонову монастырю (26 января 1621 г.) позволяют уточнить эти сведения. В ней он упоминает о четырех сестрах: царице Анастасии, («иноке Александре схимнице») княгине Ирине, («иноке Александре схимнице»), и княгине Марфе, умерших к 1621 г., а также здравствующей княжне Ирине, старице.²⁹ Опубликованный Р. Мартином в его великолепной статье о монастырских пожалованиях Мстиславских фрагмент Синодика Троице-Сергиева монастыря из коллекции рукописного хранилища РГБ,³⁰ содержащий перечень представителей интересующего нас рода, дает дополнительные, а отчасти даже уникальные сведения.³¹

Анастасия, очевидно, старшая, была выдана Иваном Грозным замуж за Симеона Бекбулатовича.³² А. А. Зимин считал, что свадьба состоялась вскоре после наречения Симеона великим князем всея Руси, в 1575 г.³³ С. М. Каштанов датирует свадьбу 1572 г.³⁴ Умерла Анастасия 7 июня 1607 г., и похоронена была в усыпальнице предков — Симоновом монастыре. Там же 5 января 1616 г. похоронен был и ее супруг, в монашестве Стефан.³⁵ Синодик Троице-Сергиева монастыря сообщает нам также, что первым супругом Анастасии был астраханский царевич Михаил Кайбулин.³⁶ Если вспомнить, что последнее упоминание о нем в источниках относится к лету 1575 г., то можно считать это еще одним доказатель-

²⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 112; *Martin R.* Op. cit. P. 191.

²⁸ *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская Родословная Книга. Часть I. СПб., 1873. С. 403.

²⁹ Данная грамота кн. Ф. И. Мстиславского Симонову монастырю. С. 313.

³⁰ ОР РГБ. Ф. 304. № 818. Л. 95–96.

³¹ *Martin R.* Op. cit. P. 189–190.

³² ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 192, 226.

³³ *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений... С. 26.

³⁴ *Каштанов С. М.* О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // Труды Московского Государственного Историко-Архивного Института. Т. 16. М., 1961. С. 58.

³⁵ ДРВ. Т. XIX. С. 385.

³⁶ *Martin R.* Op. cit. P. 189.

ством в пользу датировки свадьбы, предложенной А. А. Зиминим.³⁷

Старица Ирина названа в грамоте княжной, следовательно, замужем она не была. Синодик приводит нам ее светское имя — Агрипина.³⁸ Две другие сестры, Ирина и Марфа, именуются княгинями. Н. Мятлев в свое время воздержался относительно предположений о том, кто же был мужем Ирины, а относительно Марфы заметил, что «очевидно, к ней относится... известие из посольских дел 1589 г.: (посланному в Литву гонцу Андрею Иванову следует. — В. А.) “говорит”, что князь Мстиславский “при Государе в великом жалованье, и Борис Федорович его добре любит и государь его ныне пожаловал, дал ему сестре его меньшей жениха, великова человека Кабардинской земли князя княж Канбулатова Черкасово племянника, а князю Борису Черкасскому брата, который женился у боярина у Микиты Романовича, понел дочь его”». ³⁹

По «Росписи хто был на Москве царей и царевичев розных земель и хто был Черкасских и Нагайских мурз и при котором государе в каком чину был» исследователь восстановил и имя супруга княжны Мстиславской — «Казый Карданукович Черкасский, во крещении Василий». Погиб Василий Карданукович в 1607 г., во время восстания Ивана Болотникова, и брак их, согласно той же росписи, был бездетным.⁴⁰ Р. Г. Скрынников, опираясь на тот же наказ гонцу, идентифицирует супругу князя В. Черкасского с нареченной невестой царя Федора, которую бояре противопоставляли «чадородия для» Ирине Годуновой.⁴¹ Действительно, «интерес Посольского приказа к боярышне подтверждает версию о том, что дочь Мстиславского метила в жены царю Федору». ⁴²

Но исходя из текста наказа, представляется, что интерес Посольского приказа вызывала не столько эта боярышня, сколько ее брат кн. Федор Иванович. Судьба его была безразлична Речи Посполитой. И наказ призван был показать, что несмотря на пострижение отца, кн. Ивана Федоровича, репрессии не коснулись его сына. (Точно так же посланный в 1529 г. к Сигизмунду I Старо-

³⁷ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 252.

³⁸ Martin R. Op. cit. P. 190.

³⁹ Мятлев Н. К родословию князей Мстиславских. С. 305.

⁴⁰ Там же. С. 307.

⁴¹ Скрынников Р. Г. Россия накануне «Смутного времени». М., 1985. С. 28–29.

⁴² Там же. С. 29.

му Б. Голохвостов должен был говорить о том высоком положении, которое занимает при московском дворе дед Федора Ивановича, кн. Федор Михайлович).⁴³

Отождествлять, таким образом, неудавшуюся невесту Федора с супругой князя В. К. Черкасского, принимая во внимание только упоминания о последней в посольской документации, нет достаточных оснований. Данных о том, что ею была Ирина, названная в грамоте Симонову монастырю княгиней и «инокой Александрой схимницей», также нет. И. Е. Забелин, хотя и без ссылок на источники, пишет, что именно Ирина была избрана в качестве «невесты» для царя Федора, при этом, однако, ошибочно утверждая, что «у князя И. Ф. Мстиславского было... две дочери».⁴⁴

О самом проекте женитьбы Федора на княжне Мстиславской мы узнаем из записок шведа Петра Петрея, где он пишет следующее: «... московские власти и простой народ и приняли намерение отправить в монастырь великую княгиню, выбрали вместо нее сестру князя Флора Ивановича Zizlphouschis, родственницу великого князя, самого знатного рода в стране, и хотели ее выдать за него замуж», однако из-за козней Бориса «вышеназванная невеста была тайно увезена из дома: ей обстригли волосы, сделали ее монахиней и сослали в монастырь».⁴⁵

Нечто подобное, хотя и не называя имен, рассказывает дьяк Иван Тимофеев, повествуя о том, что Борис насильственно постригал в монастырь девиц — дочерей первых после царя бояр, опасаясь возможности повторного брака Федора.⁴⁶ Источники эти независимы друг от друга, ни один из них не упоминает о новом браке «царской невесты». Поэтому логичным представляется предположить, что ею могла быть та единственная из сестер кн. Федора Ивановича, что названа в грамоте «княжной» старицей Ириной.⁴⁷ Она умерла в 1639 г., а через несколько месяцев после этого, в марте 1640 г., боярин кн. И. Б. Черкасский дал по ней вклад в Троице-

⁴³ Барсуков А. П. Сведения об Юхотской волости... С. 7.

⁴⁴ Забелин И. Е. История города Москвы. М., 1990. С. 230.

⁴⁵ Петрей П. История о великом княжестве Московском // О начале войн и смут в Московии: Исаак Масса. Петр Петрей. М., 1997. С. 272.

⁴⁶ Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951. С. 62.

⁴⁷ Согласно И. Е. Забелину, в годы царствования Михаила Федоровича она жила в Вознесенском монастыре, вместе с Марфой Ивановной. См.: Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. Т. II. М., 2001. С. 281.

Сергиев монастырь: медной посуды на 7 р. и вотчину в Пудицком стане Кашинского уезда.⁴⁸

Точные сведения о браках Марфы и Ирины дает Вкладная книга Симонова монастыря. Из нее мы узнаем, что действительно, супругой кн. В. К. Черкасского была княжна Марфа Ивановна. Она умерла до 1607 г., известен вклад в 100 р. на ее помин, данный ее супругом.⁴⁹ А вот вторая княжна Ирина стала женой князя Ивана Юрьевича Голицына,⁵⁰ дяди видных деятелей Смутного времени — братьев Васильевичей Голицыных.⁵¹ Последнее упоминание о нем в источниках относится к октябрю 1581 г.⁵²

В 1604–1605 гг. Ирина Ивановна, уже как инокиня, схимница Александра; дает вклад в 80 р. о здравии своем и своей дочери, княжны Ирины.⁵³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, под октябрём 1612 г. содержит вклад «старницы княгини Софьи князь Ивана Юрьевича Голицына».⁵⁴ Но это явная ошибка. Из Кормовой книги московского Новоспасского монастыря видно, что имя Софья в иночестве приняла Стефанида, супруга кн. Ивана Ивановича Голицына.⁵⁵ Она и имеется в виду в Троицкой книге.

Своих братьев кн. Федор Иванович также перечисляет в данной грамоте: в младенчестве умерли Петр, Иван, Григорий и еще один Иван.⁵⁶ Выжили Василий и сам Федор. Там же он пишет о княгине Анастасии, как о своей мачехе.⁵⁷ Следовательно, матерью его была И. А. Горбатая-Суздальская. Родословные книги, упоминая двух

⁴⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 113.

⁴⁹ ОР РНБ. F IV. 348. Л. 145.

⁵⁰ Любопытно отметить, что его дочь Евдокия, умершая в 1597 г., была первой супругой Александра Никитича Романова, а другая дочь замужем была за боярином С. А. Волошским.

⁵¹ ОР РНБ. F IV. 348. Л. 181. — На Л. 179 ошибочно она названа «князь Ивана Юрьевича Головина княгиней Ириной». Это явная неточность. Во-первых, Головины не носили княжеского титула. А во-вторых, источники начала XVII в. не знают И. Ю. Головина. Ошибка переписчика, снимавшего в XIX в. с рукописи копию, вызвана, очевидно, тем, что непосредственно перед этой записью перечисляются многочисленные вклады рода Головиных.

⁵² Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 44.

⁵³ ОР РНБ. F IV. 348. Л. 42–43.

⁵⁴ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 136.

⁵⁵ Кормовая книга Московского ставропигиального Новоспасского монастыря. М., 1903. С. 26.

⁵⁶ Поминали их в тот же самый день, что и умерших детей кн. Федора Ивановича — 11 июля. См.: ОР РНБ. F IV. 348. Л. 184.

⁵⁷ Данная грамота кн. Ф. И. Мстиславского Симонову монастырю. С. 313.

братьев, на первое место ставят Федора.⁵⁸ Он же первым получил боярство, в 1576 г.⁵⁹ Василий в этом чине впервые упоминается лишь к февралю 1578 г.⁶⁰

Как бы то ни было, но 21 марта 1582 г., на память преподобного Иакова Исповедника,⁶¹ кн. Василий умер бездетным в Новгороде⁶² (вкладная книга Псково-Печерского монастыря упоминает вклад на его «преставление» 26 февраля)⁶³ 2 апреля, на память Тита Чудотворца; его хоронят в Симоновом монастыре.⁶⁴ Отец дает в Троице-Сергиев монастырь 100 р. на его помин (почти в два раза больше суммы «обычного вклада»).⁶⁵

После смерти брата Федор остается единственным наследником рода Мстиславских мужского пола. Родственные отношения связывали его с великокняжеским домом (прапрадедом его по женской линии был Иван III), а также с семьями Горбатов-Суздальских, Захарьиных-Юрьевых, Воротыньских, Голицыных и Головиных.

В годы опричнины собственно род Мстиславских не пострадал. Вместе с кн. И. Д. Вельским и кн. М. И. Воротыньским кн. Иван Федорович возглавлял Земскую думу. Однако жертвами террора стали многие связанные с ним узами свойства. Так, например, одними из первых пострадали ближайшие родственники княгини Ирины Александровны — ее отец, брат Петр и дед, П. П. Головин, были казнены в феврале 1565 г.⁶⁶ Тогда же сгорел и московский двор самого кн. Ивана Федоровича.⁶⁷ В 1573 г., по обвинению в сношениях с крымским ханом, был арестован и вскоре после пыток умер дядя второй жены кн. Ивана Федоровича — кн. М. И. Воротыньский. Через несколько месяцев после этого «подтверждение» изменам князя Ивана получено было в расспросе нескольких слуг самого кн. Мстиславского, и имя его упоминалось в одном ряду с именами «изменников» Воротыньского и Шереметева. Это не было случайностью.

⁵⁸ Древнейшие родословные книги // ЧОИДР. 1851. Кн. 10. С. 81.

⁵⁹ Зимин А. А. Состав Боярской думы... С. 77.

⁶⁰ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 47.

⁶¹ ДРВ. Т. XIX. С. 385.

⁶² Древнейшие родословные книги. С. 138.

⁶³ Выборки из кормовой (вкладной книги) // ЛИРО. М., 1914. Вып. 1-4. С. 35.

⁶⁴ ДРВ. Т. XIX. С. 385.

⁶⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 112.

⁶⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 240, 268.

⁶⁷ Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 416.

Еще в мае 1571 года, после сожжения татарами Москвы, кн. Иван Федорович был обвинен в измене и вынужден подписать особую грамоту, в которой признавался, что «навел» татар на столицу. За него тогда поручились Священный собор и бояре, и князь осенью 1571 г. в качестве главного наместника отправился в Новгород.⁶⁸

Как видим, формирование личности кн. Федора Ивановича проходило в условиях постоянной угрозы со стороны царя. Его дядя, дед и прадед были казнены, репрессиям подверглись ближайшие родственники мачехи. Отца обвинили в государственной измене и на некоторое время подвергли аресту. Все это не могло не сказаться на выборе той стратегии поведения, которой будет придерживаться и сам кн. Федор в дальнейшем.

Служба

В «Списке бояр и окольныхчих, и дворян, которые служат из выбора 85-го» кн. Федор Иванович Мстиславский упоминается в чине кравчего.⁶⁹ Это первое упоминание о нем в официальной документации. Если предположить, что службу свою он начал в 15–16 лет, то дату рождения князя Федора можно отнести к концу 50-х — началу 60-х годов XVI в. В разрядах впервые кн. Федор Иванович появляется 23 октября 1576 г. — уже как боярин. Вместе с И. В. Меньшим Шереметевым он возглавлял тогда большой полк в походе на Колывань.⁷⁰ Поход оказался неудачным, И. В. Меньшой Шереметев погибает под стенами осажденного города, и 13 марта русское войско отступает.⁷¹

Менее чем через месяц, в апреле 1577 г. кн. Федор Иванович значится первым из бояр, упомянутых в походе Ивана Грозного и царевичей в Великий Новгород и «немецкую землю». Вместе с окольным кн. П. И. Татевым он возглавил передовой полк.⁷² Осенью того же года в походе на Кесь (Венден) он вместе с П. В. Морозовым — в полку правой руки.⁷³ Кампания в Ливонии была удачной, и к осени 1577 г. основная часть региона, к северу от Западной Двины

⁶⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 428–430, 476.

⁶⁹ Станиславский А. Л. Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 191.

⁷⁰ РК. I. С. 245.

⁷¹ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 46.

⁷² РК. I. С. 253, 257.

⁷³ Там же. С. 273.

перешла под власть Ивана IV и его союзника Магнуса.⁷⁴ В начале нового, 1578 г. Федор Иванович снова вместе с кн. П. И. Татевым получил назначение в Тарусу, в полк правой руки для обороны южных рубежей от татар.⁷⁵ (В это время Москву посещает посольство из Кабарды, бившее царю «челом в службу». Это грозило обострением отношений с Османской империей и ее вассалом — Крымским ханом).⁷⁶

Однако надолго он в Тарусе не остался. В июне следующего года Мстиславский уже сопровождал царя Ивана в очередном походе к Новгороду.⁷⁷ Там он опять получил назначение в передовой полк, на этот раз с кн. С. Д. Пронским и окольным кн. Д. И. Хворостининым.⁷⁸ Таким образом, князь принимал участие в Полоцком походе.⁷⁹ До города они, однако, не дошли, заняв оборонительные позиции на линии Невель—Остров—Сокол.⁸⁰

После известия о взятии Полоцка войсками Стефана Батория (1 сентября 1579 г.) передовой полк переводится «до указа» на Велью,⁸¹ а после возвращения Ивана в Москву (в декабре) кн. Федор остается в Новгороде вместе с боярами кн. И. Ю. Голицыным, кн. С. Д. Пронским, Р. Д. Бутурлиным и кн. А. И. Хворостининым.⁸² Вскоре после этого он руководил задачами денежного жалованья Муромским дворянам.⁸³ Потом он вновь получил назначение «на берег», на этот раз вместе с кн. И. К. Курлятевым возглавить большой полк, расквартированный в Серпухове.⁸⁴ Но и там Федор Иванович не задержался — спустя некоторое время (очевидно, в июне 1580 г.) его, равно как и воеводу передового полка кн. В. Ю. Голицына, «для литовских вестей» отзывают в Москву. Место его во главе большого полка занял кн. М. Н. Одоевский, до того возглавлявший сторожевой полк.⁸⁵ Из Москвы Мстиславского отправляют в передовом

⁷⁴ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 50.

⁷⁵ РК. I. С. 277.

⁷⁶ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 52.

⁷⁷ РК. I. С. 290.

⁷⁸ РК. I. С. 293.

⁷⁹ Там же. С. 295.

⁸⁰ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 56.

⁸¹ РК. I. С. 299.

⁸² Там же. С. 305.

⁸³ Описи архива разрядного приказа XVII века / Подг. текста и вступ. статья К. В. Петрова. СПб., 2001. С. 41.

⁸⁴ РК. I. С. 311.

⁸⁵ Там же. С. 312.

полку вместе с кн. А. П. Куракиным собирать силы на Волоке.⁸⁶

В следующем, 1581 г. он вместе с кн. Р. А. Тюменским в полку правой руки собирал силы во Ржеве,⁸⁷ а затем отправился в Торжок с И. В. Годуновым и М. А. Безниным в большом полку для «сбора на шведов»,⁸⁸ в ноябре 1580 г. вновь активизировавших военную деятельность.

Летом 1581 г. кн. Федор, очевидно, находился в Старице, резиденции царя: именно там встретил его папский нунций Антонио Поссевино.⁸⁹ Упоминаний же о военной деятельности Ф. И. Мстиславского за этот период нет. С весны 1582 г. он вновь записан в большом береговом разряде в большой полк с кн. И. К. Курлятевым,⁹⁰ где остался и под осень.⁹¹ В апреле 1583 г. кн. И. К. Курлятев умирает, и место его занимает боярин кн. А. П. Куракин.⁹²

18 марта 1584 г. умирает Иван Грозный, и на престол восходит его сын Федор. Кн. Федор Иванович и при новом монархе сохранил свое высокое положение при дворе. 2 ноября 1585 г. в походе на шведов он вместе с Симеоном Бекбулатовичем и кн. Т. Р. Трубецким возглавил большой полк (конюший Б. Ф. Годунов в этом же походе получил назначение в передовой полк).⁹³

К этому времени, очевидно, относится и первый брак кн. Федора с княжной Ульянией Петровной, скончавшейся 6 апреля 1586 г. Тогда же, в 1585 г. был вынужден покинуть Москву и принять монашеский сан в Кирилло-Белозерском монастыре его отец, кн. Иван Федорович. Вероятно, причиной ссылки стало не только участие в деле о разводе царя Федора с Ириной Годуновой, но и связи с родом Головиных, разгромленным годом раньше.⁹⁴ В июле 1586 г. Федор Иванович присутствует за столом на приеме царевича Мурат-Гирея вместе с боярами Б. Ф. Годуновым, Ф. Н. Юрьевым, кн. И. В. Сицким и окольным И. М. Бутурлиным.⁹⁵ В начале 1588 г. он вновь на берегу, в большом полку с Ф. А. Бутурлиным.

⁸⁶ Там же. С. 315.

⁸⁷ Там же. С. 324.

⁸⁸ Там же. С. 339.

⁸⁹ *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983. С. 197.

⁹⁰ РК. I. С. 344.

⁹¹ Там же. С. 346.

⁹² Там же. С. 349.

⁹³ РК. II.1. С. 27.

⁹⁴ *Павлов А. П.* Указ. соч. С. 34–45.

⁹⁵ РК. II.1. С. 32.

К ним же приписан был и дьяк В. Щелкалов. «И Василий не был»,⁹⁶ — сообщает разряд.

30 октября 1588 г. на приеме грузинских послов Ф. И. Мстиславский сидел за столом вместе с Б. Ф. Годуновым, Ф. Н. Юрьевым, кн. И. В. Сицким, окольными И. И. Сабуровым и кн. П. С. Лобановым.⁹⁷ 3 ноября того же года он вместе с дьяком Сапуном Аврамовым судил местническое дело А. И. Головина.⁹⁸ Весной 1589 г. кн. Федор вновь назначается «на берег» в большом полку вместе с кн. В. А. Тюменским,⁹⁹ а в декабре того же года первым из бояр упоминается в походе Федора Иоанновича в Новгород.¹⁰⁰ В январе 1590 г. князь вместе с И. В. Годуновым выступил оттуда на шведов во главе большого полка.¹⁰¹

25 февраля в Ивангороде подписывается перемирие, по которому к России отходят Ям, Копорье и Ивангород, и царь Федор 1 марта отправляется в Новгород, откуда к апрелю добирается до Москвы.¹⁰² Кн. Федор с апреля вновь получил назначение «на берег», в Серпухов.¹⁰³ К августу он возвратился в Москву, так как 7 числа этого месяца судит с кн. Н. Р. Трубецким и дьяками А. Демьяновым и С. Аврамовым местническое дело кн. А. Телятевского и И. Одоевского.¹⁰⁴ Примерно в это же время вместе с дьяком М. Битяговским Мстиславский проводит смотр владимирских дворян.¹⁰⁵ 10 января 1591 г. на приеме литовских послов, прибывших для заключения перемирия, он первым из бояр упоминается за столом, оказываясь, таким образом, старше Д. И. Годунова, Б. Ф. Годунова, Ф. Н. Юрьева и кн. И. В. Сицкого.¹⁰⁶

В самих переговорах, проходивших в Москве с ноября 1590 г., князь Федор Иванович участия не принимал.¹⁰⁷ Весной 1591 г. он уже находился в большом полку в Серпухове вместе с

⁹⁶ Там же. С. 44.

⁹⁷ Там же. С. 47.

⁹⁸ Там же. С. 48.

⁹⁹ Там же. С. 54.

¹⁰⁰ Там же. С. 61. — Войско отправилось в Новгород из Москвы 14 декабря 1589 г. См.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 150.

¹⁰¹ РК. II.1. С. 62.

¹⁰² Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 150.

¹⁰³ РК. II.1. С. 66.

¹⁰⁴ Там же. С. 68.

¹⁰⁵ Описи архива разрядного приказа XVII века. С. 40.

¹⁰⁶ РК. II.1. С. 71.

¹⁰⁷ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 150.

кн. Ф. А. Ноготковым.¹⁰⁸ В это время до Москвы доходят тревожные слухи о готовящемся крымским ханом Казы-Гиреем походе. Хану удается на некоторое время стабилизировать ситуацию в Крыму и заручиться поддержкой части ногайских улусов.

Первые достоверные сведения о передвижениях крымцев достигают Москвы 10 июня. Уже 26 июня хан подходит к Оке, сжигает посады Тулы, а затем у Серпухова форсирует реку.¹⁰⁹ 1 июля царь вызывает кн. Мстиславского к себе,¹¹⁰ а уже на следующий день отправляет его обратно вместе с конюшим Б. Ф. Годуновым.¹¹¹

Хану донесли, что якобы ночью на помощь Москве подошло немецко-польское войско, — и на рассвете 5 июля хан бежал.¹¹² После победы над Казы-Гиреем обоим воеводам велено было быть к царю.¹¹³ Ф. И. Мстиславский вместе с Б. Годуновым получил от царя в награду «протагалские золотые» и выслушал царское «милостивое слово» от чашника И. Н. Романова.¹¹⁴

Заметим, что в своей реляции о победе князь забыл представить к награде Бориса Годунова, за что подвергся кратковременной опале.¹¹⁵ В походе зимой 1591–1592 гг. из Новгорода на Выборг Мстиславский значился в большом полку с И. В. Годуновым и разрядными дьяками А. Демьяновым и С. Аврамовым.¹¹⁶ Выборг русским войскам взять не удалось, однако четыре шведских острога все же пали.¹¹⁷ В награду за удачные военные действия Федор Иванович получил от царя золотые и вновь выслушал милостивое слово.¹¹⁸

Весной 1592 г. он назначается «на берег» воеводой в большом полку, куда отправился вместе с кн. В. К. Черкасским — своим зятем.¹¹⁹ В сентябре 1593 г. Федор Иванович присутствовал на приеме персидского посла в Москве, сидя за столом первым из группы бояр и окольничих — кн. В. И. Шуйского, С. и И. В. Годуновых,

¹⁰⁸РК. II.1. С. 76.

¹⁰⁹Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 177–178.

¹¹⁰РК. II.1. С. 82.

¹¹¹Там же. С. 83.

¹¹²Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 179.

¹¹³РК. II.1. С. 86.

¹¹⁴Там же. С. 87.

¹¹⁵Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 179.

¹¹⁶РК. II.1. С. 94.

¹¹⁷Зимин А. А. В канун грозных потрясений... С. 185.

¹¹⁸РК. II.1. С. 96.

¹¹⁹Там же. С. 107.

кн. Ф. И. Хворостинина, кн. М. С. Туренина и Д. И. Вельяминова.¹²⁰ В 1596 г. в Серпухове вместе с кн. Мстиславским находились Б. Ф. Годунов и П. Н. Шереметев,¹²¹ в 1597 г. — Б. Ф. Годунов, кн. В. К. Черкасский и кн. М. Ф. Кашин.¹²²

6 января 1598 г. умирает царь Федор. После избрания на престол Бориса Годунова 17 февраля «бояре кн. Ф. И. Мстиславский и всяких чинов люди крест целовали» на верность новому правителю.¹²³

Уже с марта в стране начали циркулировать слухи о новом походе крымцев на Москву. В апреле 1598 г. были составлены очередные разряды, по которым Федор Иванович вновь был записан «на берегу» в большом полку с боярином С. В. Годуновым и окольным С. Ф. Сабуровым.¹²⁴ В мае Мстиславский сопровождал Бориса Годунова в походе на Серпухов¹²⁵ — войска вышли из столицы 7 мая.¹²⁶

На первой остановке, очевидно, в тот же день, он присутствовал за столом у царя вместе с кн. В. И. Шуйским, Ф. Н. Юрьевым (Романовым) и окольным С. Ф. Сабуровым. На втором стане, 8 мая, князь не упомянут, но его имя вновь появляется на третьем (9 июня на Молодах), четвертом (10 июня у Кузьминского) и пятом (11 июня в самом Серпухове).¹²⁷ В этом походе Федор вместе с С. В. Годуновым и С. Ф. Сабуровым¹²⁸ получил назначение в большой полк к царевичу Аросланей Кайбуловичу. 14 мая князь находился за столом у царя, когда «ели царевичи»; вместе с ним там же присутствовали бояре кн. Т. Р. Трубецкой, Ф. Н. Романов и окольный А. П. Клепшин.¹²⁹ 20 июня¹³⁰ за столом по случаю прибытия крымских посланников он вновь числится первым из бояр, уступая место только царевичам Арасланею Кайбуловичу и Маметкулу.¹³¹

Поход Казы-Гирея на Русь в этот раз не состоялся, хан повер-

¹²⁰ Там же. С. 111.

¹²¹ Там же. С. 120.

¹²² Там же. С. 127.

¹²³ Там же. С. 128.

¹²⁴ Там же. С. 143.

¹²⁵ Там же. С. 146.

¹²⁶ Зимин А. А. В канун грозных потрясений. . . С. 226.

¹²⁷ РК. II.1. С. 148.

¹²⁸ Там же. С. 152.

¹²⁹ Там же. С. 157.

¹³⁰ 29 июня (Разрядная книга 1598–1638 гг. М., 1974. С. 40.)

¹³¹ РК. II.1. С. 160.

нул на Венгрию. Русские войска могли вернуться в столицу уже ко 2 июля.

На церемонии венчания Бориса Годунова 3 сентября Ф. И. Мстиславский стоял «с царскою шапкой», скипетр держал кн. Д. И. Шуйский, а державу — С. В. Годунов.¹³² В 1600 г. кн. Федор Иванович назначается в большой полк на Тулу вместе с Д. И. Волошским,¹³³ а в сентябре 1601 г. — «в ответ» литовским послам.¹³⁴ Весной 1602 г. князя перевели к касимовскому царю Ураз Магомету в большой полк, «для приходу крымского царя или царевича».¹³⁵ Вскоре была составлена новая роспись, по которой ему поручалось возглавить этот полк уже единолично.¹³⁶

В 1602 г. в Москву прибыл датский королевич Иоганн, жених царевны Ксении. Кн. Федор вместе с боярином кн. Т. Р. Трубецким были назначены на третью его встречу, в сенях,¹³⁷ а после этого приняли участие и в самом приеме иноземного гостя — в списках участников приема Мстиславский записан первым из бояр, сидящих за столом.¹³⁸ В сентябре 1603 г. Федор Иванович участвовал в приеме персидского посла вместе с кн. В. и Д. И. Шуйскими, кн. А. А. Телятевским, М. Г. Салтыковым, окольными И. И. Годуновым, И. М. Бутурлиным и кн. И. Д. Хворостинным.¹³⁹

Любопытно отметить, что формально и в царствование Бориса Годунова кн. Федор сохранял свое первенство в Думе. Однако царь не препятствовал другим боярам (кн. М. П. Катыреву-Ростовскому, С. А. Волошскому) затевать против него местнические споры.¹⁴⁰ Если учесть, что за предыдущие годы службы такие споры практически отсутствовали, изменение ситуации позволяет говорить о несколько пошатнувшемся положении Мстиславского при дворе.

13 октября 1604 г. войско Лжедмитрия I переправилось через Днепр и начало продвигаться по территории Русского государ-

¹³² Там же. С. 163.

¹³³ Там же. С. 178.

¹³⁴ Там же. С. 183.

¹³⁵ Там же. С. 190.

¹³⁶ Там же. С. 191.

¹³⁷ Там же. С. 204.

¹³⁸ Там же. С. 205.

¹³⁹ Там же. С. 214.

¹⁴⁰ Павлов А. П. Государев двор. С. 71, 78.

ства.¹⁴¹ Узнав об этом, Борис Годунов издал указ о срочном сборе дворянского ополчения. Назначение воеводами в большой полк получили кн. Мстиславский и кн. А. А. Телятевский.¹⁴²

Таким образом, Федор Иванович становится главнокомандующим русскими войсками. 18 декабря его армия вышла в окрестности осажденного Новгорода Северского и провела там три дня в ожидании подкрепления из столицы. 20 декабря войска противников выстроились друг против друга, но к решающему столкновению это вновь не привело. Наконец 21 декабря с налета польской гусарской роты началась битва.¹⁴³ В ходе сражения князь Федор получил ранения, «сечен по голове во многих местех»,¹⁴⁴ однако продолжил участвовать в военных действиях.

Утверждение Л. Е. Морозовой о том, что он якобы «был вынужден отойти от руководства армией»,¹⁴⁵ представляется совершенно неверным. Ведь именно Ф. И. Мстиславский через месяц, 21 января возглавил царские войска, усиленные пришедшими из Москвы во главе с кн. В. В. Шуйским отрядами,¹⁴⁶ в битве при Добрыничах.¹⁴⁷ На этот раз царским воеводам удалось разбить войско самозванца, однако преследовать его они не решились. После смерти Бориса Годунова (13 апреля 1605 г.) Мстиславского отозвали в Москву.¹⁴⁸

1 июня в столице вспыхивает антигодуновское восстание, в результате которого погибают новый нареченный царь Федор Борисович и его мать. Через несколько дней в Серпухов, где расположился Лжедмитрий, отправилась московская делегация во главе с кн. Ф. И. Мстиславским.¹⁴⁹ От Лжедмитрия князь получил в подарок старый двор царя Бориса,¹⁵⁰ но судя по всему, воспользоваться этим даром ему не удалось, так как именно там вскоре разместился Юрий Мнишек со свитой.¹⁵¹

Место жительства, однако, было не главным изменением, про-

¹⁴¹ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 181.

¹⁴² РК. II.1. С. 218.

¹⁴³ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... С. 193–194.

¹⁴⁴ РК. II.1. С. 220.

¹⁴⁵ Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 239.

¹⁴⁶ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... С. 198–199.

¹⁴⁷ РК. II.1. С. 221.

¹⁴⁸ РК. II.1. С. 224.

¹⁴⁹ Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба ... С. 288.

¹⁵⁰ Масса И. Краткое известие о Московии. С. 101.

¹⁵¹ Забелин И. Е. История города Москвы. С. 460.

изошедшим в жизни князя со сменой правителя. Новой супругой князя стала Прасковья Нагая, родня матери нового «царя». Смена правителя не сказалась на политическом положении князя. На свадьбе «царя Дмитрия Ивановича» и Марины Мнишек 8 мая 1606 г. он выступил в роли посаженного отца,¹⁵² а затем осыпал молодых золотыми монетами.¹⁵³ После свадьбы, на пиру, он сидел за большим столом.¹⁵⁴

17 мая 1606 г. Лжедмитрий был убит, и царем вскоре стал Василий Шуйский. В 1607 г. Василий Шуйский отправляет кн. Ф. И. Мстиславского, кн. М. В. Скопина-Шуйского и кн. Б. П. Татеева под Калугу.¹⁵⁵ И они, как сообщает «Повесть о победах Московского государства», «обседоша град и начаша творити многия хитрости и приступы, како бы им от государевых изменников и воров град очистити. И стояли под Калугою до весны».¹⁵⁶ Осада города ни к чему не привела, и воеводы были вынуждены отойти к Серпухову.¹⁵⁷

17 января 1608 г. на свадьбе Василия Шуйского и кн. Марии (Екатерины) П. Буйносовой-Ростовской Федор Иванович выступил в роли тысяцкого, уступая только «посаженному отцу», брату жениха — кн. И. И. Шуйскому.¹⁵⁸ Весной 1609 г., в ожидании войск Вора, князь вместе с окольным кн. Д. И. Мезецким стоял во главе государева полка у Никитских ворот.¹⁵⁹

17 июля 1610 г. царь Василий Шуйский был сведен с престола, и власть в стране, вплоть до избрания нового государя, перешла к боярской комиссии — так называемой Семибоярщине,¹⁶⁰ во главе которой встал кн. Ф. И. Мстиславский как самый родовитый боярин в Думе. Как сообщает Дневник похода Сигизмунда III, «бояре вверили управление всем государством князю Ф. И. Мстиславскому с товарищами».¹⁶¹ 17 августа он первым подписал договор с гетма-

¹⁵² ДРВ. Т. XIII. С. 116.

¹⁵³ Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995. С. 183.

¹⁵⁴ ДРВ. Т. XIII. С. 120.

¹⁵⁵ РК. II.1. С. 238.

¹⁵⁶ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 7.

¹⁵⁷ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 220.

¹⁵⁸ ДРВ. Т. XIII. С. 123.

¹⁵⁹ РК. II.2. С. 249.

¹⁶⁰ Иное сказание // РИБ. Т. XIII. СПб., 1891. Стб. 123.

¹⁶¹ Поход его королевского величества в Москву (1609–1610) // РИБ. Т. I. СПб., 1872. Стб. 642–643.

ном С. Жолкевским об избрании на русский престол королевича Владислава.

С осени 1610 г. полнота власти в столице перешла к полякам. 26 октября 1610 г. Сигизмунд III подписал указ о пожаловании князю Мстиславскому чина конюшего и в грамотах именуется не иначе как «наместником володимерским».¹⁶² Высокий титул, однако, не избавил князя от тягот осадной жизни. Во время московского голода осенью 1612 г. некий жолнер Воронеж и казак Щербина совершили нападение на дом видного боярина и «почали шарпати, ищучи живности»; князь попытался их вразумить, за что получил сильнейший удар кирпичом по голове. Как сообщает киевский купец Б. Балыка, князь после этого «мало не умер».¹⁶³ Очевидно, рана была действительно сильной: ведь и после освобождения Москвы лидеры Второго ополчения сообщали на Белоозеро, что «голова у него во многих местах избита».¹⁶⁴

Правда, причина ранения была в этой грамоте несколько «облагорожена»: вместо «цеглы» упоминаемого Б. Балыкой (кирпича), появились «чеканы». По тому же пути «облагораживания» пошла и современная исследовательница, следующим образом интерпретирующая данный эпизод: «Только когда Кремль и Китай-город оказались в осаде от войск ополченцев, а поляки начали откровенно разворовывать царскую казну и обирать всех богатых представителей знати, Ф. И. Мстиславский осознал свою неправоту», — пишет Л. Е. Морозова. — «Он попытался было навести порядок в Кремле и прекратить грабежи, разбой и каннибализм. Однако в ответ был избит гайдуками».¹⁶⁵ Как видим, это несколько вольная трактовка вполне определенных свидетельств источника. Не «моральное прозрение» и попытка «навести порядок в Кремле» имели место в реальности, а всего лишь понятное и естественное желание защитить собственный дом.

Снова не повезло князю в начале сентября 1612 г., когда русские войска обстреливали Кремль калеными ядрами. Тогда они «зажгли на дворе кн. Мстиславского три домишка, но пожар был потушен».¹⁶⁶ 26 октября 1612 г. Федор Иванович, вместе с прочими

¹⁶² АЗР. Т. 4. СПб., 1851. С. 364.

¹⁶³ Записки киевского мещанина Божка Балыки о московской осаде. Киев, 1882. С. 8.

¹⁶⁴ Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. М., 1911. С. 97.

¹⁶⁵ Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 241.

¹⁶⁶ Дневник событий, относящихся к Смутному времени (1603–1613 гг.), из-

боярами, покинул осажденную Москву и, вероятно, на некоторое время отбыл в какую-то из своих деревень: вполне возможно, что и в ярославскую вотчину,¹⁶⁷ как пишет Л. Е. Морозова. Швед Брюно сообщал Я. Делагарди, что «бояре, которые были у поляков в Москве, находятся в Ярославле» для бережения от казаков.¹⁶⁸ Взятые же в плен дворяне Чепчугов, Пушкин и Дуров показывали, что бояре «выехали из Москвы и отправились в разные места под предлогом, что они хотят съездить на богомолье», на самом же деле опасаясь гнева простого народа.¹⁶⁹

В январе 1613 г. наконец начал функционировать Земский собор, призванный решить вопрос о том, кто же станет новым царем. Согласно «Повести о Земском соборе 1613 года», на первом этапе его деятельности, когда вопрос о будущем государе решали представители московской аристократии, были выбраны восемь возможных кандидатов из числа наиболее родовитых вельмож. Первым в их перечне источник называет кн. Ф. И. Мстиславского.¹⁷⁰ В данном случае нам важна не столько степень аутентичности сведений «Повести» реальным событиям, сколько тот факт, что имя Федора Ивановича для анонимного автора уверенно становилось на первое место, опережая таких героев 1612 г., как вожди Второго ополчения, кн. Д. Т. Трубецкой и кн. Д. М. Пожарский.

К 21 февраля в Москву вернулись старшие бояре, и заседания собора, приостановленные 7 февраля, продолжились. Царем был избран М. Ф. Романов, двоюродный племянник Федора Мстиславского. 29-м марта датируется первая грамота нового царя, адресованная не Земскому собору, а непосредственно «князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи».¹⁷¹ С этого времени у «царского поезда», продвигающегося из Костромы в Москву, есть уже два столичных «адресата»: Земский собор и Боярская дума существовали в столице параллельно.

вестный под именем истории ложного Димитрия (Дневник Будилы) // РИБ. Т. I. Стб. 326.

¹⁶⁷ Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 241.

¹⁶⁸ Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. Приложение № 1 // Труды Воронежского гос. ун-та. Т. 3. Педагогический факультет. Воронеж, 1926. С. 73.

¹⁶⁹ Арсеньевские шведские бумаги // Сборник Новгородского общества любителей древностей. Новгород, 1911. Вып. V. С. 30.

¹⁷⁰ Повесть о Земском соборе 1613 года // ВИ. 1985. № 5. С. 94.

¹⁷¹ Акты, относящиеся к избранию Михаила Федоровича на царство // Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 379.

30 апреля Михаил Федорович остановился в селе Братошино. Он отправил боярам грамоту с требованием прислать ему на следующий стан, в село Тайнинское 10 шатров. Изготовить или найти в разоренном городе подходящие к случаю шатры оказалось делом сложным, и два из них пришлось позаимствовать у кн. Федора Ивановича: один — «суконной червлен, четверугольной, полы такие же, стена сажень без локтя» и другой — «полотняной клетчатой, двоеверхой, кайма по столбам образцы, по полам мишени суконные, полы такие ж». ¹⁷²

На церемонии венчания Михаила Федоровича на царство 11 июля 1613 г. Мстиславский осыпал нового царя золотыми. ¹⁷³ 28 апреля 1616 г. он сидел за столом на встрече английских послов вместе с кн. И. М. Воротынским, кн. И. А. Хованским, П. П. Головиным, кн. Д. И. Мезецким и кн. Гр. Волконским. ¹⁷⁴ В следующем году князь вновь принимал участие в аналогичной церемонии, на этот раз — вместе с кн. И. М. Воротынским, кн. И. А. Хованским, кн. Г. П. Ромодановским, Н. В. Годуновым и А. Измайловым. ¹⁷⁵ На церемонии чтения условий Плюсского мира боярин «шапку с государя снял», скипетр у Михаила Федоровича тогда принимал кн. И. М. Воротынский, крест и договорную запись подносил кн. И. Н. Меньшой Одоевский, а мису держал кн. Д. И. Мезецкий, получивший уже боярский чин. ¹⁷⁶ Наконец в 1619 г. вместе с боярином И. Н. Романовым Мстиславский выехал «с дворянами и стольниками» в Звенигород для встречи возвращавшегося из польского плена патриарха Филарета. ¹⁷⁷ Это — последнее упоминание о князе в разрядных книгах. К этому, «послесмутному» периоду жизни, относится и третий, последний брак Федора Ивановича с княжной Домникой Михайловной Темкиной-Ростовской.

Смена монархов практически не сказывалась на блестящей карьере кн. Федора Ивановича. Впервые упомянутый на дворцовой службе с чином кравчего, он вскоре стал боярином и получал назначения по службе почти исключительно в передовой полк. Князь принимал участие в военных действиях и на театрах Ливонской

¹⁷² Там же. С. 460.

¹⁷³ РК. II.2. С. 267.

¹⁷⁴ Там же. С. 290.

¹⁷⁵ Там же. С. 299.

¹⁷⁶ Там же. С. 312.

¹⁷⁷ Там же. С. 321.

войны, и на южных окраинах страны — для «бережения» от татарских набегов. Вместе с тем он относительно редко участвовал непосредственно в дипломатических переговорах. Нет сведений о назначении боярина на наместничества. Насильственное пострижение отца внешне не сказалось на карьере сына, но вспышка местнических споров против него в царствование Годунова говорит об определенном ослаблении позиций. Резкий спад военных назначений при Василии Шуйском объясняется, очевидно, преклонным возрастом кн. Федора. Изгнание из Москвы поляков, от которых Ф. Мстиславский получил чин конюшего, не меняет его положения при дворе: он самый богатый боярин в стране, его подпись стоит первой под Утвержденной грамотой об избрании Михаила Федоровича.

Семья

Как отмечает Р. Крамми, осознание представителями московской аристократии собственного положения в обществе декларировалось не в последнюю очередь посредством выбора брачных партнеров для своих наследников. Новый брак не только давал потенциальную возможность продолжения рода, но и скреплял воедино структуру высшей московской аристократии. Вместе с тем в условиях, когда чуть ли не все боярские роды оказывались в той или иной степени связанными друг с другом узами свойства, едва ли стоит абсолютизировать влияние этого фактора на политическую жизнь Московского государства.¹⁷⁸

Иными словами, нет никаких доказательств того, что брачный союз представителей двух родов, даже в их поколении, определял какую-то особо тесную связь между кланами. Вместе с тем на уровне конкретных персоналий анализ выбора будущих супругов может быть не лишен интереса. Что определяло потенциальную «привлекательность» того или иного брака? Какую стратегию он выражал? Попробуем ответить на эти вопросы, используя известные нам сведения о матримониальных связях князя Ф. И. Мстиславского.

Первым браком князь был женат на княжне Ульянии Петровне Холмской,¹⁷⁹ дочери кн. Петра Андреевича Холмского и княжны

¹⁷⁸ *Crummey R. O. Aristocrats and servitors. The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton; New Jersey, 1983. P. 65, 74–75.*

¹⁷⁹ Подробнее см.: *Martin R. Op. cit. P. 191.* — Л. Е. Морозова пишет, что первая

Анисьи Васильевны Серебряной-Щепиной.¹⁸⁰ Кн. Петр Андреевич происходил из рода тверских князей и по бабке своей (княжне Федосии, дочери Ивана III) был связан с правящим домом.¹⁸¹ Его служебная карьера не кажется особо выдающейся.¹⁸² Род Холмских на нем пресекся.¹⁸³ Княжна Анисья Васильевна была дочерью боярина и углицкого дворецкого, кн. Василия Семеновича Серебряного-Щепина, одного из многочисленных представителей Оболенских князей.

Таким образом, брак этот явно не вел к созданию союза с влиятельной при дворе фамилией. Вполне возможно, что экономические выгоды его были более значительными: последняя в своем роде княжна Ульяния вполне могла принести супругу весомое приданое. Вместе с тем Мстиславские и без того обладали обширными вотчинами. Кажется, большую роль играл здесь другой фактор: если вспомнить, что браки предшествующих двух поколений Мстиславских заключались при непосредственном участии великого князя, нельзя исключить также, что и в этом союзе проявила себя царская воля. Союз с представительницей знатного княжеского рода, связанной родством с московской династией, не ронял чести Мстиславских. Реальный, более чем скромный политический вес семьи в то же самое время позволял избежать нежелательного усиления рода и формирования влиятельной придворной группировки. Если же брак этот заключен был без влияния царя, это еще одно подтверждение стратегии «послушания», выбранной фамилией при московском дворе.

6 апреля 1586 г., на память преподобного патриарха Евтихия, кн. Ульяния Петровна умирает.¹⁸⁴ Встает вопрос о повторном браке. Известия о неудавшемся союзе предлагает нам «Голицынская родословная книга», сообщающая, что за кн. Мстиславского была

супруга кн. Федора происходила из рода князей Репниных, вероятно, путая ее с супругой кн. В. И. Шуйского. См.: Морозова Л. Е. Указ. соч. С. 239.

¹⁸⁰ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 112.

¹⁸¹ Правящая элита русского государства IX — начала XVIII в.: Очерки истории / Отв. ред. А. П. Павлов. СПб., 2006. С. 174.

¹⁸² О начале ее см.: Павлов А. П. К изучению Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. // Средневековая Русь: Сб. науч. ст. к 65-летию со дня рождения профессора Р. Г. Скрынникова. СПб., 1995. С. 29.

¹⁸³ Martin R. Op. cit. P. 191.

¹⁸⁴ ДРВ. Т. XIX. С. 385.

«сговорена» одна из дочерей кн. И. М. Глинского.¹⁸⁵ Брак, однако же, не состоялся. Как предположила С. П. Мордовина, связано это могло быть «со стремлением правительства не допустить объединения вотчин крупнейших в стране феодалов».¹⁸⁶ Кн. Иван Михайлович был близок к Борису Годунову: последний был назначен душеприказчиком И. М. Глинского и дал после смерти князя в 1602 г. огромный вклад по нему в Троице-Сергиев монастырь.¹⁸⁷ По свидетельству И. Массы, «Борис до вступления на престол неоднократно изъявлял желание выдать за него (кн. Федора Ивановича — В. А.) свою дочь, но потом не только отказался, но и препятствовал ему жениться второй раз, чтобы у него не было наследников».¹⁸⁸

Дочь Годунова, Ксения родилась, очевидно, около 1582 г.; таким образом, реальные планы относительно ее брака с кн. Федором Мстиславским могли относиться к самому концу правления царя Федора — когда, с одной стороны, дочь конюшего достигла подходящего для брака возраста, а с другой — сам царский шурина искал всевозможные средства для укрепления своих позиций и формирования круга союзников, необходимых для дальнейшей борьбы за престол. Однако быть может, голландский купец просто неправильно понял ходившие по Москве слухи, и в невесты Мстиславскому прочилась не дочь самого Годунова, а дочь ближайшего к нему Ивана Глинского? Известно, что князь И. М. Глинский был болен эпилепсией и задолго до смерти составил свое завещание; быть может, уже тогда значительную роль в делах его играл Борис Годунов? Возможно также, что именно эти планы как-то и отсрочили следующий брак князя. Как бы то ни было, а вновь жениться Федору Ивановичу пришлось лишь через 19 лет после смерти первой супруги — во второй половине 1605 — начале 1606 гг.

Жак Маржерет пишет, что кн. Мстиславский женился на двоюродной сестре «названного императора», т. е. Лжедмитрия I. Брак этот, очевидно, имел место между августом 1605 г. (сразу после вступления самозванца в столицу) и апрелем 1606 г. (так как уже 8 мая в источниках упоминается новая княгиня Мстиславская). Супругой князя стала Прасковья Ивановна Нагая, как позволяет установить Ермолинский летописец, троюродная племянница Ма-

¹⁸⁵ ОР БАН. № 4.7.28. Л. 158 об.

¹⁸⁶ Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века // Труды Московского государственного историко-архивного института. Т. 26. М., 1970. С. 332.

¹⁸⁷ Там же. С. 330–331.

¹⁸⁸ Масса И. Краткое известие... С. 47.

рии Нагой. Родителями ее были Иван Семенович Нагой и Мамелфа Ильинична Хлопова, родственница будущей печально известной «царской невесты».¹⁸⁹ Ее братья, Алексей и Василий, были бездетны, а сестра Анна стала супругой кн. В. Я. Сулешова.

Дата смерти Прасковьи Ивановны известна из пометы в рукописном сборнике из собрания РНБ — это октябрь 1613 г.¹⁹⁰ Брак с Нагой, на первый взгляд, выдавал некоторые амбиции кн. Федора Ивановича — благодаря женитьбе он устанавливал непосредственное родство с новым царем «Дмитрием Ивановичем». Но скорее всего, и здесь Мстиславский следовал по выбранному им ранее пути — едва ли от него самого исходила инициатива заключения этого союза. Скорее вновь это была воля царя — самозванец был в большей степени заинтересован в том, чтобы привязать к себе главу Думы, в то время как сам боярин предпочел не перечить царю.

Третьей супругой князя Федора стала княжна Домника Темкина-Ростовская, дочь кн. Михаила Григорьевича и не известной нам по фамилии Анны (инокини Анисьи).¹⁹¹ И вновь семья невесты принадлежала к числу родовитых титулованных семей, не игравших никакой роли в политической жизни Московского государства. За отцом невесты, в начале XVII в. служившим в чине московского дворянина, в Земляном списке 1613 г. не значится ни одной вотчины.¹⁹² Как отмечает А. П. Павлов, только в конце 1612 — начале 1613 гг. ему была возвращена родовая вотчина, причем первоначально — на правах поместья.¹⁹³ Княгиня Домника пережила мужа, приняв после его смерти схиму под именем Ирины, и скончалась 7 июля 1630 года, на память преподобного Фомы.¹⁹⁴

Власть и социальное положение кланов, к которым принадлежали молодые люди, делали их привлекательными партиями в установлении матримониальных связей, отмечает Р. Крамми.¹⁹⁵ Относительно случая князя Федора Мстиславского можно предложить несколько иную формулировку: в той степени, в какой решение о браке зависело от его семьи, а не от внешних сил (например, воли царя), в расчет принимались скорее социальное положение и

¹⁸⁹ Мятлев Н. К родословию. . . . С. 309.

¹⁹⁰ ОРРНБ. Погос Д. 657, л. 38 об.

¹⁹¹ ОР РНБ. F IV. № 348. Л. 44, 180 и след.; ДРВ. Т. XIX. С. 386.

¹⁹² Земляной список 1613 г. // ЧОИДР. 1895. Кн. 1. С. 14.

¹⁹³ Павлов А. П. Государев двор. . . С. 155.

¹⁹⁴ ДРВ. Т. XIX. С. 386.

¹⁹⁵ Ститтеу R. O. Op. cit. P. 76.

отсутствии власти. Отсутствие у новых родственников возможности активно участвовать в жизни московского двора оберегало Мстиславских от перспективы оказаться втянутыми неожиданно для самих себя в борьбу боярских группировок или навлечь гнев царя.

И здесь, как и в других случаях, кн. Федор Иванович предпочитал придерживаться тезиса апостола Павла о том, что всякая власть от бога, и сохранял верность стратегии неучастия. Родственные связи с представителями высших аристократических фамилий обеспечивали предшествующему поколению рода женские представительницы рода, ставшие женами Голицыных, Черкасских и служилых царевичей. Тем самым Мстиславские не выпадали из разветвленной сети родственных связей, соединявшей московский двор.

С другой стороны, и здесь можно отметить, что за исключением кн. И. Ю. Голицына, прочие свойственники рода высоким положением своим были во многом обязаны царской власти: их положение зиждилось не столько на происхождении, сколько на воле царя. Пример Симеона Бекбулатовича здесь самый показательный. Как и Мстиславские, все они были приезжими при московском дворе. Браки Анастасии и Марфы прямо были санкционированы царем. Это указывает, что Иван Грозный, равно как и его преемник, были заинтересованы в том, чтобы Мстиславские, занимая высшее место в московской иерархии, находились в некоторой изоляции от коренных московских семей и сохраняли зависимость от царской власти. Никто из этого поколения Мстиславских уже не мог похвастаться близкими связями с влиятельными князьями Шуйскими или Воротынскими.

Своих детей кн. Федор перечисляет в Данной грамоте Симону монастырю. Их было шесть: в младенчестве умерли Мария, Ольга, Евдокия, Ирина и Василий, до взрослого возраста дожила другая Ирина,¹⁹⁶ скончавшаяся 26 ноября 1620 г.¹⁹⁷ Как помним, по свидетельству Массы, Годунов препятствовал повторному браку Мстиславского, дабы предотвратить появление у него наследников. Следовательно, первый брак Федора Ивановича был или бездетным, или же дети от него умерли еще во младенчестве. Голицынская родословная, составленная предположительно между 1610 и

¹⁹⁶ Данная грамота кн. Ф. И. Мстиславского Симону монастырю. С. 313.

¹⁹⁷ ДРВ. Т. XIX. С. 385.

1613 г., знает двоих детей кн. Федора Ивановича — князя Василия и княжну Орину.¹⁹⁸ Оба они, таким образом, являлись детьми его от второго брака, и княжне Ирине Федоровне к моменту смерти в 1620 г. было не более 14–15 лет.

Землевладение

По земляному списку 1613 г. за князем Ф. И. Мстиславским числилось 32 606 четвертей старых вотчин, включая пожалованную царем Василием Шуйским Ярополческую волость во Владимирском уезде.¹⁹⁹ А. П. Павлов показал, что досмутные владения Ф. И. Мстиславского составляли примерно 20–22 четвертей земли. «Костяк этих вотчин — унаследованные от отца владения в Юхотской и Черemoжской волостях Ярославского уезда (всего 13 000 четвертей) и в Кашинском уезде (2 230 ч.); упоминаются также вотчины в Костромском (2 160 ч.), Дмитровском (751 ч.), Московском (194 ч.), Звенигородском (738 ч.) и Муромском (715 ч.) уездах. Есть известия о пожаловании Мстиславскому в 1591 г. «в вотчину город со всем уездом Кашинской пригороде», но определенными сведениями о характере и размерах этого владения мы не располагаем. Упоминаются поместья Ф. И. Мстиславского в Московском уезде (192 ч.)».²⁰⁰

Таким образом, кн. Мстиславский был самым богатым землевладельцем не только из всех членов Семибоярщины, но в 1613 г. был крупнейшим землевладельцем из числа всех московских бояр.²⁰¹ Следующий за ним по богатству из членов Семибоярщины Ф. И. Шереметев владел лишь 9 214 четвертями земли.²⁰² У кн. Мстиславского же было земли более чем в три раза больше. После его смерти и не позднее 1631 г. Юхотская волость была вновь обращена в государеву дворцовую волость.²⁰³

Скончался кн. Федор Иванович 19 февраля 1622 г. и похоронен был на следующий же день, 20 февраля, в Симоновом монастыре «по правую сторону от соборной паперти в особой палатке».²⁰⁴ Если

¹⁹⁸ ОР БАН. № 4.7.28. Л. 72.

¹⁹⁹ Земляной список 1613 г. // ЧОИДР. 1895. Кн. 1. С. 1.

²⁰⁰ Павлов А. П. Государев двор... С. 161.

²⁰¹ Ститтеу Р. О. Op. cit. P. 114 (Tables N 1–2).

²⁰² Земляной список 1613 г. С. 2.

²⁰³ Барсуков А. Сведения об Юхотской волости... С. 21.

²⁰⁴ Московский некрополь. Т. 2. СПб., 1907. С. 291.

сделанное выше предположение о дате его рождения верно, то умер князь на седьмом десятке лет.

Как отмечала С. П. Мордовина, «в конце XVI в. в руках служилых князей еще оставались значительные земельные и денежные богатства, множество слуг и т. д. Неудивительно поэтому, что их политическая роль все еще была заметной».²⁰⁵ Вместе с тем есть и некоторые отличия в поведении служилых князей. Если, например, Воротынские отъехали на Русь со своим уделом, то Мстиславские получили свои земли от московского великого князя. И даже в Великом княжестве Литовском их положение было различным.

Как выявил А. Ю. Дворниченко, уже в самой интитуляции некоторых грамот Михаила Мстиславского проявлялось ограничение его власти и княжеских прав в пользу великого князя Литовского.²⁰⁶ Михаил не был отчичем этих земель, он получил их волею князя в приданое от супруги. Отсюда и стратегия «невмешательства» или «бездеятельного участия», реализуемая Иваном Федоровичем и Федором Ивановичем на русской службе. Они вполне осознавали свою зависимость от великого князя и позднее — от царя. Возможно, именно это и позволило князю Федору Мстиславскому стать единственным в истории Русского государства человеком, входившим в Думу с боярским чином на протяжении правления шести царей из пяти династий.

---

²⁰⁶ Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.). СПб., 1993. С. 84.

С. А. Уткин

Отражение политической борьбы 7121 года в Московском государстве в событиях на Костромской земле (к вопросу о подвиге Ивана Сусанина)¹

В исторической литературе традиция обращения к пребыванию на Костромской земле М. Ф. Романова в 7121 г. (зима 1612 — 19 марта 1613 г.) и подвигу костромского крестьянина Ивана Сусанина

---

²⁰⁵ Мордовина С. П. Служилые князья в конце XVI века. С. 337.

¹ Написанию настоящей статьи способствовали ценные критические замечания и добрые пожелания костромского историка И. В. Рогова, за что я приношу ему глубокую благодарность.

насчитывает свыше двух столетий.² Но несмотря на это, события, происходившие тогда в Костромском крае, не получили достаточного освещения. Исследователи, как правило, основное внимание уделяли обстоятельствам политической борьбы, развернувшейся на рубеже 1612–1613 гг. в столице Российского государства.³

В то же время костромской этап в истории восхождения Романовых на московский престол имеет ключевое значение для понимания той роли, которую играли в ней мать Михаила Федоровича, инокиня Марфа и ее ближайшие родственники. В источниках и исторической литературе нашли яркое отражение только два события, связанные с Костромой: подвиг крестьянина Ивана Сусанина и призвание на царство М. Ф. Романова в Ипатьевском монастыре.

К сожалению, обстоятельства гибели Сусанина зачастую рассматриваются историками, как некий самостоятельный и во многом случайный эпизод, не имеющий большого политического значения. Самым ярким примером такого подхода может служить работа известного историка Н. И. Костомарова.⁴ В наши дни эта традиция является господствующей в исторической литературе.

В то же время вопросы, поставленные Н. И. Костомаровым, актуальны до сих пор. Источники, действительно, не дают на них четкого ответа. Кто были «польские и литовские люди», схватившие Сусанина? Когда точно они появились в районе костромской вотчины Романовых? Откуда они пришли и зачем искали Михаила Федоровича? Кто руководил их действиями?

Как известно, 26 октября 1612 г. завершилась осада Московского Кремля отрядами ополчения под командованием кня-

---

² Обзор литературы представлен в следующих работах: Булдаков К., Уткин С. А. Подвиг Ивана Сусанина. Письменные источники. Историография // Краеведческие записки. Костромской гос. историко-архитектурный музей-заповедник. Вып. 5. Кострома, 1993. С. 20–40; Зонтиков Н. А. Иван Сусанин: Легенды и действительность. Кострома, 1997.

³ В этом плане интерес представляют работы последних лет, посвященные борьбе за власть в Москве на рубеже 1612–1613 гг. См.: Семин А. А. Политическая борьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории: Сб. ст. Т. II. М.; Л., 1980. С. 231–237; Тюменцев И. О. Из истории избирательного Земского собора 1613 г. // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 74–82; Волков В. А. Новое о Русском государстве в 1613–1618 гг. (По рукописным материалам XVII столетия) // Исследования книжных памятников. История. Филология. Источниковедение: Сб. научн. ст. М., 2000. С. 128–136.

⁴ Костомаров Н. И. Иван Сусанин: Историческое исследование // Отечественные записки. 1862. № 2. С. 720–738.

зей Д. Т. Трубецкого, Д. М. Пожарского и нижегородского старосты К. Минина. Польский гарнизон капитулировал. В тот же день из стен Кремля были выпущены находившиеся в осаде виднейшие представители московского боярства. В их числе была и семья Федора Никитича Романова, Ростовского митрополита и «тушинского» патриарха — его супруга, старица Марфа Ивановна (в миру — Ксения Ивановна Шестова — Романова) и сын М. Ф. Романов. Она находилась в плену у поляков с марта 1611 г.⁵

Как только столица полностью перешла под контроль «Совета всея земли», новая администрация начала подготовку Земского собора, который был призван окончательно решить вопрос о новом российском государе. Деятельность собора проходила в условиях острой политической борьбы, вспыхнувшей сразу же после ликвидации внешней угрозы.

В числе претендентов на престол «Повесть о Земском соборе» называет представителей княжеской аристократии Ф. И. Мстиславского, И. М. Воротынского, видных деятелей старомосковского служилого боярства И. Н. Романова, Ф. И. Шереметева, служилых князей Д. М. и И. Б. Черкасских, Д. Т. Трубецкого, П. И. Пронского, Д. М. Пожарского.⁶ Кроме того, в числе претендентов по-прежнему оставались и иностранные королевичи — польский Владислав Ваза и шведский Карл-Филипп. В общей сложности различные источники называют не менее десяти лиц, имевших шансы занять московский трон.

Кандидатура М. Ф. Романова, по свидетельству «Повести о Земском соборе», уже в то время имела немалые шансы на успех. Однако ей активно противились руководители земского ополчения Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский.⁷ По мнению И. О. Тюменцева, имя И. Н. Романова было внесено ими в официальный список кандидатов на престол с целью оттеснить Михаила Федоровича.⁸

Кроме того, долгие годы ссылки и скитаний при Б. Годунове и самозванцах, заточение в Кремле у А. Гонсевского обусловили отсутствие у Романовых необходимых финансовых средств.⁹ К тому

⁵ Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 421.

⁶ Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года // ВИ. 1985. № 5. С. 89–96.

⁷ Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. V. Новгород, 1911. № IX. С. 26–27.

⁸ Тюменцев И. О. Указ. соч. С. 74–75.

⁹ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила

же отец Михаила, с 1610 г. находившийся в польском плену, не мог поддержать сына своим авторитетом. Новая власть не обладала достаточными силами для того, чтобы обеспечить порядок в разоренной войной столице и обуздать бесчинства многочисленных казачьих формирований.

В этих условиях инокиня Марфа, опасаясь за судьбу юного сына, вынуждена была покинуть охваченную беспорядками Москву и удалиться в свои костромские вотчины.¹⁰ Когда точно это произошло, источники нам не сообщают, но учитывая необходимость подготовки к отъезду, это могло состояться не ранее первой декады ноября 1612 года. Вероятно, отъезд Романовых из столицы не совпадал с планами какой-то из политических группировок. Шведский полководец Я. Делагарди в письме к своему королю от 13 апреля 1613 года, ссылаясь на показания лазутчиков, сообщает, что Михаил Федорович «удалился с частью бояр из Москвы и убил некоторых казаков, стремившихся увлечь его назад».¹¹

На территории Костромского уезда в XVI — начале XVII в. Романовым принадлежало несколько вотчин. Дядя Михаила, М. Н. Романов владел селом Денисовским с деревнями в десяти верстах от Нерехты (примерно в 50 верстах к югу от Костромы). Однако эта вотчина была конфискована Б. Годуновым в 1600 году. В 1624 г. Михаил Федорович возвратил данное владение дому Романовых и затем передал его Московскому Новоспасскому монастырю «на помин души» своего дяди М. Н. Романова и его братьев. Другая вотчина — село Домнино с деревнями находилась приблизительно в 70 верстах к северу от Костромы.¹² Она являлась родовым владением дворян Шестовых и перешла дому Романовых, вероятно, как приданое Ксении Ивановны Шестовой, супруги Федора Никитича Романова. Именно сюда прибыли старица Марфа и Михаил Федорович в середине ноября 1612 г.¹³

Скрываясь от возможного преследования своих политических

Федоровича Романова. М., 1906. С. 39–41; *Скрынников Р. Г.* Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.

¹⁰ Утверженная грамота... С. 41–42.

¹¹ *Замятин Г. А.* К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. 1926. Вып. III. Отдел I. Приложение II. С. 73.

¹² Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел 3. Для Костромской и Плесской десятин. XV–XVIII вв. Вып. 5. С. 149–152.

¹³ Утверженная грамота... С. 41–42.

противников, Романовы, видимо, намеренно избрали эти костромские владения. Хотя село Домнино находилось на значительном удалении от столицы, его географическое положение позволяло поддерживать постоянную связь с Москвой. Здесь проходил оживленный торговый тракт, соединявший Кострому с Галичем, Вологодой, Тотьмой, Великим Устюгом, а также через Любим и Данилов с Ярославлем и Москвой.¹⁴

Домнинская вотчина Романовых располагалась в непосредственной близости (в 8 верстах) от владений ближайших родственников Марфы, ее племянников — братьев Б. М. и М. М. Салтыковых. Они владели половиной с. Молвитино. Вторая половина принадлежала другому родственнику Шестовых — К. И. Михалкову.¹⁵ Есть свидетельства, что Салтыковы сопровождали Романовых во время их пребывания на Костромской земле: 13–14 марта 1613 г. они присутствовали в Ипатьевском монастыре при наречении Михаила российским государем.¹⁶ В дальнейшем оба вошли в состав первого правительства при новом царе.

Таким образом, на Костромской земле Романовы не только находились вдали от московской смуты, но и имели возможность, опираясь на семейные связи, наблюдать за развитием политической ситуации, постепенно собирая своих сторонников.

Земский собор начал свою работу 6 января 1613 г. На первом этапе его работы главным претендентом на престол был определен боярин князь Д. Т. Трубецкой. С его выдвижением согласились руководители ополчения и представители высшего духовенства. Однако у рядовых членов собора он поддержки не получил. Не набрали нужного числа голосов и другие кандидаты.¹⁷ Так деятельность собора зашла в тупик.

Начались поиски компромиссной фигуры. На первый план вы-

---

¹⁴ См., например: Список населенных мест Российской империи. Т. XVIII. Костромская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870–1872 годов. СПб., 1877. (См. данные о торговых и почтовых трактах, проходивших через с. Молвитино (С. 11, 12, 17, 31, 32, 57, 67, 69), г. Буй (С. 44, 45, 48, 52, 53, 57, 61, 67), г. Чухлому (С. 322, 336, 343, 345, 347, 350, 354, 355, 357), г. Солигалич (С. 306, 310, 311, 312, 314, 319, 325, 329), г. Галич (С. 131, 136, 145, 148, 154, 156)); Костромская губерния. Специальная карта Европейской России / Изд. военно-топографического отдела Генерального штаба; Сост. в 1878 г., 1918 г.

¹⁵ Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии... С. 19–21.

¹⁶ Попов А. Указ. соч. С. 357; Козляков В. Н. Михаил Федорович. М., 2004. С. 36.

¹⁷ Тюменцев И. О. Указ. соч. С. 75–76.

шла кандидатура М. Ф. Романова. По свидетельству члена новгородского посольства в Швецию Никиты Калитина, его выдвижение инициировала княжеско-дворянская группировка, в состав которой входили Иван Голицин, Борис Лыков, Борис и Михаил Салтыковы.¹⁸ Последние, будучи близкими родственниками матери Михаила Федоровича и соседями Романовых по костромским владениям, скорее всего, играли в этом процессе ключевую роль. Российский историк шведского происхождения Ф.-И. Страленберг (XVIII в.), работая с недошедшими до нашего времени источниками, сообщал, что между инокиней Марфой и Земским собором существовала активная переписка. Члены собора требовали прислать в Москву ее сына Михаила и направили ей по этому поводу письмо «с двумя дворяны».¹⁹ Кто были эти «дворяны», историк не сообщает, но не исключено, что именно Салтыковы помогали поддерживать связь между Романовыми и Москвой.

Уже в начале февраля 1613 г. Михаил Федорович стал основным кандидатом на престол. Используя последнюю возможность изменить соотношение сил в свою пользу, бывшие руководители ополчения добились перерыва в работе Земского собора с 7 по 21 февраля.²⁰ Эти две недели и явились кульминацией борьбы за обладание царским венцом. Накануне возобновления соборных заседаний казаки осадили дворы Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского, требуя избрания Михаила.²¹ 21 февраля некий дворянин из г. Галича «предложи на том соборе выпись о сродстве царе»²², в которой доказывалось право юного боярского сына на Московское царство.

В тот же день казаки ворвались в Кремль и, угрожая расправой, заставили бояр присягнуть М. Ф. Романову.²³ 2 марта 1613 г. Земским собором было отправлено посольство к Романовым с вестью об избрании на царство и наказом «ехоти к государю царю и

¹⁸ Арсеньевские шведские бумаги... № IX. С. 26–27.

¹⁹ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской Империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. Ч. I. М.; Л., 1985. С. 69–70.

²⁰ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 88–89.

²¹ Замятин Г. А. Указ. соч. Прилож. II. С. 73–74.

²² Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1896. С. 299–300.

²³ Арсеньевские шведские бумаги... № X. С. 30–31; Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Указ. соч. С. 95.

великому князю Михаилу Феодоровичу всея России в Ярославль, или где он государь будет».²⁴

Несмотря на изгнание поляков из Москвы, обстановка в стране на рубеже 1612–1613 гг. продолжала оставаться крайне напряженной. В Новгородской земле хозяйничали шведы. Смоленск и западнорусские земли были оккупированы польскими войсками. Один из активных деятелей Смуты И. М. Заруцкий со своими сторонниками еще в июле 1612 г. покинул подмосковный лагерь ополчения и поднял мятеж на Рязанщине, охвативший значительную часть южнорусских земель.

Весьма беспокойной была обстановка и в районе северных границ Костромского и Галичского уездов. В начале декабря 1612 г. король Сигизмунд, остановившись в 18 верстах от Москвы, отправил «15 хоругвей поляков» штурмовать Кремль. Не добившись успеха, он «послал 3 000 казаков в лучшие места России совершать набеги и жечь». По свидетельству новгородского посла в Москву Богдана Дубровского (январь 1613 г.), «эти казаки (действовали. — С. У.) около Вологды и наделали большого вреда и жестоко тиранили в беззащитных городах, местечках и солеварнях, везде куда доходили».²⁵ Вероятно, о действиях именно этих отрядов свидетельствуют русские источники.

«Лета 7121... декабря в 18 день на Вологде и в Вологодском уезде у Спаса на Прилуке польские и литовские люди, паны и казаки, атаман Баловень, и Голеневский пан, и гетман Шелковецкой с своими людьми села и деревни раззорили и людей мучили и убивали до смерти».²⁶ Где-то в это же время «приходили польские и литовские люди под Кирилов и под Каргополь, и многими приступы приступали, и из под Кирилова и из под Каргополя литовские люди отошли...»²⁷ По сообщению Устюжского летописца второй редакции, в 20-х числах января 1613 г. польские и литовские люди попытались захватить Великий Устюг, но были разбиты местным воеводой и бежали вверх по реке Юг «до Галицких пределов».²⁸

Костромская территория использовалась Советом всея земли как место ссылки пленных польских «полковников и рот-

²⁴ СГГД. Ч. III. М., 1822. № 6. С. 15–16.

²⁵ Арсеньевские шведские бумаги... № III. С. 18.

²⁶ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 198.

²⁷ ДАИ. Т. I. СПб., 1846. № 179. С. 311.

²⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 116–121.

мистров», ранее удерживавших Московский Кремль.²⁹ В грамоте Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского от 21 ноября 1612 г. сообщается об отправке к Соли Галицкой «польских людей», «которые сидели в Москве, Телефусовы роты шляхтичев 17 человек, а пахолков 7 человек».³⁰

В марте 1613 г. к королю Сигизмунду было направлено посольство во главе с Денисом Аладьиным с целью договориться об обмене пленными. В наказе Аладьину предписывалось говорить о судьбе поляков, содержащихся на Костромской земле, следующее: «Сосланы были польские и литовские люди с Москвы в города для береженья: к Соли Галицкой, да в Галич, да на Чухлому, да на Унжу, и пришли к тем городам изгоном воры, ваши же черкасы, и тех польских и литовских людей немногих побили ваши же черкасишки, а по другим городам все целы».³¹

Скорее всего, об одном из таких нападений свидетельствует Дозорная книга г. Солигалича 1614 года, где сообщается, что 3 января 1613 г. крепость и посад данного города были сожжены «литовскими людьми», а многие жители перебиты.³² А незадолго до этого Галицкие вотчины Московского Симонова монастыря были обобраны казачьим отрядом атамана Б. Попова.³³ Есть сведения, что в это же время были разорены и другие населенные пункты, находившиеся на пути от Вологодских земель к костромским владениям Романовых.

Видимо, в этом же контексте и следует рассматривать появление отряда «польских и литовских людей» в окрестностях с. Домнина.

Основным источником, который свидетельствует о действиях этого отряда, является Жалованная грамота царя М. Ф. Романова потомкам крестьянина Ивана Сусанина — его зятю Богдану Собинину и дочери Антониде — от 30 ноября 1619 года: «как мы великий государь, царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси в прошлом во 121 (1612/13) году были на Костроме, и в те поры приходили в Костромской уезд польские и литовские люди, а тестя

²⁹ Попов А. Указ. соч. С. 356.

³⁰ Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611–1613 гг. М., 1911. № 46. С. 30–31.

³¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 9. М., 1961. С. 30–31.

³² Дозорная книга г. Солигалича 1614 года // Костромская земля: Краеведческий альманах. Кострома, 1992. С. 32–38.

³³ АИ. Т. II. СПб., 1841. № 343. С. 407–408.

его Богдашкова Ивана Сусанина в те поры литовские люди изымали и его пытали великими немерными пытками, а пытали у него, где в те поры мы великий государь царь и великий князь Михайло Феодорович всея Руси были; и он Иван, ведая про нас великого государя, где мы в те поры были, терпя от тех польских и литовских людей немерная пытки, про нас великого государя тем польским и литовским людям, где мы в те поры были, не сказал, и польские и литовские люди замучили его до смерти».³⁴ Хотя указанный источник и лишен каких-либо подробностей, но он ясно свидетельствует и о реальной опасности, которая угрожала будущему государю, и о достоверности самого факта подвига крестьянина Домнинской вотчины Романовых.

Важное дополнение к раскрытию событий, происходивших тогда на Костромской земле, содержит челобитная служилого иноземца (черкашенина) Дмитрия Тимофеевича Михалевского на имя царя М. Ф. Романова от 6 мая 1613 года. В ней Д. Т. Михалевский сообщает, что «в 121-м году на масленой неделе (февраль 1613 г. — С. У.), как государь, взяли черкасы Костентина Михалкова и хотели ево убить, и я холоп твой, покинув свои животы и статки и лошади и ружье, да Констентина от черкас от смерти вывел и сам с ним... (в)ышел пешь и наг и бос...».³⁵

Место, где произошло указанное событие, источник не называет. Как мы уже сообщали выше, К. И. Михалков приходился Романовым родственником и соседом по костромским владениям. Судя по данному известию, время подвига И. Сусанина и нападения черкас на К. И. Михалкова почти совпадают. Возможно, именно в вотчине Салтыковых-Михалковых — селе Молвитино и находились Михаил Федорович и старица Марфа, когда их активно искали «польские и литовские люди». И наверное, не случайно К. И. Михалков вскоре занял одну из ключевых должностей при дворе нового царя — должность постельничего.³⁶

На возможное пребывание черкас в Костромском уезде в феврале 1613 г. указывал и А. Л. Станиславский, сообщивший о том, что в составе войск И. М. Заруцкого на Рязанщине находился от-

³⁴СГГД. Т. III. № 50. С. 214–215.

³⁵*Сухотин Л. М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича (Столпцы Печатного приказа). М., 1915. Предисловие. С. XXI. Примеч. № 2. С. 13.

³⁶*Платонов С. Ф.* Московское правительство при первых Романовых // ЖМНП. 1906. № 12. С. 333.

ряд из 400 украинских казаков, «пришедших туда еще в марте из Поморья». При этом исследователь прямо указывает на возможную связь подвига И. Сусанина с действиями этого отряда.³⁷ Как уже было сказано выше, в районе вотчин Салтыковых и Романовых в то время проходил оживленный торговый тракт, соединявший южные уезды России с Вологодскими землями и побережьем Белого моря. Таким образом, с определенной долей вероятности можно отнести подвиг Ивана Сусанина к февралю 1613 г. — к самому напряженному этапу политической борьбы, развернувшейся на Земском соборе.

Мы можем только предполагать, какие цели преследовали «польские и литовские люди», искавшие Михаила Романова, и кому они подчинялись. В устранении Михаила Федоровича как конкурента в борьбе за престол, несомненно, были заинтересованы различные политические силы. В их числе были и руководители земского ополчения, и находившийся в оппозиции к ним И. М. Заруцкий, и сторонники шведского королевича Карла-Филиппа.

Разумеется, весьма правдоподобна и «польская версия». Существуют указания источников на интерес, который проявляли политические и военные круги Речи Посполитой к М. Ф. Романову как вероятному кандидату на российский престол еще до начала работы Московского Земского собора. Так, в конце ноября 1612 г. польские «полковники» допрашивали пленного смоленского сына боярского Ивана Философова, который «в роспросе» показал, что «казаки-де, господари, говорят, чтоб обрать кого из русских бояр, а примеривают Филаретова сына. . .»³⁸ В феврале 1613 г. бывший комендант Московского Кремля А. Гонсевский допрашивал торопецких дворян, возвращавшихся с Земского Собора в свои поместья, о наиболее вероятных претендентах на российский трон. С. Ф. Платонов считал, что «они соблюли тайну о М. Ф. Романове и сказали Гонсевскому, что они с выборов «ни с чем отъехали».³⁹

Таким образом, польские военачальники имели вполне определенное представление о политической борьбе в российской столице и о значении фигуры Михаила Романова в этом процессе. Хотя во-

³⁷ Станиславский А. Л. Указ. соч. С. 68.

³⁸ Платонов С. Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе // ЖМНП. 1913. № 2. С. 185.

³⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937. С. 427–428.

царение королевича Владислава на русском престоле вряд ли рассматривалось ими как серьезная политическая перспектива, они могли ставить перед собой задачу продлить на максимально возможный срок ситуацию политической нестабильности в России, пользуясь которой Речь Посполитая могла продолжать политику отторжения западных земель Московского государства.

Казаки, которые в рассматриваемый период представляли самостоятельную и достаточно хорошо организованную военную силу, также могли предпринять попытку захвата Михаила Федоровича с целью использовать его как «казацкого царя» в борьбе за сохранение своих прав и привилегий.

Несомненно, данный вопрос нуждается в дальнейшем исследовании, и пока не найдены новые письменные свидетельства, имеет право на существование и версия о том, что Сусанин стал жертвой одного из многочисленных разбойничьих отрядов, которых в то Смутное время было немало на Российских просторах.⁴⁰

---

40 *Скрынников Р. Г.* Михаил Романов. М., 2005. С. 169–170.

А. П. Павлов

Выборные городовые дворяне в первой половине XVII в.

В конце XVI — начале XVII в. наряду с процессом консолидации правящей аристократической верхушки государева двора шел процесс консолидации уездного дворянства. Верхушка уездного дворянства — так называемые выборные дворяне — продолжала сохранять связи с государевым двором, однако эти связи постепенно ослабевали. На московской службе выборные дворяне сравнительно редко получали «именные» назначения (должности воевод и т. д.). Но зато на местах они были «своими» и пользовались авторитетом: мы часто видим их в качестве выборных сотенных голов, окладчиков и т. д. В конце XVI в. отчетливо наметился процесс оседания выборных дворян в городах. В конце XVI — начале XVII в. происходило значительное увеличение численности выборного дворянства (примерно в полтора раза) и рост числа городов, где оформился институт выбора (с 47 — в конце 80-х гг. XVI в. до 56 — к 1604 г.).¹

---

¹ *Станиславский А. Л.* Источники для изучения состава и структуры госу-

Это свидетельствовало о росте политической активности и влияния уездного дворянства в государстве. Однако, с другой стороны, верхушка уездного дворянства оказалась фактически отстраненной от участия в деятельности высшего аппарата управления страной. Противоречия между аристократической верхушкой двора и уездным дворянством, между дворянством центральных и южных уездов явились одним из важных факторов происхождения Смуты в начале XVII в.²

В годы Смуты начала XVII в. уездное дворянство активно выходит на арену общерусской политической борьбы. Провинциальному дворянству принадлежала видная роль в повстанческих выступлениях, в освободительном движении 1610–1612 гг. Новые убедительные данные, свидетельствующие об активном, самостоятельном участии уездных дворян в политической жизни страны в начале XVII в., приведены в монографии Б. Н. Флори.³ В годы Смуты происходил дальнейший рост числа городов, где оформился институт выборного дворянства. Так, весьма многочисленная группа выборных (35 человек) сложилась к 1606 г. внутри смоленской служилой корпорации.⁴

В первой четверти XVII века, в годы Смуты и после нее, мы наблюдаем интенсивное продвижение представителей провинциального дворянства при дворе. Многие из них были пожалованы в «московский список» — в стольники, стряпчие и особенно — в дворяне московские. Это повышение свидетельствует, с одной стороны, о признании правительством выдающихся заслуг уездных дворян в деле освобождения Москвы и восстановления государственного порядка. Однако, с другой стороны, зачисление в состав московского дворянства наиболее видных представителей провинциальных дворян означало их отрыв от уездных организаций и обретение ими нового социального статуса. Выход из состава «служилых городов» этих «лучших» дворян на деле приводил не к усилению провинциального дворянства в целом, а к ослаблению городских дворянских корпораций, лишая их влиятельной и авторитетной верхушки.

дарева двора последней четверти XVI — начала XVII в.: Автореф. канд. дис. М., 1973. С. 19.

² Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 107–139.

³ Флоря Б. Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005.

⁴ Мальцев В. П. Борьба за Смоленск: (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940. Приложения. С. 364–365.

По имеющимся в нашем распоряжении сведениям (данным боярских списков, десятиен, кормленых книг, приходно-расходных книг четвертных приказов и других источников), за период с 1613 по 1626 гг. в состав московских дворян было пожаловано 350 уездных (главным образом, выборных) дворян из 50 городов. Интересно само соотношение «городов», из которых комплектовался в этот период состав московского дворянства. Наиболее щедро были пожалованы смоляне, которые сыграли особо выдающуюся роль в деле освобождения Москвы: в московские дворяне были произведены 37 представителей этой дворянской корпорации. Меньшее число пожалованных в московские дворяне дали другие города: Новгород—23 человека; Мещевск — 17; Рязань — 16; Козельск — 15; Суздаль — 14; Серпейск — 13; Владимир, Кострома, Ржева — по 12; Вязьма — 11; Арзамас, Дорогобуж, Тула, Романов — по 9; Алексин, Белев, Кашира, Дмитров — по 8; Калуга, Бежецкий Верх, Коломна — по 7; Медынь, Мещера, Зубцов, Можайск, Тверь, Ярославль — по 5; Брянск, Воротыньск, Лихвин, Нижний Новгород, Юрьев Польский — по 4; Болхов, Торопец, Верея, Кашин — по 3; Галич, Луки Великие, Ржева Пустая, Таруса, Боровск — по 2; Алаторь, Белая, Муром, Переяславль, Руза, Серпухов, Старица, Торжок — по 1 человеку.

Из дворянства замосковных городов в состав дворян московских было произведено всего 119 человек (из 22 городов), что составляет около трети всех пожалованных в этот чин городовых дворян. Замосковные служилые «города», как мы видим, стали утрачивать свое традиционное значение главной базы пополнения состава государева двора. Пополнение состава московского дворянства за счет представителей верхушки уездного дворянства происходило на протяжении всей первой половины XVII в. «Подлинные» боярские списки 1632–1650 гг.⁵ содержат прямые указания о пожалованиях в дворяне московские 90 городовых дворян из 36 уездных корпораций. При этом Смоленск выдвинул в «московский список» 11 представителей; Псков — 8; Тула — 6; Владимир, Галич, Кашира, Коломна, Н. Новгород — по 4; Белая, Болхов, Кострома, Лихвин, Ярославль — по 3; Алаторь, Алексин, Белев, Ржева Володимирова, Серпейск, Тверь, Углич — по 2; Арзамас, Бежецкий Верх, Воро-

⁵РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1084. Столпик 3; № 155. Столпик 2; № 1064. Столпик 1; № 182. Столпик 2; № 216. Л. 155–288; № 184. Л. 1–151; № 217. Л. 411–547; № 1106. Столпик 3; Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 4. Столпик 4; № 4. Столпик 5; № 45. Л. 1–239; Ф. 210. Оп. 24. № 24.

тынск, Вязьма, Дмитров, Дорогобуж, Калуга, Кашин, Козельск, Курмыш, Мещера, Можайск, Муром, Солова, Таруса, Торопец — по 1 человеку. Характерно, что замосковные города выдвинули в московские дворяне 34 человека, т. е. всего около трети пожалованных в этот чин городовых дворян. Наибольшее число представителей в московские дворяне дали смоляне (11 человек), псковичи (8) и туляне (6). Таким образом, и во второй четверти XVII в. замосковные города не вернули своего значения главного резерва пополнения состава московского дворянства.

В государев двор жаловались «лучшие» (наиболее видные по службе и материально обеспеченные) уездные дворяне. Это приводило к серьезным изменениям самого состава выборного дворянства. Если в конце XVI — начале XVII в. около 87% выборных дворян имели родственников, имена которых встречаются в Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI в. (то есть в основной массе были выходцами из фамилий, традиционно связанных с государевым двором), то в середине 20-х гг. XVII века, по данным боярского списка 1626 года, среди выборных дворян таковых насчитывалось лишь 55,4% (чуть более половины). К середине XVII века, по данным десятиен, наблюдается почти полная смена состава выборных дворян по сравнению с 1620-ми годами. По данным боярских списков, десятиен и других источников, за время с 1613 по 1650 гг. мы встречаем имена 2889 выборных дворян, представителей 921 фамилии. Из этих лиц 1513 человек (52,4%) принадлежали к родам, упомянутым в Тысячной книге и Дворовой тетради середины XVI века; 1629 человек (56,4%) являлись выходцами из фамилий, служивших при государеве дворе (главным образом в выборных и жильцах) в конце XVI — начале XVII в. (до 1605 г.). Всего же лиц, родственники которых имели связи с государевым двором в XVI — начале XVII в. (упоминаются в Тысячной книге и Дворовой тетради и списках двора конца XVI — начала XVII в.), насчитывалось 1956 человек (или 67,7% от общего состава).

За период с 1619 по 1633 гг. (главным образом по данным разборов 1622–1631 гг.) мы встречаем имена 1570 выборных дворян, представителей 644 фамилий. Из них 854 человека (54,3%) являлись выходцами из родов, упомянутых в Тысячной книге и Дворовой тетради; 940 человек (59,8%) принадлежали к фамилиям, служившим в разных чинах государева двора (главным образом в выборных дворянах и жильцах) в конце XVI — начале XVII в. (до Смуты). Таким образом, за первую треть XVII века, за период

Смуты и в послесмутное время генеалогический состав выборного дворянства обновился почти наполовину. Это было связано с активным пополнением состава московских чинов за счет «лучших» представителей уездного дворянства. Состав же последнего комплектовался в значительной мере из представителей нижних чинов «служилого города».

Активные пожалования в ряды московских чинов наиболее видных представителей уездного дворянства способствовали понижению социального статуса верхушки «служилого города» — выборных дворян. Одним из показателей падения значения выбора в государстве может служить значительное уменьшение средних размеров поместных окладов выборных дворян за вторую четверть XVII века. Так, по Владимиру с 1626 по 1648 гг. средний поместный оклад выборного дворянина уменьшился с 600 до 418 четвертей (в 1,43 раза); по Суздалью с 1626 по 1648 гг. — с 621 до 411,7 четвертей (в 1,5 раза); по Рязани с 1626 по 1649 гг. — с 662 до 471 четверти (в 1,4 раза) и т. д.⁶

В послесмутный период происходил дальнейший процесс оседания выборных дворян по городам. Характерно, что главными учетными документами, фиксирующими состав выборных дворян, становятся десяти, в то время как ни один «подлинный» боярский список 1620-х гг. (а именно эта разновидность документации была призвана учитывать весь персональный состав государева двора) не содержит полного перечня выборных дворян.⁷ В большинстве «подлинных» боярских списков 1620-х гг. отсутствуют списки выборных дворян по Медыни, Ростову, Галичу, Пошехонью, Романову, Твери, Торжку, Старице, Зубцову, Одоеву, где выбор оформился еще в конце XVI — начале XVII века. Характерно, что в отличие от конца XVI в. («московский» боярский список 1598/99 г.) списки выборных в 20-х гг. XVII в. вовсе не значатся в «наличных» («московских») боярских списках. Это свидетельствует о постепенном прекращении практики призыва выборных дворян на московскую службу уже в первой четверти XVII в.

Стремительное увеличение численности государева двора в первой трети XVII в. (более чем втрое по сравнению с концом XVI в.), происходившее в основном за счет роста численности представи-

⁶РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. №22. Столпик 1. Л. 83–86, 104–106; Ф. 210. Дела десятиен. № 304. Л. 5–93; № 263. Л. 23–131.

⁷Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. Сб. ст. М., 1979. С. 147–149.

телей московских чинов, приводило к тому, что роль выбора как резервной части государева двора теряла свой смысл. В качестве главного резерва пополнения состава высших московских чинов в первой половине XVII в. выступают уже не выборные дворяне, а жильцы. Как показал А. Л. Станиславский, окончательное исключение выборных дворян из состава государева двора произошло на рубеже 20–30-х гг.⁸ Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют несколько уточнить эти наблюдения. В приказном столбце Разряда 7140 (1631/32) г. встречаются указания на то, что списки выборных дворян содержались еще в «подлинном» боярском списке 7140 года: «Да в боярском же в подлинном списке нынешняго 140-го году написано: “служат государеву службу из городов по выбору...”» (далее упоминаются имена выборных по Серпейску и Боровску); «Родства его в боярском подлинном списке написано в московских дворянх... В боярском же списке написано: “Служат государеву службу из городов по выбору...”» (называются имена выборных по Мещовску и Серпейску); «В боярском подлинном списке нынешняго 140-го году написаны в московских дворянх... В боярском же списке написано: “Служат государеву службу из городов по выбору...”» (упоминается выборный дворянин по Мещовску).⁹

В то же время нельзя не отметить, что в ряде случаев, когда речь идет о выборных дворянах, в столбце 7140 г. содержатся ссылки не на «подлинный» боярский список 7140 года, а на «подлинные списки» уездных дворян. Так, в деле по челобитной Ю. С. Кузенева написано: «А родства его сыскано в боярском списке 140-го году во дворянх московских Елизарей Васильев сын Кузенев. Да во брянском подлинном списке 140-го году написано: “Выбор. 700 чети. Савелей Васильев сын Кузенев”». ¹⁰ Подобные случаи приводятся здесь и относительно выборных дворян других городов (Тулы, Алексина, Болхова, Каширы и др.).¹¹

По-видимому, в перечне выборных дворян боярского списка 7140 г. значились дворяне далеко не всех городов. Обращает на себя внимание и необычно пространный заголовок перед перечнями выборных городских дворян боярского списка, упоминаемый в приведенных выше цитатах: «Служат государеву службу из горо-

⁸ Станиславский А. Л. Боярские списки. С. 147–148.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 1. Л. 77, 122–123, 728.

¹⁰ Там же. Л. 15.

¹¹ Там же. Л. 257, 275, 464 и др.

дов по выбору». В боярских списках 20-х — начала 30-х гг. данная рубрика обозначалась, как правило, более кратко: «Дворяне выборные из городов» (списки 7134 и 7135 гг.), «Дворяне из городов. Выбор» (списки 7136 г.), «Из городов выбор» (список 7137 г.), «Из городов служат по выбору» (список 7138 г.).¹²

В дошедшем до нас тексте «подлинного» боярского списка 7140 г. перечни выборных дворян отсутствуют; список оканчивается именами шатерничих. Но это не означает, что их здесь не существовало: в боярских списках конца XVI — первой трети XVII в. перечни выборных помещались в конце текстов, и в боярском списке 7140 г. они могли быть просто утеряны. Не оказалось перечня выборных дворян и в дошедшем до нас тексте боярской книги 7139 года, хотя известно, что первоначально они входили в состав этой книги.¹³ Можно предположить, что перечни выборных были утрачены и в «подлинном» боярском списке 7139 г., который являлся одним из вероятных источников при составлении упомянутой боярской книги того же года.

Правомерность данного предположения усиливает относительно плохая сохранность боярского списка 7139 г. в целом. Таким образом, есть основания полагать, что выборные дворяне продолжали сохранять связи с государевым двором (точнее, остатки этих связей) до 1632 года, вплоть до начала Смоленской войны. С прекращением призыва выборных дворян на московскую службу происходит окончательное оформление чиновной структуры двора и его обособление от уездных дворянских организаций. Система служилых чинов Московского государства приняла законченную форму: чины думные и чины московские, составляющие правящую привилегированную элиту русского общества, и чины городские (выборные дворяне, дворовые и городские дети боярские).

На протяжении первой половины XVII в. выборная группа оформляется в ряде новых городов — в городах Северо-Западного края (Новгород, Великие Луки, Пусторжев, Торопец, Невель), городах Поволжья (Курмыш, Алатор, Гороховец и др.), городах Северной земли (Новгород Северский, Чернигов, Путивль, Рославль,

¹²РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 22. Столпик 1. Л. 83; № 1129. Столпик 2. Л. 15; № 32. Столпик 2. Л. 111; № 33. Л. 104; № 25. Столпик 2. Л. 119; № 1135. Столпик 2. Л. 158.

¹³Лукичев М. П. Сведения о боярских книгах в архивных описях XVII–XVIII веков // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 55.

Почеп), в Вологде, Клину, Белгороде и Курске. Происходит рост численности выборного дворянства. По данным боярского списка 1630 года, в котором наиболее полно за 20-е — начало 30-х гг. представлены списки выборных дворян по городам, упоминается 1060 имен выборных дворян.¹⁴ В середине XVII в., по данным Сметы русского войска 1650/51 года, численность выборных составляла уже 2108 человек, т.е. в два раза больше, чем в начале 30-х годов.¹⁵ Все это свидетельствует о консолидации уездного дворянства, а не о распаде «служилого города» (по крайней мере в первой половине XVII в.). Значительную часть выборных дворян середины XVII в. составляли представители «новых» городов, в которых прежде, до Смуты отсутствовал институт выбора. Характерно, что число выборных из городов замосковского края, которые прежде, в XVI веке составляли основную часть выборных, в середине XVII в. составляло меньшинство — 863 человека, или всего 40,9% от общего количества выборных дворян. Правда, наиболее многочисленные группы выборных дворян имелись, как правило, в старых служилых городах: это Рязань (106 человек), Ярославль (102), Суздаль (101), Кашира (90), Владимир (86), Кострома (76), Коломна (72), Галич (70 человек), Ржева (70 человек). Исключение здесь составляет лишь Смоленская корпорация (102 выборных дворянина), где выбор оформился только в начале XVII в.

Несмотря на процесс внутренней консолидации, уездное дворянство оказалось фактически отстраненным от реальной политической власти в стране и было лишено своего непосредственного представительства при московском дворе. Разобщенное по «городам», замкнутое на своих местных интересах провинциальное дворянство не могло составить серьезного политического противовеса московской служилой знати и приказной бюрократии. Это в значительной мере обуславливало особенности политического строя Русского государства XVI–XVII веков, главной из которых было то, что в России не сложились развитые формы сословного представительства и русская монархия смогла существенно возвыситься над сословиями и встать на самодержавный путь развития.

¹⁴РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1135. Л. 158–130.

¹⁵«Сметный список» военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII — первой половины XVIII в. / Сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. М., 1989. С. 8–33.

Д. Н. Меньшиков

Подготовка и начало Смоленского похода М. Б. Шеина (лето-осень 1632 г.)

В августе 1618 г. правительство Михаила Федоровича, осознавая беспомощность государства после Смуты и невозможность вести длительную войну с Польшей, заключило с поляками перемирие на 14,5 лет. При этом Россия отдавала Польше Смоленск, Чернигов и другие области на западной границе. В результате дорога с запада на Москву стала открытой. Было очевидно, что после перемирия сразу начнется новая война.

В это время в Европе уже начиналась Тридцатилетняя война — первая война, в которую были втянуты все европейские страны. Речь Посполитая параллельно увязла в затяжной и тяжелой войне со шведами, которая возобновилась в 1621 г.

В ходе военных событий германские протестанты неоднократно обращались к шведскому королю с просьбой о поддержке. Король отвечал, что его война в Польше и есть лучшая поддержка, так как иначе Сигизмунд Ваза послал бы в Германию свои войска на помощь германскому императору.¹ К 1627 г. протестанты были почти разгромлены, и император стал целенаправленно проводить в большом объеме политику реставрации порядков, существовавших до Реформации. Одновременно начали разрабатываться планы ликвидации протестантизма в соседних государствах, началось строительство флота для захвата господства на Балтике.² Это не могло не встревожить шведского короля. Он сразу взял курс на свертывание войны с Польшей, чтобы высвободить войска для вмешательства в германские дела.

Тем не менее Густав Адольф не хотел начинать войну в Германии, не убедившись в безопасности своего тыла. Для этого ему на-

¹ Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 141.

² Там же. С. 161–162.

до было нейтрализовать Польшу, а сделать это можно было только при помощи Московского государства.

Поскольку стремление Густава Адольфа обезопасить свой тыл частично совпадало со стремлением русского правительства отбить у Польши Смоленск, то решено было шведов поддержать субсидиями, выражавшимися в продаже хлеба по пониженным ценам, в обмен на помощь в подготовке войны с Польшей. Густав Адольф оказывал большую помощь военными специалистами, а также при наборе наемников.

Собственно подготовка к войне началась еще в 1630 г., когда было принято решение о формировании полков нового строя и найме в Европе большого числа наемной пехоты. На следующий год был проведен разбор дворян и детей боярских, и им было выдано денежное жалование, что должно было подготовить к войне поместное ополчение. Соответственно были составлены сметы 1631 г. и 1632 г., которые дают весьма четкое представление о численности и составе московского войска перед войной.

Главные усилия правительства были направлены на формирование полков нового строя из русских людей с наемными командирами из немцев, а также набору в Европе чисто наемных пехотных полков. Наемные солдаты стали прибывать в Россию зимой 1631–1632 гг. в район Пскова и далее через Тверь двинулись к Москве. По дороге из-за плохой организации их приема и суровых зимних условий среди солдат распространились болезни, и смертность их была весьма высока. Также и сами солдаты вели себя весьма разнузданно, в стиле своих «коллег» из Германии, а капитаны использовали любую возможность подзаработать на жаловании с помощью подставных солдат.

В итоге к марту 1632 г. в немецких наемных полках Лесли, Фукса и Шарля насчитывалось 2 025 человек, а на смотре 14 марта боярам кн. И. Б. Черкасскому и кн. Б. М. Лыкову всего было предъявлено 20 252 человека.

Русские полки начали формировать еще в 1630 г. (полки А. Лесли и Ф. Пецнера, позже замененного на ван Дамме). Первоначально набор солдат шел медленно, но после того, как в них стали вербовать не только дворян, но и казаков, татар и новокрещеных, а также всяких вольных людей, дело пошло на лад. В итоге к концу 1631 г. оба полка были практически сформированы, и правительство приступило к созданию новых полков, что было вызвано не слишком удачным ходом вербовочной кампании в Европе, где в

это время бушевала Тридцатилетняя война и спрос на наемников был весьма велик. Весной 1632 г. начинается формирование полков Валентина Росформа и Тобиаса Унзена, а вскоре и полков Юрия Маттисона и Вилима Кита. Однако к началу войны последние два полка еще не завершили своего формирования и присоединились к армии уже в ходе осады Смоленска.

В дополнение к пехотным полкам 10 июня 1632 г. последовал указ о создании рейтарского полка в 2000 человек, формирование которого было 13 июня поручено французскому подполковнику Самуэлю Шарлю Д'Эберу, произведенному тут же в полковники. Полк присоединился к армии М. Б. Шеина только 17 августа 1633 г., накануне решающих боев с польской деблокирующей армией.

Решение начать войну было, очевидно, принято весной 1632 г. после получения известия о смерти польского короля Сигизмунда III, ввергнувшей Речь Посполитую в предвыборную анархию. Апрелем, в частности, датируется начало местного дела воевод Д. М. Черкассого и Б. М. Лыкова, назначенных на «государеву службу на их государева недруга на польского и литовского короля». Эта местническая тяжба затянулась до конца мая 1632 г. и закончилась победой Д. М. Черкасского, но в итоге вместо него командующим главной армией был назначен боярин М. Б. Шеин, герой обороны Смоленска в 1609–1611 гг.

25–26 июня 1632 г. из Разрядного приказа начинают рассылать указы о подготовке дворян и детей боярских 1-й, 2-й и 3-й статей, а также казаков, татар и новокрещенов, а также иных служилых людей к походу. В этих указах предписывается подготовить дворян 1-й и 2-й статьи для посылки их в полки воевод М. Б. Шеина и А. В. Измайлова, С. И. Прозоровского и М. В. Белосельского, Б. М. Нагого, Ф. К. Плещеева и Б. Ф. Болтина. Пунктом сбора войска М. Б. Шеина в указе тульскому воеводе Ф. И. Философову от 25 июня 1632 г. указывается Вязьма. Однако в многочисленных указах о выступлении, разосланных из Москвы 20 июля, пунктом сбора войск М. Б. Шеина указывается Можайск.

Прибыть туда служилым людям предписывалось к 1 августа. Пунктом сбора отряда С. И. Прозоровского был Ржев, Б. М. Нагого — Калуга, а Б. Ф. Болтина — Севск. Сроком явки было также 1 августа 1632 г. К тому же времени относится и разряд войска, направленного на войну с Польшей. Согласно ему, в войске М. Б. Шеина и А. В. Измайлова должно было насчитываться: 6310 дворян и детей боярских, 461 поместный атаман и казак, 700 ка-

заков из украинских городов, 411 донских и яицких казаков, 3 042 татарина, 546 новокрещенов, 2 216 немецких солдат в полках Лесли, Фукса и Хареслебена, 6 939 русских солдат в полках Лесли, Росформа, ван Дамме и Унзена, 1 503 человека стрельцов, а всего 21 579 человек.³

В отряде С. И. Прозоровского и М. В. Белосельского во Ржеве должно было собраться 4 324 дворянина и сына боярского, 7 атаманов и казаков поместных, 100 городских казаков, 227 татар и новокрещенов и 200 стрельцов, а всего 4 858 человек.⁴ Б. М. Нагому в Калугу было наряжено 1 748 дворян и детей боярских и 210 татар и новокрещенов, а всего 1 958 человек.⁵ К этому добавлялись стрельцы из Калуги и Коломны. Наконец, Ф. К. Плещееву и Б. Ф. Болтину выделили 1 861 дворянина и сына боярского, а также 500 стрельцов и 119 человек немецкого полка Фукса.⁶

Поскольку главной целью похода была мощнейшая Смоленская крепость, то 26 июля 1632 г. командовать нарядом были назначены И. Н. Арбузов с дьяком Иваном Костюриным.⁷ Они должны были подготовить для армии Шеина малый наряд, а затем и большой наряд — непосредственно для осады Смоленска.

9 августа из Разряда воеводам были высланы указы и тем самым поставлены задачи, а 10 августа Шеин вместе с разрядом своих войск получил приказ на выступление к Вязьме.

В указах М. Б. Шеину и А. В. Измайлову предписывалось выступить из Можайска в сторону Вязьмы, оттуда на Дорогобуж, выслав к нему передовой отряд для обложения крепости. После взятия Дорогобужа, которым нужно было овладеть как можно скорее, там устраивалась база снабжения, а само войско сразу же должно было выступить на Смоленск с целью его обложения и взятия. При встрече с полевой армией противника приказывалось ее атаковать.⁸ Встретить неприятеля было делом вполне реальным, ибо летом 1632 г. из приграничных городов докладывали, что в Литве собирается войско в 4–8 тысяч солдат.⁹

³РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 52–64.

⁴Там же. Л. 65–70.

⁵Там же. Л. 71–73.

⁶Там же. Л. 74–76; *Сташевский Е.* Смоленская война: Организация и состояние московской армии. Киев, 1919. С. 164–166.

⁷РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 45–46.

⁸РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 28. Л. 93.

⁹АМГ. Т. 1. С. 343–349.

Воеводам С. И. Прозоровскому и М. В. Белосельскому приказывалось выступить из Ржева и взять крепость Белая, а затем либо оказать М. Б. Шеину помощь во взятии Дорогобужа, либо, если Дорогобуж уже взят, идти на соединение с ним под Смоленск.¹⁰ Б. М. Нагому ставилась задача взять Серпейск и Рославль, а затем также идти на соединение с Шеиным под Смоленск.

Б. Ф. Болтину и Ивану Еропкину, который заменил внезапно умершего Ф. К. Плещеева, наказывалось действовать на южном фланге основной армии, обеспечивая ее фланг и тревожа противника. Основной их задачей был Новгород-Северский.¹¹

Взятие Смоленска было главной стратегической целью похода, и поэтому основной упор делался на быстроту действий, что обязательно подчеркивалось во всех наказах. Также от воевод требовалось использовать симпатии местного православного населения к православному же Московскому царству и склонять его к тому, чтобы оно само сдавало города. Надо сказать, что этот прием часто срабатывал.

Предполагалось, что московские войска начнут наступление в августе 1632 г., по довольно сухим дорогам дойдут до Смоленска и начнут его осаду. Время наступления было подобрано с таким расчетом, что хлеб с полей собрать не успеют и Смоленск и другие польские приграничные крепости останутся без запасов провианта, в то время как московское войско получит возможность легкой фуражировки и снабжения продовольствием.

Таким образом, можно сказать, что планировалась довольно быстрая война, своего рода «блицкриг». Смоленск предполагалось обложить уже в сентябре 1632 г., чтобы достичь главной цели войны еще до окончания в Польше предвыборной кампании, во время которой можно было не опасаться появления на театре военных действий польской полевой армии. Однако действительность довольно быстро опрокинула эти четко рассчитанные и далеко идущие планы.

Началось с того, что дворяне и дети боярские, казаки, татары и новокрещены и другие служилые люди собирались в полки крайне медленно и с большими опозданиями. Так, 18 августа 1632 г. М. Б. Шеин докладывал, что к нему в Можайск явились только рязанские, каширские и тульские дворяне,¹² а С. И. Прозо-

¹⁰РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 28. Л. 171.

¹¹Сташевский Е. Смоленская война... С. 164–166.

¹²РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 76. Л. 158–165.

ровский сообщал, что 23 августа к нему во Ржев практически никто не явился.¹³

Аналогичные проблемы испытывал и Б. М. Нагой, у которого еще в конце сентября не хватало 201 человека. С казаками дело было еще хуже. Многие из них присоединились к армии уже в октябре 1632 года, а яицкие пришли лишь в феврале 1633 года. Пехотные полки начали прибывать в Можайск лишь в конце августа: полк Лесли пришел 24 августа, а полк Якова Карла Хареслебена 27 августа.

Все эти проволочки со сбором ратных людей в полки усугублялись тем, что в августе назначенные к Шеину головы московских стрельцов затеяли тяжбу с воеводой наряда И. Н. Арбузовым. В результате было задержано как выступление стрельцов, так и выступление наряда. Тяжба продолжалась еще в сентябре 1632 г., и стрельцы присоединились к войску лишь в середине месяца. Артиллерия («малый наряд») подошла только 4 сентября.

Мало того, местническую тяжбу затеяли и В. В. Волынский, и Григорий Загряжский, назначенные ведать снабжением в войске М. Б. Шеина. Они заспорили с товарищем М. Б. Шеина, окольным А. В. Измайловым и отказались выполнять свои обязанности. Тяжба закончилась для них печально: Волынского сослали в Казань, а Загряжского посадили в тюрьму. Однако это также затормозило подготовку к походу. В результате выступление было задержано практически на целый месяц.

Надо сказать, что вопреки донесениям польская оборона на восточной границе состояла из большого количества довольно слабых крепостей с зачастую символическими гарнизонами. Так, например, Серпейск обороняли всего 63 человека.¹⁴ Многие шляхтичи уехали на сейм выбирать нового короля. Поэтому пограничные крепости стали легкой добычей московских войск. В то же время в Литве весной шла подготовка армии для весенней кампании 1633 года против России,¹⁵ что позволило полякам впоследствии довольно быстро подтянуть в район Смоленска армию Радзивилла. Однако на первом этапе войны это не сыграло никакой существенной роли.

В конечном счете боевые действия начались в сентябре 1632 года. 10 сентября М. Б. Шеин получил приказ на выступление из Мо-

¹³ Там же. Л. 172.

¹⁴ АМГ. Т. 1. С. 403.

¹⁵ Там же. С. 337–344.

жайска со своими войсками, еще не до конца собравшимися. Одновременно приказ на выступление получили С. И. Прозоровский и Б. М. Нагой.

12 сентября в сторону Вязьмы из Можайска с главными силами двинулось войско М. Б. Шеина. И вот тут начала сказываться роль опоздания с подготовкой к выступлению, поскольку переход из Можайска в Вязьму (182 км) занял у М. Б. Шеина почти две недели — его армия пришла туда лишь 26 сентября, когда уже всю начались осенние дожди. Из Вязьмы был выслан отряд головы Федора Сухотина, который состоял из отряда дворян и детей боярских, донских казаков и татар. Перед ними была поставлена задача подойти к Дорогобужу и блокировать город.

Гарнизон Дорогобужа под командованием капитанов Вульфа и Ласкина¹⁶ составлял всего несколько десятков человек, и 25 октября в Москву доложили о сдаче его 18 октября.

126 километров, отделявших главные силы Шеина от Дорогобужа, дались ему весьма и весьма тяжело. Практически в каждом донесении воеводы жаловались на грязь и непрерывные дожди, замедлявшие продвижение вперед.¹⁷ Положение усугублялось недостатками в снабжении.

Почти половину войска Шеина составляла пехота, которой выдавались кормовые деньги и которую нужно было как-то снабжать провиантом. Поскольку опыта в этом не было, то довольно быстро в войске начался голод. Уже 20 августа, еще до начала собственно боевых действий, полковник Лесли писал, что солдаты голодают, однако харчевников было прислано недостаточно.

Отсутствие подвоза и дороговизна припасов на местах приводила не только к голоду, но и к мародерству и дезертирству, о чем красочно живописуется в донесениях Шеина.¹⁸

В конечном счете переход Шеина из Вязьмы в Дорогобуж занял почти месяц — войско пришло туда лишь 26 октября. При этом оно было сильно ослаблено почти полным отсутствием снабжения, из-за чего многие служилые люди потеряли лошадей; увеличилось число дезертиров, умерших и больных. Такое положение со снабжением было вызвано страшной осенней распутицей: так, из Вязьмы лишь изредка подходило по 10–15 подвод с провиантом, которого

¹⁶ Отрывки дневника о войне царя Михаила Федоровича с польским королем Владиславом 1632–1634 г. // РИБ. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 721.

¹⁷ АМГ. Т. 1. С. 396–404.

¹⁸ АМГ. Т. 1. С. 420–421.

не хватало даже на день; на месте же достать ничего было нельзя, так как хлебные запасы поляки успели свезти в Смоленск. Поэтому Шеину советовали обойтись как-нибудь самому до «зимнего пути».¹⁹

Кроме того, из-за распутицы М. Б. Шеину пришлось оставить в Вязьме 50 пушек.²⁰ Во многом именно поэтому приказ устроить в Дорогобуже базу и немедленно двинуться под Смоленск, посланный ему 27 октября 1632 года, не был выполнен сразу. Требовалось наладить снабжение, подождать отставших, и главное, было необходимо, чтобы дороги приобрели нормальный вид, поскольку они были к тому моменту совершенно размыты осенними дождями и двигаться по ним было просто невозможно.²¹ Поэтому Шеин стал ждать ноябрьских заморозков, хотя поиски под Смоленск производились еще в начале ноября месяца.²²

В этом решении воеводу подкрепляло и то, что стремительный бросок к Смоленску (напомним, что в наказе ему особо отмечалось действовать «с поспешанием») провалился. Действительно, к моменту начала осады города исполнявший обязанности коменданта Смоленска поручик королевской гусарской хоругви Соколиевский успел собрать 250 гусар, 401 казака, 584 польских пехотинца, 100 немецких пехотинцев и 279 «местных казаков»; всего он имел 1 649 человек. На стенах города стояло 170 орудий²³. Город успел подготовиться к обороне. В результате, когда Смоленск не сдался, его пришлось долго осаждать, и к городу успел подойти польский король с войском.

Также полякам удалось собрать в уезде большие запасы продовольствия и сосредоточить их в основном в Смоленске. Эти запасы начали создаваться еще перед началом войны²⁴. В результате продовольствия в Смоленске было довольно много, и его нехватка стала сказываться только к августу 1633 года.

Только 5 декабря выступил к Смоленску из Дорогобужа, полностью закончив подготовку операционной базы и дождавшись подмерзания дорог, по которым до этого не могла пройти артиллерия, Шеин. Когда в Смоленске стало об этом известно, Госевский

¹⁹ Сташевский Е. Смоленская война... С. 211–212; АМГ. Т. 1. С. 404.

²⁰ АМГ. Т. 1. С. 397.

²¹ Там же. С. 397.

²² Там же. С. 417.

²³ *Zarys dziejow wojskowosci polskiej do roku 1864*. Т. 1. Warszawa, 1965. S. 458.

²⁴ АМГ. Т. 1. С. 348.

немедленно покинул город и отправился к Радзивиллу. Московское войско подошло к городу 18 декабря. И началась осада.

Таким образом, рассмотрев операции русских войск в период до начала осады Смоленска, можно отметить, что сам план кампании был разработан блестяще. Предполагалось начать наступление на широком фронте несколькими отдельными корпусами, которые почти все были очень подвижны и невелики, что облегчало их снабжение. Размеры этих отрядов показывают, что московское командование было весьма хорошо осведомлено о состоянии польских крепостей, расположенных на пути к Смоленску, поэтому выделило для действий против них сравнительно небольшие отряды.

Выполнив свою ближайшую задачу, несколько отрядов, до этого времени действовавших отдельно, должны были соединиться под Смоленском и взять его, что составляло главную цель войны. В результате такого разделения войск удалось достичь относительно быстрых маршей, но сильная распутица в первую очередь и плохая система снабжения привели к тому, что главная армия Шеина и Измайлова вела наступление настолько медленно, что поляки успели хорошо подготовиться к обороне, и осада Смоленска затянулась надолго.

Плохая организация снабжения проистекала в первую очередь оттого, что раньше в московской армии воины снабжались за свой счет, а армию Шеина наполовину составляли солдаты, которым требовалось предоставить корм, да и дворяне и дети боярские из-за своей бедности не всегда могли обеспечивать себя продовольствием сами. Нехватка опыта снабжения крупных сил продовольствием в условиях отсутствия водных путей сообщения не позволила создать пригодную систему подвоза провианта. Только когда армия стала уже осаждать Смоленск, снабжение наладилось.

Главной причиной задержки наступления стало то, что подготовка и сбор войск затянулись на месяц дольше, чем предполагалось. В результате был потерян месяц хорошей погоды, позволявший совершить марш к Смоленску существенно быстрее и застать поляков врасплох. Армии пришлось вести наступление в условиях осенней распутицы, что еще больше тормозило его темп. В результате расстояние менее чем в 500 км от Можайска до Смоленска М. Б. Шеин при минимальном противодействии противника шел почти полгода!

Это привело к затягиванию войны и к тому, что поляки успели отреагировать и подготовить полевую армию. Результатом военных

действий стал разгром армии М. Б. Шеина; наступление на Москву завершилось в конечном итоге заключением невыгодного для Московского государства мира.

Н. Ш. Колманн

Самостоятельность судей в уголовном праве (на примере Белоозера в XVII веке)*

В правление Михаила Федоровича и Алексея Михайловича русское уголовное право подверглось большим изменениям, которые усиливали царскую власть. И Соборное Уложение 1649 г., и Новоуказные статьи 1669 г. более точно, чем раньше, регламентировали юридические процедуры, определяли характеристики преступлений и виды наказаний. Однако непреходящим источником напряжения для государства было противоречие между царским желанием контролировать местную администрацию и потребностью государства в сильной власти на местах. Предоставляло ли государство полную самостоятельность местным воеводам и судьям в проведении в жизнь законодательных норм — в использовании пытки как средства дознания, в опоре на юридические прецеденты, в наложении телесных наказаний и казни преступников? Могли ли они все это делать без разрешения центральных приказов? Если могли, то в какой мере местные власти пользовались своей властью? Попробуем найти ответы на эти вопросы на примере истории уголовных преступлений — убийств — в Белоозере XVII века.

Начиная с середины XVI века чиновники губных органов (старосты, целовальники, сторожи, сотские и др.) избирались на местах из дворян и тяглых людей для преследования преступников. Первоначально среди их прерогатив были разбой и татьба, но в XVII в. они распространились и на другие серьезные преступления, в том числе на убийства. Теоретически губные органы власти были независимы от воеводской администрации. Об этом недвусмысленно говорит Соборное Уложение: «А ведати в городех розбойные и убийственные и татевные дела губным старостам целовальником по наказом из Розбойного приказу, а воеводем в городех таких дел ничем не ведать. А где губных старост нет, и в тех городех губ-

* Перевод с английского А. И. Филюшкина.

ные дела ведать воеводам и приказным людям» (глава XXI, ст. 3).¹

Но в XVII в. это законодательное положение не было повсеместно реализовано на практике. Огромные земли государства не могли быть целиком охвачены губными институтами. Они были распространены в основном в центральных и северо-западных уездах. В большинстве приграничных земель и в Сибири воеводская администрация обладала всей полнотой власти в сфере уголовного права. На далеком Русском Севере и в Поморье, как показано М. М. Богословским, воеводы и выборные земские чиновники работали вместе, часто без привлечения губных органов.

Более того, в сфере борьбы с уголовными элементами в условиях нарастающей преступности и установления глобального контроля над обществом, как того требовали закрепощение населения и централизация страны, при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче власти выдвинули две стратегии. Начиная с 1620-х гг. из Москвы в регионы с наиболее сложной обстановкой посылались сыщики для расследования вспышек преступности или бегства крестьян. В 1660-х гг. институт сыщиков был введен по всему государству, и в Новоуказных статьях 1669 г. губные чиновники оказались в их подчинении, что было подтверждено в законодательстве: «А ведать в городех разбойные и татинные и убивственные дела сыщиком и губным старостам по наказам из Разбойного приказу» (ст. 2). Кодекс восстанавливал независимость губных органов от воеводы, что, как доказывает В. Н. Глазьев, свидетельствует о ведомственной борьбе между Разбойным приказом и Разрядом: «А воеводам в городах таких дел ничем не ведать».²

Тем не менее победителем в борьбе за контроль над местной администрацией оказывался воевода. Учреждение сильной воеводской власти было правительственным ответом на вызовы, которые бросал государственной власти XVII век. Губные чиновники постепенно подчинялись воеводам. Борис Чичерин и другие ученые выявили множество примеров совместной работы воевод и губных старост или равного выполнения ими административных задач, стоявших перед воеводой. Ганс Иоахим Торке обратился к изучению «смешанной» администрации на местах, где воеводы и выборные лица взаимозаменяли друг друга попеременно.

¹РЗ. Т. 3. М., 1985. С. 230.

²ПРП. Вып. 7. М., 1963. С. 396. См. также: Глазьев В. Н. Власть и общество на Юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 155–159.

В. Н. Глазьев, однако, показал, что отношения с сильными воеводами не были гладкими. Доминировал ли в данной ситуации воевода, или губной аппарат — развитие общества зависело прежде всего от местных условий, и ситуация в уездах всегда была переменчивой.³

Относились ли местные судьи к аппарату губных старост или к воеводской власти, законодательство в любом случае давало им большую власть. Их деятельность в середине XVI в. регламентировалась губной грамотой, в которой, к примеру, говорилось, как довести преступника до судебного разбирательства, использовать пытку, наказывать и даже казнить. При этом подчеркивалась ответственность судей: «То есми положил на ваших душах».⁴ Судная грамота 1614 г. в Устюжну Железнопольскую подобным же образом инструктирует выборных судей сотрудничать с губными старостами при рассмотрении уголовных дел. Если следствие находило, что ответчик виновен, он подвергался казни. Эта грамота также разрешала местным судьям наказывать коррумпированных судебных работников. Только в случае очень серьезного преступления можно было привлекать к судебному процессу центральные власти. Обстоятельства такого дела тщательно расследовались на месте и затем отправлялись в Москву для принятия решения.⁵

В наказе воеводе в Динабург в 1656 г. также проводилось различие между менее важными и значимыми преступлениями. Этот воевода получил возможность принимать решения, налагая наказания на служилых людей, которые совершали преступления против других русских или преступали закон по мелочам в отношении местного нерусского населения в этом городе на западной русской границе. Но в случае «большого воровства» служилых людей против местного населения ответчик должен быть заключен в тюрьму, а его дело отослано в Москву.⁶

Правительство Алексея Михайловича в 1650-х годах сосредоточило внимание на проблеме преступления. Например, 25 мая 1654 г.

³ Чичерин Б. Областные учреждения России в XVII веке. М., 1856. С. 450–451 и след.; *Keep J. L. Bandits and the Law in Muscovy // Slavonic and East European Review. 1956. Vol. 35. N 84. P. 206, 215; Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im moskauer Reich. Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung, 1613–1689. Leiden, 1974. S. 52, 65–69; Глазьев В. Н. Указ. соч. С. 160–165.*

⁴ 1555 г. Медынский губной наказ. Ст. 12 // ПРП. Т. 4. М., 1956. С. 185.

⁵ ААЕ. Т. 3. СПб., 1836. С. 73–76. № 36.

⁶ АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 525–526. № 867.

губные старосты Москвы получили распоряжение арестовывать, проводить следствие и даже вешать преступников без обращения к царю за разрешением. Двумя днями позже вышло распоряжение, указывающее чиновникам, как проводить следствие и карательные меры в отношении боевых холопов, которые сбежали с воинской службы и совершили хищение собственности у своих хозяев. С аналогичной суровостью в сентябре 1655 г. воеводы были проинструктированы вешать «без всякого перевода» любого служилого человека, который совершил преступление против населения территорий, которое войско оккупировало или через которую войска проходили маршем. В 1659 г. местные судьи в Среднем Поволжье в качестве суда низшей инстанции по делам о разбое получили разрешение казнить преступников; тем самым значительно ужесточалось наказание за «первый разбой».⁷

Интерес государства к картине криминальной жизни на местах возрос в 1660-х гг. Наказ в Бежецкий Верх от 4 октября 1667 г. предписывал воеводе активно преследовать преступников, наказывать их и даже казнить без прощения вины. Новоуказные статьи 1669 г. недвусмысленно давали губным старостам право применять смертную казнь: «А будет кто по своим винам против указу великого государя и Уложения и градских законов доведется смертная казни, и тех воров казнить смертью вскоре, не отписывая о том великому государю к Москве» (ст. 123). Вскоре после смерти Алексея Михайловича в воеводском наказе 1679 г. был помещен этот же текст.⁸

Таким образом, местные судьи имели право принятия решений и использования принудительных мер, включая пытку, телесные наказания и смертную казнь. Но судьи не часто пользовались своей самостоятельностью — они регулярно запрашивали московскую канцелярию, какое принять решение: или разрешить им наложить

⁷ См., например, Распоряжения провительства от 25 мая 1654 г. (ПСЗРИ. Т. 1. С. 340. № 126). Ср. сходное постановление от 24 марта 1655 г. (ПСЗРИ. Т. 1. С. 360. № 151); 27 мая 1654 г. (ПСЗРИ. Т. 1. С. 340. № 127); сентября 1655 г. (ПСЗРИ. Т. 1. С. 357. № 166); документы 1659 г. (ПСЗРИ. Т. 1. С. 488. № 255). В отношении этих правил ср. нормы Соборного Уложения 1649 г.: глава XXI, ст. 16 (РЗ. Т. 3. С. 232) и ранжированные наказания за татьбу в Судебнике 1497 г. (ПРП. 1955. Т. 3. С. 359. Ст. 10–11), а также Судебник 1550 г. (ПРП. Т. 4. С. 246–247. Ст. 55–56) и Медынского губного наказа 1555 г. (ПРП. Т. 4. С. 184). Ст. 11.

⁸ Наказ в Бежецкий Верх см.: ААЕ. Т. 4. С. 209–211. № 159. Статьи 1669 г. см.: ПРП. Т. 7. С. 433. Статьи 1679 г. — ААЕ. Т. 4. С. 329. № 237.

наказание, или использовать для дознания пытку.⁹ Ученые приводят несколько объяснений этого феномена: одни утверждают, что региональные власти обращались к центру, чтобы уклониться от ответственности за жесткие решения, другие — что тяжущиеся стороны не всегда доверяли местным судьям и предпочитали юридическое разбирательство с участием московского Разбойного приказа, третьи — что центральная власть оказывала постоянное давление путем контроля за решениями региональных судебных органов.¹⁰ М. М. Богословский пришел к выводу, что ни тяжущиеся стороны, ни судьи не имели ясного понимания юридической иерархии.¹¹ Эти аргументы выдвигают на первый план два главных недостатка судебной системы: во-первых, юридическая иерархия не была неизменной и устойчивой; во-вторых, выборные губные чиновники не имели профессиональной подготовки и не имели стимулов для своей работы, когда приходилось отдавать приказы об аресте членов своего же сообщества. Уголовное законодательство требовало более профессиональных штатов и структуры.

Несколько случаев такого тяжкого преступления, как убийство, в Белоозере XVII в. иллюстрируют вышеназванные тенденции. Давайте рассмотрим их с двух точек зрения: кто выступал проводником уголовного законодательства, вел судебное расследование на месте и кто принимал решение по делу. При ответе на первый вопрос получается смешанная картина. Губной аппарат в Белоозере играл очень активную роль в уголовном законодательстве на протяжении всего XVII века, но трудно выделить линию, отличавшую их действия от деятельности воеводы. Мы видим, что губная изба существовала отдельно. Обычно в ней хранились судебные отчеты, и она также использовалась как следственная тюрьма.¹²

⁹См. мою статью: *Kollmann N. Judicial Autonomy in the Criminal Law: Beloozero and Arzamas // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen / Ed. By Andreas Kappeler. Wiesbaden, 2004. S. 252–268.*

¹⁰*Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке // ЧОИДР. 1910. Кн. 1. Текст и приложение. С. VIII, 105, 321; Там же // ЧОИДР. 1912. Кн. 2. С. IV, 311. — Особенно следует обратить внимание на книгу 2, главы 12–13 (С. 240–286); Чичерин Б. Областные учреждения... С. 449–504; Кеер J. L. Op. cit. P. 218; Торке Н.-J. Op. cit. Ch. 2; Глазьев В. Н. Указ. соч. С. 214–273.*

¹¹*Богословский М. М. Земское самоуправление... Ч. 2. С. 207.*

¹²Документы, в которых губная изба показана как архив, см.: РГАДА. Ф. 1107 (Белозерская приказная изба). № 480. Л. 4 (1628 г.); как тюрьма: Там

Губная изба также была местом проведения судебных разбира- тельств. В одном редком случае губной староста изображается как чиновник, принимающий самостоятельные решения. В 1662 г. губ- ной староста Белоозера проводил разбирательство в губной избе. При этом он использовал других служащих губных органов для расследования обстоятельств дела. Он послал сотского доставить человека для допроса, и он приказал губному целовальнику отпра- вить ответчика в застенки. Староста освободил ответчика под пору- чительство, чтобы вернуться к судебному разбирательству позже. В другом случае, также в 1662 году, воевода и губной староста дей- ствовали вместе. При этом губной аппарат выполнял функции рас- следования: челобитная, рассказавшая об убийстве, была направле- на именно в губную избе, и именно губные чиновники были посланы для ареста обвиняемого и изучения мертвого тела. Воевода и губ- ной староста вместе вели допрос и вместе обратились в Москву за решением по делу.¹³

Подобные случаи были редкими исключениями из общей прак- тики. Как правило, губные старосты были подчинены воеводе. На- пример, в очень раннем эпизоде, относящемся к 1616 году, воево- да, проведя допрос подозреваемого в убийстве, велел взять его под стражу именно губному старосте. Староста позже собрал «поголов- ные деньги» с убийцы и отослал их воеводе. Сбор «поголовных де- нег» был постоянной обязанностью губного аппарата: известно ре- шение дела от 1635 года, принятое Разбойным приказом в Москве, по которому губному старосте было предписано собирать подобные платежи.¹⁴

В качестве более позднего примера взаимодействия губной и воеводской администрации можно привести эпизод 1663 года, ко- гда губной староста получил из Москвы предписание арестовать и допросить подозреваемого. А вот отослать самого ответчика и его судное дело в Москву, в Разбойный приказ для принятия решения по делу должен был уже воевода. В этом случае губной староста до- ложил, что у него нет в наличии достаточно целовальников, чтобы доставить арестованного и судебные документы в Москву в цело- сти и сохранности, поэтому он и «делегировал» исполнение этой функции другому лицу. В следующем году губной староста вновь

же. № 214. Л. 5 (1616 г.); № 3109. Л. 15, 16 (1683 г.).

¹³РГАДА. Ф. 1596 (Белозерская губная изба). № 8 (1662 г.); РГАДА. Ф. 1107. № 1548 (1662 г.).

¹⁴Там же. № 214 (1616 г.); № 703 (1635 г.).

уведомил царя, что передал свои обязанности воеводе из-за болезни, не позволившей выполнить их.¹⁵

На протяжении всего XVII столетия именно белозерский воевода решал самые важные криминальные эпизоды.¹⁶ В первые десятилетия, вплоть до 1638 года, воевода подписывал судные документы вместе со своим дьяком или подьячим.¹⁷ По закону только воевода вместе с вышеназванными чиновниками мог судить дела по крупным гражданским искам.¹⁸ Например, самый ранний из известных случаев такого рода относится к 1613 году, когда воевода и дьяк послали «розсылщика» для ареста обвиняемых; в 1615 г. воевода и дьяк вместе докладывали в Москву принятое по делу решение. Во многих случаях воеводы контролировали все стадии судебного процесса — от распоряжений об изучении обстоятельств обнаружения мертвого тела и ареста ответчика до допроса ответчика и свидетелей, вынесения решения по делу и исполнения наказания.¹⁹

Во времена Алексея Михайловича большинство судебных процессов проходило не в губной избе, а в воеводском присутствии, которое называлось «приказ», «приказная изба» или «съезжая изба», причем разные термины могли употребляться в одном и том же документе.²⁰ Воеводы работали главным образом с чиновниками, сидевшими в своих собственных учреждениях, посылая им распоряжения, такие, как: провести осмотр мертвого тела, повальные обыски или аресты ответчиков и т. д. В число должностных лиц, находившихся в распоряжении воеводы, были подьячие, стрельцы,

¹⁵РГАДА. Ф. 1596. № 10. Л. 1 (1663 г.); Ф. 1107. № 1588 (1664 г.).

¹⁶Документы, выдвигающие на первый план губного старосту, сконцентрированы в архивном фонде Белозерской губной избы (РГАДА. Ф. 1596. 64 дела, 1615–1714 гг.), а материалы, в которых как судья фигурирует воевода, отложились в архиве воеводских учреждений, в фонде Белозерской приказной избы (Ф. 1107. 4917 дел, 1611–1715 гг.). Однако учитывая, что архив приказной избы в несколько раз больше фонда губной избы, доминирование воеводы в принятии судебных решений не может считаться простой случайностью, обусловленной состоянием сохранившихся источников.

¹⁷РГАДА. Ф. 1107. № 167 (1615 г.); № 214 (1616 г.); № 288 (1619 г.); № 514 (1620 г.); № 480 (1628 г.); № 696 (1633 г.); № 703 (1635 г.).

¹⁸Развитие русского права в XV — первой половине XVII в. / Под ред. В. С. Нерсисянца. М., 1986. С. 214.

¹⁹См. например: РГАДА. Ф. 1107. № 19 (1613 г.); № 823 (1638 г.); № 167 (1615 г.); № 214 (1616 г.); № 288 (1619 г.); № 514 (1620 г.); № 369 (1624 г.); № 1100 (1646 г.); № 1771 (1669 г.).

²⁰Там же. № 369. — Ср. Л. 2 и Л. 5 (1624 г.).

приставы, пушкари и россыльщики.²¹ Ближе к концу века воеводы стали издавать распоряжения, прямо адресованные работникам губного аппарата. Например, в 1673 г. воевода собрал «поголовные деньги» и отправил их в разбойный приказ, дав поручение губному целовальнику. Подобным образом в 1676 г. воевода послал губного целовальника вместе с воеводским подьячим для проведения следствия по поводу обнаружения трупа. Он отправил своего судебного пристава для проведения ареста подозреваемого и направил сотского для определения размеров имущественного ущерба от данного преступления.²²

Воеводы могли выносить решения по делам на местах. Например, в 1613 г. воевода приговорил обвиняемого к торговой казни за совершение непреднамеренного убийства или убийства без предварительного сговора. По Судебнику он также вынес приговор по делу человека, потерявшего одну руку, но удостоенного царской милости и оправданного по всем выдвинутым против него обвинениям. В 1628 г. воевода вынес решение по следующему уголовному делу: женщина возбудила иск против мужчины за изнасилование, в ее обращении также утверждалось, что ответчик ранее был под следствием как убийца. В ходе допроса подозреваемого и изучения обстоятельств дела по документам, присланным из губной избы от старосты, воевода уличил подсудимого в попытке обмануть следствие и наложил на него штраф.²³

Однако во многих случаях воевода не сам выносил решение по делу, но запрашивал Москву: например, в 1635 г. после допроса с применением пытки воевода добился признания трех подозреваемых в преднамеренном убийстве. Затем он запросил дальнейшие инструкции из Разбойного приказа и получил оттуда вердикт. В 1662 г. воевода и губной староста вели расследование совместно и добились признания в убийстве, совершенном при самозащите, и обратились в Разбойный приказ с просьбой назначить наказание.²⁴

Так много факторов влияло на вынесение решений по делу, что иной раз трудно точно предположить, почему было принято то или

²¹ См., например: Там же. № 823 (1638 г.); № 2100 (1673 г.); № 3109 (1683 г.); № 3904. Л. 4 (1692 г.); № 4160. Л. 1 (1695 г.); Там же. № 288. Л. 2 (1619 г.); Там же. № 824 (1638 г.); Там же. № 369 (1624 г.); № 823 (1638 г.); Там же. № 480 (1628 г.).

²² Там же. № 2100. Особенно Л. 3 (1673 г.); № 2305. Л. 1, 6, 16 (1676 г.).

²³ Там же. № 19 (1613 г.); № 480 (1628 г.).

²⁴ Там же. № 703 (1635 г.); № 288 (1619 г.); № 1548. (1662 г.).

инное решение. Дело 1669 г. показывает, как технические сложности юридического процесса могли препятствовать местным судьям выносить окончательные решения. В июне 1669 г. И. П. Трубников в Белоозере возбудил дело об убийстве в Севске его брата. В преступлении он обвинял Белозерского сына боярского, некоего Копылова. Трубников подал иск в Севске, и Копылов был арестован и оказался под следствием. Но теперь Трубников жаловался, что ответчик был отпущен и живет в своем доме в Белоозере. Во время допросов Копылов утверждал, что он был отпущен под поручительство и должен явиться для судебного разбирательства в Разбойный приказ этой осенью. Однако в ноябре-декабре Трубников обратился с жалобой, что Копылов по-прежнему живет в Белоозере: так ездил он на суд в Москву или нет? Обвиняемый был вторично допрошен местными чиновниками, и показал, что он ездил в Москву, но дело против него прекращено. При этом у него не было на руках официального списка судебного дела, полученного из Разбойного приказа. Белозерский воевода счел свою власть обманутой и написал в Москву запрос, разъясняя обстоятельства дела и запрашивая инструкции. Другое дело было переведено в Москву в 1662 г. по запросу истца без всяких объяснений, почему понадобилась эта пересылка. Тот факт, что Разбойный приказ оказался привлечен к разбирательству по делу, был вызван свободным выбором одной из тяжущихся сторон, и, возможно, оказывал влияние на формирование зависимости местных судей от центра.²⁵

Наконец, сложности юридической практики в Белоозере были вызваны негласным вмешательством царской администрации и церковных властей, что было связано с тем, что значительную часть территории региона составляли владения Кирилло-Белозерского монастыря. Воеводы регулярно имели дело со священниками и монастырской администрацией. Например, в 1616 г. белозерские воевода и дьяк обращались к местному священнику для проведения повального обыска на территории его прихода для расследования убийства. Дело 1633 г. было осложнено религиозными вопросами (прошением о перемене религии, крещении), и воевода отправлял отчет в Москву с монастырским слугой. Но монастырь не вмешивался в дела по уголовным преступлениям, их воевода расследовал самостоятельно.²⁶

²⁵ Там же. № 1771 (1669 г.); № 1548. Л. 8 (1662 г.).

²⁶ Там же. № 214 (1616 г.); № 696. Л. 1 (1633 г.).

На примере Белоозера мы видим, что воеводы могли расследовать судебные дела, иной раз принимая по ним решения совершенно независимо. Мы, однако, не можем согласиться, что в деятельности местных судей можно увидеть следы напряженных отношений между периферией и центром. Как мы видим, законодательство предоставляло местным судьям достаточно самостоятельности в принятии решений на местах, и именно так и должна была работать судебная система. Что здесь более удивительно, так это то, как часто воевода запрашивал центр для вынесения решений. Даже несмотря на то, что и Михаил Федорович, и Алексей Михайлович стремились централизовать и усилить бюрократические органы управления, эти усилия не увенчались полным успехом. Как можно показать на примере комплекса дел 1669 года, местные чиновники и служилые люди не всегда сами действовали в соответствии с законом, но использовали легальную систему в тех случаях, когда это могло им помочь. К концу правления Алексея Михайловича было много возможностей улучшить юридическую систему так, чтобы она могла функционировать быстро, четко и, по словам Соборного Уложения 1649 года, беспристрастно: «всем людем Московского государства, от большого до меньшого чину, в правду» (гл. 10, ст. 1).

А. С. Лавров

Был ли Стефан Внифантьев писателем?

Первое предположение о литературной деятельности Стефана Внифантьева было сделано А. П. Щаповым. В своей знаменитой брошюре «Земство и раскол» (1862) он процитировал «Слово о правде», «приписываемое духовнику царя Алексея Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву»:¹

«Вельможи бо суть потребни, но ни от коих своих трудов не издоволятся. Вначале же всего потребни суть ратаеве, от их трудов есть хлеб, от хлеба же всех благ главизна... Вся земля от царя и

¹Здесь и далее мы используем ту форму написания имени и отчества (или родового прозвания) Внифантьева, которой он следует сам в своих владельческих заметках на книгах — «Стефан Внифантьев» (из исследователей только В. С. Румянцев последовательно употребляет эту форму). Часто встречающееся другое написание — «Стефан Вонифатьев» — не имеет подобной надежной опоры в источниках.

до простых людей труды их питаются. Сами же ратаеве в скорбных волнениях пребывают и ни единого ярма тяготу носят всегда...»

Эта цитата позволила историку поставить Стефана Внифантьева в один ряд с другими «частными людьми» того времени, «помышлявшими о земском устройении, о недостатках и потребностях земства», т. е. с Юрием Крижаничем и с Григорием Котошихиным. Вместе с тем единственным аргументом в пользу атрибуции этого текста оставалось то, что Щапов заимствовал его из рукописи «Златоуста», принадлежавшей Стефану Внифантьеву и, очевидно, подаренной им царице Марии Ильиничне.²

После этого на протяжении столетия текст не привлекал внимания исследователей. Возможно, подобное невнимание к внифантьевскому «Златоусту» связано было с тем, что в начале прошлого века развернулась еще одна дискуссия о литературном вкладе Внифантьева, отправной точкой для которой стали послания, приписываемые некоему Агафонику. Первое сочинение, подписанное Агафонику, — послание архиепископу Суздальскому Серапиону (1641–1653 гг.) о единогласном пении опубликовал А. А. Преображенский.³ В распоряжении Н. Ф. Каптерева оказалось уже два послания Агафоники — послание Серапиону и послание будущему патриарху Никону в бытность его новгородским митрополитом.

Н. Ф. Каптерев впервые предположил, что оба эти послания вышли из-под пера одного и того же лица и что этим лицом был Стефан Внифантьев.⁴ Наконец, в 1924 г. Н. К. Никольский опубликовал еще одно послание Агафоники по грамматическим вопросам, адресованное некоему «кир Иакову» и написанное не ранее июля

² Щапов А. П. Земство и раскол // Соч.: В 3 т. Т. 1. СПб., 1906. С. 455–456; РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. № 3711. Л. 194 об.

³ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. СПб., 1904 (ПДПИ. Т. 155). С. 53–63. — Отметим неточность Т. А. Опариной, утверждающей, что послание адресовано «суздальскому архимандриту» Серапиону (текст послания недвусмысленно свидетельствует о том, что оно адресовано было именно «архиепископу», т. е. епархиальному архиерею). В результате послание получает искусственно «удревненную» на десять лет дату (1634–1637 гг.) (Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск, 1998. С. 243–284). Если бы последняя дата была правильной, послание Агафоники Серапиону оказалось бы не только первой репликой в полемике об единогласии, но и вообще первым документом из круга «ревнителю благочестия».

⁴ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. Сергиев Посад, 1909. С. 87–92.

1645 года. Никольский исходил из принадлежности всех трех посланий, подписанных Агафоником, одному и тому же автору, предполагая, что им был подьячий Агафоник Тимофеевич, родственник справщика Григория Анисимова (и тем самым, естественно, отрицающая авторство Стефана Внифантьева).⁵

Новые аргументы для решения вопроса о писательстве Стефана Внифантьева привлек А. П. Голубцов. Во-первых, Голубцов указал на переведенную с украинского в Великом Новгороде книгу «Об образех», в предисловии к которой в акrostихе читалось имя «попа Стефана». Во-вторых, историк обратил внимание на свидетельство диакона Федора Иванова, согласно которому «Книга о вере» была «в печать издана повелением царевым и тщательством благаго духовника его Стефана Внифантьевича, Благовещенскаго нашего протопопа...». Он сопоставил это свидетельство с записью о бесплатной выдаче Стефану нескольких экземпляров «Книги о вере». В результате сделан следующий вывод: Стефан был причастен к подготовке «Книги о вере» к печати и поэтому получал книги с Печатного двора бесплатно.⁶

Важные замечания здесь были сделаны С. Зеньковским. Во-первых, Зеньковский впервые отметил, что процитированное Щаповым место принадлежит Ермолаю-Еразму.⁷ Во-вторых, Зеньковский датировал послание Агафоника Серапиону 1641-ым или 1642 годом, так как пастырское послание архиепископа Серапиона от 30 мая 1642 г. являлось ответом на это обращение Агафоника. Самого Агафоника Зеньковский считает священником из Суздаля и не отождествляет со Стефаном Внифантьевым.⁸

⁵ Никольский Н. К. Послание Агафоника к кир Иакову по грамматическим вопросам (половины XVII века) // Историко-литературный сборник. Посвящается В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 390–400.

⁶ Голубцов А. П. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, М., 1891. С. 94–95. Примеч. 36; Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. С. 165.

⁷ Зеньковский С. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 107. — Работая в эмиграции, С. Зеньковский не мог воспользоваться сборником из Румянцевского собрания, принадлежавшим Внифантьеву, хотя по цитате из него, приведенной Н. Ф. Каптеревым, он безошибочно установил автора. Правда, Зеньковский считал, что цитата из Ермолая-Еразма вкраплена в оригинальное сочинение («статья») XVII века, составление которого он предположительно приписывал самому Стефану.

⁸ Зеньковский С. Русское старообрядчество. С. 88. — В связи с этим неясно, на каком основании Румянцев датировал послание Серапиону концом 1640-х гг.

В 1975 г. статью, посвященную Стефану Внифантьеву, опубликовала В. С. Румянцева.⁹ В основе ее работы лежит концепция, согласно которой речь идет не о кружке «ревнителй благочестия» (как назвал его Н. Ф. Каптерев) или кружке «боголюбцев» (как называл его С. Зеньковский), а именно о «кружке Стефана Внифантьева» (нельзя обойтись без замечания, что это название делало кружок менее «клерикальным»). Трудно здесь дать общую характеристику этой концепции, но кажется, что она в значительной мере основывается на текстах протопопа Аввакума и диакона Федора Иванова, созданных после примирения Ивана Неронова с церковью, когда основатели старообрядчества стремились противопоставить спорной фигуре Неронова идеализированный образ Стефана Внифантьева. Последнее было тем легче, что в их распоряжении (как и в распоряжении их оппонентов) не было текстов Стефана, которые позволяли бы недвусмысленно восстановить его отношение к никоновской реформе.

Так или иначе, но В. С. Румянцева, очевидно, видела свою задачу в том, чтобы сделать Стефана Внифантьева центральной фигурой кружка, что подразумевало и широкие книжные интересы. Исследовательница расширила традиционную аргументацию, обнаружив еще две книги из библиотеки Внифантьева (печатную Минею и рукописную копию «Катехизиса» Стефана Зизания). Кроме того, В. С. Румянцева суммировала аргументы, представленные А. П. Щаповым, А. П. Голубцовым и С. Зеньковским. Исследовательница упоминает о том, что привлечший внимание исследователей текст принадлежит Ермолаю-Еразму (но не цитирует при этом С. Зеньковского). В. С. Румянцева сочувственно приводит предположение Голубцова о том, что именно Внифантьев был «попом Стефаном» из акростиха в сборнике, переведенном в Великом Новгороде.

Это трудно совместить с нижегородским происхождением Внифантьева, которое Румянцева предполагает вслед за С. А. Белокуровым. Конечно, можно предположить, что Стефан Внифантьев жил и в Нижнем Новгороде, и в Великом Новгороде перед тем, как попасть в Кремль, но в этом есть определенные

(Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 37).

⁹ Румянцева В. С. 1) Кружок Стефана Внифантьева // Общество и государство феодальной России. Москва, 1975. С. 178–188; 2) Народное антицерковное движение. С. 41–61.

трудности.¹⁰ Проблемы «Агафоника» Румянцева в этой статье не затрагивает.

В более поздней книге В. С. Румянцева присоединилась к мнению Каптерева о принадлежности послания Серапиону перу Стефана Внифантьева «либо близкому к нему лицу». При этом она впервые обратила внимание на важнейший аргумент — согласно посланию Серапиону, архиерей, не допускающий единогласия, «то же самое что и волк». Такое же сравнение, если верить челобитной патриарха Иосифа, употребил и Внифантьев на соборе 1649 года.¹¹ Что же касается послания кир Иакову, то здесь Румянцева отмечает: затронутыми в послании вопросами «интересовался» Внифантьев, хотя «вопрос требует специального текстологического исследования».¹²

Те или иные аргументы, приведенные В. С. Румянцевой, могут порой показаться спорными (показательно, например, невключение Стефана Внифантьева в «Словарь книжников и книжности Древней Руси»), но исследования последних лет мало что смогли добавить к ним (или мало что поставить под сомнение).

Детальное исследование истории создания и подготовки к печати «Книги о вере», проведенное Т. А. Опариной, не прибавило новых аргументов в пользу авторства Стефана Внифантьева (как и аргументов против подобного участия).¹³ Устарел только аргумент о бесплатных экземплярах книг. Благодаря публикации целого массива данных о распространении изданий Печатного двора, осуществленной И. В. Поздеевой, В. П. Пушковым и А. В. Дадыкиным, становится известно, что Стефан Внифантьев получал с Печатного двора не только «Книгу о вере», но и «Поучения» Ефрема Сирина и аввы Дорофея, а также Минеи месячные, которые предназначены были «в Нижней Новгород, в Происхожден-

---

¹⁰ В недавней публикации документов Приказа книгопечатных дел под 1632–33 гг. упоминается некий «диакон Стефан», служивший в Благовещенском соборе (Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Московский печатный двор — факт и фактор русской культуры 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. Москва, 2001. С. 396). Если это так, то можно предположить, что Стефан был рукоположен в иереи, уже служа в Благовещенском соборе, что делает его отождествление с «попом Стефаном» маловероятным.

¹¹ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. С. 37.

¹² Там же. С. 60. Примеч. 56.

¹³ Опарина Т. А. Указ. соч. С. 243–284.

ский монастырь, да к неимущим ко шести церквам» (1652 г.).¹⁴

Трудно поверить, что он имел какое-либо отношение к переводу или справе текста этих изданий (поскольку данных о соответствующих поручениях ему или об оплате за них в документах не отложилось). Очевидно, Внифантьев получал книги для бесплатной раздачи, причем благодетельствованными им оказывались те, кто пользовался расположением кружка «боголюбцев».

Легкость, с которой исследователи принимали само имя Агафоника за псевдоним, связана с тем, что в окружении царя Алексея Михайловича, будущего патриарха Никона или Стефана Внифантьева при всем старании не удалось обнаружить ни одно лицо, носящее это редкое имя. В то же время сам по себе высокий иерархический статус этого лица, позволявший ему обращаться со своими рекомендациями к церковным иерархам, наталкивает на мысль, что под этой личиной мог скрываться царский духовник. Вместе с тем слабой стороной всех этих предположений было то, что не существует ни одного дошедшего до нас литературного произведения, принадлежность которого Стефану Внифантьеву была бы несомненна.

В документах Приказа тайных дел мне удалось найти свидетельство того, что Стефан Внифантьев не только брался за перо, но и был автором посланий. Среди бумаг приказа, находившихся в ящике, внесенном боярином кн. Н. И. Одоевским «в хоромы» к царю Федору Алексеевичу 8 ноября 1677 г., была «великого государя грамота к благовещенскому протопопу Стефану, а к нему великому государю отписок его 15».¹⁵

Представляется поучительным сравнить интенсивность переписки царя с его духовником с перепиской царя с его «собинным другом» Никоном. В том же ящике (очевидно, довольно большом) находились и 135 грамот патриарха Никона, «да на столпце конец грамоты», а также не менее 178 ответных царских грамот к нему.¹⁶ Интересно также и косвенное свидетельство — упоминание о

¹⁴ Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Указ. соч. С. 414.

¹⁵ РГАДА. Ф. 27 (Тайный приказ). № 364. Ч. 3. Л. 119, 123.

¹⁶ «В. г. ц. и в. кн. Алексея Михайловича в. В. и М. и Б. Р. с. к святейшему Никону патриарху ис Смоленского и из Виленского и из Рижского походов 152 грамоты с началами, да без началов 17, да 3 здирка, да 6 грамот к нему ж Никону как он был в Новегороде в митрополитех» (РГАДА. Ф. 27 (Тайный приказ). № 364. Ч. 3. Л. 21–122). Сдирок — это «содранный с чего-то лоскут» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1991. С. 167).

стряпчем Стефана Внифантьева, некоем Максиме Грамотееве (под 16 июня 1653 г.).¹⁷ Это вообще первый известный мне случай, когда царский духовник нуждался в стряпчем.

Все это дает возможность поставить ряд вопросов, большинству которых суждено остаться риторическими. Была ли утрата сравнительно небольшой переписки со Стефаном Внифантьевым случайностью или преднамеренным деянием? В пользу последнего говорит и исчезновение большинства хранившихся рядом с ней посланий патриарха Никона. Против последнего говорит сравнительно позднее упоминание о наличии этих документов: ведь их уничтожение в царствование Федора Алексеевича (или позднее) утрачивало бы в значительной мере политический смысл.

В связи с находкой было бы целесообразно вновь вернуться к вопросу об атрибуции посланий, связанных с именем Агафоника. Каковы могут быть аргументы в пользу их принадлежности Стефану?

Мне представляется, что можно привести по крайней мере два аргумента в пользу принадлежности их Стефану. Во-первых, это отмеченная В. С. Румянцевой крайняя близость послания Агафоника о единогласном пении и выступления Стефана Внифантьева на соборе 1649 г. В послании Агафоника нерадивые пастыри названы «волками». В речи на соборе, если верить челобитной патриарха Иосифа царю, Стефан называл его «волком, а не пастырем».¹⁸

Во-вторых, читателем сочинений Агафоника был и сам царь. Это явствует из следующего примера. Агафоником было написано обширное послание новгородскому митрополиту Никону о поклонах при чтении Псалтири. Знакомство с этим посланием отразилось в заметках царя Алексея Михайловича.¹⁹

Таким образом, приходится полагать, что послание Агафоника Никону было передано царю либо отправителем, либо адресатом, или же что оно вращалось в рамках определенного придворного круга. Последнее предположение заставляет нас вновь вернуться к вопросу о том, чем был кружок «ревнителей благочестия»,

¹⁷ Поздеева И. В., Пушков В. П., Дадыкин А. В. Указ. соч. С. 418.

¹⁸ Преображенский А. В. Вопрос о единогласном пении в русской церкви XVII в. С. 53; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. Приложение № 1. С. 172.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 218. № 180; Деяние Московского церковного собора 1649 года (вопрос о единогласии в 1649–1651 гг.) / Изд. С. А. Белокурова // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 4. Отд. 3. С. 29–52.

или «кружок Стефана Внифантьева». Совершенно ясно, что сама иерархическая организация московского общества значительно затрудняла работу «кружка», в который, согласно традиционной историографической версии, входили и высшие церковные иерархи, и провинциальные протопопы. Послания на церковные темы могли бы быть хорошим инструментом для подготовки благоприятного для царя и его советника-духовника соотношения сил, для выяснения настроений в различных группах духовенства. Но тогда «кружок» ли перед нами или что-то иное?

Не случайно, что в литературе в последнее время высказаны были сомнения в самом существовании кружка «ревнителей благочестия». Габриеле Шайдеггер утверждает в своем недавнем исследовании, что «не нашла ни в одном современном источнике ни одного несомненного свидетельства существования подобного «кружка». Только автобиография Аввакума могла бы благоприятствовать такой интерпретации. Но конкретных данных не содержит и она».²⁰

Не принимая в целом выводов Г. Шайдеггер, нельзя не отдать должного внимания представленной ей аргументации. На мой взгляд, серьезным доводом в этом споре может стать исследование рукописной традиции «ревнителей благочестия». Это подразумевает кодикологический анализ всех рукописей, связанных с именем Стефана Внифантьева, рукописной традиции произведений Шестака Мартемьянова, а также сборника РГБ (Ф. 218. № 180), который Е. К. Ромодановская определяет как авторский сборник Агафоника.²¹ Возможно, подобное исследование позволит приблизиться к новому видению кружка как своего рода «textual community», в структурировании которого решающую роль играли не столько встречи и беседы, сколько тексты.

²⁰ Scheidegger G. Endzeit. Russland am Ende des 17. Jahrhunderts. Bern, 1998 (Slavica Helvetica. Bd 63). S. 24.

²¹ Ромодановская Е. К. Агафоник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 48–49. — Е. К. Ромодановская высказывает предположение о принадлежности Агафоннику еще нескольких произведений из этого сборника («Поучение в неделю 2-ю» на текст из 67-го псалма, «О милостыни», «О церкви, како молиться в церкви», «О пении церковном», «Спорные речи о единогласном пении»).

Переворот Нарышкиных и Мазепа

Переворот Нарышкиных — бегство Петра Алексеевича в Троице-Сергиевскую Лавру и отстранение от власти царевны Софьи — безусловно, один из центральных эпизодов российской истории, интерес к которому всегда был неизменен. Приезд Ивана Мазепы в Москву летом 1689 года — также одно из самых драматичных событий в жизни этого гетмана и одно из ключевых в истории Гетманщины. Тем не менее историки России традиционно недооценивают «украинский» аспект нарышкинского переворота, а историки Украины не вдаются в подробности российских событий.

В начале лета 1689 г. В. В. Голицын, фаворит правительницы и человек, контролировавший всю ситуацию в Украине, предпринимает второй Крымский поход. В нем участвовало (равно как и в первом) наряду с российским войском и Войско Запорожское во главе с гетманом Иваном Мазепой. Поход, как и в первый раз, завершился провалом. Подойдя к Перекопу и простояв под ним ночь, Голицын, к изумлению татар, 21 мая¹ отступил от города. Началось тяжелое возвращение, на протяжении которого татары непрерывно нападали на арьергард и жгли степь. 24 июня русские и украинские войска разошлись «по домам».

Провал похода поставил правительство Софьи в крайне сложное положение. Два года назад, в 1687 г., всю ответственность переложили на бывшего гетмана Ивана Самойловича, обвинив его в измене. Конечно, можно было поступить таким же образом и теперь, тем более что Мазепа не был популярен среди казаков и считался «чужаком» среди богатой левобережной старшины, так как сам происходил с Правобережья. Но с другой стороны, Мазепа был избран два года назад гетманом с прямого указания В. В. Голицына и пользовался его неизменной поддержкой. Обвинить Мазепу в измене, оставив незапятнанным своего фаворита, Софье было довольно сложно.

Не принимая никакого окончательного решения, Софья попыталась представить Крымский поход в глазах общественности, как победу. Все русские воеводы, участвовавшие в походе, были щедро

¹Здесь и далее даты даны по старому стилю.

награждены. Голицыну были объявлены «особенные царские милости и награды».² В этом списке «осыпанных щедротами» Мазепа не числился и мог расценить это только как недобрый знак. Между прочим, при награждении князя Василия Васильевича произошел весьма показательный инцидент. Молодой царь Петр отказывался подписать наградную грамоту, а когда в конечном счете уступил, то «сорвал сердце», не допустил к себе Голицына. Это было 27 июля.

В это же время Мазепа по приказу князя Василия отправляется в Москву.³ Ничего хорошего ожидать от данной поездки он не мог. Весьма красноречиво, хотя и косвенно говорят об этом те слухи, которые ходили по Украине. Гетману даже пришлось лично писать в Запорожье, уверяя своих торжествующих недругов, что он отправляется в дорогу не по принуждению, «как некоторые о том лгут», но по доброй воле.⁴

Уезжая, Мазепа оставил наказным гетманом одного из немногих, на кого мог положиться, — генерального судью Михайла Воховича, с которым вместе служил еще у Петро Дорошенко. Следить за порядком поручалось и второму доверенному лицу гетмана — компанейскому полковнику И. Новицкому. Практически вся остальная старшина поехала в Москву — генеральный обозный В. Борковский, генеральный судья С. Прокопович, генеральный писарь В. Кочубей, генеральный есаул А. Гамалея, генеральный бунчужный Е. Лизогуб, полковники Черниговский Я. Лизогуб, Полтавский Ф. Жученко, Нежинский С. Забела, Миргородский Д. Апостол, Лубенский Л. Свечка. Кроме того, в российскую столицу приехали знатные товарищи, младшие товарищи, канцеляристы, дворяне, слуги, драгуны, музыканты, повара и возничии.⁵ Среди прочих Мазепа взял и двух отцов-настоятелей: Иннокентия Монастырского, открытого противника «мудроборцев», и Дмитрия Ростовского, публикации книг житий святых которого вызвали резкое недовольство московского патриарха Иоакима.⁶

²СГГД. Ч. IV. М., 1822. № 199. С. 601–610.

³Дмитрий Ростовский писал, что выехал «с ясновельможным гетманом, Иваном Мазепою» из Батурина в Москву 21 июля 1689 года. (Дневные записки св. Дмитрия Ростовского // ДРВ. Ч. VI. СПб., 1774. Декабрь. С. 355.)

⁴Листи І. Мазепи. Т. 1. Київ, 2003. № 161. С. 349.

⁵РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 57. Л. 32–34.

⁶Листи І. Мазепи. Т. 1. № 158. С. 343 и др. — О резких высказываниях патриарха Иоакима по случаю публикаций Житий святых Дмитрием Тупталой (будущим св. Дмитрием Ростовским) см.: Там же. № 159. С. 347; Архив Юго-Западной России. Ч. I. Т. V: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской

Можно не сомневаться, что представительная делегация старшины отправилась в Москву по указу Голицына (Софьи), тем более что в столице были сделаны соответствующие приготовления для встречи такого количества гостей. Что должен был означать столь пышный кортеж? В Москве хотели иметь «кворум» старшины на случай избрания нового гетмана? Или князь Василий хотел наградить своего верного союзника? Сомнительно. С Мазепой ехали его личные враги и соперники: В. Кочубей, Ф. Жученко, Д. Райча. Так значит, Голицын имел другие виды на Войско Запорожское?

Очевидец событий, польский посол де Невиль прямо писал: приказ Мазепе прибыть в Москву был дан «совсем с другими намерениями». Также и поздние подметные письма на гетмана в один голос утверждали, что он прибыл в Москву по приказу Голицына, чтобы участвовать в государственном перевороте.⁷ Самойло Величко, автор известной летописи и современник событий, писал, что Голицын послал указ Мазепе ехать в Москву без ведома царей (прежде всего без ведома Петра), задумав к тому времени низложить Петра Алексеевича и возвести на царство Софью, и что именно узнав о приезде в столицу Мазепы, Петр догадался о заговоре и бежал в Троице-Сергиевскую Лавру⁸.

Скорее всего, сам Мазепа не знал, с какой целью и с какой перспективой он ехал в Москву. Вперед себя он послал в столицу своего доверенного человека, дворецкого Романа Высоцкого якобы для покупки нужных ему вещей.⁹ Мы можем только предполагать, какие и к кому давал на самом деле поручения гетман своему дворецкому.

Мазепа въехал в Москву 10 августа 1689 года.¹⁰ Софья устроила гетману необыкновенно торжественный прием. За Спасскими воротами его встретил дьяк Посольского приказа Василий Бобинин в сопровождении шести рот стрельцов под началом полковника Ива-

---

митрополии Московскому патриархату (1620–1694). Киев, 1872. № LXXVIII–LXXIX. С. 276–284.

⁷ В пашквиле 1691 года говорилось: «подговорив Голицына, чтоб с Софиею Царевною руку дав... Царя благочестивого, не токмо с престола, но и с света согнать, в Москву приехал было...». (Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским и изд. О. Бодянским // ЧОИДР. 1858. Кн. 1. Ч. II. С. 3.)

⁸ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке / Сост. Самоил Величко, бывший канцелярист канцелярии Войска Запорожского. Т. III. Киев, 1855. С. 82.

⁹ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 162. С. 354.

¹⁰ Эта дата имеется и в дневнике Д. Ростовского, и в делах Малороссийского приказа.

на Цыклера и двух рот подьячих разных приказов.¹¹ Гетман сел в присланную «предорогую» (как писал сам Мазепа Новицкому) царскую карету, запряженную шестеркой лошадей,¹² и проехал через Москву на Большой Посольский двор в Китай городе, где ему были приготовлены палаты. Мазепа был удивлен таким размахом и по дороге спрашивал Василия Бобинина, что за удивительная карета прислана ему для встречи — «знатно де что стародавнего немецкого дела».¹³ На это дьяк объяснил, что для встречи гетмана была подана специальная карета, в которой «великих и полномочных послов всегда на встрече принимают».¹⁴ Это обстоятельство, безусловно, должно было подчеркивать то особое значение, которое придавалось Софьей приему гетмана.

Воспользовавшись моментом, Мазепа (который посадил в карету только обозного Василия Борковского, близкого себе человека) стал прощупывать настроения, которые были в Москве. Он распространялся на тему, что «промыслом Голицына» над крымскими татарами была одержана победа («никогда на них крымцов такой победы и великого страху не бывало»)¹⁵ Что же до того, что «за безводными и бескормными местами и за иными препонами перекопского валу и башен не разорено», так «учинить де было того трудно». В оправдание неудачи под Перекопом Мазепа приводил пример из старинной хроники, которую он читал, как пытался захватить Крым Дарий, но «только войск своих под Крымом потерял... и с великим стыдом насилу от Перекоп из досталными своими войсками отступил...».¹⁶

Что отвечал на эти сладкие речи гетмана Бобинин, неизвестно. Но как только Мазепа прибыл на посольский двор, к нему тотчас же приехали князь Алексей Васильевич Голицын (сын фаворита), боярин Леонтий Романович Неплюев, окольный Венедикт Андреевич Змеев, думный дворянин Григорий Иванович Косагов и думный дьяк Емельян Иванович Украинцев.¹⁷ Более представительную делегацию трудно себе вообразить. Все перечисленные лица контролировали украинские дела при Софье. К тому же, за

¹¹ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 57. Л. 25, 52–58 об.

¹² АЗР. Т. V. СПб., 1853. № 191. С. 224–225.

¹³ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 57. Л. 58.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 58 об.

¹⁶ Там же. Л. 59.

¹⁷ Там же. Л. 54–54 об.

исключением Украинцева, все они будут проходить по делу о стрелецком бунте 1689 года. Встреча длилась долго, и они остались на обед.

Мы можем только гадать, о чем шла речь. Въезжая в Москву, Мазепа и его свита еще не знали, что в ночь на 8 августа царь Петр Алексеевич бежал из села Преображенского в Троицкий монастырь. Начинались события знаменитого переворота, приведшего к власти Нарышкиных. Злой рок? Роковое стечение обстоятельств? Или совсем не случайное совпадение?

Уже на следующий день после приезда, 11 августа, в самый разгар тревожных событий Мазепа со старшиной и духовенством были приглашены во дворец «видеть царские очи». Правда, увидел он только Софью и Иоанна. Как писал Д. Ростовский, «а благочестивейшаго царя Петра Алексеевича не было в доме, был негде в походе».¹⁸

Прием был обставлен с подчеркнутым размахом. Мазепу представлял и «спрашивал о здоровье» сам Емельян Украинцев. Про Крымский поход официально от имени «царей» было сказано, что татары «нечаянно и никогда неслыханно от их государских ратей в жилищах их поганских поражены и побеждены», и гетману была объявлена за службу государская милость.¹⁹ Мазепа был у руки (Софьи и Иоанна) и вручил им подарки: Иоанну — серебряный рукомойник и золотой турецкий пояс с камнями, а Софье — животворящий крест из чистого золота с алмазами.²⁰ В тот же день Мазепа, старшина и духовенство посетили патриарха Иоакима.²¹

Прием, оказанный правительницей, развеял все опасения в возможной немилости или в смещении с гетманства. На следующий день, 12 августа Мазепа писал своему близкому человеку, компанейскому полковнику Илье Новицкому, что цари и государыня «похваляли его за службу» и обещали держать в милости. Он, правда, не уточнял про отсутствие в Москве Петра Алексеевича, но приказывал Новицкому срочно объявить эту новость и арестовать «неспокойные зась и малодушныи головы, которой... всенародный покой нарушают...».²² То есть в Украине явно были настроения в

¹⁸ Дневные записки св. Дмитрия Ростовского. С. 355.

¹⁹ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 2. № 57. Л. 65 об., 69.

²⁰ Там же. Л. 66.

²¹ Там же. Л. 70; Дневные записки св. Дмитрия Ростовского. С. 355.

²² Листи І. Мазепи. Т. 1. № 191. С. 224–225.

ожидании смещения гетмана в связи с неудачей в Крымском походе.

Что было дальше, с кем еще общался гетман, оставаясь в столице в разгар переворота? В Москве у него были хорошие знакомые далеко не только из окружения Голицына.

Еще в 1679 г. Мазепа имел долгие, смелые и откровенные разговоры с думным дьяком Ларионом Лопухиным. Нет оснований полагать, что эти контакты впоследствии прекратились. Между тем Лопухин был отцом Евдокии, будущей жены Петра и соответственно, — сторонником нарышкинского лагеря. Когда в 1688 г. на Мазепу был написан донос, гетман обращался за покровительством к П.И. Прозоровскому, дядьке царя Иоанна и к Борису Голицыну.²³ Следовательно, у него имелись хорошие отношения и с этими двумя сторонниками Нарышкиных. Но это далеко не все. П. И. Прозоровский и Нарышкины считались противниками идеи Вечного мира и сторонниками И. Самойловича.

В Москве ходили слухи, что Самойловича в его внешней политике поддерживала «партия царя Петра». Нарышкины даже пытались добиться, чтобы Самойловича после его свержения привезли в Москву, где бы он смог отклонить обвинения в срыве Крымского похода.²⁴ Но ведь именно Мазепа отстаивал в Москве мнение Самойловича о вреде союза с Польшей. Иван Степанович был проводником этой идеи и в петровский период своего гетманства. То есть в своих внешнеполитических симпатиях он был скорее близок к Нарышкиным, чем к Голицыну.

27 января 1689 г. Петр Алексеевич по настоянию матери женился на девице Евдокии Лопухиной. Скорее всего, именно с подачи Лариона Лопухина в первых числах февраля Петр издает грамоты и посылает посольство во главе со стольником Ивана Никитича Тараканова к гетману Мазепе, киевскому митрополиту и к архимандриту Киево-Печерской Лавры. «... По воле всемогущаго Бога изволили мы великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержец наше царское величество сочетатися законному браку понятии в супружество дочь околничего Федора Аврамовича Лопухина девицу Евдокею Федоровну и жалую тебя нашего царского величества подданного войска запорожского обоих сторон Днепра гетмана Ивана

²³ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 39, 40.

²⁴ Шведское донесение от 19 августа 1687 года см.: *Bushkovitch P. Peter the Great. The Struggle for Power. Cambridge, 2001. P. 153–154.*

Степановича указали мы великий государь наше царское величество о той нашей государственной радости нашего царского величества грамотою ведомо учинить».²⁵ Гетману было послано угощение от «праздничного стола». Сам факт самостоятельных действий партии Нарышкиных от лица Петра уникален и крайне интересен. А то, что Нарышкины поторопились установить контакт с Мазепой, — тем более.

Контакты эти, видимо, не прекращались. Во время второго крымского похода Мазепа имел смелость писать патриарху Иоакиму, сообщая о трудностях похода и обстоятельствах отступления от Перекопа. Его послание заметно отличалось от тех, которые в те же дни посылал Иоакиму Голицын.²⁶ Мазепа писал не только патриарху. Во время встречи с Голицыным Петр в сердцах крикнул князю, что тот мог бы взять Перекоп, как советовал Мазепа и другие генералы.²⁷ Значит, он знал о советах Мазепы.

Софья была в растерянности. Казалось, сила была еще на ее стороне, но стрельцы колебались, и послать их походом на Троицу не представлялось возможным. В этих условиях пятидесятитысячная армия казаков, находившаяся в сборе на реке Сож, превращалась в грозное и заманчивое оружие.²⁸ Софья и Голицын проводят новые встречи с Мазепой, всячески его «обрабатывая». Князь Василий даже пригласил его в свое имение.²⁹ Хорошо вооруженные, отлично зарекомендовавшие себя во время крымского похода сердюки и компанейцы Мазепы могли в кратчайший срок совершить марш на Москву и коренным образом изменить расстановку сил. В Москве это понимали оба лагеря.

У Голицына могла возникнуть и мысль использовать помощь польского короля, своего союзника по Священной лиге, из-за мира с которым он поссорился со многими боярами. Поляки не дремали. Посол польского короля де Невиль, переодевшись слугой, пробрался к Мазепе и заверял его в «покровительстве» Яна Собесского. И здесь опять же позиция украинского гетмана становилась решающей. Как должна была ненавидеть его вспыльчивая и решительная

²⁵ РГАДА. Ф. 229. Малороссийский приказ. Оп. 1. № 203. Л. 5–5 об.

²⁶ Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687 и 1689 годов / Ред. Л. Саверов. Симферополь, 1906. № IV. С. 21–22.

²⁷ *Bushkovitch P.* Op. cit. P. 159.

²⁸ Войска стояли в сборе вплоть до возвращения Мазепы с Москвы — «до святой Покрови». (Літопис Самовидця. Київ, 1971. С. 149.)

²⁹ *Bushkovitch P.* Op. cit. 163.

Софья, слушая сладкие, осторожные речи гетмана, не говорящего ни «да», ни «нет»! Как должен был проклинать себя за свой выбор Голицын! Впрочем, князь Василий оказался не готовым к открытой борьбе, и все бремя непростых решений пало на царевну.

Срочно сменить Мазепу и обратиться за помощью к новому гетману правительство Софьи не решилось. Провоцировать бунт, когда и так все рушилось, было слишком рискованно. К тому же в Украине гетман оставил верных себе людей, а все потенциальные опозиционеры были с ним здесь, в Москве, и быстро прислать войска они никак не могли.

Софья тянула время. 16 августа в Троицу на переговоры с Петром отправляется Прозоровский. Выбор был неудачный, так как боярин был уже душой на стороне Нарышкиных.³⁰ 19 августа поехал патриарх с двумя царевнами.³¹ Но и он уже сделал свой выбор не в пользу Софьи. Еще две недели ждала и надеялась царевна, уговаривала стрельцов и Мазепу, все напрасно!

29 августа она решается на отчаянный шаг и сама отправляется в Троицу. Но в дороге ей передают приказ Петра вернуться в Москву. Происходит перелом в настроении стрельцов, и большинство полковников являются в Троицу с предложением своих услуг. Это был конец правительницы. 3 сентября заседание Думы приняло решение выдать Шакловитого.

Теперь уже тайным сторонникам Петра не имело смысла оставаться в Москве. 4 сентября уходят немцы во главе с Гордоном. 7 сентября в Троицу привозят Шакловитого, которого сразу же подвергают пытке. В тот же день к Петру приезжают В. В. Голицын, Л. Р. Неплюев, В. А. Змеев, Г. И. Косагов и Е. И. Украинцев. Но к царю князя Василия не пускают, а зачитывают приговор: лишение чести боярской и ссылка в Каргополь.³² Та же судьба постигает и Неплюева. Змеев, чьи братья были близкими людьми Натальи Кирилловны, матери Петра, отделался ссылкой в свою деревню. Знаменитый полководец Косагов (прославившийся совместными походами с запорожцами) и думный дьяк Украинцев (известный дипломат) были прощены.

В эти же дни к Троице поехал и Мазепа в сопровождении дьяка

³⁰ Лавров А. С. Регенство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 161–162.

³¹ Донесение фон Кохена см.: *Bushkovitch P.* Op. cit. P. 163.

³² Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. III. СПб., 1888. С. 2–3. — О Неплюеве см.: Там же. Т. II. СПб., 1885. С. 533–534.

Василия Бобыкина.³³ Он не случайно сделал паузу, выжидая, когда завершатся допросы и пытки. Появление Мазепы в Троице должно было стать триумфом его политической игры.

Мало кто в Украине догадывался об истинной роли Мазепы в происшедших событиях, точнее о роли его невмешательства в эти события и о его контактах с Нарышкиными. Наоборот, после падения Голицына многие ожидали расправы над Мазепой. Старшины тайно совещались, кого предложить царю. Вероятно, Кочубей уже примерял себе булаву. Но торжествовали они рано. Для приверженцев Петра заслуги гетмана были очевидны: они знали, что позиция казачьих войск в перевороте была решающей.

В Троицком монастыре состоялась первая официальная встреча Мазепы с Петром. Представлял его думный дьяк Е. И. Украинцев. Первые же его слова, обращенные к гетману, должны были подчеркнуть царскую милость. Украинцев говорил об участии гетмана, его старшин и казаков в Крымском походе, о трудной переправе, об «усердном радении» и «мужестве», проявленных в боях с неприятелем. От имени Петра (без упоминания Иоанна и Софьи) объявлялось, что «за твое твою верную и радетельную службу и за усердное в том воинском деле попечении жалует милостливо и премилостливо похваляет».³⁴ Этим сразу дистанцировалась немилость к Голицыну, руководителю похода, и милость к гетману и Войску Запорожскому, исполнителям похода. В течение аудиенции милость гетману и старшине еще несколько раз подчеркивалась как Украинцевым, так и лично Петром.³⁵

В ответ в запасе у Мазепы нашлись дорогие подарки: золотой крест, осыпанный драгоценными камнями на золотой цепи, сабля в золотой оправе с алмазами и золотой аксамит — для Петра, царице Наталье Кирилловне — золотое ожерелье с алмазами и серебряный кунган, а для царицы Евдокии — золотое ожерелье с алмазами.³⁶ Казалось, он был готов к такой встрече, словно все происходило

³³ Н. Костомаров писал, что Мазепа поехал 9 сентября. Он создал знаменитый штамп, изображающий гетмана «со страхом ожидающим, когда его позовут Петр». Фон Кохен писал, что Мазепа выехал 7 сентября (*Bushkovitch P. Op. cit.* P. 167). Указ об отпуске Мазепы в Троицкий монастырь был дан Шакловитому 30 августа (РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 115 об.). Согласно Д. Ростовскому, встреча с Петром произошла 10 сентября. В Малороссийском приказе в отчете о встрече дата пропущена.

³⁴ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 75.

³⁵ Там же. Л. 79.

³⁶ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 76 об.-77.

по заранее просчитанному им сценарию. Его ответная речь была краткой, «потому что был болен». Мазепа «бил челом великому государю, чтоб он великий государь изволил его иметь в своей государственной милости с старшиною и Войском Запорожским и с народом малороссийским, и обещался служить ему великому государю верно до последней капли крови своей».³⁷

В крупнейшей биографии Мазепы, написанной А. Оглоблиным, Нарышкинскому перевороту уделен маленький абзац. А Костомаров все события сводил к известному штампу, что Мазепа «очаровал» Петра во время их встречи. Но ведь шатер для приема гетмана под Троицей был поставлен и похвальная речь была произнесена еще до момента, как гетман заговорил. Да и разве можно поверить, что Петр не только пощадил Мазепу, но и осыпал его наградами, просто поддавшись умению гетмана «обольщать»?

Общеизвестный, признанный всеми факт, что Мазепа в 1687 г. получил булаву из рук Голицына, ненавистного Петру фаворита Софьи, который теперь сам избежал казни только благодаря заступничеству брата — Бориса Голицына, влиятельного человека в партии Нарышкиных. Сам гетман никогда не скрывал роли князя Василия в своей судьбе. Он так и писал Голицыну (возможно, несколько преувеличивая), что все монаршие милости изливаются на него исключительно по ходатайству и влиянию его, князя.³⁸ Мазепа принимал самое непосредственное участие в изготовлении «царских» портретов Софьи, стоивших Голицыну и Неплюеву состояний, а Шакловитому — головы. Мазепа был непосредственно связан с украинским духовенством, открыто поддержавшим Сильвестра Медведева в его борьбе с патриархом Иоакимом. Только очень серьезная причина могла позволить игнорировать все эти факты.

12 сентября у стен Троице-Сергиева монастыря были казнены Шакловитый и его сообщники.³⁹ Вслед за этим был схвачен Сильвестр Медведев, лишен церковной неприкосновенности и подвергнут страшным пыткам. Его заставили признаться в ереси, опять пытали и наконец казнили. Ужасная судьба. Но почему ее не разделил Мазепа? Ведь старец прямо говорил в расспросе, что свою

³⁷ Там же. Л. 76–76 об.

³⁸ Листи І. Мазепи. Т. 1. № 124. С. 289.

³⁹ Гордон писал, что Петр хотел «всем злодеям» даровать жизнь, но по убеждению патриарха согласился на казнь троих (Розыскные дела о Федоре Шакловитом. . . Т. III. С. VI).

книгу «О манне хлеба животного» он послал к гетману Ивану Степановичу, к киевским властям для свидетельства, и в ответ в Украине была написана «обличительная книга греческой неправде», т. е. в защиту Медведева.⁴⁰ Однако никаких дальнейших «розысков» и репрессий не последовало.⁴¹ И это — при общеизвестной мстительности патриарха Иоакима, с которым Мазепа не раз спорил.

Наоборот, после знаменательной встречи в Троицком монастыре Петр лично приказал Мазепе идти к патриарху.⁴² Дмитрий Ростовский писал в своем дневнике: «В том же монастыре (Троицком. — Т. Я.) был в то время и патриарх, коего посещали мы часто».⁴³ В результате патриарх Иоаким благословил Дмитрия «продолжать писанием Жития Святых и дал на благословение мне образ пресвятыя Богородицы в окладе».⁴⁴

Розыск по делу Голицына-Шакловитого продолжался всю осень и зиму. Был получен «извет» В. Сапогова, что князь Василий отступил от Перекопа, получив «взятку» от хана. Начались новые допросы. Устанавливали, как именно принималось решение об отступлении от Перекопа. Тинбаев, татарин на службе у Голицына, показал, что на ночном совете (продлжавшемся три часа) кроме князя Василия присутствовали А. И. Шеин, Б. П. Шереметев, В. Д. Долгоруков, Л. Неплюев, В. А. Змеев и «гетман Иван Степанович Мазепа».⁴⁵

Был допрошен В. Змеев, находившийся в ссылке в Костроме. Он рассказал, что по приказу Голицына лично ездил к Мазепе советоваться, следует ли отступить.⁴⁶ 8 января 1690 года был дан указ взять письменные показания со всех присутствовавших на переговорах бояр и думных дьяков. Список включал более двадцати человек, в том числе служивших уже к этому времени Петру В. Б. Шереметева, Г. И. Косагова, Е. Украинцева и других. Мазепу допрашивать не стали.⁴⁷

Иными словами, имя гетмана красной линией проходило через все розыскные дела, стоившие всем другим участникам головы, зва-

⁴⁰ Розыскные дела о Федоре Шакловитом... Т. I. СПб., 1884. С. 544–545.

⁴¹ Живов В. Из церковной истории времен Петра Великого. М., 2004. С. 27–28.

⁴² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 79–79 об.

⁴³ Дневные записки св. Дмитрия Ростовского. С. 355.

⁴⁴ Там же. С. 356.

⁴⁵ Розыскные дела о Федоре Шакловитом... Т. III. С. 950.

⁴⁶ Там же. С. 990–991.

⁴⁷ Там же. С. 1036.

ний или как минимум крупных неприятностей, а Мазепа совершенно невероятным образом выходил сухим из воды. У вспыльчивого молодого царя, ненавидящего все, что связано с именем сестры и ее фаворита, должна была быть очень веская причина, чтобы становиться добрым гением Ивана Степановича.

Удивительно, что никто из историков Мазепы не задавался этими вопросами. Все слепо шли за штампом Н. Костомарова, игнорируя очевидное. Проблему восстановления хода событий осложняет то, что многие ценнейшие источники по перевороту (например, воспоминания А. Матвеева) писались уже в начале XVIII века, после перехода Мазепы на сторону шведов. Поэтому его имя вообще не упоминается при описании событий в Троице.

А вот Голицын, уже находясь в ссылке и имея достаточно времени, чтобы обдумать все происшедшие события, хорошо понимал роль Мазепы. Видимо, бывшего фаворита душила ярость, особенно сильная от сознания ее бесплодности. В своих показаниях в феврале 1690 г. он многократно упоминал имя гетмана. Говорил, что именно с ним обсуждал письмо крымского хана, что именно его просил сделать книги о святой Евхаристии для Медведева.⁴⁸ Это, однако, уже не могло повредить Мазепе.

Не меньше Мазепу ненавидели и в другом стане обманутых им врагов — в Варшаве. Ян Собеский всегда считал Мазепу неудобной фигурой на роли гетмана — слишком умный и знающий. А теперь он был еще и косвенным виновником падения Голицына, столь верного поклонника «польской культуры» и принципов «Священной лиги». Плоды этой ненависти уже очень скоро дали о себе знать, когда с польской стороны в 90-е годы посыпется шквал доносов на гетмана.

На встрече с Петром Мазепа настолько поразил молодого царя, что тот дал указ в Сибирский приказ, чтобы выдали дополнительное количество соболей для гетмана и старшины (это в дополнение к тем богатым дарам, которые были приготовлены для гетмана еще по указу Софьи).⁴⁹ Для отправки гетмана домой лично Лопухину было приказано приготовить 500 подвод.⁵⁰ Еще с дороги, до своего приезда в Батурин гетман должен был приказать генеральному судье и генеральному хорунжему оповестить главные города, что

⁴⁸ Розыскные дела о Федоре Шакловитом... Т. I. № 172. С. 375–376; Т. III. С. 1172.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 83 об.–84.

⁵⁰ Там же. Л. 92.

«ты, подданной наш, отпущен от нас, великих государей... в нашей государской милости».⁵¹

Он был на отпуске 16 сентября.⁵² Ему вручили золотой кафтан на соболях, золотой кубок, золотой объяр, байберек, бархат и соболей.⁵³ Петр заверил Мазепу, что будет «войско запорожское и народ малороссийский содержать в своей государской милости и презрении и в обороне», а его, гетмана, «верная и радетьельная... служба... никогда забвенна не будет».⁵⁴ 19 сентября он был на отпуске в Москве у царя Иоанна.⁵⁵ А 22 сентября выехал в Батурин.⁵⁶

Богатые подарки и милостивые слова не стали единственной наградой, полученной Мазепой за его позицию в Нарышкинском перевороте. По просьбе гетмана были выданы жалованные грамоты, подтверждавшие владения старшины, включая генерального есаула М. Миклашевского, генерального писаря В. Кочубея, генерального обозного В. Борковского, генерального хорунжего И. Ломинавского, значных войсковых товарищей К. Солонины, Г. Гамалеи, А. Туранского, миргородского полковника Д. Апостола и других.⁵⁷

Это было необходимо, чтобы заручиться поддержкой старшины на ближайшие годы гетманства. В октябре Войску Запорожскому, опять же по просьбе Мазепы, была послана новая жалованная грамота — на золотом пергаменте, запечатанная государственной печатью, в специальном позолоченном ковчеге с чеканным гербом.⁵⁸ Новый Севский воевода И. Ю. Леонтьев получил неслыханный до тех пор указ: если гетман будет писать к нему о наступлении неприятеля «...и ты б... шел к нему гетману в случение в те места, которые он требовати того будет великим поспешением не отписываясь о том к нам».⁵⁹ То есть, по сути, русские войска на территории Гетманщины передавались в прямое распоряжение Мазепы. На волю гетмана отдавалось и решение сложного вопроса с запорожцами, заключившими перемирие с Крымским ханом, —

⁵¹ Там же. Л. 258.

⁵² РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 85 об.

⁵³ Там же. Л. 110 об.

⁵⁴ Там же. Л. 87 об.—88.

⁵⁵ Там же. Л. 93.

⁵⁶ Дневные записки св. Дмитрия Ростовского. С. 356.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 229. Оп. 1. № 206.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 57. Л. 225 об.—226.

⁵⁹ Там же. Л. 209—209 об.

«учинить тебе подданному нашему по своему рассмотрению».⁶⁰

Наконец, благодаря настоянию Мазепы Петр осенью утвердил новые, Московские статьи, отменившие ряд положений Каламкских 1687 г. (навязанных Мазепе Голицыным при вступлении в должность). В частности, предусматривалось восстановление права на получение «аренд», дававших основной доход, а значит, и независимость гетманскому уряду. Московские статьи укрепляли гетманскую власть и автономию Гетманщины.

Впервые со времен Переяславской рады Москва решила опереться на сильную гетманскую власть, а не на массу анархических оппозиционеров. Нарышкинской партии и Петру в тот период был нужен сильный военный союзник, наделенный неограниченными полномочиями и властью. В этом плане итоги Нарышкинского переворота были очень выгодны для Мазепы.

П. В. Седов

Российское самодержавие накануне реформ Петра I

В исторической литературе прочно утвердилась мысль о том, что ведущей тенденцией эволюции российской государственности XVII в. было укрепление самодержавия, особенно в конце столетия. Этот процесс выразился в падении роли Боярской думы и аристократии в целом. Наиболее выразительным фактом этого процесса называют отмену местничества в 1682 году, которая оценивается как историческое поражение знати, торжество служебных заслуг по сравнению с родословным старшинством. В приказном управлении режим личной царской власти укреплялся за счет создания при Алексее Михайловиче приказа Тайных дел – органа личного надзора царя за всей системой управления и Монастырского приказа – органа надзора светской власти над церковью.

Другим фактором усиления самодержавной власти было прекращение практики созыва Земских соборов. Царская власть укреплялась и за счет подчинения церкви в результате низложения Никона. Контроль светской власти над церковью в конце XVII в. неуклонно нарастал. Эти общеизвестные тезисы можно встретить как в учебной, так и монографической литературе.

⁶⁰ Там же. Л. 258.

Крайне слабая изученность политической истории XVII в. не позволила исследователям оценить тот очевидный факт, что на протяжении большей части XVII в. на российском престоле друг друга сменяли малолетние и несамостоятельные государи. От имени молодого Михаила Федоровича (1613–1645) правили сначала его мать — старица Марфа и бояре Салтыковы, а затем отец — патриарх Филарет. Первый самодержец из династии Романовых даже не смог настоять на свадьбе со своей избранницей Марией Хлоповой. В конце царствования Михаил Федорович перепоручил управление страной влиятельным боярам Ф. И. Шереметеву и князю И. Б. Черкасскому.

Следующий государь — Алексей Михайлович (1645–1676) также взошел на престол в юном возрасте. Вслед за периодом всевластия боярина Б. И. Морозова последовали годы патриаршества властолюбивого Никона. Только с середины 50-х годов Алексей Михайлович взял бразды правления в свои руки. Последние двадцать лет его царствования являются единственным периодом за весь XVII в., когда царь на деле сам правил страной.

Конец XVII века, к которому в первую очередь относится укоренившийся в историографии тезис об укреплении власти российских самодержцев, был чередой правления юных царей. Болезненный Федор Алексеевич (1676–1682) умер в двадцать лет, и ему на смену, в обход существующей традиции, придворные посадили на престол десятилетнего Петра. Совместное правление юного Петра и недееспособного Ивана при регентстве царевны Софьи (1682–1689) — что может быть менее похожим на укрепление самодержавия? Годы регентства продлили период, когда государи царствовали, но не правили. С падением Софьи Петр также мало занимался управлением страной вплоть до азовских походов 1695 и 1696 гг. Юноша на троне — вот образ московского самодержца конца XVII века. Вряд ли можно сомневаться, что юный монарх еще не способен эффективно управлять правящей элитой.

При малолетних государях бремя правления лежало на Боярской думе. На протяжении XVII в. боярство не «исчезало» и не «растворялось», а напротив, набирало силу. Это столетие можно считать «золотым веком» боярства. Усиление знати и было важнейшей составной частью усиления самодержавной власти. На царской службе знать трансформировалась из боярства XVI в. в придворную аристократию XVII в.

Рост политического значения боярства выразился в увеличении

численности думных чинов: с 29 человек в 1613 г. до 153 человек в 1690 году, т. е. более чем в пять раз.¹ Думные люди обладали преимущественным правом управлять войсками, приказами и крупнейшими городами страны. Новая царская династия породнилась в XVII в. с десятком фамилий, которые составляли наиболее привилегированную часть придворной знати и год от года все более наводняли Думу своими представителями.

Вторая половина XVII в. стала временем обогащения знати. В 1673 г. был снят запрет на приобретение столичными чинами земель в южных уездах страны. Только за первые пять лет этой новой политики члены Думы получили здесь около пятидесяти тысяч четвертей земли. Чтобы оценить размеры пожалований, можно заметить, что это составляло половину землевладения всей Думы на 1613 год. В Москве появились десятки каменных палат столичной знати, в окрестностях Москвы — богатые усадьбы с прудами и павилинами на манер владений магнатов Речи Посполитой.

Наиболее широкой социальной базой для набирающей силу придворной знати являлись московские чины, численность которых к 1681 г. превысила семь тысяч человек, что составляло около пятой части всего дворянства. Увеличение роли придворной службы стало новым явлением в истории самодержавия второй половины XVII в. Во второй половине столетия в отдельный чин выделились спальники — несколько десятков представителей знати, прислуживавшие государю в комнате. Вхождение этого чина в правящую элиту страны закрепила отмена местничества в 1682 г. — под «Соборным деянием об отмене местничества» спальники должны были поставить свои подписи наряду с думными людьми.

Отмена местничества была проведена при непосредственном участии придворной знати. Боярин князь В. В. Голицын возглавил это дело, а боярин князь М. Ю. Долгоруков надзирал за символическим сожжением местнической документации в печи Разрядного приказа. Взамен отмененному местничеству было провозглашено не старшинство службы, которое утвердится затем при Петре, а старшинство родословия: всем служилым людям от первостатейного боярина до подьячего было велено приносить родословные росписи. Четыре родословные книги должны были обозначить четыре уровня знатности. Этот проект был реализован лишь частично —

¹ *Crummey R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 175–177; Poe M. The Russian elite in the seventeenth century. Vol. 1. Vammala, 2004. P. 84–85, 311–315.*

так появилась известная Бархатная книга. Родовитые фамилии и не думали отказываться от принципа знатности — они лишь приспособили его для нужд придворной службы.

Накануне отмены местничества в боярской среде возник проект присвоения думным чинам наследственных наместнических титулов — так называемая «боярская попытка». Этот проект был запрещен патриархом, усмотревшим здесь ограничение самодержавной власти.

В связи с укреплением царской власти в XVII в. обычно вспоминают об учреждении при Алексее Михайловиче приказа Тайных дел, не придавая значения тому, что этот приказ был ликвидирован со смертью его создателя: при малолетних и несамостоятельных государях последней четверти XVII в. в таком приказе не было нужды. То же самое относится и к Монастырскому приказу: в 1677 г. он был упразднен, поскольку патриарх не желал, чтобы светская власть вмешивалась во внутрицерковные дела.

После смерти Алексея Михайловича возобновилась практика созыва Земских соборов, прекратившаяся в годы его взрослого правления. Собор 1681–1682 гг. должен был принять новый свод законов (из-за смерти Федора Алексеевича выборные, работавшие над новым «уложением», были распущены по домам). Во время Земского собора 1683–1684 г., созванного по вопросу о Вечном мире с Речью Посполитой, дворянские выборные предложили восстановить институт губных старост. Этот орган земского дворянского представительства на местах был отменен в 1679 г. и вновь восстановлен. Окончательно его отменит лишь Петр I в 1702 году. 1680-е годы отмечены оживлением сословного представительства.

Положение церкви второй половины XVII в. не было столь пониженным, как это часто изображается. В историографии обычно выделяют главную тенденцию этих взаимоотношений — подчинения церкви светской власти. Новые подходы к данной проблеме предложены Б. Н. Флорей. По мнению исследователя, наряду с подчинением церкви светской власти начиная с Никона, проявлялась и другая тенденция — осознание духовенством, в первую очередь — иерархами церкви особых интересов своего сословия. Это проявилось, в частности, в решениях церковного собора 1667 г. о неподсудности духовенства светскому суду. Церковный собор 1675 г. постановил создать духовные суды на местах и отстранил светских лиц от управления приходским духовенством; сбор налогов с церковных земель перешел в руки духовенства. Б. Н. Флоря приходит к мыс-

ли, что «именно в 70–90-х гг. XVII в. духовное сословие становится близким к превращению в автономную корпоративную структуру». Особенностью консолидации духовенства последней трети XVII века в России в сословие было не осознание общности сословных интересов, как в странах Центральной Европы, а «общее подчинение власти епископа».²

Подход Б. Н. Флори представляется плодотворным, а новые факты подтверждают высказанную им мысль. В 1680–1681 гг. возник проект создания грандиозной церковной иерархии: во главе церкви должен был встать папа, и на это место прочили Никона, которого таким образом предполагали вернуть из ссылки. Папе должны были подчиняться 4 патриарха, 12 митрополитов и 70 епископов. Новые пышные титулы князей церкви, внимание к порядку их старшинства, стремление архимандритов важнейших монастырей получить почетные знаки в своем священном облачении — все это свидетельствовало о складывании верхушки духовенства в особую корпорацию. Смерть Никона похоронила идею учредить в России папу, а создание новых архиерейских кафедр было осуществлено лишь частично. Об упрочении сословных прав духовенства свидетельствует и царский указ с боярским приговором 1689 года, запрещавший воеводам вмешиваться в дела епархиальных владык.³

Однако в защите своих прав духовенство не смогло выступить единым лагерем. Противоречия между патриархом и другими архиереями, огромная дистанция между епископатом и широкими слоями духовенства не позволили духовенству противостоять натиску светской власти в дальнейшем, в годы взрослого правления Петра I.

Все это разрушает утвердившуюся в историографии схему поступательного укрепления самодержавия в XVII в. Изучение возросшей роли аристократии в России в конце столетия подталкивает к поиску новых историографических подходов. В этой связи актуальной представляется оценка английским исследователем Перри Андерсоном европейского абсолютизма раннего Нового времени как периода гегемонии аристократии. Применительно к истории России XVII в. этого взгляда придерживается американский

² Флоря Б. Н. Государственная власть и формирование духовного сословия в средневековой России // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX в. Чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. Тезисы докладов. Ч. II. М., 1994. С. 161–163.

³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 3. № 1448. Л. 12–14; № 1532. Л. 13–28 и след.

историк Роберт Крамми. По мнению П. Андерсона и Р. Крамми, большая роль знати в системе зарождающегося абсолютизма была характерна в XVII в. для ряда монархий Центральной и Восточной Европы — Австрии, Пруссии, России и Речи Посполитой.⁴

Детальное изучение положения московской аристократии, набравшей силу в конце XVII века, позволяет поставить вопрос о возможности альтернативного развития российской государственности накануне реформ Петра I, в ходе которых самодержец лишил знать ее былого привилегированного положения.

Необходимо освободиться от магии совершенной предопределенности петровских реформ в той конкретной форме, в которой они свершились. Достаточно представить, что молодой Петр не пережил один из многочисленных случаев, когда его жизнь висела на волоске, — например, погиб в результате дворцовых заговоров 1689 и 1697 годов или во время шторма на Белом море в 1693 году. В таком случае после кончины его совершенно номинального соправителя, каким был Иван, наступило бы женское правление царевны Софьи или малолетних дочерей Ивана. Возможно, был бы поставлен вопрос о новой выборной династии. Кто бы тогда проводил жесткие реформы на петровский лад?

Ответ на извечный вопрос о том, была или нет у России альтернатива петровским реформам, естественно искать в изучении предшествующего времени. В этой связи особое значение имеет царствование Федора Алексеевича, непосредственно предшествующее вступлению на престол Петра I. Внутривполитические события царствования Федора Алексеевича вращались вокруг двух основных проблем, стоящих перед властью: положение сословий и отношение к новшествам, проникавшим главным образом из Речи Посполитой.

Существование сословий органически присуще любому средневековому обществу, поскольку только буржуазное право постулирует формальное равенство людей перед законом. Поэтому трудно согласиться с теми исследователями, которые отрицают наличие в России XVII в. сословий, т. е. больших групп людей, различающихся по юридическому положению и имеющих определенные обязанности и неотъемлемые права. Своеобразие сословий в России XVII в. состояло в том, что они трансформировались из средневе-

---

⁴ Anderson P. Lineages of the Absolutist State. London, 1974; Crummey R. O. Seventeenth Russia: Theories and Models // Von Moskau nach St. Petersburg. Harrassowitz Verlag; Wiesbaden, 2000. P. 130–131.

ковых сословий, разделенных еще на множество чинов, в сословия Нового времени.

Язык XVII в. не знал иноземного слова «сословия», а вместо него употреблялось привычное слово чин. В коллективной дворянской челобитной 1658 г. ясно выражено пожелание, чтобы четыре сословия Московского государства имели свои права и обязанности: «коиждо от великих и четырех чинов — освященный, и служивый, и торговый, и земледельческий в своем уставе и в царском повелении твердо и непоколебимо стояли и ни один бы ни от единого ничем же обидим был».⁵ Несомненно, что в челобитной 1658 г. под чином понимаются не десятки мелких чинов, а именно сословия.

Идея дарования московским сословиям привилегий нашла отражение в творчестве Юрия Крижанича. В 1676 г. он обратился к молодому царю Федору с челобитной, в которой просил даровать сословиям «слободины». Ю. Крижанич полагал необходимым освободить дворян от налогов, телесных наказаний и предоставить им право иметь герб.⁶ До сих пор не было известно, что царь Федор Алексеевич впервые предоставил дворянам право выходить в отставку после сорока лет службы.

Планы царя Федора Алексеевича охватить служилых людей страны единой системой родословного старшинства, появление при Федоре Алексеевиче первых дворянских гербов отражает сознательное формирование властью атрибутов нового дворянского сословия. Образование единого шляхетского сословия шло не путем слияния различных чинов в единую дворянскую массу, а через складывание двух полюсов дворянского сословия: столичного и провинциального. Между ними сохранялись не только значительные различия, но и вражда вплоть до желания «бить ослопьем до смерти». Отрыв полонофильствующей московской знати от широких слоев дворянства позволили Петру I со временем ликвидировать Боярскую думу, просто не жалую новых чинов.

Главная тенденция в эволюции сословного строя второй половины XVII в. отличалась от той, которая была реализована при Петре. К концу XVII в. сословия имели больше прав и меньше тягостных обязанностей, чем в петровскую эпоху. Преобразовательская дея-

⁵ Новосельский А. А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды института истории РАНИОН: Сб. ст. Вып. 1. М., 1926. С. 352.

⁶ Вальденберг В. Е. 1) Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912. С. 121–132; 2) Древнерусские учения о пределах царской власти. Пг., 1916. С. 423–424.

тельность времени царя Федора Алексеевича способствовала развитию этих сословных прав под значительным влиянием соседней Речи Посполитой, политические порядки которой были весьма далеки от абсолютизма.

Каждое из сословий России XVII в. было разделено на привилегированную верхушку и сословные низы. Отсутствие сословной солидарности не позволило столичной знати, епископату, гостям отстоять свои права при Петре, хотя сословия и были близки к тому, чтобы утвердить свое привилегированное положение при малолетних государях конца XVII в.

Изучение истории конца XVII в. уменьшает иллюзию заданности и однозначности исторического развития России. При Федоре Алексеевиче страна еще стояла на перепутье. Царь и его окружение полагали необходимым поощрять развитие сословных прав, а иноземные новшества они не рассматривали как решительный отказ от московской старины. Возможно, такой путь был не слишком эффективен в военном и политическом отношении, что само по себе не означает невозможность его реализации.

Решительное движение при Петре по пути усиления самодержавия и европеизации провоцировало в дальнейшем правящую элиту временами «оглядываться назад». «Затейка верховников» 1730 г. есть ничто иное, как предложение придать Верховному Тайному совету прерогативы Боярской думы. «Затейку верховников», панинский проект ограничения самодержавия при Екатерине II, конституционные проекты Александра I можно представить как высохшее русло реки, по которому так и не пошло развитие государственного строя России, хотя сословный строй, который питал эти проекты, вполне оформился в XVIII в.

Список сокращений

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией
- АЕ — Археографический ежегодник
- АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Архивной комиссией
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
- АМГ — Акты Московского государства
- АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
- Архив СПбИИ РАН — Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
- АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России
- БАН — Библиотека Академии наук (г. Санкт-Петербург)
- Библ. СО РАН — Библиотека Сибирского отделения РАН
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ВИМАИВ и ВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург)
- ВМЧ — Великие минеи-четьи
- ВОИДР — Временник Императорского московского Общества истории и древностей российских
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
- ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва)
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М., Л., 1950
- ДРВ — Древняя российская вивлиофика
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
- ИЗ — Исторические записки
- ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского Национальной Академии наук Украины (г. Киев)

- КПМ-I — Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, содержащая в себе дипломатические сношения Литвы в государственование короля Сигизмунда Августа (с 1545 по 1572 год) / Изд. М. Оболенским и И. Даниловичем. М., 1843
- КСИА — Краткие сообщения Института Археологии
- ЛГПИ им. А. И. Герцена — Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛИРО — Летопись Историко-родословного общества в Москве
- ЛОИИ АН СССР — Ленинградское отделение Института истории АН СССР
- НПК — Новгородские писцовые книги
- ОР БАН — Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
- ОР ИРЛИ — Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом), Санкт-Петербург
- ОР ЛНБ НАНУ — Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (г. Львов)
- ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва)
- ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства
- ПИГАК — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Подготовка текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. М., 1993
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПРП — Памятники русского права
- ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РЗ — Российское законодательство X–XX веков / Под ред. О. И. Чистякова. Т. 1–3. М., 1985
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РК. I — Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975
- РК. II.1 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. II. Вып. 1. М., 1976
- РК. II.2 — Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 2
- РЛ — Русская литература
- РНБ — Российская национальная библиотека
- РФА — Русский феодальный архив
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества
- СПБНИИ РАН — Санкт-Петербургский Институт истории РАН
- СХ — Сборник кн. Хилкова. СПб., 1876
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров

- СПбГУ — Санкт-Петербургский государственный университет
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома)
- Труды ЛОИИ — Труды Ленинградского Отделения Института Истории АН СССР
- УЗЛГПИ — Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских
- АНР — Acta Historica res gestes Poloniae illustrantia. T. XI: Sprawy wojenne Stefana Batorego z lat 1576–1586. Kraków, 1887
- SRSRB — Stockholm. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. Ryska brev

СОДЕЖАНИЕ

Раздел I

ПРОФЕССОРУ

РУСЛАНУ ГРИГОРЬЕВИЧУ СКРЫННИКОВУ — 75 ЛЕТ

- И. О. Тюменцев, В. Г. Ананьев.* «Россия его материк»: к 75-летию Руслана Григорьевича Скрынникова 5
- Е. П. Семенова.* Руслан Григорьевич Скрынников: путь в жизни и науке 20
- Д. Свак.* Руслан Григорьевич и Иван Грозный..... 25
- Библиографический указатель трудов Р. Г. Скрынникова (сост. *В. И. Ульяновский, С. В. Лобачев, Н. Е. Тюменцева, В. Г. Ананьев*). 38

Раздел II

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ «МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО XV–XVII ВЕКОВ», ПОСВЯЩЕННЫХ 75-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА РУСЛАНА ГРИГОРЬЕВИЧА СКРЫННИКОВА

- Политическая идеология русского государства XV–XVI вв. 58
- Б. Н. Флоря.* Представление о Москве как Третьем Риме и некоторые проблемы развития русской общественной мысли в XVI веке ..... —
- В. И. Ульяновский.* Первая концепция происхождения княжеской власти и ее символов на Руси: «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Савы 65
- Дж. Джираудо.* Царство, централизация и местное управление: тюркская модель, константинопольская анти-модель..... 106
- И. Б. Михайлова.* Земной бог 115
- Из истории Древней Руси 147
- В. К. Зиборов.* Паремийник — источник Киевских летописцев XI в. —
- А. В. Майоров.* «Конституционный проект» Романа Мстиславича в «Истории Российской» В. Н. Татищева..... 186

Из истории русского государства XV–XVI вв.	201
Ю. В. Кривошеев. Татары и Шелонская битва 1471 года.....	201
А. Л. Корзинин. О датировке писцовых книг Новгородской земли конца XV века	207
Ю. А. Алексеев. Поход 1489 г. на Вятку	224
А. И. Алексеев. О Симонии, Псковских спорах XV в. и «Трифонов- ском сборнике»	242
В. В. Шапошник. К вопросу о поставлении Филиппа Кольчева мит- рополитом	265
А. Н. Лобин. Артиллерия в царствование Ивана Грозного	285
А. И. Фильюшкин. Проекты русско-крымского военного союза в годы Ливонской войны	309
Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и его официозные историки о «Слове о полку Игореве»	337
Смутное время начала XVII века и его последствия	343
И. О. Тюменцев. Казачьи полки в стане Лжедмитрия II 1607–1610 гг. —	
М. А. Цветкова. «Дневник Марины Мнишек» как исторический ис- точник: проблема авторства	350
В. Г. Ананьев. Боярин шести царей: князь Федор Иванович Мсти- славский	353
С. А. Уткин. Отражение политической борьбы 7121 года в Москов- ском государстве в событиях на Костромской земле (к вопросу о подвиге Ивана Сусанина)	380
А. П. Павлов. Выборные городовые дворяне в первой половине XVII в.	390
Из русской истории XVII века	398
Д. Н. Меньшиков. Подготовка и начало Смоленского похода М. Б. Шеина (лето-осень 1632 г.)	—
Н. Ш. Колманн. Самостоятельность судей в уголовном праве (на примере Белоозера в XVII веке)	407
А. С. Лавров. Был ли Стефан Внифантьев писателем?	416
Т. Г. Яковлева. Переворот Нарышкиных и Мазепа	424
П. В. Седов. Российское самодержавие накануне реформ Петра I ...	437
Список сокращений	445

Научное издание

**«В КРАТКИХ СЛОВЕСАХ
МНОГОЙ РАЗУМ ЗАМЫКАЮЩЕ...»
ТРУДЫ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО XX ВЕКА**

Том II

Редактор *С. С. Смирнова*

Обложка художника *Е. А. Соловьевой*

Корректор *Е. А. Стерлина*

Верстка *Е. М. Воронковой*

Подписано в печать 18.04.2008. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,27+0,93 вкл.
Уч.-изд. л. 29,1. Тираж 156 экз. Заказ № **278**.

Издательство СПбГУ.
199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

предлагает учебники, учебные пособия, научную и научно-популярную литературу по

истории,

экономике,

психологии,

философии,

филологии,

языкознанию,

естественным и точным наукам

студентам, преподавателям, научным сотрудникам, а также учителям, школьникам — всем, кому интересен мир книги.

Книги можно приобрести в магазинах Издательства, а также через отдел реализации:

199034, С.-Петербург, 6-я линия В. О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

«КНИГА-ПОЧТОЙ»

Наша служба «Книга—почтой» предлагает широкий ассортимент научной и учебной литературы по всем университетским дисциплинам. Вы можете заказать как вышедшую, так и готовящуюся к изданию литературу более чем 100 издательств Москвы и Санкт-Петербурга. Информацию о новинках этих издательств можно найти в газете «Книжное обозрение» (подписной индекс: 50051). Мы работаем с частными лицами и организациями.

Условия оплаты — в зависимости от региона и выбора клиента.

- СНГ, дальнее и ближнее зарубежье — только предоплата (отправка книг заказной корреспонденцией).
- Россия — наложенный платеж или предоплата по выбору клиента.

В соответствии с заказом мы комплектуем ценные бандероли весом до 2 кг. В сумму оценки входит примерно 30% от стоимости заказанных книг на почтовые расходы. Отправка книг осуществляется в течение месяца после получения заказа.

E-mail: post@unipress.ru

Подробнее — на нашем сайте

www.unipress.ru